

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
X—XVII ВЕКОВ

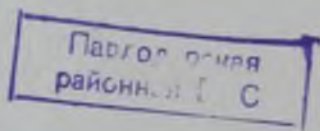
ББК
83.3Р1
И 90

Авторы учебного пособия:
*Л. А. ДМИТРИЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ,
Я. С. ЛУРЬЕ, А. М. ПАНЧЕНКО, О. В. ТВОРОГОВ.*

Библиография составлена
Н. Ф. Дробленковой и М. В. Рождественской.
Подбор иллюстрации осуществлен *О. А. Белобровой.*

Рецензенты:
кандидат филологических наук *В. В. Кусков*
и кандидат филологических наук *В. И. Попков.*

На форзаце воспроизведен план Москвы XVII в. из «Альбома А. Мейерберга».

2135/4рб9

И $\frac{60602-824}{103(03)-80}$ 24-79 4309020300

ББК 83.3Р1
8Р1

ВВЕДЕНИЕ

Значение культурного наследия. В. И. Ленин о культурном наследии. Для того, чтобы правильно оценить значение древней русской литературы, необходимо усвоить два основных положения В. И. Ленина в его учении о культурном наследии. Первое положение В. И. Ленина подчеркивает значение культурного наследия в строительстве новой культуры. В. И. Ленин говорит: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили, и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре...»¹.

Второе положение учения В. И. Ленина о культурном наследии состоит в том, что культурное наследие представляет огромную ценность и само по себе. Эту ценность старой культуры В. И. Ленин подчеркивает неоднократно: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»².

Пропаганда классического наследия являлась, с точки зрения В. И. Ленина, одной из сторон широкого идейного просвещения масс. Среди первых декретов Советской власти был и декрет о сохранении «культурных сокровищ народа», о переходе музеев в государственную собственность. Уже в 1918 г. В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров «Об установке памятников великим деятелям социализма, революции и

¹ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.

² Ленин В. И. О пролетарской культуре — Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

культуры». Среди великих представителей культуры прошлого, которых следовало увековечить, значился и памятник великому древнерусскому художнику Андрею Рублеву.

Значение древнерусской литературы XI—XVII вв. Значение древнерусской литературы состоит, во-первых, в том, что она помогает нам понять достижения великой русской литературы XIX и XX вв. В древнерусской литературе находятся истоки высокой гражданственности и идейности русской литературы нового времени. Древняя русская литература передала русской литературе нового и новейшего времени свою высокую идейность, свой огромный художественный опыт, гибкость и богатство литературного языка, образной системы.

Во-вторых, в древнерусской литературе есть произведения, которыми русский народ вправе гордиться независимо от того, насколько они оказались важны для дальнейшего развития русской литературы. К таким произведениям, ценность которых чрезвычайно высока, относятся прежде всего «Повесть временных лет» — первая русская летопись, «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Хождение за три моря Афанасия Никитина», «Житие протопопа Аввакума», «Повесть о Горелочастии». Перечисленные произведения далеко не исчерпывают собой все то лучшее, что создала русская литература за первые семь столетий своего существования.

Своеобразный характер бытования древнерусских литературных произведений. Русская литература XI—XVII вв. развивалась в своеобразных условиях. Она была целиком рукописной. Книгопечатание, появившееся в Москве в середине XVI в., очень слабо изменило характер и способы распространения литературных произведений. В основном и в XVII в. литературные произведения продолжали, как и раньше, распространяться путем переписки. При переписывании писцы вносили свои поправки, изменения, сокращения или, наоборот, развивали и расширяли текст. В результате памятники древней русской литературы по большей части не имели устойчивого текста. Новые редакции и новые виды произведений появлялись в ответ на новые требования, выдвигавшиеся жизнью, или возникали под влиянием изменений литературных вкусов.

Некоторые из древнерусских литературных сочинений читались и переписывались в течение нескольких веков. Другие быстро исчезали, но понравившиеся переписчикам части включались в состав других произведений, так как чувство авторской собственности еще не развилось настолько, чтобы охранять авторский текст от изменений или от заимствований из других произведений. В этом отношении есть нечто сходное между бытованием древнерусских литературных произведений и фольклорных.

«Литературный этикет». Общность древнерусской литературы с фольклором сказывается и в другом. Как и в фольклоре, в древнерусской литературе особое место занимают «общие места». Литературное произведение Древней Руси стремится не поразить читателя новизной, а, напротив,— успокоить и «заворожить» его привычностью. Составляя свое литературное произведение, автор как бы совершает некий обряд, участвует в ритуале. Он обо всем рассказывает в подходящих рассказываемому церемониальных формах. Он восхваляет или порицает то, что принято восхвалять и порицать, и всему своему славословию или хуле он придает приличествующие случаю формы. Поэтому текст литературных произведений — это текст, в основном лишенный художественных «неожиданностей». Эти неожиданности так же нежелательны, как нежелательны они в любых церемониях, в любых обрядах.

Изучая приемы абстрагирования и этикетность древней русской литературы, надо иметь однако в виду, что то и другое не охватывало литературные произведения целиком. Почти в каждом памятнике Древней Руси имеются многочисленные отступления от этикетности. В этих отступлениях автор выражал свое, непосредственное, человеческое отношение к тому, о чем он писал. В той или иной мере под влиянием чувства общественного возмущения преступлениями князей, сочувствия обездоленным или чувства любви, горя в произведение проникали элементы реалистичности, под воздействием которых постепенно изменялся литературный метод художественного изображения: в литературу проникало личностное, авторское начало, обогащались изобразительные средства.

Традиционность в литературе. Автор литературного произведения «обряжает» тему в соответствующий ей «литературный наряд». И это не только сближает литературу с фольклором, но приводит, как и в фольклоре, к особой импровизационности древнерусского литературного творчества, к его коллективности и к его традиционности. Чем строже следует автор традициям литературного этикета, тем легче ему творить в рамках этой традиционности новые и новые произведения. В результате литературные произведения Древней Руси не ограждены друг от друга строгими границами, текст их не закреплен точными представлениями о литературной собственности. В известной мере произведения повторяют привычные формы и поэтому как бы обладают некоторой «текучестью», неустойчивостью текста, отражающейся в общем литературном процессе не только «размытостью» хронологических границ, но и некоторой иллюзией заторможенности литературного процесса. Мы говорим об иллюзии заторможенности, ибо на самом деле развитие древнерусской литературы совершается достаточно быстро. Оно не медленнее, чем в новое время,— оно только труднее уловимо и сложнее определимо.

Но в историко-литературном процессе есть и такие стороны, которые не только затрудняют его наблюдение, но и облегчают. Облегчает наше наблюдение за развитием русской литературы прежде всего тесная связь литературы с историческим процессом — своеобразный и очень резко выраженный средневековый историзм древнерусской литературы.

«Средневековый историзм» литературы Древней Руси. В чем же заключается этот «средневековый историзм»? Прежде всего в том, что художественное обобщение в Древней Руси строится в подавляющем большинстве случаев на основе единичного конкретного исторического факта. Новые произведения литературы Древней Руси всегда прикреплены к конкретному историческому событию, к конкретному историческому лицу. Это повести о битвах (о победах и поражениях), о княжеских преступлениях, о хождениях в святую землю и просто о реально существовавших людях: чаще всего о святых и о князьях-полководцах. Есть повести об иконах и о построении церквей, о чудесах, в которые верят, о явлениях, которые якобы совершились. Но нет новых произведений на явно вымышленные сюжеты. Вымысел, со средневековой точки зрения, равен лжи, а любая ложь недопустима. Даже проповедники избегают иносказаний и баснословий. Вымысел проникает из фольклора или встречается в переводных сочинениях, при этом вымышленные сюжеты (например, сюжеты притч) на русской почве постепенно приобретают историческую окраску, связываются с теми или иными историческими лицами.

Связь литературы с историей. Литература огромным потоком сопровождает русскую действительность, русскую историю, следует за ней по пятам. Разрыв между событием и первым литературным произведением о нем редко бывает велик. Последующие произведения изменяют и комбинируют первые, но редко создают совершенно новое освещение событий. Боясь лжи, писатели основывают свои произведения на документах, которыми считают и всю предшествующую письменность.

Гражданственность и патриотизм древнерусской литературы. «Средневековый историзм» русской литературы XI—XVII вв. находится в связи с другой важной ее чертой, сохранившейся и развивавшейся в русской литературе вплоть до наших дней: ее гражданственностью и патриотизмом.

Призванный рассматривать действительность, следовать этой действительности и ее оценивать, древнерусский писатель уже в XI в. воспринимал свой труд как труд служения родной стране. Древнерусская литература всегда отличалась особой серьезностью, пыталась отвечать на основные вопросы жизни, звала к ее преобразованиям, обладала разнообразными и всегда высокими идеалами.

Высокий патриотизм древнерусской литературы связан не только с гордостью авторов за Русскую землю, но и с их скорбью

по поводу понесенных поражений, со стремлением вразумить князей и бояр, а порой и с попытками их осудить, возбудить против худших из них гнев читателей.

Все русские писатели, каждый по-своему, высоко оценивают писательское служение. Каждый из них в какой-то мере пророк-обличитель, а некоторые — просветители, распространители знаний, истолкователи действительности, участники гражданской жизни в стране.

Это чувство высокого призвания писателя передается и русской литературе нового времени. Русская литература развивается под влиянием чувства высокой общественной ответственности ее создателей. Это постоянная особенность русской литературы на протяжении всего ее существования.

Периодизация истории древней русской литературы. Литература Древней Руси — свидетельство жизни. Вот почему сама история до известной степени устанавливает периодизацию литературы. Литературные изменения в основном совпадают с историческими. Как же следует периодизировать историю русской литературы XI—XVII вв?

Первый период истории древнерусской литературы — период относительного единства литературы. Литература в основном развивается в двух (взаимосвязанных культурными отношениями) центрах: в Киеве на юге и в Новгороде на севере. Он длится век — XI — и захватывает собой начало XII в. Это век формирования монументально-исторического стиля литературы. Век первых русских житий — Бориса и Глеба и киево-печерских подвижников — и первого дошедшего до нас памятника русского летописания — «Повести временных лет». Это век единого древнерусского Киево-Новгородского государства.

Второй период, середина XII — первая треть XIII в., — период появления новых литературных центров: Владимира Залесского и Суздаля, Ростова и Смоленска, Галича и Владимира Волынского; в это время возникают местные черты и местные темы в литературе, разнообразятся жанры, в литературу вносится сильная струя злободневности и публицистичности. Это период начавшейся феодальной раздробленности.

Целый ряд общих черт этих двух периодов позволяет нам рассматривать оба периода в их единстве (особенно принимая во внимание сложность датировки некоторых переводных и оригинальных произведений). Оба первых периода характеризуются господством монументально-исторического стиля.

Далее наступает сравнительно короткий период монголо-татарского нашествия, когда создаются повести о вторжении монголо-татарских войск на Русь, о битве на Калке, взятии Владимира Залесского, «Слово о погибели Русской земли» и «Житие Александра Невского». Литература сжимается до одной темы, но тема эта проявляется с необыкновенной интенсивностью, и черты монументально-исторического стиля приобретают трагический от-

печаток и лирическую приподнятость высокого патриотического чувства. Этот короткий, но яркий период следует рассматривать отдельно. Он легко выделяется.

Следующий период, конец XIV и первая половина XV в., — это век Предвозрождения, совпадающий с экономическим и культурным возрождением Русской земли в годы, непосредственно предшествующие и последующие за Куликовской битвой 1380 г. Это период экспрессивно-эмоционального стиля и патриотического подъема в литературе, период возрождения летописания, исторического повествования и панегирической агиографии.

Во второй половине XV в. в русской литературе обнаруживаются новые явления: получают распространение памятники переводной светской повествовательной литературы (беллетристики), возникают первые оригинальные памятники такого типа, как «Повесть о Дракуле», «Повесть о Басарге». Эти явления были связаны с развитием реформационно-гуманистических движений в конце XV в. Однако недостаточное развитие городов (которые в Западной Европе были центрами Возрождения), подчинение Новгородской и Псковской республик, подавление еретических движений содействовало тому, что движение к Возрождению затормозилось. Завоевание турками Византии (Константинополь пал в 1453 г.), с которой Русь была тесно связана культурно, замкнуло Русь в собственных культурных границах. Организация единого Русского централизованного государства поглощала основные духовные силы народа. В литературе развивается публицистика; внутренняя политика государства и преобразование общества занимают все больше и больше внимания писателей и читателей.

С середины XVI в. в литературе все больше сказывается официальная струя. Наступает пора «второго монументализма»: традиционные формы литературы доминируют и подавляют возникшее было в эпоху русского Предвозрождения индивидуальное начало в литературе. События второй половины XVI в. задержали развитие беллетристичности, занимательности литературы.

XVII век — век перехода к литературе нового времени. Это век развития индивидуального начала во всем: в самом типе писателя и в его творчестве; век развития индивидуальных вкусов и стилей, писательского профессионализма и чувства авторской собственности, индивидуального, личностного протеста, связанного с трагическими поворотами в биографии писателя. Личностное начало способствует появлению силлабической поэзии и регулярного театра. Именно с XVII в. В. И. Ленин начинал новый период русской истории.

Несколько слов о названии народов. В данной книге мы говорим о Руси и русских X—XIII вв., хотя известно, что в этот период три братских народа еще не сформировались и

представляли собой единое этническое целое: восточных славян. Мы пользуемся самоназванием восточных славян, — так они называли себя в летописи и во всех остальных памятниках, включая «Слово о полку Игореве». Но читатель должен твердо помнить, что Русь X—XIII вв. это еще не Россия, а русские в X—XIII вв. — это восточные славяне в целом, предки современных русских, украинцев и белоруссов — трех братских народов.

Так же точно мы должны твердо усвоить, что татары древнерусских литературных памятников и фольклора — это не единое этническое понятие. Так памятники называют завоевателей и угнетателей Руси, объединенных под властью Чингизхана, Батыя, потом — Золотой орды. Объединения эти были разноплеменными, по преимуществу кочевников и полукочевников. Летопись в конце XV в. иногда называет этих врагов Руси — половцами. И это название также неточное. Недаром летописцы описывая первое нашествие Чингизхана, говорили про «татар»: «их же никто добре не весть (не знает): кто есть и откуда пришли».

Отбор памятников для истории литературы. Само собой разумеется, что нет необходимости, да и возможности, рассматривать в истории литературы все памятники, бытовавшие в Древней Руси. Мы говорим по преимуществу о тех произведениях, которые продолжают нас интересовать и сегодня, о тех, которые входят в наше великое литературное наследие, о тех, что более известны и более нам понятны и доступны. Надо при этом учитывать, что такой отбор памятников ведет в некоторому упрощению перспективы — упрощению, допустимому и неизбежному.

Большие компилятивные памятники Древней Руси еще не изучены в достаточной мере: различные типы Палеи («Толковая», «Историческая» и мн. др.), Великие Четьи-Минеи, Прологи, сборники устойчивого содержания (как, например, «Златоуст», «Измарагд» и пр.) исследованы так мало, что о них трудно говорить в истории литературы. А между тем многие из них читались чаще и дошли до нас в большем количестве списков, чем памятники, нам знакомые, без которых не может обойтись история литературы, если она претендует иметь для современного читателя общеобразовательное значение. Так, например, «Измарагд», несомненно, читался чаще и имел большее значение в XVI—XVII вв., чем более известный в XIX и XX вв. «Домострой», который, кстати, и сам зависел от «Измарагда». И тем не менее мы включаем «Домострой» в историю русской литературы, а «Измарагд» опускаем. И делаем мы это вполне сознательно: «Домострой» не только известнее в истории русской культуры, чем «Измарагд», но он и более показателен для историко-литературного процесса. «Домострой» несет на себе отпечаток XVI в. В «Измарагде» же (XIV в.) следы своей эпохи (эпохи русского Предвозрождения) еще должны быть выявлены исследователями.

Несмотря на то что русскими литературными произведениями XI—XVII вв. занимались крупнейшие представители академиче-

ской науки, древнерусская литература в своей массе исследована еще очень слабо.

Многие памятники не только не изучены, но и не изданы: не закончено издание «Великих Четьи-Миней», не издан «Еллинский и Римский летописец», научно не издан «Пролог», не опубликовано большинство сборников устойчивого состава, некоторые летописи. Научно не издан крупнейший писатель XVI в. — Максим Грек, только частично напечатаны произведения Симеона Полоцкого; нет научных изданий многих знаменитых памятников древнерусской литературы.

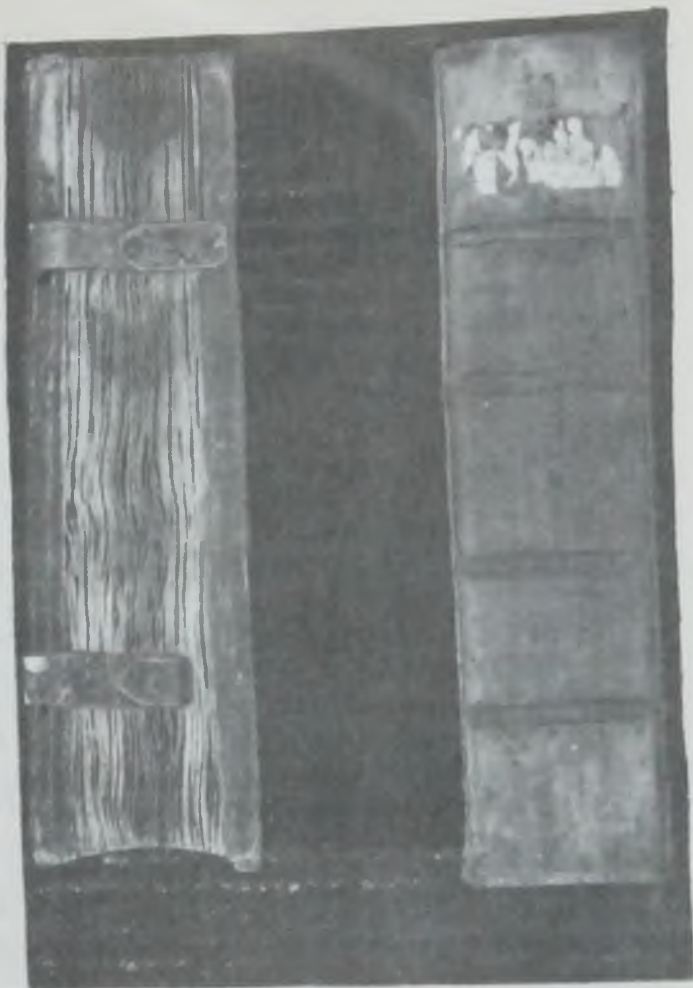
Отдельные из рукописных собраний древнерусских памятников не описаны или описаны недостаточно точно и подробно по своему составу.

Собрания древнерусских рукописей литературного содержания. Главнейшие собрания древнерусских рукописей, включающие в себя древнерусские литературные произведения, хранятся в Москве, Ленинграде, Киеве. Имеются более или менее крупные собрания также в Новосибирске, Пскове, Ярославле, Владимире, Ростове, Костроме и некоторых других городах. В небольших количествах древнерусские рукописи рассеяны в различных краеведческих музеях, в научных библиотеках университетов и в архивах, а также находятся в частном владении у коллекционеров, у старообрядцев и их потомков и пр.

В Москве главные и очень большие собрания сосредоточены в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в Государственном Историческом музее, в Центральном государственном архиве древних актов, в библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В Ленинграде главные собрания хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеке Академии наук СССР, в Центральном государственном историческом архиве СССР, в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, в Древлехранилище им. В. И. Малышева Института русской литературы АН СССР. В Новосибирске рукописи находятся в Научной библиотеке, в Пскове — в Древлехранилище Псковского художественно-архитектурного музея-заповедника.

В каждом из главнейших перечисленных нами хранилищ рукописи содержатся в составе отдельных собраний. Есть собрания бывших монастырей, собрания тех или иных ученых, коллекционеров и пр. Так, например, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется собрание М. Погодина — ученого, кулившего огромное собрание П. Строева и собиравшего также рукописи самостоятельно; есть собрание рукописей библиотеки Соловецкого монастыря, Кирилло-Белозерского монастыря и пр. В Древлехранилище им. В. И. Малышева рукописи хранятся по собирателям, от которых они были приобретены или получены в дар, но также и по местам, где они были найдены археографическими экспедициями, специально

Обрез книги и корешок.
Лаврентьевская летопись.
1377 (ГПБ).

организованными для сбора рукописей. Есть собрание Карельское (рукописи, собранные в Карельской АССР), Усть-Цилёмское, собранное в районе Усть-Цильмы, и пр. В Государственном Историческом музее есть собрание А. С. Уварова, но Уваров не только сам собирал рукописи, но приобрел большое собрание у купца Царского. То и другое собрание имеют отдельные печатные научные описания, и это надо иметь в виду, так как сведения о рукописях, напечатанные в одном научном описании, могут повторяться и уточняться в другом описании. Существует большая литература научных описаний тех или иных собраний в крупнейших рукописных хранилищах. Эти научные описания были созданы и изданы в различное время. Часть рукописей из этих научных описаний имела различную судьбу. Поэтому занимающийся рукописями должен иметь хотя бы поверхностное представление об истории главнейших собраний древнерусских рукописей. Обычно во всех крупнейших рукописных хранилищах имеется справочная библиотека, где эти научные описания доступны для пользования. Научные описания помогают разыскивать интересующие исследователя литературные памятники. Кроме печатных научных описа-

ний, имеются также рукописные описания или картотеки различной степени полноты и точности. Есть путеводители по рукописным собраниям, дающие самые первые представления по истории собраний данного хранилища и приблизительную характеристику рукописей по содержанию. Исследователь должен уметь ориентироваться во всех этих описаниях и путеводителях, иметь представление об их достоинствах и недостатках. На первых порах при занятии рукописями рекомендуется пользоваться устными консультациями научных хранителей рукописей, которые обязаны помогать читателям в розыске необходимых им материалов, пропагандировать те рукописные сокровища, которые они бережно хранят.

Характер и типы древнерусских рукописей. Что представляют собой древнерусские рукописи? Наиболее распространенный тип рукописей с литературными материалами — это сборники. Писец переписывает различные произведения по какому-либо признаку в тетради. Тетради, писанные одним писцом, могли затем переплетаться самим писцом или переплетчиком.

Но бывало и так, что переплетчик собирал имевшиеся у него отдельные тетради разного времени и разных писцов и переплетал их просто потому, что они были одного формата или объединялись им по содержанию и пр. Такие сборники рукописей, переписанные разными писцами и иногда в различное время, принято называть конволютами.

Из сборников, писанных одним писцом, также различаются сборники определенного, т. е. традиционного, содержания, как например «Златоструй», «Измарагд», «Торжественник» и пр., и сборники неопределенного содержания, отражающие индивидуальные вкусы и интересы того или иного писца, писавшего и подбиравшего в них материалы для себя или для своего заказчика.

Крупные по масштабам произведения могли переписываться и переплетаться в отдельные книги: некоторые летописные своды, сочинения по всемирной истории, патерики, сочинения церковно-служебного характера, прологи — сборники кратких житий святых, расположенных по дням года, и т. д. Но небольшие сочинения, вроде «Моления Даниила Заточника» или «Слова о погибели Русской земли», отдельных книг не составляли.

В непереpletенном виде дошли до нас главным образом поздние рукописи — XVII—XVIII вв. — с древнерусскими материалами. Но их мало, сохранялись они плохо, так как их, очевидно, не ценили и не берегли.

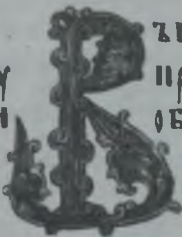
Основные типы почерков. Тексты переписывались писцами либо в ширину всей страницы, либо в два столбца (особенно если формат рукописи был велик). Принято различать три типа почерков — устав (письмо торжественное, спокойное, крупное), полуустав во многих вариантах (это почерк более беглый, менее строгий, он может быть наклонным, но еще сохранять четкость

ТѢ ДЕСАТНАДА
 ТЬ ВЪСГО КАНКО
 ПРНТАЖЖ АМЪ
 ТАРЪНЗДАЛЕУЕ
 СТОА НЕХИТѢА
 ШЕННОУНЖСКО
 КЖВЪЗВЕСТНА
 НБО НЪБНМАШЕ
 ЛЬСНСКОА ГЛА
 БЖОЦЕСТНМЪ
 НЪГРЪШНИКОУ
 ГЛАЖКАМЪ СЪНН
 ДЕСОПРАВЪДА
 НЪЗЪДОМЪСВО
 Н ПАУСОНОГО ІА
 КОВЬЛЪЗЪНО
 САНСА СЪМЪРН
 ТЪА НСЪМЪРЪ

ІАНСАБЪЗНЕСІ
 ТЪА

МѢНІМЕРНАМА
 ІТЪНМАСІЗМА
 ЗДМНКОМА КОЗМА
 НАДМННОУ ЕКА Ѡ
 МА ГЛА ОѠ

ВЪРЪМАНО
 ПРНЗЪВАНІ
 ОБАНАДЕСАТІ
 ОУУЕНКА
 СКОМДАІТЬ
 НАМЪВЛАСТЬНА
 ДОУСЪХЪНЕУНІТЪ
 НУЪДАНЪГОНА
 ТЪА НІЦѢЛА

Остромирово евангелие. 1056—1057 гг. Лист с заставкой и инициалами (ГПБ).

и раздельное написание каждой буквы; почерк этот появляется с конца XIV в.) и, наконец, скоропись, в которой буквы, как и в наших рукописях, соединяются между собой связками, что давало писцу возможность писать относительно быстро.

Но, кроме этих основных почерков, есть много промежуточных типов: полуустав, переходящий в скоропись; каллиграфический полуустав, которым, между прочим, написаны тома Лицевого (т. е. иллюстрированного) летописного свода XVI в., своеобразная скоропись, которой написаны находимые в Новгороде и некоторых других древнерусских городах грамоты на бересте и пр.

Материал письма. Писались рукописи первоначально на особым образом выделанной коже. Кожа эта в Древней Руси имела несколько названий: говорили «кожа», «телятина», позднее — «хартія» (чаще всего материал этот выделывался из кожи

телят). В науке этот материал носит название «пергамён» от названия города Пергам, где изготовление его якобы было усовершенствовано во II в. до н. э. (часто называют этот материал «пергамент», но предпочтительнее «пергамён»). Затем рукописи стали писаться на бумаге. Граница между употреблением пергамена и бумаги проходит примерно на стыке XIV и XV вв., но точная грань указана быть не может. Бумага на Русь ввозилась. Есть сведения, что при Иване Грозном и в XVII в. была бумага и русского производства. На бумаге обычно имелись «водяные знаки», или «филиграни», видимые на просвет. При изготовлении бумажная масса, получавшаяся из старого тряпья, откидывалась на проволочную сетку. На изготовленных листах бумаги сохранялись следы этой сетки. Но самое главное состояло в том, что фабриканты, производившие бумагу, выкладывали на проволочной сетке знак своей фабрики. Эти знаки изнашивались, их приходилось менять, при этом знак варьировался. По этим бумажным знакам фабрикантов можно определять время изготовления бумаги, а вместе с тем и приблизительно устанавливать время написанной на этой бумаге рукописи. Существует множество альбомов, справочных руководств, по которым определяют «бумажный знак» и по нему же время, к которому относится он, а следовательно, и писанная на бумаге с этим знаком рукопись.

Изучение текстов литературных произведений в рукописях. Тексты литературных произведений, обнаруживаемые в рукописях, прежде всего изучаются с точки зрения — изданы они или нет. Если произведение известно уже в науке, то необходимо исследовать, совпадает ли найденный текст с теми, которые уже известны. Нет ли в обнаруженном тексте каких-либо индивидуальных особенностей и к какому из изданных текстов ближе обнаруженный текст?

Если исследователь поставил перед собой задачу изучить все тексты какого-либо произведения, то он должен прежде всего эти тексты разыскать по имеющимся научным описаниям, печатным и рукописным, путем просмотра не описанных еще рукописей, где обнаружение новых текстов еще возможно. Затем он делит все найденные им тексты на группы по имеющимся в них особенностям текста. Если он находит, что в одной из групп списков имеется сознательное стремление дать особый текст по идейным, стилистическим или каким-либо иным соображениям, то такую группу текстов называют редакцией произведения. Если в какой-то группе не обнаруживается сознательного стремления изменить текст, а есть только вариант текста, образовавшийся в результате нарастания ошибок в процессе переписки текста и их неудачных или более или менее удачных исправлений, то такая группа текстов называется видом или вариантом текста. Если в группе списков имеются местные особенности языка или диалекта, объединяемые, однако, каким-то об-

Вопросам изучения почерков рукописи, материалу, на котором рукописи писали, изучению текстов литературных произведений посвящены отдельные специальные дисциплины: палеография, текстология и некоторые другие.

Основные сведения по этим специальным научным дисциплинам можно получить в следующих изданиях:

Палеография. Шенкин В. Н. Русская палеография. М., 1967 (первое издание — 1918—1920 гг.); Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.

Текстология. Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962; Он же. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964.

Основные исследования древней русской литературы. От XV, XVI и XVII вв. до нас сохранилось довольно много различных описей, оглавлений и каталогов библиотек, которые указывают на то, что уже в Древней Руси существовала потребность в систематизации сведений о книгах: оглавление к двенадцати томам Четых-Миней митрополита Макария (XVI в.), выполненное справщиком Евфимием, опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря, опись книг патриарха Филарета (отца царя Михаила Федоровича) и мн. др.

Среди этих описей и каталогов выделяется своею подробностью и точностью описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. неизвестным кирилло-белозерским монахом. Здесь даны сведения о формате, составе, содержании, объеме и (где это было возможным) о времени создания книг. Составитель описания приводит заглавия отдельных статей, воспроизводит начальные слова отдельных произведений, указывает количество листов в каждой статье и их порядок в книге. Благодаря тому что большинство описанных рукописных книг Кирилло-Белозерского монастыря сохранилось в собрании рукописей Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, мы можем убедиться в точности и скрупулёзности сделанного описания.

Другой примечательный труд: «Оглавление книг, кто их сложил», составленный в XVII в. Печатные и рукописные книги описаны здесь также с большою подробностью, постатейно, с указанием заглавий отдельных статей и начальных слов каждой, отмечается наличие предисловий и послесловий, по возможности даются сведения об авторах. Интересно и важно, что автор «Оглавления» пользуется условными сокращениями и значками. Это давало большую экономию, унифицировало сведения, позволяло приводить сведения в строгой последовательности.

Древнерусской книжностью весьма интересовался Петр I. В 1722 г. он издал указ о собирании по монастырям и церковным епархиям различных «древних лет» рукописей на хартиях (т. е. на пергамене) и на бумаге, причем особо выделил летописи, степенные книги и хронографы.

По личному приказанию Петра I была изготовлена (по тому времени весьма тщательно) копия Радзивилловской летописи, доставленная в 1716 г. из Кенигсберга в Петербург. Радзивилловская летопись не была забыта и в дальнейшем: в 1758 г. по распоряжению президента Академии наук сама летопись была также доставлена из Кенигсберга в Библиотеку Академии наук и началась подготовка ее издания. Текст Радзивилловской летописи вышел в свет в 1767 г.

После издания в 1767 г. Радзивилловской летописи были изданы «Русская летопись по Никонову списку» (начала выходить с 1767 г.), «Царственная книга» (1769), «Царственный летописец» (1772), «Древний летописец» (1774—1775), «Российская летопись по списку софейскому Великому Новаграда» (ч. I—1795 г.), «Книга степенная царского родословия» (1775) и мн. др.

Энергично собирал древние рукописи и особенно летописи сподвижник Петра I, знаменитый русский историк В. Н. Татищев. В своей обширной «Истории Российской» В. Н. Татищев пытается уточнить сведения о русских летописях и других древнерусских памятниках.

В 20-х гг. XVIII в. была основана в Петербурге Академия наук¹. Немцы-академики: Г. Ф. Миллер и Авг. Шлецер — сделали очень многое для собирания и изучения различных памятников русской истории. Хотя Миллер тенденциозно в духе норманизма (норманизм — признание определяющей роли варягов-норманов в образовании государства Руси) истолковывал начальный период русской истории, ему принадлежит важная заслуга собирания ценнейших рукописных материалов и издание многих литературных памятников, в частности Степенной книги (в двух частях. М., 1775). Авг. Шлецер сорок лет трудолюбиво изучал русские летописи и издал обширную работу на немецком и русском языках, посвященную Несторовой летописи (немецкое издание — в 5-ти книгах — 1802—1809 гг., русское — в 3-х книгах — 1809—1819 гг.).

Очень многое для изучения древней русской литературы сделал знаменитый просветитель XVIII в. Н. И. Новиков. В 1772 г. он выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях», в котором были даны сведения более чем о 300 писателях с начала русской письменности, включая и XVIII в. В 1773—1774 гг. он издавал «Древнюю российскую вивлиофику» («вивлиофика» — это «библиотека» в новогреческом произношении). Первое издание «Вивлиофики» вышло в 10-ти томах. В 1788—1791 гг. «Вивлиофика» была расширена новыми материалами

¹ От Академии наук в Петербурге следует различать Российскую академию, научный центр по изучению русского языка и словесности. Российская академия просуществовала с 1783 по 1841 г., первым президентом ее была княгиня Е. Р. Дашкова. Главной заслугой Российской академии было составление и издание словаря русского языка (в 1789—1794 гг. вышло первое издание в 6-ти т., в 1806—1822 гг. — второе издание, значительно дополненное).

и вышла в 30-ти томах. В них было довольно много древнерусских литературных произведений.

Собирание рукописей и их публикации еще более усилились в начале XIX в. Опубликование в 1800 г. «Слова о полку Игореве» вызвало новый прилив интереса к древнерусским литературным произведениям. Еще более расширился этот интерес после войны 1812 г., сыгравшей значительную роль в развитии национального самосознания и углубления интереса к родной истории.

Особенное значение имела деятельность собирателя графа Н. П. Румянцева (1754—1826). Он приобретал старые рукописи и организовывал на свои средства экспедиции по древним монастырям. Собрание Румянцева было в 1861 г. перевезено из Петербурга в Москву и составило ядро книжного собрания «Румянцевского музеума» — ныне Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Подробным научным описанием рукописей графа Румянцева занимался выдающийся русский филолог А. Х. Востоков (1781—1864). В 1842 г. вышло его «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума», в котором дано постатейное описание рукописей, сделанное на основании кропотливых исследований. Описание это не утратило своего большого научного значения до сих пор и во многих отношениях может быть названо образцовым.

Из числа других сотрудников Н. П. Румянцева следует назвать друга Державина митрополита Евгения Болховитинова (1767—1837). Евгений Болховитинов всюду в древних русских городах, куда его назначали, собирал и изучал рукописи. Ему принадлежит два справочных издания: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина» (два издания в двух томах — 1818 и 1827 гг.) и вышедший после смерти Болховитинова «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (том первый — 1838 и оба тома вместе в 1845 гг.).

Сотрудником Румянцева был и рано умерший К. Ф. Калайдович (1792—1832). Последний впервые опубликовал много древнерусских произведений в книге «Памятники российской словесности XII в.» (1821) и издал исследование популярного в Древней Руси болгарского писателя X в. — «Иоанн, экзарх болгарский» (1824).

Наконец, из числа сотрудников Румянцева был и П. М. Строев (1796—1876). С 1829 по 1834 г. П. М. Строев систематически обследовал (во главе созданной им археографической экспедиции) рукописные собрания всех древних монастырей и собрал огромное количество ценнейших рукописей. В 1834 г. для научной разборки собранных П. М. Строевым рукописей была учреждена Археографическая комиссия, действовавшая вначале самостоятельно, а затем, с 1921 г., в составе Академии наук

СССР до 30-х гг., когда она вошла со всем своим архивом в состав Ленинградского отделения Института Истории АН СССР. От разборки рукописей, привезенных археографической экспедицией, комиссия перешла вскоре к самостоятельному изучению древнерусских рукописей. Комиссией было опубликовано очень большое количество памятников. Особенное значение имело издание, начатое в 1841 г., «Полного собрания русских летописей», отдельные тома которого продолжают выходить и сейчас (в 1977 г. вышел 33-й том).

Как видим, весь XVIII в. и начало XIX в. принадлежат времени, когда древнерусские литературные произведения собирались, наряду с историческими, и изучались главным образом библиографически или книговедчески.

Само понятие «литература» в его современном смысле впервые появилось едва ли не у Карамзина¹. До того древнерусские памятники, литературные и исторические, собирались, изучались и издавались одними и теми же учеными и цели их исследований почти не различались. Поэтому первые попытки создать «историю литературы» возникают далеко не сразу.

Различные краткие обзоры истории древнерусской литературы появляются начиная с 20-х гг. XIX в. Из этих обзоров наибольший интерес представляет «История древней русской словесности» киевского ученого М. А. Максимовича (переиздана в III томе собрания его сочинений — Киев, 1880). М. А. Максимович (1804—1873) очень интересовался «Словом о полку Игореве» и впервые сделал обстоятельные сопоставления художественных особенностей «Слова» с народной поэзией. Интерес к художественной стороне древнерусских литературных произведений в известной мере отличает и его «Историю». В начале своей книги он впервые дал периодизацию историко-литературного процесса, связав его с общим ходом русской истории, но конкретное рассмотрение памятников Максимович довел только до XIII в.

В свое время известность приобрела «История русской словесности, преимущественно древней» С. П. Шевырева, впервые изданная в 1846 г. и переизданная в 1887 г. Книга эта была написана с романтических позиций идеализации старорусского духовного и церковного уклада. История литературы была в ней связана с историей церкви, в какой-то мере даже подчинена ей.

Во второй половине XIX в. разворачивается научная деятельность крупнейших русских историков литературы: Ф. И. Буслаева (1818—1897), А. Н. Пыпина (1833—1904), Н. С. Тихомирова (1832—1893) и Александра Н. Веселовского (1838—1906).

В начале своей деятельности Ф. И. Буслаев принадлежал к мифологической школе, созданной в основном немецким ученым Я. Гриммом. С точки зрения мифологов, литературные сюжеты

¹ См. об этом: Сухомлинов М. И. О трудах по истории русской литературы. — «Журнал Министерства народного просвещения». Спб., 1871, август, с. 148 и сл.

и фольклорные мотивы, темы восходят к глубокой древности, ко времени, когда индоевропейские народы жили на их предполагаемой общей прародине. В произведениях, восходящих к этой глубокой древности, якобы отразились мифологические воззрения далеких предков этих народов.

Воззрения мифологической школы сказались у Ф. И. Буслаева прежде всего в его исследованиях по русскому языку. Однако историко-сравнительный подход значительно смягчил у Ф. И. Буслаева крайности и фантазии мифологической школы. От этих крайностей, как известно, не удержались А. Н. Афанасьев, Орест Миллер и многие другие русские мифологи-фольклористы.

Целый ряд увлечений и направлений, которым следовал Ф. И. Буслаев, оказались очень плодотворными для изучения древней русской литературы: увлечение памятниками апокрифической литературы, интерес к «духовному стиху» с его неортодоксальными, чисто народными воззрениями, интерес к древнерусскому искусству в сопоставлении с памятниками литературы.

Последний из больших трудов Ф. И. Буслаева — «Русский лицевой Апокалипсис» (Спб., 1884) был для своего времени выдающимся искусствоведческим исследованием и в свою очередь подчеркивал значение народных воззрений.

При всей своей горячей любви к древней русской литературе и древнерусскому искусству Ф. И. Буслаев не отличался национальной ограниченностью. Значение мифологической школы Ф. И. Буслаева для изучения древнерусской литературы заключалось в том, что школа эта сопоставила древнерусские литературные произведения с мировыми памятниками и с общим развитием фольклора. Это было сильное и действенное преодоление взгляда на древнюю русскую литературу как на подражательную и беспомощную, отгороженную от единого развития мировой художественной словесности.

На смену мифологической школе пришла (и, в частности, в трудах самого Ф. И. Буслаева) теория литературного заимствования, начало которой было положено немецким ученым Т. Бенфе-ем. Это было возвращение к историзму и к конкретному исследованию отдельных сюжетов и мотивов. Историческая роль теории заимствований заключалась в том, что она заставила исследователей заниматься не столько доисторическими явлениями, сколько конкретной эпохой средневековья и в еще большей степени, чем мифологическая школа, подчеркнула значение международных связей, в частности связей с Византией и Востоком, связей фольклора и литературы, значение устной передачи сюжетов и мотивов через купцов и крестоносцев, пилигримов и артелей ремесленников.

Вслед за Ф. И. Буслаевым к теории заимствования примкнули русский академик, хорват по национальности, И. В. Ягич, а также академик Александр Н. Веселовский, академик И. П. Жданов и др.

Последователи теории заимствований исследовали по преимуществу влияние восточной поэтической культуры на Запад. В этом влиянии особая роль отводилась арабам и буддизму, но более всего, как стране восточных сюжетов и мотивов, — Византии. Тем самым выросло в общемировом литературном обмене не только значение византийской литературы, но отчасти и древнерусской. Традиционно пренебрежительное отношение к Византии постепенно исчезало, а с ним вместе исчезало и пренебрежение литературой древнерусской — по крайней мере у специалистов-филологов. Возросло значение Византии и как хранительницы античного классического литературного наследия.

В отличие от Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравов был, по существу, первым историком русской литературы, выдвинувшим перед этой наукой новые задачи. Н. С. Тихонравов заявил, что история литературы не должна быть «сборником эстетических разборов» избранных писателей и не должна служить «праздному удивлению» «литературными корифеями». История литературы должна уяснить «исторический ход литературы» в связи с умственным и нравственным состоянием того общества, которому литература принадлежит.

Заслуги Н. С. Тихонравова сказались также в двух областях. Он основывал изучение литературы на изучении истории. Культурно-историческая школа, возглавлявшаяся Н. С. Тихонравовым, при всех ее недостатках имела, однако, то достоинство, что она стремилась толковать литературные произведения на основе исторических данных. При этом Н. С. Тихонравов в своих взглядах на русскую историю и литературу далеко отошел от официальных точек зрения и проявлял особый интерес к запрещенным церковью произведениям. Вторая важная заслуга Н. С. Тихонравова заключалась в том, что он издал множество памятников и сделал это для своего времени точно и разумно. Культура издания древнерусских текстов, достигшая ко второй половине XIX в. высокого уровня, помогла Н. С. Тихонравову и при издании текстов русских классиков нового времени (Н. В. Гоголя, переписки Н. И. Новикова и др.) и фольклора.

Интерес представляют и труды по древней русской литературе академика А. Н. Пыпина (1833—1904). В юности А. Н. Пыпин испытал сильное влияние своего двоюродного брата — Н. Г. Чернышевского, но затем примкнул к западноевропейской историко-культурной школе, близкой к буржуазно-демократическому просветительству. Он интересовался преимущественно общественно-идеологическим аспектом литературы, подчеркивал связь литературы с жизнью народа. Поэтому он занимался этнографией и народным творчеством, интересовался прежде всего теми жанрами, в которых выражаются по преимуществу взгляды народа (апокрифы, старинные повести, публицистика), но которые мало интересовали «эстетическую» критику. Ему принадлежит свыше 1200 научных трудов. Не утратила своего научного значения одна

из первых его больших работ — «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857).

В научном творчестве четвертого гиганта русского литературоведения — А. Н. Веселовского — сказались многие особенности, присущие научным установкам его великих предшественников: Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова.

А. Н. Веселовский внес в область изучения древнерусской литературы поразительную широту знаний. Русское, византийское и западноевропейское средневековые были им сближены не только в отдельных сюжетах и мотивах, общность которых он установил, но и в самих эстетических принципах и закономерностях развития, что было особенно важно. В этом отношении А. Н. Веселовский был гораздо «реалистичнее» основателя сравнительно-исторического метода Т. Бенфея. Он искал не только факты общения литератур между собой, но и конкретно-историческое объяснение этих фактов. Кроме того, и это особенно важно, А. Н. Веселовский интересовался не только творчеством передовых народов, но и тех, которые находились на сравнительно низком уровне культурного развития. Все народы в своем литературном общении были для него равными. Для него не существовало литературной элиты: он интересовался общением всех литератур, сильных и слабых, произведениями «средних» авторов, явлениями массового характера. И этому общению он не приписывал роль единственного источника литературных сюжетов и мотивов. Замечательно, что А. Н. Веселовский резко возражал против попытки известного художественного критика В. В. Стасова возвести происхождение русских былин только к восточным источникам.

Как и Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский особенно интересовался в древней русской литературе произведениями с неортодоксальной, народной точкой зрения на мир: духовными стихами, апокрифами, легендами и житиями святых (отмечу, что из всех жанров церковной литературы жития святых допускают наибольшее отклонения от официальных, канонических воззрений).

Высокий уровень русской филологической науки поддерживался удачной организацией академической издательской деятельности.

В 50-х гг. XIX в. стали выходить под редакцией И. И. Срезневского два выдающихся филологических журнала: «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (1852—1863) и «Ученые записки II Отделения Академии наук» (1854—1863), продолженные затем «Сборниками Отделения русского языка и словесности» (с 1867 г. вышло около 90 томов). Возобновившиеся в 1896 г. по инициативе академика А. А. Шахматова «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» стали одним из лучших филологических журналов мира. Здесь было напечатано множество исследований по древней русской литературе, свидетельствующих о высоком уров-

не русской науки конца XIX— начала XX в. «Известия» не утратили своего научного значения и до сих пор.

В конце XIX и первой четверти XX в. на основе огромного опыта русской науки по изданию памятников и на основе критического пересмотра принципов западноевропейской формалистической текстологии развились научные принципы русской классической текстологии.

С конца XIX в. Академия наук в Петербурге становится передовым центром текстологических исследований, значительно опередивших по своему методу западноевропейские.

Независимо друг от друга А. А. Шахматов (1864—1920) в Петербурге и В. Н. Перетц (1870—1935) в Киеве (в 1914 г. последний избирается в Академию наук и переезжает в Петроград) создают каждый свою, но в чем-то и общую школу текстологических исследований памятников древнерусской (а второй — древнеукраинской) литературы. В противоположность господствовавшей на Западе текстологической школе К. Лахмана и его учеников, для которых главным при издании текста была формальная классификация разночтений без анализа причин их возникновения, А. А. Шахматов и В. Н. Перетц стремились представить конкретную «литературную историю» памятника во всех его редакциях, видах и изводах. Для обоих ученых главное значение имели в этой истории ее создатели — автор, а за ним часто безвестные редакторы и переписчики, руководствовавшиеся в своей работе определенными идеями и целями, а иногда и литературными вкусами.

А. А. Шахматов, а вслед за ним и В. Н. Перетц положили в основу своих текстологических исследований принцип историзма, принцип изучения текста в его истории, во всех его изменениях.

Оценивая сейчас новые идеи в текстологии, внесенные в науку обоими академиками, мы можем заметить и крупные различия между ними. Свою текстологическую практику А. А. Шахматов развивал главным образом на наиболее сложном материале — материале летописей, где очень трудно определить не только отдельные редакции, но и отдельные памятники, где текстологические связи намечаются между всеми произведениями летописного жанра. Соответственно его текстология разработала наиболее тонкие приемы интерпретации текста.

В. Н. Перетц был литературовед по преимуществу, и он достиг наибольших успехов в литературоведческой интерпретации всех изменений текста и его отдельных редакций. Выдающееся значение имели и его наблюдения по конкретным фольклорно-литературным связям, по переходу отдельных произведений из одной литературы в другую, из среды в среду, из литературы в фольклор и обратно.

Исторический принцип при изучении текстов не был случайностью: развитие не только текстологии, но и всего изучения

древнерусских памятников в XIX и XX вв. все более становилось на прочную научную основу историзма. Постепенное овладение историческим подходом характерно для всех крупнейших ученых, изучавших древнюю русскую литературу.

Советское литературоведение явилось наследником серьезных достижений предшествующего периода, выросло на обширной базе исследовательской литературы и систематической археографической (собирательской, описательной и публикаторской) деятельности. Советское изучение древней русской литературы развило лучшие традиции дореволюционной академической науки, постепенно отходя от ее ограниченности и общеметодологических недостатков.

Экспедиционные сборы рукописей замерли на некоторое время в 20-х гг. XX в. в связи с общими трудностями того периода. Однако работы по систематическому описанию рукописей продолжали вестись, чему немало способствовала проводимая в то время концентрация рукописных собраний в отдельных центральных крупных книгохранилищах.

В 20-х и 30-х гг. (до 1936 г.) должна быть отмечена деятельность Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы, работа коллектива квалифицированных ученых по созданию ставшей крайне необходимой для всех интересующихся древнерусской литературой картотеки академика Н. К. Никольского (1863—1936), соединившей в себе сведения по рукописям отдельных памятников, хранившимся в различных учреждениях, и дававшей возможность быстро находить необходимый рукописный материал по отдельным произведениям (картотека хранится в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде).

Такое же значение, как и картотека Н. К. Никольского, имела и создававшаяся в 30-х гг. картотека сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (в Ленинграде), в которой давались сведения о рукописях, изданиях и исследованиях отдельных памятников. Работа по этой картотеке, однако, прервалась в конце 30-х гг.

Картотеки Н. К. Никольского и сектора древнерусской литературы, несмотря на свою незаконченность, до сих пор служат незаменимым пособием для всех исследователей древней русской письменности.

С середины 30-х гг. по инициативе В. И. Малышева (1910—1976) возобновилась экспедиционная работа по сбору рукописей. Эта работа спасла от гибели множество рукописей, по разным причинам переставших зачастую к этому времени цениться своими владельцами. В настоящее время поиски рукописей ведутся, помимо Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, рукописными отделениями Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде,

Московского и Ленинградского университетов, Сибирского отделения АН СССР и др.

В результате концентрации после Октябрьской революции большинства рукописных собраний в немногих центральных хранилищах и образования справочных картотек по рукописям изучение древнерусского рукописного наследия смогло пойти по более строгому и научному пути. Еще в дореволюционной академической науке академик А. А. Шахматов и академик В. Н. Перетц указывали на необходимость изучать литературную историю памятников на основе привлечения всего сохранившегося рукописного материала, всех сохранившихся списков произведения. Требование это в новых условиях могло быть осуществлено при дальнейшем издании памятников. Но не только концентрация рукописных фондов способствовала внедрению в научную практику давно уже выдвинутых исследователями принципов. В не меньшей степени тому же способствовала и концентрация государством самих исследователей в нескольких центрах изучения древнерусской литературы, из которых главными следует признать два: сектор древнерусской литературы в Институте русской литературы АН СССР, организованный в 1934 г., и с перерывами функционировавшую группу по изучению древней русской литературы в Институте мировой литературы АН СССР. В созданных в 30-х гг. центрах изучения русской литературы X—XVII вв. стали вестись коллективные исследования, предпринимались серийные издания и создавались обобщающие труды. Стали возможны также коллективные усилия по экспедиционным поискам рукописей, их библиографированию и описанию. Были открыты или систематически изучены новые произведения и целые разделы литературы.

Главнейшие разделы этих новых областей подверглись систематическому изучению.

Несомненно, одна из самых значительных и важных областей русской литературы XVII в. — это так называемая демократическая сатира. Отдельные произведения демократической сатиры были известны и в XIX в., но они обычно относились к низшему роду литературы, и им не придавалось особого значения. Поэтому произведения эти не изучались и очень мало публиковались. Заслуга установления историко-литературного значения демократической сатиры XVII в., научного опубликования полного свода ее памятников принадлежит В. П. Адриановой-Перетц¹. Она показала, что сатирическая литература имеет огромное значение как выражение идей эксплуатируемых слоев народа. В сатирической литературе XVII в. перед нами предстал целый пласт литературы городского посада: ремесленников, мелких торговцев,

¹ См. итоговую работу В. П. Адриановой-Перетц по этому вопросу: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (второе издание вышло в 1977 г.).

крестьян и низшего, связанного с народом, оппозиционно настроенного духовенства.

В области изучения летописей советские исследователи, продолжая работы А. А. Шахматова, создали общую историю русского летописания. Впервые история летописания предстала перед нами в трудах М. Д. Приселкова (1881—1941) и А. Н. Насонова (1898—1965) в своем сложном развитии от XI и до XVI в. как история, тесно связанная с политической мыслью Древней Руси. Четкие хронологические вехи, наметившиеся в истории русского летописания, позволили «привязать» к ним и другие произведения древнерусской литературы. Так, например, датировки отдельных летописных сводов облегчили датировку многих связанных с ними произведений: исторических повестей, житий, хождений, посланий и т. д. Летописание явилось тем костяком, благодаря которому удалось распределить в исторической перспективе произведения древнерусской литературы, в большинстве своем безымянные, а потому и трудно хронологически определяемые. История летописания оказалась основой для построения истории литературы. В связи с этим и само летописание стало рассматриваться с историко-литературной точки зрения: изучалась история летописания как история литературного жанра, беллетристические и художественные элементы летописания, его связь с фольклором. Литературоведческая интерпретация истории русского летописания была сделана в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи» (М.—Л., 1947). Если раньше фольклористы искали в летописи следы тех исторических событий, которые легли в основу былинных сюжетов, то теперь, после Октябрьской революции, исследователи искали и обратное: отражение в летописи фольклорных сюжетов¹. Большое значение для определения связей былин и летописей имеют труды Б. А. Рыбакова².

Расширение репертуара русской книжности выразилось и в том, что к историко-литературному изучению стали привлекаться целые разряды памятников, на эстетическую ценность которых до того не обращалось должного внимания. Литературоведы включили в историю литературы летописи, хронографы, некоторые так называемые «подложные» документы и пр. Историко-литературному изучению подверглись произведения Иосифа Волоцкого, впервые оцененные в трудах И. П. Еремина³. Был издан даже целый том «Новонайденных и неопубликованных произведений древнерусской литературы»⁴.

¹ Полный перечень исследований летописания в пределах до 1960 г. см. в кн.: Библиография русского летописания. Составила Р. П. Дмитриева. М.—Л., 1962.

² См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь, сказания, былины, летописи. М., 1963.

³ См.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. Л., 1966.

⁴ См.: «Труды Отдела древнерусской литературы» (в дальнейшем — «ТОДРЛ»), т. XXI, 1965.

Из отдельных вновь найденных произведений назовем «Повесть о Сухане», открытую, изученную и опубликованную В. И. Малышевым, сочинения Ермолая-Еразма, открытые и изученные В. Ф. Ржигой, произведения Андрея Белобочко, открытые и изученные А. Х. Горфункелем, отдельные книжные песни, найденные и изданные А. В. Позднеевым, произведения справщика Савватия, изученные Л. С. Шептаевым, и пр. Особое значение имеет труд О. В. Творогова «Древнерусские хронографы» (Л., 1975), в котором исследован большой хранящийся в рукописях материал хронографов.

Расширение репертуара известных памятников было поддержано также огромным увеличением привлекаемых к изданиям и исследованиям списков того или иного памятника, благодаря чему стали известны их новые редакции и новые виды. Вновь открытые редакции сделали возможным полнее представить литературную историю отдельных памятников и благодаря этому пополнить наши представления об историко-литературном процессе.

Институт русской литературы АН СССР издает серию монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. Исходя из того факта, что многие памятники древнерусской литературы не изданы вовсе, другие изданы без учета всех сохранившихся рукописей, а третьи были изданы давно и при этом также неудовлетворительно, редакторы этой серии ставили себе целью всесторонне исследовать по всем сохранившимся рукописям особенно значительные памятники и издать их заново с приложением более полного их исследования.

Особенно следует отметить следующие публикации в этой серии: «Сказание о князьях владимирских»¹, «Сказание Авраамия Палицына»², «Повесть о Сухане»³, «Артаксерксово действо»⁴, «Повесть о житии Михаила Клопского»⁵, сочинения Вассиана Патрикеева⁶, «Девгениево деяние»⁷, «Новая повесть о преславном Российском царстве»⁸, «Повесть о Дракуле»⁹, «По-

1 См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

2 См.: Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955.

3 См.: Малышев В. И. «Повесть о Сухане». Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956.

4 См.: Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии Н. М. Кудрявцева. М.—Л., 1957.

5 См.: Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958.

6 См.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960.

7 Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние». (Деяние прежних времен храбрых человек.) М., 1962.

8 См.: Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960.

9 См.: Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964.

вести о начале Москвы»¹, «Повесть о споре жизни и смерти»², «Слово о погибели Русской земли»³, «Повесть о Петре и Февронии»⁴. Всего вышло двадцать два выпуска этой серии.

Ряд произведений древнерусской литературы вышел в серии «Литературные памятники». Эта серия имела разносторонние задачи по изданию памятников разных эпох и народов, и в ней вышли научные издания целого ряда памятников древнерусской литературы: «Повести временных лет»⁵, «Слова о полку Игореве»⁶, «Воинских повестей древней Руси»⁷, «Хождения за три моря Афанасия Никитина»⁸, «Посланий Ивана Грозного»⁹, статейные списки древнерусских послов¹⁰, сочинений Симеона Полоцкого¹¹, «Временника Ивана Тимофеева»¹², «Русской демократической сатиры XVII века»¹³, «Повестей о Куликовской битве»¹⁴, «Александрии»¹⁵. Наконец, отдельные произведения издавались и вне каких-либо серий: «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»¹⁶, «Жизнеописания Аввакума и Епифания»¹⁷, «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.»¹⁸. Каждое из

¹ См.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964.

² См.: Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964.

³ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965.

⁴ См.: Повесть о Петре и Февронии. Подготовка текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

⁵ См.: Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод; ч. II. Приложения. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

⁶ См.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

⁷ См.: Воинские повести Древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949.

⁸ См.: Хождения за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1948; 2-е изд.—1958.

⁹ См.: Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

¹⁰ См.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статьиные списки. М.—Л., 1954.

¹¹ См.: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953.

¹² См.: Временник Ивана Тимофеева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

¹³ См.: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (второе издание вышло в 1977 году).

¹⁴ См.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.

¹⁵ См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965.

¹⁶ См.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М.—Л., 1952.

¹⁷ См.: Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963.

¹⁸ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. А. М. Панченко. Изд. 2-е. Л., 1970.

этих изданий представляло памятник не в каком-либо одном, искусственно созданном «каноническом» тексте, а во всех его дошедших видах. Текст каждого памятника публикуется в этих изданиях в его движении, в изменениях в различной среде и в различные эпохи. Такие издания оказались чрезвычайно важными в историко-литературном плане, позволив проследить изменения идей, литературных стилей, требований, предъявляемых к памятнику читателями и переписчиками. Эти издания оказались в подлинном смысле этого слова историко-литературными, отвечающими задачам построения истории литературы.

Наиболее значительные исследования по древней русской литературе начиная с 1932 г. печатаются в выходящих почти ежегодно «Трудах Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (ныне существующий в этом институте сектор древнерусской литературы первоначально назывался отделом) АН СССР. Последний (тридцать четвертый) том вышел в 1979 г. В Москве группа по изучению древнерусской литературы, работающая в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, выпускает «Исследования и материалы по древнерусской литературе» (вышли четыре выпуска: 1961, 1967, 1971 и 1976 гг.).

Остановимся теперь на тех общих курсах и учебниках истории древнерусской литературы, которые не утратили своего значения до сих пор.

В 1938 г. был опубликован учебник Н. К. Гудзия «Древняя русская литература». Это был первый учебник по истории литературы, свободный от вульгарного социологизма. В дальнейшем этот учебник неоднократно переиздавался. Он не утратил своего значения и до сих пор. Он дает ясное представление о памятниках, хорошо излагает материал, частично пересказывая содержание произведений.

Немного раньше учебника Н. К. Гудзия вышел курс лекций академика А. С. Орлова «Древнерусская литература XI—XVI вв.» (М.—Л., 1937). В этом курсе лекций обращает на себя внимание попытка дать анализ главным образом художественной стороны отдельных памятников. Безусловным достоинством курса является характеристика литературы XVI в. В 1939 г. курс был переиздан под названием «Курс лекций по истории древней русской литературы», а в 1946 г. он вышел с добавлением краткой характеристики литературных памятников XVII в.

Вслед за курсом А. С. Орлова вышли три коллективных академических истории древней русской литературы. Перед Великой Отечественной войной в издании Института русской литературы вышел первый том, посвященный древнему периоду, трехтомной «Истории русской литературы»¹, так и оставшейся, к сожалению

¹ См.: История русской литературы. Под ред. В. А. Десницкого, т. 1, ч. 1—2. М., 1941.

нию, незавершенной. Перед войной же и непосредственно во время войны были изданы два тома (второй том в двух частях) десятитомной «Истории русской литературы» Института русской литературы АН СССР¹. Это самая обширная история древней русской литературы из всех когда-либо выходивших. Она не только наиболее объемиста, но и наиболее полна по числу включенных в рассмотрение памятников. Здесь анализируются многие памятники, дотоле не включавшиеся в историю литературы. Памятники выбирались художественные, но критерий отнесения памятника к числу художественных был очень широк. Авторы сделали попытку расширить светские разделы литературы, включив в обзор летописи, хронографы, многочисленные исторические и историко-бытовые повести, сатирические произведения XVII в., записи фольклора и т. п. Историко-литературные явления рассматриваются на широком историческом фоне, в связи с общекультурными изменениями, в связи с историей русского искусства. К написанию этой истории древней русской литературы наряду со всеми тогдашними крупными литературоведами — «древниками» — были привлечены виднейшие специалисты искусствоведы (Д. В. Айналов, Н. Н. Ворониц) и крупнейшие из тогдашних историков (М. Д. Приселков). Существенным недостатком этой истории литературы является почти полное отсутствие библиографии, указателей (авторов и произведений) и неполное оглавление.

В ряду академических историй древней русской литературы следует упомянуть первый том «Истории русской литературы»², издававшейся в трех томах совместно двумя академическими институтами: Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР и Институтом мировой литературы АН СССР. В первом томе в сжатой форме дан обзор развития древней русской литературы с исправлением периодизации и с попыткой охарактеризовать памятники на основании новых исследований о них, накопившихся со времени выхода в свет первых двух томов десятитомной «Истории русской литературы».

Хороший краткий учебник принадлежит профессору Московского университета В. В. Кускову: «История древнерусской литературы» (3-е изд., исправл. и доп. М., 1977)³.

¹ См.: История русской литературы, т. I (Литература XI — начала XIII века). М.—Л., 1941; т. II, ч. I (Литература 1220—1580-х гг.). М.—Л., 1945; т. II, ч. 2 (Литература 1590—1690 гг.). М.—Л., 1948.

² См.: История русской литературы в 3-х т. Под ред. Д. Д. Благого, т. I. М.—Л., 1958. (Первый том переведен на болгарский язык и вышел в Софии в 1960 г.)

³ Легко доступен несколько раз переиздававшийся учебник Н. В. Водовозова «История древней русской литературы» (изд. 3-е. М., 1972). Учебник этот имеется во многих библиотеках. Однако при пользовании им следует иметь в виду, что в нем отсутствуют многие памятники, а другим даны субъективные характеристики, датировки и атрибуции.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве, т. 1—2. М., 1976.

Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1976.

Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии.— Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 332—351 (По поводу «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника»).

Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы.— Полн. собр. соч., т. 1. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М., 1934; Он же. Избр. соч. М.—Л., 1948, с. 23—53.

Горький М. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953; М., 1955; М., 1961.

Хрестоматии и антологии. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1935; 2-е изд., 1936; 3-е изд., 1938; 4-е изд., 1947; 5-е изд., 1952; 6-е изд., 1955; 7-е изд., 1968; 8-е изд., 1973; «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969 (Библиотека всемирной литературы, сер. I, т. XV). Тексты даны параллельно — на древнерусском языке и на современном русском языке с примечаниями и комментариями. Вступительная статья Д. С. Лихачева — «Первые семьсот лет русской литературы»; Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы XI — начало XII века. Вступ. статья Д. С. Лихачева. Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1978 (многотомное издание). Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. Сост., перевод и примеч. И. П. Еремينا и Д. С. Лихачева. М., 1957 (на современном русском языке); Федорова М. Е., Сумникова Т. А. Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1969 (на современном русском языке); Воинские повести Древней Руси. Тексты, статьи и комментарии Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, А. Н. Робинсона. М., 1949. Сер. «Литературные памятники» («Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», повести об Азовском взятии и осадном сидении. Тексты на языке оригинала); Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958 («Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», повести о взятии Царьграда турками, о Басарге, о Вавилоне-граде, о царице Динаре, о Дракуле, Петре и Февронии, об осаде Пскова Стефаном Баторием. Тексты на современном русском языке); Русская повесть XVII века. Л. 1954.

Курсы истории древнерусской литературы. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938, 2-е изд., 1941; 3-е изд., 1945; 4-е изд., 1950; 5-е изд., 1953; 6-е изд., 1956; 7-е изд., 1966; Кусков В. В. История древнерусской литературы. Курс лекций. 2-е изд. М., 1966; 3-е изд., 1977; Еремин И. П. Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968 Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1939; 3-е изд.: Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945; История русской литературы. Учебник для вузов. Под ред. В. А. Десницкого (гл. ред.), Б. С. Мейлаха, Л. А. Плоткина, т. I, ч. 1. М., 1941. История русской литературы в 10-ти т., т. I—II, ч. 1—2. Ред. А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. т. I.— Литература XI — начала XIII века. М.—Л., 1941, т. II, ч. 1 — Литература 1220—1580 годов. М.—Л., 1945, т. II, ч. 2 — Литература 1590—1690 годов. М.—Л., 1948. История русской литературы в 3-х т., т. I — Литература X—XVIII веков. М.—Л., 1958.

Основные библиографические пособия. Дробленкова Н. Ф. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII веков за 1917—1957 гг. Под ред. и со вступит. статьей В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1961; Она же. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг., ч. 1—2. Л., 1978—1979; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1962.

Адрианова-Перетц В. П. и Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.—Л., 1940, вып. I. Сер. «Библиография истории древнерусской литературы» (Библиография изданий текстов, исследований и рукописей); Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955 (Биб-

лиграфия изданий текстов, исследований и рукописей. Дополнение и продолжение указателя В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровской); Дмитриев Р. П. Библиография русского летописания. М.—Л., 1962.

Письменность, текстология, палеография и филиграноведение. Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962 (Сведения о приемах работы древнерусского книжника. Навыки работы с рукописями и методика исследования древнерусских текстов); Он же. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965; 2-е изд., 1975; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, М., 1979; Шепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967; Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1966; Лихачев Д. С. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I—III. СПб., 1899 (Ч. I—Исследования и описание филиграней. Ч. II—Предметный и хронологический указатели. Ч. III—Альбом снимков); Тромонин К. Я. Знаки писчей бумаги. М., 1844.

Обобщающие исследования и сборники научных статей по древнерусской литературе. Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975 (Разбор памятников древнерусской литературы XI—XVII вв. Он же. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVII века. Очерки и исследования. М., 1969; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., Л., 1976; Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975; Лихачев В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

Культура Древней Руси. Лихачев Д. С. Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961; Он же. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифаня Премудрого (конец XIV—начало XV века). М.—Л., 1962; Очерки русской культуры XVI века. Ч. I. Под ред. А. В. Арциховского. М., 1976; История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. Т. I—Материальная культура. М.—Л., 1948; т. II—Общественный строй и духовная культура. М.—Л., 1951. По вопросам взаимосвязи древнерусской литературы и искусства см. статьи в XXII т. «ТОДРЛ». М.—Л., 1966.

Фольклор и древнерусская литература. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974 (Сб. ст. по вопросам взаимоотношения литературы и фольклора в Древней Руси с XI по XVIII в. Рассматриваются элементы народной поэзии в исторической литературе XI—начала XV в., исторических повестях XVII в., «Слове о полку Игореве», сатирической литературе XVII в. Отдельные статьи посвящены истории русской пословицы и фольклорным сюжетам стихотворных жарт XVIII в.; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Поэтика древнерусской литературы. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л. 1947; Еремин И. П. Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений.— В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Он же. О художественной специфике древнерусских литературных произведений.— В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Он же.

К спорам о реализме древнерусской литературы. — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; 2-е изд., 1971; 3 изд., доп., 1979; Он же. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958; 2-е изд., М., 1970; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976; Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX.

Серийные издания

I. Издания летописей. Полное собрание русских летописей¹, т. I—XXXIV; Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I. 2-е изд. Л., 1926—1928; Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. Спб., 1908; 2-е изд. М., 1962; Летопись по Ипатскому списку. Спб., 1871; Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. IX, X. Спб., 1862, 1885; 2-е изд. М., 1963; т. XI и XII. Спб., 1897, 1901; 2-е изд. М., 1965, т. XIII. Спб., 1904; 2-е изд. М., 1963; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950; Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, т. IV. Спб., 1848. См. также 2-е изд., вып. 1 — ПСРЛ, т. 4, ч. 1. Пгр., 1915; вып. 2. — ПСРЛ, т. 4, ч. 1. Л., 1925. вып. 3 — ПСРЛ, т. 4, ч. 1. Л., 1929; Псковские летописи, вып. 1. Приготовил к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941; вып. 2. М.—Л., 1945; Софийская первая летопись. — ПСРЛ, т. V. Спб., 1851, 2 изд., вып. 1. — ПСРЛ, т. 5. Л., 1925; Софийская вторая летопись. — ПСРЛ, т. V. Спб., 1851; Ермолинская летопись. — ПСРЛ, т. XXIII. Спб., 1910; Воскресенская летопись. — ПСРЛ, т. VII. Спб., 1856, т. VIII. Спб., 1859; Книга степенная царского родословия, ч. 1. — ПСРЛ, т. 21 (первая половина). Спб., 1908; ч. 2 (вторая половина). — ПСРЛ, т. 21. Спб., 1913; Московский летописный свод. — ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949; Хронограф редакции 1512 года. — ПСРЛ, т. 22. Спб., 1911.

II. Издания памятников житийной литературы (переводные и славяно-русские). Великие Минеи Четьи² (Сентябрь. Вып. 1—3. Спб., 1868—1883; Октябрь. Вып. 1—3. Спб., 1870—1880; Ноябрь. Спб., 1897—1899; М., 1910—1917; Декабрь. М., 1901—1914; Январь, тетради 1—2. М., 1910—1914; Апрель, тетради 1—3., М., 1910—1915). (Памятники славяно-русской письменности, издаваемые Археографической комиссией. Издание ВМЧ не закончено).

III. Сборники научных статей по вопросам истории и теории древнерусской литературы и культуры. «Труды Отдела древнерусской литературы» («ТОДРЛ»), т. I—XXXIV: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Сб. ст. М., 1961; Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII века). Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1971.

Словари древнерусского языка

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. Спб., 1893—1902; Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1—6. М., 1975—1979 (издание не закончено).

¹ В дальнейшем — ПСРЛ.

² В дальнейшем — ВМЧ.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древняя Русь в течение IX—X вв. из непрочного племенного союза превратилась в единое раннефеодальное государство. Походы киевских князей Олега, Игоря и Святослава ввели Русь в сферу европейской политики. Тесные дипломатические, торговые и культурные отношения Древней Руси с ее южными соседями — с Болгарским царством и особенно с крупнейшим государством Юго-Восточной Европы — Византией подготовили почву для принятия христианства. Этот важнейший этап в идеологической жизни Руси не только поставил молодое государство в ряд христианских стран Европы¹, как бы сблизил и уравнил их в религиозно-этическом мировоззрении, но и отвечал насущным интересам великокняжеской власти и феодального строя в самой Руси.

Христиане были в Киевской Руси и задолго до ее официального крещения: христианкой была жена киевского князя Игоря — Ольга (ум. в 969 г.), в Киеве имелась христианская церковь Ильи, но государственной религией христианство стало лишь около 988 г., при внуке Игоря — великом князе Владимире Святославиче.

Принятие христианства имело значительные последствия для развития книжности и литературы Древней Руси. Болгарским и византийским священникам, приехавшим на Русь, и их русским ученикам и последователям потребовалось незамедлительно переписывать или переводить книги, необходимые для богослужения; нужно было также познакомить новообращенных христиан с патристикой (сочинениями богословов — «отцов церкви»), с житиями святых, с поучениями и наставлениями христианских проповедников.

Наконец, надо учесть еще одно немаловажное обстоятельство. Христианизация Руси потребовала коренной перестройки мировоззрения; прежние языческие представления о происхождении и устройстве Вселенной, об истории человеческого рода, о предках славян были теперь отвергнуты, и русские книжники остро нуждались в сочинениях, которые излагали бы хри-

¹ На рубеже VII—VIII вв. христианство начало распространяться в Моравии, в IX в. стало государственной религией в Болгарии и проникло в Чехию; в Польше христианизация произошла в 966 г., в Венгрии — в 970-е гг.

стианские представления о всемирной истории, давали бы новое, христианское истолкование мироустройству и явлениям природы.

Хотя потребность в книгах у молодого христианского государства была очень велика, возможности для удовлетворения этой потребности были весьма ограничены: на Руси было на первых порах мало умелых писцов, а сам процесс письма был очень длительным (напомним, что первые книги писались уставом — крупным почерком, в котором каждая буква отделялась от соседних и скорее рисовалась, чем писалась, — слитное письмо появится лишь в XV в.); материал, на котором писались первые книги, — пергамен — был очень дорогим.

Поэтому заказчиками книг могли быть либо очень богатые люди — князья и бояре¹, либо церковь.

Древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» под 1037 г. сообщает, что князь Ярослав Мудрый «книгам прилежа (имел пристрастие), и почитая е (их) часто в нощи и в дне», он приказал собрать писцов, которые перевели и «списаша книги многы». Это летописное сообщение, видимо, соответствовало истине: в первой половине XI в. на Руси действительно становятся известными многие памятники византийской и болгарской литературы. Разумеется, что среди переписываемых и переводимых книг преобладали богослужебные тексты или памятники, содержащие основы христианского мировоззрения и христианской морали. Однако книжники привезли из Болгарии, перевели или переписали и произведения других жанров: хроники, исторические и историко-бытовые повести, естественнонаучные сочинения, сборники изречений.

Факт, что среди более чем 130 рукописных книг XI—XII вв., хранящихся сейчас в наших архивах и библиотеках, около 80 — богослужебные, объясняется, однако, не только тем, что богослужебные книги составляли значительную долю среди древнейших книг Киевской Руси, но и тем, что книги эти, находившиеся в каменных церквях, скорее могли сохраниться, а не погибнуть в огне пожаров, от которых в первую очередь страдали деревянные жилые строения, в том числе и княжеские или боярские хоромы. Поэтому о том, какие именно книги или произведения и в каком числе списков обращались на Руси в XI—XII вв., мы можем судить лишь по косвенным данным, так как дошедшие до нашего времени рукописи — ничтожная часть книжного фонда XI—XII вв.

¹ Так, древнейшая из дошедших до нас древнерусских рукописных книг — Остромирово евангелие, написанное в 1056—1057 гг., была изготовлена по заказу новгородского посадника Остромира Роскошный «Изборник» 1073 г. был переписан с болгарского оригинала для киевского князя Изяслава (позднее посвящение было переадресовано Святославу); Мстиславово евангелие переписали не позднее 1117 г. для новгородского князя Мстислава Владимировича.

Остромирово евангелие. 1056—1057 гг. Заставка (ГПБ).

И все же можно утверждать, что литература Киевской Руси была посвящена в основном мировоззренческим вопросам. Ее жанровая система отражала мировоззрение, типичное для многих христианских государств в эпоху раннего средневековья. «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни», — так вкратце сформулировал характерные черты литературы древнейшего периода русской истории Д. С. Лихачев¹.

2. ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА XI — НАЧАЛА XIII В.

Рассмотрение древнерусской литературы старшего периода мы начинаем с обзора литературы переводной. Это не случайно: переводы в XI—XII вв. в ряде случаев предшествовали созданию оригинальных произведений того же жанра. В целом Русь стала читать чужое раньше, чем писать свое. Но не следует видеть в этом какое-то свидетельство «неполноценности» культуры восточных славян. Все европейские средневековые государства «учились» у стран, наследниц многовековой античной культуры — культуры Древней Греции и Рима. Для Руси важнейшую роль в этом отношении сыграли Болгария и Византия. Подчеркнем также, что восприятие чужой культуры, с ее многовековыми традициями, было у восточных славян активным, творческим, отвечало внутренним потребностям развивающейся Древней Руси, стимулировало возникновение оригинальной литературы.

¹ Лихачев Д. С. Своеобразие древнерусской литературы. — В кн.: Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971, с. 56.

Кирилл и Мефодий. Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в. (БАН).

Византийские и болгарские книги на Руси. Явление «трансплантации». Прежде чем рассмотреть вопрос, какие произведения и жанры переводной литературы стали известны в Древней Руси в первые века после создания письменности, познакомимся подробнее с характером деятельности древнерусских переводчиков.

Значительная часть книг, и в частности богослужебных, была привезена в X—XI вв. из Болгарии. Старославянский (древнеболгарский) и древнерусский языки настолько близки, что Русь смогла использовать уже готовый старославянский кириллический алфавит, созданный великими болгарскими просветителями Кириллом и Мефодием¹ в IX в., а болгарские книги, будучи формально «иноязычными», по существу, не требовали перевода; отдельные черты болгарского морфологического строя, как и часть лексики болгарского языка (так называемые старославянизмы) вошли в систему древнерусского литературного языка.

Одновременно осуществляются переводы непосредственно с греческого, при этом древнерусские переводчики не только сумели создать точные, адекватные оригиналу переводы, но и сохранить стиль и ритмику греческих оригиналов. Реже осуществлялись переводы с других языков².

Особенности взаимоотношений древнеславянских литератур между собой и их отношений с литературой Византии иногда

¹ Кирилл и Мефодий и их ученики создали, по-видимому, два славянских алфавита — «глаголицу», в скором времени вышедшую из широкого употребления, и «кириллицу» — алфавит, которым с некоторыми изменениями в составе букв и особенно в начертании мы пользуемся и сейчас.

² См.: Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1958, т. XV; Он же. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX, с. 198—206.

рассматривались как процесс влияния одной литературы на другую. Древнерусская литература, более молодая сравнительно с литературой Болгарии и тем более — с литературой Византии, предстает при такой постановке вопроса пассивным объектом такого влияния. Правильнее говорить, однако, не о «влиянии», а о своеобразном процессе трансплантации («пересадке») литературы одной страны в другую — о переносе византийской литературы на русскую почву¹. Дело в том, что до принятия христианства в Древней Руси не существовало литературы (искусство слова было представлено фольклором) и, следовательно, византийской литературе было не на что влиять. Поэтому, на первых порах после принятия христианства византийская литература — непосредственно или через болгарское посредство — была просто перенесена на Русь (трансплантирована). Такой перенос, однако, не был механическим: произведения не просто переводились или переписывались, они продолжали свою литературную историю на новой почве. Это значит, что создавались новые редакции произведений, их сюжет изменялся, первоначальный язык перевода русифицировался, на основе переводных произведений создавались новые компилятивные² памятники. Особенно это касалось произведений светского повествования и исторических; произведения богослужебные, сочинения «отцов церкви» или библейские книги в большей степени сохраняли свой канонический текст.

Поэтому деление древнерусской литературы на оригинальную и переводную может иметь значение лишь в том отношении, что мы указываем на происхождение памятника, а не на его место в литературе Древней Руси.

Явление трансплантации оказалось чрезвычайно прогрессивным: благодаря ему Русь в короткий срок получила литературу с разветвленной системой жанров, литературу, представленную многими десятками, а то и сотнями памятников. Уже через несколько десятилетий после начала этого процесса на Руси по образцу переводных памятников стали создаваться свои, оригинальные произведения — жития, торжественные и учительные слова, повести и т. д.

Литература-посредница. Для средневековых литератур характерна и еще одна специфическая особенность — существование литератур-посредниц, т. е. литератур, «книжный фонд» которых (иначе говоря — сумма входящих в них литературных памятников) оказывается в значительной своей части общим для разных национальных литератур. Для южных и восточных славян функцию такой литературы-посредницы выполняла древнеболгарская

¹ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 15—23.

² *Компилятивным* называется произведение, составленное из фрагментов других произведений. Такой метод создания новых текстов (особенно исторических или богословских) был широко распространен во всех средневековых литературах.

литература. Она включала как памятники древнехристианской литературы (переводы с греческого), так и памятники, созданные болгарскими авторами, в Моравии и Чехии, а в последующие века и памятники, созданные на Руси и в Сербии.

Литература-посредница объединяла книжность славянских народов (особенно Болгарии, Сербии и Руси) очень долго, почти что до начала нового времени, хотя, разумеется, все более и более возрастал удельный вес «своих» произведений в каждой из отдельных взятых национальных литератур¹.

Жанры переводной литературы. Библейские книги. Обратимся теперь к рассмотрению основных жанров переводной литературы XI—XIII вв. Столь широкие временные рамки — условие вынужденное, поскольку произведения этого периода, как правило, сохранились лишь в поздних списках, и мы можем только по косвенным данным определять время их перевода или проникновения в литературу Древней Руси.

Основой для христианского вероучения и мировоззрения являлись библейские книги (или Священное писание), а также сочинения наиболее авторитетных богословов.

Библия включает в себя книги Ветхого завета и Нового завета.

В Ветхий завет входит так называемое «Пятикнижие Моисея» (книги Бытия, Исход, Левит, Числ и Второзаконие), в котором повествуется о сотворении мира, о древнейшей истории еврейского народа; приводятся основные религиозные и моральные предписания. В последующих книгах: книге Иисуса Наввина, книге Судей и четырех книгах Царств — излагается история евреев в Палестине вплоть до гибели Израильского и Иудейского царств.

Из пророческих книг наибольшей известностью в Древней Руси пользовались книги пророков Исаяи, Иеремии и Иезекииля; остальные книги обычно именуется книгами малых пророков. Огромна была популярность Псалтыри — собрания из 150 псалмов (молитв и гимнов). Автором псалмов церковная традиция считает в основном царя Давида, но фактически они слагались в течение длительного времени, принадлежат различным авторам, а некоторые восходят в конечном счете к фольклору. Дидактические поучения и афоризмы содержатся в книгах: «Притчи Соломоновы», «Премудрости Соломона» и «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». В книге пророка Даниила излагались пророчества эсхатологического² характера, т. е. пророчества о гибели мира и наступлении царства справедливости.

В Новый завет входили четыре Евангелия, «Деяния апостолов», «Апостольские послания» и «Апокалипсис». Евангелия (от греч. *евангелион* — благая весть) приписывались ученикам Христа — апостолам Матфею, Марку, Луке и Иоанну; в них повествовалось о земной жизни Иисуса и излагалось его учение. О проповеди апостолами христианства рассказывается в книге «Деяний»; в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова в символических образах изображается близкий конец мира.

Полностью Библия была переведена на Руси лишь в XV в., но отдельные библейские книги стали известны в славянских

¹ Подробней см.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв., с. 23—44.

² От греч. *эсхатос* — последний и *логос* — суждение, учение.

переводах (через болгарское посредство) уже в Киевской Руси. Наиболее широкое распространение получили в это время книги Нового завета и Псалтырь. Вероятно, были известны также те или иные книги Ветхого завета («Пятикнижие», книга Иисуса Наввина, книги Судей и Царств, некоторые из книг пророков, книга «Руфь»). Судить о времени их появления на Руси трудно, так как древнейшие из дошедших до нас списков датируются XIV в., но в то же время по косвенным данным мы можем установить, что, например, в хронографический свод середины XIII в. были включены все книги «Пятикнижия», книги Иисуса Наввина, Судей, книги Царств и отрывки из некоторых других ветхозаветных книг¹.

С содержанием ветхозаветных книг русские читатели могли познакомиться также через посредство греческих хроник (особенно через «Хронику Георгия Амартола»), через Палею, излагавшую и толковавшую текст Ветхого завета и, наконец, через Паремийник — сборник отрывков из различных книг Библии.

Библейские книги, Палея, хроники, сочинения «отцов церкви» предназначались для самостоятельного чтения верующими. В церкви же, во время богослужения, читались иные, специально рассчитанные на церковный обряд богослужебные книги.

К ним относились, во-первых, евангелия-апракос и апостол-апракос (от греч. *апракос* — праздничный) — выбранные чтения из евангелий и апостольских деяний и посланий, расположенные в порядке чтения их во время церковных служб (определенные чтения на определенные дни недели или на дни церковных праздников). В церкви читался Паремийник, служебные минеи (книги, содержащие похвалы святым), различного рода служебники, часословы, требники, тропари и другие книги².

Книги священного писания и богослужебные книги, помимо чисто учительной и служебной функций, имели и немалое эстетическое значение: Библия содержала яркие сюжетные рассказы, книги пророков отличались повышенной эмоциональностью, яркой образностью, страстностью в обличении пороков и социальной несправедливости; псалтырь и служебные минеи являлись блестящими образцами церковной поэзии, хотя их славянские переводы и были прозаическими.

Патристика. В древнерусской, как и в любой другой средневековой христианской литературе большим авторитетом пользовалась патристика — сочинения римских и византийских богословов III—XI вв., почитавшихся как «отцы церкви» (по-греч. *патер* — отец, отсюда и название их произведений — патристика).

¹ См.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 348.

² К богослужебным книгам относятся старейшие из сохранившихся древнерусских рукописей: евангелие-апракос 1056—1057 гг., переписанное для новгородского посадника Остромира (Остромирово евангелие), новгородские служебные минеи за 1095—1097 гг., Архангельское евангелие-апракос 1092 г.

Киевский князь Святослав с женой и сыновьями. Миниатюра из «Изборника 1073 г.» (ГИМ).

В сочинениях «отцов церкви» обосновывались и комментировались догмы христианской религии, велась полемика с еретиками¹, излагались в форме поучений и наставлений основы христианской морали² или правила монашеского быта.

На Руси широкое распространение получили сочинения Иоанна Златоуста (344—407), выдающегося византийского проповедника. В своих «словах» и проповедях Златоуст наставлял верующих в христианских добродетелях, ярко и темпераментно обличал пороки, обсуждая порой и важнейшие общественные проблемы. Из сочинений Иоанна Златоуста составлялись сборники — «Златоуструй» (старший из сохранившихся списков его относится к XII в.), «Златоуст»; его «слова» входили в состав «Торжественников», а в более позднее время — в состав сборников «Маргарит» (по-греч. *жемчуг*).

Авторитетом в Древней Руси пользовались также сочинения византийского проповедника Григория Назианзина (Богослова) (329—390), Василия Кесарийского (ок. 330—379 гг.), автора полемических и догматических произведений, а также популярной в средневековье книги «Шестоднев» (цикл проповедей на темы рассказа библии о сотворении мира), Ефрема Сирина (ум. в 373 г.), Афанасия, автора «Паренесеса» (*паренесис* — увещание, свод наставлений для людей, принявших христианство), Иоанна Синайского (ум. в 649 г.), автора «Лествицы» (поучения о самоусовершенствовании монахов), Афанасия Александрийского (293—373) — борца за догматы православия против различных ересей раннего христианства³. Патристическая литература сыграла важную роль в формировании этических идеалов новой религии и в укреплении основ христианской догматики. В то же время произведения византийских богословов — в большинстве своем блестящих риторов, усвоивших лучшие традиции классического античного красноречия, способствовали совершенствованию ораторского искусства русских церковных писателей.

В Киевской Руси известны также и сборники, в которых, наряду с произведениями «отцов церкви», читались и другие памятники разнообразного содержания. Древнейшими из дошедших до нас являются сборники 70-х гг. XI в. Один из них — «Изборник» Святослава 1073 г. является копией с болгарского сборника, составленного еще в начале X в. для болгарского царя Симеона. На Руси «Изборник» был переписан для киевского князя Изяслава, но затем имя князя было выскоблено и заменено именем Святослава, захватившего великокняжеский престол в 1073 г. Сборник представляет фолиант большого формата, с роскошным художественным оформлением. На фронтисписе книги (левой стороне первого листа) изображен Святослав в окружении семьи. Среди статей «Изборника» находится трактат по поэтике — статья Георгия Хировоска (VI—VII вв.) «О образех», в которой разъясняется значение различных тропов (аллегорий, метафор, гипербол и т. д.), при этом они иллюстрируются примерами, извлеченными, в частности, из «Илиады» и «Одиссеи». «Изборник» Святослава впоследствии не раз переписывался. В настоящее время обнаружено 27 его списков XV—XVII вв. русской редакции⁴.

Другой сборник — «Изборник 1076 г.», просто оформленный, небольшого формата, составлен, как сказано в рукописи, «в лето 6584 (1076)... при Святославе князи Русьскы земля». В числе произведений этого «Изборника» —

¹ *Еретиками* называли сторонников религиозных учений, иначе, чем официальная церковь, трактовавших различные библейские догматы и представления.

² Произведения этого типа называются иногда памятниками учительного красноречия или гомилетикой (от греч. *гомилия* — беседа).

³ Обзор творчества этих византийских писателей см. в кн.: Памятники византийской литературы IV—IX веков. М., 1968, с. 9—37.

⁴ «Изборник» 1073 года фототипически издан: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. Спб., 1880; наборное издание текста «Изборника» с греческим параллельным текстом не было завершено (см.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года.— ЧОИДР, 1882, кн. 4).

Изборник 1076 г. (ГПБ).

статья, прославляющая чтение книг, а также «Стословец Геннадия» — свод изречений константинопольского патриарха Геннадия (ум. в 471 г.)¹.

Сборники изречений появлялись на Руси и в более позднее время. Среди них особой популярностью пользовались сборники «Мудрость Менаидра Мудрого», «Изречения Исихия и Варнавы» и особенно — «Пчела», сборник изречений античных философов и писателей, а также цитат из Библии и произведений «отцов церкви». Фундаментальное исследование сборников изречений и афоризмов принадлежит М. Н. Сперанскому².

Жития святых. Сборники изречений и афоризмов имели открыто назидательную, дидактическую цель. Обращаясь непосредственно к читателям и слушателям, проповедники и богословы превозносили добродетели и осуждали пороки, сулили праведникам вечное блаженство после смерти, а нерадивым и грешникам грозили божественной карой.

Также воспитывали и наставляли в христианских добродетелях и памятники другого жанра — жития святых, рассказы о

¹ См.: Изборник 1076 г. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965; Дубровина В. Ф. О греческих параллелях к «Изборнику» 1076 г. — «ИЮЛЯ» «Известия Отделения литературы и языка АН СССР»), 1963, вып. 2; Адрианова-Перетц В. П. Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1970, т. XXV; Мещерский Н. А. К вопросу об источниках «Изборника» 1076 года. — «ТОДРЛ». Л., 1972, т. XXVII.

² См.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследования и тексты. М., 1904. См. также: Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси. — «ТОДРЛ». Л., 1972, т. XXVII.

встречаем иногда сходные эпизоды и характеристики, заимствованные из византийских патериковых легенд¹.

Отдельные патериковые легенды были использованы в творчестве русских писателей XIX в. — Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. М. Гаршина.

Апокрифы (греч. *апокриф* — потаенный). Помимо преданий, вошедших в канонические библейские книги, т. е. в Ветхий и Новый завет, в средневековой письменности широкое распространение получили апокрифы — легенды о персонажах библейской истории, однако сюжетно отличающиеся от тех, которые содержатся в библейских канонических книгах. Иногда в апокрифах с иных мировоззренческих позиций рассматривалось происхождение мира, его устройство или столь волновавший умы в средневековье вопрос о «конце света»². Наконец, апокрифические мотивы могли входить в произведения традиционных жанров, например в жития³.

Первоначально различались апокрифы, рассчитанные на наиболее умудренных в богословских вопросах читателей, которые смогли бы согласовать апокрифические версии с традиционными, и «отреченные книги», содержавшие безусловно враждебные ортодоксальным взглядам еретические воззрения. Но эти различия не всегда строго осознавались, грань между апокрифическими и отреченными книгами была весьма зыбкой, разные книжники оценивали их по-разному, и поэтому обе группы памятников обычно рассматриваются в рамках одной апокрифической литературы. Весьма сложно порой выделить апокрифы из числа «истинных» (термин древнерусских книжников) книг: полного единомыслия в этом вопросе в средневековой литературе не было. Строго говоря, апокрифическими должны быть признаны и некоторые из библейских книг («Премудрость Соломона», «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», «Товит» и др.). Апокрифические сюжеты встречаются в хрониках, летописях, папаях, а сами апокрифы — в сборниках, наряду с авторитетными и почитаемыми произведениями. Составлявшиеся в Византии и у славян списки запрещенных книг («индексы») не всегда соответствовали один другому, и порой на практике их рекомендации часто обходились⁴.

Апокрифы были известны уже литературе Киевской Руси. В списках до XIII в. сохранились апокрифические сказания о пророке Иеремии, апокрифы «Хождение Агапия в рай», «Сказание

¹ В Киевской Руси были известны Синайский патерик, Скитский и, возможно, Египетский. По мнению некоторых исследователей, к переводам, сделанным еще в Киевской Руси, восходят и другие патерики, известные лишь в списках XIV—XV вв.

² Некоторые апокрифы, например, отражали воззрения богомилов — антифеодалного движения, возникшего в Болгарии и Сербии в X в. и принявшего религиозную окраску. Согласно этому учению мир создан одновременно дьяволом и богом: дьявол создал тело человека, а бог вдохнул в него душу, борьба зла (движущей силой которого является дьявол) и добра (олицетворенного в боге) продолжается в мире постоянно.

³ В некоторых вполне традиционных житиях («Житии Василия Нового», «Житии Андрея Юродивого» и др.) отразились апокрифические представления о конце мира.

⁴ Перечень индексов запрещенных книг см.: Я ц и м и р с к и й А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности (списки памятников), вып. I. — В кн.: Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921, с. 1—75. Древнейший список такого индекса входит в «Изборник» Святослава 1073 г.

Афродитиана», «Хождение Богородицы по мукам» и ряд других. Апокрифические легенды мы встретим и в Начальной летописи: там присутствуют, например, апокрифические подробности в рассказе о детстве пророка Моисея (как он, играя, уронил венец с головы египетского фараона), а в приводимом в летописи (в статье 1071 г.) ответе волхвов, предводителей восстания в Ростовской земле, воеводе Яну Вышатичу излагаются богомильские представления о создании человека: «створи дьявол человека, а бог душу во нь вложи». В описании своего путешествия в Палестину в начале XII в. игумен Даниил также упоминает некоторые апокрифические легенды.

Для апокрифов характерно обилие чудес, фантастики, экзотики. Так, например, в апокрифе «Паралипомен Иеремии» рассказывается, как юноша Авимелех, возвращаясь в город с корзиной смокв (инжира), присел в тени дерева и заснул. Он проспал 66 лет, но чудесным образом собранные им смоквы остались настолько свежими, что из них по-прежнему капал сок.

В другом апокрифе повествуется, как благочестивый игумен Агапий отправился на поискирая. Рай описывается как чудесный сад, залитый сиянием, которое в семь раз ярче солнечного света. Хлеб, полученный Агапием в раю, способен творить чудеса: он насыщает умиравших от голода корабельщиков, воскрешает отрока, умершего за две недели перед этим, а «укрухом» (ломтем) этого хлеба сам Агапий питается в течение сорока лет¹.

В то же время апокрифы удовлетворяли не только литературные, но и богословские интересы. В них ставились проблемы, особенно волновавшие умы религиозных людей: о причинах неустойчивости в этом мире, который, как учила церковь, был создан и управляем всемогущим и справедливым божеством, о будущем мира, о судьбе человека после его смерти и т. д. Этой теме посвящен, например, популярный апокриф — «Хождение Богородицы по мукам».

В нем рассказывается, как Богородица в сопровождении архангела Михаила и ангелов нисходит в ад. Она видит там мучения грешников: одни постоянно находятся «во тьме великой», потому что не верили в бога, другие погружены в огненную реку, ибо при жизни были прокляты своими родителями, либо преступали клятву на кресте; в страшных муках пребывают в аду сплетники и лентяи, просыпавшие заутреню, клеветники и развратники, пьяницы и сребролюбцы. Богородица проливает слезы, видя страшные муки грешников, и решает просить бога, чтобы он помиловал их. Но бог-отец отказывается жалиться над ними, ибо не может простить людям распятия Христа. И лишь после новой просьбы, с которой обращаются к нему вместе с Богородицей пророки, евангелисты, апостолы и все ангелы, бог-отец посылает Христа сойти в ад, и тот, сурово укорив людей за несоблюдение ими божественных заповедей, дарует им избавление от мук в течение двух месяцев в году.

В отличие от апокрифа о Иеремии и Авимелехе, содержащего все элементы занимательного повествования о чудесах, в апокрифе о Богородице поднимается, таким образом, вопрос о божественной справедливости, ставится под сомнение «неизреченное человеколюбие» бога: ведь Богородица с ангелами и святыми вынуждена настойчиво умолять о смягчении страшных мук греш-

¹ Апокрифы «Паралипомен Иеремии» и «Хождение Агапия в рай» входят в знаменитый Успенский сборник. См.: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 31—37 и 466—473.

П р и т о м ъ п в е з ѡ н ѡ л с к а я
г о р а и ъ з а п а д ѣ в е р х ѡ р а с ѣ
д ѣ с а ѡ с н е м ѣ в ѡ с к ѡ н ѣ т о
л м а я к о п о п а л и т и п о п л е
т а ш ю с т р а н о у с ѣ г р а д ѣ

Извержение Везувия. Миниатюра из Хроники Георгия Амартола. XIII—XIV вв. (ГБЛ).

ников, а бог долгое время остается неумолимым и суровым. Может быть, именно эта идея и поставила «Хождение» в ряд произведений апокрифических, хотя тенденция устроить людей божественным возмездием за их грехи, казалось бы, вполне отвечала духу церковных поучений и наставлений.

Апокрифы встречались в древнерусской письменности на всем протяжении ее истории, и в дальнейшем нам еще придется вернуться к апокрифическим сюжетам, получившим распространение в более позднее время.

Хроники. Среди первых переводов и первых книг, привезенных на Русь из Болгарии, были и византийские хроники. Хрониками или хронографами называются произведения историографии, излагающие всемирную историю. Особенно большую роль в развитии оригинального русского летописания и русской хронографии сыграла «Хроника Георгия Амартола». Составитель ее — византийский монах. *Амартол* по-гречески — грешник; это традиционный самоуничижительный эпитет монаха.

«Хроника Георгия Амартола» начинает повествование от «сотворения мира»; затем излагает библейскую историю, историю вавилонских и персидских царей, рассказывает о римских императорах, начиная от Юлия Цезаря и до Константина Хлора, а затем об императорах Византии — от Константина Великого до Михаила III. Таким образом, первоначально «Хроника» была доведена до событий середины IX в., но позднее, еще на греческой почве, она была дополнена извлечением из «Хроники Симеона Логофета», и повествование было доведено до середины X в.

В наибольшей степени хрониста интересовала церковная история. Он постоянно приводит пространные богословские рассуждения, подробно повествует о церковных соборах, о ересь и о борьбе различных течений в византийской церкви; собственно исторические события излагаются им весьма кратко, и лишь в заключительной части произведения (принадлежавшей перу продолжателя Амартола — Симеона Логофета) читатель знакомится со сложной политической жизнью Византии IX—X вв.

Древнерусского книжника, напротив, интересовала в значительной степени история как таковая: судьбы великих держав древности, сведения о наиболее выдающихся их правителях, а также различные занимательные истории из жизни выдающихся царей, императоров или мудрецов. Особой популярностью, например, пользовались у средневековых книжников история мальчиков Ромула и Рема, воспитанных волчицей и ставших впоследствии основателями великого города, и описание деяний Александра Македонского, подчинившего своей власти едва ли не весь мир. Еще в XI в. русские книжники на основании извлечений из «Хроники Георгия Амартола» составили сокращенный хронографический свод, именовавшийся, как полагают, «Хронографом по великому изложению». Он содержал весьма краткие сведения о царях и императорах стран Востока, Рима и Византии, включал несколько занимательных исторических легенд и рассказов о чудесах и небесных знамениях, излагал решения церковных соборов. «Хронограф по великому изложению» был использован при составлении русской летописи.

«Хроника Георгия Амартола» распространялась в отдельных списках, а также почти полностью вошла в состав обширного хронографического свода XIII—XIV вв. — «Летописца еллинского и римского»¹. Древнерусский перевод «Хроники Георгия Амартола» был исследован и издан В. М. Истриным².

¹ Название это отражало основные составные части хронографа: он повествовал об эллинской (древнегреческой, языческой) истории и о римской (христианской, византийской).

Византийцы именовали себя *ромеями*, т. е. римлянами.

² См.: Истрин В. М. «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I—III. Пг.—Л., 1920—1930. См. также: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. I и 4.

Хроника Иоанна Малалы. Не позднее XI в. на Руси стала известна также «Хроника» Иоанна Малалы, жившего в г. Антиохии (в византийской провинции Сирии) в VI в. н. э. В отличие от Георгия Амартола Иоанн Малала писал просто и безыскусно, предназначая свой труд не ученым монахам, а широким массам читателей, стремился к занимательности изложения. «Хроника Иоанна Малалы» состоит из 18 книг. В четырех из них (первой, второй, четвертой и пятой) излагались античные мифы и история Троянской войны. Далее в «Хронике» повествуется о восточных царях, излагается история Рима и, наконец, история Византии вплоть до времени царствования императора Юстиниана (VI в.).

«Хроника Иоанна Малалы» представляла ценность для древнерусских историографов и книжников прежде всего тем, что она значительно дополняла «Хронику Георгия Амартола»: именно у Малалы содержались подробные и занимательные рассказы о персидских царях, подробнее излагалась история Ромула, Рема и первых римских царей, история правления некоторых византийских императоров. Поэтому в древнерусских хронографических сводах текстом Малалы не только дополняли, но и частично заменяли скупой рассказ «Хроники Георгия Амартола».

Кроме того, в «Хронике Иоанна Малалы», как уже сказано, пересказывались (хотя и очень кратко) некоторые античные мифы; эти пересказы были использованы русскими летописцами и хронистами. Впервые «Хроника Иоанна Малалы» была привлечена уже при составлении «Хронографа по великому изложению» в XI в.

Полностью текст славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» не сохранился, мы можем реконструировать его лишь по извлечениям в составе русских хронографических сводов¹.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Не позднее начала XII в. на Руси была переведена «История Иудейской войны», памятник исключительно популярный в европейских средневековых литературах. «История» была написана между 75—79 гг. Иосифом, сыном Маттафии — участником восстания в Иудее против Рима, перешедшим затем на сторону римлян и получившим право носить фамильное прозвище императоров *Флавий*.

«История» состоит из семи книг (или «слов»). В первых двух книгах излагается история Иудеи, начиная со 175 г. до н. э. и кончая 66 г. н. э. — времени восстания против римского владычества, в третьей — шестой книгах рассказывается о подавлении восстания Веспасианом, а затем его сыном Титом, об осаде, взятии и разрушении Иерусалима; наконец, в последней, 7-й книге повествуется о триумфе Веспасиана и Тита в Риме.

Произведения Иосифа Флавия отнюдь не сухая историческая хроника — это скорее литературное и публицистическое произведение. Автор тенденциозен, он не скрывает своего преклонения перед могуществом римских императоров и недовольства своими политическими противниками — простым людом Иудеи, который он считает виновным в неудаче восстания, однако он не может скрыть и своего восхищения мужеством восставших и сочувствия страданиям, выпавшим на их долю. Публицистический дух произведения проявляется, в частности,

¹ См.: Удалцова З. В. «Хроника Иоанна Малалы» в Киевской Руси. — Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966; Шусторович Э. М. Древнеславянский перевод «Хроники Иоанна Малалы». История изучения. — Византийский временник, т. 30. М., 1969. Текст славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» опубликован В. М. Истриным в различных периодических изданиях с 1897 по 1914 г. Сведения об этих публикациях см. в статье Э. М. Шусторович или в кн.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 14.

в речах персонажей — Веспасиана, Тита и самого Иосифа (о себе автор говорит в третьем лице); основная цель этих речей, построенных по всем правилам античных декламаций, — убедить в пагубности намерений восставших и прославить благородство и доблесть римлян. Стилистическое искусство Иосифа Флавия проявляется не только в монологах и диалогах героев, но также в описаниях — будь это описания природы Иудеи или ее городов, сражений или страшных сцен голода в осажденном Иерусалиме; ритмизованный слог, яркие сравнения и метафоры, точные эпитеты, забота о благозвучии (отчетливо проявляющаяся в оригинале «Истории») — все это говорит о том, что автор придавал большое значение литературной стороне произведения.

Древнерусский переводчик сумел сохранить художественные достоинства оригинала, богатство его лексики, эмоциональность речей, живость описаний. В переводе сохранились и присущие оригиналу ритмическое членение фраз и параллелизм синтаксических конструкций. Более того, переводчик самостоятельно расширяет и конкретизирует описания, заменяет косвенную речь оригинала прямой, добавляет новые сравнения, метафоры, традиционные для русских оригинальных памятников образные выражения¹. Таким образом, перевод «Истории» свидетельствует о высоком мастерстве древнерусских книжников XI—XII вв.

Популярность «Истории» была весьма велика. И не только потому, что в ней повествовалось об одном из важных событий всемирной истории: насыщенная боевыми эпизодами, она была созвучна русскому читателю, самому неоднократно испытывавшему тягости войн и вражеских нашествий. Не случайно летописцы XII—XIII вв. использовали в своем рассказе полюбившиеся им образы или речевые обороты из батальных сцен «Истории».

Сохранилось более 30 списков древнерусского перевода «Истории», старшие из них читаются в составе Архивского и Виленского хронографов (конец XV—XVI вв.), восходящих к хронографическому своду середины XIII в.²

Хронографическая Александрия. Не позднее XII в. с греческого был переведен обширный роман о жизни и подвигах Александра Македонского, так называемая «Александрия» Псевдокаллисфена (ее автором ошибочно считали Каллисфена, историка, сопровождавшего Александра в его походах). Первоначальная историко-биографическая канва повествования об Александре в «Александрии» едва прослеживается: это уже типичный приключенческий роман эпохи эллинизма, где биография македонского царя расцвечена многочисленными легендарными и фантастическими подробностями, и едва ли не главной темой произведения является описание диковинных земель, которые будто бы посетил Александр во время своих походов³.

¹ См.: Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси; Творогов О. В. Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики, с. 124—130.

² Исследование и издание памятника см.: Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

³ См.: Кузнецова Т. И. Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре». — В кн.: Античный роман. М., 1969.

Одна из редакций «Александрии» была переведена на Русь. Перевод этот встречается преимущественно в составе хронографических сводов, поэтому его именуют хронографической «Александрией», в отличие от другой, так называемой сербской «Александрии», пришедшей на Русь через южнославянское посредство в XV в.

Как уже сказано, «Александрия» не столько исторический роман или беллетризованная биография героя, сколько роман приключений, а сама личность Александра приобретает и некоторые совершенно легендарные черты. Так, он объявляется не сыном македонского царя Филиппа, а сыном бывшего египетского царя-чародея Нектонава, являвшегося к жене Филиппа Олимпиаде под видом бога Аммона. Рождение Александра сопровождается чудесными знаменами: гремит гром, трясется земля. Вопреки истории, в «Александрии» рассказывается о походе Александра в Сицилию, о покорении им Рима. Это не случайно: македонский полководец выступает в романе не только как победитель великой Персидской державы, но и как герой, который сумел покорить весь мир. Характерна, например, интерпретация эпизода гибели Дария: смертельно раненный своими сатрапами, царь сам вручает Александру власть над Персией и отдает ему в жены свою дочь Роксану; тогда как в действительности Роксана, одна из жен Александра, была дочерью не Дария, а бактрийского сатрапа.

В романе много сюжетных острых коллизий. Так, Александр отправляется к Дарию под видом собственного посла и лишь случайно избегает разоблачения и плена. В другой раз он, выдав себя за своего сподвижника Антигона, приходит к царице Кандакии, сын которой жаждет расправиться с Александром, ибо тот убил его тестя, индийского царя Пору. Кандакия узнает Александра, и ему удается избежать опасности только потому, что царица решает скрыть тайну своего гостя в благодарность за спасение другого своего сына.

Смерть Александра также окружена таинственностью. О близкой кончине героя становится известно из знаменья; когда он умирает, то темнеет небо, загорается яркая звезда и нисходит в море, колеблется «кумир вавилонский».

«Александрия» читалась в составе русских хронографических сводов и, следовательно, воспринималась как историческое повествование о прославленном полководце древности. Но фактически древнерусские книжники познакомились с популярнейшим в средневековой Европе литературным сюжетом, который лег в основу многочисленных прозаических романов и поэм, созданных в X—XII вв. в Италии, Германии, Франции и других странах.

Во второй редакции «Александрии» (вошедшей в состав второй редакции Еллинского летописца) был еще более усилен элемент занимательности: дополнены новыми подробностями рассказы о походах Александра в неведомые, населенные диковинными существами земли, добавлен эпизод, в котором герой поднимается в небо или опускается на морское дно, и т. д. «Александрия» разных редакций является одним из обязательных компонентов всех русских хронографических сводов и хронографов вплоть до XVII в.¹

¹ Исследование хронографической «Александрии» с изданием текста ее редакций см.: Истрин В. М. «Александрия» русских хронографов. М., 1893. Фрагменты из «Александрии» с переводом на современный русский язык см. в кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969.

Девгениево деяние. В XI—XII вв. был осуществлен также перевод византийского эпического сказания о богатыре Дигенисе Акрите. Греческий оригинал перевода не сохранился, до нас дошли только списки XIV—XVI вв. греческой поэмы о Дигенисе, отражающей уже, видимо, позднюю обработку этого эпоса¹.

В древнерусском переводе повести о Дигенисе, обычно именуемом «Девгениевым деянием», повествуется, как аравийский царь Амир похищает юную красавицу гречанку. Отправившись на розыски девушки три ее брата одолевают царя. Он решает креститься и переселиться в Греческую землю вслед за возлюбленной. От брака Амира и гречанки и рождается Девгений. Он с детства поражает всех своей силой и храбростью: на охоте Девгений руками душил медведицу, пересекает надвое льва. Далее рассказывается о победе Девгения над Филипапой и богатыршей-девицей Максимианой²; от Максимианы Девгений узнает, что, женившись на ней, он проживет 16 лет, а женившись на Стратиговне, — 36, это побуждает его добиваться руки Стратиговны. Подробно повествуется в «Деянии» о женитьбе Девгения. В греческой поэме его избранница носит имя Евдокии, в древнерусской повести она именуется по отцу — Стратиговна (*стратиг* — военачальник, здесь же наименование военного чина превращается в собственное имя). Девгений приезжает в город, где живет девушка, на богато убранном коне, гарцует под ее окнами, распевая «сладкую песнь»; молодые люди знакомятся, и Девгений уговаривает Стратиговну бежать с ним. Она согласна, но Девгений считает, что, похитив девушку в отсутствие ее отца и братьев (они в это время уехали охотиться), он покроет себя позором. Поэтому юноша дожидается возвращения родственников своей избранницы, открыто увозит ее буквально на глазах у отца: Стратиг предупрежден слугами, но отказывается верить в возможность столь дерзкого похищения. Девгений дожидается у стен города, пока Стратиг с сыновьями пускаются за ним в погоню, и одолевает их в бою. Стратиг соглашается на брак дочери с Девгением. Семьи жениха и невесты обмениваются подарками и справляют пышную свадьбу. В заключительной части «Девгениева деяния» рассказывается о победе героя над царем Василием.

«Девгениево деяние» обладает всеми чертами эпического сказания: герой не только красавец и удалой воин — сила и храбрость его (как, впрочем, и трех братьев его матери) обретает совершенно фантастические черты: за один «заезд» Девгений убивает по несколько тысяч вражеских воинов. Очень эффектна при всем своем неправдоподобии сцена похищения Стратиговны: Девгений три часа бесчинствует на дворе ее отца, вызывая его на поединок, разбивает копьём ворота, но Стратиг упрямо твердит, что в его двор не смеет залететь даже птица! Впрочем, и сила противников Девгения также изображается в гиперболических размерах: так, «кмети» (витязи-богатыри) царя Амира способны в одиночку выйти против тысячи, а двое — против «тмы» (десяти тысяч, бесчисленного множества).

Хотя перевод византийского сказания о Дигенисе Акрите был осуществлен, видимо, еще в XI—XII вв. (на это указывают данные лексики и сходство не-

¹ См.: Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина. М., 1960.

² Из древнерусского перевода остается неясным, кто такой Филипапа: в упомянутой греческой поэме о Дигенисе Акрите он является предводителем разбойников.

которых фразеологических оборотов «Девгениева деяния» с Галицко-Волынской летописью XIII в.), до нас дошло только три весьма поздних списка памятника: Тихонравовский — рубеж XVII—XVIII вв., Титовский и Погодинский — середина XVIII в. При этом Тихонравовский список представляет одну редакцию «Девгениева деяния», названную исследователями первой, а другие два списка — вторую, с существенными поновлениями в лексике и сокращениями¹. Ни один из русских списков не сохранил полного текста «Девгениева деяния»: в Тихонравовском списке содержится описание подвигов Девгения на охоте, рассказывается о похищении им Стратиговны и о победе над царем Василием. В Погодинском и Титовском списках излагается история Амира, рассказывается о победе Девгения над Филипапой и Максимианой, но повествование о сватовстве героя к Стратиговне короче, а история победы над царем Василием опущена совсем².

Повесть об Акире Премудром. В Киевской Руси был известен также перевод «Повести об Акире Премудром». Повесть эта возникла в Ассирио-Вавилонии в VII в. до н. э.³.

В «Повести» рассказывается, как Акир, советник царя Адорской и Наливской стран (т. е. Ассирии и Ниневи) Синагрипа, по божественному указанию усыновляет своего племянника Анадана. Он вырастил и воспитал его, научил всей премудрости (в повести приводится длинейший перечень наставлений Акира Анадану) и, наконец, представил царю как своего ученика и преемника. Однако Анадан начинает бесчинствовать в доме Акира, а когда тот пытается его обуздать, осуществляет коварный замысел: подделав почерк Акира, Анадан составляет подложные письма, которые должны будут убедить Синагрипа, что Акир замышляет государственную измену. Царь потрясен мнимой изменой своего советника, а Акир от неожиданности не может оправдаться и лишь успевает испросить разрешение, чтобы вынесенный ему

¹ Первая редакция «Девгениева деяния» читалась также в Мусин-пушкинском сборнике вместе со «Словом о полку Игореве»; сборник, как известно, погиб, и о тексте «Девгениева деяния» мы можем судить по описанию его состава издателями «Слова» и выпискам, сделанным из «Девгениева деяния» Н. М. Карамзиным.

² «Девгениево деяние» было исследовано еще в прошлом веке А. Н. Пыпиным, но наиболее фундаментальные исследования принадлежат М. Н. Сперанскому и В. Д. Кузьминой; ею же был обнаружен Титовский список «Девгениева деяния». См.: С перанский М. Н. «Девгениево деяние». К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты.— Сб. ОРЯС, (Отделение русского языка и словесности Академии наук), т. ХСІХ, № 7. Пг., 1922 (с изданием текста по Погодинскому и Тихонравовскому спискам); Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние». Деяние прежних времен храбрых человек. М., 1962 (с изданием реконструированного текста первой и второй редакций и фотокопий списков «Деяния»). См. также: Истоки русской беллетристики, с. 180—192. Текст второй редакции (с переводом) издан также в кн.: Изборник, с. 172—195.

³ Известны армянская, сирийская, арабская версии памятника. В основу славянского перевода, как полагает А. А. Мартиросян, положен именно армянский оригинал (см.: Мартиросян А. А. История и поучения Хикара Премудрого. Автореф. на соиск. степени докт. филол. наук. Ереван, 1970). Н. А. Мещерский высказался за сирийский оригинал древнерусского перевода (см.: Мещерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX, с. 205—206).

по настоянию Анадана смертный приговор привел в исполнение старый его друг. Акиру удается убедить друга в своей невинности, он казнит вместо Акира преступника, а самого Акира прячет в подземелье.

Египетский фараон, услышав о казни Акира, посылает послов к Синагрипу с требованием, чтобы кто-либо из его приближенных построил дом между небом и землей. Синагрип в отчаянии: Анадан, на которого он рассчитывал, отказывается помочь, говоря, что выполнение этой задачи под силу только богу. Тогда друг Акира сообщает царю, что опальный советник жив. Царь посылает Акира в Египет, где он отгадывает все хитроумные загадки, которые предлагает ему фараон. Акир принуждает фараона отказаться и от требования о постройке дома: обученные Акиром орлицы поднимают в поднебесье мальчика, который просит подавать ему камни и известь, а египтяне, естественно, не могут этого сделать. Получив дань за три года, Акир возвращается к Синагрипу, приковывает Анадана у крыльца своего дома и начинает укорять его за содеянное зло. Напрасно Анадан молит о прощении. Не выдержав язвительных попреков Акира, он раздувается, «как кувшин», и лопается от злости.

Повесть эта интересна как остро сюжетное произведение: хитрость и коварство Анадана, клеветнический на своего приемного отца, и мудрость Акира, находящего достойный выход из всех затруднений, в которые пытается поставить его фараон, создают в произведении немало острых коллизий. С другой стороны, едва ли не четвертая часть повести занята наставлениями, с которыми Акир обращается к Анадану: здесь и сентенции на темы дружбы, справедливости, щедрости, этикета поведения, и обличение «злых жен». Средневековые книжники имели пристрастие к мудрым изречениям и афоризмам. В различных редакциях и списках «Повести об Акире» состав сентенций меняется, но тем не менее они остаются неизменной составной частью ее текста.

Единственный полный список древнейшей редакции «Повести об Акире» из собрания Общества истории и древностей российских (в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина) относится к XV в.; другие два — Вахрамеевский (XV в.) и Хлудовский (XVII в.) неполные. В Соловецком списке (ныне утраченном) читалась лишь половина текста «Повести» по старшей редакции. Та же редакция читалась и в Мусин-пушкинском сборнике (вместе со «Словом о полку Игореве» и «Девгениевым деянием»), погибшем в 1812 г.

Позднее, в XVII в. (или во второй половине XVI в.) создается новая редакция «Повести об Акире». По существу, это довольно свободный пересказ древней редакции повести, при этом и сюжет, и образы ее сильно русифицируются, сближаются с сюжетом и персонажами народной сказки¹.

Древнейшая редакция «Повести об Акире» была исследована и издана А. Д. Григорьевым².

¹ См.: Истоки русской беллетристики, с. 171—180.

² См.: Григорьев А. Д. «Повесть об Акире Премудром». — ЧОИДР. 1908, кн. 3; 1909, кн. 3. Отдельное издание — М., 1913.

Естественнонаучные сочинения. Византийская наука раннего средневековья была самым теснейшим образом связана с богословием. Мир природы, сведения о котором византийские ученые могли почерпнуть как из собственных наблюдений, так и из сочинений античных философов и естествоиспытателей, рассматривался прежде всего как наглядное свидетельство премудрости бога, сотворившего мир, или как своего рода живая аллегория: явления природы, повадки живых существ или мир минералов — все это представлялось своеобразным воплощением в живых и материальных образах каких-то вечных истин, понятий или нравочучений.

С произведениями византийской ученой мысли раннего средневековья познакомились и русские книжники. Хотя точно установить время проникновения на Русь некоторых переводов не удастся, возможно, что они стали известны на Руси еще до монгольского нашествия.

Шестоднев. Большой популярностью в средневековых христианских литературах пользовались шестодневы. Это произведения, комментирующие краткий библейский рассказ о сотворении богом неба, звезд, светил, земли, живых существ, растений и человека в течение шести дней (отсюда и название книги — «Шестоднев»). Комментарий этот превращался в свод всех сведений о живой и неживой природе, которыми располагала в то время византийская наука. Из многочисленных шестодневов, существовавших, например, в византийской литературе, на Руси были известны «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, «Шестоднев» Севериана Гевальского, а позднее — «Шестоднев» Георгия Пизиды.

«Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского¹ — это компилятивное сочинение, основанное на «Шестодневах» Василия Великого и Севериана Гевальского, но автор использовал наряду с этим множество иных источников и дополнил труд собственными рассуждениями. Он состоит из пролога и шести «слов». В них рассказывается о небесных светилах и о Земле, об атмосферных явлениях, о животных, растениях, о природе самого человека. Все эти сведения, иногда отражавшие естественнонаучные представления того времени, иногда откровенно фантастические, пронизаны одной и той же идеей: восхищением перед мудростью бога, создавшего такой прекрасный, многообразный, разумно устроенный мир. Эта идея из «Шестоднева» привлекла внимание Владимира Мономаха, который в своем «Поучении» цитирует памятник и выражает свое восхищение тем, «како небо устроено, како ли солнце, како ли луна... и земля на водах положена», тем, как разнообразны звери и птицы.

«Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского — наиболее распространенный в русской письменности. Старший из хранящихся в наших библиотеках спи-

¹ Иоанн был экзархом (наместником константинопольского патриарха) в IX—X вв. в Преславе, столице Болгарского царства.

Сирена и Кентавр. Мини-
атюра из «Физиолога».
XV в. (ГПБ).

сков — сербский (1263 г.), русские списки восходят к XV в. и последующим, но обращение к «Шестодневу» Владимира Мономаха и наличие фрагментов из него в хронографическом своде XIII в. свидетельствуют о том, что перевод памятника был известен на Руси гораздо раньше¹.

«Физиолог». Если «Шестодневы» повествовали о природе в целом — от светил до растений и животных, то в другом памятнике, естественнонаучного характера, — «Физиологе» рассказывалось по преимуществу о живых существах, как реально существующих (льве, орле, муравье, ките, слоне и др.), так и фантастических (фениксе, сиренах, кентавре), и лишь о некоторых растениях или драгоценных камнях (алмазе, кремне, магните и др.).

Каждый рассказ сообщал о свойствах существа или предмета, а затем давал символическое истолкование этим свой-

¹ «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, по сербскому списку 1263 г. был издан в ЧОИДР (1879 г., кн. 3); сведения о переводных шестодневях см.: Баранкова Г. С. Шестодневы повествовательные. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога..., ч. I, М., 1976, вып. 2.

и ѡбонтакъ въ рѣ. и ꙗко снмъ мѣнѣ.
 и стовъ ставишь и прочее! —

и ꙗко черншн. и ꙗко снмъ мѣнѣ: —

Сѣсть, ꙗко чернца, парцѣма, ꙗко
 Сѣннѣскаѣ. и гдѣ сѣ съ старѣсть.
 и ꙗко снмъ мѣнѣ и шчн. и ꙗко снмъ мѣнѣ
 сѣ. и ꙗко снмъ мѣнѣ, въ шчѣ несть сѣ сѣ

Лев вдыхает жизнь в новорожденного львенка. Миниатюра из «Физиолога». XV в. (ГПБ).

ствам. Однако, как правило, и повадки животных, и особенности растений или камней в изложении «Физиолога» совершенно фантастичны, ибо основная цель его — найти аналогию между свойствами существа или предмета и каким-либо богословским понятием.

Так, например, о пеликане говорится, что, едва родившись, его птенцы начинают клевать родителей, пока те, измучившись, не убивают их. Но, оплакав погубленных детей в течение трех дней, родители решают их оживить. Для этого мать пробивает себе ребро, и птенцы, окропленные ее кровью, оживают. Поведение пеликана, утверждает «Физиолог», символизирует судьбу человеческого рода, отпавшего от бога, но спасенного кровью, пролитой за него Христом. Подобно этому фантастический рассказ об обычае львов (что львица рождает детеныша мертвым, а его оживляет отец через три дня, дунув на него) также соотносится с воплощением, смертью и воскресением Христа.

Тем не менее сами по себе рассказы о животных, как правило, весьма занимательны: так, о том же льве сообщается, будто бы он спит с открытыми глазами, крокодил плачет, пожирая свою жертву, птица-феникс сама сжигает себя на огне жертвенника, но в пепле зарождается «червь», который на второй же день превращается в птенца, а на третий — во взрослую птицу.

Рассказывается о повадках лисы: она притворяется мертвой, а как только птицы садятся и начинают клевать ее, — вскакивает и хватает их. Саламандра (разновидность земноводных), по утверждению «Физиолога», войдя в огонь,

тушит его. В некоторых редакциях памятника рассказывается, что горлица (лесной голубь) после гибели «мужа» (т. е. самца) остается одинокой: она сидит на сухом дереве, «плачущися подруга (друга, любимого) своего»¹.

Нам известны списки «Физиолога» лишь начиная с XV в., но можно полагать, что памятник был переведен уже в Киевской Руси: характерно, что в письме киевского князя Владимира Мономаха (умер в 1125 г.) встречается тот же образ плачущей на сухом дереве горлицы применительно к вдове его погибшего сына.

«Христианская топография». Известностью пользовалась в Древней Руси и «Христианская топография» Космы Индикоплова. Косма был купцом, совершившим около 530 г. путешествие в Египет, Эфиопию и Аравию. В самой Индии, несмотря на свое прозвание — Индикоплова (т. е. плававшего в Индию), Косма, как полагают, не был и сведения об этой стране приводит по чужим рассказам.

Памятник состоит из 12 «слов» (глав), в которых содержится рассуждение об устройстве Вселенной. В частности, Косма утверждает, что Земля — плоская; она и покрывающее ее небо уподобляются комнате со сводчатым потолком. Видимое нами небо состоит из воды, а над ним простирается иное небо, невидимое нами. Движением светил и атмосферными явлениями управляют специально приставленные для этого ангелы. Столь же легендарны и сведения о животном и растительном мире тех стран, о которых говорит Косма.

Извлечения из «Христианской топографии» Космы встречаются уже в рукописях XIII в., однако полные списки памятника дошли до нас только от более позднего времени².

3. ДРЕВНЕЙШЕЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

Обратимся теперь к рассмотрению оригинальной, т. е. созданной русскими авторами, литературы Киевской Руси. Мы уже знаем, что в течение короткого времени русские книжники познакомились с богатой и разнообразной переводной литературой. На новую почву была перенесена целая система жанров: хроники, исторические повести, жития, патерики, апокрифы, торжественные «слова» и поучения. Переводные произведения обогатили русских книжников историческими и естественнонаучными сведениями, познакомили их с сюжетами античных мифов и эпическими преданиями, с разными типами сюжетов, стилей, манер повествования.

Но было бы совершенно неверно полагать, что именно переводная литература явилась единственной и основной школой лите-

¹ См.: Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога». Спб., 1890.

² Издание памятника см.: «Христианская топография» Космы Индикоплова. Спб., 1886. См. также: Ильяшова Л. А. «Христианская топография» Козьмы Индикоплова.— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей. ч. I. М., 1976, вып. 2.

поистинѣ пшнѣмъ марта

пашнѣмъ марта

Съ 20
и 10
и 10

3
и 10
и 10

Миниатюра из «Христианской топографии» Козмы Индикоплова. XVII в. (БАН).

ратурного мастерства для древнерусских переводчиков и писателей. Огромное влияние оказали на них богатые традиции устного народного творчества, и прежде всего традиции славянского эпоса.

Как мы увидим далее, народные эпические предания представляют собой исключительно яркое художественное явление, не имеющее точной аналогии в известных нам памятниках переводной литературы. Древнерусские книжники использовали богатые традиции устных публичных выступлений: краткие речи князей, в которых те вдохновляли своих воинов перед битвами, речи, с которыми выступали свидетели и судьи на судебных процессах, речи, произносившиеся на вечевых собраниях, речи, с которыми князья посылали своих послов к другим князьям или иноземным правителям, и т. д. Договоры, юридические документы и установления также вносили свой вклад в формирование русского литературного языка, а в какой-то мере участвовали и в формировании языка русской литературы¹.

Обратившись к анализу первых оригинальных произведений литературы Киевской Руси, мы увидим также, что она самобытна не только в языке, не только в системе образов или сюжетных мотивов, но и в жанровом отношении: не имеют себе жанровой аналогии в византийской и болгарской литературах ни русские летописи, ни «Слово о полку Игореве», ни «Поучение Владимира Мономаха», ни «Моление Даниила Заточника», ни некоторые другие памятники.

Одним из первых, важнейших жанров возникающей русской литературы явился жанр летописи.

Историческая память восточнославянских народов простиралась на несколько веков вглубь: из поколения в поколение передавались предания и легенды о расселении славянских племен, о столкновениях славян с аварами (обрами), об основании Киева, о славных деяниях первых киевских князей.

Возникновение письменности позволило зафиксировать устные исторические предания и побудило в дальнейшем в письменном виде регистрировать все важнейшие события своего времени. Так возникло летописание. Именно летописи было суждено на несколько веков, вплоть до XVII в., стать не простой погодной записью текущих событий, а одним из ведущих литературных жанров, в недрах которого развивалось русское сюжетное повествование.

Византийские хроники и русские летописи. Исследователи XIX в. и начала нашего столетия считали, что русское лето-

¹ См.: Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв. — «Исторические записки», 1946, т. 18, с. 42—55; Он же. «Устные летописи» в составе «Повести временных лет». — «Исторические записки», 1945, т. 17, с. 201—224; Он же. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 5—52.

писание возникло как подражание византийской хронографии. Это неверно: византийские хроники, как мы увидим далее, были использованы русскими книжниками отнюдь не на начальном этапе развития русского летописания. Кроме того, большинство русских летописей построено по иному принципу, чем византийские хроники. В хрониках (в частности, в «Хронике Георгия Амартола» и «Хронике Иоанна Малалы») исторический процесс членится по царствованиям: рассказывается история правления одного царя или императора, затем его преемника, затем преемника этого последнего и т. д. Для хроник характерно указание не на год воцарения того или иного правителя, а на продолжительность его царствования. Структура русского летописания иная: летописец фиксирует события, произошедшие в тот или иной конкретный год, не последовательность правлений, а последовательность событий. Каждая летописная статья посвящена одному году и начинается словами «В лето...» (далее следует год «от сотворения мира»).

Сравним два отрывка: один из «Хронографа по великому изложению», построенного по принципу византийской хронографии, другой — из русской летописи.

В «Хронографе» мы, например, читаем: «По Марце же царствова сын его Комод лет 12, и течением кровнымь и золчию (от болезни желчи?) борзо умре. По Комоде же царствова Петримакс месяца 2 и убиен бысть. По Петримаксе же царствова Иулиан Дидний месяц 4 и убиень бысть у источника, глядаа рыб. По Диднии же царствова Севир лет 17. Т (от) в Вретании победив супостаты...»

Иначе построено изложение в летописи: «В лето 6535 (1027). Родися 3-й сын Ярославу, и нарече имя ему Святослав. В лето 6536 (1028). Знамень змиево явися на небеси, яко видети всей земли. В лето 6537 (1029). Мирно бысть. В лето 6538 (1030). Ярослав Белзы взял...»

Здесь специально подобраны отрывки, заключающие короткие статьи. Но различие принципов изложения в хронике и летописи достаточно наглядно.

И летописи и хроники (хронографы) представляли собой своды, или компиляции. Летописец или хронист не мог излагать все события по собственным впечатлениям и наблюдениям, хотя бы уже потому, что как летописи, так и хроники стремились начать изложения с «самого начала» (от «сотворения мира», от образования того или иного государства и т. д.), и, следовательно, летописец вынужден был обращаться к существовавшим до него источникам, повествующим о более древних временах. С другой стороны, летописец не мог просто продолжать летопись своего предшественника. Во-первых, не мог потому, что каждый летописец, как правило, проводил какую-либо свою политическую тенденцию и в соответствии с ней перерабатывал текст своего предшественника, не только опуская малозначительные или не устраивавшие его в политическом отношении материалы, но и дополняя его извлечениями из различных источников, создавая таким образом свой, отличный от предшествовавших вариант летописного повествования. Во-вторых, чтобы труд его не приоб-

Софийский собор в Новгороде. 1045 г.

рел непомерный объем от соединения многих обширных источников, летописец должен был чем-то жертвовать, выпуская сообщения, которые ему казались менее значительными.

Все это в высшей степени затрудняет исследование летописных сводов, установление их источников, характеристику работы каждого из летописцев. Особенно сложным оказалось восстановление истории древнейшего русского летописания, поскольку мы располагаем лишь списками летописей значительно более позднего времени (Новгородской летописью XIII—XIV вв., Лаврентьевской летописью 1377 г., Ипатьевской начала XV в.), к тому же отражающими не самые древние летописные своды, а более поздние их редакции.

Поэтому история древнейшего летописания в известной мере гипотетична. Наиболее приемлемой и авторитетной считается гипотеза академика А. А. Шахматова, на которую опираются

в своих частных исследованиях большинства памятников домонгольской Руси литературоведы и историки-источниковеды. Гипотеза А. А. Шахматова основана на кропотливейших исследованиях текста всех дошедших до нас списков начальной части русского летописания. А. А. Шахматов создал не только наиболее известную концепцию начала русского летописания, но и методику установления истории текста летописей, которую стали применять и его последователи, в первую очередь М. Д. Приселков и А. Н. Насонов, а также и многие другие. Концепцию А. А. Шахматова дополнили и уточнили его последователи.

Начальное летописание. Древнейший реально дошедший до нас летописный свод — это «Повесть временных лет», созданная предположительно около 1113 в. Однако «Повести временных лет», как показал А. А. Шахматов, предшествовали иные летописные своды.

К этому выводу, положившему начало многолетним разысканиям в области древнейшего русского летописания, А. А. Шахматова привел, в частности, следующий факт: «Повесть временных лет», сохранившаяся в Лаврентьевской, Ипатьевской и других летописях, существенно отличалась в трактовке многих событий от другой летописи, повествовавшей о том же начальном периоде русской истории, — Новгородской первой летописи младшего извода. В Новгородской летописи отсутствовали тексты договоров с греками, князь Олег именовался воеводой при юном князе Игоре, иначе рассказывалось о походах Руси на Царьград и т. д.

А. А. Шахматов пришел к выводу, что Новгородская первая летопись в своей начальной части отразила иной летописный свод, который предшествовал «Повести временных лет»¹.

Попытки другого видного исследователя русского летописания — В. М. Истрина² найти различия «Повести временных лет» и рассказа Новгородской первой летописи иное объяснение (что Новгородская летопись будто бы сокращала «Повесть временных лет») были безуспешны: точка зрения А. А. Шахматова была подтверждена многими фактами, добытыми как им самим, так и другими учеными³.

¹ Основные труды А. А. Шахматова по этому вопросу: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908; «Повесть временных лет», т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916; Киевский начальный свод 1095 г. — В кн.: Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947.

² См.: Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVI. Пг., 1923; т. XXVII. Л., 1924.

³ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 16—44; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, гл. 3, 5, 6, 8 и 9. См. также: Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сб. ст. М., 1976, с. 93—99; Творогов О. В. «Повесть временных лет» и «Начальный свод» (текстологический комментарий). — «ТОДРЛ». Л., 1976, т. XXX; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 49—64; 130—152; 229—247.

В настоящее время история древнейшего летописания представляется в следующем виде.

Устные исторические предания существовали задолго до летописания; с возникновением письменности, вероятно, появляются и отдельные записи исторических событий, однако летописание как жанр возникает, видимо, лишь в годы княжения Ярослава Мудрого (1019—1054). В это время принявшая христианство Русь начинает тяготиться византийской церковной опекой и стремится обосновать свое право на церковную самостоятельность, так как Византия была склонна рассматривать государства, в христианизации которых она принимала то или иное участие, как духовную паству константинопольского патриархата, стремилась превратить их в своих вассалов и в политическом отношении.

Именно этому решительно воспротивился Ярослав, поставив в Киеве в 1051 г. русского митрополита Илариона и добиваясь канонизации первых русских святых — князей Бориса и Глеба. Эти действия должны были укрепить церковную, а также и политическую независимость Руси от Византии, поднять авторитет молодого славянского государства.

Киевские книжники утверждали, что история Руси подобна истории других христианских государств. Здесь также были свои христианские подвижники, пытавшиеся личным примером побудить народ к принятию новой веры: княгиня Ольга крестилась в Константинополе и убеждала своего сына Святослава также стать христианином. Были на Руси и свои мученики, например варяг и его сын, растерзанные толпой язычников за отказ принести жертву языческим богам. Были и свои святые — князья Борис и Глеб, убитые по приказанию своего брата Святополка, но не преступившие христианских заветов братолюбия и покорности старшему. Был на Руси и свой «равноапостольный» князь Владимир, крестивший свой народ и тем самым сравнявшийся с Константином Великим, императором, объявившим христианство государственной религией Византии¹.

Для обоснования этой идеи, как предполагает Д. С. Лихачев², и был составлен свод преданий о возникновении христианства на Руси. В него вошли рассказы о крещении и кончине Ольги, рассказ о варягах-христианах, сказание о крещении Руси, сказание о князьях Борисе и Глебе и, наконец, обширная похвала Ярославу Мудрому (отражение которой мы находим в статье 1037 г. «Повести временных лет»). Все шесть названных произведений обнаруживают, по мнению Д. С. Лихачева, «свою принадлежность одной руке... теснейшую взаимосвязь между собою: композиционную, стилистическую и идейную»³.

Этот свод статей (Д. С. Лихачев условно назвал его «Сказанием о распространении христианства на Руси») мог быть составлен в первой половине 40-х гг. XI в. книжниками Киевской митрополии.

¹ Роль Константина Великого (324—337) в христианизации Византии сильно преувеличена церковной литературой: Константин весьма постепенно и осторожно, главным образом под давлением политических соображений, расширял права христианской церкви.

² См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 62—76.

³ Там же, с. 64.

Следующий этап в развитии русского летописания приходит- ся уже на 60—70-е гг. XI в. А. А. Шахматов связывал его с деятельностью монаха Киево-Печерского монастыря Никона. Ученый основывался на следующем наблюдении. Никон, подвизавшийся в Киево-Печерском монастыре, после ссоры с князем Изяславом, бежал в далекую Тмуторокань (княжество на восточном берегу Керченского пролива), а в Киев вернулся снова только в 1074 г. А. А. Шахматов обратил внимание, что точные даты в летописи словно бы «сопутствуют» Никону: в летописных статьях за 60-е гг. отсутствует точная датировка событий в Киеве и на Руси, но зато содержатся (с указаниями дня, когда совершилось событие) сведения о том, что произошло в Тмуторокани: как был изгнан явившимся сюда Ростиславом Владимировичем князь Глеб и как сам Ростислав был отравлен неким котопаном (греком-священником).

Возможно, в этом же летописном своде к преданиям о распространении христианства на Руси были присоединены рассказы о первых русских князьях — Олеге, Игоре, Ольге. Тогда же в рассказ о крещении Владимира могла быть вставлена другая версия того же события, согласно которой Владимир крестился не в Киеве, а в Корсуні¹; наконец, Никон (если именно он был составителем этого свода) ввел, вероятно, в летопись легенду, согласно которой род русских князей, занимающих великокняжеский престол в Киеве, восходит не к Игорю, а к призванному новгородцами варяжскому князю Рюрику. При этом Рюрик объявляется отцом Игоря, а киевский князь Олег превращен летописцем в воеводу, сначала Рюрика, а после его смерти — Игоря².

Эта легенда имела свой важный политический и идеологический смысл. Во-первых, в средневековье часто объявляли родоначальником правящей династии чужеземца: это снимало (как казалось создателям подобных легенд) вопрос о старшинстве и приоритете среди местных родов. Во-вторых, признание того, что киевские князья происходят от князя, призванного славянами с тем, чтобы установить на Руси «порядок», должно было придать нынешним киевским князьям больший авторитет. В-третьих, легенда превращала всех русских князей в «братьев», утверждала законность только одного княжеского рода — Рюриковичей.

В условиях феодальных отношений ни одному из этих расчетов летописца не суждено было сбыться, но легенда о «при-

¹ В действительности же *Херсонес* (Корсунь) — византийский город-колония в Крыму, располагавшийся вблизи нынешнего Севастополя, был захвачен Владимиром уже после принятия им крещения. См. подробнее: Поппие А. О причине похода Владимира Святославича на Корсунь 988—989 гг. — «Вестник Московского государственного университета. История», 1978, № 2.

² Вторичность легенды о Рюрике доказывается хотя бы тем, что в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, написанном в 30-х гг. XI в., род киевских князей возводится именно к Игорю, а не к Олегу и не к Рюрику.

звании варягов» была введена в круг основополагающих идей русской средневековой историографии; много веков спустя она будет воскрешена и поднята на щит «норманистами», сторонниками иноземного происхождения русской государственности¹.

Исследователи полагают также, что именно с 60-х гг. летописному повествованию придается характерная форма погодных (т. е. построенных по годам, «годовых») статей, которой, как уже сказано, русская летопись принципиально отличается от византийских хроник.

«Начальный свод». Около 1095 г. создается новый летописный свод, который А. А. Шахматов предложил назвать «Начальным сводом». А. А. Шахматов убедительно показал, что «Начальный свод» сохранился в составе Новгородской I-й летописи, хотя и в несколько переработанном виде. Поэтому мы с большой степенью вероятности можем вычленивать из дошедшего до нас текста «Повести временных лет» — летописного свода, созданного на основе «Начального свода», тот объем известий, который принадлежал еще этому «Начальному своду».

Составитель «Начального свода» продолжил свод Никона, доведя изложение событий с 1073 г. по 1095 г., и придал своему изложению в этой дополненной части особенно публицистический характер, упрекая князей за междоусобные войны, сетуя, что они не заботятся об обороне Русской земли, не слушаются советов «смысленных мужей»². Помимо русских источников, летописец использовал также древнейшую русскую хронографическую компиляцию — так называемый «Хронограф по великому изложению», откуда вставил в летописный рассказ несколько фрагментов: рассказ о походе на Царьград Аскольда и Дира (он читается в «Повести временных лет» под 866 г.), рассказ о походе Игоря на Царьград (под 941 г.) и рассказ о чудесных знаменьях, случившихся во времена сирийского царя Антиоха, римского императора Нерона и византийских императоров Юстиниана, Маврикия и Константина (под 1065 г.).

«Повесть временных лет». В начале XII в. (полагают, что около 1113 г.) «Начальный свод» был вновь переработан монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Труд Нестора получил в науке название «Повести временных лет» по первым сло-

¹ В настоящее время советская наука признает, что норманские князья действительно приглашались на Русь как предводители наемных дружин. Именно так, возможно, был приглашен в Новгород и Рюрик. Приглашенные военачальники могли в отдельных случаях захватывать власть в городах, где располагались их дружины (норманское происхождение Рюрика, Олега и Игоря не вызывает сомнения), однако образование Руси произошло не по воле этих наемников, а представляло собой естественный внутренний процесс возникновения государственности у восточных славян, начавшийся задолго до так называемого «призвания».

² Эта гипотеза имеет следующее основание: названные идеи отразились в пространном предисловии к своду, которое сохранилось в Новгородской первой летописи (см.: Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. И. Насонова. М.—Л., 1950, с. 103—104).

вам ее пространного заголовка: «Се повести временных (прошедших) лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Нестор был книжником широкого исторического кругозора и большого литературного дарования: еще до работы над «Повестью временных лет» он написал «Житие Бориса и Глеба» и «Житие Феодосия Печерского»¹. В «Повести временных лет» Нестор поставил перед собой грандиозную задачу: не только дополнить «Начальный свод» описанием событий рубежа XI—XII вв., современником которых он был, но и самым решительным образом переработать рассказ о древнейшем периоде истории Руси — «откуда есть пошла Русская земля».

Нестор вводит историю Руси в русло истории всемирной. Он начинает свою летопись изложением библейской легенды о разделении земли между сыновьями Ноя. Приводя пространный перечень народов всего мира (извлеченный им из «Хроники Георгия Амартола»), Нестор вставляет в этот перечень упоминание о славянах; в другом месте текста славяне отождествляются с «нориками» — жителями одной из провинций Римской империи, расположенной на берегах Дуная. Нестор обстоятельно рассказывает о древних славянах, о территории, которую занимали отдельные славянские племена, но особенно подробно — о племенах, обитавших на территории Руси, в частности о «кротких и тихих обычаем» полянах, на земле которых возник город Киев. Нестор уточняет и развивает варяжскую легенду Никона: упоминаемые в «Начальном своде» варяжские князья Аскольд и Дир объявляются теперь всего лишь боярами Рюрика (к тому же «не племени его»), и именно им приписывается поход на Византию во времена императора Михаила. Установив по документам (текстам договоров с греками), что Олег был не воеводой Игоря, а самостоятельным князем, Нестор излагает версию, согласно которой Олег — родственник Рюрика, княживший в годы малолетства Игоря².

В то же время Нестор включает в летопись некоторые новые (сравнительно с «Начальным сводом») народно-исторические предания, такие, как рассказ о четвертой мести Ольги древлянам, рассказы о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем и об осаде Белгорода печенегами (речь о них пойдет ниже).

Итак, именно Нестору «Повесть временных лет» обязана своим широким историческим кругозором, введением в летопись фактов всемирной истории, на фоне которых разворачивается история славян, а далее — история Руси. Именно Нестор укре-

¹ Некоторые ученые считают, что Нестор-летописец и Нестор — автор житий — это разные лица.

² Эта версия легко опровергается простейшим расчетом: если даже допустить, что Игорь родился в год смерти Рюрика, то Олег оставался регентом при Игоре и в те годы, когда «малолетнему» князю было уже 30 лет. В действительности же и Рюрик, и новгородский, а затем киевский князь Олег, и киевский князь Игорь, видимо, не были связаны кровным родством.

пляет и совершенствует версию о происхождении русской княжеской династии от «призванного» норманского князя. Нестор — активный поборник идеала государственного устройства Руси, провозглашенного Ярославом Мудрым: все князья — братья и все они должны подчиняться старшему в роде и занимающему киевский великокняжеский стол.

Благодаря государственному взгляду, широте кругозора и литературному таланту Нестора «Повесть временных лет» явилась «не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной, литературно изложенной историей Руси»¹.

Как полагают, первая редакция «Повести временных лет» до нас дошла. Сохранилась вторая ее редакция, составленная в 1117 г. игуменом Выдубицкого монастыря (под Киевом) Сильвестром, и третья редакция, составленная в 1118 г. по повелению князя Мстислава Владимировича. Во второй редакции была подвергнута переработке лишь заключительная часть «Повести временных лет»: эта редакция и дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., а также других более поздних летописных сводов. Третья редакция, по мнению ряда исследователей, представлена в Ипатьевской летописи, старший список которой — Ипатьевский — датируется первой четвертью XV в.

Композиция «Повести временных лет». Рассмотрим теперь композицию «Повести временных лет», какой она предстает перед нами в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях.

Во вводной части излагается библейская легенда о разделении земли между сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Иафетом — и легенда о вавилонском столпотворении, приведшем к разделению «единого рода» на 72 народа, каждый из которых обладает своим языком. Определив, что «язык (народ) словенск» от племени Иафета, летопись повествует далее уже о славянах, населяемых ими землях, об истории и обычаях славянских племен. Постепенно сужая предмет своего повествования, летопись сосредоточивается на истории полян, рассказывает о возникновении Киева. Говоря о давних временах, когда киевские поляне были данниками хазар, «Повесть временных лет» с гордостью отмечает, что теперь, как это и было предначертано издавна, хазары сами являются данниками киевских князей.

Точные указания на года начинаются в «Повести временных лет» с 852 г., так как с этого времени, как утверждает летописец, Русь упоминается в «греческом летописании»: в этом году на Константинополь напали киевские князья Аскольд и Дир. Тут же приводится хронологическая выкладка — отчет лет, прошедших от одного до другого знаменательного события. Завершает выкладку расчет лет от «смерти Ярославлі до смерти Святополчи» (т. е. с 1054 по 1113 г.), из которого следует, что «Повесть

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 169.

временных лет» не могла быть составлена ранее начала второго десятилетия XII в.

Далее в летописи повествуется о важнейших событиях IX в.— «призвании варягов», походе на Византию Аскольда и Дира, завоевании Киева Олегом. Включенное в летопись сказание о происхождении славянской грамоты заканчивается важным для общей концепции «Повести временных лет» утверждением о тождестве «словенского» и русского языков — еще одним напоминанием о месте полян среди славянских народов и славян среди народов мира.

В последующих летописных статьях рассказывается о княжении Олега. Летописец приводит тексты его договоров с Византией и народные предания о князе: рассказ о походе его на Царьград, с эффектными эпизодами, несомненно, фольклорного характера (Олег подступает к стенам города в ладьях, двигающихся под парусами по суше, вешает свой щит над воротами Константинополя, «показуя победу»). Тут же приводится известное предание о смерти Олега. Волхв предсказал князю смерть от любимого коня. Олег решил: «Николи же всяду на нь, не вижю его боле того». Однако впоследствии он узнает, что конь уже умер. Олег посмеялся над лживым предсказанием и пожелал увидеть кости коня. Но когда князь наступил ногой на «лоб» (череп) коня, то был ужален «тѣмъ иныкнувшей» «изо лба» змеей, разболелся и умер. Летописный эпизод, как мы знаем, лег в основу баллады А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

Это предание сопровождается пространной выпиской из «Хроники Георгия Амартола»; ссылка на византийскую хронику должна подтвердить, что иногда оказываются вещими и пророчества языческих мудрецов, и поэтому введение в летопись рассказа о предсказанной волхвами смерти Олега не является предосудительным для летописца-христианина.

Олегу наследовал на киевском «столе» Игорь, которого летописец считал сыном Рюрика. Сообщается о двух походах Игоря на Византию и приводится текст договора, заключенного русским князем с византийскими императорами-соправителями: Романом, Константином и Стефаном. Смерть Игоря была неожиданной и бесславной: по совету дружины он отправился в землю древлян на сбор дани (обычно дань собирал его воевода Свенелд). На обратном пути князь вдруг обратился к своим воинам: «Идете с данью домови, а я възвращюся, похожую и еще». Древляне, услышав, что Игорь намеревается собирать дань вторично, возмутились: «Аще ся вѣвадить волк (если повадится волк) в овце, то выносить все стадо, аще не убьютъ его, тако и се: аще не убьем его, то вся ны погубить». Но Игорь не внял предостережению древлян и был ими убит.

Рассказ о смерти Игоря в летописи весьма краток; но в народной памяти сохранились предания о том, как вдова Игоря — Ольга отомстила древлянам за убийство мужа. Предания эти

были воспроизведены летописцем и читаются в «Повести временных лет» в статье 945 г.

После убийства Игоря древляне послали в Киев к Ольге послов с предложением выйти замуж за их князя Мала. Ольга сделала вид, что ей «любы» слова послов, и велела им явиться на следующий день, при этом не верхом и не пешком, а весьма необычным способом: по приказу княгини киевляне должны были принести древлян на княжеский двор в ладьях. Одновременно Ольга приказывает выкопать возле своего терема глубокую яму. Когда торжествующих древлянских послов (они сидят в ладье «гордящиеся», подчеркивает летописец) внесли на княжеский двор, Ольга приказала сбросить их вместе с ладьей в яму. Подойдя к ее краю, княгиня с усмешкой спросила: «Добра ли вы честь?». «Пуще ны (хуже нам) Игоревы смерти», — ответили древляне. И Ольга приказала засыпать их живыми в яме.

Второе посольство, состоявшее из знатных древлянских «мужей», Ольга велела сжечь в бане, куда послов пригласили «измыться». Наконец, дружину древлян, посланную навстречу Ольге, чтобы с почетом ввести ее в столицу Мала, княгиня приказала перебить во время тризны — поминального пира у могилы Игоря.

Внимательное рассмотрение легенд о том, как Ольга трижды отомстила древлянам, раскрывает символическое значение подтекста предания: каждая месть соответствует одному из элементов языческого погребального обряда. По обычаям того времени покойников хоронили, положив в ладью; для покойника приготавливали баню, а потом его труп сжигали, в день погребения устраивалась тризна, сопровождавшаяся военными играми!

Этот рассказ о трех мстях Ольги читался уже в «Начальном своде». В «Повести временных лет» было внесено еще одно предание — о четвертой мести княгини.

Перебив дружину древлян, Ольга тем не менее не могла взять их столицу — город Искоростень. Тогда княгиня снова прибегла к хитрости. Она обратилась к осажденным, убеждая, что не собирается облагать их тяжелой данью, как некогда Игорь, но просит ничтожный выкуп: по три воробья и по три голубя с дома. Древляне снова не догадались о коварстве Ольги и с готовностью прислали ей требуемую дань. Тогда воины Ольги по ее приказу привязали к лапкам птиц «церь» (зажженный трут, высушенный гриб-трутовик) и отпустили их. Птицы полетели в свои гнезда, и вскоре весь город был охвачен огнем. Люди, пытавшиеся спастись бегством, были пленены воинами Ольги. Так, по преданию, княгиня отомстила за смерть мужа.

Далее в летописи повествуется о посещении Ольгой Царьграда. Ольга действительно приезжала в Константинополь в 957 г. и была принята императором Константином Багрянородным. Однако совершенно легендарен рассказ, как она «переключала» (перехитрила) императора: согласно ему, Ольга крестилась в Константинополе, и Константин был ее крестным отцом. Когда же император предложил ей стать его женой, Ольга возразила: «Како хоцещи мя пояти, крестив мя сам и нарек мя дщерию?»

Восторженно изображает летописец сына Игоря — Святослава, его воинственность, рыцарственную прямоту (он будто бы заранее предупреждал своих врагов: «Хочю на вы ити»), неприхотливость в быту. Летопись рассказывает о походах Святослава

¹ См.: Лихачев Д. С. Комментарии. — В кн.: Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 297—301.

на Византию: он едва не дошел до Константинополя и предполагал, завоевав Балканские страны, перенести на Дунай свою столицу, ибо там, по его словам, «есть середина земли», куда стекаются все блага — драгоценные металлы, дорогие ткани, вино, кони и рабы. Но замысел Святослава не суждено было сбыться: он погиб, попав в засаду печенегов у днепровских порогов.

После смерти Святослава между его сыновьями — Олегом, Ярополком и Владимиром — разгорелась междоусобная борьба. Победителем из нее вышел Владимир, ставший в 980 г. единовластным правителем Руси.

В разделе «Повести временных лет», посвященном княжению Владимира, большое место занимает тема крещения Руси. В летописи читается так называемая «Речь философа», с которой будто бы обратился к Владимиру греческий миссионер, убеждая князя принять христианство. «Речь философа» имела для древнерусского читателя большое познавательное значение — в ней кратко излагалась вся «священная история» и сообщались основные принципы христианского вероисповедания.

Вокруг имени Владимира группировались различные народные предания. Они отразились и в летописи — в воспоминаниях о щедрости князя, его многолюдных пирах, куда приглашались едва ли не все дружинники, о подвигах безвестных героев, живших во времена этого князя, — о победе отрока-кожемяки над печенежским богатырем или о старце, мудростью своей освободившем от осады печенегов город Белгород. Об этих легендах речь еще пойдет ниже.

После смерти Владимира в 1015 г. между его сыновьями снова разгорелась междоусобная борьба. Святополк — сын Ярополка и пленницы-монашки, которую Владимир, погубив брата, сделал своей женой, убил своих сводных братьев Бориса и Глеба. В летописи читается краткий рассказ о судьбе князей-мучеников, о борьбе Ярослава Владимировича со Святополком, завершившейся военным поражением последнего и страшным божественным возмездием. Когда разбитый в бою Святополк обратился в бегство, на него «нападе» бес, «и раслабеша кости его, не можаше седети на кони». Святополку кажется, что за ним следует по пятам погоня, он торопит своих дружинников, которые несут его на носилках. «Гоним божьим гневом», Святополк умирает в «пустыни» (в глухом, незаселенном месте) между Польшей и Чехией, и от могилы его, по словам летописи, «исходит... смрад зол». Летописец пользуется случаем подчеркнуть, что страшная смерть Святополка должна послужить предостережением русским князьям, уберечь их от возобновления братоубийственных раздоров. Эта мысль прозвучит со страниц летописи еще не раз: и в рассказе о смерти Ярослава, и в описании распрей среди его сыновей в 70-х гг. XI в., и в рассказе об ослеплении теребовльского князя Василька его братьями по крови — Давидом и Святополком.

Софийский собор в Киеве. 1037 г. Реконструкция.

В 1037 г. в летописи рассказывается о строительной деятельности Ярослава (в частности, о закладке знаменитого Софийского собора в Киеве, крепостных стен с Золотыми воротами и т. д.) и прославляется его книголюбие: князь «книгам прилежа и почитая е (их) часто в нощи и в дне». По его приказу многочисленные писцы переводили книги с греческого «на словенское (т. е. русское) письмо». Важное значение имеет помещенное в статье 1054 г. предсмертное завещание Ярослава, призывавшего своих сыновей жить в мире, беречь землю «отец своих и дед своих», которую они обрели «трудом своим великим», подчиняться старшему в роде — киевскому князю.

Погодные записи в «Повести временных лет» чередуются с рассказами и сообщениями, иной раз лишь косвенно связанными с политической историей Руси, которой, собственно говоря, должна быть посвящена летопись. Так, в статье 1051 г. содержится пространный рассказ об основании Киево-Печерского монастыря. Эта тема будет продолжена в «Повести временных лет» и далее: в статье 1074 г. рассказывается о кончине игумена этого монастыря Феодосия, приводятся эпизоды подвижнической жизни в монастыре самого Феодосия и других иноков; в статье 1091 г. описывается перенесение мощей Феодосия и приводится похвала святому. В статье 1068 г. в связи с половецким нашествием на Русь летописец рассуждает о причинах бедствий Русской земли и объясняет «нахождение иноплемеников» божественной карой за прегрешения. В статье 1071 г. читается рассказ о возглавленном волхвами восстании в Ростовской земле; летописец рассуждает при этом о кознях бесов и приводит еще два рассказа, тематически связанные с предыдущим: о новгородце,

гадавшем у кудесника, и о появлении волхва в Новгороде.

В 1093 г. русские князья потерпели поражение от половцев. Это событие явилось поводом для новых рассуждений летописца о том, почему бог «наказывает Русскую землю», почему «плач по всем улицам упространися». Драматично описание страданий русских пленников, которые бредут, угоняемые на чужбину, «печални, мучими, зимою оцепляеми (страдая от холода), в алчи, и в жажи, и в беде», со слезами говоря друг другу: «Аз бех сего города», «Из сея вси (села)...» Этой статьей, как говорилось выше, возможно, заканчивался Начальный свод.

Последнее десятилетие XI в. было полно бурными событиями. После междоусобных войн, зачинщиком и непререваемым участником которых был Олег Святославич («Слово о полку Игореве» именуется его Олегом Гориславличем), князья собираются в 1097 г. в Любече¹ на съезд, на котором решают отныне жить в мире и дружбе, держать владения отца и не посягать на чужие уделы. Однако сразу же после съезда свершилось новое злодеяние: волынский князь Давыд Игоревич убедил киевского князя Святополка Изяславича в том, что против них злоумышляет теребовльский князь Василько. Святополк и Давыд заманили Василька в Киев, пленили его и выкололи ему глаза. Событие это потрясло всех князей: Владимир Мономах, по словам летописца, сетовал, что такого зла не было на Руси «ни при дедех наших, ни при отцех наших». В статье 1097 г. мы находим подробную повесть о драматической судьбе Василька Теребовльского; вероятно, она была написана специально для летописи и полностью включена в ее состав.

Мы не знаем точно, как выглядела заключительная часть «Повести временных лет» второй редакции. В Лаврентьевской летописи текст статьи 1110 г. искусственно оборван: запись летописца Сильвестра² следует непосредственно за рассказом о чудесном знамении в Печерском монастыре, которое рассматривается как явление ангела; в то же время в Ипатьевской летописи вслед за описанием знамения читается рассуждение об ангелах, которое, бесспорно, входило в первоначальный текст статьи 1110 г., т. е. должно было бы присутствовать и в тексте второй редакции «Повести временных лет». К тому же неизвестно, была ли статья 1110 г. последней в этой редакции: ведь в приписке Сильвестра сообщается, что он написал «книги си летописец» в 1116 г. Вопрос о взаимоотношениях второй редакции «Повести временных лет» и третьей редакции остается пока спорным, как и то, каким именно текстом завершалась вторая редакция «Повести».

Типы летописного повествования. Обзор композиции «Повести временных лет» подтверждает сложность ее состава и разнообразие ее компонентов как по происхождению, так и по жанровой принадлежности. В «Повести», помимо кратких погодных записей, вошли и тексты документов, и пересказы фольклорных преданий, и сюжетные рассказы, и выдержки из памятников переводной ли-

¹ Город на Днепре западнее Чернигова.

² В записи говорится, что Сильвестр — игумен «святаго Михаила» (т. е. Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом) написал «книги си летописец» в 6624 (1116) г., в правление князя Владимира Мономаха.

тературы¹. Мы встретим в ней и богословский трактат — «Речь философа», и житийный по своему характеру рассказ о Борисе и Глебе, и патериковые легенды о киево-печерских монахах, и церковное похвальное слово Феодосию Печерскому, и непридуманную историю о новгородце, отправившемся погадать к кудеснику.

Природа летописного жанра весьма сложна; летопись относится к числу «объединяющих жанров», подчиняющих себе жанры своих компонентов — исторической повести, жития, поучения, похвального слова и т. д.². И тем не менее летопись остается цельным произведением, которое может быть исследовано и как памятник одного жанра, как памятник литературы³.

В «Повести временных лет», как и в любой другой летописи, можно выделить два типа повествования — собственно погодные записи и летописные рассказы. Погодные записи содержат *сообщения* о событиях, тогда как летописные рассказы предлагают *описания* их. В летописном рассказе автор стремится изобразить событие, привести те или иные конкретные детали, воспроизвести диалоги действующих лиц, словом, помочь читателю представить происходящее, вызвать его на сопереживание.

Так, в рассказе об отроке, бежавшем из осажденного печенегами Киева, чтобы передать просьбу княгини Ольги воеводе Претичу, не только упоминается сам факт передачи сообщения, но именно *рассказывается* о том, как отрок бежал через печенежский стан с уздечкой в руке, спрашивая о будто бы пропавшем коне (при этом не упущена важная деталь, что отрок умел говорить по-печенежски), о том, как он, достигнув берега Днепра, «сверг порты» и бросился в воду, как выплыли ему навстречу на лодке дружинники Претича; передан и диалог Претича с печенежским князем. Это именно рассказ, а не краткая погодная запись, как, например: «Вятичи победи Святослав и дань на них възложи», или «Преставися царица Володимеряя Анна», или «Понде Мьстислав на Ярослава с козары и с касогы» и т. п.

В то же время и сами летописные рассказы относятся к двум типам, в значительной мере определяемым их происхождением. Одни рассказы повествуют о событиях, современных летописцу,

¹ Об источниках «Повести временных лет» см.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники.—«ТОДРЛ». М.—Л., 1940, т. IV.

² См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 48—50.

³ О литературной природе «Повести временных лет» см.: Еремин И. П. Повесть временных лет как памятник литературы.— В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.—Л., 1966; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, гл. 7; Он же. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1970, гл. 2, и 3; Творогов О. В. Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв.— В кн.: Истоки русской беллетристики, с. 31—66. См. также: Лурье Я. С. К изучению летописного жанра.—«ТОДРЛ». Л., 1972, т. XXVII.

Другие — о событиях, происходивших задолго до составления летописи, это устные эпические предания, лишь впоследствии внесенные в летопись.

Такие эпические легенды отличает, как правило, сюжетная занимательность: события, о которых в них повествуется, значительны или поражают воображение, герои таких рассказов отличаются необыкновенной силой, мудростью или хитростью. Почти в каждом таком рассказе налицо эффект неожиданности.

На неожиданности построен и сюжет рассказа о юноше-кожемяке (в статье 992 г.). Воевавший с Русью печенежский князь предложил Владимиру выставить из своего войска воина, который бы померился силой с печенежским богатырем. Никто не решается принять вызов. Владимир опечален, но тут к нему является некий «старый муж» и предлагает послать за своим младшим сыном. Юноша, по словам старика, очень силен: «От детства бо его несть кто им ударил» (т. е. бросил на землю). Как-то, вспоминает отец, сын, разгневавшись на него, «преторже череве руками» (разорвал руками кожу, которую в этот момент мят: отец и сын были кожевниками). Юношу призывают к Владимиру, и он показывает князю свою силу — хватает за бок пробегающего мимо быка и вырывает «кожу с мясы, елико ему рука зая». Но тем не менее юноша — «средний телом», и поэтому вышедший с ним на поединок печенежский богатырь — «превелик зело и страшен» — смеется над своим противником. Здесь (как и в рассказе о мести Ольги) неожиданность поджидает отрицательного героя; читатель же знает о силе юноши и торжествует, когда кожемяка «удави» руками печенежского богатыря¹.

В другом рассказе торжествует не сила, а хитрость. В статье 997 г. повествуется, как печенеги осадили городок Белгород (южнее Киева) и рассчитывали, что горожане вот-вот сдадутся: в городе начался «глад велик». И действительно, на вече горожане пришли к решению открыть ворота врагу: «Кого живять, кого ли умертвять», решают люди, иначе же — неизбежная голодная смерть. Но некий безвестный старец предлагает выход из положения. По его совету выкапывают два колодца, в которые ставят кадки с «цежем» (болтушкой, из которой варят кисель) и с «сытой» — разбавленным водой медом. Затем приглашают в город печенежских послов и говорят им: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? (Разве можете перестоять нас?) Аще стоите за 10 лет, что можете створити нам? Имеем бо кормлю от земле». Послы, увидев «чудесные колодцы», были поражены и убедили своих князей снять осаду с города.

Эпический стиль в летописи. Подобные рассказы летописи объединены особым, эпическим стилем изображения действительности. Это понятие отражает прежде всего подход повествователя

¹ Заметим, что народный характер рассказа подчеркивается тем, что профессионально сильные руки кожевника, который должен был мять кожу, помогают ему победить печенежского богатыря.

к предмету изображения, его авторскую позицию, а не только чисто языковые особенности изложения¹.

Для таких рассказов характерна сюжетная занимательность, безмянность героев (юноша-кожемяка, старец из Белгорода, киевлянин, отправившийся к воеводе Претичу сообщить о решении Ольги — в рассказе об осаде Киева в статье 968 г.), короткие, но живые диалоги; при общей лаконичности описания выделяется какая-либо важная для развития сюжета деталь (уздечка в руке отрока, подробное описание того, как сооружались «чудесные» колодцы в рассказе о белгородском киселе).

В каждом таком рассказе в центре — одно событие, один эпизод, и именно этот эпизод составляет характеристику героя, выделяет его основную, запоминающуюся черту; Олег (в рассказе о походе на Царьград) — это прежде всего мудрый и храбрый воин, герой рассказа о белгородском киселе — безмянный старец, но его мудрость, в последний момент спасшая осажденный печенегами город, и является той характерной чертой, которая завоевала ему бессмертие в народной памяти². Эпические рассказы характерны по преимуществу для «Повести временных лет», теснее, чем другие летописи, связанной с народным эпосом; в последующем летописании они встречаются значительно реже.

Другая группа рассказов составлена самим летописцем или его современниками. Ее отличает иная манера повествования, в ней нет изящной завершенности сюжета, нет эпической лаконичности и обобщенности образов героев. Эти рассказы в то же время могут быть более психологичными, более реалистичными, литературно обработанными, так как летописец стремится не просто поведать о событии, а изложить его так, чтобы произвести на читателя определенное впечатление, заставить его так или иначе отнестись к персонажам повествования. Среди подобных рассказов в пределах «Повести временных лет» особенно выделяется рассказ об ослеплении Василька Тербовльского (в статье 1097 г.).

Чтобы показать, как именно летописец достигает художественного, эмоционального воздействия на читателя, рассмотрим два эпизода из этого рассказа.

Киевский князь Святополк Изяславич, поддавшись уговорам волынского князя Давыда Игоревича, зовет к себе Василька, чтобы заточить и ослепить его. Василько, не ведая ожидающей его расправы, приезжает на «двор князь». Давыд и Святополк вводят гостя в «истобку» (избу). Святополк уговаривает Василька остаться погостить, а присутствующий при этом разговоре Давыд «седаше аки нем»: он сам оклеветал Василька и сам же в душе страшится собственного злоумышления. Когда Святополк вышел из «истобки», Василько заговаривает с Давыдом, но «не бе в Давыде гласа, ни послушанья»

¹ См. подробнее: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси, гл. 3.

² Не следует, однако, доверять «историчности» героев этих легенд или изображаемых в них событий. Так, например, в легенде о юноше-кожемяке утверждается, что на месте его поединка князь Владимир заложил город Переяславль, тогда как город существовал задолго до этого времени — он упомянут еще в договоре Олега с греками.

(он как бы не слышит, что говорят ему, и не может отвечать; это весьма редкий для древнерусского повествования старшей поры пример, когда автор так нетрадиционно передает душевное состояние собеседника). Но вот выходит из избытки и Давыд, а туда врываются княжеские слуги. Летописец подробно описывает завязавшуюся борьбу: чтобы удержать сильного и отчаянно сопротивлявшегося Василька, его валят на пол, прижимают снятой с печи доской, садятся на нее, так что у поверженного Василька «трещит» грудь. Столь же подробно описывается и само ослепление: оно поручено «овчарю», и тем самым читателю подсказывается сравнение Василька с безропотной, ведущейся на убой овцой.

Все эти детали помогают читателю наглядно представить ужасную сцену расправы над оклеветанным Васильком и убеждают читателя в правоте Владимира Мономаха, выступившего против Святополка и Давыда.

Исследователи часто обращаются и к другой, не менее выразительной сцене из того же рассказа. Ослепленного, израненного Василька везут на телеге. Он в беспамятстве. Сопровождающие (видимо, «отроки» Давыда) снимают с него окровавленную сорочку и отдают ее постирать попадье селения, в котором они остановились на обед. Попадья, выстирав сорочку, приходит к Васильку и начинает оплакивать его, думая, что он уже мертв. Василько «очюти (услышал) плачь, и рече: «Кде се есмь?». Они же (сопровождающие) рекоша ему: «В Звиждени городе». И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуса, и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред богом».

Эпизод этот рассказан столь подробно, с такими конкретными деталями, что эта сцена еще раз вызывает воспоминание о страшной участи оклеветанного князя, вызывает сочувствие к нему, а выраженное им желание предстать перед богом «в той сорочке кроваве» как бы напоминает о неизбежном возмездии, служит публицистическим оправданием вполне «земным» действиям князей, выступивших войной против Давыда Игоревича с тем, чтобы восстановить права Василька на отнятый у него удел.

Так, вместе с летописным повествованием начинает формироваться особый, подчиненный летописному жанр — жанр повести о княжеских преступлениях¹. Общественно-политическая значимость этих рассказов была столь велика, что авторы, видимо, настоятельно заботились о совершенстве их литературной формы, которая сделала бы повествование эмоционально выразительным, безусловно оправдывала бы позицию той стороны, которая выступала в таких рассказах как обличитель совершенного преступления.

Стиль монументального историзма в летописи. Если летописным рассказам, восходящим к фольклорным преданиям, был присущ особый эпический стиль, то преобладающим и всеохватывающим стилем в летописании XI—XII вв., а также и во всей литературе этого периода является стиль монументального историзма.

В этом стиле проявляется стремление древнерусских книжников судить обо всем с точки зрения общего смысла и целей человеческого существования. Поэтому авторы XI—XIII вв. стремятся изображать только самое крупное и значительное. Стиль монументального историзма характеризуется прежде всего стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистан-

¹ См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 215—247.

ций: пространственных, временных, иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее значительное и красивое представляется монументальным, величественным, воспринимается как бы с высоты птичьего полета.

Летописцы (так же как и авторы житий или похвальных слов и поучений) смотрят на мир как бы с большого удаления. В этот период развито панорамное зрение, стремление сопрягать в изложении различные удаленные друг от друга географические пункты. В летописях действие перебрасывается из одного места в другое, находящееся на противоположном конце Русской земли. Рассказ о событиях в Новгороде сменяется рассказом о событиях во Владимире или Киеве, далее упоминаются события в Смоленске или Галиче и т. д. Такая особенность летописного повествования объясняется не только тем, что в летописи обычно соединяются различные источники, написанные порой в различных пунктах Русской земли. Особенность эта соответствует духу повествования того времени. Она присуща не только летописи, но и «Поучению» Владимира Мономаха, и Киево-Печерскому патернику, и житию Бориса и Глеба, и «словам» или поучениям.

Вместе с тем монументализм XI—XIII вв. имеет одну резко своеобразную черту, отличающую его от наших современных представлений о монументальном как инертном, тяжелом, неподвижном. Монументализм в древнерусской литературе был связан с совершенно противоположными качествами, в частности с быстротой передвижения на больших географических пространствах. Герои произведений совершают переходы, перемещаются со своими дружинами из одного города в другой, из одного княжества в соседнее.

Историзм монументального стиля выражался в особом припадении к исторической теме. Древнерусские писатели стремились писать не о вымышленном, а об исторически бывшем, и когда описывали что-либо фантастическое (например, чудеса), то и сами по большей части верили в них и стремились внушить читателям, что те или иные события происходили в действительности. Литература того времени не знает (или точнее сказать: считает, что не знает) ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий.

Кроме того, книжники пытались всякое историческое событие или действующее лицо связать с другими, столь же историческими событиями или лицами — напомнить о предках князя, его «отцах» и «дедах», сравнить героя или событие с подобными героями или событиями, известными им из византийских хроник или библейских книг, искать и находить аналогии всему, что происходило в этом огромном и едином по своим основным закономерностям мире¹.

¹ Характеристику стиля монументального историзма см.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени. — «Русская литература», 1976, № 2, с. 24—37.

Литературный этикет в летописи. Вместе с тем литература этого времени отличалась церемониальностью. Это проявилось достаточно ярко в явлении, которое Д. С. Лихачев назвал литературным этикетом.

Литературный этикет как бы определяет задачи литературы, ее темы, принципы построения сюжетов и, наконец, сами изобразительные средства, выделяя круг наиболее предпочтительных речевых оборотов, образов, метафор.

В основе понятия литературного этикета лежит представление о незыблемом и упорядоченном мире, где для каждого человека существует особый эталон поведения. Литература должна, соответственно, утверждать и демонстрировать этот статичный, нормативный мир. Это значит, что ее предметом по преимуществу должно стать изображение нормативных ситуаций: если пишется летопись, то в центре внимания находятся описания восшествия князя на престол, битв, дипломатических акций, смерти и погребения князя. Причем в этом последнем случае подводится своеобразный итог его жизни, обобщенный в некрологической характеристике. Аналогично в житиях обязательно должно быть рассказано о детстве святого, о его пути к подвижничеству, о его традиционных (именно традиционных, едва ли не обязательных для каждого святого) добродетелях, о творимых им при жизни и по смерти чудесах и т. д.

При этом каждая из названных ситуаций, в которой герой летописи или жития наиболее отчетливо выступает в своем официальном положении князя или святого, должна была изображаться в сходных, традиционных речевых оборотах: о родителях святого обязательно говорилось, что они благочестивы, о ребенке — будущем святом, что он чуждался игр со сверстниками, о битве повествовалось в традиционных формулах типа: «и бысть сеча зла», «иных посекоша, а иных поимаша» (т. е. одних изрубили мечами, других захватили в плен) и т. д.¹

Этикетность пронизывает летописное повествование, особенно в той его части, которая выдержана в стиле монументального историзма. Летописец отбирает в этих случаях для своего повествования только наиболее важные, государственного значения события и деяния. Разумеется, если требовать от стиля и непременно соблюдения неких языковых черт (т. е. собственно стилистических приемов), то окажется, что иллюстрацией стиля монументального историзма окажется далеко не всякая строка летописи.

Во-первых, потому, что разнообразные явления действительности, — а летопись не могла с ней не соотноситься, — не могли

¹ О литературном этикете см.: Лихачев Д. С. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения). — «ТОДРЛ». М.—Л., 1961, т. XVIII: Он же. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. М., 1971, с. 95—122. Ср. также: Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX.

укладываться в заранее придуманную схему этикетных ситуаций, и поэтому наиболее яркое проявление этого стиля мы обнаруживаем лишь в описании именно этих ситуаций: в изображении прихода князя «на стол» или выступления его в поход, в описании битв, в некрологических характеристиках и т. д.

Во-вторых, потому, что в летописи наряду со статьями, составленными летописцем в стиле монументального историзма, мы находим и погодные записи, и народные легенды, для которых характерен иной, рассмотренный выше эпический стиль, и бытовые рассказы.

В стиле монументального историзма ведется, например, изложение событий времени Ярослава Мудрого и его сына — Всеволода. Достаточно напомнить описание битвы на Альте, принесшей Ярославу победу над «окаянным» Святополком — убийцей Бориса и Глеба (в «Повести временных лет» под 1019 г.). Святополк пришел на поле боя «в силе тяжьце», Ярослав также собрал «множество вой, и изыде противу ему на Лыто». Перед битвой Ярослав молится богу и своим убитым братьям, прося их о помощи «на противнаго сего убийцу и гордаго». И вот войска двинулись навстречу друг другу, «и покрыша поле Летское обои от множества вой». На рассвете («въсходящу солнцю») «бысть сеча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сечахуся, и ступашеся трижды, яко по удолюемь (долинам, ложбинам) крови тещи». К вечеру Ярослав одержал победу, а Святополк бежал. Ярослав вступил на киевский престол, «утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик».

Все в этом рассказе призвано подчеркнуть историческую значительность битвы: и указание на многочисленность войск, и детали, свидетельствующие об ожесточенности битвы, и патетическая концовка — Ярослав торжественно восходит на киевский престол, добытый им в ратном труде и борьбе за «правое дело». Но можно заметить, что перед нами не столько рассказ очевидца о конкретной битве, сколько искусное сочетание традиционных сюжетных мотивов и речевых формул, в которых описывались и другие сражения в той же «Повести временных лет» и последующих летописях: традиционен оборот «сеча зла», традиционна концовка, сообщающая, кто «одоле» и кто «бежа»: обычно для летописного повествования указание на многочисленность войск, и даже формулы «яко по удолиям крови тещи» или «утер пот, показав победу и труд велик» встречаются в описаниях других сражений. Словом, перед нами один из образцов этикетного изображения битвы.

С особой заботой создаются в «Повести временных лет» некрологические характеристики князей. Например, по словам летописца (в статье 1093 г.), князь Всеволод Ярославич был «издетьска боголюбив, любя правду, набдя убогыя (заботился о несчастных и бедных), въздая честь епископом и презвутером (попам), излиха же любяше черноризцы и подаяше требованье

(требуемое) им». Этот тип летописного некролога будет не раз использован летописцами XII и последующих веков¹.

Применение литературных формул, предписываемых литературным этикетом, придавало летописному тексту особый художественный колорит: не эффект неожиданности, а, напротив, ожидание встречи со знакомым, привычным, выраженным в отшлифованной, освященной традицией форме. Этот же прием хорошо знаком фольклору — вспомним традиционные сюжеты былин, троекратные повторы в них сюжетных ситуаций, постоянные эпитеты и тому подобные этикетные художественные средства. Стиль монументального историзма и свойственный ему литературный этикет, таким образом, не свидетельство ограниченности художественных возможностей, а, напротив, свидетельство глубокого осознания роли поэтического слова. Но в то же время этот стиль, естественно, сковывал свободу сюжетного повествования, так как стремился унифицировать, выразить в одинаковых речевых формулах и сюжетных мотивах различные жизненные ситуации.

Сочетание стилей монументального историзма и эпического в «Повести временных лет» создали ее неповторимый литературный облик, и ее стилистическое влияние будет отчетливо ощущаться на протяжении нескольких веков: летописцы станут применять или варьировать те литературные формулы, которые впервые были употреблены создателями «Повести временных лет», подражать имеющимся в ней характеристикам, а иногда и цитировать «Повесть», вводя в свой текст фрагменты из этого памятника². Свое эстетическое обаяние «Повесть временных лет» сохранила и до нашего времени, красноречиво свидетельствуя о литературном мастерстве древнерусских летописцев.

«Повесть временных лет» второй редакции была включена в летописный свод начала XIII в. (до нас не дошедший), к которому восходят Радзивилловская и Московско-Академическая летописи³, а через свод 1305 г. (также несохранившийся) — вошла в Лаврентьевскую летопись, переписанную в 1377 г. в Нижнем Новгороде для князя Дмитрия Константиновича⁴, и в летописные своды, составлявшиеся при дворе великих князей московских и московских митрополитов. Древнейшим из таких сводов, дошедших до нового времени, была Троицкая летопись 1408 г.: в 1812 г. она сгорела, однако изданная

¹ Ср., например, некрологическую характеристику Владимира Мономаха: он также был «украшен добрыми нравы», «не шядяше имения своего, раздавая требующим», «чтяшеть же излиха чернечский чин и поповский, подавая им еже на потребу» и т. д. (Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I. Изд. 2-е. Л., 1927, вып. 2, стлб. 293—294).

² См., например: Прохоров Г. М. «Повесть о нашествии Батыя» в Лаврентьевской летописи. — «ГОДРЛ». Л., 1974, т. XXVIII, с. 77—80.

³ Радзивилловская летопись хранится в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде; Московско-Академический список — в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

⁴ Лаврентьевская летопись хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

часть ее текста¹, а также выписки, сделанные из этой летописи Н. М. Карамзиным, позволяют судить о том, что текст «Повести временных лет» в Троицкой летописи был очень близок к тому, который мы знаем по Лаврентьевской летописи.

В общерусских летописях XV в. текст «Повести временных лет» оказывается дополненным фрагментами из новгородских летописей, в которых, как говорилось выше, сохранился текст «Начального свода». «Повесть временных лет» с теми или иными изменениями — сокращениями или дополнениями — начинает собой почти все русские летописные своды XV—XVI вв.².

Южнорусское летописание XII в. «Повесть временных лет» доводила повествование до первого десятилетия XII в. В течение этого века летописание продолжало вестись в разных русских княжествах. Однако летописи эти не сохранились, и мы знаем о них только по более поздним летописным сводам, куда они вошли частично или полностью.

О южнорусском летописании мы узнаем, например, из так называемой Киевской летописи. Это условное наименование дано исследователями статьям Ипатьевской летописи, в которых излагаются события с 1117 г. и до конца XII в.³.

Эта часть летописи, отредактированная, как полагают, в конце XII в. игуменом Выдубицкого монастыря (под Киевом) Моисеем, является сводом, использовавшим киевские великокняжеские летописи, летопись Переяславля Русского⁴, семейную хроникку Ростиславичей — потомков князя Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха⁵.

Если летописцы XI в. стремились осмыслить события своего времени на фоне предшествующей многовековой истории Руси, то южнорусские летописцы XII в. целиком погружены в описание бурной жизнью жизни своих княжеств и уделов. В Киевской летописи мы встречаемся по преимуществу не с рассказами и эпическими легендами, а с погодными записями — то краткими, то очень подробными и детальными, но тем не менее не обладающими цельной композицией, без которой немислим летописный рассказ. Исключением из этой общей тенденции являются лишь

¹ В 1804—1811 гг. в Москве Х. Чеботаревым и Н. Черепановым. Текст летописи реконструирован; см.: Приселков М. Д. «Троицкая летопись». Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

² Сведения о важнейших летописях, содержащих списки «Повести временных лет», приведены Д. С. Лихачевым в кн.: «Повесть временных лет», ч. 2, с. 149—179.

³ См.: Ипатьевская летопись.— ПСРЛ, т. II. М., 1962, стлб. 285—715. Ипатьевская летопись сохранилась в нескольких списках, старший из которых — Ипатьевский — датируется началом XV в.

⁴ На Руси существовало два Переяславля — Переяславль Русский (юго-восточнее Киева), центр одноименного княжества (теперь г. Переяславль-Хмельницкий), и Переяславль Залесский — в Ростовской земле (ныне г. Переяславль-Залесский Ярославской обл.).

⁵ Об источниках Киевской летописи см.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 44—57; Насонов А. И. История русского летописания. XI — начало XVIII в. М., 1969, с. 80—111; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

повести о княжеских преступлениях: рассказ об убийстве Игоря Ольговича под 1147 г., рассказ о клятвopреступлении Владимира Галицкого под 1140—1150 гг., повесть об убийстве Андрея Боголюбского под 1175 г.; сюжетной законченностью обладает и рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.

Остановимся в качестве примера на рассказе об убийстве Андрея Боголюбского. Краткий (и, как считает большинство ученых, первоначальный) вариант этого рассказа находится в Лаврентьевской летописи¹, основанный на нем рассказ в составе Ипатьевской летописи² более подробен и отличается высокими художественными достоинствами. Возможно, что составителем этого повествования был Кузьмище Киянин — очевидец трагических событий.

В начале рассказа пространно повествуется о благочестии Андрея, о его щедрости, о сооруженных по его повелению храмах и их роскошном убранстве. Эта экспозиция должна поднять авторитет князя в глазах читателя, подвести к мысли, что его убийство не только акт жестокости и вероломства, но и расправа с угодным богу праведником. Как это предписывалось агиографическим каноном, в рассказе подчеркивается, что Андрей «вражное убийство слышав наперед», но это лишь возбуждало в нем религиозное рвение. Затем автор переходит к непосредственному рассказу о событиях 1175 г.

Во главе заговора стоял некий Яким, «слуга возлюбленный» князя. Словно свирепые звери, заговорщики устремились к «ложнице» (спальне) князя. Однако их охватывает страх, они заходят в «медушу» (кладовую) и пьют вино, надеясь, что хмель придаст им храбрости. «Сотона же веселяшет е (их) в медуши и служа им невидимо, поспевая и крепя», — говорит летописец, намекая, что убийство совершается по наущению дьявола и под его непосредственным присмотром.

Затем заговорщики подходят к дверям ложницы и окликают князя: «Господине! Господине!». Князь догадывается, что за дверями не Прокопий (видимо, кто-то из княжеских слуг), за которого выдает себя один из заговорщиков. Поняв, что они разоблачены, убийцы вышибают двери, врываются в ложницу. Князь хочет схватить меч, но оказывается, что меч заранее похищен. Завязывается ожесточенная борьба — князь силен и яростно сопротивляется, заговорщики «секоша и (его) мечи и саблями, и копейныя язвы даша ему». Воспользовавшись тем, что заговорщики вышли, вынося своего пострадавшего в схватке сотоварища, Андрей также покидает ложницу и прячется под сеньями. Но убийцы разыскивают его по следам крови на ступенях и умертвляют. Труп князя брошен на землю у крыльца, дворец его разграблен. Видя это, Кузьмище с гневным упреком

¹ См.: Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 367—371.

² См.: Ипатьевская летопись.— ПСРЛ, т. II. М., 1962, стлб. 580—600.

Дворец князя Андрея Боголюбского XII в. Реконструкция Н. Н. Воронина.

обращается к одному из заговорщиков — ключнику Амбалу, просит того дать ему ковер, чтобы прикрыть тело убитого, и напоминает: «Помнишь ли... в которых порътах (в какой одежде) пришел бьшеть? Ты лине в оксамите (оксамит — дорогая шелковая ткань) стоиши, а князь наг лежить».

В рассказе об убийстве Андрея Боголюбского сочетаются чисто этикетные моменты (например, ссылки на вмешательство дьявола, упоминание, что князь знал о готовящемся покушении заранее, монологи, которые князь произносит в самые напряженные моменты — перед лицом убийц) с яркими, жизненными деталями и эпизодами: достаточно вспомнить разговор князя с заговорщиками через запертую дверь ложницы или же финальную сцену, когда Кузьмище Киянин обличает ключника Амбала. Это сочетание «чисто житийной манеры» и «реального рассказа с обилием бытовых подробностей и живыми диалогами» в значительной мере результат той переработки, которой подвергся рассказ Лаврентьевской летописи, составленный в книжной манере, под пером Кузьмища Киянина, которого исследователи не без основания считают автором версии, находящейся в составе Ипатьевской летописи¹.

Однако подобных рассказов в Киевской летописи немного. Основная часть ее занята погодными статьями, весьма пространными, подробно сообщающими о дипломатической и госу-

¹ См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 242—243

дарственной деятельности князей, о многочисленных вооруженных конфликтах и т. д. Однако в этом подробном перечислении фактов и событий не усматривается попыток создать законченные сюжетные рассказы.

Для Киевской летописи, особенно начиная со статей 40-х гг. XII в., заметно особое пристрастие летописцев к внешним, стилистическим приемам, характерным для стиля монументального историзма: постоянно встречаются здесь традиционные этикетные описания битв, стереотипные описания погребений князей и их некрологические характеристики¹. Однако в целом в Киевской летописи отсутствует та композиционная стройность, которая характерна была для «Повести временных лет».

Летописание Владимиро-Суздальской Руси XII в. Начиная с середины XII в. все заметнее становится роль в общерусских делах Владимиро-Суздальского княжества. Военная и политическая активность этой в недавнем прошлом «окольной земли» не могла не повлиять и на оживление идеологической жизни. На смену кратким записям, ведшимся, как полагают, уже с начала XII в. в Ростове и Владимире, приходят летописные своды.

Сами своды эти до нас не дошли, но отразились в более поздних летописях. Сравнение их позволило установить, что Владимирский летописный свод конца XII в. сохранился в составе Лаврентьевской летописи, а свод начала XIII в. — в Радзивилловской и Московско-Академической летописях, а также в Летописце Переяславля Суздальского².

Владимирское летописание стремилось утвердить авторитет своего княжества и обосновать его претензии на политическую и церковную гегемонию на Руси. Именно поэтому владимирские летописные своды не ограничивались описанием местных событий, а представляли широкую картину истории всей Русской земли. Южнорусские события излагались в основном по летописям Переяславля Южного, с которым у владимирских князей были прочные политические связи.

Летописцы Владимирского свода конца XII в., отразившегося в Лаврентьевской летописи, постоянно вставляют в свое повествование нравоучительные и благочестивые рассуждения, подчеркивая, что княжество их находится под покровительством патрональной иконы — Владимирской богородицы и патрональной церкви — Успенья богородицы, где эта икона находилась; именно владимирцы прославлены богом по всей земле «за их правду». Владимирские князья, по словам летописцев, исполнены благо-

¹ См.: Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы. — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966, с. 98—131.

² См.: Приселков М. Д. История русского летописания, с. 57—96; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 268—280; Насонов А. Н. История русского летописания, с. 112—167. Летописец Переяславля Суздальского был издан М. Оболенским в 1851 г.

*Дмитриевский собор во
Владимире. 1194—1197 гг.*

чества и мудрости, некрологические характеристики их торжественно помпезны, пересыпаны цитатами из Священного писания.

Несколько иной характер имеет свод начала XIII в., отразившийся в Радзивилловской летописи. По наблюдениям М. Д. Приселкова, составитель его «принадлежал к числу реформаторов языка летописания»: он систематически заменял устаревшие слова и обороты, стремясь к созданию «современного и удобопонятного» слога. Кроме того, он опускал в повествовании незначительные, по его мнению, известия, например сведения о поставлениях и смертях некоторых епископов, о смертях и погребениях княгинь и княжон; при указании дней, когда происходили описываемые события, опускал сведения о святых, в эти дни почитавшихся, и т. д.¹.

¹ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 85—86.

В восходящей к своду начала XIII в. Радзивилловской летописи имеется более 600 миниатюр (раскрашенных рисунков), в которых иллюстрируется текст «Повести временных лет» и Владимирской летописи XII в.¹, возможно, что иллюстрирован был уже свод начала XIII в. и миниатюры Радзивилловской летописи — копии с его миниатюр.

Новгородское летописание XII в. Совершенно иной характер имеет новгородское летописание. По гипотезе Д. С. Лихачева, после политического переворота 1136 г., в результате которого князь был выселен за пределы города и Новгород превратился в боярскую республику, открывавшая новгородский летописный свод «Повесть временных лет» была заменена «Начальным сводом», отличавшимся антикняжеским духом, что соответствовало политическим настроениям в Новгороде того времени². Летописание XII в., продолжившее это новое, переработанное начало рассказа о первых веках существования Руси, очень существенно отличалось от современного ему южнорусского или владимиросуздальского. Прежде всего, оно было подчеркнуто местным: новгородские летописцы редко и скупо говорят об общерусских событиях или событиях в других русских землях. Отсутствовала в Новгородской летописи и церковная риторика, которой отличались, как было сказано, летописи Владимиро-Суздальской Руси. Например, если там летописцы, говоря о каких-либо необычных небесных явлениях или стихийных бедствиях, обязательно стремились истолковать их в духе церковного мировоззрения, видя в них либо наказание «за грехи», либо грозное или доброе предзнаменование, то новгородские летописцы лаконичны и деловиты: об урагане, бывшем в 1125 г., летопись сообщает: «В то же лето бяше буря велика с громом и градом, и хоромы раздъра, и с божниц (церквей) вълны (покрытия сводов) раздъра, стада скотины истопи в Волхове, а другыя одва переимаша живы», о голоде в 1127 г. говорится: «А на осень уби мороз врьшь (здесь: яровой хлеб) всю и озимице (озимые), и бы голод и церес зиму (всю зиму), ръжи осминка по полу-гривне».

Новгородская летопись этого времени отличается безыскусственностью стиля (здесь мы почти не найдем столь характерных для южнорусского летописания этикетных формул в духе монументального историзма), демократичностью языка, сохранившего много диалектных слов и отразившего особенности местного новгородского произношения.

¹ См.: Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. Спб., 1902; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 49—101.

² См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 202—208.

Церковь Спаса на Нередице в Новгороде. 1198 г.

Старшие новгородские летописи отразились в так называемой Новгородской первой летописи в двух ее редакциях (изводах). Старший извод представлен Синодальным списком XIII—XIV вв. (к сожалению, дефектным — без начала). Это самая древняя из дошедших до нас рукописей с летописным текстом. Древнейшие списки Новгородской первой летописи младшего извода относятся к середине XV в.¹

Новгородское летописание долгое время остается обособленным от летописания других русских земель, пока в XV в. новгородские своды не будут привлечены как один из источников для нового общерусского летописного свода.

Однако именно Новгородская первая летопись сохранила в своем составе интереснейший литературный памятник (возможно, киевского происхождения) — рассказ о взятии Константинополя (Царьграда) «фрягами» (крестоносцами) в 1204 г., во время четвертого крестового похода. Составленная очевидцем событий (или со слов очевидца), повесть эта является первым русским подробным сообщением о событиях в Византии, при этом повествователь оказался прекрасно осведомленным в политической подоплеке событий и со знанием дела изложил все обстоятельства осады, взятия и разграбления Константинополя².

4. ТОРЖЕСТВЕННОЕ И УЧИТЕЛЬНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Среди жанров византийской литературы почетное место занимали сочинения отцов церкви — богословов и проповедников. Эти «слова» и поучения византийских авторов были широко известны на Руси, и уже в XI в. появляются оригинальные произведения русских писателей: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, поучения новгородского епископа Луки Жидяты и игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия³; в XII в. древнерусская литература обогащается такими шедеврами торжественного красноречия, как «слова» Кирилла Туровского.

«Слово о Законе и Благодати». «Слово о Законе и Благодати», написанное киевским священником Иларионом (будущим митрополитом), как полагает Н. Н. Розов, было впервые произнесено им в 1049 г. в честь завершения строительства киевских оборонительных сооружений⁴.

¹ Издание летописи см.: Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.

² См.: Новгородская первая летопись, с. 46—49; текст и перевод повести с комментариями см. также в кн.: Изборник. М., 1969, с. 280—289. О повести см.: Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1954, т. X.

³ См.: Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского.— «ТОДРЛ», М.—Л., 1947, т. V; Он же. Лекции по древней русской литературе. Изд-во ЛГУ, 1968, с. 63—69.

⁴ См.: Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.— Slavia, гоґ. XXXII, seš. 2, Praha, 1963, с. 147—148. Там же (с. 152—175) опубликован текст «Слова» по его древнейшему списку. О «Слове» Илариона см. также в кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975, с. 10—21.

Однако значение «Слова» далеко выходит за рамки жанра торжественных праздничных слов, произносимых в церкви перед верующими. «Слово» Илариона — своего рода церковно-политический трактат, в котором прославляется Русская земля и ее князь.

«Слово» начинается пространным богословским рассуждением. Противопоставляя Ветхий и Новый завет, Иларион проводит мысль, что Ветхий завет — это закон, установленный для одного лишь иудейского народа, тогда как Новый завет — это благодать, распространяющаяся на все без исключения народы, принявшие христианство. Иларион несколько раз возвращается к этой важной для него мысли; для ее подтверждения он раскрывает символику библейских образов, напоминает изречения «отцов церкви», разными доводами и аргументами подкрепляет свой тезис о превосходстве христианства над предназначенным для одного народа иудаизмом, о высоком призвании христианских народов.

Это первая, догматическая часть «Слова» подводит к центральной идее произведения: князь Владимир по собственному побуждению (а не по совету или настоянию греческого духовенства) совершил «великое и дивное» дело — крестил Русь. Владимир — «учитель и наставник» Русской земли, благодаря которому «благодатная вера» и «до нашего языка (народа) русского доиде». Роль Владимира как крестителя Руси вырастает до вселенского масштаба: Владимир «равноумен», «равнохристоролюбец» самому Константину Великому, императору «двух Римов» — Восточного и Западного, провозгласившему, согласно церковной традиции, христианство государственной религией в Византии и чрезвычайно почитавшемуся в империи. Равные дела и равные достоинства дают право и на одинаковое почитание. Так Иларион приводит слушателей к мысли о необходимости признать Владимира святым. Он ставит его в один ряд с апостолами Иоанном, Фомой, Марком, которым принадлежит заслуга обращения в христианскую веру различных стран и земель.

При этом Иларион стремится прославить могущество Русской земли и подчеркнуть ее авторитет. Фразеологию церковной проповеди порой сменяет фразеология летописной похвалы: предки Владимира — Игорь и Святослав на весь мир прославились мужеством и храбростью, «победами и крепостью»; и правили они не в «неведоме земли», а на Руси, которая «ведома и слышима есть всеми четырьмя конци земли». И сам Владимир не только благоверный христианин, но могучий «единодержец земли своей», сумевший покорить соседние страны «овы миром, а непокоривыа мечем».

Третья, заключительная часть «Слова» посвящена Ярославу Мудрому. Иларион изображает его не только как продолжателя духовных заветов Владимира, не только как усердного строителя новых церквей, но и как достойного «наместника... владычества» своего отца. Даже в молитве Иларион не забывает о мирских,

Гробница Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве.

политических нуждах Руси: он молит бога «прогнать» врагов, утвердить мир, «укротить» соседние страны, «умудрить бояр», укрепить города... Это гражданственность церковной проповеди хорошо объяснима обстановкой тридцатых — сороковых годов XI в., когда Ярослав всеми средствами добивается независимости русской церкви и русской государственной политики и когда идея равенства Руси в отношениях с Византией (а не подчинения ей) принимала самые острые формы, оказывая влияние даже на церковное строительство; так, например, на Руси строились храмы, одноименные знаменитым константинопольским соборам: Софийский собор в Киеве и Софийский собор в Новгороде, церкви святой Ирины и святого Георгия в Киеве, киевские «Золотые врата» и т. д. Киев по замыслу политиков и зодчих становился как бы соперником Константинополя.

Существует вполне обоснованное мнение, что Илариону принадлежит и первое произведение по русской истории: цикл рассказов о христианизации Руси, с которого, возможно, началось русское летописание; об этом свидетельствуют как будто бы многочисленные текстуальные параллели, содержащиеся в обоих памятниках¹.

Климент Смолятич. «Слово» Илариона было далеко не единственным произведением ораторской прозы. В середине XII в. большим авторитетом на Руси пользовалось творчество митропо-

¹ См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. с. 66—70.

лита Климента Смолятича¹, про которого летопись сообщала, что он «бысть книжник и философ», подобного какому не было еще в Русской земле². Однако мы знаем о Клименте очень мало. Он был родом из Смоленска, подвизался в Зарубском монастыре под Киевом. В 1146 г. великий князь киевский Изяслав Мстиславич решил возвести Климента на митрополичью кафедру. Однако попытка поставить митрополита из русских без благословения константинопольского патриарха встретила сопротивление некоторых русских иерархов из греков; положение Климента было непрочным, и после смерти Изяслава в 1154 г. он вынужден был оставить митрополичью кафедру.

Мало мы знаем и о творчестве Климента. Бесспорно принадлежащим ему можно считать начало «Послания Фоме прозвитеру». Поводом для его написания явилось следующее обстоятельство. Климент, переписываясь со смоленским князем Ростиславом, чем-то задел пресвитера (священника) Фому. Тот укорил митрополита в тщеславии, в стремлении представить себя «философом» и в том, что Климент пишет «от Омира, и от Аристоля (Аристотеля), и от Платона», а не опираясь на церковные авторитеты. Послание своего оппонента Климент прочитал публично перед князем и обратился к Фоме с ответным посланием, которое и дошло до нас. Климент защищает в нем право толкования священного писания с помощью притч — коротких аллегорических рассказов.

Этот спор, о котором мы можем судить лишь по скудным данным «Послания» Климента, тем не менее свидетельствует и об эрудиции Климента, которого упрекают в ссылках на античных философов и Гомера, и о несомненной интенсивности культурной и литературной жизни Руси середины XII в., если в это время споры по проблемам торжественного красноречия и о возможности использования в проповедях или посланиях античных авторов могли приобретать такую актуальность и вызывать такой резонанс. К сожалению, памятники торжественного и учительного красноречия XII в. нам почти не известны. Счастливым исключением является лишь творчество выдающегося проповедника конца XII в. Кирилла Туровского.

Кирилл Туровский. Позднейшее «Житие Кирилла» сообщает, что он рано постригся в монахи, стал затворником (т. е. жил уединенно в келье) и в период своего затворничества «много божественная писания изложи». Позднее князь и горожане умолили Кирилла занять епископскую кафедру в городе Туро-

¹ См.: Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.

² Ипатьевская летопись под 1147 г. В слове *философ* можно видеть указание на то, что Климент учился в Константинополе и носил как бы ученое звание *философ*. См. об этом: Гранстрем Е. Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» — «ТОДРЛ». М.—Л., 1970, т. XXV.

ве (на северо-западе Киевской земли). Умер Кирилл не позже 1182 г.

Авторитет творений Кирилла был настолько велик, что многие его «слова» включались в сборники «Златоуст» и «Торжественник» наряду с произведениями Иоанна Златоуста.

Авторство ряда произведений, надписанных именем Кирилла Туровского, спорно, но с достаточным основанием можно считать, что ему принадлежит «Притча о душе и теле», «Повесть о белоризце и о мнишестве», «Сказание о черноризском чине», восемь «слов» на церковные праздники, тридцать молитв и два канона (цикла песнопений в честь святого)¹.

«Притча о душе и теле», написанная, по мнению И. П. Еремина, между 1160—1169 гг., является обличительным памфлетом против ростовского епископа Федора (Федорца)². В основе притчи лежит сюжет о слепце и хромце. Суть его в следующем. Некий владелец виноградника поручил стеречь его двум сторожам: одному — слепому, другому — хромому. Он рассчитывал, что хромой не сможет войти в виноградник, а слепой, если зайдет, то заблудится. Однако хромой увидит вора, а слепой — услышит его. Но сторожа решили перехитрить господина: хромой сел верхом на слепого и указывал ему, куда идти. Таким образом они смогли ограбить виноградник, но жестоко поплатились за это. В притче слепец — это аллегория души, а хромой — аллегория тела. При этом именно душа (слепец) соблазняет на проступок тело (хромца). Кирилл Туровский, толкуя «Притчу», позволял читателю догадаться, что под слепым имеется в виду епископ Федор, а под хромым — князь Андрей Боголюбский. Поводом для написания притчи явилась попытка князя учредить во Владимире епископию, независимую от киевского митрополита, для чего Федор отправился в Константинополь принять посвящение от тамошнего патриарха, причем обманул последнего, сказав, что в Киеве будто бы нет митрополита — он умер. Впоследствии обман раскрылся, киевский митрополит отлучил Федора от церкви, а попытка Андрея Боголюбского добиться церковной автономности от Киева была осуждена.

Наибольшей известностью пользовались торжественные «слова» Кирилла, предназначенные для чтения в церкви в дни церковных праздников. В этих «словах» Кирилл дополняет и развивает лежащие в их основе евангельские сюжеты новыми подробностями, сочиняет диалоги персонажей, создавая, таким образом, новый сюжет, который представлял бы ему большие

¹ Наиболее обстоятельное исследование и издание сочинений Кирилла Туровского принадлежит И. П. Еремину. См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1955, т. XI; М.—Л., 1956, т. XII; М.—Л., 1957, т. XIII и М.—Л., 1958, т. XV; Он же. Ораторское искусство Кирилла Туровского.— В кн.: Литература Древней Руси, с. 132—143.

² Исследование памятника см.: Еремин И. П. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности.— «ИОРЯС». Л., 1926, т. XXX.

возможности для аллегорического истолкования значения того или иного праздника.

Основным художественным принципом в «словах» Кирилла является риторическая амплификация¹. «Та или иная тема у него, — пишет И. П. Еремин, — всегда словесно варьируется, распространяется до тех пор, пока содержание ее не будет полностью исчерпано». Каждая тема облекалась в форму риторической тирады, в которой чередуются синонимичные по смыслу и однотипные по синтаксической структуре предложения².

Рассмотрим одно из «слов» Кирилла Туровского — «Слово на новую неделю по Пасхе»³.

«Слово» начинается своего рода введением, объясняющим повод его написания: «Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника», мы же, «нищие словом» и «мутные умом», — продолжает Кирилл, — лишь можем сказать «мало нечто» о празднике.

Далее автор характеризует праздник Пасхи: когда «всему пременение (изменение) бысть»: небом стала земля, очищенная от бесовской скверны, обновились люди, ибо из язычников они стали христианами... Новая неделя — это обновление людей, принявших христианскую веру. Кирилл Туровский рисует картину весеннего пробуждения природы: светлеет небо, освободившееся от туч, солнце восходит на высоту и согревает землю, тихо веют ветры, земля рождает зеленую траву, скачут, радуясь весне, «агнци и унцы» (т. е. ягнята и бычки), расцветают цветы и распускаются листья на деревьях... Однако каждому элементу этого описания Кирилл Туровский тут же приводит параллель, после которой становится ясно, что яркая картина эта — всего лишь ряд метафор и сравнений, призванных возвысить, прославить и, что особенно важно, разъяснить верующим те или иные догматы христианской веры. Весна — это вера Христова, «агнци» — «кроткие люди», «унцы» — «кумирослужители» языческих стран, которые приобщились или приобщатся к христианству, и т. д.

Каждое из «слов» Кирилла — яркий образец праздничного, торжественного красноречия. Автор в совершенстве владеет риторическим искусством: он то обращается к слушателям, то передает евангельский сюжет или сложную богословскую концепцию с помощью красочных аллегорий, как это было показано выше, то вопрошает и тут же отвечает сам себе, сам с собой спорит, сам себе доказывает.

Исследователи творчества Кирилла Туровского давно установили, что и в аллегориях, и в приемах их истолкования, и

¹ Амплификация — стилистический прием, когда мысль высказывается в развернутом описательном обороте с обильными эпитетами, метафорами, сравнениями и т. п.

² Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского, с. 133—135.

³ См. «ТОДРЛ», т. XIII, с. 415—419.

в самих риторических фигурах автор далеко не всегда оригинален: он опирается на византийские образцы, цитирует или пересказывает фрагменты из «слов» прославленных византийских проповедников. Но в целом произведения туровского епископа не просто компиляции из чужих образов и цитат — это свободное переосмысление традиционного материала, в результате которого является новое, совершенное по форме произведение, воспитывающее у слушателей чувство слова, завораживающее их гармонией ритмически построенных речевых периодов.

Синтаксический параллелизм форм, широкое применение морфологической рифмы (употребление рядом сходных грамматических форм) в «словах» Кирилла Туровского как бы компенсировали отсутствие книжной поэзии, подготавливали русского читателя к восприятию «плетения словес» и орнаментального стиля XIV—XVI вв. Приведем лишь один пример. В тираде «(Христос) вводит душа святых пророк в небесное царство, разделяет своим угодником горняго града обители, отверзает праведникам рай, венчает страдавшая за нь мученики...» параллельными оказываются каждый из трех членов синтаксической конструкции (сказуемое, прямой и косвенный объекты). Далее ее ритмический рисунок еще более усложняется, так как прямой объект, выраженный в конструкциях приведенного выше отрывка одним словом, теперь превращается в словосочетание, каждый из компонентов которого, в свою очередь, имеет параллельные конструкции: «милует вся творящая волю его и хранящая заповеди его, посылает благоверным князем нашим съдравие телесем и душам спасение и врагом одоление... благословляет вся крестьяны, малыя с великими, нищяя с богатыми, рабы с свободными, старьце с унотами и женимыя с девицами...»

Творчество Кирилла Туровского свидетельствует, что древнерусские книжники XII в. достигли высот литературного совершенства, свободно владели всем многообразием приемов, выработанных античной риторикой и развитых классическим торжественным красноречием Византии. Кирилл Туровский, воплотив в своем творчестве те принципы «приточного толкования», которые отстаивал еще Климент Смолятич, пошел вслед за ним и в искусстве широкого употребления приема риторической амплификации.

5. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В процессе трансплантации византийской и древнеболгарской литератур русские книжники обрели произведения, представляющие самые различные жанры раннехристианской средневековой литературы и книжности.

Однако самобытность древнерусской литературы проявила себя, в частности, в том, что древнерусские книжники уже в первые века существования своей оригинальной литературы создают произведения, стоящие вне этой традиционной жанровой

системы. Одним из таких произведений является знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха¹.

Под этим общим заглавием до последнего времени объединялись четыре самостоятельных произведения; три из них, действительно, принадлежат Владимиру Мономаху: это собственно «Поучение», автобиография и «Письмо к Олегу Святославичу». Заключительный фрагмент этой подборки текстов — молитва, как теперь установлено, Мономаху не принадлежит и лишь случайно оказался переписанным вместе с произведениями Мономаха². Напомним, что все четыре названные произведения известны нам в одном списке: они вставлены в текст «Повести временных лет» в Лаврентьевской летописи, как бы разделяя при этом текст летописной статьи 1096 г.³

Владимир Мономах (великий князь Киевский в 1113—1125 гг.) был сыном Всеволода Ярославича и византийской царевны, дочери императора Константина Мономаха (отсюда и прозвище князя — Мономах). Энергичный политик и дипломат, последовательный поборник норм феодального вассалитета, Владимир Мономах и своим собственным примером, и своим «Поучением» стремился укрепить эти принципы и убедить других следовать им. Так, в 1094 г. Мономах добровольно уступил черниговский «стол» Олегу Святославичу. В 1097 г. Мономах был одним из активных участников «снима» (съезда) в Любече, на котором князья попытались урегулировать спорные вопросы наследования уделов, он решительно осудил ослепление Василька Теребовльского, напомнив при этом основную мысль Любечского снema: если усобицы не прекратятся, «и начнет брат брата закалати», то «погибнет земля Руская, и врази наши, половци, пришедше, возмуть землю Русьскую». На Долобском снeme (в 1103 г.) Мономах призвал к совместному походу на половцев, подчеркнув при этом, что этот поход совершается в интересах простого народа — «смердов», более всех страдающих от половецких набегов.

«Поучение» было написано Мономахом, видимо, в 1117 г.⁴. За плечами престарелого князя была долгая и трудная жизнь,

¹ Текст «Поучения» издав в составе «Повести временных лет» (Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, с. 153—167), в составе «Изборника» (М., 1969, с. 146—171), в книге А. С. Орлова «Владимир Мономах» (М.—Л., 1946).

² См.: Матъесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха. — «ТОДРЛ», Л., 1971, т. XXVI. Еще ранее Н. Н. Воронин высказал предположение, что молитва принадлежит Андрею Боголюбскому (см.: Воронин Н. Н. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха — Историко-археологический сборник. М., 1962).

³ См.: Приселков М. Д. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий — «Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена», 1939. Кафедра истории СССР, т. XIX, с. 186—188.

⁴ См. комментарий Д. С. Лихачева к «Поучению» (Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 429—431). Обзор различных точек зрения по этому вопросу см. также в кн.: Орлов А. С. Владимир Мономах, с. 100—107.

десятки военных походов и битв, огромный опыт дипломатической борьбы, скитание по разным уделам, куда забрасывал его им же защищаемый принцип престолонаследия по старшинству в роде, и, наконец, почет и слава великокняжеского «стола». «Седя на санях» (т. е. будучи в преклонных годах, ожидая близкой смерти¹) князь мог многое рассказать своим потомкам и многому научить их. Таким политическим и нравственным завещанием и является «Поучение» Мономаха. За требованиями соблюдать нормы христианской морали: быть «кротким», слушать «старейших» и покоряться им, «с точными (равными) и меншими любовь имети», не обижать сирот и вдов — просматриваются контуры определенной политической программы. Основная мысль «Поучения»: князь должен беспрекословно подчиняться «старейшему», жить в мире с другими князьями, не притеснять младших князей или бояр; князь должен избегать ненужного кровопролития, быть радушным хозяином, не предаваться лени, не увлекаться властью, не полагаться на тиунов (управляющих хозяйством князя) в быту и на воевод в походах, во все вникать самому...

Но Мономах не ограничивается практическими советами и рассуждениями морального или политического характера. Продолжая традицию деда — Ярослава Мудрого — и отца — Всеволода Ярославича, который «дома седя, изуменяше (знал, понимал) 5 язык», Мономах выступает перед нами как высокообразованный, книжный человек. В «Поучении» многократно цитируется Псалтырь, Поучения Василия Великого, пророчества Исайи, Триодь, Апостольские послания. Мономах обнаруживает не только немалую начитанность, но и широту мысли, вставляя в «Поучение» наряду с дидактическими наставлениями восторженное описание совершенного мироустройства, цитируя, в слегка переделанном виде, «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского.

Подкрепляя свои наставления и поучения личным примером, Мономах приводит далее длинный перечень «путей и ловов» (т. е. походов и охот), в которых он принимал участие с тринадцати лет. В заключение князь подчеркивает, что в своей жизни он следовал тем же правилам: все старался делать сам, «не дая себе упокою», не рассчитывая на соратников и слуг, не давая в обиду «худаго смерда и убогие вдовице». Завершается «Поучение» призывом не страшиться смерти ни в бою, ни на охоте, доблестно исполняя «мужское дело».

Другое сочинение Мономаха — «Письмо к Олегу Святославичу». Поводом к его написанию послужила междукняжеская распря, во время которой Олег убил сына Мономаха — Изяслава. Верный своим принципам справедливости и «братолюбия», Мономах находит в себе нравственные силы выступить не как

¹ По древнерусскому обычаю тело умершего везли к могиле в санях даже летом.

«ворожбит и местник» (т. е. противник и мститель), но, напротив, обратиться к Олегу с призывом к благоразумию и примирению. Он не оправдывает погибшего сына, а лишь сетует, что не надо было ему слушаться «паробков» (видимо, молодых дружинников) и «выискивати... чюжего». Мономах стремится к тому, чтобы распри прекратились, надеется, что Олег напишет ему ответную «грамоту... с правдою», получит «с добром» свой удел и тогда, пишет Мономах, «лепше будем яко и преже» (т. е. будем еще дружнее, чем прежде).

Это письмо поражает не только великодушием и государственной мудростью князя, но и проникновенным лиризмом, особенно в той части письма, где Мономах просит Олега отпустить к нему вдову Изяслава, чтобы он, обняв сноху, «оплакал мужа ея». «Да с нею кончав слезы,— пишет далее Мономах,— посажу на месте, и сядет аки горлица на сусе (сухом) древе желеючи»¹.

«Поучение» Владимира Мономаха — пока единственный в древнерусской литературе пример политического и морального наставления, созданного не духовным лицом, а государственным деятелем. Исследователи приводили аналогии в других средневековых литературах: «Поучение» сравнивали с «Наставлениями» французского короля Людовика Святого, апокрифическим поучением англосаксонского короля Альфреда или «Отцовскими поучениями», сохранившимися в библиотеке последнего из англосаксонских королей — Гаральда, тестя Мономаха (Владимир Мономах был женат на дочери короля — Гите)². Но параллели эти имеют лишь типологический характер: произведение Мономаха вполне самобытно, оно гармонически сочетается прежде всего с характером политической деятельности самого Мономаха, стремившегося укрепить на Руси принципы «братолюбия», боровшегося за неуклонное соблюдение феодальных обязанностей и прав; «Поучение», как впоследствии «Слово о полку Игореве», не столько опиралось на традиции тех или иных литературных жанров, сколько отвечало политическим потребностям своего времени³. Характерно, например, что, руководствуясь прежде всего соображениями идеологического порядка, Мономах включил в состав «Поучения» свою автобиографию; как литературный жанр автобиография появится на Руси лишь много веков спустя, в творениях Аввакума и Епифания.

Произведения Мономаха позволяют судить о том, что автор их свободно владел разными стилями литературного языка и умело применял их соответственно жанру и теме произведения; это особенно заметно, если сравнить ту часть поучения, где

¹ О горлице, оплакивающей погибшего «мужа» на сухом дереве, рассказывалось в некоторых версиях «Физиолога».

² См.: Алексеев М. П. Англосаксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1935, т. II.

³ О «Поучении» см. также: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, с. 111—131.

Мономах рассуждает на морально-этические нормы (она написана «высоким слогом», продолжающим как бы стиль приводимых здесь же цитат из Библии и «отцов церкви»), и автобиографическую часть, где речь Мономаха близка к разговорной, необычайно проста и выразительна.

6. АГИОГРАФИЯ

Русская церковь стремилась к правовой и идеологической автономии от церкви византийской. С тех пор как в 1051 г. митрополитом был поставлен русский: духовник Ярослава Мудрого — Иларий, все более возрастал авторитет русских монастырей, и прежде всего Киево-Печерского.

Русской церкви было чрезвычайно важно добиться канонизации собственных, русских святых, неременным условием которой (как сказано выше) было наличие жития. Таковы были внелитературные причины возникновения на Руси оригинальных житий. Но несомненно, немалую роль играли и причины литературно-эстетические: знакомство с переводными, византийскими житиями и патериковыми легендами также могло пробудить у русских книжников стремление попробовать свои силы в этом жанре.

Древнейшим русским житием было, видимо, «Житие Антония Печерского» — монаха, первым поселившегося в пещере и своим поступком подавшего пример к основанию пещерного скита, превратившегося затем в прославленный Киево-Печерский монастырь. Однако «Житие Антония Печерского» до нас не дошло, хотя нет оснований сомневаться в том, что оно существовало¹.

Во второй половине XI в. создаются «Житие Феодосия Печерского» и два варианта жития Бориса и Глеба. Так, определились две главные группы агиографических сюжетов: одни жития были «целиком посвящены теме идеального христианского героя, ушедшего из «мирской» жизни, чтобы подвигами заслужить жизнь «вечную» (после смерти), тогда как герои другой группы житий стремятся обосновать своим поведением не только общехристианский, но и феодальный идеал»².

Житие Феодосия Печерского. Примером первой группы сюжетов является «Житие Феодосия Печерского»³. Житие было написано иноком Киево-Печерского монастыря Нестором, о котором мы уже говорили выше как о составителе «Повести временных лет». О времени создания жития существуют разные точки

¹ На «Житие Антония Печерского» ссылается, например, составитель Киево-Печерского патерика.

² Адрянова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 91.

³ Текст жития см. в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 71—135. Перевод жития см. в кн.: Памятники древнерусской литературы. XI — нач. XII в. М., 1978, с. 304—391.

зрения: А. А. Шахматов и И. П. Еремин считают, что оно было написано до 1088 г., С. А. Бугославский датирует его началом XII в. Нестор был хорошо знаком с византийской агиографией. Параллели к некоторым эпизодам жития обнаруживаются в житиях византийских святых: Саввы Освященного, Антония Великого, Евфимия Великого, Венедикта и др.¹ В своем произведении он отдал дань и традиционной композиции жития: будущий святой рождается от благочестивых родителей, он с детства «душою влеком на любовь божию», чуждается игр со сверстниками, ежедневно посещает церковь. Став иноком, Феодосий поражает окружающих аскетизмом и смирением; так, уже будучи игуменом, он одевается настолько просто, что люди, не знающие подвижника в лицо, принимают его то за «убогого», то за «единого от варящих» (за монастырского повара). Многие «от невеглас» (невежд), встречая Феодосия, открыто подсмеиваются над «худостью ризной». Истязая «плоть», Феодосий спит только сидя, не моется (видели его только «руце умывающа»). Как и положено святому, печерский игумен успешно одолевает «множество полков невидимых бесов», творит чудеса, заранее узнает о дне своей кончины. Он принимает смерть с достоинством и спокойствием, успеваает наставить братию и выбрать ей нового игумена. В момент смерти Феодосия над монастырем поднимается огненный столп, который видит находящийся неподалеку князь Святослав. Тело Феодосия остается нетленным, а люди, обращающиеся к Феодосию с молитвой, получают помощь святого: один исцеляется, другому Феодосий, явившись во сне, открывает имя обокравшего его вора, третий, опальный боярин, вновь обретает расположение и милость князя.

И все же перед нами далеко не традиционное житие, построенное в строгом соответствии с византийским житийным каноном². В «Житии Феодосия» немало черт, резко ему противоречащих. Однако это не показатель неопытности автора, не сумевшего согласовать известные ему факты или предания о святом с традиционной схемой жития, напротив, это свидетельство писательской смелости и художественной самостоятельности Нестора.

Особенно необычен для традиционного жития образ матери Феодосия. Мужеподобная, сильная, с грубым голосом, погруженная в мирские заботы о «селах» и «рабах», волевая, даже жестокая, она страстно любит сына, но не может смириться с тем, что мальчик растет чуждым всего земного, отрешенным от мира аскетом. Хотя автор говорит в начале жития о «всая-

¹ См.: Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — «НОРЯС». Пг., 1915, т. XIX, кн. I, с. 148—155.

² О византийском каноне см.: Дмитриев Л. А. Литературные судьбы жанра древнерусских житий (Церковно-служебный канон и сюжетное повествование). — Славянские литературы (VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.). М., 1973.

ческом благочестии» матери Феодосия, она всеми силами противится благочестивым помыслам своего сына. Ее раздражает религиозное рвение Феодосия, ей кажется унижительным, что он упрямо отказывается носить «светлые одежды», предпочитая им рубище; обнаруженные на теле отрока вериги приводят ее в ярость. Вероятно, все это были черты реальной матери Феодосия, и Нестор не считал возможным изменять их в угоду житийной традиции, тем более что суровая непреклонность женщины еще ярче оттеняла решимость мальчика Феодосия «предать себя богу».

Но привлекательность литературной манеры Нестора не только в его стремлении нарисовать живые характеристики персонажей, а и в умении создавать иллюзию достоверности даже в описании фантастических эпизодов, которых так много в житии.

Вот, например, как описывается одно из чудес, творимых Феодосием. Ключник, убеждая игумена, что в монастырской «медуше» (кладовой) не осталось меда, говорит Феодосию, что он даже бочонок «опровратил (перевернул) и тако ниць положил». Эти слова должны убедить Феодосия (а заодно и читателя жития) в том, что меда действительно не осталось ни капли. И тем поразительнее чудо, сотворенное Феодосием: ключник по повторному требованию игумена отправляется в медушу и к изумлению своему видит, что опрокинутый им ранее пустой бочонок вновь поставлен и доверху полон медом.

В другом случае пустой прежде сусек по молитве Феодосия наполняется мукой, при этом ее так много, что она даже пересыпается через край сусека на землю. Эта деталь делает изображенную картину зримой, и читатель, подталкиваемый силой воображения, верит в истинность описываемого чуда.

«Жития Бориса и Глеба». Образцами другого типа жития — мученичества (рассказа о святом-мученике) являются два жития, написанные на сюжет о мученической кончине Бориса и Глеба. Одно из них («Чтение о житии и о погублении... Бориса и Глеба»), как и «Житие Феодосия Печерского», написано тем же Нестором¹, автор другого, именуемого «Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба»², неизвестен. Среди исследователей нет единого мнения о том, когда было написано «Сказание» — в середине XI в. или же в начале XII в. — и, следовательно, до или после «Чтения о житии и о погублении», написанного Нестором³.

¹ «Чтение о Борисе и Глебе» издано И. И. Срезневским («Сказание о святых Борисе и Глебе». Сильвестровский список XIV века. Спб., 1860) и Д. И. Абрамовичем (Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916).

² Здесь употреблена грамматическая форма родительного падежа двойственного числа (т. е. «... похвала (двух) святых мучеников Бориса и Глеба»).

³ Литература о «Сказании» и «Чтении» весьма обширна. Упомянем лишь наиболее значительные работы последних лет: Воронин Н. Н. «Анонимное» Сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1957, т. XIII; Еремин И. П. «Сказание» о Борисе и Глебе. — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.—Л., 1966; Он же. Жития князей Бориса и Глеба. — В кн.: Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968.

*Пир по поводу построения князем Изяславом церкви в честь Бориса и Глеба.
Миниатюра Сильвестровского сборника. XIV в. (ЦГАДА).*

Создание церковного культа Бориса и Глеба преследовало две цели. С одной стороны, канонизация первых русских святых поднимала церковный авторитет Руси, свидетельствовала о том, что Русь «почтена пред богом» и удостоилась своих «святых угодников». С другой стороны, культ Бориса и Глеба имел чрезвычайно важный политический смысл: он «освящал» и утверждал не раздвровозглашавшуюся государственную идею, согласно которой все русские князья — братья, и в то же время подчеркивал обязательность «покорения» младших князей старшим¹. Именно так поступили Борис и Глеб: они беспрекословно подчинились своему старшему брату Святополку, почитая его «в отца место», а он злоупотребил их братской покорностью.

Рассмотрим теперь подробней события, отразившиеся в «Сказании» о Борисе и Глебе. Согласно летописной версии (в «Повести временных лет» под 1015 г.), после смерти Владимира один из его сыновей — пинский (по другим сведениям — туровский) удельный князь Святополк захватил великокняжеский престол и задумал убить своих братьев, чтобы «принять власть русскую» одному.

Первой жертвой Святополка был ростовский князь Борис. Владимир незадолго до смерти послал его со своей дружиной

¹ Эта идея была отчетливо сформулирована в летописном завещании Ярослава Мудрого (под 1054 г.): «Се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу... сего послушайте, якоже послушасте мене». См.: Лихачев Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. — «ТОДРЛ». М. — Л., 1954, т. X, с. 87—90.

СТГОГЛѢНА ПОЛОЖИША ВЪЛѢ МЕЖДУ ДВѢМА КЛАДА

ПО НАКАЗАНЮ

Убийцы перевозят тело Глеба. Миниатюра Сильвестровского сборника. XIV в. (ЦГАДА).

против печенегов. Когда к Борису пришла весть о смерти отца, то «отня дружина» была готова силой добыть престол молодому князю, однако Борис отказался, ибо не захотел поднять руки на старшего брата, и заявил о своей готовности почитать его как отца. Тогда дружина покидает Бориса. Он остался лишь с небольшим отрядом своих «отроков» и был убит по приказанию Святополка.

Затем Святополк посылает гонца к муромскому князю Глебу, призывая его как можно скорее прибыть к больному отцу. Глеб, не подозревая обмана, отправляется в Киев. В Смоленске его догоняет посол от Ярослава со страшным известием: «Не ходи, отец ты умер, а брат ты убит от Святополка». Глеб горько оплакивает отца и брата. Здесь же, под Смоленском, его настигают посланные Святополком убийцы. По их приказу княжеский повар «вынез нож, зареза Глеба».

В борьбу с братоубийцей вступает Ярослав Владимирович. Он встречается со Святополком на берегах Днепра. Рано утром воины Ярослава переправляются через реку и «отринуша лодье от берега», чтобы сражаться до победы или погибнуть, нападают на рать Святополка. Завязывается битва, в которой Святополк терпит поражение. Правда, с помощью польского короля Болеслава Святополку удается на время изгнать Ярослава из Киева, но в 1019 г. войско Святополка снова разгромлено, а сам он бежит за пределы Руси и умирает в неведомом месте «между Ляхы и Чехы». «Сказание» повествует, казалось бы, о тех же самых событиях, но значительно усиливает агиографический колорит, для него характерна повышенная эмоциональность и нарочитая условность.

ИДУТЬ СТОГА БИНА
САНКАХЪ БРАЦКА
МЕНЪ

*Погребение Глеба. Миниатюра Сильвестровского сборника.
XIV в. (ЦГАДА).*

Феодальные распри на Руси того времени были достаточно обычным явлением, и участники этих конфликтов всегда поступали так, как подсказывал им расчет, честолюбие, военный опыт или дипломатический талант; во всяком случае, они ожесточенно боролись, отстаивая свои права и жизнь. На этом фоне покорность Бориса и Глеба, какой ее изображает летописный рассказ, уже сама по себе необычна, однако в «Сказании» она приобретает совершенно гипертрофированные формы. Так, узнав о готовящемся на него покушении, Борис не только не помышляет о спасении, но, напротив, безропотно ждет своей участи и молит бога простить Святополку грех братоубийства, тем самым как бы предрекая себе смерть, а Святополку успешное осуществление его злодейского замысла.

Не менее неожиданно поведение Глеба: когда убийцы с обнаженными мечами прыгают в его лодку и князю остаются считанные мгновения до смерти, он успевает произнести три монолога и помолиться. Все это время убийцы терпеливо ждут, как бы застывают с занесенными над своей жертвой мечами.

И. П. Еремин обратил внимание еще на такое противоречие в повествовании: Борис стоит станом под Киевом, но в «Сказании» трижды упоминается, что он находится в пути, «идет» к своему брату. Допустить это противоречие, как полагает И. П. Еремин, автора побудила логика повествования: верный своему долгу вассала, Борис должен был пойти в Киев, но в этом случае он как бы последовал совету дружины: «Поиди, сяди Кыеве на столе отии», что противоречит характеру образа. И Борис одновременно «идет» и остается на месте¹. Бориса убивают трижды: сначала поражают его копыями через

¹ См.: Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 25.

полотнище шатра, затем призывают друг друга «скончать повеленное» (т. е. убить Бориса), когда он, раненный, выскакивает из шатра, и, наконец, мы узнаем, что лишь по пути, опять-таки раненного, но еще живого Бориса убивают мечами посланные Святополком варяги.

Еще одна характерная деталь. Исследователи обращали внимание на лирическое изображение «беззащитной юности Глеба», который просит у своих убийц пощады, «как просят дети»: «Не дейте мене... Не дейте мене!» (т. е. «не трогайте», «оставьте»)¹. Это чисто литературный прием. Действительно, если принять летописную версию истории Владимира, то самому младшему из сыновей в момент его смерти было бы по крайней мере лет 27: Борис и Глеб считаются сыновьями его от болгарки, т. е. рождены в то время, когда Владимир был еще язычником. С момента крещения князя и женитьбы его на византийской царевне Анне до смерти его в 1015 г. прошло 27 лет, в то время, следовательно, и Борис и Глеб были отнюдь не юношами, а зрелыми воинами.

Еще пример «невольной дани жанру» привел И. П. Еремин: Борис выступает в «Сказании» как мученик за веру, хотя его вере Святополк, разумеется, не угрожал².

Святополк же, напротив, олицетворяет в себе зло, которое обязательно должно присутствовать в житии как сила, с которой успешно или, напротив, обреченно сражается святой. Святополк жесток и коварен и не пытается даже перед самим собой оправдывать это зло, а, напротив, выражает готовность «приложить беззаконие к беззаконию». Ему удается убить Бориса, Глеба и Святослава, на первых порах одолеть Ярослава. Но божественное возмездие неотвратимо, и Святополк Окаянный (с этим эпитетом он останется навсегда в древнерусской литературе как постоянный нарицательный образ злодея) побежден в решающей битве, в страхе, одержимый болезнью («расслабеша кости его», утверждает летописец), бежит и умирает в безвестном месте. От могилы его исходит смрад.

Несмотря на бесспорную дань агиографическому жанру, в изображении событий и особенно в характеристике героев «Сказание» не могло быть признано образцовым житием. Оно слишком документально и исторично. Именно поэтому, как полагает И. П. Еремин, Нестор решает написать иное житие, более удовлетворяющее самым строгим требованиям классического канонического памятника этого жанра³.

«Чтение» Нестора, действительно, содержит все необходимые элементы канонического жития: оно начинается обширным вступлением, с объяснением причин, по которым автор решается приступить к работе над житием, с кратким изложением всемирной истории от Адама и до крещения Руси. В собственно житийной части Нестор, как того требует жанр, рассказывает о детских годах Бориса и Глеба, о благочестии, отличавшем братьев еще в детстве и юности; в рассказе о их гибели еще более усилен агиографический элемент: если в «Сказании» Борис и Глеб плачут, молят о пощаде, то в «Чтении» они принимают смерть с радостью, готовятся принять ее как торжественное и предназначенное им от рождения страдание. В «Чтении», также в соответствии с требованиями жанра, присутствует и рассказ о чудесах, совершающихся после гибели святых, о чу-

¹ Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 21—22.

² См.: Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 20.

³ См.: Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе, с. 21.

десном «обретении» их мощей, об исцелениях больных у их гроба.

Если мы сравним «Житие Феодосия Печерского», с одной стороны, и «Сказание», а особенно «Чтение» о Борисе и Глебе, с другой, то заметим различные тенденции, отличающие сравниваемые памятники: если в «Житии Феодосия Печерского» «реалистические детали» прорывались сквозь агнографические каноны, то в житиях Бориса и Глеба канон, напротив, преобладает и в ряде случаев искажает жизненность описываемых ситуаций и правдивость изображения характеров. Тем не менее «Сказание» в большей степени, чем «Чтение», отличается своеобразной лиричностью, которая особенно ярко проявляется в предсмертных монологах Бориса и особенно Глеба, скорбящего об отце и брате и искренне страшась неминуемой смерти.

Абстрагированность в житиях. Для агнографической литературы характерна еще одна черта, которая особенно ярко проявится позднее, в житийной литературе XIV—XV вв., но дает о себе знать уже в житиях XI—XII вв. Черта эта — абстрагированность. Суть ее в том, что автор нарочито избегает определенности, точности, любых деталей, которые указывали бы на частность, единичность описываемых ситуаций. Это не случайность, а осмысленное стремление рассматривать жизнь святого как бы вне времени и пространства, как эталон этических норм, вечный и повсеместный. Так, например, в «Житии Феодосия Печерского» рассказывается о междукняжеской борьбе в 1073 г. (когда князя Всеволод и Святослав изгнали великого князя киевского Изяслава) в следующих выражениях: «Бысть в то время съмятение некако от вьселукавааго врага в трьх князых, братни сущем по плъти, якоже дьвема брань (войну) сътворити на единого старейшааго си брата, христолюбьца иже поистине боголюбьца Изяслава. То же тако ть прогьнан бысть от града стольнааго, и онема пришьдьшема в град ть...». Мы видим, что не названы ни имена князей — противников Изяслава, ни Киев (он именуется лишь «стольным градом»), а сама феодальная распря изображается исключительно как результат дьявольского наущения. Для абстрагирующей тенденции характерно опущение имен, именованье людей по их социальному положению («некий боярин», «сей муж» или «стратиг некий»; в этом последнем случае вместо обычного русского наименования «воевода» употребляется греческий термин «стратиг»), опущение географических наименований, точных дат и т. д. Однако в агнографической литературе Киевской Руси эта тенденция только начинает себя проявлять, наиболее полное выражение она найдет, как уже сказано, позднее — в XIV—XV вв.¹

¹ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп. Л., 1971, с. 123—136.

Патериками назывались сборники рассказов о жизни монахов какой-либо местности или какого-нибудь монастыря. Древнейшим из русских патериков явился патерик Киево-Печерского монастыря. Монастырь был основан в середине XI в., и уже в «Повести временных лет» под 1051 г. читается рассказ об основании монастыря, а в статье 1074 г. — о некоторых его подвижниках. Однако «Киево-Печерский патерик» был создан значительно позднее, и в его основе оказалась переписка, которую вели между собой в начале XIII в. владимирский епископ Симон и киево-печерский монах Поликарп, хотя они, в свою очередь, использовали, видимо, записи, ведшиеся в самом монастыре.

Симон и Поликарп были постриженниками Киево-Печерского монастыря, оба они были образованными и талантливыми книжниками. Но судьба их сложилась по-разному: Симон сначала стал игуменом одного из владимирских монастырей, а затем в 1214 г. занял епископскую кафедру в Суздале и Владимире. Поликарп же остался в монастыре. Честолюбивый монах не хотел смириться со своим положением, не соответствующим, как он думал, его знаниям и способностям, и с помощью влиятельных покровителей — княгини Верхуславы-Анастасии, дочери Всеволода Большое Гнездо, и ее брата Юрия — стал домогаться епископской кафедры. Но Симон, к которому княгиня обратилась за поддержкой, не одобрил честолюбивых устремлений Поликарпа и написал ему послание, в котором обличал его санюлюбие и увещевал гордиться уже тем, что он подвизается в столь прославленном монастыре. Это послание Симон сопроводил рассказами о некоторых киево-печерских монахах, с тем чтобы рассказы эти напомнили Поликарпу о славных традициях монастыря и тем самым успокоили его мятежный дух. Послание Симона и следующие за ним девять рассказов о монахах Киево-Печерского монастыря явились одной из основ будущего «Киево-Печерского патерика».

Другой важной составной частью памятника явилось послание Поликарпа к игумену Акиндину, в котором Поликарп сообщал, что он наконец решился осуществить давнишний замысел и рассказать о жизни и «чудесах печерских святых». За письмом следует одиннадцать рассказов о подвижниках.

Видимо, где-то в середине XIII в. послания Симона и Поликарпа (вместе с сопровождающими их рассказами) были объединены и дополнены другими памятниками, повествующими о том же монастыре: «Житием Феодосия Печерского» и похвалой ему, написанным Симоном «Словом о создании церкви Печерской» и т. д.

Так постепенно слагался своеобразный памятник, получивший впоследствии название «Киево-Печерского патерика». До нас дошли Арсениевская редакция патерика, созданная в начале XV в. по инициативе тверского епископа

Арсения: Феодосиевская редакция, восходящая, возможно, к середине XV в., и две Кассиановские редакции, составленные в 60-х гг. XV в. в самом Киево-Печерском монастыре¹.

Литературное и идеологическое значение патерика было исключительно велико. Он не только подытоживал развитие русской агиографии XI—XII вв., но, повествуя о славном прошлом знаменитого монастыря, будил чувство общерусского патриотизма, в страшные годы монголо-татарского ига напоминал о временах процветания и могущества Киевской Руси.

В рассказах «Киево-Печерского патерика» много традиционных патериковых мотивов: праведные монахи творят чудеса, успешно борются с мирскими помыслами и искушениями, одерживают победы над бесами и разоблачают самые хитроумные их козни. Однако все эти фантастические коллизии разворачиваются на фоне действительного монастырского быта, соотносимы с реальными политическими событиями в Киевской Руси XI—XII вв., рядом с идеализированными портретами киево-печерских подвижников появляются живые характеры жестоких князей, жадных купцов, неправедных судей. Да и сами монахи не все и не всегда безукоризненно добродетельны: их обуревают зависть, сребролюбие, они нередко попрекают друг друга и ссорятся.

Так, в легенде о Прохоре Лебеднике рассказывается, как он снабжал голодающих киевлян хлебом, испеченным из лебеды, но казавшимся таким сладким, будто он «с медом». Однако если кто-либо крал у Прохора этот хлеб, то тот оказывался горьким, словно полынь. Затем Прохор собрал из келий «попел» (пепел, золу) и превратил ее в соль, которую также раздавал нуждающимся. Это возмущало купцов, намеревавшихся нажиться на вздорожавшей провизии. Они жалуются на Прохора князю Святополку², а тот, посоветовавшись со своими боярами, отнимает у Прохора его чудесную соль, рассчитывая, что «богатство приобретает». Но соль превращается в золу. На третий день князь приказывает выкинуть золу, и она снова становится солью, которую с радостью разбирают нуждающиеся горожане. Нетрудно заметить, в каком неприглядном виде выступает в этой ле-

¹ Издание патерика: Патерик Киево-Печерского монастыря. Спб., 1911 (изданы 2-я Кассиановская и Арсениевская редакции); Абрамович Д. И. Киево-Печерский патерик. Вступление. Текст. Примитки. Киев, 1930 (издана 2-я Кассиановская редакция). Перевод на современный русский язык см. в кн.: Художественная проза Киевской Руси X—XIII вв. М., 1957, с. 149—226. О редакциях Киево-Печерского патерика см.: Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — «ИОРЯС», 1901, т. VI, кн. 3—4, 1902, т. VII, кн. 1—4.

² События происходят, согласно легенде, во время междоусобной войны, когда князья Святополк Изяславич и Давыд Игоревич заманили к себе и ослепили Василька Тербовльского (эти события рассказываются в «Повести временных лет» под 1097 г.).

генде и князь, и его советники, и корыстолюбивые киевские купцы.

В другой легенде рассказывается о монахе Григории. К нему забираются воры, но он насыляет на них беспробудный сон, продолжающийся пять суток. Других воров Григорий заставляет двое суток простоять недвижимо, при этом они изнывают под тяжестью награбленных плодов. Проходящие мимо монахи сначала лишены возможности увидеть воров, а когда, наконец, замечают, то не могут сдвинуть их с места. Затем рассказывается, как тот же Григорий на берегу Днепра встречается с князем Ростиславом Владимировичем, который направлялся в монастырь получить благословение перед походом на половцев. Княжеские дружинники насмеяются над монахом, «метающе словеса срамнаа». Григорий укоряет их и предсказывает гибель в воде. Разгневанный словами монаха, князь самодовольно восклицает: «Мне ли поведаеши смерть от воды, умеюшу бродити (плавать) посреди ея» — и приказывает связать Григория и утопить его в Днепре. Братия два дня безуспешно ищет пропавшего инока, и лишь на третий день труп его — с камнем на шее и в мокрых «ризах» — чудесным образом оказывается в запертой келье. А приказавший расправиться с Григорием князь Ростислав действительно тонет при переправе у Треполя¹.

Любопытен и рассказ о монахе Федоре. Он немало претерпел от козней бесов, являвшихся к нему в облике его друга, монаха Василия, и ссоривших их. Наконец ему удается одолеть бесов и даже заставить их служить себе: то они за ночь перемололи по его приказанию пять возов зерна, то перенесли с берега Днепра на гору тяжелые бревна, доставленные по реке для восстановления пострадавших от пожара церкви и келий, и при этом разложили их по назначению: для пола, крыши и стен. Но этот фантастический мир чудес оказывается тесно переплетенным с миром реальных людей и человеческих взаимоотношений. Во-первых, бесы подстрекают «извозников», нанятых для перевозки бревен в монастырь, «воздвигнуть крамолу» на Федора и, подкупив взяткой судью, требуют у него оплаты за сделанную бесами работу. Во-вторых, бес является к боярину киевского князя в образе Василия и сообщает о богатом кладе, о местонахождении которого знает Федор. Боярин приводит мнимого Василия к князю Мстиславу Святополчичу. Тот решает завладеть кладом; отправившись, «аки на лов или на некоего воина крепка», с множеством воинов, хватает Федора и предает его страшным истязаниям, допытываясь о месте, где скрыты сокровища. Таким же истязаниям подвергается и друг Федора — Василий. Оба монаха умирают после пыток. Правда, князя постигает божественное возмездие — его убивает будто бы та же самая стрела, которой он смертельно ранил Василия². Характер-

¹ Рассказ о гибели Ростислава Владимировича при переправе через Стугну имеется в статье 1093 г. «Повести временных лет»; о гибели Ростислава упоминает и «Слово о полку Игореве».

² «Повесть временных лет» упоминает в статье 1097 г. о гибели Мстислава, но никак не связывает его смерть с возмездием за расправу над киево-печерскими монахами.

но, однако, другое: киевские князья и бояре, по свидетельству патерика, не останавливаются даже перед убийством монахов, побуждаемые своей гордостью или сребролюбием. Ореол почтения, которым, как утверждал тот же «Патерик», был окружен Киево-Печерский монастырь, и ореол христианского благочестия киевских князей совершенно блекнет. Дело, разумеется, не в «историчности» легенд, но в том характере взаимоотношений монастыря и мирян, которые так или иначе изображают патериковые легенды.

Сюжеты рассказов о киево-печерских монахах очень занимательны. Это отметил еще А. С. Пушкин в письме к П. А. Плетневу, говоря о «прелести простоты и вымысла» легенд о киевских чудотворцах¹. В них сочетаются собственно агнографические приемы с приемами летописного повествования: вопреки условиям агнографического канона время от времени проскальзывают реалистические детали, черты живых характеров. «Киево-Печерский патерик» явился, таким образом, немаловажным этапом на пути развития сюжетного повествования в литературе древней Руси².

8. «ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА

«Хождениями» в древнерусской литературе назывались произведения, в которых описывались путешествия в Палестину, на Восток или в Византию. Древнейшим из памятников этого жанра является «Хождение» игумена Даниила³.

О самом Данииле мы знаем очень мало. Он был игуменом одного из русских монастырей, расположенного, как полагают, на Черниговщине. Свое путешествие Даниил совершил в начале XII в.: по некоторым историческим фактам, им упоминаемым, можно считать, что он находился в Палестине (точнее, в существовавшем на территории, отвоеванной у арабов крестоносцами, Иерусалимском королевстве) в 1106—1108 гг.

По пути в Палестину Даниил посетил Константинополь, Эфес, остров Кипр. В самой Палестине Даниил провел 16 месяцев. Он жил в монастыре св. Саввы (под Иерусалимом), но выезжал в различные районы королевства: был в городах Иерихоне, Вифлееме, Галилее, на Тивериадском озере. Даниила сопровождал некий монах «стар денми и книжен велми» (т. е. начитанный и знающий). Разумеется, Даниила, как паломника⁴, прежде

¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIV. М.—Л., 1941, с. 163.

² См.: Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агнографического стиля» Древней Руси — «ТОДРЛ», М.—Л., 1964, т. XX, с. 51—63; Она же. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 101—107.

³ Лучшее издание «Хождения» см. в кн.: Житие и хождение Даниила, Русьская земля игумена 1106—1107 гг. Под ред. М. Е. Веневитинова. — В кн.: Православный палестинский сборник, т. I. Сиб., 1885, вып. 3 и 9.

⁴ Наименование *паломник* связано с тем, что посещавшие Палестину по обычаю приносили с собой на родину пальмовую ветвь.

всего интересовали святыни — достопримечательные места или памятники, которые церковная традиция связывала с именем Иисуса Христа или библейских персонажей. Он описывает водоем, у которого Христос исцелил «расслабленного», камень, на котором был водружен крест с распятым Христом, пещеру, где на «лавнице» (скамье) лежало его тело после распятия, и т. д. При этом Даниил не только перечисляет увиденные им достопримечательности, но тут же вспоминает и кратко пересказывает связанные с ними ветхозаветные и евангельские сюжеты, обнаруживая знакомство не только с каноническими библейскими книгами, но и с апокрифическими легендами.

Даниил в своих описаниях стремится быть точным, создает своего рода путеводитель для будущих паломников. Он указывает направление, по которому следует двигаться к тем или иным памятным местам, и весьма наглядно сообщает о расстояниях до них: «От камени того яко может дострелити добр стрелец», или: «И есмь от стени градныя яко довержет муж камением малым». Подробно описывает Даниил архитектурные сооружения, их убранство: церковь та, пишет он, «столпов же имать 8 облых (толстых) мраморяных, помощена же есть досками мрамора белаго»; «Храмина создана красно,— говорится о другом храме,— яко на столпни и с верхом исписана муснею» (покрыта мозаикой).

Однако, благоговейно осматривая «желанную ту землю и места святаа», где Христос «претерпе страсти нас ради грешных», Даниил не остается равнодушным и к природе Палестины. Он восхищается плодородием ее земли, на которой «родиться пшеница и ячмень изрядно: едину бо кадь всеяв и взяти 90 кадей», он описывает сады, где «овощнаа (фруктовые) дресва многоплодовита — смокви (инжир), и агодичия, и масличие (маслины)». Любопытно описание реки Иордан, которую Даниил сравнивает с рекой Сновь (в Черниговщине): один берег Иордана «прикрут», другой «полог», течение быстрое, «вода же мутна велми и сладка пити»; «всем же есть подобен Иордан к рече (реке) Сновьстей: и вшире и вглубле и лукаво (извилисто) течет и быстро, якоже Сновь река».

Скучно описывает Даниил свою жизнь в Палестине и быт Иерусалимского королевства. Он лишь вскользь говорит о горных дорогах, на которых путников поджидают разбойники-сарацины, отмечает, что в город Тивериаду он смог попасть лишь благодаря тому, что примкнул к войску иерусалимского короля Балдуина. Относительно подробно рассказан лишь один эпизод. Во время богослужения король с почетом провел Даниила через толпу паломников («разгнаша люди насилне, и створиша яко улицю... и тако могохом проити сквозе люди»), но эту честь Даниил приписал не себе, а уважению к Руси, которую он представляет. Даниил подчеркивает, что он ощущал себя в Палестине посланцем всей Русской земли, и выражает свою

заботу о ней, разумеется, в естественных для паломника формах — возжигает лампы в храмах и «во всех местах святых», поручает «молиться за русских князей и княгинь, и детей их, за епископов и игуменов, бояр, детей своих духовных и за всех христиан Руси».

В. Л. Янин обратил внимание на следующий факт. Даниил, сообщая о «поминаниях» русских князей, княгинь и бояр — всего им отслужено 90 литургий, — называет лишь несколько княжеских имен. Исследователь реконструировал первоначальный вид этого перечня князей и установил, что для Даниила имел смысл и сам отбор имен, и даже последовательность, в которой они приведены: он называет девятерых князей, составивших «ту верховную коалицию, которая решала общерусские дела и направляла политическое развитие государства». Даниил, заключает В. Л. Янин, «был русским игуменом в высоком понимании этого термина и, вспоминая князей, служил литургии за ту систему взаимоотношений, которая была разработана на княжеских съездах рубежа XI—XII вв., видя в ней средство от усобиц, разорения Русской земли и братоубийственных войн»¹.

Остается тем не менее неясным вопрос, при каких обстоятельствах состоялось путешествие Даниила: упоминание его многочисленных спутников, неестественность его в деньгах и, наконец, те безусловные знаки уважения, которые оказывал Даниилу король Балдуин, — все это давало основание предположить, что Даниил в той или иной степени являлся представителем Русской земли, прибыл в Палестину с какими-то дипломатическими или церковно-организационными полномочиями, и во всяком случае не был рядовым паломником².

Популярность «Хождения» игумена Даниила в древнерусской письменности была исключительно велика, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что до нас дошло около сотни списков этого произведения.

9. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» было открыто известным собирателем древнерусских рукописей графом А. И. Мусиным-Пушкиным в конце XVIII в. С этого времени и началось интенсивное изучение этого выдающегося памятника древнерусской литературы. В настоящее время библиография книг и статей о «Слове о полку Игореве», вышедших на русском, украинском, белорусском и других языках народов нашей страны, а также в различ-

¹ См.: Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1960, т. XVI, с. 130—131.

² См.: Данилов В. В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1954, т. X, с. 92—94.

ных странах мира, насчитывает не одну сотню наименований¹.

Исследователи анализировали текст «Слова», его художественные достоинства, язык, рассматривали идейный замысел памятника, исторический кругозор его автора, выясняли обстоятельства обнаружения рукописи «Слова» и принципы его издания. Большинство этих вопросов в настоящее время достаточно глубоко и всесторонне изучено.

История открытия и публикации «Слова». Первые печатные сообщения о «Слове» принадлежат М. М. Хераскову, поэту и драматургу, и Н. М. Карамзину. В 1797 г. М. М. Херасков в примечании к тексту своей поэмы «Владимир» сообщил: «Недавно отыскана рукопись под названием: «Песнь о полку Игореве», неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки, в ней упоминается Баян — российский песнопевец». В том же году в журнале, издававшемся в Гамбурге французскими эмигрантами, — «Spectateur du Nord» («Обозреватель Севера») Н. М. Карамзин опубликовал заметку, в которой, в частности, говорилось: «Два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием «Песнь воинам Игоря», которую можно сравнить с лучшими оссиановскими поэмами и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем».

Однако можно утверждать, что «Слово» стало известным А. И. Мусину-Пушкину несколько ранее, чем 1794—1795 гг. П. Н. Берков высказал основательное предположение, что в статье «Нечто о врожденном свойстве дум российских», опубликованной в февральском номере журнала «Зритель» за 1792 г., издатель его П. А. Плавильщиков имел в виду «Слово», когда утверждал, что «даже во дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его»², и указывал, что, несмотря на разорение после «варварского нашествия татар», «существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной и, быть может, Россия вскоре их увидит»³. На те же годы,

¹ Основные библиографические труды по «Слову о полку Игореве» следующие: «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Сост. В. П. Азрианова-Перети. М.—Л., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. Сост. О. В. Давилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под ред. и со вступ. ст. С. К. Шамбинаго. М., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Сост. Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1955; Бегунов Ю. К. «Слово о полку Игореве» в зарубежном литературоведении (краткий обзор). — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. ст. к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. Обзор основных работ по «Слову о полку Игореве», вышедших за последние 25 лет см.: Дмитриев Л. А. 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве» (Некоторые итоги и задачи изучения «Слова») — «ТОДРЛ», Л., 1976, т. XXXI.

² Эти слова могут быть сочтены за отзвук фразы «Слова» о Бояне, который слал песни «старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславличю».

³ Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». — «ТОДРЛ», М.—Л., 1947, т. V, с. 135—136.

как время обнаружения «Слова», указывает и следующий факт. А. И. Мусин-Пушкин изготовил копию с древнерусского текста «Слова» для Екатерины II, интересовавшейся в те годы русской историей. Текст «Слова» был сопровожден переводом и примечаниями. В этих примечаниях он использовал исторические сочинения самой Екатерины, которые были изданы в 1793 г. Так как ссылок на печатное издание в примечаниях нет, представляется вероятным, что Екатерининская копия «Слова» была изготовлена до 1793 г.¹

Как попала рукопись «Слова» в собрание графа А. И. Мусина-Пушкина? Сам граф утверждал, что он приобрел «Слово» в числе других книг у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля. Недавно удалось установить, что сборник, в составе которого находилось «Слово», принадлежал Спасо-Ярославскому монастырю, числился в описи его рукописных книг, но не позднее 1788 г. был, как указано в описи, «отдан» (в описи следующего года та же рукопись числится уже «за ветхостью уничтоженной»). Отдан, видимо, — непосредственно или через Иоиля — А. И. Мусину-Пушкину².

В последние годы XVIII в. А. И. Мусин-Пушкин совместно с архивистами А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским готовит «Слово» к публикации. Оно было издано в 1800 г.³ Однако двенадцать лет спустя все богатейшее собрание древнерусских рукописей, принадлежавших графу, и в их числе — сборник со «Словом», погубило в пожаре Москвы во время нашествия Наполеона. Тогда же погибла и часть тиража первого издания «Слова»; в настоящее время в государственных хранилищах и у частных лиц хранится около 60 его экземпляров⁴.

Гибель единственной дошедшей до нового времени рукописи «Слова» создала значительные трудности в изучении памятника. Не был достаточно ясен состав сборника, не установлена его дата, выяснилось, что издатели не совсем точно передали подлинный текст «Слова», в ряде случаев не смогли верно прочесть отдельные написания или не заметили явные опечатки. Для решения этих вопросов потребовалось немало

¹ См.: Моисеева Г. И. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976, с. 72—73.

² Там же, с. 51—59.

³ См.: «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя новгородо-северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие». Москва, в сенатской типографии. 1800. «Слово» несколько раз передавалось фототипически. Одно из лучших воспроизведений см. в кн.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. М.—Л., 1960, с. 77—132.

⁴ См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве», с. 17—56; Он же. 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве», с. 12.

усилий нескольких поколений русских и советских исследователей.

Состав Мусин-пушкинского сборника. О составе сборника сообщается во вступительной заметке к изданию 1800 г. Однако там приводятся лишь названия окружавших «Слово» памятников, а определены они были по разного рода косвенным данным, в частности с помощью выписок из повестей, входивших в сборник, приведенных Н. М. Карамзиным в его «Истории государства Российского». Сейчас с достаточной вероятностью установлено, что сборник открывался хронографом Распространенной редакции 1617 г.¹, затем читалась Новгородская первая летопись младшего извода², первая редакция «Сказания об Индийском царстве»³, древнейшая редакция «Повести об Акире Премудром», «Слово о полку Игореве» и первая редакция «Девгениева деяния». Уже состав сборника сам по себе чрезвычайно характерен: «Слово» находится в окружении очень редких в русской письменности памятников или редакций. Так, до нас не дошло более ни одного списка первой редакции «Сказания об Индийском царстве», первая редакция «Повести об Акире Премудром» известна лишь еще в одном полном списке (XV в.) и двух неполных (XV и XVII вв.); «Девгениево деяние» известно всего в трех списках XVII—XVIII вв., тогда как перевод его был осуществлен не позднее XIII в.

Противоречивы были сведения о дате сборника. Издатели указали лишь, что рукопись «по своему почерку весьма древняя». Орфография текста «Слова» и фрагментов из «Повести об Акире Премудром», известных нам по выпискам Н. М. Карамзина, указывает на принадлежность рукописи ко времени не позднее конца XVI в. Но наличие в том же сборнике хронографа XVII в. заставляет предположить, что сборник этот — конволют, т. е. рукопись, составленная из двух частей, одна из которых содержащая хронограф, XVII в., другая — летопись и повести, более раннего времени⁴.

Очень важно было попытаться установить, насколько точно был передан издателями древнерусский текст «Слова». Обнаружение П. П. Пекарским в 1864 г. Екатерининской копии дало возможность произвести сравнение текста в этой копии

¹ См.: Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве». — «ТОДРЛ». Л., 1976. т. XXXI. с. 138—140; Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве», с. 28—33.

² См.: Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве» — «ТОДРЛ». М.—Л., 1947, т. V; Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве», с. 41—42.

³ См.: Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве. — Ипо РЯС, 1930. т. III, кн. 2.

⁴ См.: Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве», с. 159—164.

и издании, при этом выяснилось, что между этими текстами существует большое число расхождений. Исследование екатерининской копии, выписок из «Слова», сделанных А. Ф. Малиновским, и выписок из «Слова» Н. М. Карамзина¹, и анализ издательских принципов XVIII в.² позволили прийти к выводу, что, стремясь по возможности точно воспроизвести *слова* (смысловые единицы текста), издатели, в духе своего времени, допускали существенные отклонения в передаче *написаний*, т. е. орфографии древнерусской рукописи.

Кроме того, издатели порою не смогли правильно прочесть и воспроизвести текст, не всегда понимали значение отдельных слов. Это явилось причиной того, что в первом издании «Слова» оказалось немало неясных по смыслу чтений, так называемых «темных мест», над расшифровкой которых уже вот полтора века трудятся исследователи «Слова». Ошибки издателей удалось сравнительно легко исправить³, но в рукописи «Слова», как и в каждой древнерусской рукописи, несомненно, содержались и свои «темные места» — результат ошибок писца или порчи текста в предшествующих Мусин-пушкинскому списках «Слова». Таких «темных мест» не очень много, но исправить их, видимо, не удастся до тех пор, пока не будет найден другой список памятника⁴.

То, что «Слово» известно нам только в одном списке, не должно удивлять. В единственном списке дошло до нас «Поучение Владимира Мономаха», в двух — «Слово о гибели Русской земли»; ряд памятников, особенно памятников, созданных до монголо-татарского нашествия, известен нам лишь по косвенным данным, так как не сохранилось ни одного их списка (например, «Житие Антония Печерского»), многие из памятников этой поры дошли до нас в редких и очень поздних списках, как, например, «Девгениево деяние».

«Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Одна редкость списков «Слова» не помешала тому, что памятник этот повлиял на другие памятники древнерусской литературы. Первое важнейшее открытие в этой области было сделано еще в 1813 г. К. Ф. Калайдовичем. Он обнаружил в псков-

¹ См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»; Он же, Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». — «ТОДРЛ», М., Л., 1962, т. XVIII.

² Лихачев Д. С. История подготовки к печати рукописи «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — «ТОДРЛ», М., Л., 1957, т. XIII.

³ Так, вместо «розно ся» в первом издании читалось «рози нося», вместо «одъвахуть» — «одъвахте», вместо «къмети» — «къ мети» и т. д. См. подробнее: Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М., Л., 1962, с. 8—11.

⁴ Например, остается неясной фраза: «На болони бѣша дѣбрь Кисаю и не сошлю къ синему морю» или фраза: «и схоти ю на кровать» и некоторые другие.

ском «Апостоле» (книге, содержащей апостольские послания и деяния) приписку 1307 г., которая отражает знакомство ее автора с текстом «Слова». Если в «Слове» говорится, что при Олеге Гориславичи «сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувѣкомъ скратишась»¹, то в приписке читается: «При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гняше жизнь наша, в князех которы, и вещи скоротишася челоуеком». Несомненно, что перед нами не случайное текстуальное совпадение, а переработка переписчиком «Апостола» цитаты из «Слова о полку Игореве»².

Но наибольшее влияние оказало «Слово» на повесть о Куликовской битве—«Задонщину». Подражать другому произведению, цитировать или пересказывать его было в обычае средневековых книжников. Так поступил и автор «Задонщины». Но, используя в своем рассказе о победе русских над татарами повествование о поражении Игоря половцами и взяв при этом за образец произведение с нетрадиционной яркой образностью и сложным языком, составитель «Задонщины» не всегда успешно справлялся со своей задачей. Во-первых, отдельные образы «Слова» оказались совершенно неуместны в «Задонщине», памятнике, написанном на совершенно иной сюжет. Например, если в «Слове» говорится про Буй Тура Всеволода — «стоиши на борони, прышеши на вои стрѣлами», то в «Задонщине» в эпизоде бегства татар совершенно непонятна фраза: «Уже бо ста тур на оборонь». Во-вторых, в «Задонщине» много неясных чтений и оборотов, которые могут быть поняты только путем сравнения их со «Словом о полку Игореве». Так, фраза «Задонщины» «не проразимся мыслию но землями» (или в другом списке: «но потрезвимься мысльми и землями») становится понятной лишь в сравнении с фразой «Слова»: «растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли». Таким образом, анализ текста «Задонщины» не оставляет сомнений в том, что «Слово» было использовано ее автором³.

Кроме того, обнаружены и другие примеры влияния текста «Слова о полку Игореве» на текст древнерусских литературных памятников. «Слово» повлияло, видимо, на «Повесть об

¹ Здесь и далее «Слово» цитируется по изданию в «Большой серии Библиотеки поэта» (Л., 1967).

² См. полемику по этому вопросу: Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века.— «Русская литература», 1965, № 2; Зими́н А. А. Приписка к псковскому «Апостолу» 1307 года и «Слово о полку Игореве». — «Русская литература», 1966, № 2; Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина.— «Русская литература», 1966, № 2.

³ См.: Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» (к вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»). — «Русская литература», 1964, № 3; Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966.

Церковь Покрова на Нерли. 1165 г.

Акире Премудром» в ее поздних переработках XVII в.¹, а также на некоторые списки «Сказания о битве новгородцев с судальцами»².

Полемика о времени написания «Слова». В исследовательской литературе с «Слове» существенное место занимает полемика о подлинности памятника или о времени его создания.

Недоверие к древности «Слова» возникло после гибели рукописи в пожаре 1812 г. Поводов для возникновения «скептического взгляда» на древность «Слова» было несколько. Во-первых, в начале XIX в. ученые слишком мало знали о литературе Древней Руси, и поэтому «Слово» казалось им неестественно совершенным для уровня художественной культуры Киевской Руси³. Во-вторых, смущали неясные, «темные места» «Слова», обилие в нем непонятных слов, которые на первых порах пытались объяснить на материале других славянских языков. Но основной причиной возникновения недоверия к «Слову» явилось то направление в русской историографии начала XIX в., которое именуется «скептической школой». Сомнение в подлинности «Слова» было лишь частным эпизодом в этой тенденции: «скептики» подвергали сомнению также древность русских летописей, сборника древнерусских законов — «Русской правды», сочинений Кирилла Туровского и т. д.⁴.

В середине XIX в. после открытия «Задонщины», старший из известных списков которой датируется концом XV в., сомневаться в древности «Слова» перестали. Однако в 90-х гг. того же века Луи Леже выдвинул гипотезу, что не автор «Задонщины» подражал «Слову», а, наоборот, «Слово» является подражанием «Задонщине». Это предположение Л. Леже было развито в работах французского ученого, академика А. Мазона, а позднее в работах советского историка А. А. Зимина. А. А. Зимин считал, что «Слово» было написано на основании «Задонщины» в XVIII в. и автором его был Иоиль Быковский, ярослав-

¹ На это обратил внимание еще В. Н. Перетц (Перетц В. Н. «Слово о полку Игореве» — памятка феодальной Украины — Руси XII в. Киев, 1926, с. 270); подробнее см.: Творогов О. В. «Сокол трех мытей» в «Повести об Акире Премудром». — В кн.: Вопросы теории и истории языка, Сб. ст., посвященных памяти Б. А. Ларина. Л., 1969.

² См.: Дмитриев Л. А. Реминисценции «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976.

³ Характерно, что А. С. Пушкин, не сомневавшийся в древности и подлинности «Слова», писал в 1830 г.: «К сожалению — старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь...» (Пушкин А. С. Собр. соч., т. XI. М.—Л., 1949, с. 184), а четыре года спустя возвращался к той же мысли: «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» (там же, с. 268). «Открытие» древнерусской литературы русской филологией произошло позднее — в середине XIX в.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности, с. 17—23.

ский архимандрит, у которого А. И. Мусин-Пушкин приобрел сборник со «Словом»¹.

Последующие исследования всей суммы вопросов, затронутых в гипотезе А. А. Зимина: взаимоотношений «Слова» и «Задонщины», языка и стиля «Слова», истории находки сборника и публикации «Слова» А. И. Мусиным-Пушкиным, характеристики личности и творчества Иоила Быковского — со всей очевидностью утвердили подлинность и древность «Слова»².

Историческая основа сюжета «Слова о полку Игореве». Рассмотрим события 1185 г., какими они предстают перед нами по летописному рассказу³.

23 апреля 1185 г. Игорь Святославич, князь Новгорода Северского⁴, выступил в поход против половцев. Вместе с ним отправился также его сын Владимир, княживший в Путивле, и племянник Святослав Ольгович из Рывьска. В пути к ним присоединился и четвертый участник похода — брат Игоря Всеволод, князь Трубчевский. Затмение 1 мая 1185 г. (подробно описанное в Лаврентьевской летописи) встревожило князей и воинов: они увидели в нем недоброе предзнаменование, но Игорь убедил своих соратников продолжать поход. Посланные вперед разведчики также принесли нерадостные вести: половцев уже не удастся застать врасплох, поэтому нужно либо немедленно нанести удар, либо повернуть назад. Но Игорь посчитал, что если они возвратятся домой, не приняв боя, то обрекут себя на позор «пуше... смерти», и продолжил путь в половецкую степь.

Утром в пятницу 10 мая они одолели половцев и захватили их вежи (шатры, кубитки). После этой победы Игорь собрался немедленно повернуть назад, пока не подоспели другие половецкие отряды. Но Святослав Ольгович, далеко преследовавший отступавших половцев, воспротивился, ссылаясь на усталость своих коней. Русские заночевали в степи. Наутро в субботу они увидели, что окружены половецкими полками — «собрали на себя всю землю Половецкую», как говорит Игорь в летописном рассказе. Всю субботу и утро воскресения продолжалась ожесточенная битва. Неожиданно дрогнули и побежали отряды ковуев (воинов-тюрков, данных в помощь Игорю Ярославом Чернигов-

¹ Перечень работ А. А. Зимина см.: Дмитриев Л. А. 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве» (Некоторые итоги и задачи изучения «Слова»). — «ТОДРЛ», Л., 1976, т. XXXI, с. 6.

² См.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и скептики. — В кн.: Великое наследие. М., 1975; Он же. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? (Вопрос о его подлинности). — В кн.: «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М., 1976.

³ Наиболее подробный рассказ о походе содержится в Ипатьевской летописи (ПСРЛ, т. II, М., 1962, стлб. 636—651), в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, М., 1962, стлб. 396—400) о походе рассказывается короче, некоторые детали в этой летописной версии, как полагают, не точны. См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 202—293.

⁴ Город на востоке современной Черниговской области.

ДОСТНИКЪМЪ И ПОКІДАНША ПОВЛЪЦІИ.

Царю дити въ погнѣ въ свое мѣ . и попламени на земли .

Победа русских войск над половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в. (БАН).

ским); Игорь, попытавшийся остановить их бегство, отделился от своего полка и был взят в плен. Русское войско потерпело полное поражение. Лишь пятнадцать «мужей» смогли прорваться через кольцо половцев на Русь¹.

Одержав победу над Игорем, половцы нанесли ответный удар: опустошили левобережье Днепра, осадили Переяславль Южный, который героически оборонял князь Владимир Глебович, захватили город Римов, сожгли острог (укрепления) у Путивля. Месяц спустя после поражения (как предполагает Б. А. Рыбаков) Игорю удалось бежать из плена. Таковы зафиксированные летописью события 1185 г.

Идейное содержание «Слова». Однако автор «Слова» превратил этот частный, хотя и трагический по своим последствиям эпизод русско-половецких войн в событие общерусского масштаба; не случайно он призывает прийти на помощь Игорю не только тех князей, которые были в этом непосредственно заинтересованы, так как их уделы могли стать объектом половецкого набега, но и владимиристо-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо. Автор «Слова» настойчиво подчеркивает основную идею произведения: необходимо единство князей в борьбе со

¹ О том, где именно находится река Каяла, на которой произошла битва с половцами, давно идут споры. См., например, одну из последних работ на эту тему: Гетманец М. Ф. По следам князя Игоря. — «ТОДРЛ». Л., 1976, т. 31. (где приведена и основная литература вопроса о местонахождении р. Каялы).

степенями, необходимо прекращение усобиц и «которые» — войн между отдельными феодалами, в которые враждующие стороны втягивали и половцев. Автор «Слова» не возражает против феодальных взаимоотношений своего времени, утверждавших удельную систему (со всеми пагубными последствиями раздробленности Руси), он возражает лишь против междоусобиц, посягательств на чужие земли («се мое, а то мое же»), убеждает князей в необходимости жить в мире и безусловно подчиняться старшему по положению — великому князю киевскому. Поэтому так прославляются в «Слове» победы Святослава Киевского. Именно он обращается с укором к Игорю и Всеволоду, отправившимся «себе славы искати», именно он с горечью порицает «княжеское непособие». Автор «Слова» стремится подчеркнуть главенствующее положение Святослава даже тем, что, вопреки действительным родственным связям, киевский князь в «Слове» именуется своих двоюродных братьев — Игоря и Всеволода — «сыновцами» (племянниками), а его самого автор называет их «отцом» (Игорь и Всеволод пробудили зло, которое «бьаше успить отец ихъ Святъславъ грозный великий Киевский») ¹, так как он их сюзерен, феодальный глава.

Этой же идее — необходимости единства князей подчинены и исторические экскурсы «Слова»: автор осуждает Олега Гориславича (изменяя на этот укоряющий эпитет действительное отчество князя — Святославич!), «ковавшего крамолы», в которых сокращаются «вѣци челоувѣкомь», он с гордостью вспоминает о времени Владимира Святославича — времени единения Руси, тогда, как сейчас, порознь развешаются «стызи Рюриковы, а друзии Давыдови». Это настойчивая и отчетливо выраженная патриотическая идея «Слова» была сформулирована К. Марксом: «суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» ².

Художественная природа «Слова» своеобразна. Это не воинская повесть в собственном смысле этого термина. Автор не рассказывает подробно о событиях 1185 г., он рассуждает о них, оценивает, рассматривает их на фоне широкой исторической перспективы, едва ли не на фоне всей русской истории. Именно этими жанровыми особенностями «Слова» определяется и своеобразие его композиции и система его образов.

Композиция «Слова». «Слово» начинается обширным вступлением, в котором автор вспоминает старинного певца «слав» Бояна, мудрого и искусного, но тем не менее заявляет, что он не будет в своем произведении следовать этой традиции, он повестет свою «песнь» «по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню».

¹ В рассказе о походе Игоря в Ипатьевской летописи Святослав называет Игоря и Всеволода «братьями».

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 16.

Определив хронологический диапазон своего повествования («от стараго Владимира до нынѣшняго Игоря»), автор рассказывает о дерзком замысле Игоря «навести» свои полки на Половецкую землю, «испити шеломомъ Дону». Он как бы «примеряет» к своей теме поэтическую манеру Бояна («Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому» или: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ») ¹.

В радостных тонах рисует автор встречу Игоря и Буй Тура Всеволода, восторженно характеризует удалых «кметей» (воинов) курян. Тем резче контраст с последующим рассказом о грозных знаменьях, которыми отмечено начало Игорева похода и которые предвещают его трагический исход: это и солнечное затмение, и необычные зловещие звуки в ночной тишине («нощь стонуци ему грозою птичь убуди»), и тревожное поведение зверей, и «клик» Дива ². И хотя далее описывается первая победа, принесшая русским князьям богатые трофеи, автор вновь возвращается к теме грозных предзнаменований грядущего поражения («крававыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идуть...»).

Рассказ о второй, роковой для Игоря битве прерывается авторским отступлением — воспоминанием о временах Олега Святославича. Этот исторический экскурс поднимает тему, к которой потом еще не раз вернется автор «Слова» — тему губительных междоусобиц, из-за которых гибнет благоденствие всех русичей («Дажьдбожа внука»). Но те кровавые битвы прошлых времен не могут сравниться с битвой Игоря против окруживших его половецких полков: «съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломах...». И хотя битва происходит в далекой половецкой степи — «в поле незнаемом», но последствия поражения Игоря скажутся на Руси — «тугою (горем) взыдоша по Руской земли». Сама природа скорбит о поражении Игоря: «ничить трава жалошамы, а древо с тугою къ земли преклонилось».

И снова, оставив на время рассказ об Игоре, автор «Слова» повествует о бедах всей Русской земли, говорит о том, что в них повинны сами русские князья, которые начали на себя «крамолу ковати». Только в объединении всех русских сил против кочевников — залог победы, и пример тому — поражение, которое нанес половцам Святослав Киевский, когда половецкий хан Кобяк был взят в плен и «пал» «въ гридниѣ Святъславли».

Далее в «Слове» повествуется о вешем сне Святослава, предрекающем ему горе и смерть. Бояре истолковывают сон: недобрые предзнаменования уже сбылись, «два солнца померкоста» — Игорь и Всеволод потерпели поражение и оказались в плену. Святослав обращается к своим «сыновцам» с «золотым

¹ Некоторые комментаторы относят эти две фразы к «запеву» Бояна.

² По мнению большинства исследователей, *див* — фантастическое существо.

Меч — символ княжеской власти. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в. (БАН).

словом, со слезами смешанным»: он упрекает их за нерасчетливые поиски славы, за несвоевременный поход, сетует на княжеское «непособие».

Автор «Слова», как бы продолжая мысль Святослава, обращается к наиболее влиятельным из русских князей, прославляет их доблесть и могущество, призывает вступить «за обиду сего времени», «за раны Игоревы». Но время славных побед для многих из них уже в прошлом, и причина тому — междоусобные войны, «крамолы». «Склоните свои знамена (или иначе: не вздымайте стягов, готовься в поход), спрячьте свои притупленные мечи, так как вы уже лишились славы своих дедов», — этим призывом завершаются обращения к русским князьям. И как раньше автор вспоминал о временах Олега Святославича, теперь он обращается к времени другого столь же воинственного князя — Всеслава Полоцкого. Он также не добился победы, несмотря на временные успехи («дотчеся» злата стола киевского, «отвори врата Новуграду», «разшибе славу Ярославу») и даже на какие-то сверхъестественные качества (он способен к быстрому передвижению, у него «веща душа»).

Затем «Слово» вновь обращается к судьбе Игоря. В Путивле Ярославна молит силы природы помочь ее мужу, вызволить его из плена. Характерно, что и в этом лирическом плаче, построенном по образцу народного причитания, звучат свойственные всему памятнику общественные мотивы: Ярославна печется не только о супруге, но и о его «воях», она вспоминает о славных

походах Святослава Киевского на хана Кобяка. Плач Ярославны тесно связан с последующим рассказом о победе Игоря из плена. Природа помогает Игорю: дружески беседует с князем река Донец, вороны, галки и сороки замолкают, чтобы не выдать преследователям местонахождения беглецов, указывают им путь дятлы, радуют песнями соловьи.

Спор ханов Кончака и Гзы о том, как поступить им с плененным сыном Игоря Владимиром, продолжает этот насыщенный символами, взятыми из мира живой природы, рассказ о бегстве князя: Игорь летит «соколом» на родину, а ханы решают судьбу «соколича». Примечательно, что здесь, как и в других местах памятника, сочетаются два типа метафор — воинских символов («сокол» — удалой воин) и символов фольклорных, в данном случае — восходящих к символике свадебных песен, где жених — «сокол», а невеста — «красная девушка», «лебедушка»¹.

Автор «Слова» беспрестанно «свивает славы обаполы сего времени», т. е., говоря о настоящем, вспоминает о прошлом, ищет там поучительные примеры, отыскивает аналогии. Он вспоминает то Владимира Мономаха, то Олега Святославича, то Всеслава Полоцкого. В этом же ряду находится, видимо, и фраза, смысл которой до сих пор вызывает разногласия: «Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля, пѣсотворца стараго времени Ярославля: «Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», — Рускои земли безъ Игоря». Исследователи изменили написание первого издания, где читалось: «Рек Боян и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля...», полагая, что здесь названы два певца — Боян и Ходына. Тогда фразу эту можно перевести так: «Сказал Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «Жена Олега когана!..» Грамматическое обоснование этой конъектуры (впервые предложенной еще в XIX в. И. Забелиным)² получило недавно и косвенное подтверждение историко-культурного характера. Есть все основания считать, что Боян был певцом скальдического типа (речь идет не о его национальности, а о художественной манере; присутствие при дворе Ярослава норвежских скальдов (певцов-поэтов) — исторический факт). А для певцов скальдического типа было характерно исполнение песен или саг вдвоем: один певец доканчивает фразу, начатую другим³. Если приведенное выше толкование фразы верно и здесь перед нами два певца — Боян и Ходына, то это еще один пример,

¹ См.: Андрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, с. 117—118.

² См.: Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX, с. 374—376.

³ См.: Шарыпкин Д. М. «Рек Боян и Ходына...» (К вопросу о поэзии скальдов в «Слове о полку Игореве»). — Скандинавский сборник, XVIII. Таллин, 1973; Он же. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов. — «ТОДРЛ». Л., 1976, т. XXXI

когда автор «Слова» ищет аналогии в прошлом, вспоминая какую-то «припевку» Бояна и Ходыны, обращенную (как думали В. Н. Перетц и А. В. Соловьев) к жене князя Олега Святославича.

Эпилог «Слова» праздничен и торжествен: вернувшийся на Русь Игорь приезжает в Киев, к великому Святославу; «страны рады, гради весели». Здравницей в честь князя и заканчивается «Слово».

Жанр «Слова». Композиция «Слова» необычна для исторической повести. Мы видим, что в центре внимания автора не столько последовательный рассказ о самих событиях похода, сколько рассуждения о нем, оценка поступка Игоря, раздумья о причинах «туги» и печали, охватившей всю Русскую землю в настоящем, обращение к событиям прошлого с его победами и несчастьями. Все эти черты «Слова» подводят нас к вопросу о жанре памятника. Вопрос этот тем более важен, что в древнерусской литературе, с ее строгой системой жанров, «Слово» (как и ряд других памятников) оказывается как бы вне жанровой системы. А. Н. Робинсон и Д. С. Лихачев сопоставляют «Слово» с жанром так называемых «шансон де жест» — «песен о подвигах», аналогиями ему в таком случае является, например, «Песнь о Роланде» или другие подобные произведения западноевропейского феодального эпоса¹.

В «Слове» объединены эпическое и книжное начала. «Эпос полон призывов к защите страны... — пишет Д. С. Лихачев. — Характерно его «направленне»: призыв идет как бы от народа (отсюда фольклорное начало), но обращен он к феодалам — золотое слово Святослава, и отсюда книжное начало»².

Поэтика «Слова». Поэтика «Слова» настолько своеобразна, язык и стиль его так красочны и самобытны, что на первый взгляд может показаться, что «Слово» находится совершенно вне сферы литературных традиций русского средневековья.

В действительности это не так. В изображении русских князей и особенно главных героев «Слова» — Игоря и Всеволода — мы обнаружим черты уже знакомых нам по летописному повествованию стилей: эпического и стиля монументального историзма. Как бы ни заслуживал осуждения безрассудный поход Игоря, сам герой остается для автора воплощением княжеских доблестей. Игорь мужествен, исполнен «ратного духа», жажда «испить шелоном Дону Великого», понятие воинской чести («лучше потяту (изрублену) быти, чем полонену») заставляют его прене-

¹ См. Робинсон А. Н. Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (Типология, оригинальность, метод) — Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и процессе жанрообразования XI—XIII вв. — ТОДРП. Л., 1972, т. XXVII.

² Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и процессе жанрообразования, с. 72.

бречь зловещим предзнаменованием — затмением солнца. Столь же рыцарствен и брат Игоря — Всеволод и его воины-куряне: они под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, ищут в битвах себе чести, а князю — славы.

Вообще стиль монументального историзма проявляется в «Слове» разнообразно и глубоко. Действие «Слова» развертывается на огромном пространстве от Новгорода Великого на севере до Тмуторокани (на Таманском полуострове) на юге, от Волги на востоке до Галича и Карпат на западе. Автор «Слова» упоминает в своих обращениях к князьям многие географические пункты Русской земли, слава Святослава простирается далеко за ее пределы — до немцев, чехов и венецианцев. Действующие лица «Слова» видят Русскую землю как бы «панорамным зрением», словно с большой высоты. Таково, например, обращение Ярославны из Путивля не только к солнцу и ветру, но и к далекому Днепру, который может прилелеять к ней любимого мужа из половецкого плена. Ярослав Осмомысл управляет своим княжеством также в подчеркнута «пространственных» границах, подпирая горы Угорские, «суды рядя до Дуная». Сама битва с половцами приобретает всесветные масштабы: черные тучи, символизирующие врагов Руси, идут от самого моря.

Уже говорилось об историзме «Слова», также характерной черте монументального историзма. И события, и поступки, и сами качества героев «Слова» оцениваются на фоне всей русской истории, на фоне событий не только XII, но и XI в.

Наконец, к стилю монументального историзма, несомненно, относится и церемониальность, этикетность «Слова». Не случайно в нем так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как славы и плачи. И сами князья в «Слове» изображаются в церемониальных положениях: «вступают в золотое стремя» (отправляются в поход), поднимают или, напротив, «повергают» стяг (что символизировало также выступление в поход или поражение в бою); после первой победы Игорю подносят трофеи — червлёный стяг, белую хоругвь, червленую челку, серебряное стружие (копье). О пленении Игоря сообщается как о церемониальном действе: князь пересаживается из золотого княжеского седла в седло раба (кощеево)¹.

Принципами стиля монументального историзма определяется и такая характерная черта «Слова», как авторские отступления, исторические экскурсы, в которых обычно наиболее рельефно выделяется основная идея «Слова» — осуждение княжеских усобиц, размышление о горестях Русской земли, подвергающейся

¹ См. подробнее: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени. — «Русская литература», 1976, № 2; об этикетных символах в «Слове» см. также: Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

половецким набегам. Именно поэтому автор прерывает рассказ о битве Игоря с половцами в самый кульминационный момент и обращается к воспоминаниям о столь же бурных и трагических для Руси временах Олега Гориславича; между рассказом о падении «стягов Игоревых» и описанием пленения Игоря помещено обширное рассуждение автора о последствиях поражения: «Уже бо, братие, невеселая година встала...» О бедствиях Русской земли, подвергшейся новому нашествию половцев, и даже о печали, охватившей по этому поводу страны — немцев и венецианцев, греков (византийцев) и чехов — говорится ранее, чем о сне Святослава, который, судя по символике, он увидел в ту роковую ночь, когда Игорь потерпел поражение.

Словом, авторские отступления смещают (и смещают умышленно и нарочито) действительный ход событий, ибо цель автора не столько рассказ о них, хорошо известных современникам, сколько выражение своего отношения к ним и размышления над случившимся. Поняв эти особенности сюжетного построения «Слова», мы увидим, что не имеют смысла рассуждения о том, в какой момент и где именно застало Игоря и Всеволода солнечное затмение и насколько точно фиксирует этот момент «Слово», о том, собирали ли половцы дань «по бѣлѣ отъ двора», или насколько целесообразно было звать на помощь Игорю князя Всеволода Большое Гнездо, и без того стремившегося вмешаться в южнорусские дела. «Слово» не документально, оно эпично, оно не столько повествует о событиях, сколько размышляет о них.

Эпичность «Слова» особого рода. Она соседствует с книжными элементами. Авторские рассуждения, обращения к слушателям, как и рассмотренная выше «церемониальность», — все это несомненные черты «книжной» природы «Слова». Но с ней гармонично сосуществует и другая — фольклорная стихия. Эта стихия нашла свое отражение, как уже говорилось, в «славах» и особенно в «плачах» памятника (плаче Ярославны, плаче русских жен, плаче матери Ростислава). Но упоминаниями слав и плачей и даже наличием безусловно фольклорного по своему духу плача Ярославны далеко не исчерпывается фольклорная стихия в «Слове». Мы найдем в нем и типичную для фольклора гиперболизацию (Всеволод может веслами разбрызгать Волгу, а шлемами вычерпать Дон; Буй Тур Всеволод как бы воплощает в себе целую рать — он гремит «мечами харалужными», крушит шлемы врагов «саблями калеными»); фольклорными являются и образы битвы-пира, и бранного поля, отождествленного с мирной пашней, и образы волка, тура, соколов, с которыми сравниваются герои «Слова»; употребляет автор и характерные для фольклора постоянные эпитеты. Но в то же время автор «Слова», как писала В. П. Адрианова-Перетц, «нашел материал для построения непревзойденного по выразительности художественного стиля в том общенародном языке, который в XII в. таил в себе огромные возможности развития, и в отработанных уже поэтическим гением

народа средствах богатой сокровищницы устной поэзии»¹. Наблюдение над поэтикой «Слова», сочетающей черты поэтики книжной, близкой к поэтике торжественного, ораторского слова, и поэтики фольклора, также приводят нас к выводу об особой жанровой природе «Слова», о которой шла речь выше.

Характерной чертой поэтики «Слова» является сосуществование в нем двух планов — реалистического (историко-документального) изображения персонажей и событий и описания фантастического мира враждебных «русичам» сил. Это и зловещие предзнаменования: затмение солнца, враждебные Игорю или предупреждающие его о беде силы природы, и фантастический Див, и Дева-Обида, и персонифицированные Карна и Жля.

Многие эпизоды «Слова» обладают символическим подтекстом, в том числе и такие, казалось бы, натуралистические зарисовки, как упоминание о волках, воющих в оврагах, или птиц, ожидающих в дубравах поживы на поле битвы.

Природа активно участвует в судьбе Игоря, в судьбе Русской земли: никнет трава от жалости, и, напротив, радостно помогают Игорю, бегущему из плена, Донец и птицы, обитающие в прибрежных рощах.

Это не значит, что в «Слове» нет изображения природы как таковой. Но характерно, что в нем, как и в других древнерусских памятниках, нет статичного пейзажа: окружающий мир предстает перед читателем в движении, в явлениях и процессах. В «Слове» не говорится, что ночь светла или темна, — она «меркнет», не описывается цвет речной воды, но говорится, что «реки мутно текут», Двина «болотом течет», Сула уже более не «течет серебряными струями»; не описываются берега Дона, а говорится, что Донец стелет Игорю зеленую траву на своих серебряных берегах, одевает его теплыми туманами под сенью зеленого древа и т. д.²

Было замечено, что «художественная система «Слова» вся построена на контрастах»³. Одним из таких контрастов явля-

¹ Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI — начала XV века и народная поэзия. — В кн.: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, с. 43. О фольклорной стихии в «Слове» см. также: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, с. 99—119, и главу Л. А. Дмитриева о «Слове о полку Игореве» в кн.: Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970, с. 36—54.

² При всей краткости зарисовок живой природы в «Слове» автор его удивительно точен в выборе слов, определяя, например, звуки, издаваемые зверями или птицами, лаконично изображая их повадки и т. д. См. об этом: Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1948, т. VI; Он же. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1951, т. VIII; Он же. Заметки к «Слову о полку Игореве». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1955, т. XI, и др.

³ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л. 1967, с. 20.

ется противопоставление образов-метафор: солнца (света) и тьмы (ночи, темноты). Это противопоставление традиционно и для древнерусской литературы, и для фольклора¹. В «Слове» оно неоднократно реализуется в различных образах. Игорь — это «свет светлый», а Кончак — «черный ворон», накануне битвы черные тучи с моря идут, хотят прикрыть 4 солнца. В вешем сне Святославу видится, что его покрывают «черной паполомой» (как покрывали обычно тело покойника), ему наливали синее (черное) вино, всю ночь каркали «бусые (серые) врани». В той же метафорической системе построен и ответ бояр: «Темно бо бѣ въ 3 день; два солнца помѣркаста (померкли), оба багряная стѣпа погасоста (погасли)... молодая мѣсяца, Олегъ и Святъ-славъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла». Зато когда Игорь возвращается из плена на Русь, вновь «солнце светится на небесе».

Ритмичность «Слова». Исследователи давно обратили внимание на ритмичность «Слова» и на этом основании не раз пытались рассматривать его как памятник стихотворный. Ритмика в памятнике, безусловно, присутствует, она преднамеренна, входит в художественные задачи автора, но это все же не стих, а именно ритмизованная проза; причем ритмические фрагменты в «Слове» чередуются с фрагментами, в которых ритм либо иной, либо вообще отсутствует. Эти черты «Слова» лишней раз свидетельствуют о его принадлежности к литературной школе XII в., ибо в нем мы находим те же самые черты ритмической прозы, что и в других памятниках этой поры («Слово о Законе и Благодати» Илариона, «слова» Кирилла Туровского и др.). Такими чертами являются повторы сходных синтаксических конструкций, и единоначатие (когда соседствующие фрагменты текста начинаются одинаково или сходно), и особое «ритмическое равновесие», когда «несколько коротких синтаксических единиц сменяются одной или двумя длинными; несколько длинных заключаются одной или двумя короткими»².

Особенностью языка «Слова» является и стремление автора, как отметил, например, Л. А. Булаховский, «сочетать сходно звучащие слова», прибегать к своеобразной звукописи (см., например: «ношь стонуши; потопташа поганые полки половецкыя... по полю; тугою им тули затче; труся... росу») ³.

Язык «Слова». Язык «Слова» заслуживает тщательного изучения не только как язык художественного произведения, но

¹ См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947, с. 20—41.

² См.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк, с. 114.

³ Булаховский Л. А. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». — «ИОЛЯ» («Известия Отделения литературы и языка АН СССР»), 1952, т. XI, вып. 5, с. 443.

и как образец русского литературного языка XII в. Это тем более важно, что в концепции скептиков утверждение о несоответствии языка «Слова о полку Игореве» языку своего времени занимает весьма важное место. «Язык — самое опасное, чем играют без понимания и дискредитируют памятник, — писал, полемизируя со скептиками, академик А. С. Орлов. — Надо безотлагательно привести в ясность и рассмотреть полную наличность данных самого памятника», и тогда «вся шелуха и корки, вроде модернизмов, галлицизмов, романтизмов... ссыпятся сами собою, как ничем не оправданная выдумка, и кончится беспринципная, дилетантская игра»¹.

В исследованиях «Слова» неизменно большое место уделялось анализу его лексики, подысканию лексических и семантических параллелей лексемам «Слова» в памятниках древнерусской литературы, анализу грамматического строя и орфографии «Слова». Очень ценный итог разысканий, осуществленных в этой области до двадцатых годов нашего века, содержит монография В. Н. Перетца². Но особенно много внимания изучению языка «Слова» было уделено в последние десятилетия: это и фундаментальное исследование морфологического, синтаксического и лексического строя памятника, принадлежащее С. П. Обнорскому³, и разделы о языке «Слова» в курсах истории русского литературного языка Л. П. Якубинского и Б. А. Ларина⁴, и статьи о сопоставлении грамматического и лексического строя «Слова» и «Задонщины»⁵, и многочисленные работы, посвященные отдельным лексемам и оборотам «Слова».

Важнейшее место в изучении языка «Слова» занимает монография В. П. Адриановой-Перетц, в которой исследовательница на обширном материале, извлеченном по преимуществу из памятников древнерусской литературы и письменности XI—XIII вв., сумела показать, насколько свободно владел автор «Слова» «всеми средствами древнерусской речи, как умело и целесообразно отбирал из ее богатств наиболее подходящие способы выражения для каждого из элементов сложного содержания своего произведения, как органично слил он их в своем

¹ Орлов А. С. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е. М.—Л., 1946, с. 212—213.

² См.: Перетц В. Н. «Слово о полку Игоревім» — пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. Київ, 1926.

³ См.: Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, с. 132—198.

⁴ См.: Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 320—327; Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975, с. 145—178.

⁵ См.: Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1956, т. XII: Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.

действительно неповторимом индивидуальном стиле»¹. Книга В. П. Адриановой-Перетц ценна тем, что в ней показано не только наличие самих лексем «Слова» с теми же значениями в других памятниках его эпохи, но и то, что «Слово» отвечает языковым нормам своего времени также в конструкциях, оборотах, поэтических образах.

Материал, собранный исследовательницей, не оставляет ни малейшего сомнения в принадлежности «Слова» к литературе конца XII в. Справедливость этой точки зрения была подтверждена также разысканиями В. Ю. Франчук, отметившей несомненное сходство фразеологии «Слова» и фразеологии Киевской летописи².

Рядом с монографией В. П. Адриановой-Перетц следует назвать и другой фундаментальный труд — многотомный «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», в котором толкуется весь лексический состав «Слова»; при этом каждое значение толкуемого слова иллюстрируется примерами, извлеченными из нескольких сотен источников — памятников древнерусской литературы и деловой письменности, памятников фольклора, записей народных говоров. Кроме того, «Словарь» является сводом наиболее существенных комментариев к тексту «Слова» — исторических справок о героях произведения, сведений об истории и значении отдельных слов, употребленных в памятнике, сводом толкований «темных мест»³.

В последние десятилетия появилось много статей и заметок, в которых сообщались лексические и поэтические параллели к чтениям «Слова» (статьи Б. А. Ларина, Н. А. Мещерского, Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, С. И. Коткова и др.)⁴, очень существенным представляется сопоставление языка «Слова» с языком народных говоров⁵.

Все эти наблюдения в конечном итоге приводят к беспорному выводу о принадлежности «Слова» к кругу тех произведений древнерусской литературы, которые были созданы в Киевской Руси в период наивысшего расцвета ее письменности и культуры — в канун монголо-татарского нашествия, в конце XII в.

¹ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 43.

² См.: Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи.) — «ТОДРЛ». Л., 1976, т. XXXI.

³ См.: «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1 (А—Г). М.—Л., 1965; вып. 2 (Д—Копье). Л., 1967; вып. 3 (Корабль—Нынешний). Л., 1969; вып. 4 (О—П). Л., 1973; вып. 5 (Р—С). Л., 1978.

⁴ Обзор работ о языке «Слова» см.: Творогов О. В. Мова «Слова о полку Игореве» (підсумки і завдання вивчення). — «Мовознавство», 1975, № 6.

⁵ Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных народных говоров. — «ТОДРЛ». Л., 1976, т. XXXI.

Время написания «Слова» и вопрос о его авторе. Исследования последних лет убедительно доказали, что «Слово» могло быть написано вскоре после изображенного в нем события — похода Игоря на половцев. Характер изложения, обилие в памятнике намеков, понятных только современникам событий, злободневность некоторых проблем именно для конца XII в. — все это не позволяет принять гипотезы тех ученых (Д. Н. Альшица, Л. Н. Гумилева), которые предлагали датировать памятник XIII в. Продолжаются, однако, попытки найти возможность более точно датировать «Слово» в пределах последних десятилетий XII в. Некоторые исследователи полагают, что памятник мог быть создан не позднее 1 октября 1187 г. — времени, когда умер Ярослав Осмомысл, так как в «Слове» он упоминается как живой. Однако мы знаем, что обращения к князьям носят в памятнике риторический характер, и автор мог обратиться к Ярославу и после его смерти: ведь во время похода и пленения Игоря он был еще жив. Заслуживает внимания соображение, что здравница, провозглашенная в конце «Слова» в честь Всеволода Святославича, не могла быть уместной после смерти этого князя, а он умер в 1196 г, и, следовательно, «Слово» написано не позднее этой даты¹. Однако вопрос о точной датировке памятника все еще остается открытым.

Не менее сложно обстоит вопрос об авторе «Слова». Многочисленные попытки установить, кем именно было написано это произведение, по существу, сводились к поискам известных нам современников похода, которые могли написать «Слово». Но мы не располагаем никакими косвенными и прямыми данными, которые позволили бы отдать предпочтение кому-либо из этих гипотетических авторов. Характерно, что Б. А. Рыбаков, создатель наиболее обстоятельной гипотезы об авторе «Слова», так резюмирует свои наблюдения: «Нельзя доказать непреложно, что «Слово о полку Игореве» и летопись Мстиславова племени (фрагмент Киевской летописи. — О. Т.) действительно написаны одним человеком. Еще труднее подтвердить то, что этим лицом был именно киевский тысяцкий Петр Бориславич. Здесь мы, вероятно, навсегда останемся в области гипотез. Но поразительное сходство, переходящее порой в тождество, почти всех черт обоих произведений (с учетом жанрового различия) не позволяет полностью отбросить мысль об одном создателе этих двух одинаково гениальных произведений-творений»². С этой осторожностью исследователя нельзя не согласиться — вопрос этот пока остается открытым.

Впрочем, безымянному автору можно дать характеристику: это был человек с широким историческим кругозором, отлично

¹ См.: Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — «Вестник ЛГУ», 1973, № 14, вып. 3, с. 73.

² Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 515.

разбирающийся в сложных политических перипетиях своего времени, патриот, сумевший подняться над узостью интересов своего княжества до высоты общерусских интересов, талантливый писатель, знаток и ценитель памятников древнерусской оригинальной и переводной книжности и в то же время хорошо знающий устное народное творчество. Только сочетание всех этих знаний, умений, высокого художественного вкуса, глубокого чувства слова и ритма позволило ему создать произведение, составившее славу древнерусской литературы старшей поры.

«Слово» и древнерусская литература. Естественно возникает вопрос: почему же «Слово», литературные достоинства которого были так высоко оценены в новое время, прошло малозаметным в древнерусской литературе, и в частности почему так бедна его рукописная традиция?

Определенный ответ на этот вопрос дать трудно, но можно высказать ряд соображений, учитывая наши сведения о древнерусской литературе вообще и о судьбе отдельных древнерусских памятников в рукописной традиции. Во-первых, произведения имели свою индивидуальную судьбу: в условиях средневековья, особенно в условиях русской действительности XI—XIII вв., периода феодальных войн, половецких набегов, а затем и опустошительного монголо-татарского нашествия, произведение либо совершенно исчезало из-за гибели его списков, или предавалось забвению, так как уцелевшие редкие списки его могли по тем или иным причинам оставаться неизвестными в течение долгого времени. Во-вторых, «Слово» после монголо-татарского нашествия потеряло свою политическую актуальность, оно было нетрадиционно по форме, сложно по языку — это также могло явиться причиной того, что древнерусские книжники не особенно стремились размножать уцелевшие списки «Слова». К ним обращались от случая к случаю: то переписчик «Апостола» пскович Диомид (Домид), то автор «Задонщины», то переписчик «Повести об Акире Премудром». В-третьих, оно было посвящено сравнительно незначительному событию и к тому же не рассказывало о нем, а лишь обсуждало его как хорошо известное.

«Слово» в новой русской литературе. Зато в новое время «Слово» произвело на русских читателей огромное впечатление. Русские поэты буквально с первых же лет после издания «Слова» нашли в нем благодарный материал для подражаний и вариаций на древнерусские темы, начались нескончаемые попытки найти наилучший поэтический эквивалент великому памятнику древности. Из переводов XIX в., безусловно, лучшими являлись переводы В. А. Жуковского (положительно оцененный А. С. Пушкиным), М. Д. Деларю, А. Н. Майкова, Л. Мея; в начале нашего века стихи на мотивы «Слова» создает А. А. Блок, переводит «Слово» К. Д. Бальмонт. Прекрасные переводы принадлежат советским переводчикам и поэтам — С. В. Шервинскому, В. Стеллецкому, Г. Шторму, И. Новикову,

Н. Заболоцкому и другим¹. «Слово о полку Игореве» широко известно и в переводах на языки народов СССР, на украинский язык его переводил М. Рыльский, на белорусский — Я. Купала, на грузинский — С. Чиковани. Существуют переводы «Слова», сделанные за рубежом, памятник переведен на английский, болгарский, венгерский, испанский, немецкий, польский, румынский, сербохорватский, турецкий, финский, французский, японский и другие языки².

Подведем некоторые итоги развития русской литературы в XI — начале XIII в.

Начнем с литературы переводной. Благодаря переписке с болгарских оригиналов и непосредственным переводам с греческого и других языков Русь восприняла многие из жанров византийской литературы (или, правильнее сказать, общеславянской литературы-посредницы), восприняла при этом в лучших, классических образцах. Русь узнала библейские и богослужебные книги, патристику, в обеих ее формах — торжественного и учительного красноречия, агиографию (жития и патерики), обширную апокрифическую литературу, энциклопедические жанры: разного рода «изборники», «вопросы и ответы» и т. д. На Руси стали известны памятники византийской хронографии, естественнонаучной литературы, списки «Шестоднева», «Физиолога», «Христианской топографии» Космы Индикоплова. В распоряжении русских книжников оказались и различные образцы исторического повествования — «Александрия», «История Иудейской войны» и памятники собственно беллетристические, например «Повесть об Акире Премудром».

То, что на Руси стала известна значительная часть византийского литературного наследия, уже само по себе дало бы нам основание говорить о приобщении Руси к европейской культуре самого высокого уровня. Но образованность это еще не творчество. Между эрудированным школяром и ученым большая разница: первый лишь учится, второй — создает сам, опираясь на достижения своих предшественников. Именно так обстояло дело и с русской литературой уже в первые века ее существования: она не только училась и постигала, но и сама творила новые культурные и исторические ценности.

В течение XI в. окончательно сформировался богатый и выразительный древнерусский литературный язык. Это был не старо-

¹ См.: Стеллецкий В. И. «Слово о полку Игореве» в художественных переводах и переложениях. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения. Под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961; Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве» и русская литература. — В кн.: Слово о полку Игореве. Изд. 2-е. Л., 1967.

² См.: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии. — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1948, № 90. Сер. филол. наук, вып. 13.

славянский язык, механически перенесенный на новую почву, и не прежний восточнославянский язык дописьменной эпохи — вместе с рождением литературы сложился и новый литературный язык со сложными взаимоотношениями старославянских и восточнославянских языковых элементов как на лексическом и семантическом, так и на грамматическом уровне. Язык этот то выступал в форме нейтрального литературного языка, то раскрывал, благодаря своему генетическому разнообразию, богатые возможности жанрово-стилистических оттенков¹.

Нечто подобное произошло и в литературе. Дело не в том, что возникла оригинальная русская литература, что в XI—XII вв. на Руси появляются свои образцы торжественных «слов» и церковных поучений, свои жития и патериковые новеллы, свои хроники и летописи, а в том, что во всех ведущих литературных жанрах древнерусские книжники выступают отнюдь не подражателями, с ученической добросовестностью копирующими чужие образцы. «Житие Феодосия» и «Сказание о Борисе и Глебе» отличаются индивидуальной, нетрадиционной манерой, что свидетельствует о высоком мастерстве и литературном таланте их авторов; «Повесть временных лет» не напоминает византийскую хронику — она самобытна и по форме, и по характеру использованных источников, и по стилю изложения, более живому, непринужденному и образному, чем стиль византийских хроник.

Даже древнерусские переводчики находили возможность для творческого соревнования с автором оригинала, возможность дополнить, украсить, «улучшить» его стиль и манеру повествования, как мы это видели на примере перевода «Истории Иудейской войны».

К началу XIII в. древнерусская литература предстает перед нами вполне зрелой. Почти в каждом из жанров были созданы оригинальные произведения, которые сами могли служить образцами, достойными подражания, и определять дальнейшее развитие этого жанра на русской почве. В активе русской литературы были такие шедевры, стоящие вне жанровых систем, как «Поучение» Владимира Мономаха или «Слово о полку Игореве». Сложившиеся литературные стили, и древнерусские книжники не уступали в искусстве слова византийским или болгарским авторам; пример тому — высокое литературное мастерство Кирилла Туровского, автора «Слова о полку Игореве», авторов легенд о киево-печерских иноках.

Не только Киев и Новгород, но и Владимир, Смоленск, Чернигов, Галич, Переяславль Южный и многие другие города Руси стали центрами книжного дела, летописания, обладали больши-

¹ См.: Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка — Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961; Филин Ф. П. Об истоках русского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1974, № 3.

ми библиотеками. Интенсивное развитие городской жизни являлось надежным залогом дальнейшего обмирщения культуры, расширения круга не просто грамотных, но и широко образованных людей. Словом, начало XIII в. обещало и древнерусской культуре в целом и литературе в частности самые благоприятные перспективы развития.

ЛИТЕРАТУРА

Переводная литература. Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922; Еремин И. П. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв.— В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. Л., 1966; Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1958, т. XV; Он же. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности XI—XV вв. (Учебное пособие). Л., 1978; Робинсон А. Н. Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур. Типология, оригинальность, метод.— В кн.: Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, гл. 3, 4.

Сборники изречений, патерики. Обзор патериков см.: Федер В. Р. Сведения о славянских переводных патериках.— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1; О Египетском патерике см.: Еремин И. П. К истории древнерусской переводной повести.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1936, т. III; Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967; Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875; Преображенский В. Славяно-русский Скитский патерик. Киев, 1909; Семенов В. А. Мудрость Менандра по русским спискам. Спб., 1892; Он же. Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам. Спб., 1892; Он же. Древняя русская Пчела по пергаменному списку.— СОРЯС, т. LIV, № 4. Спб., 1893; Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. Спб., 1880; наборное издание текста «Изборника» с греческим параллельным текстом не было завершено (см.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года.— ЧОИДР, 1882, кн. 4). Об «Изборнике» 1073 г. см.: Розов Н. Н. Старейший болгарский «Изборник» и его рукописная традиция.— «ИЮЛЯ», 1969, т. XXVIII, вып. 1; а также сб. статей о составе, оформлении и рукописной традиции сборника: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.

Апокрифы

Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. С. Тихонравовым, т. I—II. Спб.—М., 1863. Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым—Безбородко. Вып. III; «Ложные» и «отреченные» книги русской старины, собранные А. П. Пыпиным. Спб., 1862 (Тексты «Хождения Богородицы по мукам», «Сказания от скольких частей бысть создан Адам», «Беседы трех святителей» и др.); Лавров П. А. Апокрифические тексты. Спб., 1899 (Тексты «Слова Мефодия Патарского», «Первоевангелия Иакова», «О двенадцати пятницах», «Откровения Варуха», «Евангелия Фомы», «Хождения Богородицы по мукам», «Видения Даниила» и др.).

Исследования. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1872; Спб., 1877; Он же. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1873; Спб., 1890; Тихонравов Н. С. Отреченные книги древней России.— В кн.: Сочинения Н. С. Тихонравова, т. I. М., 1898, с. 127—255; Пыпин А. Н. Для объяснения статьи

о «ложных» книгах. Летопись занятий Археографической комиссии (1861). Спб., 1862, вып. I, с. 1—55; См. также: Белоброва О. А. Переводная беллетристика XI—XIII вв.— В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 143—154; Мещерский Н. А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности (ветхозаветные апокрифы).— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. I; Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921, вып. I.

Переводные повести

Издания текстов и исследования. Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958 (Исследование, текст и перевод); Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. Исследование хронографической Александрии с изданием текста ее редакций; Фрагменты из «Александрии» с переводом на современный русский язык см. в кн.: «Изборник» (Сб. произведений литературы Древней Руси). М., 1969; Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962; Григорьев А. Д. «Повесть об Акире Премудром». Исследование и тексты. М., 1913.

Хроники. Истрин В. М. «Книги временныя и образныя Георгия Мниха». «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I—III. Пг.—Л., 1920—1930; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. I; Удальцова З. В. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси.— Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966; Шусторович Э. М. Древнеславянский перевод хроники Иоанна Малалы. История изучения.— Византийский вестник, т. 30, М., 1969.

Естественнонаучная литература. Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. ОЛДП (Общество любителей древней письменности), т. ХСII. Спб., 1890. Тексты и исследования; Книга, глаголемая Козьмы Индикоплова. ОЛДП, т. XXXVI. Спб., 1886; См. также: Илюшина Л. А. Христианская топография Козьмы Индикоплова.— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей... М., 1976, вып. 2, ч. I.

«Повесть временных лет»

Тексты. Повесть временных лет, ч. I. М., 1950.

Исследования. Повесть временных лет, ч. II. М., 1950. (Статьи и комментарии Д. С. Лихачева); Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, гл. 3, 5, 6, 8, 9; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. ЛЗАК т. XX. Спб., 1908; Он же. «Повесть временных лет», т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. ЛЗАК, 1916, вып. XXIX; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 16—44; Творогов О. В. «Повесть временных лет» и «Начальный свод». Текстологический комментарий.— «ТОДРЛ», Л., 1976, т. XXX; См. также раздел о «Повести временных лет» в книге Д. С. Лихачева «Великое наследие» М., 1975; См. раздел о «Повести временных лет» в кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, гл. I; См. гл. 2 в кн.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

Ораторская проза XI—XIII вв.

Тексты. Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. Slavia. Praha, 1963. Ročník XXXII, Sešit 2, ss. 141—175 (Текст слова «О Законе и Благодати»); Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского.— «ТОДРЛ», М.—Л., 1947, т. V (Тексты поучений и посланий); Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туров-

ского.— «ТОДРЛ», М.—Л., 1956, т. XII; т. XIII. М.—Л., 1957; т. XV. М.—Л., 1958.

Исследования. Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительской литературе Древней Руси.— «ТОДРЛ». Л., 1972, т. XXVII; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1955, т. XI, с. 342—367; Он же. Ораторское искусство Кирилла Туровского.— В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. Спб., 1892; Раздел о «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона см. в кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975.

Поучение Владимира Мономаха

Издание текста см. в кн.: Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950 (под 1096 г.).

Исследования. Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.—Л., 1946.

Древнейшие русские жития

Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX; Она же. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя.— «ТОДРЛ». Л., 1974, т. XXVIII; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, гл. 2; Абрамович Д. И. Жития св. Бориса и Глеба и службы им. Пг., ОРЯС, 1916; Еремин И. П. Сказание о Борисе и Глебе.— В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Он же. К характеристике Нестора как писателя.— В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Успенский сборник XII—XIII вв. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971 (Тексты «Жития Бориса и Глеба», «Жития Феодосия Печерского»), «Патерик Киево-Печерского монастыря». Спб., 1911 (изданы 2-я Кассиановская и Арсениевская редакции); Абрамович Д. И. Киево-Печерский патерик. Киев, 1931 (издана 2-я Кассиановская редакция); Перевод на современный русский язык см. в кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, с. 149—226.

«Хождение» игумена Даниила

Исследования. Данилов В. В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1954, т. X; Он же. О жанровых особенностях древнерусских хождений.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1962, т. XVIII.

«Слово о полку Игореве»

Тексты. Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950; Слово о полку Игореве. Вступит. статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой. Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева. Л., 1952; Слово о полку Игореве. Вступит. статья Д. С. Лихачева. Сост. и подг. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Прим. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. 2-е изд. Л., 1967.

Исследования. Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968; Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве».— «Вестн. ЛГУ. Сер. «История яз. и лит.», вып. 3, 1974, № 14; Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования. М.—Л., 1960; Дмитриев Л. А. 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве». Некоторые итоги и задачи изучения «Слова».— «ТОДРЛ». Л., 1976.

т. XXXI. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. Л., 1967; Он же. «Слово о полку Игореве». М., 1976. Он же. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; Орлов А. С. «Слово о полку Игореве», 2-е изд., доп. М.—Л., 1946; Перетц В. «Слово о полку Игоревім» — пам'ятка феодальної України Русі XII віку. Київ, 1926; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Он же. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сб. исследований и статей М., 1950; Слово о полку Игореве. Библиография изданий, переводов и исследований. Сост. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940; Слово о полку Игореве. Библиографический указатель. Сост. О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под ред. и со вступит. статьей С. К. Шамбинаго. М., 1940; Слово о полку Игореве. Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Сост. Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1955; Попов П. Н. К библиографии «Слова о полку Игореве». — ИЮЛЯ. М., 1956, т. XV, вып. 3, с. 268—271; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. М.—Л., 1965—1978, вып. 1—5.

Из общих работ о литературе этого периода

Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси — «ТОДРЛ». Л., 1972, т. XXVII: «Изборник Святослава 1073 года». Сб. статей. М., 1977; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. 2-е изд. М.—Л., 1966.

Глава 2. ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII — КОНЦА XIII ВЕКА

В 1223 г. на Калке, небольшой реке в половецких степях, недалеко от Азовского моря, произошло первое столкновение русских с монголо-татарами. Из-за несогласованности действий русских князей, принимавших участие в этом сражении, русские войска потерпели поражение. Калкская битва не послужила уроком русским князьям: феодальные разногласия, отсутствие единого руководства в борьбе с захватчиками привело в конечном счете к победе монголо-татар и установлению на Руси монголо-татарского ига.

Зимой 1237 г. огромные силы монголо-татар под предводительством внука Чингисхана Батыея вторглись в Рязанское княжество. Обращение рязанских князей к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу и к князю черниговскому Михаилу Всеволодовичу с призывом совместно выступить против чужеземных захватчиков осталось без ответа, и рязанцы вынуждены были бороться с врагом только своими силами. И так, поочередно, одно за другим, были захвачены сначала княжества Северо-Восточной Руси, а позже и Юго-Западной (в 1240 г. пал Киев).

Завоевание Батыеем русских земель, проходившее в кровопролитных сражениях, сопровождалось разгромом и уничтожением городов и селений. Жестокость и беспощадность кочевников по отношению к русским воинам, к мирному населению отмечается во всех рассказах о Батыевом нашествии на Русь. Эти сообщения русских источников подтверждаются сведениями историков и писателей других стран¹. Монголо-татарское нашествие нанесло жесточайший урон русской культуре. Исключительно велики были людские потери. Многие города Северо-Восточной и Южной Руси были разрушены или сожжены, при этом гибли памятники архитектуры, произведения ремесленного и изобразительного искусства, книги. Враги уничтожали поголовно население тех городов, которые оказывали им сопротивление, и уводили к себе в Орду всех ремесленников. Целый ряд ремесел прекратили свое существование. На время прекратилось всякое каменное строительство

¹ Арабский историк начала XIII в. Ибн-ал-Асира, характеризуя монголо-татарское нашествие как несчастье, которому не было ничего подобного в истории, в частности, писал, что завоеватели «ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев» (см.: Тизенгаузен В. В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Спб., 1884, с. 2).

разил А. С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»¹.

Поражение в борьбе с завоевателями и проводимая захватчиками политика разделения Руси ускоряли процесс феодального дробления, обособления отдельных княжеств. Но одновременно с этим все более зрела идея необходимости объединения русских земель, нашедшая наиболее яркое воплощение в памятниках литературы. Идея эта поддерживалась сознанием единства языка (при наличии местных диалектов), единства религии, единством истории и этнического родства, сознанием того, что именно отсутствие единения русских княжеств привело к поражению и установлению чужеземного владычества.

Несмотря на все потери и перенесенные испытания, духовно русский народ не был ни уничтожен, ни поработен. Борьба с захватчиками вызвала подъем патриотизма. И патриотическая тема становится основной темой литературы XIII в. Воинский героизм и мужество, верность долгу, любовь к своей земле, прославление былого величия и могущества русских князей и княжеств, скорбь по погибшим, боль и сочувствие ко всем, кто подвергается унижениям со стороны поработителей, — все это нашло отражение и в летописании, и в агиографии, и в памятниках торжественного красноречия. Остро звучит в произведениях XIII в. тема необходимости сильной княжеской власти, резкому осуждению подвергаются княжеские распри и несогласованность действий против врагов. Идеалом сильного правителя выступает князь — воин и мудрый государственный деятель. В воспоминаниях о прошлом таким князем рисуется Владимир Мономах, а среди князей-современников — Александр Невский.

1. ЛЕТОПИСАНИЕ

Феодальное дробление Руси, особенно усилившееся в годы монголо-татарского ига, способствовало дроблению общерусского летописания и развитию летописания местного, областного. Это приводило к двум последствиям. С одной стороны, кругозор летописцев в известной мере сужался. С другой — возникновение областного летописания способствовало включению в летопись местных материалов. Вместе с тем в русском летописании на много веков (с XI по XVI) прочно закрепляется традиция начинать повествование с «Повести временных лет». Этим под-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI. М.—Л., 1949, с. 268 (Статья «О ничтожестве литературы русской»). Сходная мысль в близких выражениях повторена Пушкиным в письме 1836 г. П. Я. Чаадаеву (см. там же, т. XVI).

держивалось сознание единства Руси. Летописи ведут свой рассказ о всей истории всей Русской земли. Тем самым они напоминали о единстве всех русских княжеств, будили воспоминания о славном прошлом и былом могуществе Руси.

Развитие местного летописания не привело к самоограничению летописей интересами только данной области, данной земли, не превратило летописи в узкообластные произведения. Местные летописцы постоянно пользовались в своей работе материалом летописей других княжеств. Далеко не всегда можно проследить и объяснить пути и характер взаимодействия летописания различных княжеств, даже враждующих между собой, но наличие такого взаимодействия бесспорно.

Нашествие кочевников затормозило развитие летописания. Но даже в самые тяжелые годы монголо-татарского ига оно продолжает существовать. Из разрушенных городов летописание переносится в другие, хотя и не столь интенсивно ведется в уцелевших от разгрома княжествах.

Прежде чем перейти к анализу наиболее интересной в литературном отношении летописи рассматриваемого времени — Галицко-Волынской, — кратко охарактеризуем летописание Северо-Восточной Руси.

Летописание Ростова. После разгрома ордами Батыя Владимира Залесского в 1237 г. великокняжеское летописание переходит из Владимира в Ростов. В истории ростовского летописания, как предполагает Д. С. Лихачев, большую роль сыграла княгиня Марья, жена ростовского князя Василька, убитого во время нашествия Батыя в 1238 г., дочь черниговского князя Михаила Всеволодовича, убитого в Орде в 1246 г.

В 1262 г. по ростовским городам прокатилась волна восстаний против Орды. Созданный после этих событий летописный свод, определяемый Д. С. Лихачевым как летописный свод Марьи, «весь проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины. Именно эта идея определила собой и содержание, и форму летописи. Летопись Марьи соединяет в своем составе ряд рассказов о мученической кончине русских князей, отказавшихся от всяких компромиссов со своими завоевателями»¹. К повествованию этого рода относятся: рассказ о гибели мужа Марьи — Василька Константиновича в 1238 г. в битве на реке Сити, рассказ о перенесении тела великого князя владимирского Юрия Всеволодовича во Владимир (он был убит в сражении на Сити, и его тело с поля боя сначала было перенесено в Ростов, а потом во Владимир), запись под 1246 г. об убиении в Орде Михаила Черниговского, отца Марьи.

В рассказе о Юрии Всеволодовиче подчеркивается не только воинская доблесть князя (он отвергает предложение захват-

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 285.

чиков мириться с ними, говоря, что «брань славна луче есть мира студна». — «Лучше добрая война, чем худой мир») ¹, но и то, что его гибель — это страдание за христианскую веру.

Еще сильнее идея безграничной преданности долгу и вере проявляется в рассказе о Васильке и в записи о гибели Михаила Черниговского — они не изменяют православию и не соглашаются признать «поганую» веру захватчиков. Такая трактовка причин гибели русских князей в годы монголо-татарского ига должна была восприниматься не только как подвиг страдальцев за веру, но и как мужественное выступление за честь Русской земли. Захваченного в плен Василька враги пытаются заставить признать их «поганские» обычаи, «быти в их воли и воевати с ними». Но князь не поддается ни уговорам, ни угрозам: «Никако же мене не отведете христьяньское веры, аще и велми в велице беде есмь». Михаил Черниговский, вызванный в Орду, отказывается «поклонитися огневи и болваном», за что «от нечестивых заколен бысть».

В готовности пожертвовать жизнью за христианскую веру, в отказе признать иноверных «поганых» богов и поклониться им звучал протест против гнета поработителей вообще.

Рассказ о Васильке в рассматриваемом летописном своде оканчивается похвалой ему, в которой предстает идеальный образ князя: «Бе же Василко лицом красен (красив), очима (зором) светел и грозен, хоробр паче меры на ловех (на охоте), сердцем легок, до бояр ласков. Никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашю пил и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его, излише же слугы свои любляше, мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста, бе бо всему хытр и гораздо умея».

В рассказе о событиях 1262 г., после которых и был составлен летописный свод Марьи, мы читаем гневное обличение некоего монаха Изосимы, предавшегося захватчикам и помогавшего им. Обличение это было своеобразным противопоставлением изменника героям, принявшим мученическую смерть, но оставшимся верными родине: Изосима тоже гибнет, но смерть его жалка и бесславна. Когда начались восстания против Орды, «тогда, — пишет летописец, — и сего безаконного Зосиму убиша в городе Ярославли. Бе тело его ядь псом и вороном».

Летописание Рязани. До нас не дошли сведения о рязанском летописании. Однако можно утверждать, что в этом княжестве, принявшем на себя первый удар Батыя, велось местное летописание. Рязанский летописный свод, считает исследователь этого вопроса В. Л. Комарович ², был составлен в близкое к событиям 30-х гг. XIII в. время. О существовании этого свода и времени его

¹ Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I. М., 1962, столб. 465—471.

² Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII в. — «ИРЛ». М.—Л., 1945, т. II, ч. I, с. 74—77.

составления свидетельствует то, что рассказ о приходе сил Батыя на Русь почти все известные в настоящее время летописные своды, в том числе и древнейшие: Новгородская I и Лаврентьевская летописи, начинают с Рязани, и именно в эпизоде, повествующем о судьбе Рязани, ощущается «голос непосредственного наблюдателя и даже участника изображенных событий»¹. Характерной чертой этого свода является обличение вины князей: из-за их нежелания предпочесть личным пристрастиям интересы общего дела русские воины, несмотря на свой героизм, не смогли устоять перед врагами. Эта обличительная тенденция наиболее заметно проявляется в рассказе о взятии Батыем Рязани.

Летописец с горечью восклицает, что еще до нашествия Батыя «отъя (отнял) господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наша»². «Недоумение» — неразумие, пренебрежение общими интересами в корыстных целях, и явилось причиной разрозненности действий князей перед лицом грозной опасности. В рассказе рязанского свода о Батыевом нашествии отразились и какие-то устно-эпические предания о батыевщине. Кочевники, вступив на Рязанскую землю, послали к рязанским князьям своих послов — «жену чароденцю (колдунью) и два мужа с нею», требуя «десятины (десятой части) во всем: и в людех, и в князех, и в коних, во всякомь десятое». (В Новгородской первой летописи младшего извода добавлено: «в белых 10, в вороных 10, и в бурых 10-е, в рыжих 10-е, и в пегых 10-е»). Устные предания о нашествии Батыя на Рязань и летописная повесть рязанского летописного свода об этом событии легли впоследствии в основу «Повести о разорении Рязани Батыем», что и делает гипотезу В. Л. Комаровича о наличии летописания в Рязани весьма вероятной.

Галицко-Волынская летопись. Галицко-Волынское княжество находилось на юго-западе Руси. На юго-западе и западе Галицко-Волынское княжество граничило с Венгрией и Польшей, на востоке находились Киевское и Турово-Пинское княжества. Галицко-Волынское княжество было одним из богатейших русских княжеств и играло важную роль в политической жизни Древней Руси. (Вспомним обращение к галицкому князю Ярославу Владимировичу Осмомыслу в «Слове о полку Игореве», где дается яркая картина военного и политического могущества галицкого князя.)

История Галицко-Волынского княжества была насыщена событиями внутрифеодальных войн, отличалась особо острой борьбой князей с местными боярами, представлявшими большую политическую силу. В XIII в. внутренние неурядицы осложнялись непрерывными столкновениями с внешними врагами (Венгрией,

¹ Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII в. — «ИРЛ». М.—Л., 1945, т. II, ч. I, с. 75.

² Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 75.

Польшей). Внутрифеодальные войны и борьба с иноземными захватчиками сопровождались массовыми выступлениями горожан и смердов как против непрошенных пришельцев, так и против местного боярства. Все эти события нашли отражение в Галицко-Волынской летописи. Галицко-Волынская летопись, созданная в XIII в., дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, где она читается непосредственно вслед за Киевской летописью (начиная с 1200 г.). Галицко-Волынская летопись в Ипатьевской летописи делится на две части: первая (до 1260 г.) посвящена описанию жизни и деяний галицкого князя Даниила Романовича и истории Галицкого княжества, вторая повествует о судьбах Владимиро-Волынского княжества и его князей (брата Даниила — Василька Романовича и сына последнего — Владимира Васильковича), охватывая период времени с 1261 по 1290 г. Как первая, так и вторая часть Галицко-Волынской летописи представляют собой самостоятельные тексты, отличающиеся друг от друга идейной направленностью и стилистически¹.

Первая часть Галицко-Волынской летописи, «Летописец Даниила Галицкого», оканчивается кратким сообщением о смерти Даниила и сдержанной похвалой ему. Такое окончание не соответствует остальному характеру отношения летописца к Даниилу. На основании этого Л. В. Черепнин пришел к заключению, что «Летописец Даниила Галицкого» был составлен еще при жизни этого князя и что краткие сообщения о его последних годах и смерти принадлежат не галицкому, а владимирово-волынскому летописанию². Время составления «Летописца Даниила Галицкого» Л. В. Черепнин относит к 1256—1257 гг. Летопись создавалась при епископской кафедре в городе Холме.

«Летописец Даниила Галицкого» представлял собой единое цельное произведение. Одной из особенностей этого «Летописца» являлось отсутствие в нем характерной для летописей погодной сетки. Это объясняется тем, что в «Летописце Даниила Галицкого» перед нами историческое повествование более цельного, связного вида, чем летопись. Имеющиеся сейчас в «Летописце» даты, начиная с первой — «в лето 6709 (1201)», были вставлены позднее, вероятно, составителем Ипатьевского списка. При этом они были расставлены произвольно и носят, как правило, ошибочный, случайный, приблизительный характер³. Основ-

¹ Основные исследования, посвященные вопросам времени и места составления летописи, ее идейным и стилистическим особенностям: Черепнин Л. В. «Летописец Даниила Галицкого». — «Исторические записки», 1941, № 12, с. 228—253; Еремин И. П. Волынская летопись 1289—1290 гг. как памятник литературы. — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, с. 164—184.

² Черепнин Л. В. «Летописец Даниила Галицкого», с. 230.

³ Впервые эта особенность «Летописца Даниила Галицкого» была установлена М. С. Грушевским. См.: Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. — В кн.: Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901, т. ХІІ, с. 1—72.

ная идея «Летописца Даниила» — борьба князя с мятежным боярством, обличение боярской крамолы. Вторая центральная тема «Летописца» — тема славы русского оружия и Русской земли.

В основу «Летописца Даниила Галицкого», как установил Л. В. Черепнин, легли галицкая повесть о судьбе малолетних Даниила и Василька Романовичей, детей князя Романа Мстиславича, «Сказание о битве на Калке», написанное участником битвы, повесть о борьбе Даниила с феодальным боярством, «Сказание о Батыевом побоище», рассказ о поездке Даниила в Орду на поклон к Батыю, цикл воинских повестей о борьбе с ятвягами, местные летописи, официальные документы, памятники переводной литературы. В «Летописце» все эти источники составили цельное единое повествование, объединенное как основными идеями этого памятника, так и стилистически.

Автор «Летописца Даниила Галицкого» значительную часть своего «Летописца» отводит описанию борьбы Даниила за Галицкий княжеский стол с галицким боярством, с венгерскими и польскими феодалами. Приступая к своему рассказу об этих событиях, он говорит: «Начнем же сказати бещисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи»¹. Но он не ограничивается событиями, связанными только с историей Галицкого княжества, а уделяет внимание и судьбам всей Русской земли.

Из различных рассказов о Данииле возникал образ мужественного и отважного воина, мудрого и сильного правителя. Одна из характеристик, которую автор дает своему герою, ярко рисует благородство и воинскую доблесть князя — «Бе бо (был он) дерз (отважен) и храбор, от главы и до ногу его не бе на немь порока». Но вот летописец повествует о хождении Даниила на поклон к Батыю в Орду. И здесь Даниил оказывается в унижительной роли покорного слуги Батыя, в руках которого и честь и жизнь князя.

Забота о своем княжестве заставляет Даниила пойти в Орду, хотя он знает, что его ожидают там позорные унижения, а может быть, даже и гибель. По пути в Орду Даниил заходит в Выдубицкий монастырь и просит помолиться о нем. Видя воочию беды и притеснения, которые терпят русские люди от захватчиков, Даниил «нача болми (еще больше) скорбети душею».

Когда князь предстал перед Батыем, тот встретил его такими словами: «Данило, чему еси давно не пришел? А ныне оже еси пришел, а то добро же». В первой части этого обращения — упрек и угроза, во второй — милостивое прощение. Затем Батый спрашивает князя, нет ли он «черное молоко, наше питье, кобылий кумуз (кумыс)»? Даниил отвечает: «Доселе есмь не пил,

¹ Текст Галицко-Волынской летописи цитируется по изданию: Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. М., 1962, столб. 715—938.

ныне же ты велишь — пью». На это Батый, с явной издевкой, говорит: «Ты уже наш же тотарин, пей наше питье».

Несмотря на всю краткость этого диалога, перед нами выразительная картина покорности и унижения князя могучего Галицкого княжества перед ордынским ханом. Сильной деталью этого эпизода выступает определение кумыса как «черного молока»; в этом, казалось бы, странном словосочетании («черное» — здесь в смысле позорное, мрачное, горестное) и презрение к поработителям, и выражение вынужденной покорности: князь должен пить это «черное» молоко.

Позже Даниилу все же оказывают честь — ему подносят «чюм» (ковш) вина и передают милостивые слова Батыя: «Не обыкли (не привыкли вы) пити молока, пей вино!» Но это благосклонность покровительственного снисхождения, повелителя к подчиненному. И летописец с горестью восклицает: «О, злее зла честь татарская» — и так развивает эту горестную мысль: «Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевом и Володимером и Галичем со братомъ си и инеми странами, ныне седить на колену и холопом называется, и дани хотять, живота не чаеть (не знает, останется ли жив), и грозы приходять. О злая честь татарская! Его же отець бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все. Сын того не прия чести, то иный кто можетъ прияти? Злобе бо их и лъсти несть конца». Сообщая о возвращении Даниила из Орды, рассказчик так описывает чувства, охватившие сыновей Даниила и его брата: «И бысть плачь о обиде его и болшая же бе радость о здравьи его».

Рассказ этот не унижал Даниила, не умалял его достоинств воина и князя в глазах русского читателя. Но тот контраст, с каким предстал здесь Даниил по сравнению с образом этого князя, возникавшим перед взором читателя из всех остальных рассказов о нем, с особой силой подчеркивал трагедию поработенной Русской земли.

«Летописец Даниила Галицкого» от всех других произведений древнерусской литературы отличается особой красочностью, живостью описаний битв, воинского вооружения, своеобразным рыцарским колоритом. Любовь автора к воинской тематике, к батальным сценам ярко проявляется в том, с какой тщательностью и восхищением он описывает воинское убранство, доспехи, оружие, в том, как он изображает общий вид войск, их движение. «И воемъ же всим съшедшим и воружьшимся пешьцем исо (из) стана. Щити же их яко заря бе, шеломи же их яко солнцю восходящу, копиемъ же их дръжащим в руках яко тръсти мнози (как тростник), стрелчемъ (лучникам) же обапол (с обеих сторон) идущим и держащим в руках рожанци (самострелы) свои и наложившим на не стрелы своя противу ратным (против врагов). Данилови же на коне седящу и вое (воинов) рядящу». Все это позволяет видеть в авторе «Летописца Да-

нила Галицкого» человека, тесно связанного с военным делом, предположить, что он был дружинником из ближайшего окружения князя. Автор «Летописца» — человек высокой книжной культуры, знакомый с произведениями переводной литературы, любящий блеснуть своим писательским искусством. Отсюда такое обилие в тексте сложных книжных форм (частое употребление грамматической категории «дательного самостоятельного»), стилистических украшений, развернутых сравнений, риторических восклицаний.

Необходимо также отметить хорошее знакомство автора «Летописца» с устными эпическими преданиями, в том числе и с половецкими. Половецкий эпос лежит в основе знаменитого рассказа о половецком хане Отроке. Отрок во время борьбы Владимира Мономаха с половцами бежал из половецких степей «во Обезы (в Абхазию) за Железные врата». Когда Владимир Мономах умер, хан Сырчан послал к Отроку «гудца» Оря (*гудец* — певец, сопровождавший свое пение игрой на гудке — струнном инструменте). Сырчан посылает Оря для того, чтобы он звал Отрока вернуться на родину. Передай ему, — говорит он своему посланцу, — «моя словеса» о смерти Владимира Мономаха, «пой же ему песни половецкия». Если же Отрок, несмотря на уговоры и половецкие песни, не захочет возвращаться, тогда, — наставляет Сырчан Оря, — «дай ему (Отроку) поухати (понюхать) зелья (травы) именовъ евшан (полынь)». Уговоры и песни не действуют на Отрока. Орь дает Отроку полынь. «Обухавшю» (вдохнув в себя) запах травы своих родных степей, Отрок, «восплакав», сказал: «Да лучше есть на своей земле костью лечи, нежели на чужей славну быти» — и решил вернуться на родину¹

Краткую и меткую характеристику автору «Летописца Даниила Галицкого» дал академик А. С. Орлов: «В галицком повествовании постоянно чувствуется образованный литератор, дипломат и воинственный дружинник, любящий звон и бряцание оружия, придворный и своего рода «рыцарь», который понимал историю как цепь войн и мятежей»².

Жанровые особенности «Летописца Даниила Галицкого» найдут в дальнейшем отражение в литературе Северо-Восточной Руси в жизнеописании другого знаменитого князя-воина и государственного деятеля — в «Повести о житии Александра Невского».

«Волынская летопись», следующая за «Летописцем Даниила Галицкого», как считает И. П. Еремин, — «от начала до конца — труд одного и того же автора... Об одной руке свидетельствуют

¹ Сюжет этот был использован в известном стихотворении А. Майкова «Евшан».

² Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937, с. 118.

как содержание летописи, так и весь ее литературный строй»¹. «Волынская летопись» была составлена как цельное единое произведение в 90-х гг. XIII в. В ней, как и в «Летописце Даниила Галицкого», отсутствовал прием изложения событий строго по годам — «по-годная сетка». Но в отличие от «Летописца» повествование в «Волынской летописи» строго выдержано в хронологической последовательности. Этой чертой и своими стилистическими особенностями «Волынская летопись» более близка к традициям киевского летописания XII в., чем «Летописец Даниила Галицкого». От последнего «Волынская летопись» отличается большей простотой изложения. На первый план в этой летописи выступают интересы Волынского княжества, по сравнению с «Летописцем Даниила Галицкого» она носит более местный характер.

Особо много внимания в «Волынской летописи» уделено князю Владимиру Васильковичу. Он — идеальный князь-правитель, летописец подчеркивает его мудрость, справедливость, то, что он пользуется любовью и князей, и бояр, и всего народа. Искренним чувством любви и сочувствия пронизан рассказ «Волынской летописи» о болезни и смерти Владимира Васильковича.

Летописец обстоятельно описывает тяжелую длительную болезнь князя, его последние дни и смерть. Владимир Василькович мужественно и смиренно переносит свои страдания. Несмотря на болезнь, он не уходит от активной жизни князя-правителя своей земли: составляет завещание, ведет переговоры с разными князьями, принимает всевозможные решения, направленные на благо Волынского княжества.

Страдания князя, тяжесть его болезни раскрываются перед читателем и через изображение чувств окружающих князя людей. Вот как, например, описывает летописец приезд к Владимиру Васильковичу князя Кондрата: «Кондрат же приде к Володимеру, иде же (туда где) лежаше в боласти своеи, крепко стража (страдая). И вшед поклонися ему. И плакася по велику (сильно, горько) видя болюсть его, и унынье тела его краснаго (красивого)».

Смерть князя вызывает всеобщую скорбь и печаль, о нем горюют не только все жители Волынской земли, но и «немци, и сурожьце, и новгородци». После плача по умершему князю в летописи читается похвала ему. Характеризуя ростовское летописание, мы приводили похвалу князю Васильку Константиновичу. Похвалы князьям в некрологических летописных статьях о них близки друг другу по своему характеру и стилю, но вместе с тем в каждой из таких похвал появляются свои оттенки, вводятся подробности, которые придают им особую тональность, своеобразие. В похвале Владимиру Васильковичу подчеркивается его ум, ученость, высокая нравственность.

Художественную неповторимость отдельным эпизодам, рассказам, целому произведению придают удачно найденные автором образы, производящие на читателя сильное впечатление подробности. Вот пример одной из таких ярких подробностей в повествовании о Владимире Васильковиче.

¹ Еремин И. П. Волынская летопись 1289—1290 гг., с. 174. М. С. Грушевский считал, что «Волынская летопись» представляет собой соединение текстов, написанных тремя летописцами (Грушевский М. Історія української літератури, т. III. Київ—Львів, 1923, с. 180—203). По мнению В. Т. Пашута «Волынская летопись» — труд двух летописцев (Пашута В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 101—133). Как замечает И. П. Еремин, обе точки зрения «текстом не подтверждаются».

После смерти князя его земли должны перейти к его брату Мстиславу, о чем существует «ряд» (договор) между князьями. Но на наследие умирающего князя (он был бездетен) имеются и другие претенденты. Сын двоюродного брата Владимира Васильковича, князь Юрий Львович, просит, чтобы Владимир уступил ему Берестье (современный Брест). Владимир отказывает Юрию, говоря его послу: «Не могу порушити ряду, что есмь докончал (заклучил) с братом своим Мстиславом». Закончив переговоры с послом Юрия, Владимир посылает к Мстиславу своего верного слугу Ратьшу, чтобы предупредить брата о притязаниях Юрия Львовича. И, укрепляя Мстислава в его праве на наследство, призывая его ничего и никому не уступать из того, что он наследует после него, Владимир Василькович, «взвемь соломы в руку от постеля своее», просит Ратьшу передать этот клочок соломы брату и сказать ему: «Брат мой, тот вехоть (этот ветхий пучок) соломы дал (посылаю тебе), — того не даван по моем животе (после моей смерти) никому же».

Исследователи «Волынской летописи» высказывали разные предположения об авторе ее. Но все отождествления предполагаемых авторов с различными лицами из окружения Владимира Васильковича, упоминаемыми в летописи (писец Федорец, писавший по поручению князя его предсмертные грамоты, владимироволынский епископ Евстигней), носят слишком гипотетичный характер. Поэтому наиболее убедительно высказывание по этому вопросу И. П. Еремина: «Об авторе «Волынской летописи» уверенно сказать можно только то, что он был горячим сторонником князя Владимира Васильковича, был в курсе всех событий его княжения и лично его знал, что человек он был начитанный, хорошо усвоивший практику и традиции летописного дела, — видимо, местный монах или священник»¹.

Не прекратился на Руси в XIII в. интерес и к всемирной истории. По-видимому, во второй половине XIII в. в Галицко-Волынской Руси был составлен обширный хронографический свод, в состав которого входили библейские тексты, отрывки из «Хроники Георгия Амартола», почти полный текст нескольких книг из «Хроники Иоанна Малалы», «Хронографическая Александрия» первой редакции, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Этот свод охватывал события древней истории от «сотворения мира» до взятия Иерусалима Титом в 70 г. н. э.²

Летописные своды, созданные в годы монголо-татарского нашествия, летописные повести и сказания этого времени являются источниками наших сведений о событиях тех лет. Но не в меньшей мере они ценны и как памятники общественной мысли эпохи, как произведения литературы. Перед нами не только описание того или иного события, не холодная констатация факта,

¹ Еремин И. П. Волынская летопись 1289—1290 гг., с. 183.

² Представление об этом хронологическом своде мы имеем по двум поздним спискам его: по Архивскому хронографу (конец XV — начало XVI в.) и Виленскому хронографу (середина XVI в.). См.: Истрин В. М. «Александрия» русских хронографов. М., 1893, с. 317—352; Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

но и его оценка, летописец высказывает свое отношение к описываемому. Областные летописи отличаются местными чертами, в одних случаях продолжая более древние традиции общерусского (киевского) и местного летописания, в других — внося что-то новое. Но всем летописям в большей или меньшей степени присуще стремление осветить события, которые имеют отношение не только к данной области, данному княжеству, но и ко всей Русской земле.

2. «МОЛЕНИЕ» ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Одним из центральных вопросов древнерусской литературы был вопрос о роли князя в жизни страны. Необходимость сильной княжеской власти как условие успешной борьбы с внешними врагами, преодоления внутренних противоречий остро осознавалась теми, кто заботился о судьбах страны.

Идея сильной княжеской власти стоит в центре одного из интереснейших произведений древнерусской литературы — «Моления» Даниила Заточника. Памятник этот примечателен не только своей идейной направленностью, своими литературными особенностями, но и своей загадочностью. До сих пор остаются открытыми вопросы о времени его создания, о том, кто такой Даниил Заточник. Различными исследователями диаметрально противоположно решается проблема взаимоотношения двух основных редакций произведения.

Одна редакция имеет заглавие «Слово» Даниила Заточника, другая — «Моление» Даниила Заточника. «Слово» адресуется князю Ярославу Владимировичу, «Моление» — Ярославу Всеволодовичу. В тексте «Слова» князь называется «сыном великого царя Владимира»¹. Так скорее всего древнерусский книжник мог назвать только кого-нибудь из сыновей Владимира Мономаха. Но у него не было сына Ярослава. Ряд исследователей считает, что «Ярослав» — ошибка заглавия и вместо этого имени должно быть либо Юрий Долгорукий, либо Андрей Добрый (сыновья Владимира Мономаха). В этом случае «Слово» датируется временем не позднее 40—50-х гг. XII в. (Юрий Долгорукий умер в 1157 г., Андрей Добрый — в 1141)². Адресатом же «Моления», по мнению большинства исследователей, является сын великого князя Всеволода III Большое Гнездо — Ярослав Всеволодович, княживший в Переяславле Суздальском с 1213 по 1236 г.

Однако существует гипотеза, согласно которой «Слово» —

¹ Тексты «Моления» и «Слова» цитируются по изданию: «Слово» Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932.

² Наиболее убедительные аргументы в пользу предположения, связывающего «Слово» с Андреем Добрым, см.: Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника. — «ТОДРЛ»: М.—Л., 1955, т. XI, с. 80—83.

более поздняя переработка «Моления»¹. Несмотря на обширную литературу с аргументацией обеих точек зрения, вопрос, что первично — «Слово» или «Моление», остается открытым.

Наиболее существенное различие между «Молением» и «Словом» — в их идейной направленности. В обеих редакциях в равной мере превозносится сила и могущество князя и княжеской власти. Отношение же к боярству в «Слове» и «Молении» сильно различаются. В «Слове» князь не противопоставляется боярам. В «Молении» резко подчеркивается превосходство князя над боярами.

В летописной повести о битве на Воже в 1378 г. упоминается имя Даниила Заточника. Здесь говорится о некоем попе, которого сослали «в заточение на Лаче озеро, иде же бе (где был) Данило Заточеник»². Однако это упоминание не решает вопроса о том, кто такой Даниил Заточник. Вероятнее всего, оно само восходит к «Слову» или «Молению» и свидетельствует лишь о популярности этого произведения в Древней Руси. Мы не можем даже быть уверенными, существовал ли в действительности Даниил, почему-то и когда-то попавший в немилость у своего князя и находившийся на озере Лача (на северном берегу озера расположен город Каргополь). Неясно и само слово *заточник*: оно может иметь значение и «заключенный», и «заложившийся». Существующие в научной и научно-популярной литературе всякого рода «биографические» предположения о Данииле, как правило, весьма субъективны. Объективно из всего материала как «Слова», так и «Моления», из самохарактеристик автора видно, что он не принадлежал к господствующему классу. Даниил относился к категории княжеских «милостников», которые происходили из самых различных слоев зависимых людей³.

Сочинение Даниила Заточника представляет собой подбор афоризмов, каждый из которых или какая-то группа их могут восприниматься как законченный самостоятельный текст. Например: «Аще (если) кто в печали человека призрит, как студеною водою напоить в знойный день»; «Злато съкрушается (плавится) огнем, а человек напастьми»; «Молеве (моль), княжи, ризы (одежду) едят, а печаль человека» и т. п. Но все эти отдельные афоризмы, в предельно сжатой словесной формулировке передающие житейскую мудрость, объединены стоящим

¹ Наиболее обоснованно и развернуто эта гипотеза разработана Н. К. Гудзием в статье «К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник?» (в кн.: Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934), а также в написанной Н. К. Гудзием главе, посвященной этому памятнику, в академической истории русской литературы («ИРЛ». М.—Л., 1945, т. II, ч. I. Литература 1220-х—1560-х гг., с. 35—45) и в его учебнике (Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 1-е. М., 1938; изд. 7-е. М., 1966).

² Московский летописный свод конца XV века.— ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 200.

³ См.: Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1954, т. X, с. 106—119.

за ними образом Даниила Заточника. Вечные и общие истины становятся перипетиями судьбы одного человека, вот этого самого Даниила. Это придает памятнику облик не сборника отдельных афоризмов, а повествования о конкретной судьбе конкретного человека. Мы не знаем, является ли такое построение произведения сознательным литературным приемом или же какой-то реальный Даниил рассказал, пользуясь заимствованными и сочиненными им самим афоризмами, о своей судьбе и нарисовал идеальный образ князя-правителя. В любом случае мы можем говорить, что перед нами произведение высокого литературного уровня, ярко отразившее реальную жизнь.

Автор этого произведения широко заимствует афоризмы из книг священного писания (Псалтыри, притч Иисуса Сираха, притч Соломона и др.), пользуется «Повестью об Акире Премудром», «Стословцем» Геннадия, ему известна «Повесть временных лет». Вместе с тем и в «Слове» и в «Молении» отразились самые разнообразные стороны русской жизни того времени. Даниил широко употребляет бытовую лексику, для построения сравнений, метафор привлекает явления повседневной жизни. И перед нами предстают выпуклые зарисовки быта и нравов эпохи.

Обдумывая пути, которыми можно выбраться из бедности, Даниил видит один из выходов — в женитьбе на богатой невесте. Это наводит его на размышления о женской злобе (тема очень популярная в древнерусской письменности). Особенно много места этой теме уделено в «Слове». Даниил пользуется здесь и книжными источниками, и, как он говорит сам, «мирскими притчами» (т. е. светскими поговорками). Живой юмор и житейская мудрость этих сентенций (Даниил выступает не против женщин вообще, а только против особого, ненавистного ему типа «злой жены») создают конкретную картину семейных взаимоотношений эпохи. «Жены же у церкви стоите молящися богу и святей Богородици, а чему ся хотите учити (чему хотите учиться), да учитесь дома у своих мужен. А вы, мужи, по закону водите жены свои (в законе храните жен своих), понеже не борзо обрести (ибо не легко найти) добры жены».

Рассуждая о перспективе ухода в монастырь для спасения от житейских невзгод, Даниил говорит, что лучше умереть, чем лицемерно, из-за желанья улучшить свое материальное положение постричься в монахи. И автор иллюстрирует свою мысль выразительной картиной монашеского ханжества: «Мнози бо, отшедше мира сего во иноческа, и паки возвращаются на мирское житие, аки пес на своя блевотины, и на мирское гонение: обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии».

В рассматриваемом произведении высокая книжная культура автора, его хорошее знание памятников переводной и оригинальной литературы удачно сочетаются с его широкой осведомленностью в «житейской мудрости». Он не боится обильно при-

водить «мирские притчи», не избегает бытовой лексики. Как замечает Д. С. Лихачев, «Даниил как бы щеголяет своей грубостью, нарочитой сниженностью стиля, не стесняясь бытового словаря»¹.

Эта особенность стиля Даниила Заточника объясняется не только тем, что Даниил — представитель низших слоев общества, зависимый человек, но и литературной позицией автора. Нарочитая грубость Даниила, его балагурство восходят к скоморошеским традициям.

Соединение в произведении Даниила Заточника высокой книжности со скоморошью балагурством, учительных изречений с «мирскими притчами» придает этому памятнику особое своеобразие. Своеобразно «Моление» и своим отношением к человеческой личности. Иронизируя над самим собой, непомерно восхваляя князя (за этими похвалами чувствуется скрытая гротескность), Даниил выше всего ставит интеллектуальную силу человека, встает на защиту человеческого достоинства. Мудрый человек, находясь в бедственном, безвыходном положении, стремясь выбраться в люди, не может и не должен поступаться своим человеческим достоинством, идти против своей совести. Примечательно, что всячески подчеркивая силу княжеской власти, Даниил замечает, что как ни могуществен князь, деяния его зависят от окружающих «думцев» — советников: «Княже мой господине! То не море топить корабли, но ветри; не огонь творить ражежение железу (не огонь плавит железо), но надымание мешное (но раздувание мехов); тако же и князь не сам впадает в вещь (в беду), но думци вводятъ. З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будет».

Даниил Заточник — это древнерусский интеллигент, который остро ощущает недуги своего времени, пытается найти выход из них, ратует за признание человеческого достоинства независимо от социального и имущественного положения человека. Тонкую и точную характеристику Даниила Заточника как писателя дал В. Г. Белинский: «Кто бы ни был Даниил Заточник, — можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит, сдается ревниостью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, а потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить»².

¹ Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления». — «ГОДРЛ». М.—Л., 1954, т. X, с. III.

² Белинский В. Г. Русская народная поэзия. — Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, с. 351

3. ПОВЕСТИ О НАШЕСТВИИ МОНГОЛО-ТАТАР НА РУСЬ.

«Повесть о битве на Калке». Рассматривая историю летописания XIII в., мы уже говорили о широком отражении в летописях событий, связанных с нашествием Батыя и установлением монголо-татарского ига. Остановимся теперь на отдельных памятниках такого рода.

Первому столкновению с захватчиками, битве на реке Калке в 1223 г., предшествующей батыевщине, посвящена летописная повесть, наиболее пространный вид которой читается в Новгородской первой летописи. Сравнивая этот вид повести с более краткими вариантами ее, можно думать, что в просторном виде есть какие-то более поздние добавления, внесенные при включении повести в Новгородскую первую летопись, но в целом этот текст «сохранил в наиболее полном виде популярный южнорусский рассказ о Калкской битве, составленный почти сразу же после поражения русских в период между 1223 и 1228 гг.»¹. По всей видимости, участником Калкской битвы составлен и рассказ об этом событии, включенный в рассмотренный нами выше «Летописец Даниила Галицкого». В центре внимания этого рассказа князь Даниил (ему в это время было 22 года), который бьется столь самоотверженно, что даже не чувствует ран на своем теле. Рассмотрим более подробно «Повесть о битве на Калке» по тексту Новгородской первой летописи².

Начинается «Повесть о битве на Калке» (во всех ее вариантах) со слов о неожиданном появлении многочисленных и грозных войск неизвестного до тех пор народа. Это кара, ниспосланная богом за грехи людей. Такая трактовка причин монголо-татарского нашествия на Русь, с позиций религиозной историософии, характерна для всех памятников книжного происхождения.

Автор повести сообщает о разгроме монголо-татарами соседствующих с русскими землями народов: ясов, обезов, касогов и половцев. Разгром половецких земель, по его мнению, — это возмездие половцам за все те беды, которые они причинили русскому народу.

Русские князья решают выступить против неизвестных им дотеле врагов в ответ на просьбы половцев: остатки разгромленных половцев пришли на Русь и умоляют князей вступить за них, предупреждая, что со временем враг обрушится и на русские земли: «Нашю землю днесь (сегодня) отъяли, а ваша заутра (завтра) взята будеть». Татары присылают к русским князьям своих послов, чтобы отговорить их от похода. Они предлагают заключить союз против половцев, которые, как говорят послы, «и вам много зла створиша, того же деля и мы бнем

¹ Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1949, т. VII, с. 23.

² См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 61—63.

(за это мы их и избиваем)». Но русские князья остаются верными своему слову: татарских послов избивают, а русские войска выступают в поход. Однако отсутствие единодушия между князьями сводит на нет ратную доблесть русских воинов.

События на Калке развертывались так. Подойдя к реке, объединенные русские силы расположились станом. Монголо-татары внезапно обрушились на «станы русьских князь (русских князей)», и последние, не успев «исполчиться противу татар», обратились в бегство. Мстислав Киевский, отряды которого стояли в стороне от основного лагеря, на гористой возвышенности, «видя се зло, не движесе с места».

То, что Мстислав Киевский со своими силами не принял участия в общем сражении, определило и исход всего боя, и его собственную судьбу. Огородившись тыном из кольев, отряды Мстислава приготовились к обороне. Но они смогли продержаться всего лишь три дня. Все захваченные воины были перебиты, а князья (с Мстиславом было еще два князя) подвергнуты мучительной и позорной казни — их раздавили дощатым помостом, на котором пировали победители.

Заканчивается повесть словами о том, что татары преследовали русских до Днепра, что было убито шесть князей, а из воинов только «десятый приде кождо вьсвояси». Поражение на Калке вызвало всеобщее горе на Русской земле.

«Повесть о битве на Калке» была написана в традициях русских воинских летописных повестей XII в. В очень небольшом по объему тексте автор повести сумел передать все обстоятельства сборов русских князей на войну, переговоров их с половцами и послами монголо-татар, рассказал о том, как шли к Калке русские воины, красочно описал подробности злополучного сражения.

«Повесть о битве на Калке» сохранила русскому народу горькую память об этом событии на многие столетия. Она неоднократно переписывалась и перерабатывалась в различных летописных сводах. Она служила источником для упоминания этого события в других литературных памятниках, посвященных борьбе русского народа с монголо-татарским игом.

В поздних летописях различные варианты «Повести о битве на Калке» объединяются в единое повествование, в него включаются подробности, которых нет в ранних редакциях произведения. Некоторые из этих дополнений восходят к эпическим преданиям о нашествии монголо-татар. Эти предания были сведены в ростовском летописании XV в., которое лучше всего отразилось в «Сокращенных сводах» и «Тверском сборнике».

«Слово о погибели Русской земли». «Слово о погибели Русской земли» дошло до нас в двух списках, при этом не как самостоятельный текст, а как введение к первой редакции «Повести о житии Александра Невского»¹. «Слово о погибели Рус-

¹ Один список — Государственный архив Псковской области, Собрание Псково-Печерского монастыря (Ф. 449), № 60 (XV в.); второй — Древле-хранилище ИРЛИ АН СССР, Р. IV, оп. 24, № 26 (XVI в.).

ской земли» представляет собой отрывок какого-то более полного сочинения, посвященного описанию тяжелых бедствий, обрушившихся на Русскую землю.

Некоторые исследователи видели в «Слове о погибели» вступительную часть несохранившейся светской биографии Александра Невского. Но сравнение стиля «Слова о погибели» со стилем «Повести о житии Александра Невского» свидетельствует о независимости этих произведений и о разном времени их возникновения. Объединение этих текстов — факт их более поздней литературной истории.

Упоминаемые в «Слове о погибели» имена и контекст, в котором эти имена встречаются («до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго»¹), отзвуки легенд о Владимире Мономахе и некоторые южнорусские черты в памятнике дают основание считать, что «Слово о погибели» было написано автором южнорусского происхождения в Северо-Восточной Руси не позже 1246 г. («нынешний» Ярослав — Ярослав Всеволодович — ум. 30 сентября 1246 г.). Заглавие памятника (оно читается в одном списке) и фраза, на которой обрывается текст («А в ты дни болезнь крестияном (христианам) от великаго Ярослава и до Володимера...»), дают основание определять это произведение как отклик неизвестного нам автора на монголо-татарское нашествие. Вероятнее всего, «Слово о погибели» было написано между 1238—1246 гг.

Дошедший до нас отрывок «Слова о погибели» — либо вступление, либо первая часть произведения о «погибели Русской земли» — об ужасах батыевщины, о разгроме русских княжеств. В нем восторженно описываются былые красота и богатство Русской земли, ее прежнее политическое могущество. Такой характер вступления к тексту, который должен был повествовать о горестях и бедах страны, не случаен. Эта особенность «Слова о погибели Русской земли» находит себе типологическое соответствие с произведениями древней и средневековой литературы, в которых встречается похвала величию и славе родной земли. Изучавший эту проблему исследователь В. В. Данилов пришел к заключению, что «Слово о погибели» «сближается не со всякими патриотическими произведениями в других литературах, а лишь со сходными по условиям своего появления, когда родина писателя страдала от войн, междоусобий и произвола»².

Автор «Слова о погибели» восхищается красотой и величием Русской земли: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая. И многими красотама удивлена еси: озеры многими удивлена еси, реками и кладязьми (родниками) месточестьными

¹ Текст цитируется по изданию: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 156—157.

² Данилов В. В. «Слово о погибели Русския земли» как произведение художественное.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1960, т. XVI, с. 137—138.

(местночтимыми), горами крутыми... зверьми различными, птицами бесчисленными...» Русская земля «украсно украшена» не только красотами и дарами природы, она славна и «князьми грозными, бояры честными, вельможами многими».

Развивая тему «грозных (могущественных) князей», покоривших «поганьскыя страны», автор «Слова о погибели» рисует идеальный образ русского князя — Владимира Мономаха, перед которым трепетали все окрестные народы и племена: половцы, «литва», венгры, «немцы» (в данном контексте — шведы). Даже византийский император, «жюр (кир — греч. «господин») Мануил Цесарегородский», посылал Владимиру Мономаху дары, чтобы он «Цесарягорода не взял». Этот гиперболизированный образ «грозного» великого князя воплощал в себе идею сильной княжеской власти, воинской доблести. В обстановке монголо-татарского нашествия и военного поражения Русской земли напоминание о силе и могуществе Мономаха служило укором современным князьям и, вместе с тем, должно было вселять надежду на лучшее будущее. Не случайно поэтому «Слово о погибели» было поставлено перед началом «Повести о житии Александра Невского»: здесь грозным и великим князем выступал Александр Невский — современник батыевщины.

«Слово о погибели Русской земли» по поэтической структуре и в идейном отношении близко к «Слову о полку Игореве». Обои памятникам присущи высокий патриотизм, обостренное чувство национального самосознания, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы, ритмический строй текста. Оба памятника близки и сочетанием в них плача и похвалы, похвалы былому величию Русской земли, плача о ее бедах в настоящем. В обоих произведениях имеются общие стилистические формулы, сходные поэтические образы. Совпадает характер заглавия. Фразе «Слова о полку Игореве» «От старого Владимира до нынѣшняго Игоря...» параллельна фраза «Слова о погибели» — «От великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава...». Авторы обоих произведений часто употребляют собирательное наименование народов: «литва, деремела, хинова» — «литва, мордва, вяда, корела». Могут быть отмечены и другие параллельные обороты¹.

«Слово о полку Игореве» было лирическим призывом к единению русских князей и русских княжеств, прозвучавшим перед монголо-татарским нашествием. «Слово о погибели Русской земли» — лирический отклик на события этого нашествия.

«Повесть о разорении Рязани Батыем». «Повесть о разорении Рязани Батыем» — не документальное описание борьбы рязанцев в 1237 г. с вторгшимся в пределы княжества врагом. Среди

¹ Сходные места между «Словом о полку Игореве» и «Словом о погибели Русской земли» подробно рассмотрены в статье А. В. Соловьева «Заметки к «Слову о погибели Русской земли».— «ГОДРЛ». М.—Л., 1958, т. XV, с. 109—113.

участников битвы названо много имен, неизвестных по летописным источникам. Согласно «Повести» с Батыем сражаются князья, к 1237 г. уже умершие (например, Всеволод Пронский, погибший в 1208 г., Давид Муромский, скончавшийся в 1228 г.), гибнет Олег Красный, который на самом деле пробыл в плену до 1252 г. и умер в 1258 г. Эти отступления от исторических данных говорят о том, что «Повесть» могла быть написана лишь через какой-то период времени после самого события, когда эпически обобщились в представлении людей действительные факты. Об эпической обобщенности произведения свидетельствует и то, что все рязанские князья, участники битвы с Батыем, объединены в единую богатырскую рать и называются в «Повести» братьями. Вместе с тем нельзя слишком отдалять время создания «Повести» от события, которому она посвящена. По-видимому, «Повесть» возникла не позже середины XIV в. Об этом, пишет Д. С. Лихачев, «говорит и самая острота переживания событий Батыева нашествия, не сглаженная и не смягченная еще временем, и ряд характерных деталей, которые могли быть памятны только ближайшим поколениям»¹.

Мы рассматриваем «Повесть о разорении Рязани Батыем» в ряду памятников XIII в., посвященных монголо-татарскому нашествию потому, что в ней отразились эпические предания о приходе Батыя на Рязань, часть из которых могла быть создана вскоре после 1237 г. Кроме того, в «Повести» имеются, как мы уже указывали, совпадения с летописной повестью Рязанского свода, написанной участником событий 1237 г.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» воспринимается как самостоятельное произведение, хотя в древнерусской рукописной традиции она является частью свода, состоящего из текстов, рассказывающих об иконе Николы. Икона эта была принесена в Рязанскую землю из Корсуни (Херсонеса), города, в котором — согласно одной из легенд — принял крещение Владимир I и где перед монголо-татарским нашествием жило много русских. В этот свод входят: 1) рассказ об истории перенесения в Рязанское княжество в город Заразск (ныне Зарайск) образа Николы из Корсуни «служителем» этой иконы Евстафием, 2) «Повесть о разорении Рязани Батыем», 3) «Родословие» «служителей» иконы.

Первый рассказ свода основан на широко распространенном в средневековой литературе сюжете о переносе святыни (креста, иконы, мощей и т. д.) из одного места в другое. Этот традиционный сюжет здесь тесно связан с исторической обстановкой, предшествующей нашествию Батыя.

Рассказ о перенесении образа начинается с обозначения времени события — «в третье лето по Калском побоище»². Ев-

¹ См.: Лихачев Д. С. «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: Военские повести Древней Руси. М.—Л., 1949, с. 139—140.

² Текст цитируется по изданию: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском (тексты). — «ТОДРЛ». М.—Л., 1949, т. VII, с. 282—301.

стафию несколько раз во сне является Никола и требует у своего «служителя», чтобы тот перенес его икону из Корсуни в Рязань. Д. С. Лихачев так отвечает на вопрос, почему Никола столь настойчиво «гнал» Евстафия в Рязань из Корсуни: «Гнал Евстафия, конечно, не Никола,— гнали половцы, пришедшие в движение после Калкской битвы, вспугнутые движением монголо-татарских орд, наполнившие причерноморские степи и отрезавшие Корсунь от русского севера. Вспомним, что путешествие Евстафия относится к «третьему лету после Калкского побойща» и что Никола «запрещает» Евстафию идти через опасные половецкие степи. Не случайно также для нового, более безопасного местопребывания «покровителя» торговли Николы была выбрана Рязань. Связи Рязани с Северным Кавказом и черноморским побережьем прослеживаются с давних пор»¹.

Евстафий после многих злоключений достигает наконец Рязанской земли. Рязанскому князю Федору Юрьевичу (по летописям такой князь неизвестен) является святой Никола и, повелевая ему торжественно встретить свою икону, предсказывает князю, что он, его будущие жена и сын обретут «царствие небесное». Завершается рассказ о перенесении образа Николы повествованием об осуществлении пророчества Николы. Федор Юрьевич в 1237 г. был убит «от безбожиаго царя Батыа на реке на Воронежи». Жена Федора, княгиня Евпраксия, узнав о гибели мужа, бросилась вместе с малолетним сыном Иваном «ис превысокаго храма своего» и разбилась с ним насмерть. С тех пор корсунская икона Николы и стала называться «Заразской», «яко (так как) благовернаа княгиня Еупраксеа с сыном князем Иваном сама себе зарази». Сюжетно этот рассказ о перенесении Николина образа связан со следующей за ним «Повестью о разорении Рязани Батыем», из которой мы узнаем, как и почему был убит князь Федор Юрьевич Батыем, какие беды претерпела Рязанская земля от Батыя.

«Повесть» начинается в летописной манере: «В лето 6745 (1237)... прииде безбожний царь Батый на Русскую землю...» Далее следуют близкие к летописной повести о приходе Батыя на Рязань слова о том, что Батый требует от рязанцев во всем десятины, сообщается об отказе владимирского великого князя пойти на помощь рязанцам.

Великий князь рязанский Юрий Ингоревич, не получив помощи от владимирского князя, советуется с подручными князьями и решает умиловить Батыя дарами. «З дары и молением великим, чтобы не воевал Рязанския земли», к Батыю идет сын Юрия Ингоревича Федор Юрьевич, сообщением о судьбе которого заканчивается рассказ о перенесении образа Николы. Приняв дары, Батый «лестию» (ложно) обещает пощадить Рязанское княжество. Однако он просит у рязанских князей «дщерей или сестр себе на ложе». Один из рязанских вельмож, из за-

¹ Лихачев Д. С. «Повесть о разорении Рязани Батыем», с. 126.

висти, донес Батыю, что у Федора Юрьевича княгиня «от царьска рода и лепотою-телом красна (прекрасна) бе зело». На требование Батя «видети красоту» жены Федора князь, «посмеяся», говорит ему: «Аще (если) нас преодолееши, то и женами нашими владети начнеши». Разгневанный дерзким ответом Федора, Батый приказывает убить князя и всех, кто пришел с ним. Почти такими же словами, как в рассказе о перенесении образа Николы, сообщается о гибели Евпраксии с сыном.

Это экспозиция «Повести». И хотя на первый взгляд данный эпизод носит самостоятельный характер, он тесно связан со всем сюжетом произведения: попытки умиловить врагов, примириться с ними беспечны — в этом случае придется полностью подчиниться их воле. Остается единственный выход — бороться с вторгшимися врагами, даже если эта борьба и не приведет к победе. Экспозицию «Повести» с последующим развитием сюжета связывает обращение Юрия Ингоревича к рязанским князьям и воинам, когда в Рязань пришла весть о гибели Федора Юрьевича: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти». Этот призыв к борьбе с врагом выражает основную идею всех эпизодов произведения — лучше гибель, чем позорное рабство. Слова Юрия Ингоревича напоминают обращение Игоря Святославича в «Слове о полку Игореве» к своим воинам перед выступлением в поход: «Луде ж бы потяту (убиту) быти, неже полонену быти». Едва ли здесь прямая зависимость «Повести» от «Слова». Скорее всего такое совпадение объясняется одинаковым представлением о воинской чести, высоким патриотизмом и гражданским пафосом обоих произведений.

Рязанцы встречают силы Батя «близ предел (границ) резанских» и сами нападают на них. «И начаша битися крепко и мужественно, и бысть сеча зла и ужасна». Русские бьются столь отважно, что даже Батый «возбоися». Но силы врага так велики, что на одного рязанца приходится тысяча противников, а каждые два рязанца бьются «со тмою (десятью тысячами)». Сами кочевники дивятся «крепости и мужеству» рязанцев и с трудом одолевают их. Перечислив убитых князей поименно, автор «Повести» говорит, что все остальные «удалцы и резвцы резанския» «равно умроша и едину чашу смертную пиша (испили)».

Уничтожив рать Юрия Ингоревича, Батый «начаша воевати Резанскую землю и веля бити, и сечи, и жеши (жечь) без милости». После пятидневной осады войска Батя захватывают Рязань и уничтожают всех жителей: «Не оста во граде ни един живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша». Наступившая после яростного боя и кровавой резни тишина («несть бо ту ни стонюша, ни плачюша») выразительно характеризует беспощадность врага. Эта же мысль подчеркивается словами о том, что погибших некому оплакать: «И ни отцу и матери о чадах, или чадам о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертви лежаща».

Разгромив Рязань, Батый пошел на Суздаль и Владимир, «желая Рускую землю попленити». В это время «некий от велмож резанских», Евпатий Коловрат, был в Чернигове. Узнав о беде, постигшей Рязанское княжество, Евпатий «гнаша скоро» в Рязань, но было уже поздно. Тогда, собрав дружину в «тысячу семсот человек, которых бог соблюде — быша вне града», Евпатий бросился «во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей». Воины Евпатия с такой отчаянной храбростью стали избивать врагов, что те «сташа яко пияны или неистовы» и «мняша (думали), яко мертви восташа».

Нападение Евпатия на бесчисленные полчища Батыя с малой дружиной случайно уцелевших рязанцев оканчивается поражением. Но это героическое поражение, символизирующее воинскую удачу, силу и беззаветную храбрость русских воинов. Враги смогли убить «крепка исполна» Евпатия, «нача бити по нем (стрелять в него) ис тмочисленых¹ (тысячечисленных) пороков (стенбитных орудий)». Словно былинный богатырь, Евпатий перебил огромное число «нарочитых (самых лучших) багатырей Батыевых», одних «на полы (пополам) пресекаше», а других «до седла краяше». Шуринна Батыя Хостоврула, похвалявшегося взять Евпатия живьем, он рассек «на полы до седла». Как богатыри, сражаются и воины из отряда Евпатия.

Народно-эпическая стихия ощущается не только в образах Евпатия и его дружинников, но и во всем характере этого эпизода. Несколько рязанцев, «изнемогих от ран», воинам Батыя удалось схватить живыми. На вопрос Батыя, кто они такие и кем посланы, пленники отвечают в духе народно-эпической традиции: «Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя сила царя почтити и честна проводить, и честь тебе воздати». Они «смиренно» просят Батыя не «обижаться» на них: вас так много, говорят они, что мы не успеваем «наливати чаш на великую силу-рать татарскую». Заключает этот эпизод фраза о том, что Батый «подивися ответу их мудрому».

Батый и его воеводы вынуждены признать беспредельную храбрость и небывалое мужество русских воинов. Глядя на поверженного Евпатия, князя и воеводы Батыя говорят, что никогда еще они «таких удалцов и резвцов не видали» и даже отцов своих не слышали о столь мужественных воинах, которые словно «люди крылатыи, и не имеющие смерти, тако крепко и мужествено езда, бяшесе: един с тысящею, а два со тмою». Батый же, обращаясь к Евпатию, восклицает: «Аше бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего». Оставшихся в живых воинов из отряда Евпатия отпускают невредимыми с телом героя. Нападение Евпатиевой дружины на врага — отмщение за разорение Рязани и за погибших рязанцев.

Вслед за эпизодом о Евпатии рассказывается о приезде из Чернигова в Рязань единственного (согласно «Повести») остав-

¹ Тьма — тысяча.

шегося в живых рязанского князя Ингваря Ингоревича. При виде страшного разорения Рязани и гибели всех близких людей Ингварь Ингоревич, «жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий орган вещающи». Его отчаяние столь велико, что он падает на землю, «яко мертв». Ингварь Ингоревич погребает останки погибших и оплакивает их. Плач Ингваря Ингоревича и образами, и фразеологией сближается с народными причитаниями. Автор «Повести» широко использовал в своем произведении устные эпические предания о нашествии Батыя на Рязань. Наиболее заметна эпическая основа в рассказе об Евпатии Коловрате. В науке существует мнение, что эпизод об Евпатии — вставка в литературный текст эпической песни об Евпатии Коловрате¹. Но и рассказ об Евпатии, и рассказ о судьбе князя Федора, его жены и сына в составе «Повести» являются органичными частями цельного, единого повествования. И все эти части крепко объединены единой идеей, идеей беззаветной, мужественной защиты родины от нашествия врага, единой мыслью: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти». Этот основной смысл «Повести» делал ее повествованием о героизме и величии человеческого духа.

В конце «Повести» следовала «Похвала роду рязанских князей»: «Сии бо государи... бяше (были) родом христолюбивыи, братолюбивыи, лицом красны (красивы), очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим (гостям) приветливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщывы (щедры), до осподарьских потех (государских забав — охота) охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правде-истине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста...» В «Похвале роду рязанских князей», где подчеркивались человеческие, духовные, государственные достоинства, представал идеальный образ русских князей, и воплощением этого идеала были погибшие рязанские князья. «Похвала» особо выделяется своим литературно-словесным мастерством. Это писательское мастерство может быть отмечено и в остальных частях произведения. Литературный характер «Повести» проявляется и в том, что в ней сочетаются фольклорно-литературные жанры славы и плача. Сочетание в едином произведении этих двух жанров присуще только литературным памятникам. Такое объединение славы и плача характерно для ряда наиболее замечательных памятников древнерусской литературы: «Слова о полку Игореве», «Похвалы Роману Мстиславичу Галицкому», «Слова о гибели Русской земли»².

¹ См.: Путилов Б. Н. Песня о Евпатии Коловрате.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1955, т. XI, с. 118—139.

² См.: Лихачев Д. С. Слово о полку Игоря Святославича.— В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967, с. 33—35 (Библиотека поэта. Большая серия, второе издание).

«Повесть о разорении Рязани Батыем» — один из шедевров древнерусской литературы. Описание нашествия Батыя на Рязань носит сюжетный характер. Читатель с напряженным вниманием следит за развитием событий. Он сопереживает трагичности происходящего и героической самоотверженности рязанцев. «Повесть» проникнута глубоким патриотизмом, и это не могло не волновать древнерусских читателей. Патриотизм «Повести» близок и понятен читателям и нового времени. Художественная сила «Повести» заключена в той искренности, с какой автор описывает героизм рязанцев, в том сочувствии, с каким он рассказывает о бедах Рязанской земли. «Повесть» отличается высоким литературным совершенством. Это, в частности, проявилось в том, что автор сумел объединить в едином, цельном повествовании героического характера устно-эпические по своему происхождению эпизоды и мотивы с высокой книжной культурой.

Летописные повести об осаде и гибели русских городов. Описание героической борьбы русского народа с силами Батыя дошло до нас в рассказах об обороне и других городах, подвергшихся нападению и разгрому. Это либо краткие летописные записи о захвате монголо-татарами того или иного города, либо небольшие летописные повести. Во всех них ощущается рассказ очевидцев батыевщины. Так, например, сообщая о подходе монголо-татар к Коломне, летописец восклицает: «И кто, братие, о сем не плачется, хто ся нас остал живых (те, кто из нас остался в живых), како ону нужную (насильную) и горкую смерть подъяша. Да и мы то видевши быхом устрашилися и грехов своих плакалися с въздыханием день и ночь»¹.

Описание осады и захвата монголо-татарами Владимира имеется и в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях. Наиболее подробен рассказ Лаврентьевской летописи. Захватчики подошли к городу в то время, когда великий князь Владимирский Юрий Всеволодович с частью дружины ушел к реке Сити. Для устрашения осажденных враги привезли под стены города плененного ими во время захвата Москвы сына Юрия Всеволодовича — князя Владимира Юрьевича, брата князей Всеволода и Мстислава Юрьевичей, которых Юрий Всеволодович оставил во Владимире вместо себя. Эпизод с Владимиром Юрьевичем производит не менее трагичное впечатление, чем самый рассказ о захвате города кочевниками. Несчастный пленник насильно приведен врагами к Золотым воротам Владимира, родного города князя. Они с усмешкой спрашивают владимирцев: «Знаете (узнаете) ли княжича вашего?»². На стенах города стоят его братья, оставшаяся в городе дружина, горожане. Они видят позор и унижение князя, но помочь ему ничем не могут. В образе плененного молодого князя перед владимирцами предстает олицетворение ожидающей их самих участи: гибель, страдания, рабство.

¹ См.: ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 515.

² Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 515—519.

Повествование о падении города, как и эпизод с Владимиром Юрьевичем, пронизано чувством обреченности и безысходности судьбы владимирцев. Орды захватчиков окружают город со всех сторон. Простояв некоторое время под стенами Владимира (за это время они успевают захватить Суздаль), они начинают готовиться к штурму: «Начаша леса (в данном контексте какие-то осадные приспособления) и пороки (стенбитные орудия) ставити от утра и до вечера, а на ночь (за ночь) оградиша тыном около всего города». Осажденные не отказываются от борьбы. Всеволод и Мстислав обращаются к воинам: «Брате, луче ны (нам) есть умрети пред Златыми вороты за святую Богородицю и за правую веру, ниже (чем) в воли их быти». (Вспомним обращение Юрия Ингореви́ча к рязанцам из «Повести о разорении Рязани Батые́м»: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти».)

Обреченность защитников города, их готовность идти на верную гибель раскрыты в таком эпизоде. После слов о том, что татары за ночь окружили город тыном, читаем: «И бысть наутрие (утром) увидев же се князь Всеволод и владыка Митрофан, яко (что) уже взяту быти граду (будет взят город), и внидоша в церковь в святую Богородицю и остригошася все в ангельский образ от владыкы Митрофана». Пострижение в «ангельский образ» — высший монашеский чин — означало полное отречение от мира, и над людьми не духовного звания такой обряд совершался перед самой кончиной человека, когда не оставалось уже никакой надежды на выздоровление. Враги врываются в город со всех сторон и быстро овладевают им. В церкви Богородицы (Владимирский Успенский собор) на полотах (наверху, на хорах) спрятались княгиня со снохами и детьми и «множество бояр и людей». Ворвавшиеся в город захватчики «отбивше и отвориша двери церковныя и новолочивше (натаскав) леса около церкви и в церковь и зажгоша, и изытхошася (задохлись) от великаго зноя вся суцая ту люди, инии же огнем скончашася, а иных оружием до конца предаша смерти».

Иного рода летописный рассказ о захвате монголо-татарами города Козельска, сохранившийся в Ипатьевской летописи. Этот рассказ иллюстрирует отчаянную храбрость и беспредельное мужество русских людей.

Войска Батыя, придя к небольшому городку Козельску, простояли под стенами этого города семь недель. Когда начался штурм города, то жители Козельска единодушно решили не сдаваться и биться до последнего. Сражение было столь кровопролитным, что о пропавшем без вести юном князе Козельска Василии «инии (некоторые) глаголаху (говорят), яко (что) во крови утонул». Батыевы воины после этой битвы «не смеють его (город Козельск) нареци (называть) град Козлеск, но град злый»¹

¹ Ипатьевская летопись.— ПСРЛ. т. II. М., 1962, стлб. 780—781.

Под 1240 г. в Ипатьевской летописи помещен рассказ об осаде Киева. Особо выразительно в этом рассказе описано «многое множество» врагов, пришедших к стенам города: «И бе Батый у города и отроци (отроки-воины) его объседаху (осадили) град, и не бе слышати (в городе ничего не было слышно) от гласа скрипания телег его (из-за скрипа телег войск Батыя), множества ревения вельблуд его (из-за рева многочисленных верблюдов), и ржания от гласа стад конь его (из-за ржания конских табунов)»¹. С целым рядом ярких подробностей описывается захват Киева. «Бес престани... день и ночь» осаждающие обстреливали «из пороков (осадных орудий)» город, так что «выбиша стены». В проломах городских стен происходит борьба захватчиков с киевлянами. За ночь «граждане же создаша паки другии град около святое Богородице (около церкви Богородицы)». В самой церкви укрылось столько народу «и с товары своими», что «от тягости повалишася с ними стены церковныя». Киев был захвачен, и население его беспощадно уничтожалось. Отметим, что археологические раскопки Киева подтверждают страшный разгром города и массовое уничтожение захватчиками мирного населения².

Рассказы об осаде и гибели городов донесли до нас не только сведения очевидцев о беспощадности завоевателей, описания гибели различных, больших и малых, древнерусских городов и бедствий, пережитых русскими людьми в те тяжелые годы. Перед нами в этих рассказах предстает выразительная картина мужества, самоотверженности и патриотизма русских людей.

«Повесть о Меркурии Смоленском». Примечательно, что даже в тех городах, которые не подверглись непосредственному нападению Батыя, создавались легенды о чудесном избавлении города от этой беды благодаря заступничеству высших сил. Одно из таких легендарных преданий времени монголо-татарского нашествия донесла до нас «Повесть о Меркурии Смоленском». Легенда эта возникла в Смоленске, куда войска Батыя не приходили.

Как повесть легенда об избавлении Смоленска от нашествия Батыя была оформлена не ранее конца XV — начала XVI в. До нас дошло два вида «Повести о Меркурии Смоленском». Непосредственно они между собой не связаны, но независимо друг от друга оба эти вида «Повести» восходят к одной и той же легенде. Первый вид, сохранившийся в единственном списке XVII в., наиболее близок к легенде. Второй вид повести, дошедший до нас в большом количестве списков, представлен несколькими редакциями³.

Сюжет «Повести» в ее первом виде развивается так. Начинается «Повесть» со слов о том, что в Смоленске жил юноша по имени Меркурий. Он был богобоязлив и много молился. В это время на Русскую землю, проливая

¹ Ипатьевская летопись.— ПСРЛ, т. II, М., 1962, стлб. 784—785.

² См.: Голочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976, с. 191—202.

³ Монографическое исследование «Повести» с изданием текстов ее см.: Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском». Исследование и тексты. Пг., 1922. См. также: Буслаев Ф. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская повесть о Петре, царевиче Ордынском.— «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». Спб., 1861, т. II, с. 155—198; Ка д л у б о в с к и й А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 44—107.

«безвинную кровь», «аки воду», идет Батый. Силы Батыев подходят к Смоленску. К пономарю пригородного Печерского монастыря является Богородица, велит ему разыскать Меркурия и привести его к ней. Пономарь выполняет повеление. Богородица благославляет Меркурия на подвиг. Вооружив его мечом, она велит ему идти в стан Батыев и смело напасть на врага. Когда он перебьет силы Батыев, перед ним явится прекрасный воин, которому Меркурий должен отдать свой меч. Воин отсечет этим мечом Меркурию голову, а он, держа свою голову в руке, вернется в Смоленск и будет здесь с почетом погребен в ее (Богородицы) церкви. Все свершается так, как предсказала Богородица.

С отдельными изменениями, со значительными дополнениями и книжнориторическими вставками, этот сюжет повторяется и во втором виде «Повести». Здесь Меркурий называется знатным римлянином, пришедшим в свое время в Смоленск. Голову Меркурию отсекает не прекрасный воин, а сын вражеского «исполина», которого поразил Меркурий. Согласно этому виду «Повести», Меркурий после погребения является пономарем и говорит, чтобы его оружие повесили над его гробницей — оно будет избавлять Смоленск от врагов.

О существовании иных вариантов легендарных рассказов о Меркурии Смоленском свидетельствует повесть И. А. Бунина «Суходол». Здесь упоминается старинная икона Меркурия Смоленского и говорится, что, «разбив татар, святой уснул и был обезглавлен врагами»¹.

Трудно сейчас решить, что из себя представляло первоначальное легендарное сказание о Меркурии Смоленском. Но вынести общее представление о нем на основе текстов «Повести» мы все же можем. В этом сказании отразились ужас и горе, испытанные русским народом, и эпические мотивы героической борьбы народа с поработителями в годы монголо-татарского нашествия и ига. Меркурий, несмотря на житийно-религиозный характер этого образа, выступает в обоих видах произведения как эпический герой: он один избивает силы врага. Батый, напуганный чудесной силой Меркурия, «в мале дружине» бежит от стен Смоленска в Венгрию, где гибнет. Можно думать, что в первоначальном виде легендарного сказания эпический элемент был выражен еще ярче.

4. ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

Монголо-татарское нашествие нашло отражение и в ораторском жанре, одном из основных жанров древнерусской литературы.

Замечательным мастером этого жанра в XIII в. был Серапион Владимирский. Биографические данные о Серапионе весьма скудны. Известно, что до 1274 г. он был архимандритом Киево-Печерского монастыря, а с 1274 по 1275 г. (год своей смерти) — епископом Владимирским. На епископию во Владимир Залесский Серапион был поставлен по инициативе митрополита Кирилла, высокообразованного человека своего времени, принимавшего участие в составлении «Летописца Даниила Галицкого» и жизнеописания Александра Невского. И Серапион Владимирский, и митрополит Кирилл относятся к кругу тех деятелей XIII в., которые осуществляли связь культур Юго-Западной Руси с Русью Северо-Восточной.

До нас дошло пять «Слов» Серапиона. Но из характеристики, которую дает Серапиону летописец, сообщая в записи под 1275 г. о его смерти, и из сочинений самого Серапиона видно, что им

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений в 9-ти т., т. 3. М., 1965, с. 140.

было написано гораздо больше и «Слов», и «Поучений». Основная тема «Слов» Серапиона — бедствия, постигшие Русскую землю в результате нашествия монголо-татар, которое является божьей карой, обрушившейся на Русь за грехи людей. Согласно концепции Серапиона, только покаяние, нравственное самоусовершенствование могут спасти Русскую землю. Наглядность описанных в «Словах» Серапиона бедствий, постигших Русскую землю, глубина душевных чувств автора, переживающего со всем народом тяготы своей родины, придавали его «Словам» большой патриотический смысл.

Четыре «Слова» Серапиона из пяти дошедших до нас были составлены им в 1274—1275 г. во Владимире¹. Одно, «О казнях божиих и ратях», — вероятнее всего вскоре после разгрома Киева Батыем в 1239—1240 г.

Все «Слова» Серапиона представляют собой как бы единый цикл, в котором автор с болью в сердце описывает бедствия вражеского нашествия и призывает людей перед лицом грозной опасности оставить внутренние распри, освободиться от собственных пороков и недостатков. Серапион осуждает в своих «Словах» «вражду», под которой имеет в виду междоусобия князей, «несытство имения» — стремление к наживе, «резонмство» — ростовничество и «всякое грабление»².

И общая, центральная для всех «Слов» Серапиона тема, — монголо-татарское насилие, — и частные вопросы, на которых он останавливается в своих «Словах», раскрываются им не в отвлеченных, риторических рассуждениях, а в жизненно-убедительных зарисовках. Вместе с тем везде видна высокая книжная культура автора, его писательское искусство, литературный талант.

Пафос, торжественность, драматичность повествования Серапиона о бедах, обрушившихся на русских людей, достигаются чередованием синтаксически параллельных кратких предложений, составляющих длинный синонимический ряд, построением фраз в виде вопросов, что придает его «Словам» особую ритмичность: «...И землю нашу пуну створиша, и грады наши плениша, и церкви святыя разориша, отци и братию нашу избиша, матери наши и сестры наши в поруганье быша»; «Не пленена ли бысть земля наша? Не вскоре ли падоша отци и братия наша трупнемь на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша в плен? Не порабощени быхом оставшем горкою си работою от ино-

¹ Французский ученый М. Горлин считал, что все «Слова» Серапиона, кроме последнего, были написаны Серапионом не в 1274—1275 гг., а ранее во время его пребывания в Киеве (M. Gorlin. Serapion de Wladimir, prédicateur de Kiev. — *Revue des études slaves*, t. 24, Paris, 1948, pp. 21—28). Н. К. Гудзий убедительно показал необоснованность этого предположения (Гудзий Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? — «ИОЛЯ». М., 1952, т. XI, вып. 5, с. 450—456).

² Тексты цитируются по изданию: Петухов Е. Серапион Владимирский — русский проповедник XIII века. Спб., 1888. Приложения, с. 1—15.

племенник? Се уже к 40 лет приближаеть томление и мука, и да не тяжькыя на ны не престануть, глади, морове живот (жизней) наших. И в сласть хлеба своего изъести не можем. И въздыхание наше и печаль сушить кости наши»; «Тогда наведе на ны язык (народ) немилостив, язык лют, язык не щадящъ красы уны (юных), немощи старецъ, младости детей».

Общая мысль и общий смысл нарисованных Серапионом картин насилий, чинимых захватчиками, перенесенных народом бедствий во всех «Словах» сходны, но конкретные образы, отдельные подробности всюду варьируются. Не менее яркие и живые те места в произведениях Серапиона, где он останавливается на вопросах нравственного характера, говорит о невежестве и суеверии. Так, например, осуждая жестокие расправы над людьми, заподозренными в колдовстве, Серапион убедительно, с сарказмом высмеивает бессмысленность таких действий: «От которых книг или от ких (каких) писаний се слышасте, яко волхвованиемъ (чародейством) глади бывають на земли и паки (снова) волхвованиемъ жита умножаються? То аже (если) сему веруете, то чему (зачем) пожигаете я (их — волхвов)? Молитесь и чтите я, дары и приносите им, ать (пусть) строить мир: дождь пушють, тепло приводять, земли плодоти велять!»

«Слова» Серапиона — образец высокого искусства слова. Они продолжают традиции таких мастеров этого жанра древнерусской литературы, как Иларион и Кирилл Туровский. В отличие от произведений этих писателей XI—XII вв. в «Словах» Серапиона Владимирского сильнее выражены непосредственные впечатления от событий его времени, они отличаются простотой и ясностью изложения.

5. АГИОГРАФИЯ

Характерной чертой агиографии было стремление соблюсти в житийных произведениях требования жанровых канонов, выработанных многовековой историей агиографического жанра. Эти каноны придавали житиям отвлеченный риторический характер. Однако историческая действительность, политические тенденции, устные предания, реальные факты жизни героя жития нарушали жанровые каноны. Жизнь вносила в житийные памятники публицистичность, литературное разнообразие, сюжетную увлекательность. Жития святых — это та форма церковной литературы, которая ближе всего стояла к литературе светской, исторической и публицистической и в которой легче всего могли сказываться оппозиционные и еретические идеи, влияние апокрифов и народной легенды.

Для рассматриваемого периода истории древнерусской литературы такая тенденция наиболее заметно проявилась в княжеских житиях. При сохранении целого ряда этикетно-агиографических образов, словесных оборотов в княжеских житиях

допускались отклонения от канона, нарушения жанровых штампов. Это обуславливалось тем, что героем жития выступал не подвижник церкви, а государственный деятель, кроме того, именно в княжеских житиях, написанных в это время, отразились события монголо-татарского ига. В рассматриваемый период создается «Повесть о житии Александра Невского», замечательного полководца и государственного деятеля той эпохи. Появляются княжеские жития, в которых тот или иной князь предстает как страдалец за православную веру, принявший мученическую смерть в Орде.

«Повесть о житии Александра Невского». Александр Ярославич (родился около 1220 г., умер в 1263 г.) с 1236 по 1251 г. был князем новгородским, а с 1252 по 1263 г. — великим князем владимирским. И в годы княжения в Новгороде, и будучи великим князем, Александр Ярославич возглавлял борьбу Руси с немецко-шведскими захватчиками.

В 1240 г. шведские рыцари вторглись в пределы северо-западных земель Руси. Они вошли на кораблях в реку Неву и остановились в устье ее притока реки Ижоры (в настоящее время в этом месте расположен поселок Усть-Ижора под Ленинградом, по другим представлениям — Александров-Невская лавра). С небольшой дружиной Александр Ярославич 15 июня 1240 г. напал на неприятельские силы и одержал блестящую победу над многочисленным врагом. Отсюда прозвище Александра — Невский. В 1241—1242 гг. Александр Невский возглавил борьбу с войсками ливонских рыцарей, захватившими псковские и новгородские земли. 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера произошло решительное сражение, окончившееся полным разгромом захватчиков, — знаменитое Ледовое побоище.

Понимая бесполезность в обстоятельствах того времени военных выступлений против Золотой Орды, Александр Невский поддерживал мирные отношения с ханом Золотой Орды, проводя политику объединения земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси и укрепления великокняжеской власти. Он несколько раз ездил в Орду, сумел добиться освобождения русских от обязанности поставлять войска монголо-татарским ханам. Александр Невский широко опирался на силы простого народа при защите русских земель от внешних врагов, что, однако, не мешало ему жестоко подавлять антифеодальные выступления народных масс (разгром восстания в Новгороде в 1259 г.).

Александру Невскому как мудрому государственному деятелю и великому полководцу и посвящена «Повесть о житии Александра Невского». Произведение это было написано в Рождественском монастыре во Владимире, где был погребен князь (умер он, возвращаясь из поездки в Орду)¹. По композиции,

¹ При Петре I останки Александра Невского были перенесены в Петербург.

манере описания военных столкновений, отдельным стилистическим приемам и некоторым фразеологизмам «Повесть о житии Александра Невского» близка к «Летописцу Даниила Галицкого». По убедительному предположению Д. С. Лихачева, это объясняется тем, что в создании обоих произведений принимал участие митрополит Кирилл. «Вне всякого сомнения,— пишет исследователь,— Кирилл имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и автором, но, вернее всего, он заказал житие кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников»¹. То, что Кирилл имел отношение к составлению «Летописца Даниила Галицкого», обстоятельно аргументировано Л. В. Черепниным². Митрополит умер в 1280 г., и, следовательно, время возникновения «Повести о житии Александра Невского» нужно относить к периоду между 1263—1280 гг.

Наряду со сходством «Повести о житии Александра Невского» с «Летописцем Даниила Галицкого» между этими произведениями имеется и существенное жанровое отличие: жизнеописание Александра Невского — произведение агиографического жанра³. Это нашло отражение в целом ряде характерных особенностей произведения. Во-первых, в предисловии, в соответствии с канонами жанра, автор говорит о себе с подчеркнутым самоуничижением, употребляя при этом этикетные формулировки: «Аз (я), худый и многогрешный, мало съмысля, покушаюся (осмеливаюсь) писати житие святого князя Александра...»⁴. Во-вторых, в духе агиографии автор сообщал в начале своего повествования о рождении и родителях Александра: «Родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава, и от матере Феодосии». В-третьих, ярко выраженный агиографический характер носит рассказ о чуде, свершившемся после смерти Александра. Наконец, в самом тексте произведения постоянно делаются отступления церковно-риторического характера, приводятся молитвы князя.

Рассказ об Александре Невском должен был показать, что, несмотря на подчинение русских княжеств монголо-татарам, на Руси остались князья, мужество и мудрость которых могут противостоять врагам Русской земли, а их воинская доблесть внушает страх и уважение окружающим народам. Даже Батый

¹ Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1947, т. V, с. 52.

² См.: Черепнин Л. В. «Летописец Даниила Галицкого», с. 245—252.

³ Необычное для житий сочетание в «Повести о житии Александра Невского» элементов воинского повествования с церковно-религиозными послужило основанием гипотезы, согласно которой считается, что в основе дошедшего до нас текста «Повести о житии Александра Невского» лежит светская биография князя. Однако попытки выделить из дошедших текстов эту светскую биографию успехом не увенчались.

⁴ Текст цитируется по изданию: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 159—180.

признает величие Александра. Он призывает Александра в Орду: «Александр, веси ли, яко бог покори ми многыя языки (народы)? Ты ли един не хоцещи покоритесе силе моеи! Но аще хоцещи съблести (сохранить) землю свою, то скоро прииди к мне, и узриши честь царства моего». Встретившись с Александром, Батый говорит своим вельможам: «Воистинну ми скажете, яко несть подобна сему князю».

Автор «Повести о житии», — о чем он прямо говорит в начале своего рассказа, — знал князя, был свидетелем его государственных дел и ратных подвигов: «Самовидец есмь възраста (жизни) его». Агиографы часто пишут в своих произведениях о том, откуда они почерпнули сведения о жизни героя своего повествования. Но в такого рода сообщениях автор жития, как правило, говорит о реальном положении вещей: о святом он узнал либо из рассказов современников святого, либо из сохранившихся записей о нем, либо из более раннего жития этого святого, либо как его современник или ученик. Наиболее редко в житийных текстах встречается сообщение автора, что он сам знал святого; а формулировка «Повести о житии Александра Невского» — «самовидец есмь...» — ни в каком другом житии не зафиксирована. Поэтому у нас есть все основания видеть в этой фразе «Повести» документальное сообщение, очевидно объясняемое причастностью митрополита Кирилла к составлению «Повести».

И реальный образ героя, близкий автору, и задачи, поставленные автором в своем произведении, придали агиографическому памятнику особый воинский колорит. Чувство живой симпатии рассказчика к Александру Невскому, преклонение перед его ратной и государственной деятельностью обусловили особую искренность и лиричность «Повести о житии Александра Невского»¹.

Характеристики Александра Невского в «Повести о житии» очень разноплановы. В соответствии с житийными канонами подчеркиваются его «церковные добродетели». Автор говорит, что о князьях, подобных Александру Невскому, пророк Исаия сказал: «Князь благ в странах — тих, уветлив, кроток, сьмерен — по образу божию естъ». Он «бе бо иереелюбець и мьнихолюбець, и нищая любя. Митрополита же и епископы чтяше и послушаше их, аки самого Христа».

И в то же время Александр, величественный и прекрасный внешне, мужественный и непобедимый полководец: «Взор его паче инех человек (образ его красивее всех других людей), и глас его — аки труба в народе», «не обретесе противник ему в брани никогда же». В своих воинских действиях Александр стремителен, самоотвержен и беспощаден. Получив известие о приходе на Неву шведов, Александр, «разгоресе сердцем», «в мале дружине» устремляется на врага. Он так спешит, что ему неког-

¹ См.: Еремин И. П. «Житие Александра Невского». — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, с. 355.

да «послати весть к отцю своему», а новгородцы не успевают собрать свои силы в помощь князю. Стремительность Александра, его полководческая удаля характерны для всех эпизодов, в которых говорится о ратных подвигах князя. Здесь он предстает перед читателем как эпический герой.

Объединение в одном повествовании подчеркнуто «церковного» и еще ярче выражающегося «светского» плана — стилистическая особенность, оригинальность «Повести о житии Александра Невского». Несмотря, однако, на эту разноплановость и, казалось бы, даже противоречивость характеристик Александра, образ его целен. Цельность эта создается лирическим отношением автора к своему герою, тем, что Александр для автора не только герой-полководец, но и мудрый государственный деятель. Для врагов Русской земли он страшен и беспощаден: «жены моавитьския» (здесь татарские) пугают своих детей, говоря — Александр едет!» В своей же земле князь Александр — «сироте и вдовици в правду судяй, милостилюбець, благ домочадцемь своим». Это идеал мудрого князя — правителя и полководца.

В эпизоде «Повести о житии», посвященном битве на Неве, рассказывается об отличившихся в сражении шести героях, которые «крепко мужествоваша (бились)» рядом с Александром Невским. Первый из них, Гаврило Алексич, въехал на коне по сходням на неприятельский корабль, упал вместе с конем в Неву, выбрался целым на берег и продолжал сражаться. Второй, новгородец Збыслав Якунович, перебил несметное число врагов боевым топором. Третий, половчанин Яков, разил неприятеля мечом. Четвертый, новгородец Миша, «погуби три корабли римлян (шведов)». Пятый, «от молодых людей, именем Сава», обрушил «шатер великий златоверхий» предводителя шведов, «полцы же Александровы, видевшя падение шатерное, возрадовашася». Шестой, Ратмир, сражавшийся пешим, умер «от многих ран».

В основу этого рассказа «Повести о житии», по-видимому, легло устно-эпическое предание о битве на берегах Невы, может быть, какая-нибудь героическая песня о шести храбрецах. Включение такого рассказа в житийный текст было обусловлено героико-эпическим характером этого агиографического памятника. Но все же специфика жанра дала себя знать и в этом эпизоде — автор «Повести о житии» лишь перечислил имена героев и кратко, в одной-двух фразах, сообщил о подвиге каждого из них.

Особой торжественностью и вместе с тем искренней лиричностью пронизана заключительная часть «Повести о житии» — рассказ о последних днях князя и о его смерти.

Александр поехал в Орду к хану, «дабы отмолити людии от беды», так как для русских людей в это время случилась «нужда велика от иноплеменник» — «веляще с собою воиньствовати». Как уже отмечалось выше, Александру удалось добиться освобождения русских от обязанности входить в воинские силы монголо-татар. Сообщив о том, что по дороге из Орды князь

заболел, автор, прежде чем написать о смерти князя, изливает свои чувства в горестном восклицании: «О, горе тебе, бедный человек! Как можешь написать кончину господина своего! Как не упадет твоя зеница (как не упадут у тебя очи) вкупе (вместе) с слезами! Как же не урвется (оторвется) сердце твое от кореня! Отца бо оставит человек может, а добра господина не мощно (невозможно) оставит: аще бы лзе (если бы можно было), и в гроб бы лезл с ним!» После сообщения о дне смерти Александра приводятся слова митрополита Кирилла и суздальцев, когда до них дошла горестная весть: «Митрополит же Кирил глаголаше: «Чада моя, разумеете, яко уже зайде солнце земли Суздальской! Уже бо не обрящется таковой князь ни един в земли Суздальстей!» Иереи и диаконы, черноризци, нищие и богати, и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемь!»

Завершается «Повесть о житии» рассказом о «дивном» и «достойном памяти» чуде, якобы свершившемся во время погребения князя. Когда мертвому Александру хотели вложить в руку «прощальную грамоту», то он «сам, аки жив суци, распростер руку свою и взят грамоту от руки митрополита».

Автор «Повести о житии Александра Невского», несмотря на агнографический характер создаваемого им произведения, описывая ратные подвиги князя, широко пользовался и воинскими эпическими преданиями, и средствами поэтики воинских повестей. Это дало ему возможность воспроизвести в агнографическом памятнике яркий образ князя — защитника родины, полководца, воина. И вплоть до XVI в. «Повесть о житии Александра Невского» являлась своего рода эталоном для изображения русских князей при описании их воинских подвигов.

«Житие Михаила Черниговского». Рассматривая летописание Ростова, мы говорили о том, что в летописном своде 1263 г. княгини Марьи среди рассказов о мученической кончине русских князей во время батыевщины имелась запись об убийстве в 1246 г. в Орде отца Марьи, черниговского князя Михаила Всеволодовича. Еще при жизни княгини Марьи (она умерла в 1271 г.), помимо летописной записи, было составлено краткое проложное житие¹ — сказание об убийстве в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора².

После «нахождения иноплеменик на землю Русьскую», рассказывалось в этом проложном «Житии», русских князей «начаша звати» на поклон к Батюю в Орду³. Там русских князей заставляли «ити сквозе огонь (проходить между горящими кострами) и кланятися солнцю и идолем»⁴.

¹ Прологом назывались сборники житийных и нравственно-учительных сочинений и слов, которые располагались по дням каждого месяца. В прологи входили краткие редакции житий — проложные.

² Как считает Н. Серебрянский, ростовское краткое проложное «Житие Михаила Черниговского» было написано в то время, когда Марья с сыновьями установила церковное почитание Михаила и его боярина Феодора и построила в их честь церковь в Ростове. См.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 111.

³ Текст цитируется по изданию: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. Приложения, с. 50—51.

⁴ Обряд прохождения между горящими кострами был обязательным для всех чужеземцев, приходивших в Орду. Это был особый ритуал: считалось, что тот, кто прошел невредимо меж горящих огней, не мог причинить вреда хану.

Явившийся в Орду по приказанию Батия черниговский князь также должен исполнить этот обряд. Михаил готов поклониться Батюю, «понеже (так как), — говорит он, — поручи ему бог царство света сего», но проходить между огнями и кланяться татарским богам он отказывается, ибо считает это надруганием над христианской верой. За это вельможа Батия Елдега велит «мучити» князя «различными муками» и отрубить ему голову. Подвигу своего господина последует сопровождавший его в Орду боярин Феодор. Гибель в Орде князя и боярина трактуется в «Житии» как подвиг и страдание за веру. Заканчивается рассказ сообщением о том, как княгиня Марья с сыновьями строит церковь, и призывом к святым молиться за ростовских князей, внуков Михаила, Бориса и Глеба, и «мирно державу царствия их управити на многа лета и от мужа (гнета) сея поганых избавита».

Это краткое проложное житие легло в основу целого ряда последующих пространных редакций «Жития Михаила Черниговского». Первая из этих редакций, автором которой в заглавии назван «отец» (т. е. священник) Андрей, была составлена не позже конца XIII — начала XIV в. В редакции Андрея появляется ряд подробностей, детализирующих и дополняющих приведенный выше сюжет, весь рассказ принимает бóльшую драматичность и психологичность.

Вот как, например, передается здесь кульминационный эпизод «Жития» — рассказ о нежелании князя Михаила выполнить языческий обряд. В то время когда в Орду приходит Михаил Всеволодович, повествует Андрей, там находится его внук, ростовский князь Борис, и много других русских. Все они уговаривают черниговского князя подчиниться воле Батия, обещая принять за князя церковную епитимью¹. Боярин Феодор опасается, что уговоры поколеблют решимость князя пострадать за веру: вспомнив «женьскую любовь (любовь жены) и детей ласкание», князь уступит и подчинится требованиям хана². Но Михаил тверд и решает выполнить свой долг до конца. Сняв с себя княжеский нарядный плащ, Михаил швыряет его в ноги уговаривающих и восклицает: «Примите славу света сего, ея же вы хотите». В это время к остановившимся у ритуальных костров Михаилу и Феодору приближается посланный от Батия Елдега. Он передает князю слова хана, что если князь пройдет сквозь огонь и поклонится его богам, то останется жив и вернется на свое княжение, если же нет, то умрет. Слыша отказ Михаила, Елдега говорит князю: «Михайле, ведая буди (знай) — мертв еси!» Далее с драматическими подробностями рассказывается, как зверски были убиты Михаил и Феодор.

Уже в своем кратком, проложном виде «Житие Михаила Черниговского» было не отвлеченным повествованием о страдании святого за веру, а рассказом о гибели за свои религиозные убеждения русского князя в Орде. Гибель за веру в тех условиях имела характер политического протеста. Усложнение в пространной редакции драматичности сюжета, введение новых подробностей, замедляющих развитие действия, делало этот памятник еще более животрепещущим рассказом о жестокости поработителей и непреклонной гордости русского князя, который жертвует жизнью за честь своей земли. Такой рассказ имел огромное патриотическое значение: он призывал быть непримиримым с монголо-татарскими захватчиками, прославлял, возводя в сан святых, тех, кто не шел на компромисс с ними.

«Жития» подвижников церкви. Жития подвижников церкви, написанные во второй половине XIII в., могут быть охарактеризованы в целом как памятники, строго следующие канонам житийного жанра, чем княжеские жития того же периода. Образцами здесь могут служить «Житие Авраамия Смоленского», составленное неким Ефремом в середине XIII в., и первая редакция «Жития

¹ *Епитимья* — церковное наказание в виде поста, земных поклонов, паломничества и т. п., налагаемое церковью, реже самим верующим на себя после совершения греха, чтобы замолить, искупить грех покаянием.

² Текст цитируется по изданию: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. Приложения, с. 55—58.

Варлаама Хутынского», датируемая второй половиной — концом XIII в. (автор неизвестен).

«Житие Авраамия Смоленского» начинается с риторического вступления общего характера и заканчивается столь же риторической похвалой святому. О себе автор «Жития» говорит с соблюдением всех формул авторского самоуничтожения. О фактах биографии Авраамия Ефрем рассказывает отвлеченно и обобщенно, пользуясь агиографическими штампами, хотя он был учеником Авраамия и мог слышать о его жизненном пути от него самого. В соответствии с этими стилистическими штампами автор пишет, что Авраамий родился «от верну родителю», что в юности он «на игры с иними не исхожааше», что в монастыре он пребывал «в труде и в бдении и в алкании день и ночь» и т. п.¹

Основное содержание «Жития Авраамия Смоленского» — рассказ о его проповеднической деятельности в Смоленске и о его столкновениях с местным духовенством и жителями Смоленска. Об этих важных не только в жизни Авраамия, но и города вообще событиях рассказано намеками, иносказательно. Решить из этого рассказа, почему Авраамий вызвал к себе такую неприязнь и духовенства, и смолян, каким образом ему удалось избежать нависшей над ним угрозы физической расправы, невозможно. Тем не менее факт этих внутрицерковных распрей очень важен. Он указывает, что сама церковь была далеко не едина.

«Житие Варлаама Хутынского», посвященное основателю Хутынского монастыря под Новгородом Варлааму, в сжатой форме сообщает основные сведения о жизненном пути этого новгородца (в миру Варлаам — боярин Алексей Михайлович). И как характерную черту житийного жанра необходимо отметить следующее. «Житие Варлаама Хутынского» писалось агиографом-новгородцем, это житие иного типа, чем смоленское житие, — оно очень краткое. И, несмотря на это, в «Житии Варлаама Хутынского» употребляются такие же агиографические общие места, как и в «Житии Авраамия Смоленского».

В то время, когда составлялась первая редакция «Жития Варлаама Хутынского», в устной традиции в Новгороде бытовали легендарные рассказы о Варлааме сказочно-новеллистического характера. Но в письменный житийный текст такие рассказы стали включаться позже — в последующие редакции этого «Жития». В XIII в. в житие церковного подвижника эпизоды бытового, сказочно-легендарного характера агиограф включать еще не решался².

В период нашествия Батыя и установления монголо-татарского ига основной отличительной чертой русской литературы был ее высокий патриотизм. И летописцы, и Серапион Владимирский, и агиографы видели в победе монголо-татар божью кару, которая постигла русских людей за грехи перед богом. Но из рассказов тех же летописцев о батыевщине, из «Повести о разорении Рязани Батыем» становится очевидным, что в сознании народа путь к спасению от насилий врага виделся не в покаянии и молитвах, а в активной борьбе. Поэтому в литературе рассмотренного периода ярко проявился героический характер. В летописных повестях, в «Повести о житии Александра Невского» и особенно в «Повести о разорении Рязани Батыем» силе и жестокости врага противопоставлены воинская удаль и беспредельная храбрость

¹ Текст цитируется по изданию: Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. Спб., 1912., с. 1—24.

² Подробнее см.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

русских воинов, мужество и самоотверженность всех русских людей.

Вторая основная тема литературы всего XIII в. — идея сильной княжеской власти. В годы борьбы с внешним врагом и усиления феодального дробления эта тема также имела большое национально-патриотическое значение: вопрос о сильном князе, который мог бы возглавить борьбу с внешними врагами, имел важнейшее значение для дальнейших судеб Русского государства. В Золотой Орде с конца XIII в. стал развиваться процесс распада единовластия. На Руси же, хотя и очень медленно, происходило обратное явление — шло образование единого государства. Начало этому процессу было заложено в годы феодальной раздробленности и монголо-татарского ига. Прогрессивную роль в развитии этого процесса играли памятники литературы, посвященные теме сильной княжеской власти.

В XIII в. продолжалось развитие традиционных жанров древнерусской литературы. В летописные своды еще более интенсивно, чем в XII в., включаются повести, которые, хотя и подчинены всему содержанию летописи, вместе с тем носят законченный сюжетный характер сами по себе. Это летописные повести о борьбе с монголо-татарами, о гибели русских князей в Орде, похвалы князьям. В традициях жанра создаются жития святых — подвижников церкви. Одновременно с этим возникает ряд произведений, которые выходят за традиционные жанровые рамки.

Д. С. Лихачев отмечает, что «новые жанры образуются по большей части на стыке фольклора и литературы»¹. Полулитературный-полуфольклорный характер носят «Слово о погибели Русской земли» и «Моление Даниила Заточника». Оба эти произведения невозможно соотнести с традиционными жанрами.

«Летописец Даниила Галицкого» отличается рядом таких особенностей, которые ставят его в особое положение среди летописных памятников — это не столько летопись, сколько княжеское жизнеописание.

«Повесть о житии Александра Невского» по основным жанровым признакам относится к агиографическому жанру. Но во многих отношениях она вырывается из жанровых канонов, сближаясь с жанром княжеских жизнеописаний и непосредственно с «Летописцем Даниила Галицкого».

«Повесть о разорении Рязани Батыем» входит в цикл повестей о Николе Заразском, который, по словам Д. С. Лихачева, близок по своему характеру к летописным сводам: «Он носит характер «свода» — в данном случае «свода» различных рязанских повестей, разновремененно сложившихся и разновремененно связанных с иконою Николы Заразского»². Но это уже не летопись, не лето-

¹ Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков. — «Русская литература», 1972, № 2, с. 13.

² Лихачев Д. С. «Повести о Николе Заразском». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1949, т. VII, с. 257.

писный свод, и схожесть его с летописанием главным образом проявляется внешне. Вместе с тем и все в целом, и в отдельных своих составных частях это произведение не может быть названо и исторической повестью, хотя основная, центральная часть цикла — «Повесть о разорении Рязани Батыем» — посвящена важному историческому событию. Перед нами как бы только еще созревающая самостоятельная историческая повесть, уже «оторвавшаяся» от летописи, но чем-то еще и связанная с нею. И в этом жанровая особенность, жанровая новизна «Повести о разорении Рязани Батыем».

Мы можем сказать, таким образом, что в XIII в. в литературном процессе происходит интенсивное образование новых явлений в недрах этих традиционных жанров. И наиболее яркие памятники этого периода, хотя они еще многими нитями связаны с канонами традиционных жанров, по существу, представляют собой уже новые жанровые явления.

ЛИТЕРАТУРА

Тексты. Текст Галицко-Вольнской летописи см. в изданиях Ипатьевской летописи (ПСРЛ, т. II. Спб. 1908, М., 1962); Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932; Повесть о битве на Калке. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.

Исследования. Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — Исторические записки, 1941, № 12. Воронин Н. Н. Даниил Заточник. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; Гудзий Н. К. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? — Сб. статей, к 40-летию уч. деят. А. С. Орлова. Л., 1934; Гуссов В. М. Историческая основа «Моления Даниила Заточника». — «ТОДРЛ», М.—Л., 1949; т. VII; Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1954; т. X; Скрипиль М. О. Слово Даниила Заточника. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1955; т. XI; См. также разделы о Данииле Заточнике в кн.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.—Л., 1966; Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1949; т. VII; Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском». Исследование и тексты. — СОРЯС, т. XCIX, № 8. Пг., 1922.

«Слово о погибели Русской земли»

Тексты и исследования. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965; Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Русская земли». — «ТОДРЛ», М.—Л., 1956; т. XII; Данилов В. В. «Слово о погибели Русская земли» как произведение художественное. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1960; т. XVI; Мещерский Н. А. К реконструкции текста «Слова о погибели Русская земли». — «Вести. Ленингр. ун-та. Сер. яз. и лит.», 1963, № 14, вып. 3; Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Русская земли». — «ТОДРЛ», М.—Л., 1958; т. XV; Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли». — «ТОДРЛ», М.—Л., 1951, т. VIII.

«Повесть о разорении Рязани Батыем»

Текст и исследования. Лихачев Д. С. Повести о Николае Зарзском (тексты). — «ТОДРЛ», М.—Л., 1949; т. VII; Воинские повести Древней

Руси. М.—Л., 1949; Комарович В. Л. К литературной истории повести о Николе Заразском.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1947; т. V; Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века.— В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961; Путилов Б. Н. Песня о Евпатии Коловрате.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1955; т. XI.

Сочинения Серапиона Владимирского

Тексты и исследования. Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. Спб., 1888; Гудзий Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? — «ИОЛЯ», г. XI. М., 1952, вып. 5; Колобанов В. А. Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского. Автореф. дис. на соиск. учен. степени. канд. филол. наук. Л.—Владимир, 1962.

«Житие Александра Невского»

Тексты. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965; Мансикка В. «Житие Александра Невского». Разбор редакций и текст. Спб., 1913.

Исследования. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915; Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1947, т. V.

«Житие Михаила Черниговского»

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

«Житие Авраамия Смоленского»

Жития Авраамия Смоленского и службы ему. Подготовил к печати С. П. Розанов. Спб., 1912; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Глава 3. ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XIV — ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКА

В XIV в., как и в предшествующем периоде, между русскими княжествами продолжается ожесточенная борьба за политическое и экономическое первенство. Междоусобные распри были выгодны для Орды, так как они подрывали силы, могущие противостоять гнету завоевателей. Ордынские ханы разжигали эту внутреннюю борьбу между русскими князьями, использовали ее для подавления стихийно вспыхивающих народных восстаний против поработителей.

Князь, вступавший на княжеский стол, должен был получить на это санкцию в Орде — ярлык (специальный письменный документ) на княжение. Русский князь, получавший ярлык на княжение в великом княжестве Владимирском, являлся старшим среди остальных русских князей. Соперничество за великокняжеский ярлык, происходившее между наиболее сильными в политическом и экономическом отношении князьями, подчас сопровождалось убийствами в Орде одного из соперников, и неоднократно бывало, что виновником гибели русского князя в Орде становился его же соотечественник.

К концу XIII — началу XIV в. в Северо-Восточной Руси в число наиболее сильных выдвигается Московское княжество. Московские князья энергично вступают в борьбу за первенство среди русских князей, а в связи с этим — и за титул великого князя Владимирского. Основными соперниками в этой борьбе в начале XIV в. были тверские и московские князья. В условиях господства церковной идеологии большое значение для них имела поддержка церкви. Наибольшего успеха в укреплении союза с церковью добилась Москва. В 20-х гг. XIV в. при московском князе Иване Даниловиче Калите митрополит всея Руси Петр переехал из Владимира в Москву. Москва становится церковным центром всех русских земель.

Монголо-татарское иго тормозило политическое и социально-экономическое развитие страны, но не могло остановить исторического процесса.

В конце XIII — начале XIV в. начинается постепенное возрождение ремесленного производства, восстанавливается и расширяется торговля между городом и деревней, происходит рост торгово-ремесленных посадов. Эти процессы обуславливают расцвет строительного дела на Руси в XIV в., особенно в середине —

конце этого столетия. Каменные храмы и крепостные сооружения строятся в Новгороде, Пскове, Твери. В 1326 г. начинается каменное строительство в Москве. При Иване Калите в Кремле строится сразу четыре каменных храма. В 1366–1367 г. сооружается белокаменная стена Московского кремля.

Возрождается и книгописная деятельность, сильно подорванная монголо-татарским нашествием: во время разгрома захватчиками русских городов погибло множество рукописных книг, монголо-татарское иго привело к падению грамотности среди населения. Возрождению книжной культуры благоприятствовало появление на Руси во второй половине — конце XIV в. бумаги, более дешевого писчего материала, чем существовавший до этого пергамен.

К началу XIV в. начинают восстанавливаться прерванные сношения русских земель с иными странами. Вновь возрождается паломничество в Иерусалим и Константинополь, в связи с этим оживает и популярный в Древней Руси жанр «хождений» — описаний путешествий и посещаемых паломниками мест.

В период, когда Русью владели монголо-татары, когда чужеземное иго стало явлением постоянным, почти обыденным, стиль монументального историзма продолжает свое существование, но это существование не ознаменовано ни расцветом, ни сколько-нибудь большими и яркими отдельными проявлениями.

Вообще следует сказать, что в литературах средневекового традиционалистского типа (т. е. литературах, в которых традиция и литературный этикет играют доминирующую роль) смена литературных стилей не происходит «катастрофически», в какой-то строго определенный промежуток времени, как это имеет место в литературах нового времени. Литературные стили в средневековых литературах вообще не сменяют друг друга, а постепенно вырастают друг из друга. Черты нового стиля медленно развиваются в недрах старого.

В XIV в. усиливается проникновение в русские литературные произведения эмоциональности. Если в предшествующий период в произведениях о монголо-татарском нашествии вторгалась сильная и величественная эмоциональность, соединявшаяся в этих произведениях с эпической грандиозностью трагичных событий, и создавалась своеобразная «монументальная эмоциональность», то теперь, в эпоху томительного и повседневного чужеземного угнетения, когда, по выражению летописца, и «хлеб не шел в рот от страха», лирическое, эмоциональное начало соединяется с менее крупными темами — темами, в которых говорилось о тех или иных событиях «устоявшегося» иноземного владычества: о мужестве отдельных людей, погибавших в Орде за свое отечество и веру, о народных восстаниях. Все большее место занимает в литературе мечта о лучшей жизни, о далеких счастливых странах, о существующем где-то земном рае. Эмоциональность входит в литературу также и с пробуждающимся интересом к близким

событиям настоящего, с местными, областными темами. Неизбежно монументализм, столь характерный для предшествующего периода, утрачивает свою основу в самом содержании произведений, проявляется слабее, не отличается уже такой последовательностью и единством стилевого выражения, как раньше.

1. ЛЕТОПИСАНИЕ

В характере летописания каких-либо существенных изменений или новых явлений в это время, по сравнению с предшествующим, не происходит. Началом XIV в. датируется Синодальный список Новгородской первой летописи — свод нескольких более ранних летописей Новгорода, пополненный записями до времени составления Синодального списка (это древнейший из сохранившихся списков русских летописей; второй по древности список — Лаврентьевская летопись 1377 г.). В конце XIII — первой половине XIV в. возникают новые летописные центры. С конца XIII в. начинают вестись летописные записи в Твери и Пскове, а в 20-х гг. XIV в. зарождается летописание в Москве.

Тверское летописание. Возникновение летописания в Твери связано с постройкой здесь в 1285 г. патронального храма — белокаменного собора Спаса-Преображения. В годы политического расцвета Твери тверское летописание велось интенсивно, в годы политических неурядиц оно замирало или прекращалось совсем. Летописание Твери отразилось в так называемом Тверском сборнике и Рогожском летописце¹.

В основе реально дошедших до нас Тверского сборника и Рогожского летописца лежит Тверской свод, составленный в 1375 г. (Как этот свод, так и другие тверские своды восстановлены историками летописания гипотетически, на том основании, что до 1375 г. доходит общий тверской текст Рогожского летописца и Тверского сборника). Своду 1375 г. предшествовали ранее создававшиеся в Твери летописные своды, первоначальным источником которых был Свод, составленный в 1305 г., когда тверской князь Михаил Ярославич, первый из князей, носивших титул «великого князя всея Руси», получил великокняжеский стол во Владимире. Для памятников тверского летописания характерен особый интерес к темам борьбы с чужеземным насилием.

В истории русского летописания особо важное место занимает свод 1305 г., в котором соединились летописные своды и южной и Северо-Восточной Руси (Переяславля Русского, Владимира,

¹ См.: ПСРЛ, т. XV. М., 1965. Очерк истории тверского летописания см.: Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — «Изв. АН СССР. Отдел. гуманитар. наук», 1930, т. VII: № 9, с. 709—738; № 10, с. 739—772. Позже Насонов обнаружил третий памятник тверского летописания — летописный фрагмент за 1318—1348 гг. См.: Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, с. 30—40.

Ростова, Твери). «По отношению к последующему летописанию... — отмечает Я. С. Лурье, — свод 1305 г. выступает как некое единое ядро, основа всего летописного изложения с древнейших времен до начала XIV в.»¹. Текст свода 1305 г. дошел до нас в копии 1377 г., сделанной с него для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича в так называемой Лаврентьевской летописи.

Псковское летописание. Псковское летописание, дошедшее до нас, относится ко времени не ранее конца XV в. Но какой-то псковский летописный свод уже отразился на общерусском летописании середины XV в. (в так называемом своде 1448 г., см. с. 212). Это свидетельствует о существовании летописания в Пскове в более ранний период, чем дошедшие до нас псковские летописи. Исследователи относят время возникновения местного псковского летописания ко второй половине XIII — началу XIV в.

Книжная культура Пскова этого времени стояла на достаточно высоком уровне. Это объясняется культурными связями Пскова с Новгородом и соседством Пскова с Литовско-Русским государством. Последнее обстоятельство способствовало проникновению в Псков памятников письменности Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества. Убедительным свидетельством знакомства псковских книжников с литературой Киевской Руси является запись писца псковского Пантелеймоновского монастыря Домида 1307 г. в переписанном им «Апостоле» (книге апостольских деяний и посланий) с цитатой из «Слова о полку Игореве». Приписка Домида отражает одну специфическую особенность псковской письменности вообще: псковичи-переписчики имели обыкновение делать на полях переписываемых текстов разнообразные житейско-бытовые записи. При этом их не стесняло то, что записи, отражающие заурядные интересы повседневного быта, делались на богослужебных книгах. Писец-пскович, замечает академик А. С. Орлов, писал «о перерыве работы для ужина, о том, что одолела короста («ох, свербить!») и нужно сходить в баню, «полести мыться», или что надо «поехать пит в Зряковици» (подгородное псковское село), или же, что «родиша свиния порошата (поросят) на память Варвары (в день памяти Варвары)...»² и пр.

Эти специфические черты псковской письменности — связь с новгородской литературой, знакомство с южно- и западно-русскими литературами и литовской книжностью, своеобразный демократизм и интерес к повседневным обыденным явлениям жизни — определили особенности построения и стиля псковских летописей³.

¹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 34.

² Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937, с. 230—231.

³ См.: Адрианова-Перетц В. П. Литература Пскова XIII—XIV вв. Летопись. — В кн.: «ИРЛ», т. II, ч. I. М.—Л., 1945, с. 134—138.

Летописание Пскова носило светский и официальный характер, хотя центром летописной работы был патрональный храм города — Троицкая церковь, велось летописание в посадничьей избе, хранилась летопись в так называемом *ларе* — церковном архиве¹. Но это было не столько церковное, сколько гражданское учреждение древнего Пскова: в ларе хранились документы города и частных лиц, всевозможные донесения и т. п. Все эти материалы привлекались при составлении летописных записей. Это придавало псковской летописи деловой, практический характер. В ее содержании и стиле церковно-религиозные мотивы занимают мало места. Псковская летопись в основном состоит из лаконичных официально-документальных записей (например: «В лето 6811 (1303). Бысть зима тепла без снега, и бысть хлеб дорог велми. Того же лета Изборск поставлен бысть на новом месте»²). Наряду с такими записями встречаются, хотя и реже, более подробные по содержанию описания военных столкновений Пскова с внешними врагами.

Летописание Москвы. Зарождение летописания в Москве связано с именами князя Ивана Даниловича Калиты и митрополита Петра. Составление первого Московского летописного свода предположительно датируется 1340 г. В его основу легли записи семейного «Летописца» Ивана Калиты (первая запись этого «Летописца» — о рождении сына Калиты Семена в 1317 г.) и «Летописца» митрополита Петра, переехавшего в Москву из Владимира³.

Привезенный Петром «Летописец» продолжал вестись при Успенском соборе, который был заложен Петром в 1326 г. и в котором он по собственному завещанию был погребен (умер Петр в конце 1326 г., а строительство собора было окончено в 1327 г.). Таков начальный этап московского летописания. Общерусский характер московское летописание начнет приобретать в конце XIV—первой половине XV в.

«Повесть о Шевкале». «Повесть о Шевкале» посвящена вспыхнувшему в 1327 г. в Твери восстанию против ханского баскака⁴ Чол-хана (Шевкала, Щелкана). Чол-хан был убит, а все ордынцы, находившиеся в это время в Твери, перебиты. «Повесть» дошла до нас в составе летописей и представлена несколькими видами. Кроме «Повести», этому же событию посвящена народная историческая песня о Щелкане Дуденьевиче.

Наиболее древний вид «Повести» читается в Рогожском ле-

¹ См.: Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. — «Исторические записки». М., 1946, № 18, с. 255—294.

² Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, с. 14.

³ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

⁴ *Баскаки* — чиновники, присылаемые из Орды в завоеванные монголотатарами русские города и княжества; они ведали сбором дани и учетом населения.

толице и в так называемом Тверском сборнике, т. е. в летописях, отразивших тверские летописные своды. «Повесть» включена в летопись механически — текст ее перебивается другими летописными записями, в соседствующих с ней летописных статьях встречаются дублирующие известия (т. е. повторные сообщения о тех же фактах). Это говорит о том, что первоначально «Повесть» существовала как самостоятельное произведение.

Начинается рассказ о Шевкале в «Повести» с сообщения о том, что князь Александр Михайлович Тверской получил в Орде ярлык на великое княжение Владимирское. Подстрекаемые дьяволом, татары стали говорить своему царю, что если он не убьет «князя Александра и всех князей русских», то не будет иметь «власти над ними»¹. Шевкал, «всему злу начальник» и «разоритель христианский», просит царя послать его на Русь, похваляясь перебить всех русских князей и привести в Орду «полон». «И повеле ему царь сътворити тако». Когда Шевкал пришел в Тверь, то прогнал князя «съ двора его, а сам ста на князя великаго дворе съ многою гръдостью и яростию, и въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением и битием и поруганием». Тверичи умоляют князя защитить их, но князь не решается перечить Шевкалу и призывает тверичей к терпению. Однако народ не желает мириться с насилием врага и ждет «подобна времени» (подходящего случая), чтобы выступить против врагов.

Однажды, «в день 15 августа месяца, в полутра, как торг сънимается» (т. е. рано утром, когда стали собираться на ярмарку люди из окрестных селений), у тверитина, дьякона, «прозвище ему Дудко», «татарове» отняли «кобылицу младу и зело тучну», которую он вел на водопой к Волге. Дудко «зело начат вопити (вопить)»: «О мужи тферстии, не выдавайте!» Этот вопль обиженного тверитянина послужил сигналом к восстанию против захватчиков: «и удариша въ вся колоколы, и сташа вечем, и поворотися (поднялся) град весь». Началось поголовное избиение татар, так что в городе не осталось даже «вестоноши» — вестника, который мог бы сообщить в Орду о побойше.

Однако известие о случившемся все же скоро дошло и до Москвы и до Орды. Татарские пастухи, которые пасли в поле за городом коней, «похватавше лучшие жеребци», успели спастись от разгневанных тверичей. Они-то и рассказали в Орде и Москве о гибели Шевкала. В отместку ордынский царь послал на Тверь рать во главе с воеводой Федорчуком. Тверь была разорена и разграблена, князь Александр Михайлович бежал в Псков.

Начало «Повести» — рассказ о том, как и почему Шевкал пошел на Тверь — по общему характеру и стилю отличается от ее основной части. Это позволяет предположить, что основная

¹ Текст цитируется по изданию: Рогожский летописец.— ПСРЛ, т. XV. М., 1965, стлб. 42—44.

часть «Повести» — рассказ о насилиях Шевкала и восстании — была написана раньше и представляла самостоятельный текст. Позже к нему было присоединено вступление.

Судя по тем подробностям, которые сообщаются в основной части «Повести», можно предполагать, что она восходит к устной преданию, записанному вскоре после восстания, возможно, со слов очевидца и непосредственного участника этих событий. По-видимому, устным, народным происхождением объясняется и трактовка в «Повести» позиции князя, который сам не решается выступить против насильников.

Помимо «Повести о Шевкале», дошедшей до нас в составе разных летописей, устная традиция сохранила и эпический отклик о народном восстании в 1327 г. против поработителей. Это историческая песня «О Шелкане Дудентьевиче». Песня эта также имеет несколько разновидностей.

Сопоставление между собой различных версий песни о Шелкане дает возможность составить представление о ее первоначальном виде, поставить вопрос об отношении песни к «Повести»¹. В песне, как и в различных видах «Повести», сохранились такие исторические припоминания, которые свидетельствуют о возникновении ее вскоре после самого события². Однако песня немного иначе, чем «Повесть», освещает их, в ней действуют другие персонажи. В песне защитниками города выступают удалые братья Борисовичи — тверской тысяцкий с братом³, а князь не упоминается вообще.

Песня, как и «Повесть», питается устными рассказами о Шевкале, но в том и другом случае рассказы эти происходят из разных источников. Поэтому ни непосредственной, ни опосредованной связи между повестями и песней нет. Совпадения же между ними объясняются тем, что в основе разных произведений лежит одно и то же историческое событие. «Повесть о Шевкале» древнего вида с исторической песней «О Шелкане Дудентьевиче» объединяет их отношение к восстанию против врагов: героем, восстающим против татар и сокрушающим захватчиков, в обоих произведениях выступает народ. И песня в этом отношении более последовательно и сильно выражает народную оценку события: враги в ней изображены с оттенком сатиричности, гибель Шелкана унизительна и позорна («Один ухватил за волосы, А другой за ноги, И тут ево разорвали»), а конец песни, вопреки исторической действительности, оптимистичен —

¹ Подробную характеристику различных версий песни и их сравнительный анализ см.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, с. 116—131.

² См.: Воронин Н. Н. «Песнь о Шелкане» и Тверское восстание 1327 г.— «Исторический журнал», 1944, № 9, с. 75—82.

³ См.: Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1939, № 36. Сер. ист. наук, с. 107. См. также статью Н. Н. Воронина «Песнь о Шелкане» и Тверское восстание 1327 г.».

никто за убийство Шелкана не пострадал: «Тут смерть ему случилась. Ни на ком не сыскалося»¹.

«Повесть о Шевкале» и песнь о Шелкане выражали народный протест против монголо-татарского гнета, свидетельствовали о нежелании трудового народа примириться с господством Орды. Само возникновение в эти годы такого рода литературных памятников и песен имело большое патриотическое значение.

2. АГИОГРАФИЯ

В первой половине XIV в. в агиографии, как и в летописании, должны быть отмечены те же явления, что и в предшествующий период. Пишутся и княжеские жития, и жития церковных деятелей. Княжеские жития продолжают традиции как героического типа этих житий (псковская «Повесть о Довмонте»), так и житий князей — страдальцев в Орде («Повесть о Михаиле Тверском»). Ко второму виду житий рассматриваемого времени относится одно из самых ранних произведений московской литературы — «Житие митрополита Петра».

«**Повесть о Довмонте**». В 1266 г. в Псков вместе с дружиной «и съ всем родом своим»² прибыл из Литвы князь Довмонт, бежавший оттуда в результате княжеских междоусобиц. В Пскове Довмонт крестился, приняв в крещении имя Тимофея, и стал псковским князем. Годы княжения Довмонта ознаменовались успешными действиями Пскова против Литвы и Немецкого ордена, исконных внешних врагов псковичей. После смерти (1299 г.) Довмонт-Тимофей за свои воинские подвиги был признан псковским святым. О княжении Довмонта в Пскове и его ратных подвигах и рассказывает повесть.

Каких-либо точных сведений о времени создания «Повести о Довмонте» у нас нет. Одни исследователи считают, что она была написана в начале XIV в.³, другие датируют ее второй половиной — концом XIV в.⁴.

«Повесть о Довмонте» входит в состав псковских летописей, но трудно сказать, предназначалась ли она с самого начала для летописи или же была включена туда позже. Однако есть все основания предполагать, что «Повесть» писалась в тех же книжно-литературных кругах, в которых велось псковское летописание. Это видно из того, что между «Повестью» и развернутыми летописными рассказами о воинских деяниях псковичей есть много общего в стиле и приемах описания.

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, с. 32.

² Текст цитируется по изданию: Псковские летописи. М., 1955, вып. 2, с. 82—87.

³ См.: Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. Спб., 1858, с. 44—93.

⁴ См.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, с. 274.

Невское сражение 1240 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. (ГПБ).

Отдельные образы, целые куски текста «Повести о Довмонте» восходят к «Повести о житии Александра Невского». На этом основании исследователь «Повести о Довмонте» Н. Серебрянский считал, что она всего лишь «хорошая литературная копия с очень хорошего оригинала, самостоятельного же литературного значения житие Довмонта почти не имеет»¹. С таким мнением нельзя согласиться. Использование в оригинальном произведении текстов других памятников на сходный сюжет — традиционный прием древне-

¹ См.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, с. 274.

русской литературы. Заимствуя отдельные образы, ситуации, отрывки текста из «Повести о житии Александра Невского» для описания подвигов своего героя, автор «Повести о Довмонте» лишь хотел особо возвеличить Довмонта, показать, что Довмонт и обликом своим, и деяниями подобен Александру Невскому. Вместе с тем «Повесть о Довмонте» во многих отношениях оригинальна и самобытна.

Первая половина повести, где описывается набег Довмонта, уже ставшего псковским князем, на Литву, битва под Раковором, сражение на реке Мироповне, не зависит от литературных образов и наполнена отзвуками героических преданий очевидцев и участников этих событий. В отдельных случаях мы можем ощутить устно-эпическое происхождение, героическо-песенную основу эпизодов «Повести». Это проявляется и в лексике, и в отдельных оборотах, и в ритмике повествования. Литовцы, погнавшиеся за Довмонтом, «хотяще его руками яти и лютой смерти предати, а мужи псковичи мечи иссечи». Обращаясь к псковичам перед сражением, когда ему впервые приходится выступать с ними против врагов, Довмонт говорит: «Братья мужи псковичи, кто стар, то отец, а кто млад той брат; слышал есмь мужество ваше во всех странах; се же братья нам предлежит живот (жизнь) и смерть; братья мужи псковичи, потягнете за святую Троицу¹ и за святыха церкви, за свое отечество».

«Повесть» проникнута воинской героикой, сдержанно, но с достоинством подчеркивает ратную доблесть псковичей. Наряду с поэтической приподнятостью для памятника характерна присутствующая псковской литературе деловитость и документальность. В тексте встречаются местные диалектные обороты, употребляются народно-поэтические эпитеты («ста шатры на бору чисте», «горы непроходимая», «малыа детки» и т. п.).

«Повесть о Довмонте» — яркий образец псковской литературы, оригинальное и самобытное произведение, которое вместе с тем тесно связано с литературой других княжеств Древней Руси.

«Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском». В ноябре 1318 г. в ходе политической борьбы между тверскими и московскими князьями за обладание Владимирским великокняжеским столом в Орде по проискам московского князя Юрия Даниловича был убит тверской князь Михаил Ярославич. Этому событию посвящена «Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском», написанная в конце 1319 — начале 1320 г. очевидцем гибели князя². Вероятнее всего, автором ее был игумен тверского Отроча монастыря Александр. Эта «Повесть» по своему характеру и жанру примыкает к рассмотренному нами «Житию Михаила Черниговского». Но если в «Житии Михаила Черниговского» подчеркивается

¹ Троицкий собор — патрональный храм Пскова.

² См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

религиозный характер подвига князя (он идет в Орду, чтобы обличить «нечестивую веру»), то в «Повести о Михаиле Ярославиче» причина гибели князя трактуется иначе.

Тверской князь, как и князь черниговский, отправляясь в Орду, знает, что там его ждет гибель, но он идет туда, чтобы отвратить ордынскую опасность, нависшую над его княжеством, пожертвовать собой ради блага своей земли. Когда бояре и сыновья князя, готовые пойти в Орду вместо него, предлагают Михаилу Ярославичу остаться дома, он говорит: «Видите, чада моя, яко не требует вас царь, детей моих, ни иного котораго, разве (кроме) мене, но моя главы хошеть. Аще бо аз где уклонюся, то вотчина моя вся в полону будеть и множество христиан избиени будуть, аще ли после того умрети же ми есть, то лучши ми есть ныне положити душу свою за многыя душа»¹.

Подвиг Михаила Ярославича носит гражданственный характер. В его образе предстал идеализированный князь-правитель. В противоположность Михаилу Тверскому московский князь Юрий Данилович выступал как союзник Орды и враг Тверской земли. Осуждение московского князя особенно заметно проявляется в последнем эпизоде рассказа о том, как был убит Михаил Тверской. К валяющемуся на земле обнаженному телу убитого князя подъезжают темник (военачальник) Кавгадый и Юрий Данилович. Кавгадый выступает в «Повести» как главный обвинитель и коварный враг князя. И вот, даже он, «виде тело наго повержено», «с яростию» говорит московскому князю: «Не брат ли ти старейши, как отец, да чему тако лежить тело его наго повержено?» (В Распространенной редакции «Повести» сказано еще резче: «лаяше с яростию».) Вкладывая в уста Кавгадыя осудительные слова в адрес Юрия, автор тем самым хотел подчеркнуть всю низость поступка московского князя.

Лаконичная концовка «Повести», соответствующая всему духу произведения, является той яркой деталью повествования, которая удачно подчеркивает основную мысль произведения и

¹ Текст цитируется по изданию: Софийская I летопись. — ПСРЛ, т. V. Спб., 1851, с. 207—215. Исследователь «Повести» В. А. Кучкин делит все ее тексты на два основных вида, один в составе летописей, второй в составе сборников. В составе летописей наиболее близкий к первоначальному виду «Повести» текст дошел до нас в Софийской I летописи старшего извода и в тверских летописях (Рогожском летописце и Тверском сборнике). «При этом, — пишет В. А. Кучкин, — «Повесть о смерти Михаила» в Софийской I летописи старшего извода сохранила более древние черты, чем текст Рогожского летописца» (с. 129). Однако, как доказал В. А. Кучкин, по отношению к «Повести» летописного вида первоначален текст из сборников, названный исследователем Пространной редакцией «Повести». В основной своей части Пространная редакция очень близка к тексту Софийской I летописи старшего извода. Так как Пространная редакция не опубликована, мы ссылаемся на текст Софийской I летописи, учитывая имеющиеся в книге В. А. Кучкина цитаты из рукописных списков Пространной редакции «Повести о Михаиле Тверском».

наглядно свидетельствует о его литературном совершенстве. Здесь рассказывается о перевозке тела Михаила: «И положиша его (князя Михаила) на велицей досце (на широкую доску), и възложиша на телегу, и увиша ужи (обвязали веревками) крепко, и превезоша за реку, рекомую Аджь, еже зовется (что по-русски значит) Горесть: горесть бо се ныне, братие, и есть в той час таковую видевши нужную (насильную) смерть господина своего князя Михаила».

Тверской рассказ о Михаиле Ярославиче своей темой и характером ее разработки не мог не волновать русского читателя.

Созданная в Твери «Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском» прочно вошла и в московское летописание. Но московские летописцы ощущали антимосковские тенденции «Повести» и от редакции к редакции своих летописей снимали или перерабатывали все то, что рисовало в невыгодном свете Юрия Даниловича, исключали антимосковские выпады автора. «Повесть о Михаиле Ярославиче» приобретала характер рассказа о гибели русского князя за Русскую землю в Орде, что в конечном счете соответствовало объективной исторической правде.

Первоначальная редакция «Жития митрополита Петра». «Житие митрополита Петра», вероятнее всего, было написано в первой половине 1327 г. автором, близким к митрополиту и великому князю московскому. Инициатором создания этого жития был Иван Калита: необходимо было представить святым и прославить того, кто перевел митрополичью кафедру из Владимира в Москву. Житие на примере якобы начавших свершаться сразу же после смерти Петра чудес должно было подтвердить святость митрополита¹.

«Житие митрополита Петра» имело большое политическое и публицистическое значение. Богоизбранность Петра проявилась в чудесном видении матери святого еще до его рождения, на всем его жизненном пути ему сопутствовало особое покровительство бога. И вот этот избранный богом святитель, митрополит всея Руси из всех городов Русской земли предпочитает «град честен кротостью, зовомы Москва»², в котором он хочет не только жить, но и быть погребенным (он сам начинает строить себе гробницу в Успенском соборе). Во время смерти Петра великого князя не было в Москве. Умирая, митрополит через тысяцкого Протасия благословляет Ивана Даниловича Калиту и всех его потомков.

«Житие митрополита Петра» прославляло не только святого, но и в не меньшей степени славilo Москву и великого князя московского. Оно утверждало святость и богоизбранность города, которому в недалеком будущем предстояло стать тем же, чем у истоков Русской истории был Киев,— главным городом и центром всех русских земель и городов.

¹ См.: Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра». — «ТОДРЛ», т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 59—79. До исследования В. А. Кучкина автором «Жития митрополита Петра» считался ростовский епископ Прохор. Имя Прохора стоит в заглавии второго извода «Жития». Но, как показывает В. А. Кучкин, оно относится не к тексту «Жития», а к следующему за «Житием» «Чтению на память митрополита Петра», составленному и прочитанному Прохором на Владимирском соборе 1327 г., на котором Петр был канонизирован (официально объявлен святым).

² Текст цитируется по изданию: Макарий. История русской церкви, т. IV, кн. I. Спб., 1866, с. 308—312.

3. ПЕРЕВОДНЫЕ ПОВЕСТИ

В годы монголо-татарского нашествия и ига связи Руси с иноземными центрами культуры значительно усложнились, но не были прерваны окончательно, о чем свидетельствует проникновение отдельных переводных литературных памятников в Северо-Восточную Русь и в этот период. Выше говорилось о болгарской литературе как литературе-посреднице для литературы Киевской Руси. Теперь, кроме болгарской литературы, такой литературой-посредницей становится литература Далматинского побережья Адриатического моря. Здесь перекрещивались славянская, византийская и романская (через Италию) культуры. Во второй половине XIII и в XIV в. на Русь проникают также литературные памятники восточного происхождения. Часть из них, возможно, непосредственно переводится с восточных оригиналов.

Переводные произведения, которые есть основание датировать второй половиной XIII—XIV вв., отвечают настроениям эпохи. Это были памятники утопического и эсхатологического¹ характера. С одной стороны, они отражали мечты о существовании таких земель, в которых царит справедливость, жизнь течет мирно и преисполнена благополучия, а с другой — передавали тревожное чувство страха и неуверенности человека перед лицом окружающих его бед и несчастий, разочарование в морально-нравственных устоях общества. Для этих произведений характерна гиперболизация и положительных, и отрицательных начал. Они возбуждают у читателя чувство восхищения, удивления перед разнообразием и чудесами мира и одновременно создают тревожное настроение ничтожности простого смертного перед лицом неизвестности и подстерегающих его опасностей.

«Сказание об Индийском царстве». С древней поры об Индии ходили рассказы как о чудесной стране, населенной необычайными существами и неизмеримо богатой. Существовала легенда о том, что Индией правил могущественный властелин Иоанн, являвшийся одновременно и царем, и пресвитером (священником). В представлении средневековья далекая и таинственная Индия — блаженная страна, где люди не знают нужды и нет распрей. Эти фантастические и утопические представления об Индии нашли отражение в легендарном «Послании» царя Иоанна византийскому императору Мануилу. Возникнув в Византии в XII в., это «Послание» в латинской переработке легло в основу славянского перевода, который предположительно датируется XIII в. Русские списки сказания относятся ко второй половине XV в. и к XVII в.

Сказание рисует красочный образ далекой Индии. Все, о чем человек может мечтать в повседневной личной жизни (обеспе-

¹ Эсхатология — совокупность религиозно-мистических представлений о конце мира и о конечных судьбах человечества.

ченность, богатство, обилие всего вокруг, уверенность в настоящем и будущем), все, что можно пожелать в государственной жизни своей страны (могучий правитель, непобедимое воинство, справедливый суд и т. п.), есть в этой стране. И все это не просто существует, но представлено в сказочно-преувеличенном виде. Иоанн пишет в своем «Послании», что он над царями царь, и ему подчинено «3000 царей и 300»¹, что царство его «таково: итти на едину страну 10 месяць, а на другую немощно дойти, занеже тамо соткнутся небо з землею». Царские палаты грандиозны и с обычными земными не могут даже вступать в сравнение («Двор у мене имею таков: 5 ден ити около двора моего...») и т. п. и т. д. Индийское царство населяют, кроме обычных людей, самые невероятные человеческие существа (рогатые, трехногие, многорукие, с глазами на груди, полулюди полузвери и т. д.). Столь же многообразен и фантастичен животный мир этой страны (дается описание разных зверей и птиц и их повадок), необычайны находимые в недрах и реках страны драгоценности. В Индии есть все и при этом нет «ни татя (воров), ни разбойника, ни завидлива человека, занеже (потому что) моя земля,— пишет царь Иоанн,— полна всякого богатства».

Недосягаемое превосходство Иоанна над теми реальными правителями, которых мог средневековый читатель сопоставить с царем и пресвитером легендарной Индии, проявлялось не только в описании чудес, богатства и могущества этой страны, но и во вступлении к этому описанию. Здесь говорится, что если на деньги, вырученные от продажи греческого царства, греческий царь Мануил купит «харатью» (пергамён), то и на такой харатьи не уместится описание всех богатств и достопримечательностей Индии.

Некоторые образы «Сказания об Индии» совпадают с былинной о Дюке Степановиче. Приехавший в Киев «из той Индии из богатя» Дюк хвастает богатством своей земли². Отправившиеся в Индию по повелению князя Владимира Илья Муромец и Добрыня Никитич, чтобы проверить хвастовство Дюка, убеждаются в его правоте и видят, что описать богатства Индии им невозможно. После того, как они три года и три дня описывали только конские сбруи, мать Дюка, «пречестна вдова Мальфа Тимофеевна», говорит им:

Ай же вы, мужички да вы оценщички!
Поезжайте вы ко граду ко Киеву,
Ко тому ли ко князю ко Владимиру,
Вы скажите-тко князю Владимиру,
Он на бумагу продаст пусть Киев-град.
А на чернила продаст весь Чернигов-град.
А тогда придет животишечков сиротских описывать.

¹ Текст цитируется по изданию: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 362—369.

² Былины. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1957, с. 354—365.

А. Н. Веселовский и В. М. Истрин объясняли совпадение сказания и былины тем, что и былина о Дюке и «Послание» Иоанна восходят к общему источнику — к византийской былине. Можно, однако, с не меньшим основанием предполагать, что на былинку повлияло «Сказание об Индийском царстве».

На первый взгляд описания чудес Индии в сказании носит сказочный, занимательный характер. Однако сказочность «Сказания» отражала и социальные и житейские мечты, и соответствующие эпохе представления о величии и многообразии мира.

«Повесть о Макарии Римском». Еще более прекрасным, чем сказочная Индия, должен был представляться людям средневековья, над умами которых господствовала церковная идеология, рай. И рай этот они хотели видеть на земле. Поэтому в средневековой литературе была весьма популярна тема поисков земногорая. Поискам земногорая посвящена апокрифическая «Повесть о Макарии Римском». Возникла она в Византии, на Русь пришла, по видимому, не позже начала XIV в. (ранний список датируется XIV в.).

«Повесть» состоит из двух частей. Первая — рассказ о трудном пути трех монахов, отправившихся искать то место, где «прилежит небо к земле»¹. Вторая — рассказ о житии отшельника Макария Римского, с которым три странника встретились в конце своего путешествия.

В поисках земногорая, шествуя туда, где соединяется небо с землей, три странствующих монаха минуют Индию и проходят еще целый ряд диковинных земель. Здесь им встречаются люди и звери, схожие с теми, о которых рассказывало и «Сказание об Индийском царстве». Подобно герою «Александрии» — Александру Македонскому, они попадают в места, где терпят муки грешники. Они приходят к столбу, на котором оставил свою надпись Александр Македонский: «Си столп поставил есть Александр царь Макидонский, ида от Халкидона и победив персы». Все эти описания, испытавшие на себе влияние «Сказания об Индийском царстве» и «Александрии», окрашены мрачным колоритом. Они вызывают напряженное внимание читателя и волнение за судьбу героев, так как последним все время угрожают всевозможные опасности. Лишь божественное покровительство и посылаемые от бога чудесные проводники (голубь, олень) помогают путникам благополучно преодолеть все трудности своего путешествия.

Окончанием длинного и опасного пути трех монахов оказывается келья Макария. Узнав от странников о цели их странствия, Макарий говорит, что в земной рай попасть невозможно, так как от проникновения туда смертных людей, родившихся «от женьска греха», рай охраняют поставленные богом грозные стражи: «от ногу до пупа человеци, а перси лвовы, а глава иною тварью, а руци яко ледяни (ледяные) и оружие пламяно в руках их».

Земной рай существует, но даже для праведных людей, божьих угодников в этой земной жизни он недостижим.

Рассказ Макария о себе — повествование житийного жанра о праведном пустыльнике. Здесь кратко сообщается о его уходе из мира, житии в пустыне и дружбе с дикими зверями, искушениях, грехопадении и раскаянии.

«Слово о 12 снах царя Шахаиши». «Слово о двенадцати снах царя Шахаиши» восходит к восточному источнику. Источник этот неизвестен, но близкие по характеру и содержанию мотивы обнаружены в тибетском сказании, буддийской повести и в ряде других восточных памятников². «Слово» стало

¹ Текст цитируется по изданию: Тихонов И. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863, с. 59—77.

² См.: Веселовский А. Н. «Слово о двенадцати снах Шахаиши по рукописи XV в.» — СОРЯС АН, 1879, т. XX, № 2, с. 1—3; Рыстенко А. В. «Сказание о 12 снах царя Мамера» в славяно-русской литературе. Одесса, 1904; Кузнецов Б. И. «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока. — ТОДРЛ. Л., 1976, т. XXX, с. 272—278.

известно в югославянских странах и отсюда пришло на Русь, либо было непосредственно переведено с восточного оригинала. Вопрос этот до сих пор не решен¹. Столь же неопределен и вопрос о времени появления произведения на русской почве. Предположительно — XIII—XIV вв. (самый ранний из известных в настоящее время списков — XV в.). «Сны царя Шахаиши» в дошедших списках делятся на две редакции. Во многих списках царь именуется Мамером. В тех списках, где имя царя — Шахаиши, Мамер — имя философа, толкующего сны царя.

Сны Шахаиши, по толкованию Мамера, символизируют собой «злое время», которое наступит в далеком будущем. Каждый сон предвещает разрушение всех устоев, падение нравов, бедственную жизнь, оскудение всего, «егда придет время то злое»². Поднимется мятеж и начнутся несогласия, не будет правды — люди будут говорить доброе, а на сердце таить злобу, не станут соблюдать законов, дети перестанут слушаться родителей и старших, воцарятся разнузданность и распущенность, даже природа изменит свой обычай — осень переступит в зиму, а зима перейдет в весну, среди лета будет зима и т. д. и т. п.

Мрачные эсхатологические картины будущей судьбы мира были широко распространены в средневековой литературе. Эти апокалипсические темы обычно возникали в тяжелые для судеб государства времена. Характер «Слова о двенадцати снах Шахаиши» отвечал настроению тяжелых времен нашествия монголо-татар. Показательно, что этот памятник в более позднее время широко бытовал в книжности преследуемых царским правительством старообрядцев.

Интерес древнерусского читателя к познанию мира, его мечты о справедливой, благополучной жизни на земле, философские раздумья о необходимости земного счастья для всех людей находили определенный ответ в литературных произведениях, подобных рассмотренным повестям. Вопросы эти ставились и в оригинальных памятниках. В частности, легенды о существовании земного рая нашли самобытное отражение в послании новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору.

4. ПОСЛАНИЯ

«Послание архиепископа новгородского Василия ко владыце тферскому Феодору о рае». «Послание» новгородского архиепископа Василия Калики (1331—1352) к тверскому епископу Федору Доброму о земном рае читается в Софийской первой и Воскресенской летописях под 1347 г.³

Свое «Послание» Василий пишет в Тверь, узнав о «распре», возникшей среди тверичей по вопросу о существовании рая. «Ты говоришь, — обращается он к Федору, — рай погыл, в нем же был Адам» и есть только рай «мысленный» (т. е. Федор считает, что земного рая нет, а есть лишь рай как духовная, нравственная категория). Василий не согласен с такими представлениями о рае и доказывает существование земного рая.

¹ А. Н. Веселовский считает, что «Слово» непосредственно восходит к восточному оригиналу; А. И. Соболевский считает его переводом с греческого языка; А. В. Рыстенко выводит из Сербии; В. М. Истрин — с Далматинского побережья.

² Текст цитируется по изданию: Веселовский А. Н. «Слово о двенадцати снах царя Шахаиши» по рукописи XV в. — СОРЯС АН, 1879, т. XX, № 2, с. 4—10.

³ См.: ПСРЛ, т. VI. Спб., 1853, с. 87—89 (Прибавления); ПСРЛ, т. VII. Спб., 1856, с. 212—214. Текст цитируется по Софийской I летописи (ПСРЛ, т. VI).

Инициал — буква **Х** — в виде юноши, пьющего из рога. Новгородская псалтырь. XIV в. (ГПБ).

Свое доказательство Василий основывает на данных различных текстов, широко привлекая для этого многочисленные памятники апокрифической литературы, и на «свидетельских» показаниях очевидцев.

Наивные с современной точки зрения доказательства Василия говорят о величайшем уважении древнерусских книжников к письменному слову, о широком бытовании в Новгороде устных рассказов новгородских мореходов-путешественников про далекие и таинственные земли, в реальности которых слушатели не сомневались.

О том, что рай существует, свидетельствуют, согласно мнению Василия, священное писание и целый ряд святоотеческих текстов. Нигде не сказано, что земной рай погиб. Он создан богом, а «вся дела божия нетленна суть». Это справедливо не только на словах, но и на деле, в чем Василий, как он говорит, убедился воочию: когда он был в Иерусалиме, то «своима очима» видел посаженные Христом финики, которые «доныне не погибли, ни погнили», я был «самовидец» тому, говорит он, что затворенные Христом городские ворота «до сего дни неотворими суть». Все

это, по искреннему убеждению Василия, неоспоримо доказывает, что и земной рай также реальность. Есть и непосредственные свидетели существования на земле и рая, и ада, это — мореходы-новгородцы. «Муки», т. е. ад, «и ныне суть на западе», — пишет Василий: «Много детей моих новгородцев видоки тому: на дышущем море червь неусыпающий, скрежет зубный и река молненная Морг, и что вода въходить в преисподняя и паки исходить трижда днем». В этом красочном описании Северного Ледовитого океана («дышущее море», — т. е. море, где бывают приливы и отливы) отразились и легенды о суровом северном море, и легендарное осмысление естественных загадочных явлений (приливы и отливы — вода входит и выходит из преисподней). Видели будто бы новгородцы и то место, где находится земной рай.

В своем «Послании» Василий передает поэтическую легенду о земном рае, которого достигли новгородцы. Параллели к этому сюжету прослеживаются в ряде других литератур, но пересказанная Василием легенда несет на себе яркий отпечаток местного новгородского происхождения. Так же как и в рассказе о «дышущем море», в этой легенде отразились фантастические рассказы новгородцев-мореходов о своих странствиях. Бурей юмы (ладьи) новгородцев унесло далеко в море к горам, на которых, по рассказам участников этого путешествия, «лазбóрем чудным» (ярко-синей, очень дорогой, особенно любимой новгородцами краской)¹ была изображена композиция на церковную тему — «деисус»². Все это место было освещено неизреченным светом, а из-за гор доносилось ликующее пение. Посылаемые на гору корабельники, увидев, что находится там за горами, с радостным криком, всплеснув руками, убегают. Тогда одному из посланцев привязывают к ноге веревку, чтобы удержать его. Когда его втягивают назад в ладью, он оказывается мертв. Новгородцы в страхе уплывают от этого места. Василий называет «видокóв», рассказавших эту историю, «Моислав и Яков» и в доказательство правдивости и истинности их рассказа замечает, что еще и «нынеча» «дети и внучата» Моислава и Якова «добры — здорови».

В отличие от переводных памятников на тему о поисках земного рая, носящих гиперболический, чрезмерно фантастический характер, в «Послании» Василия все проще, жизненнее, как бы «документальнее». Своим рассказом Василий не только доказывает правильность своих философско-богословских воззрений по вопросу о существовании рая на земле, но и передает занимательную историю. И за этим чувствуется местный патрио-

¹ О типично новгородском характере этого образа в «Послании» Василия см. в кн.: Лихачев Д. С. Новгород Великий. М., 1959, с. 62.

² *Деисус*, или *деисис* (греч.), означает «моление». В этой композиции изображен Христос, судящий людей после конца мира. Богородица, с одной стороны, и Иоанн Креститель — с другой, заступаются за грешников, моля Христа о милости. В деисусе могут быть изображены еще и другие святые.

Инициал — буква М — в
виде рыбаков. Псалтырь.
XIV в. (ГПБ).

тизм — не апокрифические герои далекого прошлого из чужих земель, а новгородцы, дети и внуки которых еще живы, достигли земного рая.

Литература первых трех четвертей XIV в. и в жанровом отношении, и по тематике продолжает традиции предшествующего периода. Возникают новые центры летописания, создаются жития, пишутся послания и поучения, в письменности бытуют памятники переводной литературы.

В рассматриваемый период развивается зародившееся в конце XIII в. летописание Твери и Пскова. Возникает летописание Москвы, которое в дальнейшем, с ростом и усилением политического могущества Москвы, приобретет общерусский характер. В 1305 г. составляется летописный свод, который для всего последующего летописания явится основой изложения истории Руси с древнейших времен до начала XIV в.

Житийные произведения, время возникновения которых можно отнести к началу — первой половине XIV в., в целом продолжают старые традиции этого жанра, но вместе с тем в агнографии может быть отмечено усиление политического и публицисти-

ческого начал. Острополитический характер носит «Житие митрополита Петра». В «Повести о Михаиле Ярославиче Тверском» заостряется гражданственное звучание княжеского жития-маририя. Традиции княжеского жития героического типа в «Повести о Довмонте» приобретают местный характер, в определенной мере упрощаются.

Монголо-татарское владычество, тяготевшее над русским народом, определило выбор бытовавших в это время на Руси переводных произведений. Усиливается интерес к эсхатологическим памятникам, к произведениям, повествующим о счастливых, процветающих землях, о поисках рая на земле. Теме поисков земного рая было посвящено и оригинальное русское произведение — «Послание» новгородского архиепископа Василия. Однако не только отчаяние и несбыточные мечты о необыкновенных землях и земном рае владели умами людей той эпохи. Героический характер носила «Повесть о Довмонте», борьбе народа с монголо-татарскими насильниками была посвящена «Повесть о Шевкале».

В рассматриваемый период можно отметить хотя и не слишком значительное, но все же усилившееся взаимодействие литературы с местными, устными по своему происхождению традициями, большее проникновение в литературу демократических элементов. Это проявляется в характере псковского летописания, в особенностях «Повести о Довмонте». Близость с мировоззрением народных масс можно отметить в «Повести о Шевкале». Написанное на мировой сюжет «Послание» Василия носило ярко выраженную местную новгородскую окраску, отличается интересом автора к преданиям простых новгородцев.

Стиль монументального историзма не претерпевает в рассмотренный период существенных изменений по сравнению с предшествующим периодом. Но все же этот стиль становится менее возвышенным, в какой-то степени упрощается, «приземляется». В древнерусской литературе, как уже отмечалось выше, черты нового стиля развиваются постепенно, в недрах старого. Таким «переходным» периодом и были первые три четверти XIV в. В это время созрели предпосылки стиля экспрессивно-эмоционального, пришедшего на смену стилю монументального историзма и характерного для следующей эпохи в истории древнерусской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Тексты. Тверской сборник и Рогожский летописец.— ПСРЛ, т. XV. М., 1965; Псковские летописи. М.—Л., 1941, вып. 1; Повесть о Шевкале.— ПСРЛ, т. XV. М., 1965; Повесть о Довмонте.— Псковские летописи. М., 1955, вып. 2, с. 82—87; Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском.— ПСРЛ, т. V. Спб., 1851, с. 207—215; Макарий. История русской церкви, т. IV, кн. I. Спб., 1866, с. 308—312; Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве.— «ИпоРЯС», 1930, т. III; Изборник. М., 1969, с. 362—369; Тихонов Н. С. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863, с. 59—77;

Послание архиепископа новгородского Василия ко владыце тверскому Феодору о рае.— ПСРЛ, т. VI. Спб., 1853, с. 87—89.

Исследования. Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.— «Изв. АН СССР, Отд. гум. наук», 1930, т. VII, № 9, 10; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976; Адрианова-Перетц В. П. Литература Пскова XIII—XIV вв. Летопись.— В кн.: ИРЛ, т. II, ч. I. М.—Л., 1945; Насонов А. Н. Из истории псковского летописания.— «Исторические записки», № 18. М., 1946; Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, с. 48—52; Воронин Н. Н. «Песнь о Шелкане» и Тверское восстание 1327 г.— «Исторический журнал», 1944, № 9; Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915; Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974; Он же. «Сказание о смерти митрополита Петра». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1962, т. XVIII, с. 59—79; Веселовский А. Н. Слово о двенадцати снах Шахаиши по рукописи XV в.— СОРЯС АН, 1879, т. XX, № 2, с. 4—10; Рыстенко А. В. Сказание о 12 снах царя Мамера в славяно-русской литературе. Одесса, 1904; Кузнецов Б. И. «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока.— «ТОДРЛ». Л., 1976, т. XXX, с. 272—278.

Глава 4. ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

Во второй половине XIV — первой половине XV в., при премниках Ивана Калиты, Москва все активнее выступает как центр, объединяющий княжества Северо-Восточной Руси. Уже в это время она начинает играть роль города, возглавляющего процесс образования Русского централизованного государства. Борьба Москвы за первенство с соперничающими областями происходила в обстановке непрерывных столкновений с внешними врагами — с Ордой и с великим княжеством Литовским. Наиболее ярко значение московской великокняжеской власти как единственно реальной силы, способной возглавить объединение разрозненных русских земель и дать организованный отпор Орде, проявилось в 70—80-х гг. XIV в.

С 1359 по 1389 г. московский великокняжеский стол занимал внук Ивана Калиты Дмитрий Иванович, при котором происходит политическое и экономическое усиление Москвы. Внутри Орды в это время обострились междоусобные распри, что вело к ее ослаблению и благоприятствовало борьбе Руси с монголо-татарским гнетом. Москва фактически перестала платить Орде дань.

Для восстановления пошатнувшегося господства Орды монголо-татары предпринимают решительные меры. Темник (военачальник) Мамай, захвативший в ходе междоусобиц власть в Орде, посылает в 1378 г. на Москву большое войско. В сражении на реке Воже силы великого князя московского разгромили врага. Это было первое серьезное поражение монголо-татар со времени установления ига. Через два года, в 1380 г., произошла грандиозная Куликовская битва. Под предводительством Мамаю его полчища и отряды наемников двинулись на Московское княжество. Как и в сражении на Воже, русские вышли навстречу Мамаю. В союзе с Москвой против неприятеля выступили многие удельные княжества Северо-Восточной Руси. Сражение, окончившееся победой русских, произошло на Дону (отсюда прозвание Дмитрия Ивановича — Донской), на Куликовом поле.

Мамаево побоище продемонстрировало ведущую роль Московского княжества и великого князя московского в Северо-Восточной Руси, выявило военное превосходство объединенных сил русских княжеств над врагом. Куликовская битва имела огромное национально-патриотическое значение: она обусловила

подъем национального самосознания, вселила уверенность в то, что русские могут свергнуть ненавистное монголо-татарское иго. В 1382 г., через два года после Куликовской битвы, на Москву совершил набег хан Тохтамыш. Москва была разгромлена, и выплата дани Орде возобновилась. Но ни Тохтамышево нашествие, ни последующие набеги монголо-татар не поколебали главенствующего значения Москвы и великого князя московского в политической жизни страны. Знаменательно, что, завещая великое княжество старшему сыну Василию, Дмитрий Иванович Донской действовал уже независимо от Золотой Орды.

В конце XIV — первой половине XV в., одновременно с объединением земель вокруг Москвы, в пределах самого Московского княжества, вследствие разделения территории между князьями-наследниками, возросло количество уделов. Князья — владельцы уделов подчинялись великому князю. Великокняжеская власть стремилась превратить их в обязанных службой привилегированных вотчинников. Это привело к вспышке феодальной войны во второй четверти XV в., продолжавшейся почти 30 лет. В этой войне столкнулись реакционные силы удельнокняжеской и боярской оппозиции с растущей силой власти великого князя московского. Помимо удельных князей, в борьбе с Москвой приняли активное участие Тверское княжество и Новгородская боярская республика. Эта феодальная война носила тяжелый, жестокий характер, осложнялась не прекращающейся борьбой с Ордой. В конечном счете восторжествовали прогрессивные для данного исторического этапа силы: удельнокняжеская и боярская оппозиция потерпела поражение, а власть великого князя московского укрепилась.

Все наиболее важные исторические события эпохи нашли отражение в литературных памятниках этого времени.

В той или иной степени развитие человеческой культуры связано с усилением в ней и обогащением личностного начала. Смены исторических формаций знаменуют собой этапы освобождения человека. Человек в эпоху феодализма освобождается от власти рода, затем, в период Возрождения, — от власти корпорации и сословия, позднее он стремится освободить себя от угнетения класса. Этому соответствуют различные формы «открытия человека», ценности человеческой личности.

Древнерусская литература эпохи раннего феодализма была связана с освобождением человека из-под власти рода и племени. Становясь частью феодальной корпорации, человек осознает свое могущество. Герой литературных произведений этого периода — член феодальной корпорации, представитель своего сословия. Это князь, монах, епископ, боярин, и в качестве такового он изображается во всем своем величии, корпоративном достоинстве. Отсюда монументальный характер изображения человека.

Насколько в период раннего феодализма, в X—XI вв., ценилось достоинство человека как члена корпорации, дает представление «Русская Правда», где оскорбление рукоятью меча, мечом плащмя, удар рогом или чашей считались в несколько раз оскорбительнее, чем «синяя» или кровавая рана, так как выражали крайнее презрение к противнику¹.

Но вот в русской истории наступает период, когда человек начинает цениться независимо от своей принадлежности к средневековой корпорации. Происходит новое «открытие человека» — его внутренней жизни, его внутренних достоинств, его исторической значимости и т. д. На Западе это открытие совершилось с развитием товарно-денежных отношений. Деньги, закабалая человека, в других отношениях освобождали его от власти корпорации. Деньги, в принципе, мог приобрести всякий, и они давали власть над окружающим. Деньги ломали корпоративные преграды и делали ненужным понятие корпоративной чести.

В России условия для освобождения личности из-под власти корпорации создавались, с одной стороны, экономическим ростом, развитием торговли, ремесел, что привело к возвышению «городов-коммун» — Новгорода и Пскова, а с другой стороны, тем, что в условиях постоянных военных тревог и тяжелых нравственных испытаний монголо-татарского ига все больше и больше ценились внутренние качества человека: его стойкость, преданность родине и князю, способность морально противостоять тем соблазнам возвышения, которые обильно предлагала чужеземная власть, пытавшаяся опереться на изменников. Княжеская власть выдвигает достойных по их качествам военачальников, способных администраторов и т. д., не считаясь с их происхождением и принадлежностью к корпорации. Как мы увидим в дальнейшем, летопись отмечает купцов-сурожан, стоявших за оборону Москвы при нашествии Тохтамыша, описывает подвиг простого ключаря Успенского собора во Владимире, не выдавшего врагам церковных сокровищ, все чаще отмечает активность населения, и в частности горожан, в жизни государства.

Вот почему в литературе, и особенно житийной, раскрывающей внутреннюю жизнь одного человека, все большее и большее внимание уделяется эмоциональной сфере, литература интересуется психологией человека, его душевным состоянием. Это приводит к экспрессивности стиля, к динамичности описаний.

В литературе развивается экспрессивно-эмоциональный стиль, а в идейной жизни все большее значение приобретает «безмолвие», уединенная молитва, совершаемая вне церкви, уход в пустыню — в скит. Это уединение личности, уход ее из общества также соответствовали в тех условиях духу развивающегося личностно-го начала.

¹ См. подробнее: Лихачев Д. С. Возрождение в средневековье.— «Русская литература», 1973, № 4.

Все эти явления не могут быть отождествлены с Возрождением, так как в духовной культуре Древней Руси религия доминировала вплоть до XVII в. В XIV—XV вв. еще далеко до секуляризации жизни и культуры; освобождение личности совершается на Руси в пределах религии. Это начальный период того процесса, который, развиваясь в благоприятных условиях, обычно переходит в Возрождение, это — Предвозрождение.

Внимание к внутренней жизни человека, демонстрировавшее текучесть происходящего, изменчивость всего сущего, было связано с пробуждением исторического сознания. История уже не представлялась только в формах простых смен событий. В сознании людей конца XIV—XV вв. сменялся самый характер эпохи, и в первую очередь это проявлялось в отношении к иноземному игу. Наступает пора идеализации эпохи независимости Руси. Мысль обращается к идее независимости, искусство — к произведениям домонгольской Руси, архитектура — к зданиям эпохи независимости, а литература — к произведениям XI—XIII вв.: к «Повести временных лет», к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, к «Слову о полку Игореве» и пр.

Таким образом, для русского Предвозрождения Русь периода независимости, Русь домонгольская стала как бы «своей античностью».

Всей средневековой литературе было свойственно явление абстрагирования — генерализация описываемых явлений, стремление выявить в действительности общее вместо единичного, духовное вместо материального, внутренний, религиозный смысл каждого явления. Средневековый метод абстрагирования приобретает особое значение в эпоху русского Предвозрождения, определяет особенности изображения человеческой психологии. Д. С. Лихачев определил эту черту литературы русского Предвозрождения как «абстрактный психологизм». «В центре внимания писателей конца XIV — начала XV в. оказались отдельные психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира. Но эти чувства, отдельные состояния человеческой души не объединяются еще в характеры. Отдельные проявления психологии изображаются без всякой индивидуализации и не складываются в психологию. Связующее, объединяющее начало — характер человека — еще не открыто, индивидуальность человека по-прежнему ограничена прямолинейным отношением ее в одну из двух категорий — добрых или злых, положительных или отрицательных»¹.

Предвозрожденческие явления в культурной жизни страны, пробудившиеся в начале — первой половине XIV в., с особой

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 91. Подробно о русском Предвозрождении и его особенностях см. данную работу Д. С. Лихачева и его исследования: Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М., 1979; Человек в литературе Древней Руси. Изд. 2-е. М., 1970.

Апостол Андрей. Деталь фрески Успенского собора во Владимире, расписанного Андреем Рублевым. XV в.

силой дали себя знать в конце столетия — первой половине XV в. Подъем национального самосознания после Куликовской битвы способствовал расцвету культуры, вызвал повышенный интерес к прошлому, пробудил стремление к возрождению национальных традиций, одновременно усилив культурное общение русских земель с другими государствами. Возобновляются традиционные связи Руси с Византией и южнославянскими странами.

Возродившееся в первой половине XIV в. монументальное каменное строительство к концу столетия приобретает широкий размах. Особого расцвета в конце XIV — первой половине XV в. достигает изобразительное искусство, где наиболее ярко проявились предвозрожденческие идеи. В конце XIV — самом начале XV в. на Руси работает замечательный художник средневековья Феофан Грек, в творчестве которого предвозрожденческие идеалы нашли блестящее воплощение. Феофаном Греком были расписаны церкви Новгорода, Москвы и других городов Северо-Восточной Руси. Фрески Феофана Грека и теперь поражают своим величием, динамичностью, значительностью и суровостью изображенных им персонажей.

В самом конце XIV — первой четверти XV в. протекало творчество великого русского художника Андрея Рублева. Его деятельность связана с Москвой и с близкими к Москве городами и монастырями. Андрей Рублев вместе с Феофаном Греком и старцем Прохором расписывал Благовещенский собор Московского кремля (1405 г.). Вместе с Даниилом Черным (своим неизменным другом) он создавал фрески и писал иконы в Успенском соборе во Владимире (1408 г.) и в Троицком соборе в Троице-Сергиевом монастыре (1424—1426 гг.). Ко времени работы Андрея Рублева в Троице-Сергиевом монастыре относится его знаменитая «Троица». Творчество Андрея Рублева отличается глубоким гуманизмом, человечностью.

«Живопись этой поры, — пишет Д. С. Лихачев, имея в виду главным образом фрески, — обогатилась новыми темами, ее сюжеты значительно усложнились, в них много повествовательности, события трактуются психологически, художники стремятся изобразить переживания действующих лиц, подчеркивают страдания, скорбь, тоску, страх или радость и экстатическое волнение. Священные сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, обыденнее»¹.

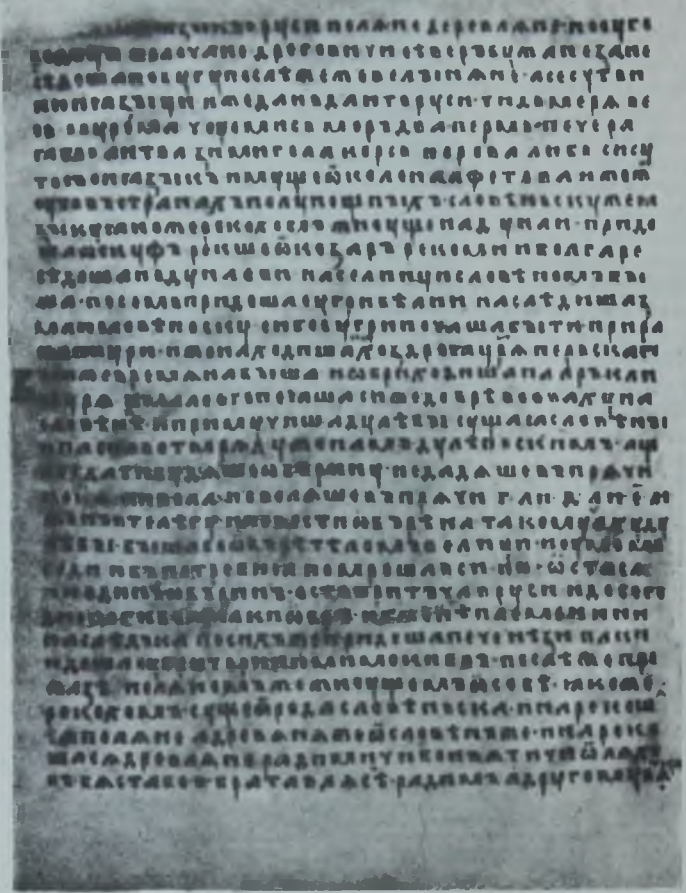
Общий подъем просвещения, пробуждение стремлений к рациональному объяснению явлений природы обусловили возникновение рационалистических движений в городах. В конце XIV в. в Новгороде появляется ересь стригольников. Стригольники отвергали церковную иерархию и церковные обряды, некоторые из них, по-видимому, не верили в учение о воскресении мертвых и божественную сущность Христа. В их выступлениях звучали социальные мотивы.

Культурный расцвет в конце XIV—XV в. способствовал расширению культурных связей русских земель с Византией и южнославянскими странами (Болгарией, Сербией). Русские монахи часто и подолгу бывали в монастырях Афона и Константинополя, ряд южнославянских и греческих деятелей переселялись на Русь. Среди лиц, сыгравших большую роль в русской литературе конца XIV — первой половины XV в., должны быть названы болгары Киприан и Григорий Цамблак, серб Пахомий Логофет. На Руси в рассматриваемый период появилось большое число южнославянских рукописей и переводов. Русская литература тесно взаимодействовала с литературой Византии и стран южного славянства.

1. ЛЕТОПИСАНИЕ

В конце XIV — первой половине XV в. очень сильно развивается летописание. В это время создаются многочисленные летописные своды. Составители сводов собирают, перерабатывают и

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифания Премудрого. М.—Л., 1962, с. 116.

Лист Лаврентьевской летописи. 1377 г. (ГПБ).

редактируют местные летописи в зависимости от тех политических интересов, которым призван был отвечать тот или иной составляемый летописный свод.

Принципиально важное идеологическое значение имела сохранявшаяся традиция летописания включать в начальную часть свода рассказы об истории Киевской Руси — «Повесть временных лет» или выборки из нее. Благодаря этому история каждого княжества становилась продолжением истории всей Русской зем-

ли, а великие князья этих княжеств выступали наследниками киевских князей. Составители летописных сводов используют летописи разных княжеств, включают в летопись нелетописные по происхождению повести, жития, публицистические памятники и документы. Центром русского летописания становится Москва, и, что особенно важно, московское летописание приобретает общерусский характер.

Лаврентьевская летопись. Лаврентьевская летопись¹ названа так по имени монаха Лаврентия, переписавшего ее с помощниками в 1377 г. в Суздальско-Нижегородском княжестве, о чем в летописи имеется соответствующая запись. Таким образом, это реально дошедший до нас список летописи конца XIV в. Но события, описанные в ней, доведены лишь до 1305 г. Лаврентьевская летопись — копия свода 1305 г.², о котором уже говорилось выше. Создание такой копии в 1377 г. имело важное идеологическое и политическое значение, носило злободневный характер.

Летопись начиналась «Повестью временных лет», рассказы-вавшей о былом величии Русской земли. В состав Лаврентьевской летописи входило «Поучение» Владимира Мономаха, князя, являвшегося в Древней Руси идеалом мудрого государственного деятеля и мужественного военачальника. Это произведение призывало забыть личные обиды и внутренние распри перед лицом опасности со стороны внешних врагов Русской земли³. Повествование в летописи о событиях 30-х гг. XIII в. носило возвышенно-патриотический характер: хотя русские князья и гибли в неравной борьбе, но все они мужественно и единодушно выступали против монголо-татар.

Конец 70-х гг. XIV в., когда писалась Лаврентьевская летопись, — канун Куликовской битвы, период обострения отношений между Москвой и Ордой. Предназначалась летопись для суздальско-нижегородского князя, союзника великого князя московского. Таким образом, делавшаяся в 1377 г. копия со свода 1305 г. имела целью поднять патриотизм, побудить русских князей к активной борьбе с татарами.

Летописание Москвы. Первый Московский летописный свод, о котором мы можем составить конкретное представление, — это свод московского митрополита Киприана 1408 (1409) г. Списком этого свода была Троицкая пергаменная летопись, погибшая в

¹ О тексте Лаврентьевской летописи см.: При с е л к о в М. Д. Лаврентьевская летопись (история текста). — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1939, № 32. Сер. ист. наук, вып. 2, с. 76—142; Н а с о н о в А. Н. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — «Проблемы источниковедения». М., 1963, № 11.

² См.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, гл. 1.

³ «Поучение» Владимира Мономаха сохранилось только в составе Лаврентьевской летописи. Ни одна из дошедших до нас летописей, восходящих к своду 1305 г., в своем составе «Поучения» Мономаха не имеет.

московском пожаре 1812 г.¹. Свод 1408 (1409) г. начал составляться по инициативе и, может быть, при непосредственном участии митрополита Киприана, а закончен был уже после его смерти (ум. в 1406 г.).

Летописный свод Киприана — первый в полном смысле этого слова общерусский летописный свод. Киприан, митрополит всея Руси, для составления летописного свода имел возможность потребовать летописи из всех подчиненных ему в церковном отношении русских княжеств, в том числе и тех, которые в это время входили в состав великого княжества Литовского. В своде Киприана были использованы летописи Твери, Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Ростова, Рязани, Смоленска и, конечно, все предшествующее летописание Москвы. Кроме того, были включены сведения по истории Литвы. Привлеченные для составления свода источники перерабатывались незначительно. Но все же свод Киприана имел промосковскую тенденцию; для него характерен учительный, публицистический тон.

Изучая дошедшие до нас тексты Новгородской IV и Софийской I летописей, исследователи русского летописания пришли к выводу, что в их основе лежит обширный свод, условно называемый «Сводом 1448 г.»². До последнего времени большинство ученых, занимающихся историей русского летописания, вслед за А. А. Шахматовым определяли свод 1448 г. как свод новгородский. Я. С. Лурье, развивая гипотезу М. Д. Приселкова, пришел к заключению, что свод 1448 г. не новгородский, а общерусский, составленный при митрополичьем дворе в Москве в конце 40-х гг. Этот свод представлял из себя переработку свода Киприана³.

Тверское летописание. Летописание Тверского княжества, князя которого, как уже отмечалось выше, были основными соперниками московских князей в борьбе за старшинство, после разгрома Твери в 1375 г. великим князем московским Дмитрием Ивановичем, временно прерывается. В 1382 г. тверское летописание возобновляется и не прекращается до потери Тверью своей самостоятельности. Наибольшего расцвета в этот период летописание Твери достигает при тверском великом князе Борисе Александровиче (1425—1461). Тверская летопись стремится показать, что руководящую роль в русской истории играет Тверь, что Тверь является оплотом борьбы с монголо-татарским игом, а тверские

¹ Текст Троицкой летописи восстановлен М. Д. Приселковым на основании выписок из нее Н. М. Карамзина, изданных до пожара отдельных отрывков из этой летописи, данных Лаврентьевской, Симеоновской и Воскресенской летописей. См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950. В настоящее время для восстановления Троицкой летописи могут быть привлечены Владимирский летописец и Западнорусская (Белорусская I) летописи. См.: Лурье Я. С. Троицкая летопись и московское летописание XIV в.— «Вспомогательные исторические дисциплины», т. VI. Л., 1974, с. 84—91.

² Впервые такую датировку этого свода обосновал А. А. Шахматов.

³ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 67—121.

Церковь Федора Стратилата в Новгороде. 1361 г.

великие князья, опытные военачальники и мудрые государственные деятели, достойны стать самодержцами Русской земли.

Новгородское летописание. В рассматриваемый период летописание Новгорода теряет свою былую демократичность, свой местный характер и начинает претендовать на общерусское значение. Как и в московском летописании, в Новгородскую летопись включаются внелетописные памятники повествовательного, историко-политического характера, призванные подтвердить особую роль Новгорода в истории Русской земли, противопоставить Новгород, новгородскую древность Москве. Эта тенденция новгородского летописания объясняется обострением политической и идеологической борьбы Москвы с Новгородской боярской республикой в конце XIV — первой половине XV в. Наиболее остро эти тенденции новгородского летописания проявились, когда новгородскую архиепископскую кафедру занимал Евфимий II (с 1429 по 1458 г.).

Необходимо отметить, что новгородский архиепископ играл важнейшую роль в идеологической жизни города. При Евфимии II в Новгороде усиленно собираются материалы по истории города, оживляются легендарно-исторические предания, при владычном дворе ведется интенсивная летописная работа, создаются новые летописные своды.

«Летописец Еллинский и Римский». Интерес русских читателей к всемирной истории, как уже отмечалось выше, удовлетворяли памятники хронографического жанра. Хронографы — это компилятивные сборники рассказов из истории различных стран и народов мира, начиная с библейских времен. Хронографическое изображение истории в отличие от летописи носило более повествовательный характер. Рассказы хронографов очень часто представляют собой сказочно-фантастические или нравственно поучительные новеллы. В хронографических статьях значительно больше, чем в летописи, баснословного и анекдотического материала, их отличительной чертой являлось стремление к нравучительности, морализированию.

Характеризуя отличие хронографического повествования от летописного, Д. С. Лихачев пишет: «Для летописца самое важное заключалось в исторической правде. Летописец ценил документальность своих записей, он бережно сохранял записи своих предшественников, он был историком по преимуществу. Составитель Хронографа был, наоборот, литератором. Его интересовал не исторический, а назидательный смысл событий»¹.

В рассматриваемое время из памятников хронографического жанра составляются первая и вторая редакции «Летописца Еллинского и Римского». О. В. Творогов относит время составления второй редакции к середине XV в. Она восходит, по его гипотезе, к архетипной редакции, составленной, по-видимому, в XIII в. По сравнению со своим протографом «Еллинский летописец» второй редакции пополняется целым рядом дополнительных текстов. Основными источниками дополнений служили: «Хронограф по великому изложению», «Александрия» второй редакции, «Житие Константина и Елены», «Сказание о построении Софии Цареградской», «Сказание о Феофиле» и др.² Используются сведения русских летописей. Включение в состав второй редакции «Еллинского летописца» обширных текстов сюжетного характера, искусное объединение различных источников в единое повествование усилили литературно-занимательную сторону этой обширной компиляции по всемирной истории.

Дальнейшее усиление сюжетности, занимательности повествования происходит в Русском Хронографе в конце XV — начале XVI в.

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 346. См. также: Творогов О. В. К истории жанра Хронографа. — «ТОДРЛ». Л., 1972, т. XXVII, с. 203—226.

² См.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. 1 и 5.

Как и в предшествующие периоды, наряду с летописанием, агиография остается одним из основных литературных жанров. В рассматриваемое время этот жанр достигает большого развития и претерпевает целый ряд важных изменений.

В одно и то же время, в конце XIV — начале XV в., в славянских странах (Болгарии, Сербии и на Руси) происходит расцвет экспрессивно-эмоционального стиля, о котором мы уже говорили выше. Отражая общую философскую концепцию, обусловленную предвозрожденческими явлениями, в каждой стране этот стиль, восходящий к византийским традициям, получил своеобразное воплощение. Наиболее ярко экспрессивно-эмоциональный, панегирический стиль проявился в произведениях агиографического жанра.

В возникновении и развитии на Руси панегирического стиля имело немаловажное значение общение русской книжной культуры с книжной культурой Болгарии и Сербии. Но нельзя объяснить возникновение этого стиля на Руси только как результат влияния южнославянских литератур на русскую (так называемое «второе южнославянское влияние»). Процесс формирования и развития панегирического стиля проходил во взаимном общении славянских культур между собою. Большую роль в этом процессе сыграли также связи этих стран с византийскими культурными течениями как непосредственно, так (видимо, еще в большей степени) и в славянско-византийских культурных центрах: монастырях Константинополя, Солуни, Святой Горы (Афона)¹.

В русской агиографии первые проявления экспрессивно-эмоционального стиля связывают с именем митрополита Киприана. В наиболее завершенном и вместе с тем наиболее оригинальном виде экспрессивно-эмоциональный стиль представлен в творчестве Епифания Премудрого. Третьим представителем этого литературного течения был Пахомий Логофет.

Киприан. Киприан, болгарин по национальности, был высокообразованным человеком. Церковно-книжное образование он получил на родине, в Византии и на Афоне. Он был тесно связан личной и творческой дружбой со своим сверстником и земляком Евфимием Тырновским (1320—1402), болгарским патриархом, основоположником и теоретиком панегирического стиля в болгарской литературе, реформатором правописной системы болгарского языка.

¹ См.: Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962; Мошин В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.—«ТОДРЛ». М.—Л., т. XIX, 1963, с. 28—106; Дуйчев И. С. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества.—«ТОДРЛ». М.—Л., 1963, т. XIX, с. 107—129; Дмитриев Л. А. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в.—«ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX, с. 72—89.

В 1375 г. решением Царьградского патриаршего собора Киприан был поставлен в литовские митрополиты, с правом наследия, после смерти митрополита Алексея — митрополии всяя Руси. С 1378 г., года смерти Алексея, за митрополичью кафедру всяя Руси идет борьба нескольких претендентов, в которой активно участвует и Киприан. Окончательно он утвердился на митрополичьем столе всяя Руси в Москве при сыне Дмитрия Донского, в 1390 г.

Литературно-книжной деятельностью Киприан начал заниматься во время своего пребывания на Афоне и не прекращал ее до последних дней своей жизни (ум. в 1406 г.). Как уже говорилось выше, он сыграл большую роль в создании первого общерусского летописного свода, занимался переводами с греческого языка, перепиской книг, сочинял церковно-служебные тексты.

Во время борьбы за митрополичий стол Киприан прибегает к литературе как к средству политической борьбы. По его инициативе и, видимо, с его непосредственным участием создается «Повесть о Митяе», направленная против основного соперника Киприана в этой борьбе¹. Политико-публицистическими соображениями продиктовано и создание Киприаном новой редакции «Жития митрополита Петра» — главного литературного труда Киприана. Он пишет это сочинение в 80-х гг. XIV в., т. е. в годы борьбы за митрополичью кафедру².

За основу своего сочинения Киприан взял «Житие митрополита Петра» в редакции 1327 г. Небольшое по объему первоначальное житие, написанное кратко, просто, без риторических украшений, под пером Киприана значительно увеличилось в объеме и приобрело пышное литературное оформление. Литературную задачу своего труда Киприан сам определил в кратком вступлении к житию, говоря, что его труд — это похвала Петру, ибо «неправедно» житие «такового святителя» оставлять «не украшенным»³. В соответствии с канонами жанра Киприан добавил вступление и заключение, которых в первоначальном виде жития не было.

Киприановская редакция жития Петра примыкает к житиям панегирического стиля. Но в первую очередь сочинение Киприана преследовало политические и публицистические цели. Здесь еще резче, чем в редакции 1327 г., подчеркивается величие Москвы, ее общерусское значение как политического и церковного центра русских земель. Киприан в «Житии» не только восхвалял Петра и московского князя, но и подтверждал свое право на митрополию всяя Руси. В судьбе Киприана было много сходного с

¹ См.: Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе». (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы.) Л., 1978.

² См.: Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1963, т. XIX, с. 215—254.

³ Текст цит. по изд.: ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стлб. 1620—1646.

судьбой Петра (соперничество с другими кандидатами на митрополию, столкновения с противниками уже после поставления в митрополиты, приход в Москву из Литвы), и уже этим он как бы приравнивал себя к Петру. В заключающей «Житие» похвале Петру Киприан подробно рассказывает об истории своего поставления на митрополию, изображая Петра своим защитником и покровителем. В этом «автобиографизме» киприановского жития Петра нашло отражение новое отношение в литературе к авторскому началу.

Киприановское «Житие митрополита Петра» прежде всего носило публицистический характер. Но по построению, отдельными образами, языком оно сближается с произведениями экспрессивно-эмоционального стиля.

Епифаний Премудрый. Епифаний родился в Ростове в первой половине XIV в. В 1379 г. он стал монахом одного из ростовских монастырей. В дальнейшем подвизался в Троице-Сергиевом монастыре. Епифаний бывал в Иерусалиме и на Афоне, вероятно, путешествовал по Востоку. Умер он в 20-х гг. XV в. За свою начитанность и литературное мастерство получил прозвание «Премудрый». Перу Епифания принадлежит два жития: «Житие Стефана Пермского», написанное им в 1396—1398 гг., и «Житие Сергия Радонежского», написанное между 1417—1418 гг.

В авторском вступлении к «Житию митрополита Петра» Киприан, как отмечалось выше, говорит, что житие должно служить украшением святому. Образцом жития-украшения, словесной похвалы святому может служить епифаниевское «Житие Стефана Пермского».

В этом произведении наиболее полно и четко отразились взгляды Епифания на задачи литературного творчества агнографа. Обычные слова не в силах выразить величие деяний подвижников во славу Христа, но автор рассказа о святом — земной человек. И вот, призывая на помощь бога, уповая на покровительство восхваляемого им святого, агнограф стремится так пользоваться обычными средствами языка, чтобы у читателя создалось представление о святом, как о человеке совершенно иного духовного типа, чем остальные люди. Поэтому языковая вычурность — не самоцель, а средство, с помощью которого автор сможет достойно прославить героя своего повествования.

Агнограф в начале жития (что особенно характерно для памятников панегирического стиля) говорит о своих писательских возможностях с крайней степенью самоуничижения. Вот что пишет Епифаний в одной из тирад такого рода: «Аз бо есмь умом груб и словом невежа, худ имея разум и промысел преумен, не бывшу ни во Афинех от юности, и не научихся у философов их ни плетения риторска, ни витийских глагол, ни Платоновых ни Аристотелевых бесед не стяжах (не освоил), ни философия, ни хитроречия не навыхох, а спроста отиудь весь не-

доумения наполнятся»¹. Авторские признания в своей неучености, невежестве, в своей простоте противоречат остальному тексту произведения, в котором его ученость, эрудиция и умение владеть риторическими приемами проявляются в полной мере. Это искусный литературный прием, направленный все к той же цели — прославить, возвеличить святого. Если автор жития, блещущий в своем произведении и ученостью, и риторским искусством, не устает повторять о своем ничтожестве, то читатель и слушатель жития должен был чувствовать себя особенно ничтожным перед величием святого. Кроме того, авторские признания о своей неучености и литературной беспомощности, противоречащие действительному тексту, написанному этим самым автором, должны были создать впечатление, что все написанное — некое божественное откровение, наитие свыше.

В «Житии Стефана Пермского» Епифаний достигает настоящей виртуозности в восхвалении Стефана. Выбор поэтических средств, композиционное строение текста у Епифания — строго продуманная, тщательно отработанная литературная система². Традиционные поэтические приемы средневековой агиографии у него усложнены, обогащены новыми оттенками. Многочисленные амплификации³, нанизывание одних сравнений на другие, перечисление в длинных рядах варьирующихся традиционных метафор, ритмика речи, звуковые повторы придают тексту особую торжественность, эмоциональность и экспрессивность. Вот, например, одна из характеристик героя, начинающаяся с авторского самоуничижения: «Да и аз многогрешный и малоразумный и последуя словесем похвалений твоих, слово плетуши и слово плодящи, и словом почтити мящи, и от словес похваление собирая и приобретаю и припетая паки глаголя: что еще ты нареку? — Вожа заблуждим (путеводителя заблудившимся), обретателя (спасителя) погыбшим, наставника прельщенным (соблазненным), руководителя умом ослепленным, очистителя оскверненным, взыскателя (собирающего) расточенным, страха ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, наказателя (наставника) несмысленным...» и т. д.

В первой из приведенных цитат мы встречаем выражение «плетения риторска», во второй — «слово плетуши». Это определение характера писательского труда, как «плетения словес»,

¹ Житие святого Стефана, епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым. Издание Археографической комиссии. Спб., 1897.

² См.: Коновалова О. Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV — начала XV века (на материале «Жития Стефана Пермского», написанного Епифанием Премудрым). Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1970.

³ Амплификацией (от лат. *amplificatio* — расширение) называется употребляемый в литературе и ораторском красноречии прием нагнетания однородных элементов речи: определений, синонимов, сравнений, противопоставлений и т. п.

предати . аще не писано въ житіи еѣ .
 то по чужь вѣдати , не знавши
 и не вѣдавши еѣ како въ бы ,
 ии шиса дѣтъ ;

како ведѣтъ и како во зрѣти , и како
 стиржѣтъ . и како во здѣжѣтъ и на
 како поживѣ . и како въ имѣ коницѣ жи
 тию . аще не бѣдетъ писано ии е нѣ
 кто слышалъ по рѣчи въ слѣ житіи
 еѣ ходити . ии еѣ прииме польздѣ .
 пишетъ же великіи вѣсти . бѣднрѣни
 те .
 а .

неоднократно повторяемое Елифанием, удачно отражает орнаментальность, словесную изощренность стиля Елифания и экспрессивно-эмоционального стиля вообще.

«Плетение» похвалы святому — основная цель и задача «Жития Стефана Пермского». Но все же в этом пышном похвальном панегирике просветителю Пермской земли встречаются и жизненные зарисовки, и исторически конкретные факты. Особенно выделяются эти стороны «Жития» в описаниях быта пермяков, в рассказах об их идолах, об их охотничьем искусстве, в рассуждениях Елифания об отношениях между Москвой и Пермью. Центральная, наиболее обширная часть «Жития» — рассказ о борьбе Стефана с пермским волхвом Памом — носит сюжетный характер, насыщена бытовыми зарисовками, живыми сценами.

Второе сочинение Елифания Премудрого — «Житие Сергия Радонежского» — носит более повествовательный характер, чем «Житие Стефана Пермского», стилистически оно значительно проще, более насыщено фактическим материалом. Целый ряд эпизодов «Жития Сергия» имеют своеобразный лирический оттенок (рассказ о детстве отрока Варфоломея — будущего Сергия, эпизод, повествующий о просьбе родителей Сергия не уходить в монастырь до их смерти, чтобы было кому помочь им в старости, и т. п.).

Если в «Житии Стефана Пермского» Елифаный показал себя виртуозом-стилистом, то в «Житии Сергия» он представал, кроме того, мастером сюжетного повествования. «Житие Сергия» пользовалось большой популярностью у средневековых читателей и дошло до нас в большом количестве списков.

Пахомий Логофет. В произведениях Елифания Премудрого экспрессивно-эмоциональный стиль достиг вершины своего творческого развития. В лице третьего представителя этого стиля в агиографии, Пахомия Логофета, он нашел мастера, придавшего ему официальный церковно-религиозный характер. Жития, написанные Пахомием, стали формальными образцами для всей последующей официальной агиографии. Мы не можем отказать Пахомию в литературных способностях, он был очень плодовитым и опытным писателем. Едва ли это не первый на Руси писатель-профессионал: летопись сообщает, что Пахомий получал вознаграждения за свои литературные труды и его приглашали для литературной работы в различные книгописные центры. Агиографическим мастерством Пахомия восторгались средневековые книжники. Но творчество Пахомия носило рассудочный характер, преследовало цель унифицировать изложение в памятниках житийной литературы, приводя их тексты в соответствие с формальными требованиями жанрового канона.

Пришелец из Сербии, Пахомий Логофет начал свою литературную деятельность в 30-х гг. XV в. в Новгороде, при новгород-

Заселение Пермского края. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. (БАН).

ском архиепископе Евфимии II. В дальнейшем он бывал в Москве, Троицко-Сергиевом монастыре, в Белозерском монастыре, вновь возвращался в Новгород. Умер Пахомий, по-видимому, в 80-х гг. XV в. Перу Пахомия принадлежит несколько оригинальных житий, из которых лучшее — «Житие Кирилла Белозерского». Помимо житий, он написал ряд похвальных слов и служб святым. Основная же деятельность Пахомия как агиографа состояла в переработке уже существовавших житий с целью придать этим житиям большую риторичность, большее соответствие жанровым канонам¹.

Как отмечает В. О. Ключевский, Пахомий Логофет «прочно установил постоянные, однообразные приемы для жизнеописания святого и для его прославления в церкви и дал русской агиобиографии много образцов того ровного, несколько холодного и монотонного стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности»².

3. ПАМЯТНИКИ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» по своему стилю может быть отнесено к агиографическим памятникам экспрессивно-эмоционального стиля. Это похвала деяний Дмитрия Донского, о чем автор «Слова» с характерным для жанра самоуничижением заявляет в конце своего произведения: «Аз же недостойныи не възмогах твоему преславному господьству по достоинию похвалы приложити за грубость неразумия»³. Стилистические и композиционно «Слово» близко к произведениям Елифания Премудрого⁴.

Время написания «Слова» датируется по-разному. Большинство исследователей относили его создание к 90-м гг. XIV в., считая, что оно было написано очевидцем смерти и погребения

¹ Монографическое исследование о Пахомии см.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. Спб., 1908; см. также: Орлов Г. Похومية Србин и његова книжевна делатност у Великом Новгороду. — Прилози на книжевност, језик, историју и фолклор, кн. XXXVI, св. 3—4. Београд, 1970.

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 166.

³ Текст цитируется по изданию: Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Л., 1925, вып. 2, с. 351—366.

⁴ См.: Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1947, т. V, с. 73—96. Развив мысль В. П. Адриановой-Перетц о близости «Слова» к творчеству Елифания, А. В. Соловьев пришел к заключению, что «Слово» было написано Елифанием в 90-х гг. XIV в., до написания житий Стефана и Сергия. См.: Соловьев А. В. Елифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1961, т. XVII, с. 85—106.

князя (ум. в 1389 г.). В. П. Адрианова-Перетц датирует памятник 20-ми гг. XV в., М. А. Салмина — концом 40-х гг. XV в., связывая его возникновение с составлением свода 1448 г.¹ Все датировки носят гипотетический характер, и отдать предпочтение какой-либо из них пока невозможно.

Биографические сведения о Дмитрии Донском и исторические данные мало интересуют автора. В начале подчеркивается преемственность Дмитрия по отношению к великому князю Владимиру I и то, что он «сродник» святых князей Бориса и Глеба. Упоминаются битва на Воже и Мамаево побоище. Как в этих частях «Слова о житии», так и в других, где подразумеваются какие-то конкретные события, ведется не столько рассказ о них, сколько дается их обобщенная характеристика. Основное же содержание «Слова» — похвальные тирады Дмитрию и философские, весьма сложные размышления автора о величии князя. Сравнивая своего героя с библейскими персонажами, писатель подчеркивает превосходство своего героя над ними («Аврама ли ты уподоблю? но тому убо верою уподобися, а житьем превзыде паче оного» и т. п.). В этом же ряду сравнений Дмитрий выступает как наиболее великий правитель из всех известных мировой истории.

Особо выделяется в «Слове» плач жены Дмитрия Донского, княгини Евдокии, проникнутый глубокой лиричностью. На нем отразилось влияние народной вдовьей причеты. Плач Евдокии пользовался большой популярностью у древнерусских книжников, которые часто вносили его переработки в повествования о кончине князей.

Характер и содержание «Слова о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича...» предопределили стиль «Степенной книги царского родословия», одного из важных идеологических литературных памятников XVI столетия². По характеру своего панегирического стиля к «Слову о житии и о преставлении» близко примыкает «Слово похвальное тверскому князю Борису Александровичу».

Инок Фомы «Слово похвальное тверскому князю Борису Александровичу». Памятник тверской литературы середины XV в., «Слово похвальное тверскому князю Борису Александровичу» инока Фомы — яркий образец экспрессивно-эмоционального стиля. Это произведение своей пышностью и торжественностью, некоторыми литературными приемами близко к «Слову о житии». Но Фома еще дальше, чем автор «Слова о житии», отходит от агиографического жанра и значительно усиливает публицистичность своего произведения. «Слово» инока Фомы — похвала величии и могуществу тверского князя Бориса Алек-

¹ См.: Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского». — «ТОДРЛ», М.—Л., 1970, т. XXV, с. 81—104.

² См.: Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937, с. 216.

сандровича (1425—1461) и Тверского княжества. Про инок Фому нам ничего не известно. «Слово» было написано им около 1453 г.¹.

«Слово» делится на четыре части. В тематическом и композиционном отношении каждая из них самостоятельна. Объединены они единой идеей и единством стиля.

Единая и основная идея всех частей произведения — это мысль о том, что тверской князь Борис Александрович — «самодержавный государь»², достойный стать во главе всей Русской земли. Он украшен всеми добродетелями, заботится о благе своих подданных, он храбрый и искусный военачальник. Так же, как и автор «Слова о житии и о представлении Дмитрия Ивановича», инок Фома, сравнивая тверского князя Бориса Александровича с деятелями мировой истории и библейскими персонажами, ставит своего героя выше их.

Фома в своем произведении стремится подчеркнуть полное согласие между Тверью и Москвой, убедить читателя в том, что между Борисом Александровичем и великим князем московским Василием Темным царит дружба. Первоначально и покровительственную роль в этом союзе играет тверской князь. Сообщая об обручении сына Василя, будущего Ивана III, с дочерью Бориса, инок Фома восклицает: «И москвичи же радовашеся, яко учинися Москва Тферь, а тферичи радовашеся, яко же Тферь Москва бысть. Но два государя воедино совокупишася».

«Слово» носит пышный, возвышенный и риторический характер. И вместе с тем за искусно построенными риторическими пассажами ощущается живое человеческое чувство, драматизм ситуаций. Вот, например, рассказ о приезде из Вологды в Тверь ослепленного и согнанного с Московского княжения Василя Темного. Встретившись, оба князя плачут. Василий — умиленный милосердием Бориса, а Борис, скорбя об унижении московского князя: «Преже бо видеша брата своего великого князя Василя добролепна и добровидна, и государским саном почтена, и ныне же уничижина и нищевина, но от своеи братии поруганна». Плачут и жены князей. Плач продолжается и на трапезе: «И егда же им было ясти или пити или веселитися и тогда оне в веселии место плачь предлагаше».

Интересны рассуждения Фомы о писательском труде. Свой долг, как человека не обремененного заботами о доме и о семье, о воинских делах, Фома видит в необходимости прославлять князя. Свои похвалы князю и рассказы о его деяниях он должен писать не для тех, кто является самовидцем мудрого правления князя, а для «новорожденных младенцев», чтобы и они, когда «дойдут в меру мужества своего», знали «княжение великого князя Бориса Александровича». Такое определение литературной задачи произведения интересно не только для представления об авторских установках Фомы, но и для понимания психологии древнерусского писательского труда вообще: автор пишет по свежим следам событий для потомков. Это лишний раз подтверждает справедливость позиции тех исследователей древнерусской литературы, которые считают, что в Древней Руси описания событий создавались, как правило (но не всегда), вскоре после самих событий.

«Слово» инока Фомы свидетельствует о широком литературном кругозоре его автора. Можно назвать целый ряд памятников и разного времени, и разного характера, образами и оборотами которых воспользовался Фома. Здесь и «Повесть временных лет», и «Слово о законе и благодати» Иларiona, и «Слова» Кирилла Туровского, и «Житие Александра Невского», и произведения Куликовского цикла, и ряд других памятников.

¹ Все исторические сведения в «Слове» не позже этой даты. В нем говорится о бегстве Шемяки в Новгород, но не сообщается о его смерти (ум. 17 июля 1453 г.).

² Инок Фомы «Слово пахвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Сообщение Н. П. Лихачева. Изд-во ОЛДП, 1908. Здесь же большая статья Н. П. Лихачева о памятнике. См. также: Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 36, вып. 3, с. 85—109.

«Слово» инока Фомы отражало идеи создания единого державного Русского государства, но идеалом самодержца здесь был тверской князь, по отношению к которому великий князь московский выступал как младший. Поэтому «Слово» инока Фомы не оказалось включенным в официальную московскую литературу и сохранилось до нас в одном списке лишь благодаря счастливой случайности.

4. ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗАНИЯ

Легендарно-исторические сказания, получившие широкое распространение в XIV — первой половине XV в., в жанровом отношении стоят на грани жития и повести. Связанные с одним лицом и объединенные в единый текст, они воспринимались и обозначались как жития. Такой характер имеет «Житие архиепископа новгородского Иоанна». Вместе с тем ряд эпизодов жития какого-либо святого являются подчас самостоятельными, возникшими независимо от жития и лишь позже внесенными в него легендарно-историческими сказаниями. Таков характер многих эпизодов распространенной редакции «Жития Варлаама Хутынского». Реальные события в легендарно-исторических сказаниях получают легендарно-мистическое истолкование. Ниже мы рассмотрим как образец этого жанра цикл легендарно-исторических сказаний о новгородском архиепископе Иоанне.

Цикл сказаний об Иоанне Новгородском. В политической и идеологической жизни Новгорода всегда большую роль играл новгородский архиепископ. Первым новгородским архиепископом (до него высший церковный иерарх Новгорода имел сан епископа) стал Иоанн. Иоанн (годы архиепископства — с 1165 по 1186 г.) пользовался большой популярностью у новгородцев как при жизни, так и после смерти, и с его именем связано несколько легенд, возникших в разное время.

«Сказание о битве новгородцев с суздальцами». Сюжетом этого «Сказания» послужил поход на Новгород в 1170 г. суздальцев под предводительством Мстислава (сына Андрея Боголюбского), окончившийся победой новгородцев. «Сказание» основано на устной легенде и краткой летописной записи об этом событии в Новгородской I летоиси. Как письменное произведение оно возникло в 40—50 гг. XIV в.¹

Новгород осажден суздальцами. Архиепископ Иоанн молится ночью в своей келье о спасении города. Он слышит голос, повелевающий ему вынести на «забрала» города икону божьей матери из Ильинской церкви (церкви Спаса на Ильине, расписанной в конце XIV в. Феофаном Греком). Во время штурма города суздальцами в икону, поставленную на городской стене и обращенную к осаждающим, попадают стрелы, она поворачивается ликом

¹ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 129—131.

и въспомани конѣмъ строгъ. нѣтъ
 ни бѣсть монастырь. и црковь стѣ
 щынадесятииъ. попогратинъ жемъ
 двѣ заострогѣ неможахъ ствати. но
 спомо плахаху есакждо видаше по
 гисельсону. по поже соудальцы и по
 лнцы и здѣлани на шп ждогл

Суздальцы у стен осажденного Новгорода. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. (ГПБ).

к городу¹ и плачет. Суздальцев покрывает тьма, и они избивают сами себя.

В «Сказании» дается красочное описание крестного хода с иконой, когда ее несут на стены осажденного города. Заносчивость и гордыня суздальцев подчеркиваются словами о том, что еще до захвата города они разделили между собой новгородские улицы, чтобы грабить и убивать жителей. Слезы богородицы, чтобы они не упали на землю, Иоанн собирает в свою фелюнь (ризу).

Все эти яркие образы производили сильное впечатление на читателей и слушателей «Сказания», о чем красноречиво свидетельствует отражение этого сюжета в изобразительном искус-

¹ Д. С. Лихачев дает реальное объяснение этой детали легенды. Икона знаменья богородицы (она сохранилась до наших дней и находится в Новгородском музее) прикреплена к древку. Во время осады она, как патрональная икона — защитница города, была вынесена на городскую стену. В нее действительно попала стрела (след сохранился), и от ее удара икона могла легко повернуться вокруг своей оси.

стве древнего Новгорода. До нас дошло три иконы второй половины XV в. «Битва новгородцев с суздальцами», являющиеся шедеврами древнерусской живописи. На них последовательно изображены все эпизоды «Сказания»¹.

«Сказание о путешествии Иоанна Новгородского на беса в Иерусалим». Легенда о сказочном путешествии Иоанна на беса возникла, по-видимому, очень рано, время же создания «Сказания», основанного на этой легенде, точно установить невозможно (вероятно, не позже 1440 г., когда Иоанн был признан местночтимым святым).

Однажды во время ночной келейной молитвы Иоанна бес решил устрашить его и отвлечь от богоугодного дела: он залез в рукомоийник святого и стал там плескаться². Но Иоанн, осенив рукомоийник крестным знаменем, «заклял» в нем беса. В награду за освобождение бес за одну ночь доставляет Иоанна в Иерусалим и возвращает в Новгород. Бес требует, чтобы Иоанн никому не рассказывал об этом путешествии. Однако Иоанн проговаривается, не называя, правда, своего имени. Бес мстит за это святому: то в облике девицы он выходит из его кельи на глазах у новгородцев, то, когда именитые новгородцы посещают Иоанна, бес «мечтанием» заставляет их видеть в келье архиепископа принадлежности женской одежды. Новгородцы обвиняют своего духовного пастыря в блуде и решают изгнать его из своего города. Иоанна сажают на плот и пускают этот плот по Волхову. Но плот, никем не управляемый, плывет против течения к Юрьевскому монастырю. Убедившись в невиновности Иоанна и в том, что все их подозрения — бесовские наветы, новгородцы, идя по берегу вслед за плотом, умоляют Иоанна вернуться в Новгород³.

Легенда об Иоанне, заклявшем крестным знаменем беса и заставившем его тем служить себе, восходит к сказочному фольклору Древней Руси⁴. Этот сказочно-легендарный мотив широко распространен в мировом фольклоре.

В «Сказании» нашли отражение черты новгородского быта, ярко проявляется местный колорит. «Сказание» отличается динамичностью, остротой сюжета, реалистичностью изображения событий. Чудесен лишь сам факт, но передан он с жизненными и реальными деталями. Это сближает рассказ о путешествии Иоанна на беса со сказкой. Описание мести беса близко к сказке и своим юмором, и своеобразным лукавством.

¹ Одна икона находится в Новгородском музее (лучшая), другая — в Русском музее в Ленинграде, третья — в Третьяковской галерее в Москве. См.: Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.—Л., 1947, с. 296; Лазарев В. Н. Новгородская иконопись. М., 1969, с. 35—36, табл. 51—53.

² Древний медный рукомоийник, якобы принадлежавший Иоанну, сохранился до нашего времени (находится в Новгородском музее, в Николо-Дворянском соборе).

³ Текст «Сказания» опубликован в кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 404—413.

⁴ Мотив заклятого крестом и служащего человеку беса нашел отражение в «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя.

Эпизод с бесом, заключенным в сосуде, встречается в древнерусском «Житии Авраамия Ростовского» (XV в.). Рассказ о мести беса, сходный в ряде ситуаций с соответствующей частью рассказа о путешествии Иоанна на бесе, есть в древнерусской повести «О Василии, епископе Муромском» (середина XVI в.). Оба этих памятника вторичны по отношению к «Сказанию об Иоанне Новгородском».

«Сказание об обретении мощей Иоанна». Это сказание об Иоанне носит наиболее ярко выраженный церковно-религиозный характер. Здесь рассказывается о чудесном обнаружении забытой гробницы Иоанна при новгородском архиепископе Евфимии II. Упавший камень пробил в лежавшей на полу храма плите скважину, и там обнаружилось нетленное тело неизвестного святого. В дальнейшем святой является во сне архиепископу Евфимию и объявляет, кто он.

«Сказание об обретении мощей Иоанна» возникло в 40-х гг. XV в. и входило в число тех идеологических мероприятий Евфимия II, которые преследовали цель возродить и оживить новгородские древности.

«Сказание о Благовещенской церкви». Это «Сказание», также связанное с именем Иоанна, было создано в Благовещенском новгородском монастыре не ранее 1310 г. и не позже начала XVI в.¹

Иоанн с братом Григорием на оставшиеся после смерти родителей деньги стали строить каменный храм в Благовещенском монастыре. Из-за недостатка денег строительство пришлось остановить. Братья обращаются с мольбой к Богородице, и она дарует им золото и серебро на завершение постройки. Этот традиционный христианский мотив божественного дара предстает в «Сказании» как сказочное чудо. Серебро и золото братьям приносит в притороченных к седлу мешках сказочный конь, появляющийся без наездника перед братьями после их обращения к Богородице. Этот конь-помощник, хотя он и послан братьям божественным провидением, напоминает волшебного сивку-бурку, который неожиданно появляется по зову сказочного героя и так же мгновенно исчезает, исполнив его повеление.

«Сказание о битве новгородцев с суздальцами» дошло до нас и в составе сборников и вошло в «Житие Иоанна Новгородского», созданное в 70-х гг. XV в.²

«Сказание о путешествии на бесе» и «Сказание об открытии мощей Иоанна» сохранились только в составе «Жития Иоанна». «Повесть о Благовещенской церкви» представлена небольшим числом списков и, как правило, в виде приложения к тексту «Жития».

Характерной чертой новгородских легендарно-исторических сказаний является их своеобразная «документальность». Они не

¹ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера, с. 170—172.

² Там же, с. 162—165.

Битва новгородцев с суздальцами в 1170 г. Икона XV в. (ГРМ).

Сужсемьнутамаста . аби пьбавлинии ко
 бегъ бо ойи зъни ботво нко семъ бо ойи пь
 братрасужа врома на питиашн . семъ
 стовоудни гровъ займъ хъ он за црть
 мнъ коуно бръ нзаво праоца до но кре
 стъ мнъ стов .

Куликовская битва 1380 г.
 Миниатюра Лицевого ле-
 тописного свода. XVI в.
 (БАН).

только соотнесены с конкретными историческими лицами и событиями, но подтверждаются и «вещественными документациями»: икона Знамения Богородицы, рукомойник Иоанна.

Легендарно-исторические сказания древнего Новгорода дошли до нас, как правило, в составе житий святых, в составе новгородских летописей. Как замечает Д. С. Лихачев, наиболее популярные, широко распространенные легендарные сказания, известные всем, «не было нужды фиксировать и заносить в рукописи... Лишь необходимость ввести то или иное сказание в богослужение, в летопись, обработать его литературно могла спасти его от забвения»¹. Это дает основание утверждать, что в устной традиции, а возможно, и в не дошедших до нас записях бытовало огромное количество легендарных преданий, только небольшая часть которых сохранилась в виде легендарно-исторических сказаний.

¹ ИРЛ, т. II, ч. I. М.—Л., 1945, с. 261.

5. ПАМЯТНИКИ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА

Победа, одержанная русскими над монголо-татарами на Куликовом поле, произвела огромное впечатление не только на современников этого эпохального события в истории Руси, но долго интересовала и волновала русских людей и после 1380 г. Этим объясняется то, что Мамаеву побойцу посвящен целый ряд литературных памятников, созданных в разное время, которые переписывались и перерабатывались древнерусскими книжниками на протяжении нескольких столетий.

Произведения Куликовского цикла различны по своему характеру и стилю. Поэтическая «Задонщина», документально-историческая первоначальная летописная повесть, остро публицистическая Пространная редакция летописной повести и, наконец, наполненное воинской героикой, отзвуками фольклора, подробно освещающее все события «Сказание о Мамаевом побоище».

«Задонщина». «Задонщина» уже упоминалась выше в связи со «Словом о полку Игореве». Помимо самостоятельного литературного значения и того факта, что этот памятник посвящен столь знаменательному событию в истории Руси, как Куликовская битва, «Задонщина» важна для нас и как неоспоримое свидетельство древности и подлинности «Слова о полку Игореве».

Наиболее вероятное время создания «Задонщины» — 80-е — самое начало 90-х гг. XIV в. «Задонщина» — это возникший под непосредственным влиянием события отклик на Куликовскую битву¹.

«Задонщина» дошла до нас в шести списках, самый ранний из которых (список Ефросина) датируется 1470-ми гг., а поздний — концом XVII в. «Задонщиной» названо рассматриваемое произведение в списке Ефросина. В других списках оно называется «Словом о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его

¹ Убедительный аргумент в пользу датировки «Задонщины» временем не позже начала 90-х гг. XIV в. приведен академиком М. Н. Тихомировым. Перечисляя города, до которых дошла весть о разгроме «поганых» на Куликовом поле, автор «Задонщины» среди центров православного мира называет столицу Болгарского царства — Тырново. Тырново в 1393 г. было захвачено и разгромлено турками. Естественно, что, говоря о славе победы над «погаными», автор не включил бы в свой перечень город, находящийся под игом «поганых». Таким образом, «Задонщина» не могла быть написана позже 1393 г. (см.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, с. 203). Последний из исследователей вопроса датировки «Задонщины» М. А. Салмина относит время ее возникновения к периоду после конца 40-х гг. XV в., так как, по ее мнению, «Задонщина» испытала на себе влияние Пространной летописной повести о Куликовской битве, которую она датирует концом 40-х гг. XV в. (см.: Салмина М. А. Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 344—384). Датировка Пространной летописной повести М. А. Салминой гипотетична. Еще более спорен вопрос о зависимости «Задонщины» от летописной повести, тем более что первоначальный текст «Задонщины» до нас не дошел и реконструируется на основе поздних ее списков.

князе Владимире Андреевиче». Ефросиновский список представляет собой сокращенную переработку недошедшего первоначального пространного текста, в остальных списках текст пестрит ошибками и искажениями. Ниже мы будем прибегать к реконструкции текста «Задонщины», составленной на основе данных всех списков произведения¹.

В «Задонщине» выражено поэтическое отношение автора к событиям Куликовской битвы. Его рассказ (как и в «Слове о полку Игореве») переносится из одного места в другое: из Москвы на Куликово поле, снова в Москву, в Новгород, опять на Куликово поле. Настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом. Сам автор охарактеризовал свое произведение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Одреевичю», «Жалость» — это плач по погибшим, «Похвала» — слава мужеству и воинской доблести русских.

Весь текст «Задонщины» соотнесен со «Словом о полку Игореве»: тут и повторение целых отрывков из «Слова», и одинаковые характеристики, и сходные поэтические приемы. Но обращение автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» носит творческий характер. Беря за образец для своего произведения «Слово», он, как пишет Д. С. Лихачев, имел в виду не простое подражание стилю своего образца, «а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в «Задонщине»². Эти сопоставления давали понять, что несогласие в действиях князей (как было в «Слове») ведет к поражению, объединение же всех для борьбы с врагом — залог победы. Вместе с тем это сопоставление показывало, что наступило иное время и уже не русские, а «поганые татаровя, бусормановя» терпят поражение.

Сопоставление прошлого с настоящим, событий, описанных в «Слове», с событиями 1380 г., идет с самого начала и на протяжении всего текста. Уже во введении это сопоставление выражено ярко и имеет глубокий смысл. Начало бед Русской земли автор ведет с злополучного сражения на Каяле и битвы на Калке: враги Руси «на реке на Каяле, одолеша род Афетов (т. е. русских). И оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатския рати (Калкской битвы) до Мамаева побоища туюю и печалию покрывшася». После победы над Мамаем наступил перелом в судь-

¹ Реконструкция текста «Задонщины» предпринималась исследователями этого памятника неоднократно. Мы пользуемся текстом, напечатанным в кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 380—397.

² См.: Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.—Л., 1945, с. 76.

бе Русской земли: «Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем (отбросим, закинем) печаль на восточную страну».

Описывая выступление Дмитрия Донского в поход, автор «Задонщины» говорит, что «солнце ему ясно на востоце (востоке) сияет и путь поведает». В «Слове о полку Игореве» выступление войск Игоря в поход сопровождается солнечным затмением («Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты»). Рассказывая о движении сил Мамаю к Куликову полю, автор «Задонщины» приводит картину зловещих явлений природы: «А уже беды их (татар) пасоша (подстерегают) птицы крылати, под облакы летают, вороны часто грают, а галици (галки) свои речи говорят, орли хлекчют, а волцы (волки) грозно воют, а лисицы на кости брешут». В «Слове» эти же зловещие предзнаменования сопровождают движение русского войска.

Отметим некоторые черты поэтики «Задонщины», характерные для нее и отличающие ее от «Слова о полку Игореве». В «Задонщине» значительно больше, чем в «Слове», образов церковно-религиозного плана: «За землю за Рускую и за веру крестьяньскую», «воступив во златое свое стремя, и взял свой мечь в правую руку, и помолися богу и пречистой его матери» и т. п. Автор «Слова о полку Игореве» обращался к средствам устной народной поэтики и перерабатывал их творчески, создавая свои оригинальные поэтические образы на фольклорном материале. Автор «Задонщины» многие из таких образов упрощает, его поэтические средства, восходящие к поэтике устного творчества, ближе к своим прообразам. Ряд оригинальных эпитетов «Задонщины» явно народно-устного происхождения: типичное для былинного стиля словосочетание «таково слово», «быстрый Дон», «сырая земля» и некоторые другие.

«Задонщина» отличается пестротой стиля: поэтические части текста перебиваются прозаическими, напоминающими по своему характеру деловые документы. Весьма вероятно, что эта пестрота объясняется состоянием дошедших до нас списков памятника: части текста, близкие по стилю к документально-деловой прозе, могут относиться за счет поздних наслоений, а не отражать авторский текст произведения.

Принято считать, что «Задонщина» была написана Софонием Рязанцем: это имя, как имя ее автора, названо в заглавии двух списков произведения. Однако Софоний Рязанец называется и автором «Сказания о Мамаевом побоище» в целом ряде списков основной редакции «Сказания». Имя Софония Рязанца упоминается и в самом тексте «Задонщины», и характер этого упоминания таков, что в Софонии Рязанце следует скорее всего видеть не автора «Задонщины», а автора какого-то не дошедшего до нас поэтического произведения о Куликовской битве, которым, независимо друг от друга, воспользовались и автор «Задонщины»,

и автор «Сказания о Мамаевом побоище»¹. Никакими сведениями о Софонии Рязанце, кроме упоминания его имени в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище», мы не располагаем.

«Задонщина» — интереснейший литературный памятник, созданный как непосредственный отклик на важнейшее событие в истории страны. Замечательно это произведение и тем, что оно отражало передовую политическую идею своего времени: во главе всех русских земель должна стоять Москва и единение русских князей под властью московского великого князя служит залогом освобождения Русской земли от монголо-татарского господства.

Летописная повесть о Куликовской битве. Летописная повесть о Куликовской битве дошла до нас в двух видах: кратком и пространном. Краткая летописная повесть входит в состав летописей, ведущих свое происхождение от летописного свода Киприана (Троицкой летописи). Пространная летописная повесть в своем наиболее раннем виде представлена Новгородской IV и Софийской I летописями, т. е. должна была находиться в протографе этих летописей.

В краткой летописной повести, написанной, видимо, в близкое время к событию (во всяком случае не позже 1408—1409 гг. — времени составления свода Киприана), передаются основные исторические сведения о Куликовской битве. Разгневанный на московского князя за поражение на реке Воже, Мамай во главе многочисленного войска идет на Русь, «хотя пленити землю Русскую»². Навстречу силам Мамаю выступает великий князь московский Дмитрий Иванович. За Доном происходит кровопролитное сражение, продолжавшееся целый день. Русские одерживают победу. Мамай «в мале дружине» (с небольшим числом воинов) спасается бегством. Перечисляются имена убитых русских князей и воевод. Дмитрий Иванович, «став на костех», воздает хвалу русским воинам. Русские с богатой добычей возвращаются домой. Мамай, собрав «останочную свою силу», снова собирается пойти войной на великого князя московского. Но против самого Мамаю выступает хан Тохтамыш. Мамай терпит поражение и гибнет, Тохтамыш воцаряется в Орде.

Перед нами краткий перечень событий в их хронологической последовательности. Большая часть произведения посвящена тому, что произошло после Куликовского сражения. О самой битве

¹ Гипотеза о том, что, кроме дошедших до нас произведений Куликовского цикла, существовало несохранившееся «Слово о Мамаевом побоище», которое отразилось и в «Задонщине», и в «Сказании», принадлежит А. А. Шахматову. См.: Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго. — Повести о Мамаевом побоище. Спб., 1910. Предположение о том, что Софоний Рязанец не мог быть автором «Задонщины», а был автором «Слова о Мамаевом побоище», обосновано Р. П. Дмитриевой. См.: Дмитриева Р. П. Был ли Софоний автором Задонщины? — «ТОДРЛ». Л., 1979. т. XXXIV, с. 18—25.

² Текст цитируется по изданию: Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV. М., 1965, стлб 139—141.

рассказано кратко, общими формулами воинских повествований: «И соступишася обои, и бысть на дльзе часе брань крепка зело и сеча зла». Некоторая детализация, правда, есть и в этом кратком рассказе. Так, например, сообщается, что русские гнали врагов «до реки до Мечи и тамо множество их избиша, а друзии погрязоша в воде и потопоша». Отношение автора к описываемому и его оценки выражаются в кратких эпитетах-характеристиках русских и татар, в сентенциях о божьей помощи русским. Мамай «безбожный, злочестивый, поганый», Дмитрий идет против врага «за святяты церкви, и за правоверную веру христианскую, и за всю Русьскую землю», «И поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю», враги «гоними гневом божиим» и т. п.

Пространная летописная повесть в несколько раз больше краткой. Текст краткой вошел в нее полностью с некоторыми текстуальными изменениями в начальной части и в дословном повторении второй, основной части повествования. В пространной летописной повести появляется ряд новых данных исторического характера. Здесь говорится о сборе русских войск на Коломне, о приходе на помощь к московскому князю князей Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Брянского, сообщается о присылке великому князю на поле брани послания от игумена Сергия, рассказывается о переправе русских сил через Дон, более подробно описывается битва, говорится о том, что великий князь бился впереди всех и что «весь доспех его бит и язвен, но на телеси его не бяше язвы никоея же»¹. Сообщается еще целый ряд подробностей, упоминаются имена, не названные в краткой летописной повести. Однако увеличение текста повести в ее просторном виде происходит не столько из-за включения в нее дополнительных исторических сведений и более подробного изложения их, сколько по литературным причинам.

Автор пространной летописной повести включает в свое произведение обширные риторические рассуждения по поводу описываемых им событий, пользуясь для этого церковно-религиозными текстами. В пространной летописной повести значительно усиливается роль Дмитрия Ивановича московского как защитника русского православия, резче и многословнее проводится противопоставление русского воинства как войска христианского войскам «нечестивых татар», усиливаются и расширяются отрицательные характеристики последних. Автор включает в текст произведения несколько молитв Дмитрия, детализирует и расширяет описание божественной помощи русским войскам. В кратком виде повести лишь сообщалось о том, что на стороне Мамайя выступал Олег рязанский. В пространной летописной повести эта тема получает широкое развитие. Автор несколько раз возвращается к Олегу,

¹ Текст цитируется по изданию: Повести о Куликовской битве. М., 1959. Сер. «Литературные памятники». с. 29—40.

сообщает подробности о его сношениях с Мамаем, неоднократно раздражается пространными инвективами в адрес рязанского князя. Он обличает Олега в измене, грозит ожидающими его карами, сравнивает рязанского князя с Иудой и Святополком Окаянным.

До недавнего времени исследователи считали краткую летописную повесть сокращением пространной. Специально занимавшаяся этим вопросом М. А. Салмина убедительно показала, что краткая повесть первична по отношению к пространной¹. По ее мнению, пространная летописная повесть была составлена для свода 1448 г., к которому восходят Новгородская IV и Софийская I летописи (подробнее об этом своде см. ниже).

Почти все дополнительные исторические данные пространной летописной повести по сравнению с краткой находят себе соответствие в «Сказании о Мамаевом побоище». Принято считать, что «Сказание» было создано на основе пространной летописной повести и, следовательно, возникло позже, чем была написана эта летописная повесть. Однако достаточно убедительных доказательств этого положения нет. И есть не меньше оснований утверждать обратное, а именно то, что пространная летописная повесть написана в то время, когда «Сказание» уже существовало, и «Сказание» повлияло на пространную летописную повесть. Не исключено также, что какие-то совпадения «Сказания» и пространной летописной повести могут объясняться влиянием на различные памятники Куликовского цикла не дошедшего до нас «Слова о Мамаевом побоище», существование которого предполагал А. А. Шахматов. Вопрос этот относится к нерешенным проблемам истории древнерусской литературы и требует дальнейших разысканий.

«Сказание о Мамаевом побоище». «Сказание о Мамаевом побоище» — наиболее обширный памятник Куликовского цикла. В нем дошел до нас самый подробный рассказ о событиях Куликовской битвы.

В «Сказании» дается описание приготовления к походу и «уряжения» полков, распределения сил и постановка перед отрядами их воинской задачи. В «Сказании» подробно описывается движение русского войска из Москвы через Коломну на Куликово поле. Здесь дается перечисление князей и воевод, принявших участие в сражении, рассказывается о переправе русских сил через Дон. Только из «Сказания» мы знаем, что исход сражения решил полк под руководством князя Владимира Серпуховского: перед началом битвы он был поставлен в засаду и неожиданным нападением с флангов и тыла на ворвавшегося в русское расположение врага нанес ему сокрушительное поражение. Из «Сказания» мы узнаем, что великий князь был контужен и найден в бессознательном состоянии после окончания сражения. Эти

¹ См.: Салмина М. А. Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина».

подробности и ряд других, в том числе и легендарно-эпических (рассказ о поединке перед началом боя инока-богатыря Пересвета с татарским богатырем, эпизоды, повествующие о помощи русским святым, и т. д.), донесло до нас только «Сказание о Мамаевом побоище».

«Сказание» многократно переписывалось и перерабатывалось, вплоть до начала XVIII в., и дошло до нас в восьми редакциях и большом количестве вариантов. О популярности памятника у средневекового читателя как «четьего» (предназначавшегося для индивидуального чтения) произведения свидетельствует большое число лицевых (иллюстрированных миниатюрами) списков его¹. Главный герой «Сказания» — Дмитрий Донской. «Сказание» — это не только рассказ о Куликовской битве, но и произведение, посвященное восхвалению великого князя московского. Автор изображает Дмитрия мудрым и мужественным полководцем, подчеркивает его воинскую доблесть и отвагу. Все остальные персонажи произведения группируются вокруг Дмитрия Донского. Дмитрий — старший среди русских князей, все они — его верные помощники, вассалы, его младшие братья.

В «Сказании» поход Дмитрия Ивановича благословляет митрополит Киприан. На самом же деле Киприана в 1380 г. в Москве не было. Это не ошибка автора «Сказания», а литературно-публицистический прием. Из публицистических соображений автор «Сказания», поставивший своей задачей нарисовать идеальный образ великого князя московского, правителя и главы всех русских сил, должен был проиллюстрировать прочный союз московского князя с митрополитом всея Руси. И в произведении литературном он мог, вопреки исторической правде, рассказать о благословении Дмитрия и его воинства митрополитом Киприаном, тем более что формально Киприан действительно был в это время митрополитом всея Руси.

Во время Куликовской битвы в союз с Мамаем вступили рязанский князь Олег и литовский князь Ягайло, сын умершего в 1377 г. литовского князя Ольгерда. В «Сказании» же, описывающем событие 1380 г., литовским союзником Мамая назван Ольгерд. Как и в случае с Киприаном, перед нами не ошибка, а сознательный литературно-публицистический прием. Для русского человека конца XIV — начала XV в., а особенно для москвичей, имя Ольгерда было связано с воспоминаниями о его походах на Московское княжество. Это был коварный и опасный враг Руси, о воинской хитрости которого сообщалось в летописной статье-некрологе о его смерти. Поэтому назвать Ольгерда союзником Мамая вместо Ягайла могли только в то время, когда это имя было еще хорошо памятно как имя опасного врага

¹ О лицевых списках «Сказания о Мамаевом побоище» см.: Дмитриев Л. А. Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — «ГОДРЛ». М.—Л., 1966, т. XXII, с. 239—263; Он же. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — «ГОДРЛ». Л., 1974, т. XXVIII, с. 155—179.

Москвы. В более позднее время такая перемена имен не имела смысла¹.

Называя союзником Мамай Ольгерда, автор «Сказания» тем самым усиливал и публицистическое, и художественное звучание своего произведения: против Москвы выступали самые коварные и опасные враги, но и они потерпели поражение. Замена имени литовского князя имела и еще один оттенок: в союзе с Дмитрием выступали князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, дети Ольгерда. Благодаря тому что в «Сказании» фигурировал Ольгерд, получалось, что против него выступали даже собственные дети, что также усиливало и публицистическую, и сюжетную остроту произведения.

Мамай, враг Русской земли, изображается автором «Сказания» в резко отрицательных тонах. Если Дмитрий — это светлое начало, глава благого дела, деяниями которого руководит бог, то Мамай — олицетворение тьмы и зла — за ним стоит дьявол. Принцип абстрактного психологизма в данном случае проявляется очень ярко.

Героический характер события, изображенного в «Сказании», обусловил обращение автора к устным преданиям о Мамаевом побоище. К устным преданиям скорее всего восходит эпизод единоборства перед началом общего сражения инок Троице-Сергиева монастыря Пересвета с татарским богатырем. Эпическая основа ощущается в рассказе об «испытании примет» Дмитрием Волынцом; опытный воевода Дмитрий Волынец с великим князем в ночь накануне боя выезжают в поле между русскими и татарскими войсками, и Волынец слышит, как земля плачет «надвое» — о татарских и русских воинах: будет много убитых, но все же русские одолеют². Устное предание, вероятно, лежит и в основе сообщения «Сказания» о том, что Дмитрий перед сражением надел княжеские доспехи на любимого воеводу Михаила Бренка, а сам в одежде простого воина с железной палицей первым ринулся в бой.

Влияние устной народной поэзии на «Сказание» обнаруживается в использовании автором отдельных изобразительных средств, восходящих к приемам устного народного творчества. Русские воины сравниваются с соколами и кречетами, русские побивают врагов «аки лес клоняху, аки трава от косы постигается». Как отражение фольклорного влияния может расцениваться плач великой княгини Евдокии после прощания с князем, уходящим из Москвы на борьбу с татарами. Хотя автор дает

¹ Характерно, что уже в ранний период литературной истории памятника в некоторых редакциях «Сказания» имя Ольгерда заменяли в соответствии с исторической правдой именем Ягайла. См. об этом подробнее: Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ. М.—Л., 1954, т. X, с. 185—199.

² Повести о Куликовской битве. М., 1959. Литературные памятники. с. 43—76.

Полк князя Владимира Серпуховского на Куликовом поле перед боем. Миниатюра к «Сказанию о Мамаевом побоище». Лондонский список. XVII в

этот плач в форме молитвы, все же в нем можно отметить и отражение элементов народного плача-причитания.

Описания русского воинства представляют собой яркие и образные картины. Возможно, автор «Сказания» испытал здесь влияние поэтики Галицко-Волынской летописи: «Доспехы же русских сынов, аки вода в вся ветры колыбашеся. Шоломы злаченя на главах их, аки заря утренняя в время ведра светящися, яловци (флажки) же шеломов (на шлемах) их, аки пламя огненное пашется». В описаниях картин природы может быть отмечена определенная лиричность и стремление связать эти описания с настроением событий. Глубоко эмоциональны и не лишены жизненной правдивости отдельные авторские замечания. Рассказывая, например, о прощании с женами уходящих из Москвы на битву воинов, автор пишет, что жены «в слезах и въсклиании сердечнем не могуше ни слова изреши», и добавляет, что «князь же великий сам мало ся удръжа от слез, не дав ся прослезити народа ради».

Широко пользовался автор «Сказания» поэтическими образами и средствами «Задонщины». Взаимодействие этих памятников носило обоюдный характер: в поздних списках «Задонщины» встречаются вставки из «Сказания о Мамаевом побоище».

Вопрос о времени написания «Сказания» весьма гипотетичен, и, несмотря на посвященную ему многочисленную литературу (особенно много работ на эту тему появилось в последнее время), он так и остается в области гипотез. Мы относим время написания этого произведения к первой четверти XV в.¹ Особый интерес к Куликовской битве в это время может объясняться вновь обострившимися взаимоотношениями с Ордой и, в частности, нашествием Едигея на Русь в 1408 г. Нашествие Едигея, успех которого объяснялся недостаточной сплоченностью русских князей, отсутствием между ними единодушия, пробуждает мысль о необходимости восстановления единения под руководством великого князя московского для борьбы с внешним врагом. Эта мысль является основной в «Сказании».

Необходимо отметить, что каким бы более поздним временем, чем само событие, ни датировалось «Сказание» (а именно такая тенденция характерна для ряда работ последнего времени по этому вопросу)², бесспорно, что в «Сказании о Мамаевом побоище» отразились рассказы о Куликовской эпопее времени самого события, основанные на свидетельствах его участников и очевидцев.

«Сказание о Мамаевом побоище» представляло для читателей интерес уже тем, что оно подробно описывало все обстоятельства Куликовской битвы. Однако не только в этом привлекательность произведения. Несмотря на значительный налет риторичности, «Сказание о Мамаевом побоище» носит ярко выраженный сюжетный характер. Не только само событие, но и судьба отдельных лиц, развитие перипетий сюжета заставляло читателей волноваться и сопереживать описываемому. И в целом ряде редакций памятника сюжетные эпизоды усложняются, увеличиваются в количестве. Все это делало «Сказание о Мамаевом побоище» не только историко-публицистическим памятником, но и сюжетно-увлекательным произведением.

¹ См.: Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище».

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает датировка «Сказания о Мамаевом побоище» И. Б. Грековым, который относит время возникновения памятника ко второй половине 90-х гг. XIV в. Как показывает И. Б. Греков, об этом свидетельствуют идейно-политическая направленность «Сказания» и реалии произведения. Исследователь считает, что включение в число участников Куликовской эпопеи митрополита Киприана говорит о том, что «Сказание» было создано именно при жизни Киприана, а может быть, даже при непосредственном его участии (Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — «Советское славноведение», 1970, № 6, с. 31).

² См.: Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 344—384; Она же. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — «ТОДРЛ». Л., 1974, т. XXIX, с. 98—124; Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 477—523; Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М.—Вильнюс, 1971.

6. ПОВЕСТИ О НАБЕГАХ МОНГОЛО-ТАТАР НА РУСЬ ПОСЛЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

«Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву». После разгрома Мамаю на Куликовом поле власть в Орде захватил хан Тохтамыш. Понимая, что победа над Мамаем может коренным образом изменить отношение русских князей к Орде, Тохтамыш предпринимает поход на Москву. Из-за несогласованности действий русских князей, обескровленности русских войск после Куликовской битвы, тактических просчетов Москва была захвачена татарами и подверглась жестокому разгрому. Пробыв недолго в захваченной Москве, Тохтамыш вернулся в Орду, разорив по пути Рязанское княжество, несмотря на то что при продвижении войск на Москву рязанский князь оказывал Тохтамышу содействие.

Нашествию Тохтамыша посвящена летописная повесть, представленная несколькими видами.

В летописном своде 1408 г., как мы можем судить по дошедшим до нас летописям, восходящим к этому своду (например, по Рогожскому летописцу), читалась краткая летописная повесть. В своде 1448 г., о чем свидетельствуют сохранившиеся летописи, восходящие к этому своду (Новгородская IV, Софийская I и ряд других), находилась пространная летописная повесть¹.

Хронология и соотношение указанных сводов таковы, что наиболее вероятной представляется первичность краткой летописной повести². Однако не исключена и обратная зависимость. В отдельных случаях в краткой повести можно видеть сокращение более полного первоначального текста (т. е. текста пространной повести). Подробности Тохтамышева нашествия, имеющиеся в пространной летописной повести и отсутствующие в краткой, носят характер не поздних домыслов, а свидетельств современника и даже очевидца описываемого. Стилистически пространная повесть представляет собой единый цельный текст. Таким образом, у нас отнюдь не меньше оснований видеть в краткой повести сокращение пространной. Т. е. можно предполагать, что «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» была создана независимо от летописей и уже позже вошла в летописные своды: в сокращенном виде в свод 1408 г. и в полном — в свод 1448 г. Краткая летописная повесть с некоторыми перестановками и небольшими текстуальными вариациями полностью входит в состав Пространной.

Начинается пространная повесть со слов о небесных знамениях, которые «проявляаше (предрекали) злое пришествие Тахтамышево на Рускую землю»³. Тохтамыш отправляется в поход на Русь тайно, стремительно и внезапно. Несмотря на это,

¹ Имеются и другие виды летописной повести о нашествии Тохтамыша, более поздние по возникновению, чем указанные два вида этого произведения. Так, например, в Ермолинской летописи читается сокращение Пространной «Повести».

² Обоснованию такой точки зрения посвящена специальная статья М. А. Салминой. См.: Салмина М. А. «Повесть о нашествии Тохтамыша». — «ГОДРЛ», Л., 1979, т. XXXIV, с. 134—151.

³ Текст цитируется по изданию: Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. I, Л., 1925, вып. 2, с. 326—339.

Поход Тохтамыша на
Москву в 1382 г. Мини-
тюра Лицевого летопис-
ного свода. XVI в. (БАН).

перепези с нами стороны болгарский
и поиде на предикаго князя Дмитрия
на новгородскую землю и на всю
русскую землю. а сядише врати з
остати не здала поусоуми князя. и тати
зашахити рече предающе о вестин просел
дан бо удышиша по коудетя.

московский князь узнает о его походе заранее. Однако Дмитрию Донскому не удастся собрать войска, и он уходит из Москвы в Кострому. Город, за каменными стенами которого ищут защиты не только москвичи, но и пришедшие сюда жители окрестных мест, с тревогой ожидает врага. Трехдневная осада Москвы не приносит успеха осаждающим. На четвертый день «лживыми речми и лживым миром» татары убеждают москвичей в том, что если они отворят «врата градныя» и выйдут к хану «с честью и с дары», то получают от него «мир и любовь». Обман удается — враги врываются в город. Подробно описав жестокую расправу захватчиков с жителями, страшный разгром города, автор восклицает: «И бяше дотоле преже видети была Москва град велик, град чуден, град многочисловечен, в нем же множество людей, в нем же множество огосподства, в нем же множество всякого узорочья; и паки в единомъ часе изменися видение его,

Осада Москвы Тохтамышем в 1382 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. (БАН).

ража неже на пате стрѣлы поущаху
 лани . ни аже не жетаху . не аже
 стрѣлы ни тѣ аки . татаро же
 до зѣри шася . ни аташа стрѣла ти
 на гра со пѣт страна . ни да ху стрѣ
 лы нх на гра аки до жь тла нѣ ноуми
 же не ала . не да шини про зѣти .
 по не же ни до зѣ ширати шастра аки
 ни мши гражанѣ до градѣ ни а зѣра

егда взят бысть и посечен, и пожен, и нечего его видети...»

Пространная «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» — один из интереснейших памятников древнерусской литературы, в котором, как ни в каком другом произведении этого времени, нашла подробное отражение роль народа в происходящих событиях. В рассказе об осаде города повествуется о мужественном сопротивлении всех горожан. При этом автор с горечью отмечает, что им приходится противостоять гораздо более опытному в военном деле противнику. Вот как, например, описывается искусство татарских лучников: «беху бо у них стрелци горазднии вельми: ови (одни) от них стояще стреляху, а друзии скоро рищуще (на бегу), изучени суще, а ниии, на кони борзо гоняще (на полном скаку), на обе руце и паки напред и назад скорополучно бес прогреха стреляюще». Но среди горожан, не испушенных в военном деле, есть подлинныя герои. Об одном из

таких героев автор «Повести» подробно рассказывает. «Москвитин, суконник, именем Адам, иже бе над враты Флор Лаврьскими (на месте нынешней Спасской башни кремля), приметив, назнаменовав единого тотарина нарочита и славна, иже бе сын некоего князя ординьскаго, напярэг стрелу самострелную, ю же испусти напрасно (внезапно), ею же уязвив сердце его гневливое и въскоре смерть ему нанесе; се же бысть велика язва (печаль) всем татарам, яко и самому царю стужити (опечалиться) о сем».

В начале своего рассказа об осаде Москвы автор ярко описывает происходившие в городе события. След за великим князем, ушедшим на север для собирания войск, из города устремились «нарочитые» бояре, уходит из Москвы и митрополит Киприан. Горожане препятствуют бегству из Москвы митрополита и бояр. Автор не одобряет таких действий простого люда, говоря про них, что они «мятежници, недобрии человеци, людие крамолници». Однако он не выражает и сочувствия митрополиту и боярам, покинувшим Москву. Наибольшими симпатиями неизвестного нам автора этого произведения пользуются «гости» — купцы, торговые люди. Об этом свидетельствует не только то, что героем обороны Москвы оказывается «суконник» Адам, но и ряд других подробностей. В самом начале «Повести» сообщается о судьбе купцов, находившихся в Орде, когда Тохтамыш задумал поход на Москву (по повелению Тохтамыша все они были схвачены, а товары у них отобраны). Рассказывая о разорении Москвы, автор находит нужным особо отметить гибель, наряду с княжеской казней и именем бояр, купеческих богатств.

В связи с описываемыми событиями автор несколько раз говорит о себе в первом лице: «А князь Олег Рязаньский... хотяше бо добра не нам, но своему княжению помагааше», «Увы мне! Страшно се слышати, страшнее же тогда было видети».

Все это дает основание видеть в авторе человека, близкого к торговой среде, москвича, очевидца описанных им событий, человека, не зависящего ни от княжеского, ни от митрополичьего летописания. Красочность рассказа, сочетающего яркие живые описания действительных событий с риторическими пассажами, стилистические повторы, антитезы свидетельствуют о незаурядном писательском мастерстве неизвестного нам автора «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву».

«Повесть о Тимир-Аксаке». В 1395 г. в пределы русских княжеств вторглись войска Тимура. Тимур (Тамерлан, Тимур-Ленг) — среднеазиатский полководец, с 1370 по 1405 г. — эмир государства, столицей которого был Самарканд. Многочисленное и прекрасно организованное войско Тимура вело непрерывные захватнические войны, отличающиеся необычайной жестокостью. Уже одно имя Тимура наводило ужас в странах Азии и Европы. После упорной борьбы с Тохтамышем Тимур разгромил Золотую Орду и подчинил ее своему владчеству. И вот после разгрома Золотой Орды этот грозный завоеватель пришел на Русь. Войска Тимура, захватив Елецкое княжество, подошли к пределам Рязанской земли. Простояв некоторое время (две недели) на границе с рязанскими землями, Тимур прекратил свой поход и ушел из пределов русских земель.

Поход на Русь Темир-Аксака 1395 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. (БАН).

тапши . и плажемастошагоего . чюдеса
 готоржестьлице . тардбелышашега
 иакопбисторыйцрь . именьицтемир
 аисакиицудидоестотлыдстрани . ш
 инпиорды . шша.нахискиаземли . и
 мшгнматжипоцЗдожи . цашради
 арби . иишгыврани . иилицыповбди
 показа . иишгыицбсчисленимапоки
 одоли .

Рассказу о походе на Русь сил Тимура — Темир-Аксака и об избавлении Русской земли от грозного завоевателя посвящена «Повесть о Темир-Аксаке», дошедшая до нас в нескольких редакциях и вариантах, как в составе летописей, так и в составе сборников.

Последний исследователь этой «Повести» В. П. Гребенюк относит время создания ее первоначального вида к периоду между 1402—1408 гг.¹ Из опубликованных текстов «Повести» наиболее близок к первоначальному текст, читающийся в Софийской II летописи.

В начале «Повести» сообщается о «замятне» в Орде и приходе Темир-Аксака². Затем идет рассказ о том, кто такой Темир-Аксак и почему его так зовут. Темир-Аксак, узнаем мы из этого рассказа, «исперва не царь бе родом, ни сын царев, ни племени царьска, ни княжьска, ни боярьска, но тако из проста един сый от худых людей... ремеслом же кузнец бе железный, обычаем же и делом немилостив, хищник, и ябедник, грабежник...» Хозяин Темир-Акса-

¹ См.: Гребенюк В. П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII веках.— В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971, с. 185—206.

² Софийская II летопись.— ПСРЛ, т. VI. Спб., 1853, с. 124—128.

ка «за злонаравие» выгнал его от себя. «Не име чим питатися» Темир-Аксак стал воровать. Однажды, когда он украл овцу, его поймали, избили до полусмерти и переломали ему ногу. Темир-Аксак «перекова себе железом ногу свою перебитую, таковою нужею хромаше; того ради прозван бысть Темир-Аксак, Темир бо зовется железо, а Аксак хромець... еже протолкуется железный хромец». Далее повествуется, как Темир-Аксак сначала собрал небольшую пайку таких же отчаянных молодцев, как он сам, затем вокруг него собиралось все больше людей, так что в конце концов он стал завоевывать земли и начал называться царем.

Рассказ о Темир-Аксаке, составляющий первую половину «Повести», легендарного происхождения. В «Повести» рассказ этот должен был противопоставить законность власти русских князей, великого князя московского незаконности властителей Орды.

Вторая часть «Повести» рассказывает о подготовке в Москве к ожидаемому приходу грозного врага, торжественном перенесении иконы Богородицы из Владимира в Москву и бегстве Темир-Аксака из пределов Русской земли. Для того чтобы защитить Москву от опасности, в Москву решают перенести Владимирскую икону божьей матери. Эта икона, перевезенная в свое время из Киева во Владимир Андреем Боголюбским, считалась патрональной иконой всей Русской земли¹. В «Повести» описываются проводы «с плачем и со слезами» иконы из Владимира, торжественная встреча ее в Москве всем населением. И вот, в «который день принесена бысть икона пречистая Богородица из Володимиря на Москву, в той день Темир-Аксак царь убоися и утрашися, и ужасеся, и смятеся, и нападе на нь (на него) страх и трепет, и вниде страх во сердце его, и ужас в душу его, вниде трепет в кости его». И, обуянный этим страхом и трепетом, Темир-Аксак побегал со своим войском из Русской земли.

Основная идейная направленность «Повести» заключалась в том, чтобы показать, как правильно поступили московский князь и митрополит, перенесли икону из Владимира в Москву, продемонстрировать особое благоволение этой чудотворной иконы к Москве, подчеркнуть общерусское значение Москвы. Все это имело большой политический смысл не только для данного исторического эпизода, но и в более далекой перспективе усиления общерусского значения Москвы.

Во второй половине XVI в. на основе разных редакций и вариантов «Повести» было создано большое компилятивное «Сказание об иконе Владимирской божьей матери». Помимо «Повести о Темир-Аксаке», автор этого сочинения привлек еще целый ряд источников.

Литература XIV — первой половины XV в. отражает события и идеологию времени объединения княжеств Северо-Восточной Руси вокруг Москвы, образования русской народности и постепенного складывания Русского централизованного государства.

Основными жанрами литературы, как и в предшествующие периоды, являются летописание и агиография. Возрождается жанр хождений. Широкое распространение получает жанр легендарно-исторических сказаний, сближающий агиографический жанр с сюжетным повествованием. Как в составе летописей, так и независимо от летописания создаются исторические повести и сказания, наиболее широко представленные памятниками Куликовского цикла.

Летописание в этот период интенсивно развивается, усиливается политическое и публицистическое значение летописей. Летописание приобретает общерусский характер, и центром его стано-

¹ Сейчас хранится в Третьяковской галерее, в Москве.

вится Москва. Летописи включают в себя в большом количестве материалы летописания всех русских земель, пополняются разнообразными внелетописными материалами — повестями, сказаниями, житиями, документами. Летописание становится мощным идеологическим орудием в политической борьбе за объединение русских земель вокруг Москвы, за создание единого централизованного государства.

Предвозрожденческие явления эпохи с особой силой дают себя знать в агиографии. Интерес к человеку, к его духовному миру приводит к росту субъективного начала в литературе, к стремлению изобразить психологическое состояние человека. В агиографии возникает экспрессивно-эмоциональный стиль.

Интерес к внутреннему миру героя не приводит еще к попыткам изображения индивидуального человеческого характера. Раскрытие психологического состояния, душевных переживаний героя не становится отражением данной человеческой личности, а остается абстрактным выражением тех качеств личности, которые должны были быть ей присущи как представителю определенного класса, как носителю добра или зла. Этим объясняется прямолинейность, односторонность описания героев и их поведения. Но все же в отдельных частностях, рисуя тот или иной обобщенный образ, писатели вносят и элементы некоторой конкретности, индивидуальности.

Особое место в истории литературы рассматриваемого периода занимают памятники Куликовского цикла. Произведения, входящие в этот цикл, замечательны не только тем, что в них нашло отражение столь знаменательное событие в истории Руси, но и своим литературным значением. «Задонщина» возрождает поэтические традиции величайшего памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве»; «Сказание о Мамаевом побоище» начинало собой новый вид исторического повествования — обширного внелетописного рассказа об историческом событии, рассказа, соединяющего в себе и агиографические, и воинско-геронические, и риторические, и публицистические элементы в сочетании со стремлением представить изображаемое событие в остросюжетном изложении.

Характерные черты литературы XIV — первой половины XV в. найдут дальнейшее развитие и еще больший расцвет во второй половине XV — начале XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриев Л. А. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX; Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.—Л., 1962; Он же. Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV в. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы М., 1967; Он же. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — В кн.: Исследования

по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960; Мошин В. О периодизации русско-славянских литературных связей в X—XV вв.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1963, т. XIX.

Летописание

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. I и V (Летописец Еллинский и Римский); О Троицкой и о Лаврентьевской летописях см. разделы в кн.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, гл. I. Текст Троицкой летописи см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950; Он же. Летописание XIV в.— В кн.: Статьи по русской истории, посвященные С. Ф. Платонову. Пг., 1922; Он же. Лаврентьевская летопись (история текста).— «Учен. зап. Ленингр. ун-та». № 32. 1939. Сер. историч. наук. вып. 2.

Агиография и памятники панегирической литературы

Тексты. Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. Под ред. В. Г. Дружинина. Спб., 1897; Житие Сергия Радонежского.— ПДПИ. Спб., 1897, вып. 69; Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского.— ПСРЛ, т. IV, ч. I. Л., 1925, вып. 2; ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907 (Житие митрополита Петра).

Исследования. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; Коновалова О. Ф. Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в «Житии Стефана Пермского».— «ТОДРЛ». М.—Л., 1974, т. XXVIII; Грихин В. А. Жанровое своеобразие сочинений Епифания Премудрого.— В кн.: Проблемы типологии и истории русской литературы. Пермь, 1976; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского».— «ТОДРЛ». М.—Л., 1947, т. V; Антонова М. Ф. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». (Вопросы атрибуции и жанра.) — «ТОДРЛ». М.—Л., 1974, т. XXVIII; Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского».— «ТОДРЛ». М.—Л., 1970, т. XXV.

Сочинения Пахомия Логофета

Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. Спб., 1908; Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.).— «ТОДРЛ». М.—Л., 1963, т. XIX; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

Повести о Куликовской битве

Тексты: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили: М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1959. Тексты и статьи о «Задонщине», летописных повестях и «Сказании о Мамаевом побоище». Текст «Задонщины» см. также в кн.: Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. Летописную повесть о Мамаевом побоище см.: ПСРЛ, т. IV, ч. I. Пг., 1915, вып. 1. Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву: ПСРЛ, т. IV, ч. I. Л., 1925, вып. 2, с. 326—339. Повесть о Темир-Аксаке.— ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921 (Типографская летопись).

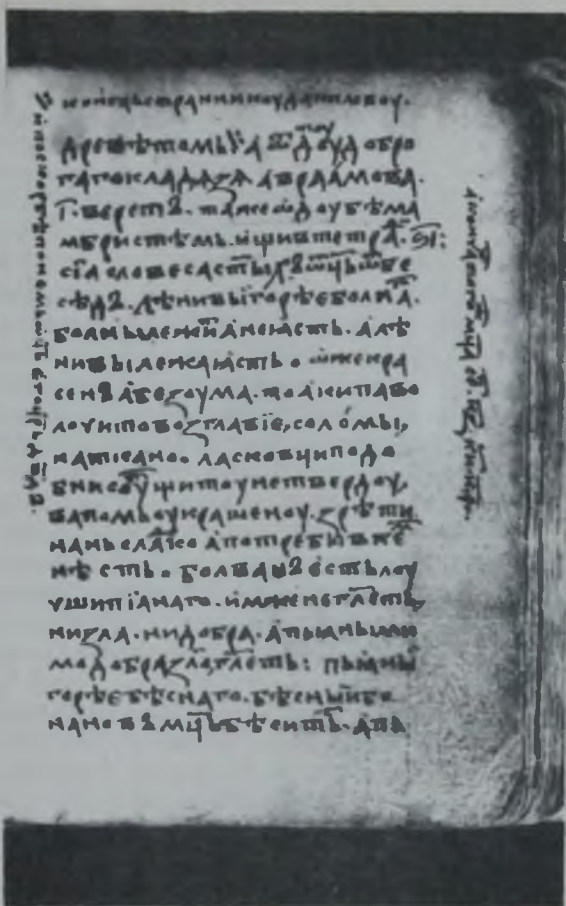
Исследования. Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. Спб., 1906; Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Спб., 1910; Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1955, т. XI; Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — «ТОДРЛ». Л., 1974, т. XXIX; Мингалев В. С. Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище». — «Труды Московск. историко-архивного ин-та», 1966, т. 24, вып. 2; Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — «Советское славяноведение», 1970, № 6; Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве». — «Русская литература», 1964, № 3; Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1956, т. XII; Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1961, т. XVII; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., 1966.

Во второй половине XV в. образовалось единое Русское государство. К Москве были присоединены Новгород и обширная Новгородская земля (примыкающая к Белому морю и Северному Ледовитому океану), Тверь, Ярославль и другие земли, а также Вязьма, Гомель, Чернигов, отвоеванные у Литовского государства; в начале XVI в. в состав Русского государства вошли также Псков, Рязань и Смоленск.

Образование единых национальных государств, уничтожение феодальной раздробленности, усиление монархической власти свойственно в XV в. не только Руси: то же самое происходило в то время в Англии, Франции, Испании, Скандинавии и других государствах. И к тому же примерно времени относятся Возрождение (Ренессанс) и Реформация на Западе. Возрождение (Ренессанс) означало прежде всего победу светского (гуманистического) направления в культуре над церковным, широкое проникновение светских сюжетов (в том числе комических и сатирических) из фольклора в письменность, обращение к дохристианской культуре Греции и Рима. Немного позже возникает и широкое движение внутри западной католической церкви — Реформация (в Германии, Англии, северных странах, частично — во Франции и в Польше), главным результатом которой было уничтожение монастырей и монашества, упрощение и перевод на национальные языки (вместо древней латыни) церковной службы.

Связано ли было и в русской жизни XV—XVI в. образование единого государства с возрожденческими (гуманистическими) и реформационными движениями? Политические перемены XV—XVI вв. совпали с глубокими изменениями в русской культуре. XV в. — время расцвета русской архитектуры. Каменный Московский Кремль, дошедший до нас, почти весь создание конца XV и начала XVI в. Развивается иконописание (в конце XV в. работал выдающийся живописец Дионисий). Важнейшие перемены происходят в тот же период и в русской письменности: дорогой пергамен окончательно сменяет более дешевая бумага; именно в бумажных рукописях не старше XV в. дошли до нас почти все памятники древнерусской светской литературы. Мы уже отмечали черты Предвозрождения (Предренессанса) в русской культуре XIV в. К концу XV в. некоторые явления в русской

Лист с текстом «Хождения Даниила игумена», написанного рукой книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. XV в. (ГПБ).

литературе прямо перекликаются с Возрождением и Реформацией на Западе.

В XV веке — и особенно во второй половине этого столетия — резко возрастает число произведений светской художественной литературы среди памятников письменности Древней Руси. Появляются переводы (чаще всего русские переделки южнославянских текстов) средневековых рыцарских и приключенческих романов; появляются первые памятники оригинальной русской беллетристики.

Нам известно даже имя одного любителя, собирателя и переписчика подобной светской литературы. Это был инок Кирилло-Белозерского монастыря, выдающийся книгописец конца XV в. Ефросин. Рукой Ефросина были переписаны древнейшие известные нам списки «Задонщины», «Сказания об Индийском царстве», в его же рукописях обнаруживается и ряд памятников сюжетного повествования XV в.: «Соломон и Китоврас», «Александрия», «Повесть о Дракуле», стихотворные вирши против пьянства и т. д. В ряде случаев, очевидно, Ефросин сам переделывал попавшие ему в руки памятники, составляя свои версии летописцев, хронографов и т. д. Хорошо зная, что многие из

добытых им памятников считаются «неполезными» и «ложными» и даже включены в специальные списки «отреченных книг», составленные церковниками, Ефросин все же переписывал эти памятники, советуя своим читателям не читать их в «зборе» (собрании) и не показывать «многим». Ефросин не был, по-видимому, еретиком или противником церкви, но круг интересов этого книгописца выходил далеко за пределы, указанные официальной церковной идеологией. В рукописях Ефросина встречаются и сказания об утопических землях, где живут блаженные люди — рахманы, у которых нет «ни царя, ни вельможни татьбы (воровства), ни разбоя...»¹.

XV в. — время еретических выступлений на Руси. Уже в конце XIV — первой половине XV в. в Новгороде и Пскове выступает ересь «стригольников», направленная против корыстолюбия духовенства и поставления на церковные должности «по мзде» (за взятки). Название этой ереси, по-видимому, связано с тем, что ее сторонники не признавали прежнего пострижения в монахи и «перестригались» заново². В конце XV и начале XVI в. широкое распространение получает новгородско-московская ересь. Новгород и Псков, где первоначально возникла ересь, были «вольными городами», феодальными республиками, где народные массы были очень активны и играли важную роль в политической жизни. Затем ересь перешла в Москву и в другие города. Еретики не только стремились к реформам церкви, но проявляли большой интерес к светской культуре; среди книг, имевших хождение среди еретиков, были памятники античной литературы. Один из главных еретиков, дьяк Федор Курицын, ведавший при Иване III вопросами внешней политики, был автором философского и грамматического трактата «Лаодикийское послание».

Важнейшей особенностью новгородско-московской ереси конца XV — начала XVI в. было отрицание монашества и монастырей (еретики ссылались при этом на Библию, где нет идеи монашества), а также критика догмата о троице (согласно которому бог един и вместе с тем троичен, состоя из Отца, Сына и Святого Духа) и культа «сотворенных вещей» (икон). Некоторые, наиболее смелые представители ереси доходили до отрицания загробной жизни, т. е. до воззрений почти атеистического характера³.

¹ О Ефросине см.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — «ГОДРЛ», М.—Л., 1961, т. XVII, с. 130—168; Дмитриева Р. П. Приемы авторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 264—291.

² В научной литературе предлагалось и другое объяснение происхождения названия *стригольников* — по наименованию ремесленников, занимавшихся стрижкой сукон (ср.: Лихачев Д. С. К вопросу о происхождении названия псковско-новгородских еретиков «стригольники». — В сб. докладов и сообщений Лингвистического общества Калининск. ун-та, 1974, т. IV, с. 130—132).

³ Источники по истории еретических движений см. в кн.: Казаква Н. А. Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.—Л., 1955.

Влияние ереси на культуру конца XV в. было значительным. В «Лаодикийском послании» Федора Курицына утверждалось, что душа человека «самовластна», а ограждает (защищает) ее вера. Но что значит это «самовластие»? В близком к «Лаодикийскому посланию» памятнике говорилось, что «самовластие» человека осуществляется в «грамоте» (образовании). Сочинением Курицына, возможно, был и древнейший известный нам памятник древнерусской беллетристики — «Повесть о Дракуле».

Еретическое движение на Руси в течение некоторого времени получало поддержку великого князя, который и сам стремился отобрать крупные земельные владения монастырей. Но в конце концов ересь показалась опасной и для княжеской власти. Против еретиков выступили виднейшие церковные деятели конца XV — начала XVI в. — игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий и монах Кирилло-Белозерского монастыря Нил Сорский. Литературное творчество этих авторов очень различалось по характеру: Иосиф Волоцкий был прежде всего полемистом, обличителем еретиков; Нил Сорский более интересовался усовершенствованием монашеского быта, рассмотрением внутреннего психологического состояния монахов. Однако в борьбе против еретиков они были едины, и Нил Сорский помогал даже Иосифу в написании его главного противоеретического труда — «Просветителя».

Раннее реформационное движение на Руси не имело успеха, так как основой реформационных движений позднего средневековья (как видно из истории Западной Европы) были города, а русские города в XV—XVI вв. были развиты недостаточно. В 1504 г. еретическое движение было разгромлено, а еретики казнены. Отдельные гуманистические элементы в русской культуре не привели к Возрождению на Руси.

Это обстоятельство необходимо учитывать для понимания судеб русской литературы во второй половине XV в. и в XVI в.

1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Основными памятниками исторического повествования в XV в., как и в предшествующий период, были летописи — своды русской истории.

Летописные своды XV века. В отличие от летописных сводов предшествующих годов своды XV в. дошли до нас не только в поздних списках, но часто в своем подлинном составе или в близких по времени редакциях. Сравнивая между собой эти редакции, мы можем с достаточной точностью восстановить их общий источник — летописный свод.

Наиболее замечательным памятником русского летописания XV в., оказавшим влияние на все последующее общерусское и новгородское летописание, был свод, лежащий в основе двух летописей (Софийской I и Новгородской IV) и условно называемый в научной литературе сводом 1448 г. Мы не знаем точной даты

написания этого свода, но он был составлен во всяком случае уже после 1418—1425 гг. (до которых доходит совпадающий текст обеих летописей), во время жестокой борьбы за престол в Московском княжестве между великим князем Василием II (Темным) и его двоюродными братьями. И именно эта борьба заставила летописца, составителя свода (вероятно, он был связан с одним из митрополитов всея Руси), особенно решительно выступать против межкняжеских распр — «братоненавидения», призывать к единству в борьбе с еще не свергнутым монголо-татарским игом, широко соединять в своем своде летописание Новгорода и Северо-Восточной (Владимиро-Московской) Руси. Уже в летописях более ранних веков постоянно приводились известия из жизни других, соседних княжеств, но это были именно отдельные известия, часто очень бедные (во владимиро-московских летописях очень мало сообщалось о событиях в жизни Новгорода, в новгородских летописях еще меньше — о владимиро-суздальских делах; обособленно развивалось летописание Твери и Пскова). Составитель свода 1448 г. по-настоящему слил новгородское и владимиро-московское летописание, добавив большие вставки из летописей Твери и Пскова, суздальские и ростовские известия. Мы уже упоминали повесть о Михаиле Черниговском, тверские повести о Михаиле Ярославиче, о Шелкане, псковскую повесть о Довмонте, новгородскую повесть о битве на Липице. В общерусское летописание все эти повести были введены именно в своде 1448 г., а из него были заимствованы в другие летописи XV—XVI вв. По неизвестным источникам составитель свода 1448 г. ввел в рассказ о расселении славян легендарную фигуру новгородского старейшины Гостомысла, он создал по нескольким источникам (новгородским, владимирским, южным, возможно, ростовскому) сводные рассказы о битве на Калке (с упоминанием богатыря Александра Поповича и погибших с ним «10 храбров») и нашествии Батыя. Впервые в своде 1448 г. появились пространные рассказы о борьбе с татарами при Дмитрии Донском — о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша, житии Дмитрия Донского. Взяв за основу краткий и чисто фактический рассказ Троицкой летописи о Куликовской битве, составитель свода 1448 г. особенно подчеркнул предательскую роль Олега Рязанского, как «душегубивого» злодея, «поборника бесерменского» (мусульманского) — ему был противопоставлен образ «смирненного» и благочестивого Дмитрия. Таким же переделкам подвергся и первоначальный краткий рассказ о нашествии Тохтамыша в 1382 г.: в него были введены конкретные подробности обороны города, например: рассказ о простом горожанине, суконнике Адаме, который, увидев с городской стены знатного татарина, выстрелом из самострела «уязви в сердце его гневливое», описание вероломства татар, обманом захвативших город.

Через все рассказы свода 1448 г., заимствованные из других сводов или впервые введенные в летописание, проходила одна

мысль — о необходимости отказа от «братоненавидения» и об объединении против внешнего врага. Именно поэтому краткий рассказ более ранних сводов об убийстве Святополком его братьев Бориса и Глеба был заменен здесь подробным житийным текстом, в рассказ об убийстве Андрея Боголюбского вставлено осуждение злоумышленников, выступивших против своего «кормителя и господина», повесть о битве на Липице дополнена вымышленной речью боярина Творимира о необходимости подчиняться старшему брату; таким же духом было проникнуто житие Муханла Ярославича Тверского и другие вставные повести свода 1448 г. В обстановке феодальной войны середины XV в. все это имело острый политический смысл.

Составленный еще до окончательного завершения феодальной войны, свод 1448 г. довольно скоро после своего появления стал подвергаться изменениям. Ближе всего текст этого свода был передан Софийской I летописью; однако последняя часть свода, рассказывавшая о феодальной войне и составленная, как можно предполагать, в примирительном духе, уже в Софийской I летописи подверглась изменениям. После победы Василия Темного весь конец свода 1448 г., описывающий его княжение и борьбу с соперниками, был отброшен (старшая редакция) или сильно сокращен (младшая редакция). В Новгородской IV летописи произошли другие изменения. Летопись эта составлялась в Новгороде, который занял теперь враждебную Москве позицию и дал приют побежденному сопернику Василия Темного — Дмитрию Шемяке. К основному тексту свода 1448 г. здесь было сделано много чисто новгородских добавлений (о новгородских посадниках, событиях в городе), большие общерусские повести сокращены¹.

К 70-м годам XV в. относятся первые доступные нам летописные своды великих князей Московских.

Наиболее ранний из них — свод начала 70-х годов, дошедший в составе Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей. Положив в основу свод 1448 г., великокняжеская летопись тщательно удалила содержащиеся в его тексте упоминания о том, как новгородцы по своей воле приглашали и изгоняли неудобных им князей: вместо «посадиша в Новгород» или «выгнаша из Новгорода» (такого-то князя) здесь всюду указывается, что такой-то князь «прииде в Новгород» или «выиде из Новгорода». Кроме того, в великокняжеском своде начала 70-х годов проявился рассказ о борьбе Василия II за престол, исполненный сочувствия этому князю. Особенно ярко (возможно, на основе воспоминаний самого Василия Темного) описана история заговора его противника Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского, пленивших Василия в 1446 г. Василий укрылся было в храме Троицкого монастыря, но, не надеясь на право убежища, сам вышел оттуда, «кричанием моляся, захлипаяся», но Иван Можайский кратко бросил одному из своих бояр: «Возьми его». Василия бросили в «голые» (ничем не прикрытые) сани и отвезли в Москву на ослепление².

В 1479 г. был составлен новый великокняжеский Московский свод. Теперь Новгород уже был окончательно присоединен к Москве; в отличие от свода начала 70-х годов Московский свод 1479 г. не скрывал поэтому существования

¹ Софийская I летопись издана: ПСРЛ, т. V—VI. Спб., 1851—1853 (с пропусками); ПСРЛ, т. V, изд. 2-е. Л., 1925 (не до конца). Новгородская IV летопись: ПСРЛ, т. IV. Пг.—Л., 1915—1925.

² Никаноровская летопись издана: ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 17—161; Вологодско-Пермская летопись: ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959.

прежних новгородских вольностей, а прямо отмечал и осуждал их: «Таков бо бе окаянный обычай смердов изменников». Заканчивался Московский свод 1479 г. рассказом об окончательном присоединении Новгорода и строительстве главного храма Москвы — нового Успенского собора¹.

Кроме московского великокняжеского летописания во второй половине XVI в., продолжало существовать местное (до 70-х гг. — новгородское, до 80-х гг. — тверское и до XVI в. включительно — псковское) летописание, а также независимые от великокняжеской власти летописи, ведшиеся, вероятнее всего, в каких-либо монастырях. Наиболее яркая из этих летописей — Ермолинская летопись, единственный список которой, дошедший до нас, составлен, очевидно, по заказу выдающегося московского архитектора и строителя-подрядчика Василия Ермолина (здесь перечислены строительные работы, осуществленные им). В основе Ермолинской летописи и сходных с нею летописей (Сокращенных сводов конца XV в.), очевидно, лежал свод, составленный в Кирилло-Белозерском монастыре в 1472 г. Свод этот не был враждебен объединению Русского государства московскими князьями, — напротив, он считал московского князя «великим осподарем (государем) по всей подсолнечной (вселенной)», но он резко осуждал жестокости князя и злоупотребления его воевод. Так, здесь рассказывается, как Дмитрий Шемяка, бежавший после своего поражения в Новгород, был отравлен по наущению московского дьяка собственным поваром: повар дал ему «зелье в куряте» (яд внутри вареной курицы); когда Василию Темному сообщили об убийстве его врага, он на радостях пожаловал вестника новым чином. Рассказывалось здесь и о том, как безжалостно расправился Василий Темный с дворянами заточенного им серпуховского князя — он велел их «казнить, бити и мучити, и коньми волочити» (т. е. волочить привязанных к хвостам коней). Но особенно острым было в Ермолинской летописи описание присоединения ярославских земель, которые великий князь забрал себе, дав ярославским князьям вместо этого земли в других, далеких землях. Летописец начал рассказ об этом как будто бы совсем с иной темы — он рассказал, как в Ярославле «явились» (т. е. были найдены) мощи местных святых, как эти мощи стали «прошати» (т. е. исцелять от болезней) как бы простив им их грехи) многих больных и калеки. Но далее летописец замечал, что эти «чудотворци явишася не на добро всем князьям Ярославским: простилися они со своими вотчинами навек». Он иронически прибавлял, что тогда в Ярославле появился «новый чудотворец» — наместник великого князя, «чюдес» которого невозможно «исписати, ни исчести», ибо он «во плоти сущий цъяшос» (последнее слово было зашифровано — оно означает «дьявол») ². Начальная часть Кирилло-Белозерского свода 1472 г. (до 1425 г.) не сохранилась в Ермолинской летописи: она почти полностью была заменена в этой летописи текстом, близким к Московскому своду 1479 г. Но некоторое представление об этой части Кирилло-Белозерского свода дают сокращенные своды конца XV в.: здесь приводятся, например, более полно, чем в Софийской I и Новгородской IV летописях, ростовские сказания о богатырях Александре Поповиче и Добрыне, которым приписывается участие не только в битве на Калке, но и битве на Липице в 1216 г.

Еще один независимый летописный свод, составленный в конце 80-х годов XV в., дошел до нас в составе Софийской II и Львовской летописей. Этот свод резко критиковал великого князя Ивана III, в частности за его попытки удалить с митрополичьего престола главу церкви — митрополита Геронтия, но сам свод не был летописью митрополита: здесь критиковался (за недостаточное уважение к погребениям его предшественников) и сам митрополит. В свод был включен ряд литературных памятников, в том числе «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В своде 80-х гг. осуждалось притеснение Иваном III его братьев-князей и тверских бояр, помощь, которую Иван III

¹ Московский свод 1479 г. (в редакции 90-х гг. XV в.) издан: ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949.

² Ермолинская летопись издана: ПСРЛ, т. XXIII, Спб., 1910; Сокращенные своды конца XV в.: ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, с. 163—367.

оказывал крымскому хану, разграбившему Киев (входивший тогда в состав Литовского государства), колебания Ивана III во время последнего нашествия хана татарской Орды Ахмата. Когда Иван III, не решившись на битву, вернулся в Москву, то московские горожане стали роптать на князя, который выдает их «царю (хану) и татаром». Боясь «гражан мысли злыя поимания» (т. е. того, что у горожан возникнут замыслы против него), Иван III вынужден был выступить против хана (чем и закончилось в 1480 г. татарское иго) ¹.

В конце 80-х годов XV в. независимое летописание в Русском государстве (кроме Пскова) прекратилось; все общерусские летописи с этого времени стали исходить от московской великокняжеской власти ².

Летописные рассказы о победе над Новгородом. Из летописных повестей XV в. особого внимания заслуживают повести о победе над Новгородом в 1471 г. До нас дошло несколько таких повестей. Две из них московские: рассказ великокняжеского свода и отдельные «Словеса избрания от святых писаний».

Одна из них, под названием «Словеса избрания от святых писаний о правде и смиренномудрии, еже сотвори (которые сотворил) благочестия делатель, благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси...», служит как бы дополнением к своду 1448 г. и завершает Софийскую I летопись, другая помещена в великокняжеском своде начала 70-х гг. (Шканоровская и Вологодско-Пермская летописи) и Московском своде 1479 г.

Кроме того, сохранился и новгородский рассказ об этих событиях. В московских повестях мы обнаруживаем черты, напоминающие «Житие Александра Невского» или летописную повесть о Куликовской битве. Враги (новгородцы) гордятся и «яряются», забыв библейские поучения; великий князь (Иван III) скорбит, проливает слезы, молится богу и только тогда, когда чаша его долготерпения переполняется, вступает в бой; победа великокняжеских войск имеет черты чуда и совершается с божественной помощью. В «Словесах избранных» «дьявольское прельщение» новгородцев доказывается, в частности, тем, что в роли их предводителя выступает «окаянная жена» — вдова посадника Марфа Борецкая, о которой почти ничего не сообщают остальные летописи и которая стала известна историкам и писателям («Марфа посадница» постоянно упоминается в научной и художественной литературе XIX—XX вв.) именно из «Словес избранных». Чудеса сопровождают в «Словесах избранных» весь путь московских войск по Новгородской земле: по божьей воле пересыхают болота, москвичи переходят вброд полноводные реки, новгородцы при виде великокняжеского войска колеблются «яко пьяни» и обращаются в бегство. Они устрашаемы «невидимою силою живаго бога и помощью великаго архангела Михаила,

¹ Софийская II летопись: ПСРЛ, т. VI, Слб., 1853 (рассказ о 1480 г. — с. 230—231); Львовская летопись: ПСРЛ, т. XX, ч. 1—2, Слб., 1910—1914.

² О летописях XV в. см.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

воеводы небесных сил»; всюду, даже где никто за ними не гонится, слышится новгородцам страшный «ясак» (клич) великокняжеских полков: «Москва!»

В рассказе великокняжеских сводов черты чуда выражены не так явно, но и здесь схема рассказа та же; о чудесном характере победы сообщают сами новгородцы, говоря, что, помимо московских войск, они видели «еще иные полки» — «и тако ужас нападе на ны (нас), и страх объят ны, и прият нас трепет». Некоторое отличие рассказов о войне с Новгородом от повестей о Куликовской битве и подобных ей рассказов заключалось, правда, в том, что там в роли врагов выступали обычно «нехристи» и гонители христианства; но летописец уверял, что новгородцы, вступив в сговор с литовским князем-католиком (против великого князя), тем самым впали в «латинство» (католичество) и «отступничество».

Совсем по-иному рассказывалось о победе Москвы над Новгородом в Новгородском летописном своде, составленном незадолго до присоединения Новгорода к Русскому государству (в окончании Новгородской IV летописи, продолжающей свод 1448 г.). Никаких признаков чуда в победе великого князя новгородцы не видели; причины своего поражения они находили не на небе, а на земле. Новгородский архиепископ, которому по местному обычаю подчинялась конница, не решился «на великого князя руку подынути». Существовала и прямая измена: сторонник великого князя, некий Упадыш, заколотил железом 5 новгородских пушек. Рисуя рознь и «мятеж» в родном городе, летописец рассказывал о том, как во время битвы новгородцы «вопили» на своих «больших людей», то требуя решительного сражения, то ссылаясь на недостаток оружия: «Аз (я) человек молодой, испротеряхся (обеднел, имею недостаток) конем и доспехом»¹.

Русский хронограф. Интерес к всемирной истории, не исчезавший на Руси с XI века, когда в распоряжении русских книжников появились переводы византийских хроник: «Хроники Георгия Амартола» и «Хроники Иоанна Малалы», на рубеже XV—XVI вв. получил особое развитие. В это время обширный хронографический свод—Русский хронограф, который в своих различных редакциях продолжает существовать и переписываться вплоть до середины XVIII в. Первая редакция Русского хронографа² содержала изложение всемирной истории от сотворения мира до 1453 г.—года, когда Константинополь был завоеван турками и прекратила свое существование Византийская империя.

Примерно половину текста Хронографа занимает краткий пересказ библейских книг (из которых взяты по преимуществу сюжетные рассказы и сведения по истории древнего Израильско-Иудейского государства), затем пове-

¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, Л., 1925, вып. 2, с. 446—449.

² Точка зрения А. А. Шахматова о создании первой редакции Русского хронографа в 1442 г. сейчас пересмотрена. См.: Клосс Б. М. О времени создания Русского хронографа.— «ТОДРЛ». Л., 1971, т. XXIV; Гворгов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 190—192. В рецензии на эту книгу Б. М. Клосс высказал мнение, что первая редакция Хронографа составлена в 1516—1522 гг. («История СССР», 1977, № 3, с. 183).

ствуется об истории стран Востока, истории Рима и особенно подробно о Византии. В заключительной части Хронографа читаются сведения об истории Руси с древнейших времен и до середины XV в., а также рассказывается об истории Болгарии и Сербии. В Хронограф вошла несколько сокращенная переработка Хронографической «Александрии» (с дополнениями из «Александрии» Сербской), «Повесть о Троянской войне».

Хронограф представлял большой интерес не только как памятник историографии, но и как литературное произведение. Особенно большое впечатление на русских книжников произвели рассказы о византийских императорах, извлеченные составителем Русского хронографа (с перевода византийской Хроники Константина Манассии — эмоциональный стиль изложения, яркие характеристики исторических персонажей, насыщенность повествования поражающими воображение картинами. Все эти черты хронографического повествования окажут впоследствии большое влияние на стиль и манеру собственного русского исторического повествования, например на Казанскую историю или на повести о Смутном времени — о событиях начала XVII в.¹

«Повесть о Царьграде»². Своеобразным памятником исторического повествования была «Повесть о Царьграде», автор которой именовал себя «многогрешным и беззаконным Нестором-Искандером». В XVI в. «Повесть» была включена в дополнительную часть Русского Хронографа 1512 г.; но дошла она и в отдельном виде.

«Повесть о Царьграде» была посвящена важнейшему событию мировой истории XV в. — окончательному падению Византийской империи и завоеванию ее столицы Царьграда (Константинополя) турками в 1453 г. Автор повести рассказывал про себя, что он «измлада» (т. е. еще с детства) попал в плен к туркам и был обращен в магометанство. Рассказ об осаде он ведет как бы с двух точек зрения — осаждающих город турок и защищающих его греков. Трудно сказать, насколько сведения автора о себе самом соответствуют действительности, но раннее происхождение рассказа (вторая половина XV — начало XVI в.) не вызывает сомнений.

Характерными чертами «Повести о Царьграде» являются динамичность и острота повествования. При этом рассказ об осаде города, длившейся полгода, автор сводит к кратким сценам — описанию пяти или шести наиболее напряженных дней его обороны.

Повествование начинается с описания штурма города, происходящего на 14-й день осады. Турки обстреливают город, забиваются на стены; возникают рукопашные схватки. Бой продолжается до наступления темноты; турки вынуждены отойти; утомленные защитники засыпают мертвым сном.

¹ Характеристику стиля русского хронографа см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 331—354; Творогов О. В. К истории жанра хронографа. — «ТОДРЛ», Л., 1972, т. XXVII.

² Текст повести см.: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, с. 55—78. Ср.: Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1954, т. X, с. 138—165. Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1954, т. X, с. 166—184.

Турки опять готовят штурм, но в городе появляются новые силы; на помощь Царьграду приходит «фряг Зустуней» (итальянец Джустиниани) со своими воинами (Нестор-Искандер называет их «600 храбрых»), единственный, кто откликнулся на просьбу цесаря (императора Константина) о помощи. Он становится подлинным предводителем греков во время второго штурма. Огромная пушка, на которую рассчитывали турки, повреждает самое уязвимое место городской стены, защиту которого взял на себя Зустуней. Но Зустуней ночью успевает заделать пролом, построив стену из дерева. Утром турки вновь обстреливают и разрушают заделанную стену, но Зустуней, «навадив пушку свою», делает ответный выстрел, и у великой турецкой пушки взрывается «зелейник» (казенная часть). Разъяренный султан кричит «ягма» (штурм!) и заранее отдает город на разграбление неприятелю. Снова происходит рукопашная схватка, и снова осаждающие отступают, а защитники города погружаются в мертвый сон.

Третий штурм города начинается опять с обстрела его из великой пушки, укрепленной железными обручами, но с первого же выстрела она «разсядяся (расселась) на многия части». Осаждающие засыпают рвы и подкатывают туры — стенобитные башни, но в это время горожане взрывают мины — «сосуды зелейные», и турки взлетают на воздух. Эта неудача удручает султана, и он уже решает «отступить в свояси», но греки сами делают неверный шаг, предлагая султану мир и тем обнаруживая свою слабость. Война возобновляется.

Во время четвертого штурма туркам удается разрушить большую часть стены. На этот раз защитники города не могут заделать пролом; им удается только построить «башту» (башню) позади разрушенного места. Ворвавшиеся турки едва не убивают Зустуню, которого спасает греческий «стратиг» (военачальник). Но когда турки с победными криками устремляются в город, греки пускают в ход пушки, «тайне» установленные в «баште». В бой вступает и сам цесарь, который один, «имея меч в руке», гонит неприятелей в пролом и выбивает их из города.

Раздраженные неудачей четвертой попытки, турки готовят новую «ягму» — общий штурм. И в это время совершается событие, знаменующее собой скорую гибель столицы: из окон храма святой Софии исходит пламя и подымается к небесам. Патриарх объясняет цесарю, что это знамение означает отшествие святого духа от Царьграда. При пятом штурме у защитников, казалось бы, уже нет никаких надежд, но цесарь и Зустуней не считают еще борьбу законченной — «убо еще часу суда не приспевшу (не наступил еще час суда — смерти)».

Туркам удается разбить «башту», построенную Зустунеей, а когда он вновь пытается «созидати» ее, каменное ядро ударяет его в грудь. Но врачам удается поднять на ноги Зустуню, и, едва «отдохнувши от болезни», он вновь принимается за сооруже-

ние «башты». Однако шальное ядро вновь поражает героя. Цесарь плачет над умирающим Зустунеей, но не теряет духа и вновь, в последний раз, выбивает турок из города.

Даже накануне падения города гибель его не кажется неминуемой: султан вновь думает о снятии осады. Но над городом сгушается «тьма великая» и падает кровавый дождь, знаменующий гибель Царьграда.

Наступает день падения Царьграда. Несмотря на уговоры приближенных, цесарь бросается в последний бой на улицах города и погибает под мечами турок. Так сбывается древнее предсказание о Царьграде: «Константином создася и паки (снова) Константином скончася» (первым императором, правившим в Константинополе, был Константин Великий, последним — Константин XI). Завершается повесть описанием торжественного вступления султана в город и пророчеством о будущем освобождении Царьграда «русым родом».

«Повесть о Царьграде», богатая фактическими подробностями, основывалась, очевидно, на подлинных воспоминаниях очевидца или очевидцев (в связи с этим заслуживают внимания рассказы автора о себе, как о современнике и участнике событий). Но вместе с тем повесть обнаруживает явное влияние русских «воинских повестей» — «Повести о разрушении Рязани Батыем» и др. Мы встречаемся здесь со стилистическими оборотами, характерными для этих повестей («сеча велика и ужасна», кровь течет «потоком сильным» и т. д.), хотя в отличие от большинства русских повестей здесь нет резкого различия в изображении воюющих сторон — нет безоговорочного осуждения «поганых» (турок) и резкого противопоставления их христианам (грекам); автор относится к обеим воюющим сторонам с уважением. По своему жанру «Повесть о Царьграде» — памятник исторического повествования, и вместе с тем это повесть, подобная тем, которые, как мы увидим, занимают важное место в русской литературе второй половины XV в.

2. АГИОГРАФИЯ

Жития второй половины XV в. тесно связаны с житиями предшествующего периода. Традиции Епифания Премудрого развивались агнографами в течение всего XV столетия; один из важнейших представителей этой традиции Пахомий Логофет продолжал трудиться до конца века. Однако для житийной литературы второй половины XV в. характерны все же некоторые новые черты, незнакомые агнографии предшествующего времени.

В письменности второй половины XV в. встречаются, с одной стороны, «неукрашенные» жития, написанные, по-видимому, живыми свидетелями жизни видных церковных деятелей как материал для агнографии, а с другой стороны, жития-повести, основанные на рассказах и легендах, ходивших в устной традиции.

К первому типу житий принадлежит, например, записка о последних днях жизни игумена Боровского монастыря Пафнутия, написанная его келейником (прислужником в келии) Иннокентием.

Это бесхитростный, очень живой и правдивый рассказ о болезни и смерти основателя и руководителя крупнейшего монастыря, тесно связанного с великокняжеской властью. Заботы еще не совсем оставили этого властного и деятельного старика, но он уже чувствует, что впереди «ино дело... неотложно»: разрушение «союза» (союза) души и тела. К нему все еще идут с делами; он уже не желает принимать посетителей, но трепещущий перед влиятельными лицами маленький человек Иннокентий докучает старцу их просьбами. «Что тебе на мысли?» — досадливо и совсем не «смиренно» (как полагалось бы святому) восклицает Пафнутий. — Не даси (не даешь) мне от мира чего ни на один час отдохнуть!» 60 лет, по словам Пафнутия, он угождал «миру и мирским человеком, князем и боярам», «совался» в их дела. «А того и не вем (не знаю): чesего ради? Нынe познах (понял) — никакая мне от всего того польза!»¹

Правдивость этого образа умирающего старика — это правдивость «человеческого документа», добросовестной записи подлинных дел и речей человека XV в. Но обнаруженная Иннокентием способность схватить и зафиксировать живые детали, живую речь была весьма важной для литературы последующих веков — и не только житийной, но и исторической и повествовательной.

«Житие Михаила Клопского». Новгородское «Житие Михаила Клопского» не было записью очевидца, как записка Иннокентия, а рассказом, основанным на устных легендах о жизни и чудесах новгородского святого-юродивого, сочувствовавшего московским князьям. Но житие это тоже не сходно с традиционными житиями святых: оно гораздо более походит на сказку-новеллу.

Необычно для агиографической литературы было уже самое начало жития — оно начиналось не рассказом о рождении и воспитании святого, как большинство житий, а описанием неожиданного и таинственного появления не названного по имени героя в Клопском монастыре, недалеко от Новгорода. Перед нами как бы «закрытый» сюжет, вызывающий недоумение и естественное любопытство читателя.

В конце Иванова дня в ночь поп Игнатий явился в свою келью в монастыре, но она оказалась отомкнутой и в ней «старец сидит на стуле, а перед ним свеча горит». Изумленный поп попятился и привел в келью игумена Феодосия; келья на этот раз оказалась запертой. Заглянув через окно, игумен приветствовал незнакомца молитвой; незнакомец ответил той же молитвой; это повторялось три раза. «Кто еси ты, человек ли еси, или бес? Что тебе имя?» — спросил после этого игумен. «Человек ли еси или бес? Что ти имя?» — повторил тот же вопрос незнакомец. Игумен спросил вторично: «Человек ли еси или бес?» Незнакомец опять повторил его слова; то же произошло и в третий раз. Взломав дверь в келью, игумен стал кадить; старец заслонился

¹ Записка Иннокентия издана в кн.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 439—453.

от дыма кадила, но осенил себя крестным знамением. Это успокоило игумена, и незнакомец был принят в монастырь. Тайна его происхождения раскрылась уже позже, когда приехавший в монастырь князь Константин Дмитриевич сообщил монахам, что незнакомец — знатный человек, «своитянин» (свойственник) князя¹.

Михаил Клопский был юродивым, и этим в значительной степени оправдывался эксцентрический, иногда комический характер рассказов о нем. Эта особенность жития связывает «Житие Михаила» со светской литературой такого характера, о которой мы будем говорить в дальнейшем, например со сказаниями о Соломоне и Китоврасе, где «дивный зверь» Китоврас, как и Михаил, «насквозь видит» настоящее и будущее своих собеседников и скрывает за «юродством» глубокую мудрость. Необычность построения «Жития Михаила» ощущалась читателями и последующими редакторами жития. В XVI в. при включении этого жития в крупнейший свод церковной литературы «Великие Минеи Четьи» оно было переделано. Редакторы постарались прежде всего уничтожить необычный, «закрытый» сюжет жития, при котором повествование начиналось как бы с середины (с прихода безвестного старца в монастырь), и текст стал излагаться в обычной для житийной литературы последовательности и без всяких тайн. Редакторы, правда, выражали огорчение по поводу того, что не знают, «откуда же явился дивный сей светильник» и кто были его родители, но сразу же объясняли, что в Клопский монастырь явился не какой-то незнакомец, а «дивный сей Михаил», решивший уйти из мира и найти себе для этого подходящее место. В связи с этим был исключен тот необыкновенный диалог, с которого начиналась первая редакция жития, когда Михаил точно повторял обращенные к нему слова настоятеля. Редактор просто объяснял, что Михаил «тая же вещаше» (говорил), что слышал от игумена. Так же были переделаны и остальные сцены: показ событий, их драматическое изложение заменялись их описанием.

Таким образом, в последующем столетии обнаружилось недобрительное отношение книжников к особому, «сюжетному» типу житий, к которому принадлежало «Житие Михаила». Но у такого типа житий были и свои сторонники. Об этом свидетельствует и существование других житий, в центре которых оказывался необычный герой, мудрость которого раскрывается неожиданно для окружающих и для читателя. Таково было, например, «Житие муромских святых Петра и Февронии», дошедшее до нас в редакции XVI в., но в своем первоначальном виде сложившееся, вероятно, еще в XV в.

«Повесть о Петре Ордынском». Житием-повестью, основанным на устной традиции, было и «Житие Петра, царевича Ордынско-

¹ См.: Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958.

го». Герой жития — благочестивый татарский царевич Петр, живший в Орде, услышавший гам проповедь приехавшего «в татары» архиепископа и крестившийся под именем Петра. Петр поселился в Ростове, и во сне ему явились апостолы, дали два мешка с золотом и велели возвести на эти деньги храм. Апостолы явились во сне и ростовскому владыке (епископу) и приказали помочь Петру. Но для постройки Петру необходимо разрешение местного ростовского князя, а князь требует за землю для храма столько золотых монет, чтобы ими можно было обложить весь участок, уступленный Петру. Петр соглашается, приобретает участок, с находящимся на нем озером, окапывает его по ордынскому обычаю рвом и выкладывает по границам своего участка столько денег (вынимая их из волшебных мешков), что ими наполняют присланные князем «возила» (возы) и колесницы. После построения храма Петр собирается вернуться к себе в Орду, но князь уговаривает его жениться и остаться в Ростовской земле; после смерти Петра «в глубине старости» на земле, отданной ему князем, был устроен монастырь. Остальная часть жития посвящена рассказу о судьбе этого монастыря и потомков Петра Ордынского и описанию споров между монастырем и горожанами-ростовцами из-за озера, расположенного на монастырской земле¹.

И сюжет этой повести, где нет обычного для жития мученичества и страданий за веру, и ее отдельные образы далеки от традиционных житий. Очень своеобразна фигура ростовского князя, уступившего Петру земли для церкви и монастыря. В отличие от благочестивого татарского царевича, это расчетливый и лукавый политик. К «ужасти» Петра и ростовского владыки перед явлением апостолов он относится с насмешкой, явно подтрунивая над царевичем: «Владыка тебе церковь устроит, а аз место не дам. Что сотвориши?» Свободный от мирских забот, Петр смиренно отвечает: «Повелением, княже, святых апостол аз куплю у тебя, елико отлучит благодать твоя от земли сия». Услышав эти слова и увидев мешки в руках Петра, князь решает про себя «отлучить», т. е. извлечь как можно больше пользы из «ужасти» своих собеседников — заработать побольше денег (что ему и удается). Столь же практически-политический характер имеет и дальнейшее поведение князя, решившего удержать у себя крещеного татарского царевича: «Аще (если) сей муж, царево племя, идет в Орду, и будет спона (урон) граду нашему... Петр, хощеш ли, поимем за тя невесту?»

Несомненно, к фольклору восходит важнейший мотив повести — непомерная цена, запрошенная князем за участок земли, и чудесное выполнение Петром этого поставленного перед ним условия. К фольклору восходит и рассказ второй части жития, повествующий о спорах из-за монастырского озера. Спор этот

¹ См.: Повесть о Петре Ордынском. — В кн.: Русские повести XV—XVI вв., с. 98—105.

начинается со своеобразного соревнования городских и монастырских (петровских) рыбаков: монастырские «ловцы» вылавливают рыбу «паче градских ловцев»: «Аще бы (как бы) играя, петровстии ловци ввергли сеть, то множество рыб извлечашу (извлекали), а градстии ловци, труждающиеся много, оскудеваху (оставались ни с чем)». Обиженные за своих «ловцов» потомки князя решают лишить потомков Петра (владельцев монастырской земли) права на ловлю рыбы, ссылаясь на то, что предок их уступил Петру землю, но не озеро. Разрешение этого спора опять оказывается типично сказочным, причем в роли справедливого судьи выступает посол татарского царя. Он спрашивает у ростовских князей, могут ли они снять воду с дарованной Петру земли. «Вода наша есть отчина, господине, а сняти ея не можем, господине», — отвечает князь. «Аще не можете сняти воду, то почто своєю именуете?» — решает посол.

Как и «Житие Михаила Клопского», житийная «Повесть о Петре Ордынском» подвергалась в последующем столетии переделкам. Редакторов смущал, например, необычный образ ростовского князя — покровителя Петра. Если в первоначальной редакции он говорил о своем желании «отлучить» побольше денег у татарского царевича, то в последующих переделках он сам вздыхал «от ужасти» по поводу видения Петра и владыки, хотя по-прежнему запрашивал у царевича непомерный выкуп за свою землю. Его желание удержать Петра в Ростове объяснялось не расчетом, а благочестивыми причинами — страхом, как бы Петр в Орде не отступил от христианства.

Но это были уже последующие переделки житийных рассказов. В XV в. жития-повести были довольно распространенным типом житий: их сюжетная занимательность, юмор, фольклорные и бытовые мотивы — все это сближало их со светскими повестями XV в.

3. ПОВЕСТИ

Повести XV в., в отличие от более ранних, рассказывают не только об исторических событиях и известных деятелях русской истории, а о самых различных людях, в жизни которых происходят какие-либо занимательные для читателя события. Это были произведения беллетристики, сходные по построению с художественной прозой нового времени. Переводные памятники такого типа были известны на Руси и раньше (например, «Повесть об Акире Премудром»), но в XV в. их становится больше, чем прежде, и, что еще важнее, появляются оригинальные русские памятники такого типа.

Сербская «Александрия». Из числа переводных повестей, появившихся на Руси во второй половине XV в., в первую очередь должна быть названа так называемая Сербская «Александрия»,

роман о жизни и приключениях Александра Македонского¹. Роман этот проник на Русь в XV в. и стал более популярным, чем Хронографическая «Александрия» (входившая в хронографические своды).

Древнейший русский список Сербской «Александрии» переписан рукой инока Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. Сербская «Александрия» восходила, по-видимому, к греческому оригиналу XIII—XIV вв., но на Русь она проникла в южнославянской (сербской) версии. Сербская «Александрия» огличалась от Хронографической рядом существенных особенностей. Александру в Сербской «Александрии» приписывалось завоевание Рима и Иерусалима; царь здесь посещает Троию и вспоминает героев «Илиады» Гомера, но вместе с тем он чтит единого бога и поддерживает дружбу с библейским пророком Иеремией. Значительно усилены были в Сербской «Александрии» и черты средневекового романа: важное место занимала здесь тема (совершенно неизвестная Хронографической «Александрии» и другим сказаниям о царе Александре) любви Александра и Роксаны: Александр сообщает матери, что именно эта «женская любовь», «устрелившая» его сердце, побудила его впервые подумать о своих «домашних»; когда же он умирает, Роксана кончает самоубийством.

Повесть начинается с описания «чудесного» рождения Александра: отцом его, как и в Хронографической «Александрии», оказывается не македонский царь Филипп, а египетский царь — волшебник Нектанав (Нектанеб); уже при рождении Александру предсказано, что он будет «подсолнечным» царем, великим «благочестием и радостью и мудростью», но проживет не более 40 лет.

После смерти Филиппа Александр становится «самовластцем», завоевывает «Афины мудрые» и другие греческие земли, а затем начинает войну с персидским царем Дарием.

Александр в романе постоянно ставит себя в трудные положения, как бы бросает вызов судьбе — «главу свою назад мешет», по выражению его полководцев. Он переряжается в чужие одежды, выступая то в роли одного из своих сподвижников, то в качестве собственного посла. Особенно дерзко поступает он, посетив самого Дария под видом македонского посла накануне решающего сражения с персами. Мнимый посол на пиру у Дария, испивая поданную ему чашу вина, прячет ее затем под одежду — «в недра своя». Когда же, обманув персов, Александр поспешно покидает дворец, припрятанные чаши оказываются для него пропуском, обеспечивающим беспрепятственное бегство: «Возьми чашу сию, держи! Дарей царь посла мя стражи ут-

¹ См.: Александрия. Роман о Александре Македонском по русской рукописи XV века. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965.

Бой Александра Македонского и царя Пера.
Миниатюра к «Александрис». XVII в. (БАН).

вердiti (т. е. установить, проверить стражу)». — быстро говорит он «вратарям», и те, поверив ему, выпускают его из города.

За рассказом о приходе Александра к Дарию следует описание решительной битвы между ними. Дарий побежден, и его собственные коварные советники, прозив царя мечами и «исколов» его, бросают его на дороге. Там его находит Александр, берет на плечи и несет в царский дворец. Если в сценах, описывающих приключения и поступки Александра, речи действующих лиц были лаконичны и выразительны, то в сценах, изображающих сильные чувства, герои говорят возвышенно и пространно: Дарий, найденный Александром еле живым, произносит речь «мало дыша», но это не уменьшает ее пространности и высокопарности; в конце концов Дарий, «много плакався», дает Александру в жены свою дочь Роксану и умирает. Александр с

«честью великою» хоронит Дария и казнит его убийц. После победы над Дарием Александр так же успешно побеждает и индийского царя Пору, а затем отправляется в путешествия по диковинным землям. Во время этих путешествий он посещает, между прочим, пещеру мертвых, где встречает своих бывших поверженных противников — Дария и Пору.

Неожиданные повороты в судьбе героя не могли не волновать читателя «Александрии». Еще не зная предстоящего исхода приключений Александра, читатель «Александрии» переживал эти приключения, волновался и радовался, когда они оканчивались благополучно. Но вместе с тем в романе постоянно повторялся мотив бренности и непрочности человеческих достижений. Успехи, достигнутые с таким трудом и опасностями, в конечном счете не приводили ни к чему — ранняя смерть была предсказана герою с рождения, и избежать ее он не мог. Во время своих странствий Александр посещает живущих близ рая рахманов (брахманов), которые именуются «нагомудрецами», ибо «наги», т. е. совершенно лишены не только одежды, но и всякого имущества и «всякой страсти». Щедрый царь предлагал дать им любую вещь, которой нет в их земле. «Дай же нам, царю Александре, бессмертие: помираем бо (ибо мы умираем)!» — восклицают рахманы. «Не бессмертен аз (я) есмь; каково бессмертие вам поддам?» — отвечает царь. Единственного, в чем нуждались рахманы, не имеет и сам Александр. «Поиди с миром, Александре, всю прием (приобретя) землю, последи и сам в ню (нее) поидеши», — говорит ему на прощание старейшина рахманов. Тема эта вновь и вновь возникает в романе. «О премудре в человецех Александре, — спрашивает Дарий в пещере мертвых, — да и ты ли осужден еси с нами быти?» А в конце романа пророк Иеремия, явившись к Александру во сне, извещает его о скорой смерти, и полководец устраивает прощальный смотр своим войскам. Описание этого предсмертного смотра — одна из самых сильных сцен романа. Мимо обреченного на смерть полководца проходят его победоносные войны; идут греки, македонцы, египтяне, все народы, входящие в его войско. Глядя на них, Александр качает головой и говорит: «Зриши ли всех сих? Все бо те под землю заидут!»

Хотя время смерти Александра предсказано заранее, причина ее оказывается неожиданной. Александра коварно отравляет его вероломный виночерпий Вринуш, мечтающий стать преемником царя. Как и описание смерти Дария, рассказ о последних днях Александра чувствителен и высокопарен. Отравленный царь становится «студен» (холодеет) и начинает «трепетати», но произносит все же длинные речи, обращаясь к своим полководцам, Роксане и даже к злодею Вринушу. Когда же он умирает, Роксана оплакивает свое «македонское солнце» и закалывается над гробом мужа. После смерти Александр и Роксана оказываются погребенными вместе (в едином «столпе»).

Главной идеей, последовательно и очень выразительно проведенной через все это повествование, сказывается идея тщетности всякого земного величия. Однако для читателя, который, несомненно, мог оценить мужество и благородство героя и полюбить его, оставалась все-таки неясной посмертная судьба Александра. Автор сделал Александра сторонником единобожия, но все же не решился превратить его в христианина. Попадет ли герой в рай или в ад? Редактор русской редакции сделал характерное добавление, которого не было в греческих и южнославянских текстах — он сообщил, что после смерти Александра явился «аггел» и забрал его душу. Но куда именно должна быть отнесена душа великого, но некрещеного царя? Этот вопрос оставался для читателя открытым.

Троянские сказания. «Александрия» была не единственным в древней русской литературе памятником, восходящим в конечном счете к античной традиции. Конец XV — начало XVI в. — время проникновения на Русь нескольких развернутых сказаний о Троянской войне. До XV в. был известен пересказ мифов Троянского цикла в пятой книге Хроники Иоанна Малалы, но книга эта, как можно думать, не получила широкого распространения в древнерусской книжности. В XV в. на Руси становится известна (в болгарском переводе) византийская Хроника Константина Манассии, в которой подробно рассказывается о событиях, предшествовавших Троянской войне (ее называют обычно «Притчей о кралех»). Составитель Русского хронографа в начале XVI в. создал свою «Повесть о создании и поплении Тройском», объединив в ней отдельные тексты из основного текста Хроники Манассии и из «Притчи о кралех». Повесть эта вошла в состав одной из глав Хронографа редакции 1512 г., а также переписывалась в сборниках как отдельное произведение.

На рубеже XV—XVI вв. видимо, с немецкого печатного издания конца XV в. был осуществлен перевод другого обширного романа о Троянской войне, написанного в конце XIII в. сицилийцем Гвидо де Колумна. В романе Гвидо подробно излагалась предыстория Троянской войны (поход аргонавтов, добыча Язоном золотого руна в Колхиде с помощью волшебницы Медуи, первое разорение Трои Язоном и Геркулесом), поход греков на Трою и взятие города после десятилетней осады, а затем и судьбы основных героев Троянской войны — Агамемниона, Одиссея (Улисса), Пирра. В романе Гвидо, наряду с описаниями битв, поединков, военных хитростей и подвигов героев, значительное место занимают «романические сюжеты», характерные для средневековых рыцарских романов: рассказывается о любви Медуи и Язона, Париса и Елены, о легкомысленной возлюбленной троянского царевича Троила Брисеиде, о любви Ахиллеса к дочери Приама Поликсене. Эти темы были редки в древнерусской книжности (если не считать уже упомянутой Сербской «Александрии»), но вызывали у читателей несомненный интерес — все эти сюжеты

сохранились даже в кратких переработках «Троянской истории» Гвидо, появившихся уже в XVI в., но особенное распространение получивших позднее — в XVII в.¹

Сказания о Соломоне и Китоврасе. Сербская «Александрия» и «Троянская история» были образцами «высокой», рыцарской литературы, проникшей в русскую письменность в XV в. Но в тот же период на Русь проникает и ряд памятников иного, комического характера, близких к устному народному творчеству средневековья. Одним из первых образцов такого жанра были сказания о царе Соломоне и звере Китоврасе, упоминавшиеся в средневековых списках запрещенных книг (индексах), но уже с конца XV в. включавшиеся в древнерусскую «Толковую Палею» (изложение библейских рассказов с их толкованием)².

Прототипом средневековых сказаний о Соломоне был библейский рассказ о том, как царь Соломон разрешил спор двух женщин, каждая из которых объявляла себя матерью одного и того же «отрока». Царь приказал разрубить младенца пополам; когда же одна из женщин согласилась лучше уступить младенца сопернице, чем допустить его гибель, царь сразу же понял, что она — настоящая мать ребенка. По образцу этого библейского сказания были созданы апокрифические «Суды Соломона», не входящие в Библию, но попавшие в «Толковую Палею». В одном из «Судов» рассказывалось о трех людях, обвинявших друг друга в том, что один из них, пока другие спали, похитил найденные ими «черосы» (кошельки) с золотом. Они обратились к Соломону, и он рассказал им притчу. Некая девица обручилась с юношей, который уехал в чужую землю и забыл о ней. Прошло время, отец решил выдать девицу замуж, но она призналась своему второму жениху, что уже обручена. Жених согласился отправиться с невестой к ее первому обручнику, и тот освободил девицу от данного слова. На обратном пути на молодых напал разбойник, но, когда девица рассказала свою историю, он отпустил их невредимыми. Выслушав притчу, один из слушавших признал самым лучшим поступок первого жениха, другой второго, а третий похвалил разбойника, но сказал, что ему следовало бы все-таки отобрать у жениха и невесты их имущество. «Друже, охочь есть до чужого добытка, ты еси взял черосы...» — сказал Соломон³.

Сказания о Китоврасе примыкают к рассказам о Соломоне, но здесь у царя появляется соперник, даже превосходящий его в мудрости. В этих сказаниях рассказывается о том, что, когда

¹ Исследование и публикация текста произведений о Троянской войне см. в кн.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. Подготовка текста и статьи О. В. Творогова. Комментарии М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972.

² «Сказание о Соломоне и Китоврасе» см. в кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 370—375.

³ «Суды Соломона» см. в кн.: Памятники отреченной русской литературы, собранные Н. С. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863, с. 259—265.

Китоврас. Деталь Корсунских врат Софийского собора в Новгороде. XIV в.

царь Соломон решил построить Иерусалимский храм, ему понадобилась для этого помощь «борзого зверя» Китовраса (сказочного Кентавра, полузверя, получеловека). Не надеясь уговорить его, бояре Соломона поймали Китовраса хитростью. Они наполнили колодцы вином и медом; Китоврас напился из них, а когда он заснул, бояре, заковав его, доставили к царю. Захваченный в плен Китоврас удивляет всех своим поведением: он смеется, увидев на рынке человека, выбирающего себе сапоги на семь лет, и сидящего на земле гадателя, и плачет при виде свадьбы; потом выясняется, что покупателю сапог осталось жить семь дней; скорая смерть ждет и жениха, а гадатель не знает, что под тем местом, где он сидит, зарыт клад. Китоврас подсказывает, как добыть камень «шамир», нужный для обтесывания плит будущего храма. Храм построен, но царь высказывает сомнение в мудрости Китовраса, ибо мудрость не спасла «борзого зверя» от пленения людьми. Тогда Китоврас просит царя снять с него цепи и забрасывает Соломона на край света, где его пришлось отыскивать мудрецам и книжникам. С тех пор царь так боялся Китовраса, что даже по ночам его постель стерегли 60 храбрых воинов.

Кроме этого сказания о Китоврасе, до нас дошло еще несколько рассказов о нем. В сборнике Кирилло-Белозерского книгописца Ефросина сохранился

краткий, но очень интересный рассказ, в котором поимка Китовраса объяснялась действительными его коварной жены, которую этот «борзый зверь» прятал у себя в ухе. Но жена его все-таки сумела сказать «юноши, любовнику своему», о местонахождении колодцев, из которых Китоврас пил воду; после этого в них и налили вина. По-другому описывалась здесь и встреча Китовраса с Соломоном. «Что есть узорочнее (прекраснее всего) на свете семь?» — спросил царь. «Все есть лучшей своей волея», — ответил Китоврас, ринулся, «все переломал и поскачил на свою волю». Третий рассказ о Китоврасе, сохранившийся только в списках не ранее XVII в., также включает тему женского коварства, но жертвой его оказывается не Китоврас, а Соломон. С помощью волхва Китоврас похищает жену у Соломона. Соломон отправляется за нею, но из-за предательства жены попадает в руки Китовраса. Царя отправляют на «шибалицу» (виселицу), но он просит разрешения поиграть в рожок. На трехкратный призыв рожка Соломона является его войско; освобожденный царь казнит Китовраса, свою жену и волхва¹.

Никакой оценки образа Китовраса в повестях о нем нет: мы не можем сказать, доброе это существо или злое. Он помогает Соломону построить храм, и он же забрасывает его на край света. Читателю приходилось решать самому, как ему относиться к такому главному персонажу повести.

«**Стефанит и Ихнилат**». Отсутствие ясно выраженной морали и связанного с нею окончания повести характерно и для другого памятника, проникшего в русскую письменность из южнославянской во второй половине XV в., — книги басен «Стефанит и Ихнилат»². Сюжетное построение этой книги было довольно сложным. Восходившее к арабскому басенному эпосу «Калила и Димна» (а через него — к индийской «Панчатантре»), это произведение, подобно сборнику «Тысяча и одна ночь», представляло собой новеллистический цикл или, скорее, группу таких циклов, где в текст главных рассказов входят более короткие — вставные. Уже в греческом, а затем и в южнославянском переводе важнейшее место среди этих сюжетов занял рассказ о двух зверях: в арабском варианте — Калиле и Димне, в греко-славянском — Стефаните и Ихнилате (в арабско-греческом тексте это были шакалы, в славянских — неопределенные «звери»). Этот рассказ занимал две первые главы цикла; последующие главы, с другими рассказами, постепенно сокращались, а иногда и просто отбрасывались. Основной сюжет глав о Стефаните и Ихнилате, давших имя всему циклу, таков. По лесу ехала телега, запряженная «тельцами» (волами); один из тельцов завяз в трясине. Хозяин телеги не стал вытаскивать Тельца, бросил его и уехал. Но Телец не погиб, а, выбравшись из болота, стал есть сочную траву, стал

¹ См.: Памятники старинной русской литературы. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862, вып. III, с. 59—61. Ср.: Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. — «ТОДРЛ». Л., 1974, т. XXIX, с. 257—273.

² Издание и исследование «Стефанита и Ихнилата» см. в кн.: «Стефанит и Ихнилат». Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. Издание подготовили О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. с греч. Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л., 1969.

тучным и сильным. Его громкий рев оглашает лес, в котором царствует Лев, но этот царь звериного государства вовсе не обнаруживает «храбрости, мужества и добродетели», присущих царям в «Александрии» и «Троянской истории». Напротив, он «вознослив и горд и скуден мудростью». Вокруг царя — льстивые придворные, а два мудрых зверя Стефанит и Ихниллат живут вдали от царского двора, в немилости. Рев таинственного «велегласного зверя» пугает Льва; вопреки своему обычаю, он даже не творит никаких «насилий». «Лукавый душой» Ихниллат является ко Льву и обещает ему узнать об источнике страшного рева.

При всем своем скудоумии Лев не слишком надеется на верность подданных. Послав Ихниллата с поручением узнать, кто это ревет поблизости, Лев сразу же раскаивается в своем поступке: Ихниллат, думает Лев, был когда-то «мудрейшим» из советников царя, затем впал в немилость; если он теперь узнает, что «велегласный зверь» сильнее Льва, он «к нему присвоится и возвестит ему немощения (слабости) моя». И даже когда Ихниллат возвращается к нему и сообщает, что таинственное существо оказалось Тельцом и от него не может быть вреда, Лев продолжает бояться — ничтожного Ихниллата неведомый зверь не тронул, но кто знает, как он отнесется к царю Льву.

Телец является ко двору, и царь на время отказывается от своих подозрений. Он делает Тельца своим главным советником; хитрец Ихниллат снова оказывается не у дел. Тогда он решает использовать мнительность своего повелителя и оклеветать Тельца. Он возбуждает у Льва подозрения против Тельца, а у Тельца — подозрения против Льва. Царь и его фаворит встречаются; каждый из них подозревает другого, и каждый обнаруживает враждебные намерения. Лев убивает Тельца.

Потом раскаявшийся Лев под влиянием приближенных отдаст Ихниллата под суд. Ихниллат и здесь обнаруживает находчивость и остроумие. Он соглашается, что, «яко приятель Льва», высказал ему свои подозрения «о Телци». Но кто может доказать, что Ихниллат сознательно оклеветал Тельца? Может быть, он искренне подозревал его в измене? Ихниллат недаром сравнивает своих обвинителей с неумелыми врачами: ни один из них не способен предъявить ему никаких определенных обвинений. «Некто от боляр» требует от Ихниллата собственных чистосердечных признаний; мать Льва называет хитрого зверя «лукавым и неистовым»; царев «протомагер» (главный повар) ссылается на то, что Ихниллат «имат левое око мало и мъгливо (прищурено)» и когда «ходит, долу (вниз) главу прекланяет», — все это, по его словам, признаки клеветника. Ихниллат без труда отвергает эти обвинения, а повара даже уличает в том, что он сам выглядит не лучше Ихниллата — покрыт «смрадными струпьями», да еще осмеливается стоять перед царем и трогать руками царскую пищу. «Аще аз о себе не отвещеваю (если я сам не заступлюсь за себя), — говорит Ихниллат, — кому печаль отвещевати о мне?» И он «отве-

щеваает» так, что оставляет в дураках всех своих обвинителей. Исход суда над лукавым зверем вовсе не оказывается торжеством справедливости. Лев, убивший Тельца по пустому подозрению, оказывается не справедливым судьей, а безвольным деспотом, подчиняющимся чужому влиянию. «Виде убо Лев насилие матери своя, повеле, да убьют Ихнилата», — кончается рассказ о суде над Ихнилатом.

Другие басни и сказки, которые рассказывают друг другу герои книги, во многом напоминают историю Стефанита и Ихнилата. Так, в одной из сказок рассказывается о старом льве, который не мог уже сам ловить зверей и потребовал, чтобы они сами ежедневно приводили ему по одному из них на съедение. Жребий пал на зайца, который предложил остальным зверям избавиться их от льва. Он явился к царю без сопровождающего зверя и с опозданием. Разъяренному ожиданием и голодному льву он объяснил, что тащил к нему на съедение «заеца друга своего», но по дороге на них напал другой лев и отобрал жертву, хотя ему было сказано, для кого она предназначалась. Царь потребовал, чтобы ему показали похитителя. Заяц привел его к глубокому колодцу и показал «сень» (отражение) льва и рядом с ним зайца. Разъяренный лев бросился в колодец и утонул.

Больной царь-лев, не способный уже ловить зверей, фигурирует еще в одной вставной басне. Среди его подданных были волк, лисица, ворон и приблудившийся к ним «иноземный» верблюд. Не сумев уговорить льва расправиться с верблюдом, волк, лисица и ворон прибегли к уловке: каждый из них предлагал себя в добычу льву, а остальные отвергали эту пищу как несъедобную. Рассчитывая на такой же результат, верблюд похвастался «сладостью» своего мяса и тоже предложил себя в жертву. «Истинну рекл еси, о велблуде!» — воскликнули остальные и растерзали его.

Легко заметить общую черту всех этих рассказов — во всех них сильные торжествуют над слабыми, и победить их может не правый, а хитрый. В отличие от большинства памятников древнерусской письменности в «Стефаните и Ихнилате», в сущности, нет по-настоящему положительных (как и вполне отрицательных) персонажей. В основном рассказе цикла Стефанит не участвует в коварных поступках Ихнилата и отговаривает его от них, но он все же ценит мудрость своего друга и искренне ему предан. В греко-славянской версии повести (в отличие от арабской) жизнь Стефанита завершается трагически: потрясенный заточением Ихнилата, он еще до казни друга кончает самоубийством, «шед напои себя ядом и издоше (издох)». Узнав о смерти Стефанита, Ихнилат горько плачет: «Не подобает ми, рече, уже живот (жизнь) днесь, зане такова друга верна и любовна лишихся!» Эта черта еще более усложняет образ Ихнилата: он оказывается способным и на благородные чувства.

Построение основного рассказа цикла «Стефанит и Ихнилат», как и построение большинства вставных басен, отличалось, таким образом, от тех рассказов, где все действующие лица разделялись на его героев и злодеев. Многими чертами «книжица малая Ихнилат» (как называли ее на Руси) напоминала другое произведение о хитром звере — популярный в средневековой Западной Европе роман о Лисе («Ренар», «Рейнеке-фукс»).

Необычность «Стефанита и Ихнилата» по сравнению с большинством памятников древнерусской письменности приводила к тому, что читатели по-разному относились к этой книге.

Текст «Стефанита и Ихнилата» появился на Руси в XV в., и уже в это время была сделана попытка дополнить басни цикла церковно-аскетической моралью, которая никак не вытекала из самих басен. Так, в одной из басен рассказывалось о журавле, которому стало трудно ловить рыб. «Многими скорбми подобает нам внити в царство небесное», — «объяснил» комментатор (хотя в дальнейшем рассказе говорилось вовсе не о «скорбех» журавля и спасении его души, а о том, как он решил перехитрить рыб). Такой же характер имели и другие толкования. Но находились и другие русские читатели и переписчики, которые выбрасывали из рукописи все моральные толкования своих предшественников (а заодно и некоторые моральные рассуждения, которые находились в греческом и арабском текстах). Таким образом, повесть жила в письменности активной жизнью — у нее были придирчивые читатели, стремившиеся «улучшить» текст, были и другие, которым такие «улучшения» казались лишними.

Рядом с переводной повестью, прочно усвоенной русской письменностью в XV в., на Руси создаются в этот период и оригинальные повести. Повести эти были весьма разнообразны по своему содержанию и характеру. Среди них были и рассказы о реальных и относительно недавних исторических событиях (близкие к уже упомянутому «Сказанию о Мамаевом побоище»), и легендарно-исторические повествования, и произведения, которые могут считаться первыми памятниками русской беллетристики.

«Сказание о Вавилоне». Сказание о Вавилоне-граде, появившееся в русской письменности уже в XV в., в последующие века получило большое распространение вместе с рядом публицистических памятников, прославляющих величие Русского государства. Но в своем первоначальном виде «Сказание» было не публицистическим, а скорее повествовательным памятником. Здесь рассказывалось о том, как православный царь Левкий-Василий решил добыть из Вавилона «знамения», принадлежащие трем святым отрокам (упомянутым в Библии) — Онании, Озарии и Мисаилу. Он послал трех юношей — грека Гугрия, «обежанина» Якова и русина Лавра. Такой выбор не случаен, как выясняется из последующего повествования. Послы добираются до развалин Вавилона, обросшего «былием» (травой), и оказываются перед огромным спящим змеем. Над змеем надпись, составленная на трех языках — греческом, «обезском» и русском, для того чтобы прочесть ее, и нужны три посланца, владеющие этими языками. Из подписи они узнают, как перелезть через змея и добраться до сокровища. В заброшенном царском дворце они находят венцы царя Навуходносора, драгоценные камни и кубки, отпивают из кубков и хмелеют. На обратном пути один из них, «обежанин» Яков, задевает змея — «и восташа на змеи чешуя, аки волны морьския». Послы успевают добежать до своих коней и возложить на них поклажу, но в это время змей просыпается и издает свист, от которого они падают, «аки мертвни». Действие переносится

в другое место, где греческий царь Василий ждет своих посланцев. Змеиный свист долетает через 15 дней до стана Василия и повергает его и его войско на землю замертво. Потрясенный царь думает, что его послы погибли, но решает подождать их в течение нескольких дней. И на 16-й день, когда истекают все сроки ожидания, трое послов, которым удалось пробудиться, «яко от сна», являются к царю и приносят ему венцы и «знамения из Вавилона».

По своему характеру «Сказание о Вавилоне» — довольно сложный и неоднородный памятник. Это и легенда о добывании царских «знамений», связанная с библейским рассказом о трех отроках, и вместе с тем рассказ, который должен был привлекать читателя занимательностью приключений его героев, имена которых (Гугрий, Яков и Лавр) не имели исторического характера, ничего не говорили читателю и звучали как имена героев сказки (или художественных произведений нового времени). Неоднородна и манера изложения в «Сказании»: иногда она напоминает сухой стиль посольских отчетов («ехали три недели до Вавилона», «бяше (были) близ Вавилона по 15 дней»), иногда — живой рассказ; повествование в целом ведется в третьем лице, но в одном случае рассказчик переходит на первое лицо: «мы же, взявше (взяв) из кубка того, быхом веселе (охмелели)»¹.

Таким образом, «Сказание о Вавилоне» — своеобразный памятник переходного жанра: от легенды к сюжетному повествованию. В последующей судьбе памятника важную роль сыграл именно его легендарный характер — он был включен в житийный сборник «Великие Минеи Четии», соединился с политическими легендами XVI в.

«Повесть о старце, просившем руки царской дочери». Еще более типичный сказочный характер имела «Повесть о старце, просившем руки царской дочери».

Сюжет повести несложен. Здесь рассказывается, как некий старец был смущен словами евангелия от Матфея: «Толците (стучите) — отверзется (откроется) вам, просите — дастся вам, ищите — обрящете». Он добрался до царских палат и «толкнул» двери; царь впустил его. Обрадованный подтверждением первой части евангельских слов, старец просит царя: «Царю господине! Есть у тебя дщи (дочь) — дай ее мне!» «На утрне ответ дам ти, старче», — столь же кратко отвечает царь. Он не отказывает старцу в его просьбе, но предлагает добыть сперва «камень драгый самоцветный». В пещере мертвого отшельника в Лукоморье старец находит стеклянный сосуд, в котором «нечто борчит, аки мухи». В сосуде оказался бес, запечатанный положенным сверху крестом (мотив, встречающийся и в житийной литературе, ср. легенду о путешествии Иоанна на бесе). Старец согласился «испустить» беса из сосуда, если тот пообещает добыть ему из моря «камень драгый светлый». Бес, ставший огромным, как великий дуб, «искочи в море», возмутил его, «ветры великими и вол-

¹ Текст древнейшей версии «Сказания о Вавилоне» см. в кн.: Скрипиль М. О. «Сказание о Вавилоне-граде». — «ГОДРЛ», т. IX; переиздано в кн.: Русские повести XV—XVI вв., с. 85—87. М.—Л., 1953, с. 130—142. В настоящее время Н. Ф. Дробленкова подготавливает научное издание и исследование памятника.

нами сильными», вынес камень и отдал старцу. Старец спросил беса, может ли он опять уменьшиться, чтобы залезть в сосуд — бес уменьшился и «вскочи ему на длань» (ладонь); старец снова «запечатал» его крестом. Конец повести оказывается неожиданным для читателя. Верный обещанию, царь, получив от старца «камень драгий», согласился отдать ему «свою дочь». Но старец отказывается от царской дочери — он хотел только проверить истинность евангельских слов. «Дщи (дочь) твоя тебе, и камень драгий тебе», — заявляет он царю и возвращается в пустыню¹.

В «Повести о старце» еще яснее ощущается двойственность ее природы, чем в «Сказании о Вавилоне». Внешне повесть имеет поучительный смысл — она подтверждает евангельские слова «толците — отверзется вам, просите — дасться вам, ищите — обрящете». Но в действительности события повести лишь формально соответствуют этому поучению: поведение царя вовсе не подтверждает слова «просите — дасться вам», ибо он соглашается удовлетворить просьбу старца только в том случае, если старец решит явно невыполнимую задачу — добыть сокровище с морского дна; чтобы ее решить, старцу приходится обращаться за помощью к бесу. Сюжет повести — решение трудной задачи с помощью чудесного помощника — явно сказочный.

Читатели повести о старце, как и читатели «Стефанита и Ихнилата», воспринимали эту повесть по-разному. Некоторых из них смущала безымянность действующих лиц (неизвестный старец, царь, бес), обычная для сказки, но необычная для древнерусской письменности, и они придумывали им имена; других смущал поступок старца, обманувшего беса, и они искали объяснения этому поступку (в одном варианте старец даже вымаливает бесу прощение).

«Повесть о старце» перекликалась с хорошо известными русскому читателю XV в. рассказами о пришельце, явившемся (или приведенном) к царскому двору и способном выполнить, казалось бы, невыполнимое дело. Этими чертами герой «Повести» напоминал героев таких переводных памятников, как «Соломон и Китоврас» (Китоврас) и «Стефанит и Ихнилат» (Ихнилат). Но «Повесть о старце» принадлежала уже не к переводным, а к оригинальным русским памятникам. Наиболее яркими образцами оригинальной русской повести этого времени были «Повесть о Дракуле» и «Повесть о Басарге».

«Повесть о Дракуле». В основе «Повести о Дракуле» лежали сказания о мутьянском (валахском, румынском) князе середины XV в. Владе Цепеше (Дракуле), славившемся своей жестокостью. Такие сказания бытовали и записывались в соседних с Валахией странах — Венгрии и Германии. Русская «Повесть о Дракуле» была составлена в 80-х гг. XV в. членом русского посольства, ездившим в эти годы в Молдавию и Венгрию. Вероятнее всего, автором ее был Федор Курицын, глава посольства, крупный государственный деятель и еретик по воззрениям. Но русская «Повесть о Дракуле» не была переводом иностранных рассказов о нем, как и иностранные тексты не восходили к русской повести. Общая основа всех рассказов о Дракуле — устные анекдоты о нем, по-разному записанные в русском, итало-венгерском и не-

¹ Исследование и издание «Повести о старце, просившем руки царской дочери» см.: Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. — В кн.: Древности. М., 1907 (Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. IV, вып. I).

мецком текстах; русская «Повесть о Дракуле» — оригинальная обработка «бродячих» сюжетов¹.

«Повесть о Дракуле» не воспринималась на Руси как историческая повесть; время, обстоятельство правления и подлинное имя ее главного действующего лица Дракула — Влад Цепеш — не было упомянуто автором, именовавшим его Дракулой, прозвищем (дракон, дьявол), под которым этот князь был известен за пределами Валахии.

Повесть начинается с краткого сообщения о том, что «в Мутьянской земле» был «христианин воевода именем Дракула влашеским (румынским) языком, а нашим диавол» и что этот воевода был «зломудр» как по имени, так и по образу жизни. Свой рассказ автор ведет, как и в «Житии Михаила Клопского», не с начала жизни главного персонажа, а с середины: он рассказывает о приходе к Дракуле турецких послов, отказавшихся снять свои «капы» (шапки). Они говорили, что таков «закон» их страны. «Хощу вашего закона подтвердить, да крепко стоите», — заявляет Дракула и приказывает прибить им шапки к головам «гвоздием железным». После этого рассказывается о войне Дракулы с турецким царем, во время которой он не раз побеждал царя и покрывал его «срамом». Далее следует ряд анекдотов о «зломудрии» Дракулы. Описывается неудача Дракулы в войне с соседним государем — венгерским королем «Матеашем» (Матвеем Корвином) и его пребывание в плену в Венгрии. Ценой отказа от православия и перехода в «латинство» Дракула возвратил себе корону и вновь вступил в войну с турками. В этой войне он и погиб: во время сражения отделился от своего войска, «от радости възгнав на гору»; валашские воины, приняв своего государя за турка, закололи его копьями.

Как и сказания о Соломоне и Китоврасе, «Повесть о Дракуле» состояла в основном из отдельных эпизодов, и, как в «Соломоне и Китоврасе», такая дробность построения вовсе не означала отсутствия единой темы. Эпизод за эпизодом рисовал «зломудрие» мутьянского воеводы — своеобразное сочетание изощренной жестокости с остроумием. Эпизоды эти представляли собой своеобразные анекдоты, многие из которых строились как загадки, имевшие метафорический смысл. Дракула не просто казнит попавших ему в руки людей — он испытывает их, и недогадливые, «неизящные» (недостаточно хитрые) испытуемые, не умеющие «против кознем его отвечать», трагически расплачиваются за свое «неизящество». Яснее всего это видно на эпизоде с нищими. Собрав по всей своей стране «бесчисленное множество нищих и странных (странников)» и угостив их в «великой храмине», Дракула спрашивает: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете (не будете испытывать

¹ См.: Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964.

нужды)?» Не поняв второго, зловещего смысла его слов, нищие с восторгом соглашаются. Дракула освобождает их «от нищеты» и «от недуга», сжигая в запертой «храмине». Так же поступает Дракула и с турецким царем: он обещает ему «послужить»; турецкий царь, понявший эти слова буквально, «велми рад»; Дракула разоряет турецкие владения и сообщает царю, что «сколко могох, толико есмь ему послужил». На такой же двусмысленности строится и первый эпизод повести. Дракула обещает турецким послам «подтвердити» (подкрепить) их обычай ни перед кем не снимать шапок и «подтверждает» его, прибыв турецким послам шапки к головам гвоздями.

Мотив испытания, проходящий через все эти эпизоды, принадлежит к числу излюбленных мотивов средневековой литературы и фольклора. Мотив этот был хорошо знаком и древнерусской литературе: так же «изячно» и так же жестоко, как Дракула, «испытывала» древлянских послов Ольга в «Повести временных лет»; мотив испытания встречается и в «Повести об Акире премудром».

Каков же был смысл «Повести о Дракуле», что хотел сказать автор, представляя читателю своего «зломудрого» героя? Сюжет «Повести о Дракуле», как и сюжет «Соломона и Китовраса» и «Стефанита и Ихнилата», не может быть сведен к какому-либо определенному выводу или поучению. Дракула совершает бесчисленные злодеяния, сжигает нищих, казнит монахов, женщин, мастеров, изготовивших ему бочки для запряженных сокровищ; он обедает среди кольев, на которых разлагаются «трупия мертвых человек». Но он же ведет борьбу с турками, борьбу героическую и, несомненно, вызывающую одобрение читателя, и погибает в этой борьбе, ненавидит «зло», уничтожает воровство и устанавливает в своем государстве справедливый и нелицеприятный суд, от которого не может откупиться ни богатый, ни знатный.

Сложная характеристика Дракулы, сочетавшего «неслыханную жестокость и справедливость», давалась в XV в. еще одним автором, писавшим о нем, — итальянским гуманистом Бонфини, жившим в Венгрии. Но в отличие от хроники Бонфини «Повесть о Дракуле» была не публицистическим, а беллетристическим памятником — автор его не высказывал поэтому своей оценки героя в прямой форме, а рисовал весьма необычный и ярко характерный образ этого князя. Дракула — не просто злодей, но вместе с тем он не похож и на справедливого правителя, который должен был быть в средневековых памятниках добр и благочестив. Дракула — веселящееся чудовище, испытывающее свои жертвы (такие чудовища изображались в некоторых народных сказках). Совершенно необычный для житийной или героической воинской повести, Дракула был еще ближе к главным персонажам переводной беллетристики, чем герой «Повести о старце». Мудр и жесток был Китоврас в «Соломоне и Китоврасе»; умен и коварен — Ихнилат в «Стефаните и Ихнилате». Самооправдания Дракулы по поводу

убийства нищих или казни послов во многом напоминали хитрые рассуждения Ихнилата во время суда над ним.

Так же как и при чтении «Соломона и Китовраса» и «Стефани-та и Ихнилата», читатель сам должен был решать, как ему от-носиться к такому герою.

Это приводило к тому, что восприятие этой повести было еще более разнообразным, чем восприятие других подобных памятни-ков. В XVI в. «Повесть о Дракуле» не переписывалась и исчезла из рукописной традиции — это объяснялось (наряду с общими причинами исчезновения светских повестей, о которых мы будем говорить в следующей главе) отчасти тем обстоятельством, что повесть слишком откровенно рисовала жестокость «грозной» власти. В XVII в. повесть вновь появилась в письменности, но во многих списках ее переделывали, стараясь упростить сложный и двойственный образ Дракулы — его превращали либо только в жестокого, либо только в мудрого правителя.

«Повесть о Басарге и сыне его Борзосмысле». Сюжетное по-строение «Повести о Басарге и сыне его Борзосмысле» не так сложно, как построение «Повести о Дракуле». Это не сочетание новелл-анекдотов, а, в сущности, одна развернутая новелла¹.

Здесь рассказывается, как купец Басарга со своим семилетним сыном Борзосмыслом отправился из Царьграда в путешествие: буря занесла его корабль в город Антиохию. Неверный царь, латинянин Несмеян, царствующий в этом городе, требует от Басарги, чтобы тот отгадал три загадки, — в противном случае купец должен будет перейти в латинскую веру или быть казненным. Вернувшись на корабль после разговора с царем Несмеяном, «плача и рыдая горько» и ожидая «себе от царя смерти», Басарга застаёт сына за «детскими играми»: сын скачет по палубе верхом «на дъревце» (палочке), «яко на кони», «яко же таков извычай (обычай) детишек, игру творяше». Но, играя в «детские игры», юный Борзосмысл оказывается при этом не по-детски мудрым: он предлагает отцу разгадать царские загадки. Басарга берет Борзосмысла с собой и тот действительно решает загадки Несмеяна. Первая из них: «Как далеко от востока до запада (отгадка — день пути солнца)», вторая: «Чего в мире десятая часть убывает за день и прибывает за ночь (отгадка — днем десятая часть воды в морях, реках и озерах усыхает от солнца, а ночью прибывает)». Для решения третьей загадки («что сде-лать «чтобы поганья не смеялись... православным христиано-м») отрок просит дать ему царские одежды и меч и собрать весь народ Антиохии. Он спрашивает антиохийцев, в какую веру они хотят веровать. «Хощем, господине, веровать в святую трои-цу!» — «вопят» все люди «единым гласом». «То твоя третья за-гадка отгадана! Не смейся, поганый, нам, православным христиа-

¹ См.: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследова-ние и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969.

нам!» — говорит «детиче», отрубает голову злому царю, освобождает Антиохию и сам становится в ней царем.

По своему характеру единый сюжет «Повести о Басарге» сходен с эпизодами-анекдотами «Повести о Дракуле»; в основе его также лежит разгадывание загадок: герой подвергается испытанию и с честью выходит из него, перехитрив своего противника. В основе «Повести о Басарге» лежит один из весьма распространенных сюжетов фольклора и мировой литературы, обычно именуемый в фольклористике¹ анекдотом об «императоре и аббате» (сюжет этот отразился, в частности, в балладе «Король и пастух», переведенный С. Я. Маршаком). Как и во всех рассказах на этот сюжет, загадки жестокого правителя отгадывает здесь не тот человек, которому они заданы (купец Басарга), а заменяющий его «простак», которым в данном случае оказывается семилетний Борзосмысл.

В отличие от «Повести о Дракуле» в «Повести о Басарге» оценка действующих лиц ясна и недвусмысленна: сочувствие читателя, естественно, всецело на стороне мудрого «отрока», победившего неверного царя. Однако и здесь занимательность повествования явно преобладала над назидательностью. Скачущий на палочке по палубе корабля Борзосмысл был совсем не похож на обычных житийных героев, отвергавших детские игры и «пустошные забавы»; герой этот не укладывался и в рамки обычного исторического повествования.

Переводные и оригинальные повести, получившие довольно широкое распространение в русской письменности второй половины XV в., во многом порывали с традициями литературы предшествующих веков. Повести эти вводили новые и непривычные темы (сюжеты античной истории и мифологии, тема «женской любви», трактуемая без традиционного морального осуждения), новых героев. Заведомая вымысленность литературных персонажей не была свойственна средневековой литературе. Читатели XV в. были уверены в историчности героев повествовательной литературы, например: Александра Македонского, императора Константина и полководца Зустуней, не сомневались, вероятно, и в историчности Дракулы, но уже Несмеян, безымянный старец из «Повести о старце», три «отрока» из «Сказания о Вавилоне», Басарга и Борзосмысл скорее должны были напоминать им героев сказки, чем исторических персонажей. Еще сложнее обстояло дело с такими повестями, где героями были явно сказочные существа, как Китоврас, или звери, действующие как люди, в «Стефаните и Ихнилате». По своему построению «Соломон и Китоврас» и особенно «Стефанит и Ихнилат» ближе всего должны были напоминать читателям, воспитанным на средневековой лите-

¹ См.: Андерсон В. «Император и аббат». История одного народного анекдота, т. I. Казань, 1916.

ратуре, религиозные притчи, где образы и поступки героев имели символический характер. Но это были не притчи, а именно сказки о зверях, и, когда некоторые переписчики пытались однозначно истолковать басни «Стефанита и Ихнилата» и добавляли к ним поучения, они явно портили и искажали этот памятник.

Повести, появившиеся в русской литературе во второй половине XV в., отличались еще одной важной особенностью. Повести эти были сюжетны: заключающиеся в них авторские идеи высказывались не в виде прямой проповеди, а косвенно — через развертывание событий, происходивших с героями. Так, главная тема «Александрии» — смертность любого человека — раскрывалась перед читателями сама собой, по мере развития рассказа. Сочувствуя герою, переживая его смелые подвиги, читатель тем не менее приходил к мысли, что все его блестящие успехи в конечном счете оказывались ни к чему — неизбежная смерть все равно подстерегала царя. В ряде повестей XV в. образы действующих лиц были психологически сложными, а оценка их — не однозначной: Китоврас, Ихнилат и даже «зломудрый» Дракула не были ни героями, ни просто злодеями. Окончание «Соломона и Китовраса», «Стефанита и Ихнилата» и «Повести о Дракуле» также не имело однозначного смысла; оно не было торжеством справедливости.

Сюжетное построение ряда переводных и оригинальных повестей второй половины XV в. резко отличало их от большинства памятников древнерусской письменности, где основные идеалы обычно выражались автором от собственного лица — прямо, непосредственно и однозначно. Но такое построение сближало зато эти повести с устным повествованием, с народной сказкой, в которых тоже важнейшую роль играл сюжет — рассказ о приключениях героя — и где выступали заведомо вымышленные герои, иногда — сказочные звери. Мало связанные с традиционной церковной литературой, многие повести XV в. отражали «мировые сюжеты», получившие широкое распространение в западной литературе позднего средневековья и Возрождения. «Александрия», «Троянские сказания», «Соломон и Китоврас», «Стефанит и Ихнилат», «Дракула», «Басарга» — все эти памятники во многом сходны с произведениями литературы Западной Европы XIV—XVI вв. Это не было следствием прямого заимствования; сходство объяснялось тем, что и в Западной и в Восточной Европе «бродячие» устные сказания стали записываться на бумагу, переходили из фольклора в литературу; появились также переводы восточных басенных циклов (как «Стефанит и Ихнилат»).

Во второй половине XV в. литература в России развивалась по пути, во многом сходном с развитием литературы на Западе. В XV в. пути их, как мы увидим, резко разошлись.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина — памятник, стоящий особняком в литературе XV в. Своими внешними чертами

этот памятник отчасти напоминал «хождения» (описания путешествий паломников) по «святым землям», существовавшие уже с XII в., или описания путешествий на церковные соборы. Но путешествие Никитина было не паломничеством в христианскую землю, а поездкой по торговым делам в далекую Индию и не могло рассматриваться как благочестивое дело.

Путешествие Афанасия Никитина в Индию в конце 60-х — начале 70-х гг. XV в. не было предпринято по чьему-либо поручению — это была поездка купца по его личной инициативе. Отправлявшийся в «Ширванскую землю» (Северный Кавказ) с путевыми грамотами своего государя — тверского князя, Никитин хотел пристроиться к каравану московского купца Василия Папина, но разминулся с ним. Под Астраханью Никитин и его товарищи были ограблены ногайскими татарами; они обратились в Дербенте за помощью к местному князю и к приехавшему раньше их московскому послу, но помощи не получили. «И мы заплавав да разошлись кои куды: у кого есть на Руси, и тот пошел на Русь, а кой должен, а тот пошел, куда его очи понесли»¹.

В числе тех, кто имел долги на Руси и кому путь домой был закрыт из-за опасности разорения и кабалы, был Афанасий Никитин. «Очи понесли» его из Дербента в Баку, оттуда — в Персию, оттуда через Гурмыз и «Индийское море» — в Индию. Направившийся в Индию от «многой беды», Никитин, по-видимому, не достиг там каких-либо торговых успехов. Говар, который Афанасий рассчитывал продать в Индии, — привезенный им с большими трудами конь — принес ему больше неприятностей, чем дохода: мусульманский хан отобрал у него этого коня, требуя, чтобы Никитин перешел в ислам, и только помощь знакомого персидского купца помогла тверскому путешественнику вернуть назад его собственность. Когда Никитин через шесть лет после начала его странствований с огромным трудом пробрался назад на Русь, он едва ли был более способен расплатиться с долгами, чем в начале пути. Единственным плодом путешествия Никитина были его записки.

Сохранившееся в сборнике конца XV — начала XVI в., а также в независимом летописном своде 80-х гг. (Софийская II — Львовская летописи) «Хождение за три моря» Никитина было совершенно неофициальным памятником; оно было, благодаря этому, лишено традиционных черт, характерных для церковной или официальной светской литературы. С «хождениями» и «паломниками» предшествующих веков его связывали только немногие особенности: перечисление географических пунктов с указаниями расстояний между ними, указание на богатство той или иной страны.

¹ «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е. М.—Л., 1958 (в книге помещена статья В. П. Адриановой-Перетц «Афанасий Никитин — путешественник-писатель»).

В целом же «Хождение» Никитина было путевым дневником, записками о его приключениях, рассказывая о которых автор еще и понятия не имел, как они окончатся: «Уже проидоша (прошли) 2 великия дни (пасхи) в бесерменьской земле, а христианства не оставих; далее бог ведаеть, что будеть... Пути не знаю, иже камо (куда) пойду из Гундустана...» Впоследствии Никитин все-таки направился на Русь и нашел путь «из Гундустана», но и здесь запись его странствий точно следует за ходом путешествия и обрывается на прибытии в Кафу (Феодосию).

Записывая свои впечатления на чужбине, тверской купец, вероятно, надеялся, что его «Хождение» когда-нибудь прочтут «братья русьстии христиане»; опасаясь недружественных глаз, он записывал наиболее рискованные мысли не по-русски. Но все эти читатели предвиделись им в будущем, может быть, после смерти (как и случилось). Пока же Никитин просто записывал то, что он действительно ощущал: «И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги... А детей у них много, а мужики и жонки все нагы, а все черныя: аз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку...»

Попавший в чужую страну, тверской купец далеко не все понимал в окружающей обстановке. Как и большинство людей, оказавшихся за рубежом, он был готов видеть в любом, даже в самом необычном случае проявление своеобразных местных обычаев. О некотором легковерии автора свидетельствуют и его рассказы о птице «гукук», испускающей изо рта огонь, и об обезьяне — «князе обезьянском», у которой есть свое войско и которая посылает многочисленную рать на своих противников.

Но там, где Афанасий Никитин опирался не на рассказы своих собеседников, а на собственные наблюдения, взгляд его оказывался верным и трезвым. Индия, увиденная Никитиным, совсем не походила на полную «всякого богатства» страну из «Сказания об Индийском царстве», где все счастливы и «нет ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека». Индия, увиденная Никитиным, — страна далекая, с особой природой и своими обычаями, но по устройству такая же, как и все известные русскому путешественнику земли: «А земля людна вельми (очень многолюдна), а сельская люди голы вельми (т. е. бедны), а бояре сильны добре и пышны вельми». Никитин ясно осознал разницу между завоевателями — «бесерменами» и основным населением — «гундустанцами». Заметил он и то, что мусульманский хан «ездит на людях», хотя «слонов у него и коний много добрых», а «гундустанци все пешеходы... а все наги да босы». Бесправный чужестранец, обиженный «бесерменским» ханом, Никитин сообщил «индеям», что он «не бесерменин»; он не без гордости отметил, что «индеяне», тщательно скрывающие свою повседневную жизнь от мусульман, от него, Афанасия, не стали «крыти (скрываться) ни в чем, ни о естве, ни о торговле, ни о намазу (молитве), ни о иных вещех, ни жон своих не учали крыти».

Однако, несмотря на его сочувствие «голым сельским людям» Индии, Никитину, естественно, было на чужбине тоскливо и одиноко. Тема тоски по родине, пожалуй, основная тема «Хождения». Тема эта присутствует не только в словах Никитина о том, что на свете нет страны, подобной Русской земле, «хотя бояре Русской земли несправедливы» (это замечание было изложено на всякий случай по-тюркски), но и в других местах, где тоска по родине отражена не прямо, а косвенно. Никитин бранит «псов бесермен», уверивших его, что в Индии «много нашего товару» (т. е. товара, годного для продажи в России), и побудивших совершить это трудное путешествие, жалуется на дороговизну: «А жити в Гундустане, ино вся собина (наличные средства) исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человек, ино по полутретья алтына харчу идти на день, а вина есми не пивал...» Главная беда, более всего угнетавшая Никитина, — это отдаление от родного языка и от веры, которая для него была неразрывно связана с привычным бытом. Угнетали Никитина не только прямые попытки обратить его в мусульманство, но и невозможность соблюдать обычай родины на чужбине: «А со мною нет ничего, никакая книги, а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини их взяли...» Тюркский язык, которым пользовался Никитин в Индии, постепенно начал вытеснять из его памяти родной язык. Особенно выразительны в этом отношении те «помышления», в которые впал Никитин после того, как один из его «бесерменских» собеседников сказал ему, что он не кажется «бесерменином», но не знает и христианства: «Аз же в многы помышления впадох и рекох в себе (сказал про себя): горе мне окаянному, яко от пути истинного заблудихся... Господи Боже вседержителю, творець небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко в скорби есмь... Господи мой, олло переводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, рагимелло (по арабски: спаси меня, господи, боже мой)...» Последние связи с родной землей обрываются: начав с обращения к христианскому богу, Никитин (может быть, незаметно для самого себя) переходит на мусульманскую молитву.

Написанные для себя, записи Никитина представляют собой один из наиболее индивидуальных памятников Древней Руси: мы знаем Афанасия Никитина, представляем себе его личность несравненно лучше, чем личность большинства русских писателей с древнейших времен до XVII в. Автобиографичность и лиричность «Хождения за три моря», передающего душевные переживания и настроение автора, были новыми чертами в древнерусской литературе, характерными именно для XV в. Своей непосредственностью и конкретностью «Хождение за три моря» напоминает рассмотренную выше записку Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского. Но, конечно, Афанасий Никитин — гораздо более яркая и интересная фигура, чем Иннокентий. Личный характер «Хождения», способность его автора

раскрыть для нас свое душевное состояние, свой внутренний мир — всеми этими чертами дневник Афанасия Никитина переключается с величайшим памятником древнерусской литературы, написанным два века спустя, — «Житием протопопа Аввакума».

ЛИТЕРАТУРА

Общие работы. Истоки русской беллетристики. Л., 1970; Шахматов А. А. Обзор летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., Л., 1976; Он же. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные ерестические движения XIV — начала XVI вв. М.—Л., 1955; Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. как жанр. — «ТОДРЛ». Л., 1972, т. XXVII.

Тексты. Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. Памятники древней письменности. — ОЛДП. Спб. 1886; Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958; Тихонравов Н. С. Повести о царе Соломоне. — Летопись русской литературы и древностей, т. IV, отд. 2. М., 1862, с. 112—121. Повесть о Петре, царевиче Ордынском. — В кн.: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958;

Исследования: Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора-Искандера. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1954, т. X; Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453 г.) в русской письменности XVI—XVII веков. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1954; т. X; 1956; т. XII; Скрипиль М. О. Сказание о Вавилоне. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1953, т. IX; Дробленкова Н. Ф. По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне». — «ТОДРЛ». Л., 1969, т. XXIV; «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. М.—Л., 1948; 2-е изд., доп. и перераб. М.—Л., 1958; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958, Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965; Ванеева Е. И. К изучению истории текста сербской «Александрии» (на материале ленинградских списков XV—XVII вв.). — «ТОДРЛ». Л., 1976, т. XXX; Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Подготовка текста и статьи О. В. Творогова, комментарии М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972; Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по рукописям XV—XVII веков. Издание подготовили О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод с греч. Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л., 1969; Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969; Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текста Я. С. Лурье. М.—Л., 1964; Лурье Я. С. Еще раз о Дракуле и макиавеллизме. — «Русская литература», 1968, № 1; Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. IV. М., 1907, вып. I.

Глава 6. ЛИТЕРАТУРА XVI ВЕКА

1. ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ XVI ВЕКА

XVI век — время окончательного складывания и укрепления Русского централизованного государства. В этот период продолжает развиваться русская архитектура, живопись, возникает книгопечатание. Вместе с тем XVI век был временем жесткой централизации культуры и литературы — разнообразные летописные своды сменяет единая общерусская великокняжеская (потом царская) летопись, создается единый свод церковной и частично светской литературы — «Великие Миннеи Четии» (т. е. месячные тома для чтения — материал для чтения, расположенный по месяцам). Разгромленное в начале XVI в., еретическое движение возникло снова в середине XVI в. — после крупных народных восстаний 40-х гг. И вновь ересь была жестоко подавлена. Один из еретиков XVI в. дворянин Матфей Башкин сделал из евангельской проповеди любви к ближнему смелый вывод, что никто не имеет права владеть «христовыми рабами», он отпустил на свободу всех своих холопов. Еретик — холоп Феодосий Косой пошел еще дальше, заявив о том, что все люди равны, независимо от народности и вероисповедания: «все люди едины суть у бога, и татарове, и немцы, и прочие языци». Феодосий Косой бежал из заключения в Литовскую Русь, где продолжал свою проповедь, сблизившись с наиболее смелыми польско-литовскими и западноевропейскими протестантами.

Антифеодальным движениям противостоят официальная идеология. Складывание этой идеологии можно проследить уже начиная с первых десятилетий XVI в. Примерно в одно время, в начале 20-х гг. этого века, появляются два важнейших идеологических памятника: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона Саввы и «Послание на звездочетцев» псковского старца Филофея.

«Послание о Мономаховом венце» и «Сказание о князьях Владимирских». В «Послании о Мономаховом венце» Спиридона Саввы излагалась легенда, сыгравшая важнейшую роль в развитии официальной идеологии Русского самодержавного государства. Это легенда о происхождении правящей на Руси великокняжеской династии от римского императора — «Августа-кеесаря» и о подтверждении ее династических прав «Мономаховым венцом», якобы полученным киевским князем Владимиром Мономахом от византийского императора. Основы этой легенды восхо-

Церковь Вознесения в селе Коломенском. 1536 г.

дили еще к XV в. и, возможно, были связаны с претензиями на «царский венец», выдвигавшимися в середине XV в. тверским великим князем Борисом Александровичем. В 1498 г. внук Ивана III Дмитрий (по материнской линии происходивший от тверских князей) был объявлен соправителем деда и коронован «шапкой Мономаха». Так впервые появилась корона, которой впоследствии стали венчаться русские государи. Вероятно, уже тогда существовали какие-то сказания, обосновывающие это венчание, но наиболее раннее письменное изложение таких сказаний, известное нам, — «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы. Тверской монах, назначенный в XV в. в Константинополе митрополитом всея Руси, не признанный московским великим князем и попавший после этого в заточение, Спиридон-Савва был образованным для своего времени человеком. Свое «Послание о Мономаховом венце» он начинал с изложения библейской истории и

разделения вселенной при «Августе-кесаре», при котором города на реках Висле и Немане достались его родичу Прусу; потомком Пруса оказывался Рюрик, происходивший, таким образом, «от рода римска царя Августа». Далее излагалась легенда о призвании варягов и рассказывалось о походе Владимира Мономаха на Царьград и получении им от императора царского венца, «крабицы» (ларца), принадлежавшей Августу-кесарю, и других даров. Этот рассказ несколько неожиданно переходит в родословие литовских князей, которые оказываются потомками «раба-конюшница» Гегиминика, служившего тверскому князю Александру Михайловичу, восстановившему Русскую землю после нашествия Батыя. Таким образом, легенда о происхождении русских государей от «Августа-кесаря» связывалась здесь с тверскими династическими легендами.

На основе «Послания о Мономаховом венце» был создан один из популярных памятников XVI в. — «Сказание о князьях Владимирских». Текст его был в общем сходен с текстом «Послания» Спиридона, но «Родословие литовских князей» выделено в особую статью, и роль, отведенная Спиридоном тверским князьям, перенесена на московского князя Юрия Даниловича и его потомков; в конце упоминалась победа Дмитрия Донского над Мамаем.

В 1547 г. произошло важное событие в истории Русского государства: молодой великий князь Иван IV был коронован «шапкой Мономаха» и объявлен «царем всея Руси». В связи с этим был составлен специальный «Чин венчания», во вступлении к которому было использовано «Сказание о князьях Владимирских». Идея «Сказания» излагалась в дипломатических памятниках, отражалась в летописях и «Степенной книге» XVI в. и в «Государевом родословце». Они проникли даже в изобразительное искусство: сцены из «Сказания о князьях Владимирских» вырезаны на дверцах «царского места» (ограды для трона Ивана IV) в Московском Успенском соборе¹.

Теория «Москвы — третьего Рима» старца Филофея. Около 1524 г. старец (старший монах) Псковско-Печерского монастыря Филофей написал «Послание на звездочетцев», адресованное дьяку Мисюрю Мунехину и направленное против служившего при дворе Василия III немецкого врача и философа, латинянина (католика) Николая Булева (Бюлова), распространявшего на Руси немецкий альманах с астрономическими и астрологическими предсказаниями. Протестуя против этого, Филофей высказал довольно распространенное в русской публицистике мнение о греховности всего латинского (католического) мира, и о том, что как «первый Рим», так и «второй Рим» (Константинополь) впали в ересь и перестали быть центрами христианского мира. На смену им приходит Русское царство — «третий Рим»: «Два убо

¹ См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М. — Л., 1955.

Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»¹. Эта же идея высказывается еще в двух посланиях, встречавшихся в рукописной традиции с именем Филофея и адресованных великим князьям Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу; однако адресаты-князья упоминаются только в поздних списках (не ранее XVII в.), и мы не знаем, что представляют собой эти списки: другие послания Филофея, или поздние переделки его «Послания на звездочетцев»². Но сколько бы посланий ни писал Филофей, именно ему принадлежит создание теории «Москвы — третьего Рима». Теория эта опиралась на некоторые идеи, высказывавшиеся еще в XV в. Незадолго до завоевания Константинополя турками, византийский император и патриарх, желая получить помощь с Запада, согласились на соединение греко-православной церкви с латинской, католической. Но церковная уния не спасла Константинополь, и в 1453 г. он был завоеван турками. В России не признали унию, а завоевание Царьграда рассматривали как божью кару грекам за отказ от православия. В 1492 г. близкий к еретикам митрополит Зосима заявил, что теперь на смену «первым» — грекам приходят «последние» — русские, и назвал Москву «новым градом Константина». В отличие от Зосимы Филофей был противником еретических движений и не помышлял о какой-либо реформе церковного устройства, но идее «Москвы — нового города Константина» он придал еще большую широту, объявив Москву духовным центром всего христианского мира.

«Повесть о белом клобуке». Идея перехода на Русь регалий (символических знаков достоинства), принадлежавших прежним столицам мира, развивалась еще в одном памятнике — в «Повести о белом клобуке».

Повесть эта дошла до нас в двух редакциях, краткой и пространной: краткая редакция сохранилась в списках XVI в., пространная не ранее XVII в. О позднем происхождении пространной редакции говорит то обстоятельство, что в ней (в форме «предсказания») упоминается введение патриаршества на Руси, происшедшее только в 1589 г. В краткой редакции нет упоминания о патриаршестве, но и она едва ли была написана ранее середины XVI в.: еще в 1564 г. на церковном соборе упоминали о том, что нет никакого «писания», объясняющего, почему новгородские архиепископы носят белый клобук. «Повесть о белом клобуке» (основанная, вероятно, на каких-то устных сказаниях XV в.) и была, очевидно, «писанием», которое давало ответ на этот вопрос.

В повести рассказывается о белом клобуке (священническом уборе), подаренном первым христианским царем Константином папе Сильвестру. После того как церковь в Риме впала в ересь, папа по приказу ангела, явившегося ему во сне, переслал клобук константинопольскому патриарху. Но патриарху тоже явился «юноша светел» (ангел) и приказал ему переслать клобук в Новгород: «Ветхий (древний) бо Рим отпаде славы и от веры Христовы гордостью и своею волею, в новом же Риме, еже есть в Коньстянтинеграде, насилнем агарянским (мусульманским) также христианская вера погибнет;

¹ Послания Филофея изданы в кн.: Малинин В. Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901 (Приложения).

² Ср.: Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа). — «ТОДРЛ», т. XXIX, с. 68 — 97.

на третьем же Риме, еже есть на русской земли, благодать святого духа возсия». Здесь явно отражается высказанная Филофеем идея «третьего Рима», хотя новым центром православия оказывается не Москва, а Новгород¹.

В пространную редакцию «Повести о белом клобуке» были введены упоминания о получении русскими государями регалий (шапки и барм) Мономаха, заимствованные из «Сказания о князьях Владимирских». Сходной переработке подверглось и «Сказание о Вавилоне» XV в. В конце XVI — начале XVII в. возник литературный цикл, включающий наряду со «Сказанием о Вавилоне» также «Притчу о Вавилоне», в которой упоминается полученная русскими князьями «мономахова шапочка». Таким образом, и эти более поздние памятники оказываются связанными со «Сказанием о князьях Владимирских».

Общей во всех этих памятниках была идея, постепенно становившаяся незыблемой основой официальной идеологии, об особой роли России как единственной православной страны, уцелевшей в мире, утратившем истинное христианство.

В 1551 г. в Москве происходил церковный собор, постановления которого были изданы в особой книге, состоящей из царских вопросов и соборных ответов на эти вопросы; всего в этой книге было 100 глав. Отсюда и название этой книги и самого собора, ее выпустившего. Стоглавый собор утвердил сложившийся на Руси церковный культ как незыблемый и окончательный (установления Стоглава, как мы увидим, сыграли потом важную роль во время церковного раскола XVII в.). Вместе с тем решения Стоглавого собора были направлены против любых реформационно-еретических учений. В послании «отцам» Стоглавого собора Иван Грозный призывал их защищать христианскую веру «от душегубительных волк и от всяких козней вражних». Собор осуждал чтение и распространение «богомерзких» и «еретических отреченных книг», выступал против «скомрахов» (скоморохов), «глумотворцев и арганников и гусельников и смехотворцев» и против иконников, которые пишут не «с древних образцов», а «самосмышлением».

С официальной идеологической политикой Ивана Грозного в период Стоглавого собора был связан ряд обобщающих литературных мероприятий XVI в. К числу таких мероприятий относится составление «Стоглава» и таких выдающихся памятников письменности, как «Великие Минеи Четии» и «Домострой».

¹ Текст «Повести о белом клобуке» см.: «Университетские известия». Киев, 1912, № 8, с. 36—40 (Краткая редакция; публикация А. А. Назаревского); Памятники старинной русской литературы. Спб., 1860, вып. 1, с. 287—300 (Пространная редакция; публикация Н. И. Костомарова). Часть исследователей считает древнейшей редакцией повести краткую, часть — Пространную, относя ее к концу XV в. (см.: Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1953, т. IX; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей — «ТОДРЛ». М.—Л., 1964, т. XX, с. 149—150).

«Великие Минеи Четии». «Великие Минеи Четии» (месячные чтения) были составлены под руководством новгородского архиепископа, впоследствии митрополита всея Руси Макария. Созданный им грандиозный свод состоял из двенадцати томов — по одному на каждый месяц года. Свод этот дошел до нас в трех версиях — Софийских Минеях, составленных еще в 30-х — начале 40-х гг., и Успенских и Царских Минеях начала 50-х годов. В состав каждого тома входили жития всех святых, память которых отмечается в данном месяце, и вся литература, прямо или косвенно связанная с этими святыми. По мысли Макария, в состав «Великих Минеи Четых» должны были войти не только жития, но и вообще «все книги четьи» (т. е. предназначенные для чтения), «которые в Русской земле обретаются». В кодекс, созданный Макарием, входили, наряду с житиями, сочинения греческих «отцов церкви» (патристика), церковно-полюемическая литература (например, книга Иосифа Волоцкого против еретиков — «Провсвитель»), церковные уставы и даже такие сочинения, как «Христианская топография» (описание мира) Космы Индикоплова, повесть «Варлаам и Иоасаф», «Сказание о Вавилоне» и т. п. Таким образом, «Великие Минеи Четии» должны были охватывать всю сумму памятников (кроме летописей и хронографов), которые допускались к чтению на Руси. Чтобы представить себе объем этого свода, нужно учесть, что в каждом из его огромных (форматом в полный лист) томов содержится примерно по 1000 листов. Размеры его настолько велики, что, хотя с середины XIX в. до начала XX в. велось научное издание Минеи, оно до сих пор не завершено¹.

«Домострой». Если «Стоглав» содержал основные нормы церковного культа и обрядности на Руси, а «Великие Минеи Четии» определяли круг чтения русского человека, то «Домострой» предлагал такую же систему норм внутренней, домашней жизни. Как и другие памятники XVI в., «Домострой» опирался на более раннюю литературную традицию. К этой традиции относился, например, такой выдающийся памятник Киевской Руси, как «Поучение Владимира Мономаха». На Руси издавна бытовали проповеднические сборники, состоящие из отдельных поучений и замечаний по вопросам повседневного жизненного обихода («Измарагд», «Златоуст»). В XVI в. возник памятник, имеющий название «Домострой» (т. е. правила домашнего устройства) и состоящий из трех частей: о поклонении церкви и царской власти, о «мирском строении» (отношениях внутри семьи) и о «домовном строении» (хозяйстве). Первая редакция «Домостроя», составленная еще до середины XVI в., содержала (при описании быта) весьма живые сценки из московской жизни, например рассказ

¹ См.: «Великие Минеи Четии», собранные митрополитом Макарием. Сиб. — М., 1868—1917. Издаваы «Великие Минеи Четии» за сентябрь, октябрь, ноябрь (1—25), декабрь (1—24 и 31), январь (1—11) и апрель.

о бабах-своднях, смущающих замужних «государынь»¹. Вторая редакция «Домостроя» относится к середине XVI в., связана с именем Сильвестра, священника, входившего в узкий круг наиболее влиятельных и близких к царю лиц, который был назван впоследствии (в сочинениях А. М. Курбского, близкого к этому кругу) «Избранной радой». Эта редакция «Домостроя» заканчивалась посланием Сильвестра своему сыну Анфиму². В центре «Домостроя» — отдельное хозяйство XVI в., замкнутое в себе «подворье». Хозяйство это находится внутри города и скорее отражает быт зажиточного горожанина, нежели боярина-землевладельца. Это — рачительный хозяин, «домовитый» человек, имеющий «домочадцев» и «слуг» — холопов или наемных. Все основные предметы он приобретает на рынке, сочетая торговую-ремесленную деятельность с ростовщичеством. Он боится и чтит царя и власть — «кто противится властителем, тот божию поведению противитца».

Сильвестр устранил из «Домостроя» наиболее яркие бытовые сцены, читавшиеся в первой редакции, но сохранил основную тему: суровость и строгость внутреннего быта, обязательное «рукоделие» для членов семьи, бережливость и даже скарденность, предостережение против опасных сношений с внешним миром, строжайшее сохранение всех домашних тайн. Умеренность и осторожность предписывается во всем; в частности, и при телесных наказаниях жены, детей и слуг: «плеткою вежливоенько побить, за руки держа... а гнев бы не был а люди бы того не ведали и не слышали...»

Создание «Стоглава», «Великих Миней Четиих», «Домостроя» в значительной степени имело своей целью взять под контроль развитие культуры и литературы. По справедливому замечанию известного историка литературы Н. С. Тихонравова, мероприятия эти «громко говорят нам о возбуждении охранительных начал в умственном движении Московской Руси XVI в.»³. Контроль над культурой и литературой принял особенно жесткий характер во время опричнины Ивана Грозного, учрежденной в 1564 г. Царь, по выражению его противника Курбского, «затворил свое царствие аки в адовой твердыне», не допуская проникновения литературы с Запада, где в это время развивались Возрождение и Реформация. При не вполне ясных обстоятельствах прекратилось книгопечатание, начавшееся в 50–60-х гг. XVI в.; русский

¹ Текст первой редакции «Домостроя» см.: «Домострой» по списку ОИДР. М., 1882, с. 73–75.

² Текст второй редакции «Домостроя» см.: «Домострой» по Кошинскому списку и подобным. К изданию приготовил А. Орлов. М., 1908. О «Домострое» см. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958, с. 55–57 и 64–70; Адрианова-Перети В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. — «ЮДРЛ». Л., 1974, т. XXVIII, с. 24–29.

³ Тихонравов Н. С. Сочинения, т. I. М., 1898, с. 92–93.

первопечатник Иван Федоров вынужден был переехать в Западную Русь (Острог, потом Львов) ¹.

Но изменение в направлении развития русской культуры в XVI в. не означало прекращения этого развития. XVI век был неблагоприятным временем для развития художественной литературы — того, что тогда называли «неполезными повестями». Целый ряд повестей, известных в XV в., перестал переписываться в XVI в. — такова была судьба «Стефанита и Ихнилата», «Повести о Дракуле», по-видимому, также «Александрии» и сказаний о Соломоне и Китоврасе. Но «полезные» с точки зрения официальной идеологии повести исторического и церковно-поучительного характера продолжали развиваться. Возникает целый ряд агиографических (житийных) памятников — в составе «Великих Миней Четних» и вне их. Летописание, хотя и централизованное, велось с большой тщательностью вплоть до середины 60-х гг. XVI в. Широкое распространение получил и новый, особенно характерный для XVI в. вид литературы — светская публицистика, обсуждавшая наиболее важные вопросы государственного управления.

2. АГИОГРАФИЯ

Одним из основных видов письменности XVI в. оставалась агиография — литература житий святых. В XVI в. были канонизированы, объявлены святыми, признаваемыми всей русской церковью, многие лица, которых раньше почитали только в определенных землях и княжествах, а также ряд церковных деятелей недавнего прошлого.

Жития XVI в. дошли до нас и в отдельных текстах, и в сборниках, и, что особенно характерно для этого периода, в составе больших сводов — патериков и «Великих Миней Четних». Многие из житий этого периода были посвящены святым — основателям монастырей конца XV и XVI в.

Целый ряд памятников житийной литературы XVI в. связан с Волоколамским монастырем, основатель которого, Иосиф Волоцкий, был главным «обличителем» новгородско-московской ереси. Волоколамские жития были объединены в специальный свод «повестей прежде бывших отец (отцов)» Боровского и Волоколамского монастырей — «Волоколамский патерик». Составителем его был племянник и сподвижник Иосифа Волоцкого, писатель и иконописец Досифей Топорков ².

Традиции агиографии иосифлян, последователей Иосифа Волоцкого, продолжал митрополит Макарий. Макарий был перво-

¹ См.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 292—345; Зернова А. С. Начало книгопечатания. М., 1947.

² См.: Волоколамский патерик. Семинарий по древнерусской литературе высших женских курсов. М., 1915, № 5.

начально монахом того самого Боровского монастыря, где начал свою деятельность и Иосиф Волоцкий. Созданные под его руководством «Великие Минеи Четии», как мы уже знаем, должны были охватить весь круг чтения людей XVI в., но основу их составляли именно жития. При этом, несмотря на огромные размеры «Великих Миней», в состав их входили далеко не все жития, известные русской письменности до XVI в. Явное предпочтение составители «Великих Миней» отдавали «украшенным» житиям, подобным тем, которые составлял в XV в. Пахомий Логофет. Житие Михаила Клопского XV в., написанное в стиле, необычном для агиографии, было значительно переработано одним из редакторов «Великих Миней» Василием Михайловичем Тучковым; его неожиданное начало заменено традиционным житийным вступлением, и т. д.¹

Кроме житий, входивших в «Волоколамский патерик» и «Великие Минеи Четии», ряд житий продолжал создаваться и переписываться отдельно. Так, в отдельных сборниках сохранялось «Житие Петра Ордынского», сильно переделанное в «Великих Миней». Именно в XVI в. возникла дошедшая до нас редакция такого выдающегося литературного памятника Древней Руси, как житие Петра и Февронии.

«Повесть о Петре и Февронии». Дошедшая до нас житийная «Повесть о Петре и Февронии» представляет собой сочинение писателя и публициста XVI в. Ермолая-Еразма². Биографические сведения об этом писателе весьма скудны. В середине XVI в. он приехал в Москву из Пскова и стал протопопом дворцового собора в Москве, а к началу 60-х гг. постригся в монахи (под именем Еразма) и, возможно, покинул столицу. Наиболее значительным публицистическим произведением Еразма был трактат «Благохотящим царям правительница и землемерие». В этом сочинении Ермолай-Еразм высказал мысль о «ратаях» (крестьянах) как основе всего общества: «В начале же всего потребна бо суть ратаеве: от них бо трудов есть хлеб, от сих же всех благих главизна (большинство всех благ)... и вся земля (страна) от царя и до простых питаема». Считая общественное неравенство, при котором «ратай» кормит своих господ, неизбежным явлением, Ермолай, однако, предлагал твердо определить размеры крестьянских оброков и оградить крестьян от притеснений государственных землемеров и сборщиков. Такое решение, по его мнению, приведет к уменьшению крестьянских волнений — «всякого мятежа»³.

¹ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 264—265.

² Спор о времени написания дошедшего до нас текста «Повести» в настоящее время решен благодаря находке автографа «Повести» (см.: «Повесть о Петре и Февронии». Подготовка текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979, с. 95—118).

³ См.: Ржиги В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, ЛЗЭК. Л., 1926, с. 103—200.

Феврония за ткацким станком. Миниатюра к «Повести о Петре и Февронии». XVII в. (ЛОИИ).

И прииди коворити кнговы его тоучь,
и иници въдранинъ і кнзѣ драминъ
сидѣши въ днѣхъ двѣхъ и тридцати, прегн
юноша си. азъ сядѣхъ кнзѣ и при
кнзѣ моудрѣи боудѣти. и шѣкѣри
приидѣхъ кнзѣ шего

Наряду с публицистическими памятниками Ермолай-Еразм создавал и агиографические — «Повесть о рязанском епископе Василии» (вошедшую впоследствии в «Житие Муромского князя Константина») и «Повесть о Петре и Февронии», основанную, очевидно, на житийном рассказе XV в.

Существование рассказа о Петре и Февронии, составленного еще до конца XV в., доказывается тем, что сохранилась церковная служба XV в., посвященная муромскому князю Петру, победившему змея, и его мудрой супруге Февронии, с которой Петр был похоронен в едином гробе. Очевидно, основной сюжет повести сложился еще до Ермолая-Еразма¹.

Сюжет этот таков. К жене мудрого царя Павла повадился летать змей, принимавший облик ее мужа. Против змея выступает брат Павла Петр, побеждающий его; но от крови змея, брызнув-

¹ См.: Скрипиль М. О. «Повесть о Петре и Февронии» (тексты). — «ТОДРЛ». М.—Л., 1949, т. VII; переиздано в кн.: Русские повести XV—XVI вв., с. 108—115.

Феврония передает слуге
лекарство для князя. Ми-
ниатюра к «Повести о
Петре и Февронии». XVII в.
(ЛОИИ).

И прише рече слово. и на азъ
воидъ мядо почрпн кнмеди спои
и даиъ пани. и рече. да оутридакн
ошму блнн. да пани жхтъ стръ
пы гзвы. его.

шей на Петра, он заболевает — тело его покрывается струпьями. Петра излечивает мудрая крестьянская девушка Феврония; в награду она требует князя себе в мужья.

Сюжет повести перекликается со многими произведениями русского и мирового фольклора; отразился он и в письменных источниках средневековья. В знаменитом западноевропейском (кельтском, французском) сказании о Тристане и Изольде рассказ тоже начинается с победы героя (Тристана) над змеем (драконом); излечивает его героиня (Изольда).

Однако сюжетное совпадение «Повести о Петре и Февронии» с «Тристаном и Изольдой» еще больше подчеркивает различия между ними в трактовке героев. «Повесть о Петре и Февронии», в отличие от легенды о Тристане и Изольде, — это рассказ не о любви, не о всепобеждающей страсти героев, а о верной супружеской жизни, причем основным мотивом этой повести является ум героини рассказа, ее умение «переключать» (перехитрить) своих собеседников — черта, сближающая Февронию с летописной Ольгой из «Повести временных лет».

Феврония появляется в повести после того, как заболевший Петр, ища излечения, посылает по всей Рязанской земле «искати врачей». Княжеский отрок (слуга) во время этих поисков попадает в деревню Ласково и видит девушку за ткацким станком; перед нею прыгает заяц. На вопрос отрока, где остальные жители дома, она отвечает, что родители ее пошли «взаем (взаймы) плакати», а брат отправился «сквозь ноги в нави зрети (смотреть смерти в глаза)». Отрок не может разгадать эти загадочные слова, но девушка объясняет ему, что родители пошли оплакивать покойника: когда они умрут, по ним так же будут плакать, значит, они плачут взаимно; брат же ее бортник, добывающий мед с деревьев и глядящий себе под ноги, чтобы не сорваться и не погибнуть. Убедившись в мудрости Февронии (так зовут девушку), отрок просит ее излечить своего князя. Феврония соглашается, но с условием, что Петр возьмет ее в жены.

Как понимать это условие? Читатель, который воспринимал повесть только как житие, а в Февронии видел прежде всего святую, мог видеть здесь проявление ее мудрости — она заранее знала, что Петр предназначен ей в мужья. Но люди, воспитанные на народных сказках, где часто встречается подобное условие, могли воспринимать этот мотив и иначе — в чисто бытовом плане. Живя в своей деревне Ласково, Феврония едва ли могла даже видеть Петра до того, как он обратился к ней за излечением. У читателя, естественно, создается впечатление, что к Петру Февронию влекла не любовь (в легенде о Тристане и Изольде упоминается волшебный любовный напиток), а лишь желание не упустить свое счастье.

Такой же ум и умение «переключать» собеседника обнаруживает Феврония и при переговорах с Петром. Вначале княжич пытался «искусити» Февронию: он послал ей клочок льна и потребовал, чтобы она выткала из него «срачицу (сорочку) и порты и убрuseц». Но Феврония отвечает нелепостью на нелепость¹; она соглашается выполнить просьбу Петра при условии, если княжич приготовит ей из цепочки ткацкий станок. Сделать это Петр, естественно, не может и поэтому отказывается от своего требования. После излечения Петр пытается нарушить обещание жениться на крестьянке. Но Феврония предусмотрительно велела смазать все его язвы, кроме одной, и вероломство Петра приводит к тому, что от «того струпа начаша многи струпы расходитися на теле его»; для окончательного излечения Петру приходится выполнить свое обещание.

Петр женится на Февронии, но бояре Муромской земли не желают, чтобы княгиней у них была крестьянка. Она соглашается уйти из Мурома, но с условием, что ей разрешат взять с собой

¹ Такое опровержение абсурда другим, столь же явным абсурдом характерно для средневековой литературы. Так же поступал, например, Акир в «Повести об Акире Премудром».

то, что она попросит. Бояре соглашаются и княгиня просит: «токмо супруга моего князя Петра».

Вместе с Петром и Февронией из Мурома на корабле отплывают и некоторые их приближенные. Среди них некий женатый человек, который, подстрекаемый бесом, «возрев (посмотрел) на святую с помыслом». Тогда Феврония посоветовала ему зачерпнуть и испить воды с одного борта судна, затем — другого. «Равна ли убо си вода есть, или едина слажши?» — спросила она его. Тот ответил, что вода одинакова. «И едино естество женское есть. Почто убо свою жену оставя, чюжня мыслиши!» — объяснила Феврония.

Как понимать эти сцены? Как и история женитьбы Петра на Февронии, они могут быть восприняты по-разному: и как указание на мудрость героини, и как свидетельство ее своеобразного лукавства. Феврония предвидит, что глупые бояре не поймут, что именно попросит у них княгиня, и таким образом «переключивает» их. Так же и ее ответ нескромному попутчику на корабле имеет не открыто поучительный, а шуточный характер; подобным же образом отвечала на нескромные домогательства французского короля одна из героинь «Декамерона» Боккаччо (день I, новелла 5).

Изгнание Петра и Февронии длилось недолго: мятежные бояре оказываются неспособными удержать власть, и Петра и Февронию вновь призывают в Муром.

Заключительная сцена повести глубоко поэтична. Под старость герои вместе постригаются в монахи и хотят умереть также вместе. Петр первым ощущает приближение смерти и зовет Февронию «отити» вместе. Феврония вышивает «воздѹх» — ткань для святой чаши. Она просит мужа подождать. Но Петр ждать не может. Тогда она дошивает только лик святого, втыкает иглу в ткань, «приверте нитью, ею же шиаше (вышивала)», и умирает вместе с мужем.

После смерти Петра и Февронии их пытаются похоронить раздельно, но чудесным образом оба героя оказываются в едином гробе.

«Повесть о Петре и Февронии» была тесно связана с фольклором, перекликается она и с «бродячими сюжетами» мировой литературы. Из русских сказок повесть больше всего напоминает сказки «Семилетка» и «Стрижена девка», где также рассказывается о женитьбе знатного человека на крестьянской девушке, доказывающей свою мудрость решением трудных задач; здесь также есть мотив изгнания героини, забирающей с собой то, что ей всего дороже — своего мужа¹. Но в русских сказках (сохранившихся только в записях нового времени) нет мотива болезни и излечения знатного мужа. Очевидно, однако, что этот мотив также присутствовал в фольклорном сюжете, использованном Ермолаем-Еразмом. В одной из новелл «Декамерона» Бок-

¹ Ср.: Дмитриева Р. П. О структуре «Повести о Петре и Февронии». — «ТОДРЛ». Л., 1976, т. XXXI, с. 247—270.

качко (день III, новелла 9) героиня (Джилетта из Нарбонны) в награду за излечение французского короля получает в мужа одного из придворных. Неравный брак приносит ей горе и изгнание, но мудрость героини, как и в русском сказании, помогает ей добиться победы. Тот же сюжет был использован и Шекспиром в комедии «Все хорошо, что хорошо кончается». Очевидно, сочетание мотивов неравного брака и излечения героя героиней было известно и русскому фольклору XV—XVI вв. Конец повести о Петре и Февронии также связан с фольклорными мотивами и опять напоминает «Тристана и Изольду» — там любовь героев тоже оказывается сильнее смерти (из могилы Тристана вырастает куст терновника, соединяющий ее с могилой Изольды).

Нетрадиционный характер житийной «Повести о Петре и Февронии» делал ее, очевидно, неподходящей для агиографических канонов XVI в. «Повесть о Петре и Февронии», хотя и созданная одновременно с окончательной версией «Великих Миней Четиех», (Успенские и Царские Минеи), в их состав включена не была. Фольклорные мотивы повести, ее лаконизм, отсутствие этикетных черт — все это делало ее чуждой агиографической школе митрополита Макария. Но эти же особенности делают «Повесть о Петре и Февронии» одним из лучших памятников литературы Древней Руси.

3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

В XVI в. общерусское летописание стало единым. Летописи могли составляться и в митрополичьей и в великокняжеской канцелярии, но все записи о текущих событиях имели единообразный и официальный характер. Лишь впоследствии, если великокняжеская политика менялась, некоторые из этих известий переделывались на новый лад.

От XVI в. до нас дошли две большие общерусские летописи — Никоновская и Воскресенская; на основе Никоновской был составлен многотомный Лицевой свод XVI в. Наряду с общерусским летописанием местное летописание продолжают и в Пскове; отдельные летописцы составлялись также в Новгороде и на севере — в Двинской земле, в Холмогорах.

После разгрома еретических движений в 1504 г. большую роль в развитии русской литературы начинают играть победители еретиков, «воинствующие церковники», главной цитаделью которых был основанный Иосифом Волоцким Волоколамский монастырь; игуменом Волоколамского монастыря стал после смерти Иосифа его ученик, Даниил; в 1522 г. Даниил был возведен в сан митрополита — главы русской церкви. В те же годы при прямом участии Даниила были составлены две близкие между собою летописи: Иоасафовская, охватывающая годы с 1437 по 1519 (она названа Иоасафовской потому, что летопись принадлежала потом бывшему митрополиту Иоасафу), и летопись, получившая впоследствии от историков название Никоновской. Никоновская летопись была чрезвычайно велика по объему и сложна по составу; при ее составлении была использована летопись начала XV в., близкая к Троицкой, тверское и новгородское летописание, летописный свод, переписанный в Волоколамском монастыре, и т. д. Но в своей последней части, излагающей

кнѣзь шелнскій хобю оу сннѣ шѣ поу снѣ
 блѣ оу паше . а пнелъ сннѣ шѣ бѣ рѣмо
 тѣ . что того хочетъ что бо аи нѣ дн
 про мѣ ихъ бѣ зданн . а оу крѣстнѣ бѣ
 кнѣмоу не прнказывалъ . не шѣ бѣ до
 моу кнѣзѣ оу нѣ нѣ дѣ шѣ ко мѣ гдѣ ртн
 гдѣ рѣнн нѣ оу рѣ дннскѣ . нѣ шелнко
 моу кнѣ гдѣ рѣ бѣ то нн зоснннѣ нѣ блѣ .
 коудѣ оу нѣ тоу землн оу рѣ дннскѣ .
 нѣ блнскн гдѣ рѣ тоу оу рѣ дннскѣ

историю начала XVI в. Никоновская летопись передавала официальное великокняжеское летописание.

Несколько позже, в 30-х гг. XVI в. (в годы малолетства Ивана IV и «боярского правления») возникла летопись, получившая в науке название Воскресенской. Воскресенская летопись составлялась при великокняжеском дворе, и ее основой был Московский великокняжеский свод конца XV в.

В середине XVI в., в годы реформы Ивана IV, Стоглавого собора и покорения Казанского ханства, был создан особый официальный летописец, прославлявший молодого государя, за несколько лет до этого принявшего царский венец. Он носил название «Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Вскоре к этому летописцу была присоединена обширная предшествующая часть, основанная на Никоновской летописи 20-х г.

Так возникла вторая редакция Никоновской летописи, доведенная до 50-х гг. XVI в.¹

В 60-х гг. XVI в. была создана последняя и наиболее официальная редакция Никоновской летописи со множеством цветных миниатюр («лиц» — иллюстраций) — Лицевой свод. Лицевой свод состоит из 9 томов — трех, посвященных всемирной истории и основанных на Библии, Еллинском летописце и Русском Хронографе, и шести летописных, основанных на Никоновской летописи, частично дополненной по Воскресенской. Особенно интересной оказывается судьба последнего тома Лицевого свода, посвященного времени самого Ивана IV, но продолженного значительно дальше «Летописца начала царства» — до 1567 г. Том этот существует в двух вариантах — один из них, незавершенный и нераскрашенный, получил название «Царственной книги». Последний том Лицевого свода сохранил следы редакторской работы, произведенной каким-то редактором, вычеркивавшим прежний текст и вписывавшим на его место скорописью новый, иногда совершенно иной по содержанию. Многие из этих приписок были направлены против лиц, пострадавших при Иване IV, одна из них (мы остановимся на ней в дальнейшем изложении) описывает события во время болезни Ивана Грозного. Вопрос об авторе этих приписок вызывал споры в исторической науке: им мог быть сам царь или его дьяк Иван Висковатый, но во всяком случае приписки имели официальный характер и отражали политику

¹ Воскресенская летопись издана в ПСРЛ, т. VII—VIII. Спб., 1856—1859; Никоновская — ПСРЛ, т. IX—XIII. Спб., 1862—1910 (Фототипическое переиздание: М., 1965); Летописец начала царства — ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, с. 9—116; Иоасафовская летопись опубликована отдельно под редакцией А. А. Зимина: Иоасафовская летопись. М., 1957; см.: К л о с с Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х гг. XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.

Того жь та прещенныи кнприаи ми
 прополнпъ вкисеікіи асеа роуен ,
 быша гои гоумена борисога ѿ бскаго
 поста и паголаи ше ѿ ѿпомъ
 асран .

Того же дѣ та часы поста шеныи пано
 ки и на пеліікога ксѣадпориъ заце
 ркоіію блгошъщеніелнъ . а дѣлаю
 нхъ мзаръ чернецъ серкннъ . иже но
 допришелъ и зъсервьскіа земліи .

Установка часов на башне Московского Кремля в 1404 г. Миниатюра Лицевого
 делописного свода. XVI в. (ГИМ).

времени опричнины. Часть этих приписок была введена в основной текст нового варианта последнего тома Лицевого свода. Незавершенность Лицевого свода, обрывающегося на 1567 г., и полное прекращение официального общерусского летописания после этого года были, очевидно, связаны с резкими политическими переменами в годы опричнины¹.

Ряд рассказов, содержащихся в русских летописях XVI в., имеет не только историческую, но и художественную ценность. К числу таких рассказов относятся повествования о конце независимости Пскова, о смерти Василия III в 1533 г. и болезни Ивана IV в 1563 г.

Рассказы о Псковском взятии. О присоединении Пскова сохранилось два рассказа — в Псковской I (свод 1547 г.) и Псковской III (свод 1567 г.) летописях. Первый рассказ начинается с плача по Пскову: «О славнейший в градах великий Пскове! Почто бо сетуеши, почто бо плачеша?» Псков отвечает: «Како ми (мне) не сетовати, како ми не плакати? Прилете на мене многокрылый орел... и землю нашу пусту сотвориша...» Но далее этот плач переходит в язвительное описание деятельности московских наместников: «И у наместников, и у их тиунов и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетело на небо, и кривда начала в них ходити...» Далее говорится, что эти наместники пили «из пскович крови много», и поэтому все иноземцы предпочли уехать за границу: «только одни псковичи остаща (остались), ано земля не раступитца, а уверх не взлететь». Во втором рассказе злоупотребления московской власти осуждаются еще резче. Явно споря со своим земляком Филофеем, прославлявшим Московское царство как «третий Рим», составитель Псковской III летописи сравнивал его с царством Антихриста и писал: «Сему бо царству рашширятися и злодейству умножатися»².

Рассказ о смерти Василия III. Рассказ о смерти Василия III появился в летописании почти сразу же после этого события —

¹ Текст последнего тома Лицевого свода (Синодальный список и Царственная книга) см.: ПСРЛ, т. XIII. Спб., 1904—1906 (Фототипическое переиздание: М., 1965). Ср.: Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — «Исторические записки», т. 23, с. 251—289; Он же. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. — Исторические записки, т. 25, с. 266—292; Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Ивана Грозного. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1962, т. XVIII, с. 117—148; Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. I, с. 187—196; Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962). — В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 271—285; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1968, с. 255—291.

² Псковские летописи. М.—Л., 1941, вып. I, с. 95—97; М., 1955, вып. II, с. 226.

то іа пєены мавиа . Зложилъ пєпирѣ
 а птоникъ аръши пладіе прікланицы
 єдиноу оу фроло нескнхъ пороствъ . лдръ
 гоуіо оу ниско лскнхъ . а ниско лскоуіо
 стрѣлницоу зложилъ непостаран
 шєноцє . данєстѣ
 поудонеган
 мбы

Постройка каменного Кремля в Москве в 1491 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. (ГИМ).

в 1534 г.¹. Рассказ о последних днях жизни великого князя, несомненно, был составлен современником и очевидцем его смерти. Здесь подробно описывалась болезнь Василия («мала болячка на левой стороне на стегне... в булавочную голову», приведшая к заражению крови). Больного великого князя доставили из Троицкого монастыря, где он находился, в Москву. Великий князь спрашивал своего придворного врача Николая Булева (того самого, с которым спорил Филофей в своем послании о «третьем Риме»), можно ли применить какое-нибудь средство, «масть (мазь) или иное что» для облегчения его болезни. «Мысль моя не имеет oprичь божьей помощи»,— ответил врач. Василий понял, что положение его безнадежно. «Братие! Гораздо Миколай надо мной познал мою болезнь — нечто неспособная (неизлечимая)»,— сказал он своим детям боярским.

Рассказ о смерти Василия III был составлен в правление его вдовы Елены Глинской (управлявшей за малолетнего сына Ивана), и она, естественно, играла в нем особенно почетную роль. Именно ей Василий поручал управление, «как прежним великим княгиням». По обычаю нужно было послать за сыном, но Василий, поздно ставший отцом и очень заботившийся о здоровье трехлетнего Ивана, боялся его напугать: «Не хочу послати по сына своего по великого князя по Ивана, понеже сын мой мал, а яз лежу в великой своей немощи, и нечто бы от мене не дрогнул сын мой». «Чтобы еси, Огрофена, от сына моего Ивана не отступила ни пяди»,— предупреждал он няньку. Так же человечны и естественны другие слова и поступки умирающего князя — его попытки скрыть тяжесть болезни от молодой жены, которая так рыдала, что Василий не мог дать ей последних наставлений — «в ее кричанье не успе ни единого слова ей наказати», разговор с братом о последних днях их отца — Ивана III.

Рассказ о смерти Василия III не раз переделывался в летописании XVI в. В Воскресенской летописи, составленной после смерти жены Василия III Елены (по-видимому, насильственной), из этого рассказа было исключено упоминание о передаче ей власти и вставлены были вместо этого похвалы боярам (от имени Василия III) за их верность; заодно были исключены многие конкретные детали рассказа о болезни и смерти великого князя. В «Летописце начала царства» (и в части списков Никоновской летописи) были сделаны новые переделки — выпущены похвалы боярам, упоминалось, что отец вручил малолетнему Ивану IV «венец царский и диядимы царские, ими же венчан царь Мономах». И наконец, в последнем томе Лицевого свода (в «Царственной книге») был восстановлен наиболее ранний рассказ о смерти

¹ См.: ПСРЛ, т. VI. Спб., 1853, с. 269—276. Сходный рассказ читается в новгородском своде 1539 г.— ПСРЛ, т. IV. Л., 1929, с. 552—564.

Василия III (с добавлением о «венце Мономаха») и характерные для него живые подробности последних дней великого князя.

Рассказ о болезни Ивана Грозного. Особый интерес составителя «Царственной книги» к рассказу о смерти Василия III был, по-видимому, связан с одним обстоятельством. В обширной приписке к «Царственной книге» было помещено повествование «о болезни царской» — рассказ о болезни Ивана IV в 1553 г., во время которой царь, как когда-то его отец, хотел передать престол своему малолетнему сыну и требовал от бояр присяги младенцу и его матери. Несмотря на свой получерновой характер (он написан редактором летописи на полях рукописи), рассказ этот весьма ярок и во многом сходен с рассказом о смерти Василия III. Выразительны реплики бояр, отказывавшихся целовать крест «пеленочнику». Федор Адашев, отец «ближнего человека» Ивана IV Алексея Адашева, попавшего в начале 60-х гг. в опалу, говорил, согласно «Царственной книге», что они были бы готовы присягнуть малолетнему царевичу, но боятся господства царицыной родни: «Сын твой, государь наш, еще в пеленицах (пеленках), а владети нами Захарьиным...; а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия». «Коли вы сыну моему Дмитрею креста не целуете, ино то у вас иной государь есть!» — восклицал больной царь. «И яз (я) с вами говорити много не могу, а вы души свои забыли, а нам и нашим детям служить не хотите...» «А вы, Захарьины, чего испужались?» — зывал он к родственникам царицы. «Али чайте, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете! И вы бы за сына моего да и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!»¹

Рассказ «Царственной книги» о событиях 1553 г. не был бесхитростной записью подлинных разговоров. Он был создан много лет спустя и проникнут определенной политической тенденцией (стремление очернить лиц, попавших в опалу). Перед нами — сознательный вымысел, но вымысел, имевший не только политическое, но и художественное значение.

«Степенная книга». Особенно ясно проникновение сознательного вымысла в историческое повествование обнаруживается в официозном памятнике середины XVI в. — «Степенной книге царского родословия»². «Степенная книга» была составлена в 1560—1563 гг. в том же кружке Макария, откуда вышли и «Великие Минеи Четии», и по построению имела сходство с ними.

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. Спб., 1906 (Фототипическое переиздание: М., 1965), с. 524—525.

² ПСРЛ, т. XXI, ч. I—II. Спб., 1913. Ср.: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I. Спб., 1904, с. 218—240; Кусков В. В. О некоторых особенностях стиля Степенной книги. — «Учен. зап. Уральск. ун-та имени А. М. Горького», 1959, вып. 28.

Вся история России излагалась здесь в форме житий «в благочестии просиявших богоутвержденных скиптродержателей», жизнь каждого из этих скиптродержателей (князей) представлялась в виде «степени» (ступени) восходящей на небо «лестницы», подобной тем, какие описываются в рассказах Библии или житийной литературы. Все русские князья (кончая самим Иваном IV) выступали в «Степенной книге» как исполненные «богоугодных добродетелей» святые люди. Стремление приписать всем им «благочестие» вызывало необходимость «исправления» и переделки русской истории в гораздо более резких формах, чем это делалось в летописании. Уже летописцы под влиянием «политических страстей и мирских интересов» нередко видоизменяли изложение своих предшественников, но такие переделки касались обычно достаточно близкого времени; к рассказам о далеком прошлом они относились более осторожно. Иное дело — составители «Степенной книги». Стремясь восславить всю династию Киевско-Владимирско-Московских князей, они смело вторгались в далекое прошлое, резко изменяли характеристики предков Ивана Грозного, устраняя все, что могло помешать их прославлению.

Отношение составителей «Степенной книги» к историческому материалу обнаруживалось не только в видоизменении отдельных событий, описанных в летописях, но и в создании (или заимствовании из устной традиции) новых рассказов, отсутствовавших в летописных источниках. К числу таких рассказов принадлежало, например, сказание о княгине Ольге, помещенное в «Степенной книге» в самом начале изложения в качестве вступительного «Сказания». Используя легенды, неизвестные письменности предшествующих веков и восходящие, очевидно, к фольклору, автор «Степенной книги» начал повествование со сцены первого знакомства героини, происходившей «от рода же не княжеска, ни вельможеска, но от простых людей», с юным князем Игорем. Игорь, тешившийся «некими ловитвами» (охотой) в «Псковской области», хотел переправиться через реку. Увидев лодку на реке, он призвал «гребца» к берегу, сел в ладью и, уже отплыв, убедился «яко девица бе сия, юная, но «доброзрачна и мужествена»; «и разгореся на ню и некия глаголы глумлением претворяше (произносил дерзкие слова) к ней». Но Ольга пресекла дерзкую беседу, «не юношески, но старческим смыслом поношая (делая выговор) ему», и произнесла пространную речь: «Не прельщайся, видев мя, юную девицу и уединенну...» Эта сцена напоминает аналогичный эпизод из «Повести о Петре и Февронии», но в повести ответ героини имеет насмешливый и остроумный характер, а в «Степенной книге» он торжествен и поучителен. «Благоразумные словеса» Ольги заставили Игоря изменить свое «юношеское» поведение: когда же ему стали подыскивать невесту, «яко же есть обычай государству и царской власти», Игорь «вспомяну дивную в девицах Ольгу», послал за ней, «и тако сочтана бысть ему законом брака»¹.

Несмотря на введение отдельных занимательных эпизодов, «Степенная книга» прежде всего официально-публицистический памятник. Тема ее — прославление царствующей династии, стиль — торжественный и монументальный.

¹ ПСРЛ, т. XXI, ч. I, с. 7—8.

Храм Василия Блаженного (Покрова на рву) в Москве. 1555—1560 гг.

«Казанская история». Сочетание художественного и публицистического вымысла встречается не только в «Степенной книге», но и в других памятниках исторического повествования XVI в. Наиболее ярко проявляется оно в «Казанской истории». Написанное в 1564—1566 гг.¹, «Сказание вкратце от начала царства Казанского» отличалось от летописных сводов и «Степенной книги» своим более конкретным характером — речь здесь шла главным образом о завоевании Казани в 1552 г.; но вместе с тем «Казанская история» не была и отдельной исторической повестью, подобной «Сказанию о Мамаевом побоище». Автор его ставил своей целью рассказать не только о взятии Казани при Иване IV, но и обо всей истории Казанского царства. Историю эту он сразу же начал с легенды, неизвестной русскому историческому повествованию и заимствованной, очевидно, у казанских татарских феодалов, — о фантастическом царе «Саине ординском», ходившем на Русскую землю после смерти Батыя, освободившем место «на Волге, на самой украине русской» от страшного двуглавого змея и создавшем богатое царство, кипящее «млеком» и «медом», — Казань.

В «Казанской истории» соединились самые различные литературные влияния. Ряд нитей связывал этот памятник с официальной публицистикой XVI в., со «Сказанием о князьях Владимирских», посланиями Ивана Грозного. Близка была «Казанская история» и к историческому повествованию предшествующего периода — в ней обнаруживаются прямые заимствования из «Повести о Царьграде» Нестора-Искандера и Хронографа. И наконец, эта «красная новая повесть», как именовал ее автор, следовала и памятникам сюжетной прозы — «Александрии» и «Троянской истории».

Смешение различных литературных влияний не могло не сказаться на художественном стиле «Казанской истории». Исследователи уже отмечали «разительное нарушение литературного этикета», свойственное этому памятнику: вопреки канонам воинской повести, враги здесь изображаются в героических красках — «един бо казанец бияшеся со сто русинов, и два же со двема сты»; «падение храбрых казанцев» сопровождается разграблением мечетей, убийствами и жестокостями, совершаемыми русским войском. Но особенно неожиданным оказывается изображение главы Казанского ханства царицы Сумбеки. Сумбека в «Казанской истории» далеко не положительная фигура. Автор «Казанской истории» повествует «о любви блудной со царицею улана Кошцака», о готовности царицы по сговору со своим любовником «царевича сына ея убити, юнаго», о том, как после вынужденного брака с Шигалеем Сумбека несколько раз пыта-

¹ «Казанская история». Подготовила текст Г. Н. Моисеева. М.—Л., 1954. Ср.: Куницын Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905, с. 176—179.

лась отравить своего второго мужа. И все-таки Сумбека для автора «Истории» не только прелюбодейка и преступница. Она остается при этом царицей, «красносолнечной» и «мудрой», и ее низвержение с престола оплакивает все Казанское царство — и «честныя жены и красныя девицы», и «весь царев двор»; «и слышавше плач той, стекахуся народ ко цареву двору и тако же плакахуся, и кричаху неутешно». Низвергнутая Сумбека вспоминает даже своего первого любимого мужа Сапкирея и, как подобает героиням древнерусской литературы, плачет, обращаясь к нему; она вспоминает даже «сына своего... младенца» (хотя выше рассказывалось, как она собиралась его отравить).

Такое, почти идеализированное изображение татарской царицы в «Казанской истории» имело политические причины. В годы опричнины многие из воевод, бравших Казань в 1552 г., подверглись опале и казням; в противовес старым княжеским фамилиям Иван IV выдвигал знать татарского происхождения. Желая возвеличить Сумбеку, автор придал ей некоторые черты героинь переводной художественной литературы — черты прекрасной Елены из «Троянской истории» или даже Роксаны из «Александрии» (см. плач над гробом мужа, подобный плачу Роксаны над Александром).

Но использование повестей XV в. было в «Казанской истории», как и в «Степенной книге», довольно поверхностным и искусственным. Эти исторические произведения были прежде всего памятниками официальной литературы, авторы которой сознательно навязывали читателю определенные политические идеи. Официальному характеру этих памятников соответствовал и их стиль — употребление этикетных, потерявших свою выразительность формул. Авторы охотно прибегали к риторике, искусственным оборотам и выражениям: Волга в «Казанской истории» именовалась «златоструйным Тигром» (по имени реки в Вавилонии), Иван IV — «крепкоруким», его воины — «сви́репосердыми». Такие же пышные риторические обороты свойственны и «Степенной книге», например в похвале князю Владимиру Святославичу: «Сий Владимир — добляя (доблестная) благочестивая ветвь! Сий Владимир — апостольский ревнитель! Сий Владимир — церковное утверждение!...» и т. д.

В таких произведениях, как «Степенная книга» и «Казанская история», «эмоциональный стиль», выработавшийся в русской литературе Предвозрождения, формализуется, «отдельные приемы окостеневают, начинают механически применяться и повторяться». Возникает пышный и помпезный и вместе с тем сухой формальный стиль «второго монументализма» древнерусской литературы¹.

¹ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973, с. 133—137.

Для развития русской литературы последующего периода плодотворными оказались не эти официозные сочинения, несмотря на попытки их авторов внести элементы занимательности в свое повествование, а скорее выразительные детали, проникавшие в историческое повествование из живых наблюдений. Это могла быть запись очевидца, как в летописном рассказе о смерти Василия III, или рассказ талантливого публициста, создавшего иллюзию подлинного документального рассказа, как в описании болезни Ивана IV в «Царственной книге». Такие же живые черты могут быть обнаружены и в других памятниках XVI в., особенно в произведениях публицистики.

4. ПОВЕСТИ

Светские повести были распространены в письменности XVI в. меньше, чем в письменности второй половины XV столетия; существенно отличались они от повестей предшествующего периода и по своему характеру.

Повести XVI в. — преимущественно дидактические, откровенно поучительные. Это переводная повесть — диалог «Прение (спор) живота (жизни) и смерти» и «Повесть о царице Динаре». Несколько особое место занимает написанная в конце века повесть о важном историческом событии — обороне Пскова от польского царя Стефана Батория в 1581 г.

«Прение живота и смерти». В рукописях XVI в. почти не встречаются переводные повести — те, которые были известны на Руси в XV в., или новые. Единственный памятник близкого жанра, получивший довольно широкое распространение в XVI в., — это «Прение живота и смерти», переведенное в 1494 г. (с немецкого оригинала) в кружке известного противника ереси — архиепископа Геннадия Новгородского. Это произведение охотно переписывали в XVI в. в главном центре церковной жизни XVI в. — Иосифовом Волоколамском монастыре¹.

По форме «Прение живота и смерти» представляло собой диалог-разговор Человека со Смертью. Человек просит Смерть пощадить его; Смерть отказывается. Перед нами — произведение, близкое к драматическому жанру (в немецком оригинале «Прение» и было пьесой, ставившейся на подмостках немецкого «масленичного театра»), но никакого спора и почти никакого действия здесь нет. Человек упрощает Смерть пощадить его на «время мало»: «О Смерть, пощади мя до утра, да преже възмогу покаатися и живот мой (жизнь мою) добре управити». Смерть отказывается и пространно объясняет читателю, что надо каяться и молиться «на всяк час», ибо она может «постигнуть» любого в любое время. В конце концов Смерть забирает Человека.

«Повесть о царице Динаре». «Повесть о царице Динаре» дошла до нас внутри сборника сочинений, связанных с кругом митрополита Макария (повести о крымском нашествии, о московском пожаре 1547 г.), и, по-видимому, возникла в первой половине XVI в.². Главная героиня повести — «иверская»

¹См.: Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текста Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964.

²«Повесть о царице Динаре» издана М. О. Скрипилем в кн.: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, с. 88—91 (Статья М. О. Скрипиля — там же, с. 414—419). Ср.: Сперанский М. Н. «Повесть о Динаре» в русской письменности. — «ИОРЯС», Л., 1926, т. XXXI.

(грузинская) царица; прототипом ее, по-видимому, была знаменитая царица Грузии Тамара, правившая в конце XII — начале XIII в. Сюжет «Повести о Динаре» крайне прост. Сводится он к следующему: персидский царь требует от молодой иверской царицы подчинения; она отказывается. Разъярившись, «персин» идет на Иверскую землю (Грузию). Вельможи Динары колеблются, но царица воодушевляет свои войска и обещает отдать завоеванные персидские сокровища в монастырь богоматери. Когда подходят персидские полки, царица «возопи гласом великим», и персы приходят в ужас и разбегаются. Разбив персов, царица исполняет свое обещание, раздает сокровища «в дома божиа» и много лет благополучно царствует.

Своеобразие повестей XVI в., подобных «Повести о Динаре», по сравнению с повестями второй половины XV в., было ясно современникам; его даже специально подчеркивали. Если сочинения, чтение которых решительно отвергалось церковниками конца XV в., именовались «неполезными повестями», то «Повесть о Динаре» имела особый подзаголовок — «повесть зело полезна».

Перечисленные повести (как и первая редакция «Повести о белом клобуке») появились, по-видимому, не позднее середины XVI в. От второй половины царствования Ивана Грозного никаких повестей не дошло: время опричнины было, очевидно, мало благоприятным для развития литературы.

«Повесть о приходе Стефана Батория на Псков». Последняя повесть XVI в. возникает уже после смерти Ивана Грозного. Это историческая «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Подобно историческим повестям XV в., она была посвящена одной теме. Темой этой была осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 г.¹

После краткого рассказа о начале русско-польской войны автор переходил к осаде Пскова польско-литовскими войсками. Король, которого автор повести изображал почти сказочным «лютым великим зверем», обложил город сплошным кольцом и заранее предвкушал победу. Неприятель подкатил туры (осадные башни), им удалось разрушить и захватить Покровскую и Свиною башню: на обеих башнях были подняты польские знамена. Но псковичи молились, и бог услышал их молитвы. Русские ударили по захваченной поляками Свиной башне, а затем заложили под нее порох и взорвали. «Уже ли мои дворяне в замце (городе)?» — спрашивал Баторий. Ему ответили: «Под замцем (замком)». Не поняв этих слов, король решил, что его дворяне находятся около городских стен «и русскую силу прибывают». «Государь! Все те в Свиная башни убиты и сожжены в рову лежат», — объяснили ему. Разгневанный король приказал своим войскам вступить в пролом и занять Псков. Но русские воины не давали неприятелю прорваться в город. Вместе с воинами сражались монахи и женщины. Псковичи выбили врагов из города. Псковские женщины помогали мужьям, втаскивали в город брошенные литовские орудия.

¹ См.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статья В. И. Малышева. М.—Л., 1952.

*Гремячая башня в Пскове.
ве. 1535 г.*

Первый приступ поляков кончился неудачей, но государевы бояре и воеводы напоминали псковичам, что предстоят еще новые сражения. Не сумев взять Псков прямой осадой, Стефан бросил за городские стены на стреле послание, предлагая сдать «град без всякия крови» и грозя в противном случае «горькими разными смертями». Псковичи ответили королю тем же способом, заявляя, что ни «един от малоумных во граде Пскове» не примет этого совета.

Король стал делать подкопы под город; псковичи узнали об этих подкопах от пойманных «языков» и перебежчиков. Русские прорыли подземный ход и взорвали подкоп неприятеля. Не удался полякам и последний штурм города — по льду реки Великой. Король ушел от Пскова, оставив вместо себя своего канцлера (Замойского). Не надеясь справиться с псковским воеводой Иваном Петровичем Шуйским в честном бою, канцлер прибег к обману — подослал Шуйскому ларец, уверяя, что в нем находится «казна». Но хитрость не удалась: Шуйский приказал мастеру открыть ларец подальше от воеводской избы, и там был обнаружен порох с «самопальным замком огненным». Канцлер «со всею

силою» отошел от Пскова; осада была снята, и ворота города, закрытые в начале осады, открылись.

По своей стилистике «Повесть о приходе Стефана Батория» во многом напоминает такие памятники исторического повествования XVI в., как «Степенная книга» и «Казанская история». Здесь также употребляются сложные этикетные формулы («высокогорделивый» Баторий и «городонапорная» Литва), риторические обороты-обращения к действующим лицам, к читателю и т. д. Но при всей своей традиционности «Повесть о приходе Стефана Батория», как и другие памятники исторического повествования, испытала некоторое влияние художественной литературы XV в. (автор повести ссылаясь на «Александрю» и «Стефанита и Ихнилата»).

5. ПУБЛИЦИСТИКА

В XVI в. на Руси широкое распространение получает новый вид литературы — отдельные сочинения, посвященные острым вопросам политической жизни. Говоря современным языком, эти памятники можно определить как произведения публицистики.

Иосиф Волоцкий. Первым памятником русской публицистики XVI в. может считаться книга, написанная в самом начале этого века и сыгравшая важнейшую роль в истории русской общественной мысли. Это «Книга на новгородских еретиков» (впоследствии получившая наименование «Просветитель») игумена Волоколамского монастыря Иосифа Санина (Иосифа Волоцкого), главное сочинение, направленное против новгородско-московской ереси конца XV — начала XVI в. и послужившее своеобразным обвинительным актом при осуждении еретиков в 1504 г.¹ В конце XV в. Иосиф Волоцкий и его сподвижники по борьбе против еретиков не пользовались поддержкой великокняжеской власти; это было связано с планами ограничения монастырского землевладения, существовавшими у Ивана III. В связи с этим Иосиф в наиболее ранних своих сочинениях, написанных в конце XV в., призывал даже оказывать сопротивление «царю-мучителю», оскорбляющему христианскую веру. Он поддерживал противника Ивана III — удельного князя Волоцкого. Но после расправы над еретиками в 1504 г. бывший обличитель царской власти стал ее решительным защитником и заявил о том, что «царь убо властью подобен вышнему богу». Спустя еще несколько лет Иосиф порвал со своими бывшими покровителями, удельными князьями Волоцкими, и заявил о переходе своего монастыря под непосредственную власть великого князя. Против волоцкого князя и его защитника, новгородского архиепископа Серапиона, направлены последние по времени произведения Иосифа Волоцкого.

¹ См.: Просветитель, или Обличение ереси жиждетствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1904.

Иосиф Волоцкий прежде всего полемист и обличитель; стиль его высокопарен и торжествен. Защищая ортодоксальное церковное учение, Иосиф всецело опирается на авторитет божественного «писания» (Библию) и «предания» (сочинения византийских церковных писателей), но, опираясь на их авторитет, он развивает далее свою аргументацию логично и последовательно. Эта логичность и большая начитанность в богословии позволяют видеть в Иосифе своеобразного русского представителя средневековой схоластики (богословской науки). Принцип систематического разбора всех вопросов, поднятых его противниками, был впоследствии заимствован у Иосифа другими полемистами XVI в. (например, Иваном Грозным).

Иногда в произведениях Иосифа ощущается живая бытовая речь того времени. Так, в послании окольниковому Борису Кутузову Иосиф ярко и весьма выразительно обличал удельного князя Федора Волоцкого, притеснявшего монастырь, в ограблении «городских и сельских» людей. Он рассказывал, например, о том, как князь Федор вымогал деньги у вдовы некоего «торгового человека»: «И князь Федор послал да велел ее мучить. И она сказала все, где что у нее лежит, и он послал, взял все деньги...» Иосиф просил, чтобы князь, по крайней мере, не оставил ограбленную вдову без жалования. Князь обещал ее «пожаловати». Но он всего навсего послал ей однажды «от обеда пять оладей, а на завтрая четыре олады, а денег не отдал ни одное. Ино и дети и внучата и ныне по дворам волочатся (просят милостыню)...»¹

Даниил. Публицистическую традицию Иосифа Волоцкого продолжал Даниил, сперва сменивший Иосифа на посту игумена Волоколамского монастыря, а потом ставший митрополитом всея Руси. Даниилу принадлежал обширный «Соборник» из 16 «слов» и множество посланий к отдельным лицам. В отличие от Иосифа Даниил имел дело уже с поверженными противниками; сочинения его носили поэтому характер не живых споров, а скорее поучений. Встречается в сочинениях Даниила и бытовая сатира. В одном из своих поучений он рисовал, например, образ щеголя, угождающего «блудницам». Даниил высмеивает его одежду — модные узкие сапожки, «велми червлены (красны) и малы зело, якоже и ногам твоим велику нужу терпети от тесноты съгнетения (сжатия) их» — и обращается к щеголю: «Сице (так) блистаеши, сице скачеши, сице рыгаеши и рзаеши (ржешь), уподобляясь жребцу... Власы же твои не точию бритвою и с плотию отъемлеши (срезаешь), но и щипцем ис корени исторзати и ищипати не стыдишися, женам позавидев, мужское свое лицо на женское претворяеши...»²

Вассиан Патрикеев и нестяжатели. Иосифу Волоцкому и Даниилу противостояли публицисты более независимого характера. Наиболее талантливым публицистом из числа противников иосиф-

¹ Послания Иосифа Волоцкого. М. — Л., 1959.

² Сочинения Даниила изданы в приложении к кн.: Жмакин В. Митрополит Даниил. М., 1881.

лян, несомненно, был Вассиан Патрикеев, князь, когда-то насильственно постриженный Иваном III в монахи Кирилло-Белозерского монастыря. С начала XVI в. Вассиан стал основоположником движения «нестяжателей», противников монастырского землевладения. Учитель Вассиана — Нил Сорский мало уделял внимания конкретным вопросам общественного устройства — он, как Иосиф Волоцкий, вел теоретические споры с еретиками (возможно, даже помогал в написании «Просветителя»), проповедовал нравственное усовершенствование монахов. Только в конце жизни, в 1503 г., Нил косвенно обнаружил свои позиции в практических вопросах, поддержав Ивана III, когда тот предложил на церковном соборе лишить монастыри их земельных владений. Но как именно обосновывал Нил эту поддержку князю, мы не знаем. Вассиан, в отличие от своего учителя, был прежде всего публицистом и политиком. Он много писал о монастырском землевладении, доказывая, что монастыри не должны владеть «селами с крестьяны», а должны питаться государевым жалованием и своими трудами¹. Однако и Вассиан не был еретиком и сторонником Реформации. В отличие от всех деятелей Реформации он не ставил под сомнение учения «отцов церкви» и не выступал против монашества — напротив, он стремился его усовершенствовать. Не был он и сторонником веротерпимости. Он соглашался, что еретиков надо наказывать. Возражения его вызывали лишь те массовые репрессии, которые после 1504 г. стали применяться не только против вольнодумцев, но и против их попутчиков — действительных или мнимых. Вассиан заявил, что к раскаявшимся еретикам можно быть снисходительными, и выступил против смертных казней. Иосиф Волоцкий заявлял, что для древних святых было «едино» (все равно) — «грешника или еретика руками убити или молитвою». Вассиан заметил на это, что сам Иосиф все-таки не стал действовать как древние святые: не сотворил чуда, не пожелал взойти вместе с казненными еретиками на костер и остаться невредимым. «И мы б тя... из пламяни изшедши (вышедшего) приняли», — писал он в насмешливом послании Иосифу Волоцкому от имени «кирилловских старцев».

Насмешка оставалась сильнейшим оружием князя-инока и в его полемике против митрополита Даниила, подвергнувшего Вассиана церковному суду (в результате которого Вассиан был осужден, а впоследствии и умерщвлен). В ответ на упрек Даниила Вассиану, что он не считает святым Макария Калязинского и других недавно признанных официальной церковью чудотворцев, Патрикеев с лукавым простодушием замечал: «Яз его знал, — простой человек; ...ино как вам любо с ним — чюдотворец ли сей будет, не чюдотворец ли...» Даниил возразил на это, что святые могут обретаться повсюду — среди царей, священников, «во сво-

¹ См.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960.

бодных же и в рабах». «Ино, господине, ведает бог да ты и со своими чудотворцы», — с ядовитым смирением ответил Вассиан.

Но для публицистического творчества Вассиана характерна не только ирония. В спорах со своими противниками он мог быть и весьма торжественным и красноречивым, например в тех случаях, когда обвинял «стяжательное» духовенство в корыстолюбии и угнетении «убогой братии» — крестьян: «Господь повелевает: И даждь я нищим», — писал Вассиан и противопоставлял этой евангельской заповеди действительное поведение землевладельцев, налагающих на крестьян «лихву на лихву» (проценты на проценты) и изгоняющих несостоятельных должников с женами и детьми, «коровку их и лошадку отъемше».

Максим Грек. Темы, поднятые Вассианом Патрикеевым, привлекали и других публицистов XVI в. Из числа этих публицистов наиболее образованным был, несомненно, Михаил-Максим Триволис, прозванный на Руси Максимом Греком. В настоящее время нам довольно хорошо известна биография этого ученого монаха. Связанный с виднейшими греческими и итальянскими гуманистами Возрождения, Михаил Триволис с 1492 г. жил в Италии, работал в знаменитой типографии Альда Мануция. Но вскоре Триволис отказался от гуманистических увлечений и постригся в монахи в католическом доминиканском монастыре. А спустя еще несколько лет Триволис вернулся в лоно православной церкви, стал монахом на Афоне под именем Максима и в 1518 г. по вызову великого князя Василия III отправился в Москву¹.

Максим Грек не забыл о своем гуманистическом прошлом: в сочинениях, написанных в России, он рассказывал о типографии Альда Мануция, о Парижском университете; он первый сообщил на Руси об открытии Америки. Но к идеям Возрождения он теперь относился резко враждебно — он проклинал «языческое учение», овладевшее гуманистами, от которого он сам, Максим, мог погибнуть, если бы бог не «посетил» его «благодатию своею»². Предостережения, высказанные Максимом его русским читателям против увлечения древнегреческими писателями (Гомером, Сократом, Платоном, греческими трагедиями и комедиями), заслуживают внимания — они свидетельствуют о том, что у некоторых русских книжников того времени (например, у Федора Карпова, с которым переписывался Максим) были такие увлечения. Но для официальных деятелей русской церкви (таких, как митрополит Даниил) и сам Максим показался слишком подозрительной личностью: он дважды (в 1525 и 1535 гг.) подвер-

¹ Идентичность Максима Грека с Михаилом — Максимом Триволисом доказана И. Денисовым в работе: Denisoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Paris — Louvain, 1943.

² См.: Сочинения Максима Грека, ч. I—III. Казань, 1859—1862. См.: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969; Силицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

гался церковному суду, заточению и ссылке. Максим был обвинен в ереси, в непризнании независимости русской церкви от константинопольского патриарха и сослан сперва в Волоколамский монастырь, а затем в Тверь. Лишь после смерти вдовы Василия III Елены и отставки его главного гонителя митрополита Даниила Максим получил возможность вновь заниматься литературной деятельностью и заявлять о своей невинности, но все его просьбы о разрешении вернуться из России на Афон оставались без ответа. В начале 50-х гг. Максим был переведен из Твери в Троицкий монастырь и фактически реабилитирован; его привлекали к борьбе с ересью Башкина. Умер он в середине 50-х годов XVI в.

В судьбе Максима Грека существенную роль сыграло его сближение с русскими нестяжателями и их главой — Вассианом Патрикеевым; суд над Максимом и его осуждение произошли вскоре после осуждения Вассиана.

Нестязательские идеи высказываются в ряде сочинений, написанных Максимом на Руси. Среди них «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителъстве», «Беседа ума е душой», «Слово о покаянии» и «Стязание любостязательного с нестязательным». В них он описывал, в частности, тяжкое положение крестьян, которых монастыри за долги сгоняли с их земель, а иногда и, наоборот, задерживали, требуя обработки и выплаты «установленного оброка». Если кто-нибудь из них, писал Максим, изнемогая под «тяжестью налагаемых им беспрестани от нас же трудов же и деланий, восхошет инде негде (в другое место) переселитися, не отпушаем его, увы, аще, не положит уставленный оброк...».

Если темы Максима во многом напоминали темы Вассиана, то литературный стиль обоих публицистов был несходным. Максиму чужда была насмешка, к которой прибегал Вассиан, чужда была и его бытовая конкретность («коровка и лошадка»). Стиль Максима — литературный, книжный, это не разговорная речь, а чужой язык, изученный греческим монахом уже в зрелом возрасте. Характерны для него длинные, сложно построенные обороты.

Иван Пересветов. Наиболее резко порывал с традициями древней письменности западно-русский «воинник» XVI в. Иван Пересветов¹. Это совершенно светский писатель. Приехавший на Русь в конце 30-х годов XVI в (из Польши, Венгрии и Молдавии), когда Иван IV был еще ребенком и за него правили бояре, Пересветов стал решительным противником самоуправства «вельмож». Обличению «ленивых богатых» и прославлению бедных, но храбрых «воинников» посвящены все его сочинения. В состав сочинений Пересветова входили произведения самых различных жанров — послания-челобитные царю, предсказания «философов и дохтуров латинских» о славном будущем Ивана IV и повести о греческом и турецком царях. Произведения Пересветова, написанные в форме посланий, — «Малая» и «Большая» челобитная — резко отличались по своему характеру. «Малая челобитная» строилась как подлинное «челобитное» (ходатайства, заявления) того времени. Это было ходатайство Пересветова царю о разрешении ему возобновить ту мастерскую щитов, которую Пересветов должен был устроить еще в 30-х гг., но не смог из-за неурядиц в период «боярского правления». «Большая челобитная» только по форме была челобитной. По существу — это публицистическое сочинение, в котором Пересветов предлагал Ивану IV ввести важнейшие политические реформы (создание регулярного войска «юнаков», отмена управления наместников, уничтожение кабальной зависимости, завоевание Казани). Иден,

¹ См.: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956. Ср.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.

сходные с «Большой челобитной», высказывались в двух повестях Пересветова: «Сказание о Магмете» и «Сказание о царе Константине»; наряду с ними в свод сочинений Пересветова была включена и «Повесть о Царьграде» Нестора-Искандера, немного переделанная Пересветовым и использованная им в качестве вступления к собранию своих сочинений.

Идеология Пересветова довольно сложна. «Воинник» (профессиональный военный), Пересветов во многих отношениях может считаться представителем дворянства (нижней части класса феодалов) — он ненавидит богатых вельмож, мечтает о «грозной» царской власти. Но в писаниях Пересветова встречаются и смелые идеи, которые вряд ли приходили в голову большинству дворян XVI в. Он осуждает «закабаление» и порабощение людей; утверждает, что всякое закабаление происходит от дьявола; считает, что «правда» (справедливость) выше «веры», и указывает, что пока еще в Московском царстве нет «правды», «а коли правды нет, то и всего нет».

Многими чертами произведения Пересветова напоминают «Повесть о Дракуле» XV в. Как и автор «Повести о Дракуле», Пересветов верил в великие достоинства «грозной» власти и ее способность искоренять «зло»: «А немочно (невозможно) царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». Как и автор «Повести о Дракуле», Пересветов не считал «правую веру» обязательным условием «правды» в государстве (в царстве Константина, несмотря на «веру христианскую», не было «правды», которую сумел ввести «нехристь» Магмет). Но «Повесть о Дракуле» была художественным произведением, автор которого предоставлял читателям возможность самим делать выводы из рассказа, и выводы эти могли быть разными. Пересветов был прежде всего публицистом; он не сомневался в полезности «грозной власти» и прямо высказывал эту идею.

В сочинениях Пересветова ясно обнаруживается влияние фольклора и устной речи. Афоризмы Пересветова строились как поговорки: «Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы», «Бог не веру любит — правду», «Воинника держати, как сокола кредити, и всегда ему сердце веселити...». Обнаруживается в сочинениях Пересветова и своеобразный мрачный юмор (также напоминающий «Повесть о Дракуле»). Когда мудрый царь Магмет узнал, что судьи его судят «по посулом» (за взятки), он не стал их особенно осуждать, «только их велел живых одирати». И сказал так: «Естьли оне обростут оиять телом, ино им вина та отдасться (простится)». А из кожи их повелел сделать чучела и написал на них: «Без таковыя грозы не мочно в царство правды ввести».

Историческая судьба призывов Пересветова оказалась довольно своеобразной. Программа этого публициста, ценившего «правду» выше «веры» и осуждавшего всякое «закабаление», не была

принята самодержавной властью. Сам Пересветов быстро и бесследно исчез с исторической сцены. Судя по упоминанию о каком-то «черном списке Пересветова» в царском архиве (так часто назывались судебно-следственные дела), Пересветов, возможно, подвергся в XVI в. репрессиям. Но высказанная им идея царской «грозы» осуществилась в XVI в., хотя, вероятно, совсем не так, как предполагал их автор. Идею эту подхватил тот самый царь Иван Васильевич, к которому обращался Пересветов и который получил в истории прозвание Грозного.

Иван Грозный. Роль Ивана Васильевича Грозного в русской истории и литературе сложна и противоречива. Первый царь всея Руси, завоеватель Казани и Астрахани, создатель опричнины и организатор кровавых карательных походов на собственные земли, в царствование которого было окончательно установлено крепостное право, Иван IV был одной из наиболее страшных фигур в истории России. Тиранские черты Грозного сказались и в его творчестве: нагромождение многочисленных и явно фантастических обвинений против своих противников, постоянно нарастающее «самовозбуждение» — все это весьма типично для повелителя, диктующего безгласным секретарям (Грозный, по всей видимости, не писал, а диктовал свои сочинения). Многократное повторение одних и тех же мыслей — черта, которую замечал в своих творениях и сам царь, соглашающийся, что он «едино слово» обращает «семо и овамо» (туда и сюда). Но виновниками этого он, как всегда, объявлял своих врагов, чьи «злосесные умышления», заставляяют его снова и снова возвращаться к одним и тем же вопросам.

Однако сочинения Ивана IV обнаруживают не только черты неограниченного повелителя, одержимого манией преследования. Иван IV был своеобразной художественной натурой и довольно образованным для своего времени человеком: младшие современники именовали его «мужем чюдного разсужения». Несмотря на иосифлянское воспитание и участие в деятельности Стоглавого собора, направленной против «глумотворцев» и «смехотворцев», царь допускал скоморошеские «игры» (в этом он сам признавался в одном из своих посланий) и, очевидно, любил их. «Скоморошеские» вкусы Грозного, склонность к резкой, иногда грубой насмешке обнаруживаются и в его сочинениях.

Иван IV выступал в различных видах литературы: до нас дошли его «речи» — «прение» (диспут) с протестантским проповедником Яном Рокитой¹ и беседы с иностранными дипломатами; вероятно, Ивану IV принадлежит и памятник церковной литературы — канон «Ангелу Грозному», подписанный именем «Парфения

¹ См.: Ответ царя Ивана Васильевича Грозного Яну Роките. — В кн.: Древнерусские полемические сочинения против протестантов. М., 1878. Последнее издание по русской рукописи XVI в., находящейся в Гарвардском университете в США, см.: Tsar Ivan IV's — Reply to Ian Rokyta by V. A. Tumins. The Hague — Paris, 1971.

Уродивого»¹. Но основной жанр, в котором выступал Иван IV, — послания. До нас дошли и полемические послания царя, в числе которых — послания Курбскому, послание в Кирилло-Белозерский монастырь и его дипломатические послания². Но и в последних (сохранившихся в «Посольских делах» XVI в.) постоянно присутствует полемика (например, в посланиях шведскому королю Юхану III, Стефану Баторию, в посланиях от имени бояр, посланных Сигизмунду II Августу и т. д.) и обнаруживаются черты его своеобразного стиля — живой спор с противником, риторические вопросы, высмеивание аргументов оппонента и вместе с тем нередкие обращения к его рассудку («ты бы сам себе поразсудил»). Эти индивидуальные черты характерны и для ранних и для поздних посланий царя (с 50-х по 80-е гг.), а между тем, мы не можем назвать ни одного близкого к Грозному человека, который сохранил бы милость царя в течение всего его царствования. Очевидно, это черты самого Ивана IV как писателя.

«Послание в Кирилло-Белозерский монастырь». «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь» было написано Иваном IV в 1573 г. в ответ на грамоту, посланную царю игуменом монастыря. В монастыре возникла ссора между двумя влиятельными монахами: Шереметьевым, бывшим московским боярином, и Собакиным, представителем одного из родов, возвысившихся в годы опричнины (благодаря женитьбе царя на Марфе Собакиной). Царь делал вид, что ему нет дела до этой ссоры — он начал свое послание со смиренного отказа подыматься на такую «высоту», как монастырские дела. «Увы мне грешному! Горе мне окаянному! Ох мне скверному! Кто есмь аз (кто я таков) на таковую высоту дерзати?» Но по мере того как могучий темперамент царя брал верх над его «смирненной» позой, письмо становилось все более грозным. Иван IV был глубоко возмущен тем, что монастырь «гоняется за бояры» и угрождает опальному боярину-инноку Шереметьеву. Не говорите мне, заявлял царь, «студные сия глаголы» (постыдные слова): «Яко только (если) нам з бояры не знаться — ино монастырь без даяния оскудеет». Кончалось «смирненное» послание суровым выговором монахам и приказом не докучать царю «безлепицами»: «Сами ведайте, как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет! Вперед о том не докучайте; воистину ни о чем не отвечивати».

«Послание Василию Грозному». В отличие от послания в Кирилло-Белозерский монастырь и посланий Курбскому послание

¹ См.: Лихачев Д. С. Канон и молитва Ангелу Грозному Парфению Уродивого. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., 1972, с. 10.

² См.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951. О литературном творчестве Грозного см. кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975, с. 265—288 и 333—348; Лурье Я. С. Был ли Иван IV писателем? — «ТОДРЛ». М.—Л., 1958, т. XV, с. 505—508.

Ивана IV опричнику Василию Грязному, плененному крымскими татарами, дошло до нас в единственном экземпляре — среди «Крымских дел», памятников дипломатической переписки с Крымским ханством. Очевидно, послание не было рассчитано на широкое распространение, а предназначалась только его прямому адресату. В 1574 г. Василий Грязной, опричник и близкий сподвижник царя, попал в плен. Из плена Грязной написал царю, прося выкупить его, но размеры выкупа, названные крымцами, показались Ивану IV несоразмерно высокими. «Что писал еси, что по грехом (за грехи) взяли тебя в полон — ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати... ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок (к седлу) ввязали...» Во время крымского похода 1571—1572 гг. опричнина оказалась небоеспособной и была отменена. Недовольство опричниками сказалось в послании царя — Грозный писал, что стал приближать «страдников» (холопов), подобных Грязному, только потому, что «отца нашего и наши князи и бояре нам учили (стали) изменяти». Ради прошлого «приближения» Грязного царь соглашался дать за него выкуп — но в 50 раз меньше, чем запрашивали крымцы. Стиль послания, его грубоватый юмор, во многом был связан со скomorошьими традициями, свойственными опричнине. «Али ты чаял, что такого же в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити?» — спрашивал царь. В ответном послании (также сохранившемся в «Крымских делах») Грязной заявлял о своем полном ничтожестве. «Не твоя б государская милость, и яз (я) бы что за человек? Ты, государь, аки бог — и мала и велика творишь».

Дипломатические послания Ивана Грозного. Из дипломатических посланий Ивана IV наиболее интересны как литературные памятники «Послания шведскому королю Юхану (Иоганну) III» и «Послание польскому королю Стефану Баторию».

«Послания Юхану III» были написаны после неудавшейся попытки заключения военного союза между Иваном Грозным и шведским королем Эриком XIV. В 1568 г., во время пребывания в Стокгольме русских послов, приехавших для заключения договора, Эрик XIV был свергнут, и к власти пришел его брат Юхан III, сторонник союза с Польшей и злейший враг Москвы. «Ограбленные и обесчещенные», русские послы были, после нескольких месяцев заточения, отправлены в Россию; о союзе теперь, конечно, не могло быть и речи. «Первое послание Юхану III», написанное в 1572 г., отражало глубокое возмущение Ивана Грозного изменением внешней политики Швеции и ограблением его послов. Царь указывал, что первоначально вообще не собирался вести никаких переговоров с Юханом, а хотел воевать, но потом решил дать королю время одуматься. Но король ничего не предпринимает — «и про послов твоих слуху нет и посямест (до сих пор), быти им или не быти» Не делая различия между свергнутым Эриком («Ириком») и новым королем Юханом, царь объявлял всех шведских королей обманщиками, уклоняющимися от выполнения своих обязательств под предлогом государственного переворота: «А осенесь (осенью) сказали тебя мертва, а веснусь сказали, что тебя сбили с государства... И то уж ваше воровство (обман) все наружу: опрметывается (оборачивается), как бы гад, розными видами (различными образами)». На это послание Юхан III ответил также резко — «не по пригожу», как записали в «Посольских делах». В 1573 г. Иван Грозный послал Юхану III

второе послание — одно из самых резких своих сочинений. В нем он объявлял весь род шведских королей «мужичьим родом». В доказательство этого он припоминал, как отец Юхана, Густав Ваза, когда в Швецию «приезжали наши торговые люди с салом и воском», сам, «в рукавицы нарядясь», проверял качество привезенного сала и воска. В противовес этому царь с гордостью упоминал происхождение своих предков «от Августа Кесаря», опираясь в этом случае на «Сказание о князьях Владимирских». Заканчивалось это послание также весьма резко: «А что писал еси к нам лаю (лай)... а ты, взяв собачей рот, захошь за посмех (для потехи) лаяти, ино то твое страдничье пригожество (холопский обычай)... и буде похощь перелайватися, а ты себе найди такового же страдника (холопа)... да с ним перелайвайся».

В 1581 г. было написано другое дипломатическое послание Ивана Грозного — «Послание польскому королю Стефану Баторику». Оно было написано совсем в иной обстановке. Избранный на польский престол в 1576 г. Стефан Баторий сумел резко изменить военное положение в Ливонской войне; были потеряны все завоевания русских в Западной Руси и Южной Ливонии. В этой обстановке Иван Грозный не мог обращаться к польскому королю так высокомерно, как он обращался за несколько лет до этого к шведскому. Грозный хотел писать «со смирением», но это ему плохо удавалось. Уже во вступительном титуле, перечислив все свои владения, он называл себя государем «по божьую изволенью, а не по многмятежному человечества хотению» — это был намек на то, что в отличие от Батория он был наследственным, а не избранным монархом. Главная тема послания — необходимость мира и недопустимость «кроворазлитья христианского», выгодного только «бесерманам» (мусульманам). И здесь содержался довольно обидный намек на то, что Баторий при его избрании на престол пользовался поддержкой турецкого султана. Обвинение Батория в пособничестве «бесерменству» имело особое значение в связи с тем, что в это время завязывались переговоры между царем и римским папой о папском посредничестве в заключении мира «на благо христианству». Обвинение это возникло в начале послания исподволь: постоянно поминая «христианские обычаи», которым он следует, Иван противопоставлял их обычаям «бесерменским». Но в конце Грозный, как бы забывая о своих мирных намерениях, прямо заявлял: «ино то знатьно (очевидно), что ты делаеш, предаваучи христианство бесерменом!.. И ты хрестиянии именуешсе, хрystово имя на языке обносиш (упоминаеш), а хрестиянству испровержения (ниспровержения) желашсе».

Переписка Ивана Грозного с Курбским. Наиболее важное место в творчестве Ивана Грозного занимает его переписка с Курбским. Выходец из знатного рода (связанного с ярославскими князьями), член правительственной группы 50-х гг. — «избранной рады» и участник казанского похода, А. М. Курбский бежал из России в 1564 г., опасаясь царской опалы. Оказавшись в польской Ливонии, Курбский обратился к царю с обличительным посланием, обвинив царя в несправедливых гонениях на верных воевод, завоевавших для России «прегордые царства». Царь ответил Курбскому обширным посланием, почти целой книгой; завязалась знаменитая переписка.

Особенностью этой переписки, отличавшей ее от большинства посланий предшествующих веков, действительно адресованных конкретным лицам и лишь потом ставших предметом широкого чтения, было то, что переписка царя с Курбским с самого начала имела публицистический характер. В этом отношении она была сходна с одним более ранним посланием — с посланием «кирилловских старцев» (Вассиана Патрикеева) Иосифу Волоцкому.

Конечно, царь отвечал Курбскому, а Курбский — царю, но ни тот ни другой не собирались ни в чем переубеждать друг друга. Они писали прежде всего для читателей, так же как авторы «открытых писем» в литературе нового времени. Первое послание Ивана IV Курбскому было названо «посланием» против «крестопреступников» (т. е. изменников, нарушителей присяги) «во все его Российское государство».

Споря с «крестопреступниками», царь, естественно, исходил из задач этой полемики. Читателям из «всего Российского государства» нужно было доказать преступность обличаемых в послании бояр.

В ответ на первое послание царя Курбский написал краткий язвительный ответ, высмеивая стиль этого послания и его огромный объем; однако он не сумел доставить это послание в Россию. В 1577 г. царь осуществил долгий и успешный поход в Ливонию, завоевав многочисленные города по берегам Западной Двины и вплотную подойдя к Риге. Завоевав город Вольмар (Валмиеру), куда бежал за тринадцать лет до этого Курбский, Грозный послал оттуда второе послание Курбскому. В 1579 г., во время польско-литовского контрнаступления Курбский написал царю свое третье послание.

В споре с Курбским царь отстаивал идею ничем не ограниченной царской власти, доказывая, что вмешательство бояр и духовенства в управление губит государство. При этом царь ставил в вину своему противнику «боярское правление» 30—40-х гг. XVI в., хотя ровесник царя Курбский не мог принимать участия в политике этих лет. Фактически оба противника исходили из одного идеала — из идей Стоглавого собора, укрепивших русское «пресветлое православие», и спорили о том, кто из них более верен этим идеям. И царь, и Курбский охотно обращались в этом споре к «божьему суду». Грозный заявлял в 1577 г., что его успехи в войне — доказательство того, что божье «смотрение» (провидение) на его стороне, а спустя два года Курбский точно так же объяснял неудачи царя божьим судом.

Важное место в полемике (особенно в первом послании Грозного) занимали пространные ссылки на церковную литературу. Но, стремясь доказать читателям из «всего Российского государства» свою правоту и преступность «крестопреступников», царь не мог ограничиваться только обширными цитатами из «отцов церкви» и риторикой. Ему нужны были живые выразительные примеры понесенных им «обид».

И царь нашел такие примеры, нарисовав в послании Курбскому картину своего сиротского детства в период «боярского правления», когда правители, «наскочиша друг на друга», «казну матери нашей перенесли в Большую казну и неистова ногами пихающе». Многие из этих сцен перекликались и даже совпадали с аналогичными описаниями в приписках к Лицевому своду.

Особенно ярки были в послании Грозного сцены сиротского

детства царя; сцены эти сохранили выразительность до нашего времени и неоднократно использовались историками и художниками. Царь уверял, что он терпел недостаток в еде и одежде, а главное — в «воле» и внимании старших: «Едино вспомянути (вспомню одно): нам бо в юности детская играющим, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись об отца нашего постелю, ногу положи на стул», и даже не смотрит на маленького Ивана и его брата.

Картина эта едва ли была исторически точной. Но в выразительности ей отказать нельзя было — отсюда и ее литературное значение. Курбский не оставил это место в послании царя без ответа. Политический противник Ивана IV, он оказался его противником и в литературных вопросах. Высмеяв «широковещательное и многошумящее» Первое послание царя, Курбский особенно резко осудил царя за введение в литературу подобных бытовых сцен — басен «неистовых баб», как он именовал их. Политическая полемика между обоними противниками дополнялась и чисто литературной полемикой — о границах «ученого» и «варварского» в литературе.

А. М. Курбский. Курбский был не менее образованным человеком, чем Иван Грозный. Дядей его был Василий Тучков, один из редакторов «Великих Миней Четий»; от писателей макарьевского кружка Курбский воспринял представление о необходимости высокой серьезности и торжественности в литературе.

Мы уже отмечали, что в споре между Грозным и Курбским у обоих противников были некоторые общие исходные воззрения (без таких общих посылок и самый спор был бы невозможен). Оба они считали, что в середине XVI в. (время Стоглавого собора) Русское государство было страной «пресветлого православия» — каждый считал себя верным этому «пресветлому православию» и обвинял другого в отходе от него. Именно поэтому Курбский именовал Россию «Святорусским царством» и, пребывая в Западной Руси, защищал православную церковь и от католиков, и от русских еретиков (таких, как Феодосий Косой), которые, бежав в Литовскую Русь, примкнули там к реформационному движению.

Близкий по своим общественным позициям к нестяжателям первой трети XVI в., Курбский, однако, был далек от писательской манеры Вассиана Патрикеева, любившего юмор и просторечие. Ближе к Курбскому был другой автор XVI в. — Максим Грек (которого Курбский знал до своего бегства и глубоко чтил); возвышенная риторика Курбского, сложность его синтаксиса — все это напоминает Максима Грека и те греко-римские образцы, которым подражал бывший гуманист. Послания Курбского Грозному представляли собой блестящий образец риторического стиля — недаром Курбский включил в них одно из сочинений великого римского оратора Цицерона. Речь автора в

Первом послании высказана как бы на едином дыхании, она логична и последовательна, но начисто лишена каких-либо конкретных деталей. «Почто, царю, сильных в Израили побил еси и воевод, данных ти на врага твоя, различными смертьми расторгл еси, и победоносную, святую кровь их во церквах божиих пролиал еси, и мученическими кровьми праги (пороги) церковные обагрил еси, и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханы от века муки и смерти и гоненья умыслил еси, изменами и чяровании и иными неподобными облыгая (клеветнически обвиняя в изменах и чародействе) православных и тщаясь (пытаясь) со усердием свет во тьму прилагати (переделявать) и сладкое горько прозывати?» — вопрошал Курбский. «Не прегордые ли царства разорили и подручны тебе сих во всем сотворили, у них же прежде в работе (рабстве) были праотцы наши? Не претвердые ли грады ерманские (германские) тщанием разума их от бога тебе данны быста? Сия ли нам бедным воздал еси (отплатил), всеродно (целыми родами) погубляя нас?..¹ Высокий ораторский пафос этого обращения был прекрасно передан А. К. Толстым, включившим его стихотворное переложение в балладу «Василий Шибанов».

Ответ царя, как мы знаем, отнюдь не был выдержан в такой строгой манере. Грозный не чуждался и явно скоморошеских приемов. На исполненные горести слова Курбского — «уже не узриши, ...лица моего до дни Страшного суда» — царь язвительно отвечал: «Хто убо желает такового ефионьска лица видети?» Включал Грозный в послание, как мы знаем, и чисто бытовые сцены.

Курбскому такое смешение стилей, введение «грубого» просторечия казались безвкусицей. Нелепо и смехотворно, заявил он в ответном послании, посылать подобные сочинения «ученым и искусным мужем» и особенно — в «чюжую землю, где же некоторые человеки обретаются», опытные не только «в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях». Ему показалось неприличным упоминание царевой постели, на которую опирался князь Шуйский, и другое место из послания, где говорилось, что у Шуйского, пока он не разворовал царскую казну, была всего одна шуба — «мухояр зелен на куицеях, да и те ветхи...». «Туту же и о постелях, о телогреях и иныя безчисленныя, воистину якобы неистовых баб басни; и так варварско...» — иронизировал Курбский.

Перед нами — подлинная литературная полемика, спор о том, в каком стиле должны писаться послания. Но если в политическом диспуте Курбский нередко «побивал» царя, высмеивая наиболее нелепые из его обвинений против казненных советников, то в литературном споре он едва ли мог считаться победителем. Силу

¹ Сочинения князя Курбского, т. 1. Под ред. Г. З. Кушечевича. СПб., 1914 (РИБ, т. XXXI).

«варварских» аргументов царя он, несомненно, ощущал и обнаружил это в своем произведении, написанном в совсем иной, повествовательно-исторической форме.

«История о великом князе Московском». Это была «История о великом князе Московском», книга, написанная Курбским во время польского «бескоролья» 1573 г. и имевшая прямую политическую цель — не допустить избрания Ивана IV на польский престол¹.

Свой рассказ Курбский строил как ответ на вопрос «многих светлых мужей»: как случилось, что московский царь, прежде «добрый и нарочитый», дошел до такого злодейства? Чтобы объяснить это, Курбский рассказывал о появлении «злых нравов» в роде князей русских: о насильственном пострижении первой жены Василия III и о его «беззаконном» браке с Еленой — матерью Ивана IV, о заточении «святого мужа» Вассиана Патрикеева, о рождении «нынешнего Иоанна в законопреступлении» и «сладострастии» и о его «разбойничьих делах» в юности. По-ведав, таким образом, о первоначальном «зле», породившем «зло» последующее, Курбский рассказывал о «двух мужах», сумевших обратить к благочестию и воинской храбрости «царя юнаго и в злострастиях и в самовольстве без отца воспитанного и презлище (чрезвычайно) прелютаго и крови уже написиесе всякие». Эти «два мужа» — новгородский «презвитер» (священник) Сильвестр, явившийся к молодому царю во время «возмущения» 1547 г., и «благородный юноша» Алексей Адашев; они удалили от царя товарищей его трапез, «парозитов или тунейдцев», и приблизили к нему «мужей разумных и совершенных» — «избранную раду». Естественным последствием доброго влияния «избранной рады» оказывались в «Истории» военные успехи Ивана IV, и прежде всего завоевание Казани, подробно описанное Курбским, как очевидцем и участником войны.

Но это было лишь первой половиной царствования «великого князя Московского». После «преславной победы» под Казанью и «огненного недуга», овладевшего царем в 1553 г., в царе снова наступил перелом. Перелому этому содействовал некий старец из числа «осифлян» (учеников Иосифа Волоцкого, которых Курбский обвинил в гибели Вассиана Патрикеева), бывший епископ Вассиан Топорков, посоветовавший царю, если он хочет быть самодержцем, не держать «собе советника ни единого мудрейшаго собя». Напившись «от православнаго епископа таковаго смертоноснаго яду», Иван IV стал приближать к себе «писарей» из «простаго всенародства» и преследовать «вельмож». Он не последовал их доброму совету продолжать войну с «бусурманами», не посчитался с их планами осторожного и мирного подчинения «Лифляндской» земли.

¹ Ср.: Зимин А. А. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — «ГОДРЛ» М. — Л., 1962, т. XVIII, с. 305—308.

Совет Вассиана Топоркова и влияние «презрелых советников» привели к тому, что царь устранил и подверг опале Сильвестра и Адашева и начал «гонения» на своих, прежде «зело любимых» сподвижников. На этом, в сущности, Курбский заканчивал повествование о «великом князе Московском» и переходил ко второй части своего памфлета — к перечислению уничтоженных Иваном «боярских и дворянских родов» и «священномучеников».

Таково было содержание «Истории о великом князе Московском», памятника, который Курбский старался построить как строгое по стилю и изысканное повествование, рассчитанное на читателей, искушенных в грамматике, риторике, диалектике и философии. Но полностью выдержать это стилистическое единство автор все-таки не смог и по крайней мере в двух случаях прибег к приему, столь резко осужденному им, — к созданию бытовых сцен и использованию просторечия. Осуждая литовское панство, не проявившее достаточной воинственности в первые годы Ливонской войны, Курбский описывал, как «властели» Литовской земли, влив себе в рот «дражайшие различные вина», нежатся «на одрех своих между толстыми перинами, тогда, едва по полудню проспавшись, со связанными главами с похмелья, едва живы и выочутясь (придя в себя) востанут». Сам того не замечая, он описывал как раз «постели», за упоминание которых он осуждал Грозного. В тот же «грех» впадал Курбский и тогда, когда, явно отвечая на описания детства у Грозного, давал свою версию тех же событий. Он доказывал, что «великие гордые паны, по их языку боярове», воспитывавшие Ивана, не только не обижали его, но, напротив, угождали «во всяком наслаждении и сладострастию». Он рассказывал, что уже в детстве Иван начал «безсловесных крови проливати, со стремнин высоких мечуще их, а по их языку с крылец, або с теремов...» Курбский во что бы то ни стало стремился избежать бытовой конкретности «неистовых баб»: он превратил собак или кошек в абстрактных «безсловесных», а из крылец сделал «стремнины», но все-таки не удержался от живой детали — описания ранней жестокости того самого сироты-царевича, который, став царем и писателем, так трогательно рисовал свое сиротское детство.

Таким образом, оба крупнейших публициста XVI в. приходили к введению в свое повествование сцен и наблюдений из живой, конкретной действительности.

Создавшаяся в трудных и неблагоприятных для художественного творчества условиях, литература XVI в. все же представляет собой важный этап в истории древнерусской литературы в целом. Элементы Возрождения, обнаруживающиеся в памятниках конца XV в., не могли получить развитие в эпоху Ивана Грозного, когда все подданные, сверху донизу, рассматривались как бесправные «холопы государевы». Но вопреки многочисленным препятствиям, новые явления обнаруживаются в литературе XVI в.

В литературе XVI в., и особенно в публицистике этого периода, отчетливо обнаруживается авторское начало. Писатели XVI в. почти все — яркие индивидуальности, известные нам по именам и очень непохожие друг на друга. Таковы Иосиф Волоцкий и Вассиан Патрикеев, Даниил и Максим Грек, Ермолай-Еразм и Пересветов, Курбский и Иван Грозный.

При всех глубоких различиях между ними, публицисты XVI в. отличаются одной общей чертой, характерной для общеевропейского Возрождения, — верой в человеческий разум, в возможность построения общества и государства на неких разумных основаниях. Для многих из них характерно и светское обоснование назначения государства как института, служащего общественному благу (Ермолай-Еразм, Пересветов). И даже Иван Грозный, в своей реальной деятельности склонный к самому необузданному произволу, в теории считал себя обязанным рассуждать о мерах, без которых «вся царствия нестроением и междоусобными бранями растлятся (испортятся)».

Несмотря на подавление реформационно-гуманистических движений и исчезновение «неполезных повестей» (художественного, сюжетного повествования), литература XVI в. обнаруживала уже новые черты, несвойственные средневековой письменности. Эти новые черты получили свое развитие в литературе XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; Масленникова Н. Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1951, т. VIII; Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа). — «ТОДРЛ», Л., 1974, т. XXIX; Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. — «ТОДРЛ», Л., 1974, т. XXVIII. Она же. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955.

«Повесть о белом клобуке»

Текст «Повести о белом клобуке» см.: «Университетские известия». Киев, 1912, № 8, с. 36—40 (краткая редакция; публикация А. А. Назаревского); Памятники старинной русской литературы. Спб., 1860, вып. I, с. 287—300 (пространная редакция; публикации Н. И. Костомарова).

Исследования. Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1953, т. IX; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — «ТОДРЛ», М.—Л., 1964, т. XX, с. 149—150.

«Домострой»

Текст: Домострой по Кошшинскому списку и подобным. К изданию подготовил А. Орлов. М., 1908.

Исследование. Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. — «ТОДРЛ», Л., 1974, т. XXVIII.

Агиография

Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

«Повесть о Петре и Февронии»

Ржигга В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма.— ЛЗАК, т. 33. Л., 1926; Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1949, т. VII;

Дмитриева Р. П. Древнерусская повесть о Петре и Февронии и современные записи фольклорных рассказов.— «Русская литература», 1974, № 4; «Повесть о Петре и Февронии». Подготовка текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

Историческое повествование

Воскресенская летопись.— ПСРЛ, т. VII—VIII. Спб., 1856—1859;

Никоновская летопись.— ПСРЛ, т. IX—X. Спб., 1862—1910 (фототипическое переиздание: М., 1965); Иоасафовская летопись. М., 1957; О Никоновской летописи см.: К л о с с Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х гг. XVI в. и происхождение Никоновской летописи.— В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.

«Степенная книга»

Текст.— ПСРЛ, т. XXI, ч. I—II. Спб., 1908—1913.

Исследования: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I. Спб., 1904; К у с к о в В. В. О некоторых особенностях стиля Степенной книги.— «Учен. зап. Уральск. ун-та», 1959, вып. 28. Филолог.

«Казанская история»

Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и прим. Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954; К у н ц е в и ч Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Спб., 1905.

Повести

Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964; Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, с. 88—91, 414—419 (Повесть о царице Динаре); С п е р а н с к и й М. Н. Повесть о Динаре в русской письменности.— «ИОРЯС». Л., 1926, т. XXXI; Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М., 1952.

Публицистика

Тексты и исследования. Просветитель или обличение жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1896; Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959; Сочинения Максима Грека, ч. I—III. Казань, 1859—1861; Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951; Сочинения

князя Курбского, т. I. Под ред. Г. З. Кунцевича. Спб. 1914 (РИБ, т. XXXI); Переписка Ивана Грозного с Курбским. Подготовка текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1979; Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика атрибуции, библиография. Л., 1969; Синецyna Н. В. Максим Грек в России. М., 1977; Лурье Я. С. Был ли Иван IV писателем? — «ТОДРЛ». Л., 1958, т. XV; Лихачев Д. С. Иван Грозный как писатель. — В кн.: Послания Ивана Грозного; Он же. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — «Русская литература», 1972, № 4; Он же. Канон и молитва Ангелу Грозному Парфения Уродивого. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972; См. также раздел о сочинениях Ивана Грозного в кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975; Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; Еремин И. П. Иосиф Волоцкий как писатель. — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Жмакин В. Митрополит Даниил. М., 1881; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960.

Начало XVII в. стало для России временем глубокого социального и государственного кризиса. Обострение социальных противоречий вызвало многочисленные восстания крестьян, холопов, посадских людей. Крупнейшим из таких восстаний стала крестьянская война, которую возглавил Иван Болотников, — первая крестьянская война в русской истории. Польская интервенция привела к потере Смоленска и других юго-западных территорий. Шведы закрыли России выход к Балтийскому морю. Кризис социальной и государственной структуры сопровождался кризисом царской власти. Потомки назвали эти тяжелые годы Смутным временем, Смутой.

Федор Иванович, последний царь из дома Калиты, умер в 1598 г., не оставив наследника. На престоле оказался его шурина Борис Федорович Годунов, представитель младшей ветви старинного московского боярского рода Сабуровых, уже при Федоре Ивановиче фактически правивший Россией. Хотя воцарение Бориса Годунова было обставлено как «всенародное избрание», но авторитет самодержавной власти стал быстро падать. После смерти Бориса (13 апреля 1605 г.) Мономахова шапка превратилась в игрушку в руках многочисленных претендентов. Она добывалась столь же легко, сколь и терялась. Сын Бориса Годунова — Федор носил титул государя всея Руси лишь шесть недель; его убили сторонники Лжедмитрия I. Сам Лжедмитрий I был свергнут, не процарствовав и года. На второй день после его смерти, 19 мая 1606 г., царскую власть захватил стоявший во главе заговорщиков князь Василий Иванович Шуйский, последний Рюрикович на московском троне.

Но Россия не хотела признавать этого «боярского царя». Разнесся слух, что «Димитрий Иванович» спасся, что в Кремле убили кого-то другого. Новый самозванец еще не появился, как во имя этого призрака взбунтовались северские и заокские города — Путивль, Чернигов, Рязань, Тула. Василий Шуйский спешно отрядил войско на усмирение бунта, но под Кромами оно потерпело сокрушительное поражение. Во главе восставших стоял боярский холоп Болотников, отважный и искусный воин, который побывал и в татарском плену, и на турецких галерах, а затем, получив свободу, набрался ратного опыта в Европе.

Хотя Болотников действовал за «природного царя Димитрия»,

но выражал он интересы социальных низов и призывал к расправе с правящим сословием. Под знамена Болотникова стекались посадская беднота, крестьяне и беглые холопы. Болотников не раз бил царские войска, подходил к самой Москве. Только измена дворянских дружин из южных уездов заставила его отступить — сначала к Калуге, а потом к Туле. Лишь после долгой осады Тулы Василию Шуйскому удалось одолеть крестьянское войско.

Однако передышка, полученная правительством, была недолгой. Новый враг угрожал ему — новый самозванец — Лжедмитрий II. Поддержанный отрядами польских авантюристов и казаков, он летом 1607 г. приступил к Москве. Подмосковное село Тушино Лжедмитрий II сделал своей столицей, отчего и был прозван Тушинским вором или Тушинским цариком. Отсюда он рассылал своих агентов и свои отряды по русским городам. Его власть признали Псков, Суздаль, Владимир, Ростов, Ярославль, Вологда. Почти три года Москва и Тушино грозили друг другу, и ни одна сторона не могла добиться решительного перевеса.

Василию Шуйскому пришлось обратиться за помощью к шведам.

Своеобразным фоном калейдоскопической смены царей было самозванство, «царики», как их тогда называли. Оно началось с появления Лжедмитрия I (до XVII в. русские источники не знают ни одного случая самозванства). Эта «игра в царя» отражала принципиально важный идеологический сдвиг: русский народ перестал верить в божественное происхождение самодержавной власти, в то, что в стране может быть только один царь «по божьему изволению». Замечательна сама многочисленность самозванцев. За время Смуты их появилось более десятка, причем принадлежали они к разным социальным слоям. В Лжедмитрии I современники опознавали выходца из дворянской служилой семьи (Отрепьевы — галицкие «дети боярские»), в Лжедмитрии II, «Тушинском воре» — поповича, в «царевиче» Петре, который выдавал себя за сына царя Федора и воевал вместе с Болотниковым, — холопа. Это наглядное свидетельство того, что в кризисную эпоху не только верхи, но и низы надеялись захватить власть, посадить на трон справедливого царя из своего сословия.

Всесловная активность характерна не только для политической и социальной борьбы. Активность — общая черта Смутного времени, ярко проявившаяся и в сфере литературы. Роль устного и писаного слова возросла в громадной степени. Победу Лжедмитрия I обеспечило не столько оружие, сколько «подметные письма», умелая агитация, склонившая на его сторону общественное мнение. Воззвания распространяли все правители и претенденты на престол — Василий Шуйский, Тушинский вор, Боярская дума. «Прелестными листами» наводнил Россию польский король Сигизмунд III, рассылавший их от собственного имени и от имени своего сына Владислава, также пытавшегося укрепиться на московском троне. Множество агитационных «грамоток» вы-

шло из лагеря Болотникова. Их поток особенно усилился с началом освободительной войны. «Господа братья Московского государства» (города, Троице-Сергиев монастырь) звали друг друга «быть в одной мысли», «со всею землею стояти вместе заодин и с литовскими людьми битись до смерти».

Грамота — это деловой, канцелярский жанр, смысл которого — в информации о каких-то событиях, в передаче фактов, в запрещении или приказании что-либо сделать. Но грамоты Смутного времени не только информировали, они стремились убеждать, воздействовать не только на разум, но и на душу читателя. Для них характерна повышенная эмоциональность, в принципе чуждая делопроизводству и всегда присущая художественным текстам. Авторы грамот писали ритмической и рифмованной прозой, широко использовали риторические приемы, рисовали картины народных бедствий, включали в тексты «плачи». В итоге информация отодвигалась на задний план, и грамота становилась произведением красноречия, ораторского искусства. Так агитационная письменность Смутного времени подготовила художественное переосмысление деловых жанров — одно из литературных открытий первой половины XVII в.

Всесловная активность проявилась и в расширении круга писателей. Если раньше литературным творчеством занимались главным образом ученые монахи, то теперь за перо берутся миряне разных чинов и состояний — князья, столичные и провинциальные дворяне, администраторы — дьяки и подьячие. Если раньше существовал разрыв между устной словесностью и письменностью, то теперь фольклорные тексты проникают в рукописную книгу. От первой половины XVII в. до нас дошли старейшие образцы раешного стиха, древнейший сборник заговоров, первые списки устно-поэтического «Сказания о киевских богатырях» и песни о Гришке Отрепьеве.

В условиях, когда русское общество распалось на множество партий и лагерей, правительственный и церковный контроль за литературной продукцией стал невозможным. Смутное время — это «бесцензурное» время. «Авторская воля» не зависела от внелитературных факторов. Писатель начинает свободно размышлять о поступках людей, которых он изображает, отказывается от традиционной средневековой схемы «праведник либо грешник», открывает для себя многообразие, сложность, противоречивость человеческих характеров.

В этот период определилась культурная переориентация России. До XVII в. русская литература ориентировалась преимущественно на литературу Юго-Западной Европы (греки, балканские славяне). Теперь главными становятся контакты с Украиной, Белоруссией, Польшей. Одним из следствий Брестской церковной унии 1596 г., которая имела целью окатоличение православного населения Польско-Литовского государства, была эмиграция украинских и белорусских интеллигентов в Москву. В начале века

Училище. Гравюра из
«Азбуки» Василия Бур-
цова, 1637 г. (ГПБ).

их опыт и знания использовались довольно широко. Они работают на Московском печатном дворе, переводят с греческого и польского. Что касается Польши, с которой Россия вела долгую и изнурительную борьбу, то литературные связи с нею не прерывались и в эти трудные годы. Среди наводнивших Россию поляков были не только авантюристы, жаждавшие легкой наживы: среди них были и высокообразованные интеллигенты. Виднейший польский философ, доктор Себастьян Петрици, приехавший на свадьбу Марины Мнишек и после гибели Лжедмитрия I оказавшийся в ссылке, написал «в пленении московском» стихотворные вариации на темы Горация. В этой книге (она вышла в Кракове в 1609 г.) сотни строк посвящены московским событиям.

В репертуаре переводной письменности польские памятники очень скоро начинают безраздельно преобладать. Польская литература играет роль литературы-посредницы: именно через нее входят в русский обиход темы и персонажи европейской культуры.

«Поворот к Западной Европе» закрепляется в Хронографе 1617 г. Здесь расширены сведения по античной мифологии (они имелись и раньше), пересказаны мифы о Кроне (Хроносе), о борьбе богов и титанов, о Геракле, Персее, Дедале и Икаре, о царе Мидасе и Орфее. Основываясь на польской «Хронике всего света» Мартина Бельского, редактор Хронографа 1617 г. создал главы по истории Польши и Священной Римской империи, поместил сведения о римских папах. Хронограф являл собою образец для подражания, его позиция — это позиция официальной историографии. Обращаясь к европейским материалам, Хронограф своим авторитетом поддерживал процесс европеизации русской культуры.

В 1618 г. Россия и Польша подписали Деулинское перемирие. Патриарх Филарет, отец царя Михаила, вернулся в Москву из польского плена. Главный идеолог по своему сану, Филарет стал и фактическим правителем государства. Его целью было восстановление прежнего идеологического статуса, нарушенного Смутой. Филарет провозгласил изоляционизм, запретив ввозить, хранить и читать не только польские издания, но и книги «литовской печати» — издания единоверных украинских и белорусских типографов.

Однако никакие запретительные указы не могли повернуть историю. Уже не было и речи о всеобщей покорности, о безусловном подчинении. Опыт Смутного времени не пропал даром. Этот опыт, кстати говоря, учитывал и сам Филарет. Его изоляционистская программа кроилась по польскому образцу. Филарет многое перенял у контрреформации, с деятельностью которой познакомился в плену и которая также вела идеологическое наступление, потому что к началу XVII в. позиции католицизма в Польше были сильно подорваны. Протестанты различных толков (лютеране, кальвинисты, ариане) открывали все новые школы и типографии, наводнив Польшу своими сочинениями. Оппозиционное творчество низов также находило доступ к печатному станку: на книжном рынке то и дело появлялись произведения полуфольклорной сатиры, в которых осмеивался и отвергался ханжеский мир официальной культуры. Контрреформация начала поход и против религиозного вольномыслия, и против народной культуры. В 1617 г. епископ Мартин Шишковский опубликовал индекс запрещенных книг. «Контроль над умами» становился реальностью.

Как и контрреформация в Польше, московская патриархия боролась на два фронта. Воздвигая препоны контактам с Западом, Филарет одновременно объявил войну скоморохам — профессиональным носителям народного искусства, их игрищам, песням, смеховым «глумам». По русским источникам скоморохи известны уже с XI в. Православная церковь исстари обличала их «играние и бесовское пение и кощунное глумление» (согласно старинной поговорке, «бог создал попа, а бес скомороха»), но вплоть до XVII в. она терпела скоморохов, не видя в них особой

опасности. Патриарх Филарет первым перешел от слов к делу, от обличений к прямым гонениям. У московских скоморохов отбирали музыкальные инструменты, складывали на телеги, везли за Москву-реку и там жгли. Репрессии против скоморохов — признак не силы, а слабости церкви, признак того, что церковь стала опасаться «мирской» культуры как идеологического конкурента.

Попытки восстановить идеологическое равновесие не привели ни к застою, ни тем более к движению вспять. Принцип динамизма, принцип постоянных изменений, не только количественных, но и качественных, уже утвердился в русской литературе.

1. ПУБЛИЦИСТИКА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Произведения, в которых запечатлено Смутное время, можно разделить на две большие группы¹.

К первой принадлежат произведения, возникшие до 1613 г., до избрания на престол Михаила Романова. Это — непосредственные отклики на события, мгновенный отпечаток социальных и политических страстей и пристрастий. Это — публицистика, в которой все подчинено конкретной агитационной задаче. Тексты второй группы написаны также участниками и современниками Смуты, но после ее окончания, в более или менее спокойные времена. Эти авторы уже размышляют, пытаются философски, исторически и художественно осмыслить «лихие лета», пережитые Россией.

Для агитации предпочтительнее малые жанры. Публицисты Смутного времени не являются исключением из этого правила: в их жанровом репертуаре одно из первых мест занимают «видения»². О канонической сюжетной схеме «видений» можно судить по «Повести о видении некоему мужу духовну», составленной осенью 1606 г., когда войска Болотникова приступили к Москве.

«Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия. В ней рассказывается, будто бы некий житель стольного града «в тонком сне» увидел, как в Успенском соборе богородица, Иоанн Предтеча и святые угодники молили Христа пощадить народ православный, закосневший в грехе и потому страдающий от ужасов Смуты. Наконец слезы матери смягчили Христа, и он

¹ См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. Спб., 1888; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. Издание текстов см. в кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени (Русская историческая библиотека. Изд. 2-е, т. XIII). Спб., 1909. По этому изданию, кроме особо оговоренных случаев, и цитируются в дальнейшем произведения о Смутном времени.

² См.: Прокофьев Н. И. Видения как жанр в древнерусской литературе. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1964, т. 231; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 141.

сказал «тихим гласом»: «Тебе ради, мати моя, пощажу их, аще покаются. Аще ли же не покаются, то не имам милости сотворити над ними». После этого некий святой повелел «мужу духовну»: «Иди и поведай, угодниче Христов, яже видел еси и слышал!» «Муж духовен» рассказал о своем видении протополу кремлевского Благовещенского собора Терентию, который и написал повесть о видении, «да отдал патриарху, да и царю сказывал».

Тот же сюжетный стереотип положен в основу видений в Нижнем Новгороде и Владимире, а также в Великом Устюге¹ и в других городах. В памятниках этого жанра довольно свободно варьируются местные реалии и состав персонажей: в видении может являться Христос, или богородица, или «пречудная жена» в светлых ризах с иконой в руках (владимирское видение). Устюжанину Григорию Клементьеву слышались голоса местных патронов Прокопия и Иоанна (повесть об этом видении была присоединена к житию Прокопия Устюжского в качестве чуда двадцать восьмого). Варьируется и условие спасения, которое может иметь и общий характер («чтоб постилися и молилися со слезами»), и более конкретный. В нижегородском видении господь, кроме трехдневного поста, повелел построить церковь, добавив: «да на престоле поставят свещу невозженную и бумагу неписану». Если все эти условия будут выполнены неукоснительно, то «свеща возжена будет от огня небесного, и колокола сами возвонят, а на бумаге будет написано имя, кому владети Российским государством».

При всех отдельных отличиях в видениях много сходного, причем не только в сюжетосложении. В жанре видений часто используются бытовые детали, создающие иллюзию достоверности. Вот начальные строки одного из московских видений: «115-го (1607) году, февраля в 27 день, в ночи с пятницы на субботу, наряжен ночевати... у церкви у собора архангела Михаила в паперти голова Истома Артемьев сын Мылник, а в его место ночевал сын его Козма, а с ним 6 человек сторожей из овошного ряду: Обрамко Иванов, да Васка Матфеев, Андрюшка Никитин, Первушка Дмитриев, да Первушка Матфеев, Гришка Иванов». Здесь особенно замечательно указание на замену «головы» сторожей («а в его место ночевал сын его Козма»). Эта оговорка, по-житейски наивная и потому особенно убедительная, повышает впечатление достоверности и самого видения. Нет никакого сомнения, что все перечисленные сторожа — действительно реальные люди «из овошного ряду».

В «Повести о видении некоему мужу духовну» говорится, что герою слышался не вообще колокольный звон, а удары в определенный колокол — «в той большой колокол... его же при царе Борисе слили». Когда «муж духовен» шел в Кремль, он приметил,

¹ Текст и исследование см.: Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1961, т. XVII, с. 374—387.

что улицы сухи и гладки, а на дворе стоял октябрь, дождливая осень. Христа и богородицу герой наблюдал с определенного места — через «западные двери, от патриарша двора».

В эпохи войн и мятежей «видения» и «небесные знамения» всегда пристально фиксируются и наблюдаются современниками. Спустя пять лет после избрания Михаила Романова в Европе началась Тридцатилетняя война. Явилась и комета, которая, по общему мнению, эту войну предвещала. Видения и пророчества заполнили и католические, и протестантские страны. Им верили короли, полководцы и монахи, безграмотные простолюдины и просвещенные мужи.

Литература Смутного времени в этом отношении не составляет исключения. Князь И. А. Хворостинин, любимец Лжедмитрия I, богослов, историк и поэт, вспоминая о внезапной смерти Бориса Годунова и о шестинедельном царствовании его злополучного сына Федора, отметил в «Словесах дней и царей и святителей московских»: «Быша знамения многа комитнаго указания: овогда копейный образ (в виде копья), овогда две луны и едина едину побараше».

Видения эпохи Смуты играли важную роль в политической борьбе. «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия 16 октября 1606 г. по повелению царя Василия Шуйского читали в главном храме России — в московском Успенском соборе «вслух во весь народ, а миру собрание велико было»¹. Одновременно в Москве был объявлен неурочный недельный пост, «и молебны пели по всем храмом... чтобы господь бог отвратил от нас праведный свой гнев и укротил бы межусобную брань и устроил бы мирне и безмятежне все грады и страны Московского государства». Нижегородская и владимирская повести о видениях рассылались в 1611 г. по русским городам. Устюжане, узнав о нижегородском видении от ярославцев, сообщили о нем вычегодцам, а те, в приложении к особой отписке, — пермичам.

«Видение» — древнейший жанр, усвоенный на Руси вместе с христианством. Однако в эпоху Смуты он приобрел новые функции, выдвинулся на первый план, оттеснив другие жанры. Сходные изменения произошли и с другими жанрами: Смута вдохнула новую жизнь в такой традиционный вид деловой письменности, как грамоты и «отписки»².

Агитация посредством грамот была в эти годы необычайно интенсивной. В грамотах объединяются деловой стиль и риторика. Грамоты полны не только призывов к единению, но и картин запустения Московского государства, надругательств интервентов над национальными святынями и т. д.

¹ Кованев А. И. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовному». — «ТОДРЛ» М.—Л., 1960, т. XVI, с. 477—480.

² См.: Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960. Далее «Новая повесть» цитируется по этому изданию.

Все это подготовило почву для появления так называемых «подложных» грамот — своеобразных литературных мистификаций. Такова грамота 1611 г., составленная от имени смоленских «пленных», которые «дались без всякого противления литовским людям» и живут якобы «в обозе» у осаждавшего Смоленск польского короля Сигизмунда III¹. «Мы все... — говорится в тексте, — без останка и без всякого пощаженья погибли и ни малая милости и пощаженья не нашли». Литературную мистификацию выдает незнание обстоятельств осады Смоленска и, напротив, прекрасная, до мелочей, осведомленность о московских событиях, невероятная для пленника, находящегося вдали от столицы. Повидимому, эта грамота написана в стенах Троице-Сергиева монастыря, который в Смутное время возглавлял патриотическое движение. Цель мистификации ясна из следующего призыва, содержащегося в грамоте: «Оставьте свой страх!.. Какую хотите милость и пощаду себе найти? Не будете только ныне в соединении, обще со всею землею, — горько будет плакати и рыдати неутишимым вечным плачем». Авторы мистификации полагали, что призыв к единению будет весомее, если вложить его в уста людей, испивших до дна чашу вражеских «милостей».

«Новая повесть о преславном Росийском царстве». На художественном переосмыслении деловых жанров построена «Новая повесть о преславном Росийском царстве», которая датируется рубежом 1610—1611 гг. Анонимный автор называет свое сочинение «письмом» (синоним к словам *грамотка*, *отписка*): «А сему бы есте писму верили без всякого сумнения... И кто сие писмо возмет и прочтет, и он бы его не таил, давал бы, разсмотряючи и ведаючи, своей братие, православным христианом, прочитати вкратце... а не тем, которые... отвратилися от христианства и во враги нам претворилися... — тем бы есте отнюд не сказывали и не давали прочитати».

Призывая «свободити царство» от интервентов, аноним полностью сосредоточивается на агитационной задаче. Его интересует только та расстановка политических сил, которая сложилась к концу 1610 г. Авторские симпатии и антипатии выражены вполне отчетливо, поэтому персонажи «Новой повести» либо патриоты и герои, либо злодеи. Автор восторженно относится к патриарху Гермогену. Это неколебимый столп, поддерживающий своды «великой палаты» — Русской земли. Главный ее враг — Сигизмунд III, «злой и сильный безбожник», который насилем добивается прекрасной невесты — Москвы. «Сродники» и доброты невесты — смоляне, не поддающиеся полякам, и «вящшие (лучшие) люди» из посольства к Сигизмунду — Филарет Романов и князь В. В. Голицын, которые выступают за всю Россию. «Окаянному жениху» Сигизмунду помогают изменники — «седмо-

¹ См.: Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1902). Спб., 1903, с. 193—198.

численные бояре», управляющие Москвой и присягнувшие сыну Сигизмунда королевичу Владиславу.

Одного из «седмочисленных бояр», казначея Федора Андронова, «Новая повесть» сравнивает с Ихниллатом, лукавым царским советником из «Повести о Стефаните и Ихниллате». Чтобы развенчать этого ставленника захватчиков, автор создает комический эффект с помощью рифмованной речи (о комическом ореоле рифмы в древнерусской культуре см. в разделе «Рождение книжного стихотворства»). Федор Андронов «ни от царских родов, ни от боярских чинов, ни от иных избранных ратных голов; сказывают, что от смердовских рабов. Его же, окаяннаго и треклятаго, по его злому делу не достоин его во имя Стратилата (св. Федора Стратилата, в честь которого Андронову и было дано имя Федор), но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго,— но во имя неподобнаго, или во имя страстотерьпца,— но во имя земледца, или во имя святителя,— но во имя мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры христианския».

Как художественный прием рифмованная речь наиболее действительна в тексте, рассчитанном на устную передачу. Это, несомненно, хорошо понимал и предусмотрел автор «Новой повести»: его «письмо» должно было читаться на сходках «своей братии», поэтому в нем особенно уместны рифмованные куски. Автор стремится подвигнуть читателей и слушателей на активную борьбу с иноземным вторжением. Автор — агитатор, а не историк. Поэтому он затрагивает только злободневные темы, не погружаясь в прошлое, не задумываясь о причинах московской «змятни».

«Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства». Одна из первых попыток выявить причины Смуты сделана в другом памятнике, созданном одновременно с «Новой повестью». Этот памятник написан в жанре плача. Наряду с плачами по умершим и погибшим древнерусская литература знала также плачи о царствах или городах. Такие плачи сочинялись в эпохи бедствий и тяжелых испытаний. Неизвестный автор «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» писал в то время, когда Минин и Пожарский уже собирали земское ополчение, но Москва была еще в руках поляков (значит, «Плач» создан до осени 1612 г.). Еще никто не мог предсказать исхода борьбы с интервентами, и поэтому основные мотивы «Плача» — печаль, сетование, скорбь о былом могуществе и величии России, призывы к покаянию и молитве, «дабы бог... пощадил останок рода христианскаго».

«Колики быша царския многоценныя палаты,— восклицает автор,— внутрь златом украшени!.. Колико сокровищ чюдных, царских диадим и пресветлых царских багряниц и порфир!» Начав с появления первого самозванца, «предтечи антихриста» и «сына тьмы», автор касается в своем повествовании многих горестных событий последних лет. Он резко осуждает захватчиков и

их русских пособников, но вину за страдания России возлагает не только на них. По его мнению, к Смуте привели внутренние распри, «братоненавидение», внутренний кризис, вызвавший всеобщий нравственный упадок. «Правда в человецех оскуде,— горестно пишет автор «Плача»,— и воцарися неправда... и обнажися злоба, и покрыхомся (покрылись мы) лжею».

Разумеется, это рассуждение о причинах Смуты страдает религиозно-нравственной отвлеченностью. Сам автор чувствовал это. «Ох, увы, горе! Како падеся толикий пирг (башня) благочестия, како разорися богонасажденный виноград (сад)?» — риторически вопрошал автор и не находил ясного ответа. В этом случае не помогал и традиционный круг авторитетных для православного книжника источников. «Толикое наказание и гнев воздвижеся, еже немалому удивлению, паче же и слезам достойно. И ни едина книга богословец, ниже жития святых, и ни философския, ни царьственныя книги, ни гранографы, ни историки и ни прочия повестныя книги, не произнесоша нам такового наказания ни на едину монархию, ниже на царства и княжения, еже случися над превысочайшею Россиею». Книги не пригождались, значит, приходилось полагаться на собственное разумение. Автор «Плача» как бы приглашал задуматься о причинах Смуты.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О СМУТЕ

Дать историческое объяснение Смуты выпало на долю писателей, творивших уже после избрания на царство Михаила Романова (1613 г.), в 10—20-х гг. XVII в. Писатели эти принадлежали к разным сословиям — еще не угасла всеобщая активность периода гражданской войны и иностранной интервенции. Среди этих писателей были духовные лица и миряне, представители администрации и аристократы.

«Сказание» Авраамия Палицына. Одно из самых популярных в XVII в. и самых обширных сочинений о Смуте вышло из-под пера монаха Авраамия Палицына, келаря Троице-Сергиева монастыря (*келарь* — это инок, который заведует монастырскими припасами или вообще светскими делами монастыря). Его «Сказание»¹, насчитывающее в общей сложности 77 глав, состоит из нескольких разновременных слоев. Так, первые шесть глав написаны еще в 1612 г., хотя в окончательном виде памятник сложился только к 1620 г. Центральная часть посвящена знаменитой осаде Троице-Сергиевой лавры. Затем рассказ доведен до Деулинского перемирия 1618 г., в заключении которого сам Авраамий Палицын принимал деятельное участие.

¹ Издание и исследование памятника см.: Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста, комментарий О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955. Далее текст цитируется по этому изданию.

Авраамий Палицын — видный участник событий Смутного времени (в его поведении в эти трудные годы были не только положительные, но и отрицательные моменты: так, Авраамий Палицын служил Лжедмитрию II). Авраамий Палицын постоянно подчеркивает собственную значительность, например в рассказе о том, как он ездил в Кострому, в Ипатьевский монастырь за Михаилом Романовым, как затем встречал его у Троице-Сергиева монастыря и т. д.

В «Сказании» Авраамий Палицын нарисовал поистине страшную картину народных страданий: «И кряхуся тогда человецы в дебри непроходимыя, и в чащи темных лесов, и в пещеры неведомыя и в воде между кустов отдыхающе и плачущесея к содетелю (богу), дабы нош сих объяла и поне мало бы отдохнули на сусе (на суше). Но ни нош, ни день бегающим не бе покоя и места ко скрытию и к покою, и вместо темныя луны многия пожары поля и леса освещеваху нощию, и никому же не мощно бяше двинуться от места своего: человецы, аки зверей, от лес исходящих ожидаху».

«Временник» Ивана Тимофеева. Другой писатель этого времени, дьяк (правитель какой-либо канцелярии) Иван Тимофеев, представитель высшей бюрократии, в своем «Временнике»¹, составленном в 1616—1619 гг., изобразил историю России от Ивана Грозного до Михаила Романова. По службе Ивану Тимофееву приходилось постоянно участвовать в отправлении государственных дел. Он имел доступ ко многим важным документам, и поэтому «Временник» содержит многие исторические известия, которые не зафиксировал ни один автор, кроме Тимофеева. Кроме того, Тимофеев описывает как мемуарист многие события, очевидцем которых он был. Когда народ ходил к Новодевичьему монастырю просить Бориса Годунова принять царский венец, тот «в руках держа пота своего утирания... плат... оного плата окрестши своя облагаше... показуя разумевати, яко бы удавиться по-нуждаемаго ради хотяше, аще не престанут молящеи». Кроме этого лицемерного жеста Бориса Годунова, Иван Тимофеев заметил и другие любопытные подробности, характеризующие атмосферу «добровольного» призвания Бориса на царство. Некий «отрок наущен», забравшись под самое окно кельи царицы Ирины, вопил «яко во уши той», умоляя благословить брата на царство. Все это мелкие детали, но эта их мелкость характерна, ибо здесь Иван Тимофеев проявляет себя в качестве мемуариста, в качестве частного человека, а не историка.

И. А. Хворостинин. Третий автор — князь И. А. Хворостинин, происходивший из рода ярославских удельных князей. В юности он был близок к Лжедмитрию, который пожаловал его кравчим

¹ Издание текста см.: «Временник» Ивана Тимофеева. Подготовка текста, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.—Л., 1951. Далее текст цитируется по этому изданию.

(придворный чин; кравчий разрезал еду государю) и, по свидетельству современника, «держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе позволял»¹. Эта позорная близость была всем памятна, и Хворостинину важно было обелить себя в глазах современников и потомков. Поэтому в свои «Словеса дней и царей и святителей московских», которые Хворостинин писал, по-видимому, незадолго до смерти (он умер в 1625 г.), он ввел мотивы самооправдания. Однажды, рассказывает Хворостинин, Самозванец похвалялся какой-то своей «храминой», постройкой. «Ту стояше юноша некий, иже ему любим бе и печашеся присно (всегда пекся) о его спасении паче же всех человек». Этот юноша, сам Хворостинин (далее рассказ ведется уже от первого лица), якобы осмелился обличить суетную гордыню Лжедмитрия, напомнив ему, что бог «стирает всяко превозношения гордых». В другом месте своих «Словес» Хворостинин утверждает, что его ценил сам патриарх Гермоген, возглавивший оппозицию польским интервентам. Поучая однажды собравшихся, патриарх особо выделил Хворостинина, тут же присутствовавшего: «Ты боле всех потрудишься во учении, ты веси, ты знаеши!» Был ли на самом деле этот разговор, мы не знаем, поскольку в других источниках о нем не говорится.

С. И. Шаховской. Родственником И. А. Хворостинина был князь Семен Иванович Шаховской. Его жизнь исполнена внезапных перемен и превратностей, столь характерных для эпохи Смуты. В 1606 г., когда «северские» города (Путивль, Чернигов, Елец, Кромы) восстали против царя Василия Шуйского, С. И. Шаховской служил под Ельцом. Здесь его постигла первая опала: его увезли в столицу и без объявления причин сослали в Новгород — «в мор» (в Новгороде тогда была чума), однако с дороги повернули в деревню. В 1608—1610 гг. он снова был на службе в Москве, сражался с тушинцами, потом перешел на их сторону. Вторая и опять недолгая опала в 1615 г. — результат собственной челобитной Шаховского, в которой он жаловался, что «заволочен (измучен) со службы да на службу». В конце 1619 г., после смерти третьей жены, Шаховской женился в четвертый раз, что возбранялось церковными правилами. Это навлекло на него гнев патриарха Филарета. В своем «Молении» Филарету Шаховской оправдывается тем, что с первой женой он прожил три года, со второй — только полтора, а с третьей — всего 19 недель (все жены помирали). Шаховской достиг преклонных лет (источники упоминают о нем еще в 50-х гг.) и не раз бывал «опален».

Прекрасно образованный человек, Шаховской оставил большое литературное наследие. Смуте посвящены две его повести: «Повесть известно сказуема на память великомученика благо-

¹ М а с с а Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII века. Перевод А. А. Морозова. М., 1937, с. 145.

верного царевича Димитрия» и «Повесть о некоем мнисе (монахе), како послася от бога на царя Бориса во отмщение крове праведнаго царевича Димитрия». Недавно доказано, что Шаховскому принадлежит один из самых значительных памятников по истории Смуты — так называемая «Повесть книги сея от прежних лет». Этот сжатый, но цельный очерк истории Смуты дошел в составе Хронографа тобольского сына боярского Сергея Кубасова. Автором повести было принято считать князя И. М. Катырева-Ростовского, поскольку в виршах, «Повесть» заключающих, есть такое двустишие:

Есть же книги сей слагатай,
Сын предиреченнаго князя Михаила роду Ростовского сходатай.

У Михаила Петровича Катырева-Ростовского, известного воеводы, о котором «Повесть» упоминает в высшей степени сочувственно, был один сын, а именно Иван Катырев. По первой жене он приходился зятем будущему патриарху Филарету и шурином Михаилу Романову. Царь Василий Шуйский за «шатость» в борьбе с Тушинским вором сослал И. Катырева-Ростовского в Тобольск. Только в 1613 г., как раз к избранию шурина царем, он снова появился в Москве.

Недавно найден ранний, конца 20-х — начала 30-х гг. XVII в. список первоначальной редакции «Повести»¹. В приписке прямо указано на автора — «многогрешного в человецех Семена Шаховского». «Повесть» здесь не имеет заглавия, а вирши выглядят так:

Есть же книги сей слагатай
Рода Ярославского исходатай.

Итак, о Смуте в 10—20-х гг. XVII в. писали монахи, приказный дьяк, два князя — Рюриковича, хотя и из второстепенных фамилий. Из этого перечня ясно, что литературная среда первой четверти XVII в. была разношерстной. Это обстоятельство говорит о том, что еще нет писателей-профессионалов; оно также говорит о том, что нет и монополии на писательский труд, что каждый может стать писателем.

Разумеется, позиции и литературная манера этих авторов различны. Однако их объединяют некоторые принципиально важные моменты. Главный из них — усиление индивидуального начала, установка на своего рода «самовыражение». Мы уже видели, как подчеркивает свою роль в событиях общерусского значения Авраамий Палицын; как И. А. Хворостинин пытается обелить себя, вводя в текст разговоры с Лжедмитрием и с

¹ См.: Кукушкина М. В. Семен Шаховский — автор «Повести о Смуте». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. — Ежегодник 1974. М., 1975, с. 75—78.

патриархом Гермогеном — разговоры скорее всего вымышленные. Даже в «Повести на память царевича Димитрия», в которой Шаховской строго придерживался агиографического канона, чувствуются автобиографические черты. Сообщив о том, что царевич Димитрий был сыном Ивана Грозного от «шестыя ему жены царицы Марии», т. е. наследником сомнительной законности, Шаховской продолжает: «Да никто же зазирает (осуждает) многобрачное сие рождество... Не осудится бо всяк родивыйся от многобрачия родительским прегрешением, аще добре свое житие изведет». Защищая царевича, автор «Повести» защищал и самого себя, вернее права своих детей от четвертой супруги.

Усиление индивидуального начала сказалось не в одних автобиографических намеках и сценах. Оно выразилось также в сравнительно свободном обсуждении причин Смуты и поведения ее деятелей, независимо от их положения на иерархической лестнице и социальных отношений. Все историки Смуты причину национального бедствия видят в «грехе всей России». Это естественно, ибо они еще не могли отказаться от религиозного взгляда на историю. Однако важно то, что они не ограничились общей ссылкой на этот «грех», но попытались в нем разобраться. Чрезвычайно важно, что у разных авторов такой анализ индивидуален.

Иван Тимофеев и Авраамий Палицын оба согласны в том, что к Смуте привело «бессловесное молчание», или «всего мира безумное молчание», иначе говоря, безмолвная рабская покорность несправедливым властителям. Но далее каждый из писателей идет своим путем. По «Временнику», в нравственном нездоровье повинен наплыв иностранцев; их пагубную роль в бедствиях России Иван Тимофеев подчеркивает раз за разом.

Напротив, Авраамий Палицын, говоря о приметах всеобщего нравственного падения — от царя до холопов, от бояр до церковного чина — не склонен перелagать вину на иностранцев. Он подчеркивает социальные противоречия в канун Смуты. При Борисе Годунове три года подряд случился неурожай, перемерли многие тысячи голодных. Потом же оказалось, что богачи скрывали огромные запасы хлеба: «Давняя житницы не истощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоней и копон и зародов (стогов и копен) до четырехнадесять лет от смятения по всей Русской земле...» Вину за гражданскую войну Авраамий Палицын возлагает на богачей: «Се убо да разумеется грех всей России, чесо ради от прочих язык (народов) пострада: во время бо искушения гнева божия (т. е. во время трехлетнего неурожая) не пощадеша (не пощадили) братию свою... И яко же мы не пощадехом, тако и нас не пощадеша врази наши».

Историки самодержавного государства не могут довольствоваться изображением «всенародного греха». В сфере их внимания должны оказаться и «власть предержажшие». Характеристики ца-

рей — от Ивана Грозного до Михаила Романова — дают все авторы, писавшие о Смуте. Именно в этих описаниях и проявилось всего отчетливее то литературное открытие, которое Д. С. Лихачев обозначил как «открытие характера»¹. Суть дела, согласно Д. С. Лихачеву, заключается в следующем.

В средневековой историографии человек «абсолютизируется» — он по большей части (но, как мы видели выше, не всегда) либо абсолютно добр, либо абсолютно зол. Авторы начала XVII в. уже не считают злое и доброе начала в характере человека чем-то извечным и раз навсегда данным. Изменчивость характера, как и его контрастность, не смущают теперь писателя: напротив, он указывает на причины такой изменчивости. Это, наряду со свободной волей человека, влияние других людей, тщеславие и пр. В человеке соединяются разные черты характера — и хорошие, и плохие.

Это открытие можно проиллюстрировать теми характеристиками Бориса Годунова, которыми испещрены сочинения о Смуте. Любопытно, что ни один из авторов в рассуждениях о Борисе не обходится без противительных союзов. «Аще и разумен бе в царских правлениях,— пишет о нем Авраамий Палицын,— но писания божественнаго не навик и того ради в братолюбствии блажен бываше» (т. е. притеснял ближних, грешил против заповеди о любви к ближнему). Хворостинин: «Аще и не научен сый писаниам и вешем книжным, но природное свойство целоносно имея». Даже Шаховской, рассуждая об убийце царевича Дмитрия, счел необходимым сказать несколько приятных слов о «велемудренном и многоразсудном разуме» Бориса Годунова!

Сочетание в одном человеке хорошего и дурного у Ивана Тимофеева приобретает значение эстетического принципа: «И яже злоба о Борисе извещана бе, должно есть и благодетний его к миру не утайти... Елика убо злоторная его подробну написати потцахомся, сице и добротворивая о нем исповедати не обленимся».

Этот литературный принцип прокламируется и закрепляется в Хронографе редакции 1617 г. Здесь противоречивость и изменчивость характера свойственна подавляющему большинству персонажей, начиная с Ивана Грозного,— патриарху Гермогену и Борису Годунову, Василию Шуйскому, Козьме Минину и Ивану Заруцкому, одному из казачьих предводителей. Составитель Хронографа 1617 г. обосновывает эту черту теоретически: «Не бывает же убо никто беспорочен в житии своем». Хронограф был памятником в известной мере официальным, образцовым. Своим авторитетом он закреплял «открытие характера» в русской литературе.

¹ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, с. 7—26.

Григорий, суздальский инок, составляет житие Ефросинии Суздальской. Миниатюра. XVIII в. (ИРЛИ).

3. ЖИТИЙНО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

«Открытие характера» означало, что писатели первой половины XVII в. стали оценивать своих персонажей независимо от средневекового этикета, от их положения на иерархической лестнице. Персонаж оценивался как человек, а не как царь, военачальник либо святитель. Отсюда — один шаг до осознания ценности человеческой личности вообще. Появляются первые опыты биографии частного человека. Авторы этих опытов еще пишут с оглядкой на житийный канон (жития оставались школой биографического жанра). Однако этот канон решительно деформируется. Наглядный образец такой деформации — «Повесть о Ульянии Осоргиной» (Осорьиной), написанная в 20—30-х гг.¹

«Повесть об Ульянии Осоргиной». На первый взгляд это произведение представляет собою житие местночтимой подвижницы. Об этом говорит и типичное для агнографии заглавие: «Месяца генваря во 2-й день успение святыя преподобныя Ульянеи, муромския чудотворицы». В повести использованы многие стереотипы житийного жанра. Родители героини, дворянская чета Недюревых, жили «во всяком благоверии и чистоте». Сама Ульяния с детства «молитве и посту прилежаше», была кротка и молчалива, «от смеха и всякия игры отгребошесья». Выйдя замуж, она раздает милостыню, печется о вдовах и сиротах, их «своима рукама омывая, и кормя, и напаяя». Когда муж не отпустил ее в монастырь, Ульяния стала изнурять свою грешную плоть. Она «томит тело»: спит на поленьях, в сапоги подкладывает ореховую скорлупу и черепки. Как и подобает подвижнице, Ульяния побеждает бесов. Кончина ее благодатна, это не смерть, а именно успение. Призвав детей и челядь, она дает им наставления «о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелях». Последние слова Ульянии — это слова житийной героини: «Слава богу всех ради, в руке твои, господи, предаю дух мой, аминь». Присутствовавшие при успении, утверждает автор, видели «около главы ея круг злат, яко же на иконах около глав святых пишеться». При обретении мощей Ульянии слышится колокольный звон, от гроба, полного мира (душистого масла), исходит благоухание; миро оказывается целебным. Это значит, что Ульяния — чудотворица.

Правда, упомянув о посмертных чудесах, автор сразу обрывает повествование. Заключительная фраза повести звучит так: «Мы же не смеяхом (не смели) сего писати, яко не бе свидетельство». Эта фраза намекает на то, что автор преследовал практические цели: он надеялся, что православная церковь причтет Ульянию к лику святых, канонизирует эту «не свидетельствованную» подвижницу. Повесть должна была стать первым

¹ Издание текста см.: Скрипиль М. О. «Повесть об Ульянии Осорьиной». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1948, т. VI, с. 256—373. Далее текст цитируется по этому изданию.

шагом в церемониале канонизации (кстати сказать, Ульяния так и не удостоилась канонизации, оставшись местночтимой муромской святой).

Однако житийный колорит вступает в постоянное противоречие с авторским замыслом и с сюжетным движением. Рассмотрим например, сцену обретения мощей. Ульяния умерла в 1604 г. Над могилой ее вскоре построили «теплую» (отапливаемую, зимнюю) церковь. Одиннадцать лет спустя умер сын Ульянии Георгий. Его, что вполне естественно, похоронили возле матери, в церковном притворе. Когда рыли новую могилу, гроб Ульянии оказался «на верху земли цел, не врежден ничим». «И недоумеваху,— пишет автор,— чий есть, яко от многих лет не бе ту погребаемаго». Агиографическое «недоумение», которое, согласно этикету, очень часто сопровождает «открытие мощей», в данном случае неуместно. Ведь сочинял «Повесть» и, видимо, хоронил Георгия другой сын Ульянии, Дружина. Не мог же он позабыть, где покоится тело матери!

Дружина Осоргин, сын Ульянии, в 1625—1640 гг. исполнял в Муроме административную должность избного старосты. Повествование о благочестивой подвижнице одушевлено личным отношением автора к героине, согрето сыновней любовью и почтительным восхищением. Только сын, долгие годы живший бок о бок с набожной Ульянией, мог наблюдать, как она дремлет и перебирает четки: «Многажды видехом ю (ее) спящу, а рука ея четки отдвигаше». У Дружины получилось не житие, а жизнеописание, биография с элементами семейной хроники московских и провинциальных дворян Осоргиных, Недюревых, Араповых, Дубенских.

Дом, хозяйство, чада и домочадцы Ульянии — это не кулисы действия, как в типичном житии. Вся жизнь ее — в семье и для семьи. Она идеализируется как жена, мать, сноха, как рачительная и справедливая к челяди госпожа, как странно-примная и нищелюбивая помещица¹. Среди добрых дел, которые необходимы для спасения православной души, на первое место автор ставит повседневные и неустанные труды Ульянии. Из-за них ей недосуг ходить в церковь: «Попу церкви тоя... бысть глас от иконы богородичны: «Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная. Вы же почитайте ю, уже бо она не меньше 60 лет, и дух святой на ней почивает». Как видим, даже то, что Ульяния не ходит в церковь, автор попытался связать с прославлением героини. Однако факт остается фактом: Ульяния и в девичестве не посещала божьего храма (в той деревне, где она росла, не было церкви), оставалась дома и в замужестве. Следовательно, набожность Ульянии вовсе не была из ряда выходящей.

¹ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси., с. 116—117.

Человек может заслужить царство небесное, не выходя за круг мирских обыденных занятий,— такова художественная логика повести. Хотя Дружина Осоргин, может быть, и не имел намерения внушить читателю эту «вольнодумную» мысль, но она невольно возникала у читателя. К этой мысли подводил и основной художественный прием, использованный в повести, а именно столкновение бытового и этикетно-житийного объяснения одного и того же факта. В неурожайный год Ульяния «взимаше (брала) пищу у свекрови на утреннее и полдненное ядение» и тайком отдавала ее голодным. Это удивляло свекровь: в изобильные времена сноха постичала и отказывалась от пищи, а тут, при всеобщей скудости, вдруг переменяла нрав. Ульяния объяснила, что прежде, когда она еще не рожала детей, ей не хотелось есть. Но теперь, говорит героиня, «не могу наястися, не точию (не только) в день, но и нощю множицею хочет ми ся ясти, но срамлюся у тебе просити».

Другой эпизод относится тоже к голодным годам — к роковому трехлетнему неурожаю при царе Борисе Годунове. Тогда Ульянии пришлось примешивать в тесто лебеду и кору, «и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого нища тща (без подаяния) не отпусти; в то время без числа нищих бе». Соседние помещики насмеялись над нищими: «Что ради в Ульянин дом ходите? Она бо и сама гладом измирает!» «Многи села обходим и чист хлеб возьмем,— отвечали нищие,— а тако в сладость не ядохом (не ели), яко сладок хлеб вдовы сея». Соседям тоже захотелось попробовать Ульянин хлеб, и они стали хвалить ее пекарей: «Горазди раби ея печь хлебов!» «И не разумеюще,— замечает автор,— яко молитвою ея хлеб сладок». Читателю здесь остается лишь гадать, отчего хлеб был «сладок» — из-за молитвы ли, или впрямь из-за искусства пекарей. Автор настаивал на этикетном объяснении, а читатель мог предпочесть бытовое толкование.

«Повесть о Марфе и Марии». Бытовая коллизия лежит в основе другого муромского памятника — «Повести о Марфе и Марии»¹. Формально эта повесть посвящена истории местной святости, чудотворного креста на реке Унже. Варианты повести, которые дошли до нас в рукописной традиции, созданы по инициативе муромского архиепископа Моисея, занимавшего муромскую кафедру в 1638—1651 гг. В этих вариантах история унженского креста как бы заслонена рассказом о судьбе двух сестер, отнюдь не случайно названных именами евангельских учениц Христа. Композиционный принцип этой повести — строгая симметрия². Марфа и Мария в один и тот же день выходят замуж, в один и тот же день становятся вдовами. Им одновременно является мысль о

¹ Издание текста см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Спб., 1860, вып. 1, с. 55—59; Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль. Л., 1954, с. 48—53.

² См.; Буслев Ф. И. «Муромское сказание о Марфе и Марии». — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым, кн. 5. М., 1859—1860, с. 56—62; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 513—519 (Раздел принадлежит Н. С. Демковой).

свидании, и по дороге они останавливаются на одном и том же «пустом поле», где наконец и соединяются. Здесь, собственно, и возникает тема креста: во сне каждая из сестер получает от ангелов золото и серебро для сооружения креста. Чудесные дары нужно отдать первому встречному. На эту роль повесть предназначила «трех старцев, достолепных зело и сединами украшенных», которые и сооружают крест.

Симметрия организует сюжет не только конструктивно, но также идеологически. Марфа и Мария были разлучены замужеством и враждою супругов, но сами не участвовали в мелких бытовых раздорах. Их душ не касается мелкая и недостойная «брань о местах» на пиру, которая и поссорила их мужей. Невидимой чертой отделены сестры от мужей и сродников, которых обуревают низменные страсти. Праведность Марфы и Марии (ведь только праведницы могут сподобиться чуда) — в отрешенности от быта, в презрении к нему. Обе они кротки, обе живут с теплой верой, и потому так схожи их помыслы и поступки. Симметрия их судеб — как бы отблеск неземной гармонии. В финальной сцене, когда «достолепных старцев» зовут к трапезе, те отвечают: «Мы не требуем ясти; вам повеле бог пити и ясти!» Эта реплика служит не только той цели, чтобы опознать в старцах небесных, бесплотных посланцев. Это также упрек «плюющим» и «ядующим» людям, точнее тем из них, кто за плотским забывает духовное.

Если «Повесть о Ульянии Осоргиной» идеализирует быт, то «Повесть о Марфе и Марии» повседневный быт осуждает. Но в обоих произведениях есть общая и весьма важная идея. Это мысль о «спасении» в миру, не в подвижничестве, а в семье, в родственной любви, в кротости и благочестии. В первой половине XVII в., когда русская церковь переживала глубокий кризис, эта мысль имела очень большое значение. Идеей «спасения в миру» одушевлялась в 30-х и 40-х гг. деятельность «боголюбцев» — Ивана Неронова, Стефана Вонифатьева, Аввакума. В конечном счете эта идея способствовала секуляризации литературы, что и подтверждается сочинениями муромских писателей: неизвестного автора «Повести о Марфе и Марии» и Дружины Осоргина, человека, книжного по должности, который написал биографию своей матери.

4. КНИЖНОЕ СТИХОТВОРСТВО

Новая русская литература пользуется двумя формами художественной речи — прозой и стихом. Те же формы характерны и для фольклора, где издавна развивались и прозаические, и стихотворные жанры. В устной народной поэзии текст, как правило, неразрывно связан с напевом. Исполнитель не декламирует, а поет. Но в русском фольклоре существовал и «говорной» стих, например раёшный, с обязательной рифмой в конце строк. Таким стихом сложены прибаутки в народном театре картинок — райке. Раёшником пользовались балаганные деды, уличные зазывалы, торговцы и разносчики. Он широко применялся в скороморшем репертуаре.

Организация художественной речи русского средневековья была иной. В древнерусской письменности стих, т. е. текст, членимый на соизмеримые отрезки, встречается только как исключе-

ние¹. Немногочисленные стихотворные памятники, известные Древней Руси, сложились или по византийским образцам, или под воздействием устного народного творчества. Влияние византийской метрики очевидно в ранних славянских стихотворениях, использующих принцип силлабической симметрии (соизмеримости стихотворных строк по слоговой длине), которые сочинялись Кириллом Философом и первыми поколениями его учеников в Великой Моравии и в Болгарии IX—X вв.² Таковы стихотворное предисловие («проглас») к переводу Евангелия, «азбучная молитва», состоящая из двенадцатисложных строк с азбучным акростихом (каждая строка начинается с очередной буквы славянской азбуки), службы Кириллу и Мефодию. Деятельность первых славянских писателей была пронизана мыслью о том, что язык славян как язык богослужения и культуры равноправен с греческим и латынью. Поэтому с первых шагов славянская литература стремится овладеть всеми достижениями литературы византийской, в том числе и стихотворными жанрами.

Ранние славянские стихотворения вошли в письменность Киевской Руси. Переписчики сохраняли, а читатели осознавали их силлабическую природу. Однако в XII в. русский язык претерпел коренные изменения. Так, редуцированные гласные ъ и ь в слабом положении перестали выполнять слоговую функцию. В результате равносложие строк было нарушено. В новых переводах с греческого метрика оригинала не выдерживалась. Тринадцатисложные строки сборника изречений «Мудрость Менандра» в славянской версии, появившейся в XIII в., превратились в строки разной длины — от 11 до 16 слогов. Такой «перевод в прозу» был следствием не технической неумелости, а эстетической установки: считалось, что нужно переводить «внутренний разум» текста, его смысл, не заботясь о точном соблюдении формы.

Сказовый стих русского эпоса использовал автор «Слова о погибели Русской земли»:

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена
Земля Руськая!

И многыми красотами удивлена еси:
Озеры многими удивлена еси,
Рѣками и кладязьми мѣсточестьными,
Горами крутыми, холми высокими,
Дубравами частыми, полями дивными...

¹ О причинах этого см.: Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1962). М., 1963, с. 65—68; Панченко А. М. Изучение поэзии Древней Руси. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 126—129; Матхаузерова Светла. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1979.

² См.: Соболевский А. И. Церковнославянские стихотворения конца IX — начала X века. СПб., 1892; Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930; Панченко А. М. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1963, т. XX, с. 263—264.

Этот замечательный текст доказывает, что наши предки не страдали отсутствием поэтического чувства. Это чувство удовлетворялось как за счет фольклора, который в средние века был общенациональным достоянием, так и за счет литературы. Почти не зная стиха в современном значении этого слова, древнерусская литература исключительно широко пользовалась приемом ритмизации¹.

В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, в торжественном красноречии Кирилла Туровского ритмизация вполне сознательна и часто настолько последовательна, что тексты этих авторов могут рассматриваться как пограничные между прозой и стихом. «Плетение словес» XIV—XV вв., в котором однокоренные и сходно звучащие слова повторяются наподобие элементов орнамента, создавая ритмический импульс,— это также «не-проза». Писатели XVI—XVII вв., в частности Максим Грек, говоря о стихах, употребляли выражения «слагати стихи» и «сплетати (или ткати) стихи» как синонимы. Значит, в их понимании «плетение словес» было особой формой художественной речи, противостоящей «обычной» прозе².

Ритмическое движение особенно сильно в гимнографии, в которой текст и мелодия образуют некое двуединство. Гимнография — это лирика, потому что предмет гимнографии — эмоциональная жизнь человека, но эта лирика ограничена рамками богослужения. Однако к началу XVI в. на основе гимнографической традиции появляется и внебогослужебная лирика — так называемые «стихи покаянные, слезны и умиленны, чтоб душа пришла к покаянию»³. Они уже отделяются от церковных обрядов, хотя по тематике еще тесно с ними связаны (особенно с великопостным циклом). В «стихах покаянных» преобладают мотивы греха и покаяния, смерти и страшного суда, ухода от мира в «прекрасную пустыню»:

Прими мя, пустыни,
Яко мати чадо свое,
Во тихое и безмолвное
Недро свое...⁴.

¹ См.: Сазонова Л. И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры.— «ТОДРЛ». Л., 1973, т. XXVIII, с. 30—46.

² Матхаузерова С. «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 195—200.

³ Тексты «стихов покаянных» приведены в изд.: Бессонов П. Д. Калики переходные. М., 1861—1863. См. также: Перетц В. Н. К истории древнерусской лирики (стихи «умиленные»).— «Slavia», Roč XI, №№ 3—4. Praha, 1932, с. 474—479; Малышев В. И. «Стих покаянный» о «люте» времени и «поганных» нашествиях.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1958, т. XV, с. 371—374; Позднеев А. В. Древнерусская поэма — «Покаянны на осмь глав».— Československá Rusistika, XV, № 5. Praha, 1970, с. 193—205.

⁴ Текст цитируется по изд. в статье: Фролов С. В. Из истории древнерусской музыки. (Ранний список стихов покаянных.) — В кн.: Культурное наследие Древней Руси, с. 168.

«Стихи покаянные» очень быстро оформляются в самостоятельный жанр. В певческих рукописях XVI в. встречаются обширные подборки, насчитывающие по несколько десятков текстов этого жанра. Затем цикл «стихов покаянных» разрастается за счет новых произведений, в которых звучат и светские ноты. Так, во время польско-шведской интервенции в них отражается тема защиты Родины:

Придите, вси рустии собори,
И благообразнии вернии народи.
И страшнии воини...

Станем, братие,
Противо полков поганных,
Не убоимся часа смертнаго...¹.

«Стихи покаянные» — это, разумеется, не проза, но это и не поэзия в нашем понимании. Они не декламируются, а распеваются «на восемь гласов», как гимнография, причем мелодия играет очень большую роль. Даже конечные *ѣ*, не отражавшиеся в произношении, часто помечались знаком певческой нотации — и, следовательно, распевались.

Стихотворство как осознанная, противостоящая и прозе вообще, и ритмической прозе, и гимнографии форма художественной речи возникло в первом десятилетии XVII в., в Смутное время. В рукописную книгу тогда проникают и фольклорные размеры (раёшний стих, тоника), и заимствованная украинно-польская силлабика². С этого момента и начинается история русской поэзии западноевропейского типа.

«Послание дворянина к дворянину». Раёшником написана стихотворная часть «Послания дворянина к дворянину» (1608—1609). Автор послания, помещик Иван Фуников, оказался в захваченной Иваном Болотниковым Туле, когда ее осадили войска Василия Шуйского. У осажденных кончились припасы. В Туле начался голод. Бунтовщики держали Ивана Фуникова в тюрьме, подозревая, что он прячет зерно. В послании Фуников и описывает свои злоключения:

Седел 19 недель,
А вон ис тюрьмы глядел.
А мужики, что ляжи,
Дважды приводили к плахе
За старые шапши
Хотели скинуть з башни.
А на пытках пытают,
А правды не знают.

Правду-де скажи,
А ничего не солжи.
А из ня божилися,
И с ног свалился,
И на бок ложился:
Не много у меня ржи,
Нет во мне лжи...³.

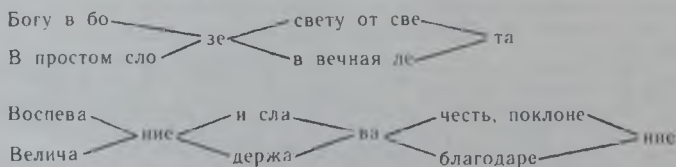
¹ Текст цитируется по изданию в кн.: Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. Обзор фондов. М.—Л., 1965, с. 187.

² Общее представление о поэзии XVII в. дают две антологии: Демократическая поэзия XVII века. Вступит. статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подготовка текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1962; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970.

³ Цитируется по изданию в кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, доп. М., 1977, с. 183.

Комическая тональность этих строк позволила некоторым исследователям заподозрить, что Иван Фуников не был автором «Послания дворянина к дворянину», что оно только приписано ему: не мог же человек, рассказывая о своих страданиях, смеяться над ними! Но дело в том, что раёшный стих, которым пишет Фуников, рассчитан именно на комический эффект. Комизм — смысловой ореол раёшника. Это скоморошьё балагурство, подчеркнутое рифмой. Рифма «оглуляет явления, делая схожим несхожее... снимает серьезность рассказываемого, делает смешным даже голод»¹, даже страдание, даже пытку, а шутка — это своего рода психологическая защита от травмирующих психику явлений действительности. Используя раёшный стих, автор вынужден считаться с его смысловой инерцией. Поэтому Иван Фуников вольно или невольно становится в позу балагура, ерника. Кстати говоря, в «Послании дворянина к дворянину» есть и прозаические куски. В них мы не найдем и тени комизма: здесь смысловая инерция раёшника уже не действовала.

Евстратий. Если Фуников опирается на словесное искусство скоморохов, на раёшную традицию балагурства, то современник Фуникова, поэт Евстратий, приверженец Василия Шуйского, в стихотворной молитве 1621 г. ориентируется на поэтическую культуру Западной Европы. Эту молитву, написанную силлабическим стихом с перекрестной рифмой, автор предварил латинской пометой «serpenticum versus», т. е. «серпантинный (или змеиный) стих». И действительно, графически стихотворение Евстратия исполнено как «серпантинный» рисунок. Сделано это так: из соседних стихов исключены общие элементы (флексии). Эти элементы вписаны между строк. В результате строки становятся зигзагообразными, «серпантинными», «змеиными», — иначе их просто нельзя прочесть. Например, два идущих подряд четверостишия «Богу в бозе, /свету от света,/ в простом слове /в вечная лета,/ воспевание и слава, /честь, поклонение,/ величание, держава,/ благодарение» (слоговая схема 4—5—4—5, 8—6—8—6) в рукописи Евстратия выглядят следующим образом:

¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 27.

В европейской поэзии XVI—XVII вв. были широко распространены всякого рода «курьезные» стихи, например палиндромы (перевертни), читавшиеся одинаково слева направо и справа налево. Сложился также особый жанр изобразительной эпиграммы, который предусматривал оформление текста в виде рисунка — креста, звезды, бокала, лучей солнца или языков пламени, сердца и т. д. Стихотворение Евстратия — это типичный образец такой «алхимии слова».

Стихотворения Ивана Фуникова и Евстратия обозначили полюсы того широчайшего диапазона, в котором предстояло развиваться русской поэзии XVII в. От скоморошьего осмеяния мира до медитативной лирики, от балагурства до «богословия в стихах», от раёшника до строгой силлабики — такими были ее тематические и метрические возможности, намеченные уже в Смутное время. Реализацией этих возможностей и занимались русские поэты XVII в.

Постоянно действующим фактором стала ориентация на опыт поэзии Украины, Белоруссии, Польши. Известно, что Лжедмитрий завел при московском дворе музыку и пение, учредил придворные должности на польский манер. По-видимому, он не забыл и о должности придворного стихотворца. Скорее всего на роль придворного поэта Лжедмитрий предназначал своего любимца князя И. А. Хворостинина (среди польских поэтов той эпохи было очень много дворян, ибо искусство сочинять вирши входило в программу образцового воспитания шляхтича).

Стихи И. А. Хворостинина. Уже при патриархе Филарете, в конце 1622 или начале 1623 г., Хворостинин подвергся гонениям за «шатость в вере» (он запрещал своей дворне ходить в церковь, утверждая, что «молиться не для чего и воскресения мертвых не будет»). У Хворостинина были изъяты рукописи, содержавшие «про всяких людей Московского государства разные укоризны», и между ними тетради со стихами. Из них до нас дошло только одно двустишие, приведенное в царском и патриаршем указе: «Московские люди сеют землю рожью, а живут все ложью». Хворостинина сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, где поместили в «особой келье» под неусыпным присмотром «крепкого житьем старца». Чтобы доказать свою верность православию, Хворостинину пришлось написать «Изложение на еретики-злехульники» — огромный стихотворный трактат в 1300 строк, в котором обличаются католичество и различные ереси¹. «Изложение» Хворостинина не оригинально. Это перевод (или, точнее, переложение) одного украинского полемического произведения, также стихотворного. Несмотря на подражательность, трактат Хво-

¹ Текст «Изложения» опубликован В. И. Саввой в кн.: Вновь открытые полемические сочинения XVII в. против еретиков. СПб., 1907, с. 7 и сл. См. также: Українська поезія Кінець XVI — початок XVII ст. Упорядники В. П. Колосова, В. І. Кречотень. Київ, 1978, с. 54—55.

ростинина дает очень интересный материал для оценки первых шагов русской книжной поэзии.

С конца XVI в. в украинских и белорусских книгах применялись две системы версификации — равносложный стих (изосиллабизм) и неравносложный стих («относительный силлабизм»), в обоих случаях с обязательной парной рифмой¹. Если Евстратий склонялся к изосиллабизму, то Хворостинин отдал предпочтение «относительному силлабизму». Именно по пути, намеченному Хворостининым, и пошла русская поэзия первой половины XVII в. Первые поколения московских стихотворцев пишут неравносложные стихи, называя их «двоестрочным согласием» и подчеркивая таким образом принцип парной рифмы.

«Двоестрочное согласие» в некоторых принципиальных моментах совпадало с раёшным стихом. И там, и тут каждая строка представляла собой интонационно и синтаксически законченный оборот. И в раёшнике, и в «относительном силлабизме» наряду с преобладающей женской рифмой обильно использовалась рифма мужская и дактилическая. У Хворостинина находим такие концевые созвучия: *Рим — дым, сотворил — одарил, ловец — овец, бог — мног* (мужская рифма), *отвращаемся — утверждаемся, писание — прочтение, учителя — мучители* (дактилическая рифма). Хворостинин, при всем своем западничестве, испытывал явное влияние скоморошьего искусства. Двустипшие «Московские люди сеют землю рожью, а живут все ложью» — это перифраз старинной поговорки «Красно поле с рожью, а речь с ложью», известной по сборникам XVII—XVIII вв. Стоит отметить, что та же рифма использована в «Послании» Ивана Фуникова, затем в «Послании дворянскому недругу» и в других памятниках раёшного стиха.

Итак, на первых порах фольклорная традиция и украинно-польское влияние действовали совместно. Однако очень скоро эти струи обособились, потому что в книжной поэзии стал действовать иерархический принцип. «Двоестрочные согласия» были отождествлены с «высоким», серьезным стихотворством, а раёшник с присущим ему смеховым колоритом — со стихотворством «низовым», простонародным, «подлым». Иерархическое обособление повело за собой изменения в технике «двоестрочных согласий». Это ярко проявилось в стихотворной продукции «приказной школы».

Стихотворство «приказной школы». Еще недавно считалось, что стихотворство первой половины XVII в. — это случайная подборка разрозненных, незрелых и немногочисленных опытов. Однако анализ рукописного материала показал, что к концу 20-х — началу 30-х гг. в России сложилась поэтическая школа, которая активно функционировала в течение двух десятилетий,

¹ См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы, т. I. Из истории русской песни. Спб., 1900, с. 5 и сл.; Холшевников В. Е. Русская и польская силлабика и силлаботоника. — В кн.: Теория стиха. М.—Л., 1968, с. 27—31.

вплоть до реформ патриарха Никона¹. К ней принадлежало до десятка стихотворцев — дьяки Алексей Романчуков и Петр Самсонов, подьячий Михаил Злобин, справщики (редакторы) Московского Печатного двора Савватий, Стефан Горчак, Михаил Рогов и др. В большинстве своем — это приказные чиновники из неродовитых семей, только недавно, в первом или втором поколении, отвоевавшие себе ступеньку на административной лестнице. Поэтому эта литературная группа и обозначается как «приказная школа».

На Печатном дворе и в московских приказах, особенно в Посольском, служили в ту пору самые образованные представители русской интеллигенции. Для справщиков Печатного двора литературная работа была основной профессией. Умение владеть пером было обязательным и для приказных дьяков и подьячих. Им приходилось принимать иностранных послов, выполнять различные поручения за границей, так что контакты с европейской культурой были для них привычным делом. Одна из наиболее заметных и в то же время типичных фигур приказной школы — дьяк Алексей Романчуков, возглавлявший в 1636—1638 гг. русское посольство в Персию. Русские путешествовали вместе с голштинской миссией, в составе которой были выдающиеся писатели, в том числе крупнейший поэт немецкого барокко Пауль Флеминг. С ними постоянно общался Алексей Романчуков (между прочим, за время путешествия он выучил латынь). Памятником этого общения стала его собственноручная стихотворная запись в альбоме голштинского врача Гартмана Граммана (потом этот врач перешел на русскую службу и стал придворным медиком царя Михаила Федоровича):

Не дивно во благополучении возгоржение,
едина добродетель — всех благих совершение.
Дом благий пускает до себя всякаго человека
и исполняет благостыню до скончания века.
Вина всяким добродетелем — любовь,
не проливает бо ся от нея никогда кровь...².

Эти альбомные стихи своего рода веха в истории русско-европейского культурного общения: в 1638 г. вирши московского стихотворца впервые оказываются в рукописи европейца.

Поэты «приказной школы» поддерживали интенсивные личные и творческие контакты. Среди них было в ходу выражение «духовный союз» (вариант — «любовный союз») — термин, который они прилагали к самим себе как к корпорации. Какими профессиональными качествами должен обладать поэт, причаст-

¹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 34—102, 242—269; Шенгаев Л. С. Стихи справщика Савватия. — «ТОДРЛ», 1965, т. XXI, с. 5—28.

² Здесь и ниже стихотворения поэтов «приказной школы» цитируются по кн.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века, с. 35, 51, 52—53.

ный к «духовному союзу»? Прежде всего — это «остроумие», «острый разум»:

Токмо слышим о твоей остроумной разумности
яко навычен еси окружной премудрости (Савватий).

В языке того времени слово *остроумие* не имело отношения к способности придумать меткое, острое словцо. «Остроумие» — это знания, смекалка. Но приказные авторы вкладывают в этот термин специфическое значение. С их точки зрения, «остроумие» заключается в умении пользоваться особым «витийным» языком. Излюбленный прием «витийного» языка — уподобление. В поисках материала для уподоблений поэты ориентируются в основном на русскую традицию, на сборники «Физиолог» и «Азбуковник», откуда заимствуют сведения о животных, травах, камнях и деревьях.

Есть бо нырь хитрый, далече ходит во глубину,
ритор же и философ разсуждает премудрую вину...
Желаем твоей любви, яко в жажду онагри...
Яко же магнит камык (камень) вся железа к себе привлачит,
так и сребролюбивая юза всех содержит...
Хрусалиф камык яко злато есть видением,
сприличился же тому и ты своим разумением...
Анфракс камык зелен видением,
государьская твоя царская душа красна богу молением...

Поэт должен владеть ассоциативным мышлением. Умение находить новые ассоциативные связи и есть «острый разум». Ассоциация — стержень поэтического языка «приказной школы». Поиски новых ассоциаций роднят ее с тем художественным стилем, который господствовал в Европе XVII в., — с барокко. Однако московские стихотворцы избегают причудливых ассоциаций, довольствуясь традиционными метафорами и символами. Сведения о магните, онагре (диком осле), хрусалифе (хризолите) и анфраксе (карбункуле) они черпали из книг, издавна распространенных на Руси.

В 20—40-х гг. книжное стихотворство было для русских писателей новым, еще непривычным занятием. Оно воспринималось как своеобразная литературная игра. Отнюдь не случайно среди жанров, которыми пользуются приказные поэты, безраздельно преобладает стихотворное послание, эпистолия. Приказные поэты писали эпистолии прежде всего друг другу, но также и царю Михаилу, и людям, стоявшим на ступенях трона, — брату патриарха Филарета Ивану Никитичу Романову, князю Д. М. Пожарскому и др. В этих посланиях, как правило, очень мало информации (чаще всего содержательный момент сводится к просьбе о покровительстве). Но по размеру послания бывают очень пространными (сто строк и более). Ясно, что приказные стихотворцы не столько заботились о содержании, сколько щеголяли своим умением писать «двоестрочными согласиями».

Они, как и всякие начинающие поэты, обращали преувеличенное внимание на технику стихотворства, и прежде всего на акростих («краегранесие», «началестрочие»). Их эпистолии почти сплошь снабжены акростихом: из первых букв каждой строки слагается прозаическая фраза, содержащая имя адресата и имя автора. Составители эпистолий регулярно указывали в тексте, что они пользуются «краегранесием», и отмечали его границы. Утаивать имя автора и имя адресата не было никакой нужды, потому что послания вручались реальным лицам.

Следовательно, акростихи в эпистолографии приказной школы также элемент литературной игры, знак литературной «элегантности».

Но у акростиха была и другая функция. Акростих обособлял «двоестрочные согласия» московских интеллигентов от «подлого» раёшника (отметим, что приказные эпистолии и шуточные раёшные послания переписывались в одних и тех же сборниках). Обособлению служило и различие в рифмовой технике. В раёшных текстах находим звучные рифмы, в том числе корневые и составные. В произведениях приказных авторов господствуют рифмы грамматические, или суффиксально-флексивные, образованные созвучием суффиксов и флексий, когда глагол рифмуется с глаголом, прилагательное с прилагательным, существительное с существительным в одной грамматической форме. Это, конечно, не говорит о техническом несовершенстве приказных стихотворцев.

Предпочитая грамматические рифмы и уклоняясь от рифм звучных, они обособлялись от раёшника. Интересно, что пренебрежительное отношение к звучным (особенно составным и каламбурным) рифмам сохранилось в «высоких» жанрах русской поэзии вплоть до начала XX в.

Приказные стихотворцы очень скоро перешли от литературной игры к серьезным занятиям поэзией. Савватий написал цикл нравоучительных стихотворений — «О свете», «О плоти», «О утробе», в котором развивал традиционную для христианской культуры тему суетности и бренности человеческой жизни, тему, которая стала одной из центральных в европейском барокко. Этот цикл Савватий пытался издать на Печатном дворе, единственной тогда русской типографии. К печати были подготовлены и другие стихотворные тексты: краткое переложение «Хроники» Амартола, предисловия к некоторым московским изданиям. Однако все эти тексты так и не попали в печать и остались в рукописях. По-видимому, у авторов «двоестрочных согласий» были не только покровители, но и влиятельные противники.

Приказная школа прекратила свое существование в 50-х гг. Когда патриарх Никон начал проводить церковную реформу, виднейшие стихотворцы приказной школы, в том числе Савватий, стали в ряды приверженцев «древлего благочестия». Это и был конец «приказной школы».

5. МЕСТНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧАГИ (СИБИРЬ, ДОН)

В первой половине XVII в. изменяется и «география» русской литературы. В литературное движение включаются окраины государства, прежде всего Сибирь и Дон.

Начало сибирской литературы связано с организацией в 1621 г. тобольской архиепископии. Первый сибирский архиепископ Киприан Старорусенков был до переезда в Тобольск архимандритом новгородского Хутынского монастыря. Вообще почти все сибирские архиепископы XVII в. прибывали из новгородской епархии. Следует также отметить, что в ту пору Сибирь в основном заселялась выходцами из северных и поморских уездов европейской России. В связи с этим ранняя сибирская письменность ориентировалась прежде всего на новгородскую и севернорусскую литературные традиции¹.

Киприан хорошо понимал, что роль духовенства в Сибири более значительна, нежели в центральных уездах. Дворянство, представленное только воеводами и ссыльными, не могло стать господствующей или хотя бы крупной силой в экономике и культуре Сибири. В конфликтах между администрацией и церковью в Сибири в конечном счете всегда брала верх церковь. Ощущая себя полновластным и бесконтрольным хозяином огромного и далекого от Москвы края, тобольская архиепископия проявляла явную тенденцию к сепаратизму, в том числе и к сепаратизму культурному. На этой почве и выросла сибирская литература².

О литературных начинаниях первого тобольского архиерея рассказано в Есиповской летописи, созданной спустя пятнадцать лет: «Во второе лето престольства своего воспомяну (Киприан.— А. П.) атамана Ермака и з дружиною и повеле разспросити ермаковъских казаков, како они придоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили погании на драке. Казаки ж принесоша к нему написание... Он же... повеле убитых имена написать в церкви Софеи Премудрости Божия в соборной синодик и в православную неделю кликати повеле с прочими пострадавшими за православие вечную память»³. Казачье «написание»

¹ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973, с. 17—20.

² О сибирской литературе, кроме указанной выше книги Е. К. Ромодановской, см.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. III, ч. 1: Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1955; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Изд. 2-е. М.—Л., 1960, вып. 1; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 411—417; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1957, т. XIII, с. 467—482; Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания.— «Вопросы истории», 1970, № 12, с. 45—60.

³ Сибирские летописи. Спб., 1907, с. 163—164.

до нас не дошло, но составленный на его основе Синодик сохранился в некоторых летописях, а с недавнего времени известен и в оригинале¹ — в той самой рукописи, по которой в тобольском Софийском соборе «кликали» вечную память ермаковым казакам в первую неделю великого поста.

Синодик казакам Ермака. Этот Синодик содержал не только «убитых имена», т. е. не был простым помянником. Киприан присоединил Синодик к «Чину православия» — памятнику, по которому в великом посту прославлялись почитаемые церковью люди и предавались анафеме еретики и злодеи. Переведенный с греческого еще в XIV в., «Чин православия» в России постоянно дополнялся, откликаясь на узловые события русской церковной и политической истории. В «Чине православия» считались допустимыми и повествовательные, сюжетные куски. Таких исторических вставок немало в той версии памятника, которая хранилась в тобольском Софийском соборе. Сюжетные пассажи есть и в Синодике казакам Ермака. Это, собственно говоря, краткое описание сибирского похода, с перечнем главнейших сражений и рассказом о гибели Ермака. Здесь отчетливо сформулирована идея, которая впоследствии широко пропагандировалась официальной сибирской письменностью: казаки пришли в Сибирь со «цхим истинныя веры», они проливали кровь за торжество православия, за христианизацию языческой страны.

Есиповская летопись. Эта идея лежит в основе Есиповской летописи, названной так по имени автора, Саввы Есипова, который окончил работу над нею в 1636 г. Савва Есипов возглавлял тобольскую архиерейскую (архиепископскую) канцелярию (он занимал должность «архиепископского дьяка»). Естественно, что Есипов, трудившийся, видимо, по прямому понуждению церковных властей, имел под руками и Синодик, и другие документы библиотеки и архива Софийского дома, нам теперь неизвестные.

Его летопись задумана и выполнена как история Сибири. Начав с рассказа о ее природе, о народах, ее населяющих, о местных царьках и князьях, Есипов затем сосредоточивается на двух персонажах — на Кучуме и Ермаке. Кучума он изображает в традиционном для средневековой письменности обличье гордого царя-язычника, который переполнил чашу божьего терпения. Ермак — это орудие господне, «меч обоюдоустр». Бог избрал простого казака («не от славных муж», замечает летописец), чтобы посрамить Кучума. Ермак как личность, как характер Есипова не интересует; Ермак — орудие бога, и только. «Открытие характера» сибирским летописцем еще не освоено. Завершается летопись рассказом об основании тобольской епархии. Это событие наглядно знаменует победу православия в Сибири.

Как стилист Савва Есипов ориентировался на Хронограф. Это особенно заметно в сценах сражений. Но в композиции и в изображении героев он следовал «монументальному историзму» раннего летописания. Начав, подобно составителю «Повести временных лет», с общего введения, Есипов затем, когда позволил материал, ввел в повествование хронологический принцип и дальше строго выдерживал годовую сетку. Создавая концепцию сибирской истории, Есипов не прибегал к вымыслу, не придумывал небылиц — он просто опускал

¹ Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам. — «Изв. Сибир. отд. АН СССР. Сер. общественных наук», 1970, № 9, вып. 3. Под названием «Синодик» в древнерусской литературе известны три памятника. Во-первых, это помянник — книга в которой записывались имена умерших для поминания в церкви. Во-вторых, «Синодиком» называется «Чин православия» (см. в тексте). В-третьих, в XVII в. появился особый сборник, также получивший название «Синодик»; в этом сборнике, кроме общих поминаний ревнителей православия, находились также богословские статьи и сюжетные рассказы «Синодик ермаковым казакам» — это прежде всего помянник. Но поскольку он предназначался для присоединения к другому «Синодику» — «Чину православия», то в нем были и сюжетные элементы.

те сведения, которые его не устраивали. Есипов доказывал свои идеи с помощью комбинации фактов, а не с помощью исторического вымысла. Так в основном поступали русские летописцы и раньше.

«Историческая» повесть о взятии Азова. Годом позже Есиповской летописи, в 1637 г., на другой окраине России, в области Войска Донского, было написано произведение, также посвященное казачеству. Это — первое произведение из азовского цикла повестей. Цикл состоит из «исторической», «поэтической» и «сказочной» повестей. Событийная канва «исторической» повести обозначена в ее заглавии: «Преднаписание о граде Азове и о приходе атаманов и казаков великого Донского Войска и о взятии его»¹.

Для донского казачества, этого непокорного и своевольного вассала московского царя, всегдашним камнем преткновения был Азов — мощная турецкая крепость «на усть столповя реки Дону Ивановича волново казачества». Весной 1637 г., воспользовавшись благоприятной расстановкой сил (султан был занят войной с Персией), казаки осадили Азов и после двухмесячных приступов овладели крепостью.

Отразившая этот эпизод «историческая» повесть была написана человеком, работавшим в казачьей канцелярии. Это оставило след и в композиции, повторяющей композицию официальной войсковой отписки о взятии Азова, и в стиле памятника. Здесь подробно, в документальной манере, с множеством перечней описываются сборы в поход, подкопы под крепостные стены, штурм турецкой твердыни и судьба пленных. Однако автор повести не ограничивал себя лишь документальными задачами. Он прямо заявил об этом в последних фразах: «И сия написахом впредь на память роду христианскому... на укоризну и на позор нечестивым родом поганскаго языка в нынешней и в предидущей род». Идеи «исторической» повести созвучны провиденциальным идеям Есиповской летописи: донские казаки идут на Азов, чтобы там «православную христианскую веру вкоренити по-прежнему».

Но, как и всякий писатель, автор «исторической» повести обращался не только к потомкам, к «памяти рода христианского», но и к современникам. И он постарался, чтобы их реакция была благоприятной для казачества. Всякий раз, когда в тексте идет

¹ Основные работы об азовском цикле принадлежат А. С. Орлову и А. Н. Робинсону. См.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906; Он же. Сказочные повести об Азове. «История» 1735 года. «Русский филологический вестник», 1905, кн. 4; 1906, кн. 1—4; Робинсон А. Н. Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове.— «Учен. зап. Моск. ун.-та», 1946, вып. 118, кн. 2, с. 43—71; Он же. Повести об азовском взятии и осадном сидении. Исследование и тексты.— В кн.: Воинские повести Древней Руси. Ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1949, с. 47—112, 166—243. Повести азовского цикла цитируются по этому изданию.

речь о царе Михаиле Федоровиче, о нем говорится с подчеркнутым почтением. Даже в рассказе о подкопе под стены Азовской крепости автор не забывает напомнить, что порох казаки получили из Москвы: «И копаша другий подкоп четыре недели, и государское жалованье, пороховую казну, под стену положиша». Эта оговорка не нужна, если повесть рассчитана на читателя-казака; она понятна и уместна, если автор адресовался к читателю-москвичу. Ведь казаки взяли Азов без позволения царя, даже не уведомив Москву. Поэтому автор и хочет обелить своевольных донцов.

Казаки понимали, что без помощи Москвы Азова им не удержать. Поэтому все четыре года азовской эпопеи, за которой с живейшим интересом наблюдал и мусульманский, и христианский мир, Донское Войско добивалось принятия Азова «под государеву руку». Боясь большой войны с Оттоманской портой (мир с турками был устойчивым принципом внешней политики первых царей Романовых), московское правительство не решалось двинуть войска в помощь казакам и официально отмежевалось от них через посла в Царьграде. В то же время оно посылало казакам оружие и припасы, не мешало «охочим людям» пополнять азовский гарнизон.

В августе 1638 г. Азов осадили конные орды крымских и ногайских татар, но казаки заставили их уйти восвояси. Три года спустя крепости пришлось отбиваться уже от султанского войска — огромной, снабженной мощной артиллерией армии. Большая флотилия кораблей блокировала город с моря. Мины, заложенные под стены, и осадные пушки разрушили крепость. Все, что могло гореть, сгорело. Но горстка казаков (в начале осады их было пять с небольшим тысяч) выдержала четырехмесячную осаду, отбила двадцать четыре приступа. В сентябре 1641 г. потрепанному султанскому войску пришлось отступить. Позор этого поражения турки переживали очень тяжело: жителям Стамбула под страхом наказания было запрещено даже произносить слово *Азов*.

Было очевидно, что султан не уступит Азова, что новый поход всего лишь дело времени. В этих условиях и в Москве поняли, что двусмысленной политике пришел конец. В 1642 г. был созван земской собор, которому предстояло решить — защищать крепость или вернуть ее туркам. С Дона на собор приехала казачья станица — выборные представители Донского Войска. Ее есаулом (помощником атамана, возглавлявшего станицу) был войсковой дьяк Федор Иванович Порошин, беглый холоп князя Н. И. Одоевского. Порошин, по всей видимости, и написал «поэтическую» повесть об азовском осадном сидении — самые выдающийся памятник азовского цикла.

«Поэтическая» повесть об Азовском осадном сидении. «Поэтическая» повесть была рассчитана на то, чтобы склонить на сторону казаков московское общественное мнение, повлиять на

земский собор. Устами турок в ней высказывались неприятные для московских властей истины: «И то вам, вора́м, даем ведати, что от царства вашего. Московскаго никакой вам помощи и выручки не будет, ни от царя, ни от человек русских». Казаки в повести соглашались с этим предостережением: «И мы про то сами без вас, собак, ведаем, какие мы в Московском государстве на Руси люди дорогие, ни х чему мы там не надобны... А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. Отбегаем мы... из работы вечная, ис холопства невольнаго... Кому об нас там поту-жить? Ради там все концу нашему. А запасы к нам хлебные и выручки с Руси николи не бывали».

Здесь краски излишне и намеренно сгущены: Москва щедрой рукой посылала на Дон хлебное и пороховое жалованье. Повидимому, автор повести уже не верил в поддержку царя и боярской верхушки. Горькие упреки казаков-защитников крепости — это апелляция к земскому собору, последней надежде азовских героев.

«Поэтическую» повесть сочинял весьма начитанный человек. Он опирался на широкий круг книжных источников, и особенно на «Сказание о Мамаевом побоище», откуда заимствовал приемы описания вражьей силы. Однако не парафразы и не скрытые цитаты определяют художественную специфику памятника. В поэтике повести два организующих фактора: художественное переосмысление канцелярских жанров и использование фольклора. Автор широко пользовался устным творчеством казаков. Надо сказать, что из книжных источников он также брал прежде всего фольклорные мотивы.

Повесть начинается как типичная выписка из документа: казаки «своему осадному сиденью привезли роспись, и тое роспись подали на Москве в Посолском приказе... думному дьяку... а в росписи их пишет». Далее следует пространный перечень войск, посланных к Азову «турским царем Ибрагим-салтаном», перечень пехотных полков, конницы и пушкарей, крымских и ногайских мурз, горских и черкесских князей, европейских наемников и даже «поморских и кафинских черных мужиков, которые у них на сей стороне моря собраны... с лопаты и з заступы на загребение наше, чтобы нас, казаков, многолюдством своим в Азове городе живых загрести и засыпати бы им горою великою».

Последняя фраза — это авторская ремарка, нарушающая сухой и деловой канцелярский стиль. Такое нарушение вовсе не случайность. Это художественный прием. Дело в том, что перечень войск, на первый взгляд документально бесстрастный, в то же время эмоционально окрашен. Методически перечисляя новые и новые отряды турок, автор нагнетает впечатление страха и безнадёжности. Он и сам как бы во власти этих чувств. Он ужасается тому, что написал, и перо выпадает из его руки: «Тех-то людей собрано на нас, черных мужиков, многие тысени без числа, и писма им нет — тако их множество».

Так говорит человек, прекрасно знающий о благополучном исходе осады. Значит, это не канцелярист и не летописец. Это — художник. Он осознает, что контраст создает эмоциональное напряжение. Чем безнадежнее выглядит начало, тем эффективнее и веселее счастливый конец. Эта контрастная картина — главная, но дальняя цель автора. Пока же он подготавливает почву к переходу от канцелярского стиля к полуфольклорному стилю воинской повести, к гиперболически-этикетному изображению несметных вражеских полчищ. Именно здесь он обращается к «Сказанию о Мамаевом побоище».

Турецкие орды «поля чистые изнасеяли». Там, где расстилась привольная степь, выросли леса «людми их многими». От многолюдства пеших и конных полков «земля... под Азовым потряслася и погнулася, и из реки... из Дону вода на береги выступила от таких великих тягостей». Пушечная и мушкетная стрельба уподоблена грозе — «бутто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси». От порохового дыма померкло солнце, «как есть наступила тма темная». «И страшна добре нам стало от них в те поры,— восклицает автор,— трепетно и дивно их несказанной и страшной и дивной приход бусурманской нам было видети!»

Переходы от канцелярского стиля к фольклорному и в дальнейшем остаются самой характерной приметой авторской манеры. Вот «прощание» казаков, изнемогших в кровопролитных сражениях: «Простите нас, леса темныя и дубравы зеленыя! Простите нас, поля чистые и тихия заводи! Простите нас, море синее и реки быстрые!.. Прости нас, государь наш тихий Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войском не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать». Это почти точная передача стилистики донских песен, насколько мы их знаем по более поздним записям.

Автор не только чередует канцелярский и фольклорный стили — он соединяет их, насыщая фольклоризмами деловой жанр и таким образом художественно его переосмысляя. Наиболее выразительный пример такого переосмысления — вымышленные речи, которыми обмениваются турки и казаки. В «гладкой речи» турецкого военачальника изложены вполне реальные претензии султана. Оратор и угрожает и льстит казакам, но в угрозы и лесть вплетены фольклорные образы. «Видите вы и сами, глупые воры,— говорит он,— силу... великую неизчетну... Не перелетит через силу нашу турецкую... птица паряща, устрашится людей от много множества сил наших, вся валится с высоты на землю». Если вы оставите крепость, продолжает он, то мы станем вас во веки веков называть «богатырями святорусскими».

Казаки, со своей стороны, не остаются в долгу. Они бранят султана за непомерную гордыню — и бранят без всякого стеснения. Султан — и «худой свиной пастух наймит», и «смерадной пес», и «скаредная собака». Эта брань сродни той «литературной

брани», которая встречается во многих памятниках XVII в., также художественно переосмысляющих деловые жанры, — в легендарной переписке с турецким султаном Ивана Грозного, затем запорожских и чигиринских казаков.

От песенного лиризма до «литературной брани» — таков стилистический диапазон повести. Вся она построена на контрастах, потому что ее исторической основой также был контраст — контраст между горсткой защитников Азова и огромным скопищем осаждающих. Повесть оканчивается тем, что, отбив последний приступ, казаки бросились на турецкий лагерь. Турки дрогнули и обратились в бегство. Если прежде казаки «срамили» султана словесно, то теперь они посрамили турок делом: «От наших руки малы и от казачества Донского вольного срамота стала вечная от всех земель, от царей и от королей».

Земский собор не обошелся без жарких споров, но возоблудило мнение царя: Азов нужно вернуть туркам. Уцелевшие защитники крепости покинули ее. Чтобы сгладить тяжелое впечатление, которое произвел на Войско Донское этот «приговор», царь щедро наградил всех казаков из «станицы», присутствовавших на соборе. Исключение было сделано только в одном случае: есаул Федор Порошин, беглый холоп и писатель, был сослан в Сибирь.

«Поэтическая» повесть об Азове была по достоинству оценена современниками. Она распространялась во множестве списков и неоднократно перерабатывалась. На ее основе и на основе «исторической» повести об азовском взятии во второй половине XVII в. была создана «сказочная» повесть об Азове.

«Сказочная» повесть об Азове. Взятию турецкой крепости в ней предшествует романтический эпизод о похищении казаками дочери азовского пашы, которая с богатым приданым и большой свитой была отправлена к жениху, крымскому хану. Это чистый вымысел. Художественный вымысел становится здесь главной пружиной сюжетного движения. Казаки в «сказочной» повести берут Азов не воинской удачей, а хитростью. Переодевшись купцами, они приводят к Азову большой обоз с товарами. Но товарами наполнены лишь несколько телег; на остальных спрятаны вооруженные воины, которые и захватывают Азов, когда стража открывает мнимым купцам городские ворота. Сюжет здесь осложнен многими новыми эпизодами. «Сказочная» повесть приемыкает к распространенному во второй половине XVII в. жанру «исторического баснословия», к жанру исторической беллетристики.

ЛИТЕРАТУРА

Общие работы. Елеонская А. С., Орлов О. В., Сидорова Ю. Н., Терехов С. Ф., Федоров В. И. История русской литературы XVII—XVIII вв. М., 1969; Разделы о литературе XVII в. — В кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973; Он же. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, гл. 6 и др.; Он же. Семнадцатый век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 299—328; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка тек-

стов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954; 2-е изд., доп. М., 1977; Панченко А. М. Вступительная статья.— В кн.: Русская силлабическая поэзия. 2-е изд. Л., 1970.

Тексты. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. Спб., 1909. (РИБ, т. XIII); Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955; Сибирские летописи. Изд-во Археографической комиссии. Спб., 1907. Тексты Есиповской и Ремезовской летописей.

Исследования. Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. Спб., 1913; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958; Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960. Тексты и исследование; Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906; Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков 1642 г.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1948, т. VI; Он же. Вопросы авторства и датировки поэтической повести об Азове.— «Доклады и сообщения филологического факультета Московск. ун-та, М., 1948, вып. 5; Он же. Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении 1642 г. (см. также комментарий географический и исторический).— В кн.: Воинские повести Древней Руси. М.—Л., 1949; Он же. Жанр поэтической повести об Азове.— ТОДРЛ». М.—Л., 1949, т. VII; Он же. Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове.— «Учен. зап. Московск. ун-та», 1946, вып. 118, кн. 2. Труды кафедры рус. лит-ры.

В русскую историю XVII век вошел как «бунташный» век. Между Смутой и 1698 г., годом последнего стрелецкого бунта, было несколько крупных народных волнений, а также десятки малых мятежей. Они особенно усилились и участились в середине и второй половине столетия. За пятьдесят лет Россия пережила восстания 1648—1650 гг. в Москве, Новгороде и Пскове, «медный бунт» 1662 г., крестьянскую войну под предводительством Степана Разина, возмущение Соловецкого монастыря в 1668—1676 гг., знаменитую «Хованщину» 1682 г., когда восставшие стрельцы фактически целое лето владели Москвой.

Эти бунты, отражая непримиримые социальные противоречия допетровской Руси, вызывали вынужденные, половинчатые, реформы правительства. Реформы всегда имели в виду интересы «верхних» сословий и поэтому в конечном счете лишь обостряли социальные болезни. Ответом на московский мятеж 1648 г. было «Уложение» — свод законов, принятый вскоре земским собором и напечатанный Московским Печатным двором. «Уложение» дало некоторые права средним слоям городов (именно средние слои подняли восстание 1648 г.). Оно сделало торговых людей привилегированным сословием. Но самых больших выгод добилось дворянство, против которого и был направлен бунт. Поместья, на которых прежде служилые люди «испомещались» пожизненно, превратились в наследственные вотчины, а крестьяне были окончательно закрепощены. Розыск беглых больше не ограничивался, как раньше, каким-то пределом времени; розыск стал бессрочным. Усиление гнета тотчас отозвалось крестьянскими волнениями. Так мятежи рождали реформы, а реформы — новые мятежи.

«Бунташной» была и культура XVII в., утратившая то внешнее единство, ту относительную монолитность, которые характерны для средневековья. Культура распалась на несколько течений, автономных или прямо враждебных. Сильнейший удар по единообразию культуры нанесла в 50-х гг. церковная реформа патриарха Никона. Ее следствием был раскол православной Руси: как полагают историки, от четверти до трети населения сохранило верность древней традиции, верность старообрядчеству (старообрядцами стали называть тех, кто не принял реформ Никона и придерживался в религиозной и бытовой практике дореформен-

ных, «древлих» правил и обычаев). Старообрядчество — самое мощное религиозное движение за всю русскую историю.

Накануне реформы Никона церковь переживала глубокий кризис. Епископат и монастыри (в крепостной зависимости от них находилось восемь процентов населения России) накапливали богатства, а низовое духовенство, деревенские приходские священники коснели в бедности и невежестве. Всем мало-мальски образованным и думающим людям было ясно, что церковь нуждается в преобразовании. Идеей преобразования церковной жизни было одушевлено движение боголюбцев, которое достигло наивысшего развития в первое семилетие царствования Алексея Михайловича (он вступил на престол в 1645 г.). Это был бунт белого духовенства против епископата, бунт низшего приходского клира, по достаткам и образу жизни не сильно отличавшегося от посадских людей и даже крестьян.

В проповеди «боголюбцев» был силен социальный момент, разумеется в христианской окраске. «Боголюбцы» не звали людей в скиты и в монастыри — они предлагали «спасаться в миру», заводили школы и богадельни, проповедовали в храмах, на улицах и на площадях.

Социальный элемент сближает боголюбческое движение с европейской реформацией. Однако между ними было и глубокое различие. Для «боголюбцев», для «ревнителей древлего благочестия» преобразование церкви было равнозначно оцерковлению всего русского быта. Церковь во время богослужения казалась им живым воплощением на земле царства божия. Та небывалая «святая Русь», за возврат к которой они горячо ратовали, рисовалась им в подобии храма, где благочестивые души общаются с господом. Поэтому упорядочение богослужения составляло предмет особых забот и будущего патриарха Никона, и протопопа Аввакума, которые сначала рука об руку участвовали в боголюбческом движении, а потом стали непримиримыми врагами. Этот внешний, обрядовый аспект наложил сильнейший отпечаток на раскол середины века.

Когда Никон, «собинный (личный) друг» молодого царя Алексея, был возведен на патриаршество, выяснилось, что оцерковление жизни он понимал совсем не так, как его недавние сотрудники. Видя в Руси последний оплот «непорученного» православия, те пытались оградить ее от чужеземных влияний. На единоверных греков, украинцев и белорусов «боголюбцы» смотрели косо, подозревая, что под властью турок и поляков они не сохранили чистоту веры. Никон, напротив, стал врагом изоляционизма, возмечтав о том, чтобы Русь возглавила вселенское православие. Он решительно поддержал стремления Богдана Хмельницкого воссоединиться с Россией, не побоявшись неизбежной войны с Польшей. Он мечтал об освобождении балканских славян. Он дерзал думать о завоевании «второго Рима» — Царьграда.

Расправа над восставшими стрельцами в Москве в 1698 г. Гравюра из дневника Корби, изданного в Вене ок. 1700 г. (ГПБ).

Эта идея вселенской православной империи под эгидой Руси и вызвала церковную реформу. Никона беспокоило различие между русским и греческим обрядами: оно казалось ему препятствием для главенства Москвы. Поэтому он решил унифицировать обряд, взяв за основу греческую практику, которая, кстати, недавно была введена на Украине и в Белоруссии. Перед великим постом 1653 г. патриарх разослал по московским храмам «память», предписав заменить двуперстное крестное сложение трехперстным. Затем последовала правка богослужебных текстов. Тех, кто отказывался подчиниться нововведениям, предавали анафеме, ссылали, заточали в тюрьмы, казнили. Так начался раскол.

Предпочтя греческий обряд XVII в., Никон исходил из убеждения, что русские, принявшие христианство из Византии, самовольно исказили его. История свидетельствует, что Никон заблуждался. Во времена Владимира Святого греческая церковь пользовалась двумя различными уставами, Студийским и Иерусалимским. Русь приняла Студийский устав (предписывавший двуперстие), который в Византии со временем был полностью вытеснен Иерусалимским. Таким образом, не русских, а скорее

греков нужно было уличать в искажении (или забвении) старинной традиции.

Как и Никон, «ревнители древлего благочестия» были плохими историками (хотя в споре по поводу обряда они оказались правы). Не стремление к исторической истине, а оскорбленное национальное чувство подвигло их на борьбу с реформой. Разрыв с многовековой традицией они сочли надругательством над русской культурой. В реформе Никона они не без основания усматривали западнические тенденции — и протестовали против них, боясь утратить национальную самобытность. Западнической казалась «боголюбцам» сама идея преобразования православия.

Властный и жестокий Никон без труда устранил «боголюбцев» от кормила церкви. Но торжество патриарха было недолгим. Его притязания на неограниченную власть вызвали раздражение царя и бояр. К 1658 г. разногласия настолько обострились, что Никон внезапно оставил патриарший престол. Восемь лет он прожил в своем Новоерусалимском монастыре, пока церковный собор 1666—1667 гг. не осудил и его, и вождей старообрядчества, одновременно признав реформу.

Дворянство поддержало ее по разным причинам. Церковная реформа облегчала идеологическую и культурную ассимиляцию России и воссоединенной Украины. Дворянство не хотело пойти на оцерковление русской жизни — ни в варианте «боголюбцев», ни в варианте Никона, который был убежден, что «священство выше царства». Напротив, ограничение прав и привилегий церкви, обмирщение быта и культуры, без чего Россия как европейская держава не могла рассчитывать на успех, — вот идеал дворянства, который впоследствии воплотился в деятельности Петра I. В этой связи показательно, что дворянство почти не участвовало в защите старой веры. Редкие исключения (боярыня Федосья Морозова или князь Хованский) подтверждают это общее правило.

Естественно поэтому, что старообрядческое движение очень скоро превратилось в движение низов — крестьян, стрельцов, казаков, бедных слоев посада, низового духовенства, части купечества. Оно выдвинуло своих идеологов и писателей, которые критику реформы и апологию национальной старины сочетали с неприятием всей политики дворянской монархии, вплоть до объявления царя антихристом.

Итак, верхи русского общества избрали путь европеизации, путь перестройки унаследованной от средневековья культурной системы. Однако смысл и формы этой перестройки разные группировки тогдашней интеллигенции представляли себе по-разному; поэтому «шатание» в верхах продолжалось. Уже на соборе 1666—1667 гг. зародились две враждебные партии — грекофильская («старомосковская») и западническая (партия «латинствующих»). По прихоти истории первую из них возглавил украинец Епифаний Славинецкий, а вторую — белорус Симеон Полоцкий, оба питомцы Киевской школы. Но Епифаний учился в этой школе

Поход московских стрельцов против Степана Разина. Деталь свитка. 1670-ые гг. (ГПБ).

еще до того, как митрополит Петр Могила придал ей латинское направление, взяв за образец польские иезуитские коллегии. Симеон Полоцкий, напротив, был воспитан как завзятый латинист и полонофил. Обе партии сходились на том, что России нужно просвещение, но ставили перед собой разные задачи.

Елифаный Славинецкий и его последователи обогатили русскую письменность многочисленными переводами, вплоть до словарей и медицинских пособий. Но для писателей этого типа просвещение сводилось лишь к количественному накоплению знания. Они не помышляли о качественной перестройке культуры, считая, что прерывать многовековую национальную традицию опасно. «Латинствующие» и Симеон Полоцкий, напротив, резко отмежевывались от этой традиции. Свой культурный идеал они искали в Западной Европе, прежде всего в Польше. Именно «латинствующие» впервые пересадили на русскую почву великий европейский стиль — барокко в польском варианте, приспособленном к московским условиям. С «латинствующих» начались в России «любопрения» — литературные, эстетические, историософские споры, без которых не может существовать динамичная, постоянно обновляющаяся культура.

Историческая заслуга «латинствующих» состоит в том, что они создали в Москве профессиональную писательскую общину. При всем различии частных судеб членов этого литературного цеха в нем выработался особый, скроенный по украино-польскому образцу писательский тип. Литератор-профессионал подвизался

на педагогическом поприще, собирал личную библиотеку, участвовал в книгоиздательской деятельности, штудировал иностранных авторов, знал по меньшей мере два языка — латынь и польский. Писательский труд он считал главной жизненной задачей.

Уже после смерти Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого, в годы правления царевны Софьи (1682—1689), произошло открытое столкновение «латинствующих» и грекофилов. При поддержке патриарха Иоакима победили последние. Им удалось захватить руководство первым московским высшим учебным заведением — Славяно-греко-латинской академией, открытой в 1686 г. После свержения Софьи вождя латинствующих, поэта Сильвестра Медведева, им удалось послать на плаху. Однако эта победа вовсе не означала гибели профессиональной литературы. Писательский профессионализм уже прочно утвердился в России.

Хотя в XVII в. резко повысился удельный вес авторских произведений, но анонимная струя, преобладающая в средние века, также не ослабевала. Прежде анонимность или, по крайней мере, приглушенность индивидуального начала были характерны для всей вообще литературы. Теперь анонимной остается в первую очередь беллетристика. Беллетристический поток XVII в. был стихийным и неуправляемым. Анонимной беллетристике присуща та же художественная и идеологическая пестрота, которая свойственна авторской продукции. Связи с Европой дали переводный рыцарский роман и новеллу. Появились первые оригинальные опыты разработки этих жанров — такие, например, как повести о Василии Златовласом и о Фроле Скобееве. Переосмысление традиционных жанровых схем привело к созданию качественно новых, сложных композиций, таких, как повесть о Савве Грудцыне с ее фаустовской темой. Художественное освоение истории отразилось в цикле повестей о начале Москвы и в повести о Тверском Отроче монастыре.

Социальная база литературы постоянно расширялась. Появилась оппозиционная литература низов общества. Эти низы — бедное духовенство, площадные подьячие, грамотное крестьянство — заговорили независимым и свободным языком пародии и сатиры.

1. ПЕРЕВОДНЫЙ РЫЦАРСКИЙ РОМАН И АВАНТЮРНАЯ ПОВЕСТЬ

Среди переводов XVII в. большое место занимают рыцарские романы, причем интерес к ним постоянно возрастал. Если в первой половине столетия читатель знал лишь «Бову королевича» и «Еруслана Лазаревича», то к концу века в литературном обороте было не меньше десятка произведений этого жанра. Рыцарский роман удовлетворял читательскую потребность в «неофициальном», индивидуальном чтении. Он не поучал, а развлекал.

кал, «изумлял». Не случайно эпитеты «дивный» и «удивления достойный» регулярно встречаются в заглавиях русских версий. Как правило, рыцарские романы переводились с польского языка. Исключения из этого правила редки: так, сюжет «Еруслана Лазаревича» — тюркского происхождения, а «Брунцвик» заимствован из чешской литературы.

Многие мотивы, встречавшиеся в переводных рыцарских романах, были хорошо известны русскому читателю. Битва со змеем, «муж на свадьбе своей жены», узнавание по кольцу, вещие сны и волшебные помощники героя, человек, зашитый в шкуру животного, и птица, его уносящая, приворотное зелье и меч-самосек — все это знали частично и по литературе, а главным образом по устному эпосу, в особенности по волшебной сказке. Однако художественный смысл переводных романов нельзя понять, расчленив их на эти извечные элементы. Мотивы — только кирпичи постройки. Ее архитектуру определяет сюжет, а сюжет нельзя свести к сумме мотивов. Сюжет зависит от концепции действительности. Какую же концепцию жизни принес в Россию XVII в. рыцарский роман, что в ней было нового и чем она привлекала читателя?

Классики средневекового рыцарского романа — Кретьен де Труа, Гартман фон Ауэ, Вольфрам фон Эшенбах, писавшие во второй половине XII — начале XIII в., а также более поздние авторы создали, в сущности, два типа повествования, две ветви этого жанра. Одна повествует о любви рыцаря к даме. Вторая — о поисках Грааля, чаши, служившей Христу на тайной вечере, в которую потом Иосиф Аримафейский собрал несколько капель крови распятого учителя (согласно древним легендам, Иосиф Аримафейский считался христианизатором Британии; в Британии и зародился цикл рыцарских романов, действие которых связано со двором короля Артура). В первом случае изображалась любовь земная, во втором — любовь идеально-мистическая, цель которой — найти источник чудесной благодати. Общими элементами обоих типов были рыцарский кодекс, сумма правил, определявших нормы поведения благородного рыцаря, а также описания многочисленных приключений и битв.

Русь XVII в. усваивала романы, весьма далекие от классических средневековых прототипов. На русский язык переводились так называемые «народные книжки», дешевые издания, выпускавшиеся большими тиражами по всей Европе и продававшиеся низовым читателям на ярмарках или бродячими торговцами. Герои «народных книжек» — не более как бледные тени рыцарей классического типа. Они преследуют вполне земные цели. Они менее активны. Часто не они повелевают судьбой, а судьба повелевает ими. Это жертвы рокового стечения обстоятельств. Если в классическом рыцарском романе соблюдалось равновесие между возвышенно-героическим персонажем, который строго следует рыцарскому кодексу, и авантюрным действием, приключе-

нием, то в «народной книжке» центр тяжести сместился в сторону действия, приключения. Именно действие, а не герой, сюжет, а не характер привлекали русских читателей XVII в. В «народной книжке» они находили подвиги, экзотические путешествия, любовную интригу. Апофеоз подвига — повесть о Бове королевиче¹.

Повесть о Бове королевиче. — Сложившись в средневековой Франции, сказания о подвигах рыцаря Бово д'Антоня обошли всю Европу. На Русь эта повесть попала таким сложным путем: в середине XVI в. в Дубровнике, славянской республике на берегу Адриатического моря, широко обращались издания соседней Венеции, в том числе и книги с итальянской версией романа о Бово д'Антоня. Сделанный здесь сербохорватский перевод был в том же XVI в. пересказан по-белорусски. К белорусской версии и восходят в конечном счете все русские списки.

Первый раз повесть о Бове королевиче была упомянута в одном русском источнике во второй четверти XVII в. Списки памятника относятся к еще более позднему времени. Однако есть все основания считать, что «Бова» стал популярным еще задолго до Смуты. Может быть, он проник на Русь путем устной передачи, как богатырская сказка, и только позднее попал в письменность. О популярности повести еще в XVI в. свидетельствуют личные имена. В 1590 г. с Терека в Москву приехал с грамотами пятидесятник *Бова* Гаврилов. Десять лет спустя патриарший сын боярский *Бова* Иванов из рода Скрипичиных сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь. В 1604 г. из Москвы в Нижний Новгород вез государеву грамоту некий *Лукопёр* Озеров (*Лукопер* — один из героев повести, славный богатырь, соперник Бовы). Насколько рано и насколько прочно вошла повесть в русскую культуру, ясно из рукописного англо-русского словаря врача Марка Рибли, который служил при московском дворе в конце XVI в. К слову «a knight» (рыцарь) этот англичанин дает русский эквивалент «личарда», а *Личарда* — имя одного из персонажей повести о Бове.

На русской почве «Бова» прожил долгую жизнь. Сохранилось не меньше семидесяти списков этого произведения. Двести лет, от петровского времени вплоть до начала XX в., оно расходилось в бесчисленных лубочных изданиях. Одновременно шел интенсивный процесс переработки и русификации текста.

Белорусская версия была куртуазным романом со сложной интригой. Здесь Бова сражался в турнирах, здесь описывалась церемония посвящения героя в рыцари. Любовь Бовы изображена здесь как любовь рыцаря к даме. Но на русской почве признаки рыцарского романа постепенно стирались, и повесть сближалась с богатырской сказкой. Особенно показательна в этом

¹ Исследование памятника см. в кн.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964

смысле 3-я редакция повести (по классификации В. Д. Кузьминой)¹.

Основные сюжетные узлы в ней сохранены. В завязке рассказано о злодейке-матери Бовы, королеве Милитрисе, которая извела своего мужа и вышла за короля Додо́на. Милитриса пыталась погубить и сына, но тому удалось бежать и поступить на службу к королю Зензевею. Тут начинается сквозная любовная линия повести: Бова влюбляется в дочь Зензевея Дружнёвну. К ней сватаются разные женихи, и дальнейшие бесчисленные приключения Бовы обуславливаются борьбой с соперниками. Читатель узнает о поединках Бовы с богатырями и о битвах, в которых Бова побеждает многотысячное войско, о вероломстве соперников героя, о пленении Бовы и заключении его в темницу и т. п. Бова наконец соединился с Дружневной, она родила ему двух сыновей, но судьба снова их разлучила. Приключения продолжаются. В конце концов все оканчивается счастливо. Дружневна и Бова снова вместе. Он мстит за отца, убивая Додона и преступную мать.

«Не в коем было царстве, в великом государстве...» — так начинается повесть в этой редакции. Это сказочный зачин, и в дальнейшем повествование ведется в тональности богатырской сказки, в тональности русского эпоса. Лукопер здесь стал похож на былинное Идолище: «Глава у него аки пивной котел, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми калена стрела ляжет, а промеж плечми мерная сажень (три аршина)». Герои живут в городах с теремами златоверхими, тешатся соколиной охотой. «бьют челом» друг другу и вообще соблюдают русские обычаи. Дружневна на пиру «рушит (разрезает) лебедь», а ее отец-король Зензевей так встречает одного из женихов: «Примал ево за белые руки и цаловал в сахарные уста и называл его любимым зятем». Главный герой из европейского рыцаря превратился в православного витязя, усердного в вере и не забывающего подчеркнуть, что он христианин. Вот как Бова, скрывающий свое имя и звание, представляется случайно встреченным мореходам: «Яз роду не татарскова, яз роду христианскова, понамарев сын, а матушка моя была убогая жена, на добрых жен платья мыла, тем свою голову кормила».

Повесть настолько сблизилась со сказкой, что перешла в фольклор. Как известно, рыцарский роман «есть производное сказки. Развитие здесь идет по этапам: сказка — роман — сказка»². «Бова» проделал весь этот путь, и к концу XVII в. круг замкнулся. Повесть «в лицах», т. е., с иллюстрациями, была среди потешных книг малолетнего царевича Алексея Петровича — на-

¹ Издание текста 3-й редакции см. в кн.: «Изборник», с. 516—541. Далее текст цитируется по этому изданию.

² Пропп В. Я. Трансформация волшебных сказок.— В кн.: Поэтика. Временник отдела словесных искусств, т. IV. Л., 1928, с. 82.

ставники царевича ставили ее на одну доску с «робячьими» сказками. 3 декабря 1693 г. из хором царевича «дьяк Кирила Тихонов снес потешную книгу в лицах в десть (т. е. большого формата) о Бове королевиче, многие листы выдраны и попорчены. а приказал тое книгу починить заново»¹.

Герои повести находятся в постоянном движении, но движение это хаотическое, оно слабо мотивировано и, по существу, бесцельно. Насколько герои подвижны внешне, настолько они неподвижны внутренне. Их реакции на то, что их окружает, сводятся к примитивному набору простейших эмоций. Они остаются во власти этикета, средневекового или сказочного, и не случайно семилетний Бова, «детище мало», ведет себя как взрослый человек, влюбляется и сражается, что отнюдь не смущало русских переводчиков и редакторов. В «Бове» нет характера, ибо он принесен в жертву авантюрному действию. Это — общее правило рыцарского романа, в котором характер заменялся общими декларациями; считалось вполне достаточным сказать о безупречной храбрости героя и о его верности долгу. Лишь немногие персонажи не вписываются в эту схему.

«Повесть о Брунцвике». Таков чешский королевич Брунцвик, с которым русский читатель познакомился, по-видимому, во второй половине XVII в.² «Повесть о Брунцвике» — перевод одноименного чешского памятника. Здесь рассказывается о похождениях вымышленного князя в экзотических «землях неизвестных». Чешский колорит ограничивается двумя-тремя упоминаниями о Праге и ссылой на то, что Брунцвик отправляется в странствия ради того, чтобы заслужить новый герб. В конце повести орел на чешском знамени заменяется изображением льва (такая смена гербов в принципе соответствует исторической действительности).

Эту смену герба русский читатель мог связать с переводными Космографиями, в которых говорилось, что Чехия находится «под звездою зодияцкою лев нареченною» и что поэтому чехи «нравом всяким льву подобные — мужеством, сердцем... гордостью, величеством... изображают приращение львовое»³. Однако повесть не рассматривалась как источник информации о Чехии. Рядовой читатель XVII в. вообще мало интересовался этой страной. Порабощенная Габсбургами, Чехия в русском сознании существует не как самостоятельная политическая и

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях, ч. II. М., 1915, с. 181.

² Издание текста в кн.: Петровский М. История о славном короле Брунцвике — ПДП, XXV. Сиб., 1888, с. 31—57; Polívka Jiří. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře. — Rorpravu České Akademie, R I, 17, 3, 5. Praha, 1892, с. 19—133. Исследование и библиографию повести см. в кн.: Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969, с. 85—136. Далее текст цитируется по пражскому изданию И. Поливки.

³ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 486.

культурная единица, а как одна из земель Священной Римской империи. Не ища в повести исторических познаний, русские переписчики самое название Чешской страны заменяли то на «некую», то на «великую», то на «греческую», то, наконец, на «франчюжскую». Приключения, которые пережил герой, могли выпасть на долю человека любой национальности.

Покинув Прагу, Брунцвик добрался до моря, нашел здесь корабль и отплыл куда глаза глядят. Корабль притянула магнитная гора, у подножия которой и пришлось высадиться со всею свитой герою. Старый рыцарь рассказал князю, что спастись из этого гиблого места можно только одним способом: раз в год на остров прилетает за добычей птица «ног» (это грифон, чудовище с телом льва и орлиными крыльями, известное славянам из Библии и «Александрии»). Нужно обернуться в конскую кожу, и тогда птица унесет человека в свое гнездо. Брунцвик так и сделал. Попав в гнездо птицы «ног» и перебив ее прожорливых птенцов, он продолжал свое странствие. Бродя по пустынным горам, Брунцвик увидел льва, изнемогающего в битве с девятиглавым драконом. Герой помог льву, который стал верно служить своему избавителю. Им пришлось побывать во многих диковинных странах — и у песьеглазцев, и у других чудовищ, пришлось преодолеть много смертельных опасностей, прежде чем они добрались до Праги. Брунцвик прожил еще сорок лет и мирно скончался. Лев умер на могиле своего господина.

«Повесть о Брунцвике» — произведение, построенное на описаниях странствий человека в фантастических землях. Бова, как и Брунцвик, тоже странствовал, но по королевствам, населенным людьми, а не чудовищами. Бова, как и Брунцвик, тоже сражался, но — сражался главным образом с рыцарями из плоти и крови. Чудесный элемент занимает в «Бове» очень мало места. Брунцвику, напротив, противостоял таинственный, фантастический мир. Связь между отдельными приключениями героя, между описаниями людей с песьими головами, морских чудовищ, экзотических островов и таинственных гор, внезапно возникающих над морем, — эта связь условна. Она носит «географический» характер. Волны прибывали корабль Брунцвика к неведомому берегу, и читатель узнавал о зловещей, смертоносной магнитной горе, птица «ног» переносила героя в пустынные, безлюдные горы — и следовал бой с драконом; плот, на котором плыл Брунцвик со львом, носило по морю — и перед изумленным князем появлялась светящаяся гора Карбункулус.

Уже давно было замечено, что Брунцвик наименее герончен из всех персонажей переводных романов XVII в.¹ Более того, он

¹ См.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 374. «Брунцвик, — писал М. Петровский, — является мягким славянским князем, готовым «по примеру предков» биться за славу государства, но смущающимся при каждой неожиданной встрече» (Петровский М. История о славном короле Брунцвике, с. 9).

боязлив и даже слезлив. «Великий страх» охватывает его чуть ли не в каждом эпизоде. Брунцвик нередко уклоняется от боя. Мольбы о помощи, которыми он кстати и некстати докучает богу,— это не благочестивое укрепление перед битвой, приличествующее рыцарю-христианину, а причитания растерянного, смертельно напуганного человека. Иногда такие сцены получают комическую окраску.

После победы над драконом Брунцвик еще долго не доверял льву. Пытаясь избавиться от него, герой взобрался на дерево, запасшись «желудками (желудями) и яблоками». Три дня и три ночи сидел лев под деревом, тщетно ожидая, когда же его избавитель спустится на землю. Наконец потерявший терпение лев зарычал так сильно, что незадачливый Брунцвик со страху упал с дерева и «убился (разбился) вельми».

Итак, Брунцвик не выглядел рыцарем без страха и упрека. Но он все же не был и отрицательным лицом. Магнитная гора, птица «ног» и огнедышащий дракон для русского и европейского средневековья были гораздо более «представимы» и менее экзотичны, чем для нас. Нет сомнения, что большинство верило в их реальность. Поэтому человек XVII в. видел в повести нечто отличное от того, что видится в ней нам. Мы склонны отводить Брунцвику роль скорее композиционную (его присутствие связывает отдельные эпизоды), нежели героическую. Мы забываем о том грандиозном конфликте, который лежит в основе повести, о конфликте человека с силами природы.

Главный герой — это человек вообще, абстрактный представитель человеческого рода, в сущности лишенный национальных и социальных примет. Его высокое положение на социальной лестнице ни помогает, ни вредит ему. То, что Брунцвик — владетельный государь, можно считать лишь рудиментом средневекового этикета, который ограничивал выбор персонажей определенной средой. Помня, что Брунцвик — князь, и видя, что он испуган и растерян, читатель XVII в. убеждался, что все люди равно беспомощны перед природой, что князья и королевичи в этом смысле ничем не отличаются от простых людей. В этом и заключается своеобразный демократизм этой робинзонады XVII в.

«Повесть о Петре Златых Ключей». К куртуазному («учтиво-му») жанру принадлежит роман о Петре Златых Ключей¹ (герой долго скрывал свое имя, считая, что лишь тогда может открыться, когда прославится подвигами; «и называли его рыцарем Златых Ключев, потому что на шлему два ключа было золотых приделаны висящих»). Это произведение, как полагают, возникло в XV в. при блестящем бургундском дворе. Тема романа — любовь рыцаря к даме и их верность в долгой разлуке. Эта тема осталась

¹ Издание текста в кн.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси, с. 275—331. Текст цитируется по этому изданию.

основной и в русской версии, которая отделена от оригинала несколькими промежуточными звеньями: русский перевод был выполнен в 1662 г. с польского издания.

Русская версия во многом сохранила рыцарский дух оригинала. Из нее читатель впервые узнал имя Ланселота, самого знаменитого из рыцарей «Круглого стола» короля Артура: Петр одолел Ланселота на турнире, «Ланцелота с конем сииб на землю, и руку ему выломил». Петр Златых Ключей — поистине куртуазный (благовоспитанный, вежливый) герой. Он соблюдает рыцарские правила поведения. На турнирах он благороден и предупредителен к противникам. Он выбирает себе даму (свою будущую возлюбленную Магилену) и клянется служить ей до смерти — и держит слово. Он не сядет в присутствии женщины. Он набожен и ходит к мессе — туда Магилена и подсылает к нему наперсницу-мамку. Все это — куртуазные черты. Но в характере Петра есть также галантная чувствительность. Ею отмечены многие европейские романы XVII в. В России ею славилась петровские кавалеры; галантная чувствительность и обеспечила повести популярность в эпоху петербургских ассамблей.

Вот Петр Златых Ключей после долгих мытарств, после плена и службы у султана едет домой. Он переплыл море и «был болен от морского ходу». «И, вышед на брег, гулял по берегу и нашел хороший луг, на котором лугу много было пахучих всяких цветов. И князь Пётр лег на том лугу промеж цветами. И с того морского ходу от добраго ветру стало ему лехко, и стал зреть на цветы, и увидел промеж всеми цветами един цветочик краше всех и благовоннее, и сорвал его. И глядя на цветочик, вспомянул красоту прекрасной кралевны Магилены, что промеж прекрасными прекраснее всех была. И ... стал горько плакать от вего сердца своего».

Под стать Петру Златых Ключей и Магилена: она не раз «обмирает», т. е. падает в обморок. Слезы, нарекания на горькую судьбу, вздохи и жалобы — вот аксессуары героини. Это не столько чувства, сколько галантная чувствительность. Но под этой оболочкой скрыта верная и благородная любовь.

Пружина действия — коллизия куртуазной любви и плотской страсти. Описывая тайные свидания героя и героини, передавая их пламенные излияния, автор все время подчеркивает, что Петр и Магилена сохраняют целомудрие. Уже решен побег, уже куплены «добрые кони». Петр дает своей возлюбленной торжественную клятву: «Обещаюся пред господем богом... быть оберегателем чести твоей девической до полуночнаго законна времени». Именно нарушение клятвы приводит к разлуке. На отдыхе Петр, «запаметовав, кого порукою дал, стал мыслить иное, неподобное дело» Но небесный поручитель не дремал — и тотчас вмешался. Внезапно прилетел ворон, унес узелок с тремя заветными перстнями, подарком Петра Магилене. Петр погнался за вороном — и надолго потерял возлюбленную.

Согрешил Петр, но замаливала грех Магилена. Она совершила паломничество в Рим, «была у мощей святых апостол Петра и Павла, три месяца молилась, чтоб ее господь бог свел в добром здравье с милым ее другом». Потом она основала монастырь святых Петра и Магилены, а при нем устроила богадельню. Здесь и встретились снова герой и героиня, здесь они отпраздновали пышную свадьбу. Во всех этих эпизодах повести католическая окраска вполне ощутима: все знали, что в Риме пребывает папа, заклятый враг православия, а святой Магилены не было в православных святцах. Но русских переводчиков и читателей это не смущало. В беллетристике не искали «душеполезности» и не боялись явных отклонений от нее. Эмансипация литературы от церкви зашла уже далеко, и переводный рыцарский роман углублял этот процесс.

Несмотря на огромную популярность западных любовно-авантюрных романов на Руси, в оригинальной литературе XVII в. находим лишь небольшое количество аналогов. По-видимому, немногочисленность оригинальных произведений этого жанра еще не ощущалась как пробел. Читательские потребности с успехом удовлетворялись устной традицией — волшебной сказкой и былинной. В XVII в. появляются первые их записи и переделки. Одна из таких переделок — стихотворная «Повесть о Сухане», сохранившаяся в единственном списке последней четверти XVII в.¹

«Повесть о Сухане». По записям фольклористов XIX—XX вв., былина о богатыре Сухане известна в двух версиях. Одна выдвигает на первый план социальный аспект, изображая ссору несправедливого князя с богатырем. Другая всецело сосредоточивается на героической теме, на подвиге Сухана. Именно эта версия и легла в основу «Повести о Сухане». «Повесть» рассказывает о том, как киевский богатырь, без оружия выехавший «на потеху кречатную» (охоту с кречетом), встретил несметную татарскую рать, идущую на Русь; как он, вырвав в дубраве «сыр-зелен падук», громил татар; как татарский царь «велел зарядить три порока» (стенобитных или метательных орудия), «а в пороке по рогатине»; как с третьего раза татары попали в Сухана:

Из третьена стрелили — убили богатыря
Против сердца богатырскова,
Отрезали корень сердечное,
И богатырь забыл рану смертнюю,
Загаркал, напустил, да и тех побил всех татар.

Сухан вернулся в Киев и умер, оплакиваемый государем и матерью.

Помимо былины, автор «Повести» использовал литературные произведения о борьбе с татарами, главным образом «Сказание

¹ Исследование и текст см.: Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956.

о Мамаевом побоище». Кроме того, автор учитывал воинскую практику своей эпохи. Для России XVII в. тема борьбы с татарами вовсе не была только исторической темой: ногайские и крымские орды постоянно угрожали южным рубежам. Поэтому автор наделил Сухана чертами служилого человека XVII в. Для Сухана защита русских границ — «дело государево», «служба государева» (типичные для XVII в. словосочетания).

«Повесть об Иване Пономаревиче». Влияние русского фольклора ощущается и в тех оригинальных авантюрных повестях, которые учитывали опыт переводного рыцарского романа. Типичный образец произведения, в котором скрещиваются и фольклорная, и переводная струи,— сохранившаяся в одном списке первой четверти XVII в. «Повесть об Иване Пономаревиче»¹. Ее сочинил какой-то любитель западных рыцарских романов. В языке повести совсем нет заимствований из иностранных языков (варваризмов), но действие ее разыгрывается на чужбине — в Турции и «аринарской» земле, а герои носят нерусские имена: Кварт, Алиострог, Клеопатра. О русском происхождении повести свидетельствуют также многочисленные реминисценции русского фольклора; западное влияние удостоверяется компилятивностью в построении сюжета.

У пономаря Германа, который жил в «древних летех близ турецкой земли», был сын Иван, «зело прекрасен и разумен, и силен, и премудр». Турецкий посол Кварт так прельстился Иваном, что решил подарить его своему властелину — салтану. Первых двести турок, посланных Кварту, Иван побил «забориной» (в повести о Бове королевиче есть эпизод, где герой побивает врагов метлой). Тогда салтан послал уже десять тысяч войска. Прощаясь с родителями, Иван оставил дома одного из двух своих богатырских коней и наказал отцу: «Как я буду убит, то конь станет в крови по колено стоять. И ты, оседлав, поездяй ко мне; тот конь до моего мертвого тела тебя сам доведет».

Иван побил войско и решил не возвращаться домой. «В то время была война с королем аринарской земли Алиострогом. Слышав то Иван, что аринарский король имеет брань с турецким салтаном, и поехал до него». По дороге он трижды «наехал великую силу: побита лежит». Это были рати аринарского короля, которых побил салтан, «доступавший» прекрасной Клеопатры, дочери Алиострога. На пути Иван обзавелся мечом-кладенцом.

В аринарской стране Иван совершил чудеса храбрости, отбил все нападения салтана, женился на Клеопатре и по смерти Алиострога стал править королевством. Однако салтан не успокоился. Приняв «нищенский образ», он вместе с «мочным пашой именем Беграрь» пришел на королевский двор просить милостыню. Клеопатра показала ему Иванов меч-кладенец, и «мочный паша» завладел им. Иван хватился меча, бился железной палицей и был зарублен Беграрем.

Салтан завладел королевством, «Клеопатра же принимает салтана любезно». Эта «любезность» ничем не мотивирована и неожиданна. Русский компилятор ничтоже сумняшеся наращивает эпическую цепь, переводя повествование в план сказки о злой жене-изменнице. Теперь самое время воскресить Ивана: «Отец Герман войде в конюшню, ажно конь в крови по колено стоит. Он же нача плакати и, оседлав добраго коня, поехал, и тот конь довез его до мертвого тела сына его».

Но как быть дальше? Ведь при расставании Иван говорил отцу, что конь только укажет, где лежит тело. Тогда автор присваивает коню функцию

¹ Издание текста см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Спб., 1860, вып. II, с. 319—322; Петц В. Н. Из истории старинной русской повести.— «Киевск. университетские известия», 1907, № 9, с. 65—70. Текст цитируется по изданию в «Памятниках».

волшебного помощника: «Профешав же конь ево человеческим гласом: «Господин мой Герман! Аще хошеши сына своего здрава видети, разрежь чрево мое, и вынь всю внутренность мою и вымажь кровию его, а меня станут враны младья клевати, и ты поими врана и проси живой воды и мертвой». Здесь допущена новая непоследовательность: конь гонится лишь как приманка, и слова «вымажь кровию» повисают в воздухе.

Иван и конь воскрешены. Автор тотчас отпускает домой пономаря и волшебного коня, а Иван отправляется в Аринарское королевство пешком. Дело в том, что автор решил сделать прекрасного и храброго Ивана также сведущим в колдовстве, для чего и понадобилось пешее хождение. «Иван узре на пути крестьянина идуща и рече ему: «Аще хошеши добро тебе, аз стану предивным конем, шерсть имуше златую, и ты проведи мимо салтанскаго двора». Клеопатра наделяется даром провидения. Она говорит салтану: «Это не конь, это Иван Пономаревич. Прикажи его срубить». Девка-чернавка предостерегает Ивана, по его приказу берет «крови от главы» его и бросает к салтановым быкам. Иван оборачивается златошерстным быком, потом яблоней с прекрасными плодами, потом «преславным селезнем». Герой, естественно, побеждает, казнит салтана и Клеопатру и берет себе новую жену.

«Повесть об Иване Пономаревиче» объединила различные мотивы, заимствованные и домашние, и сделала это весьма неумело. Автор допускает здесь литературную скороговорку, немотивированность, художественный «произвол». Овладение новым жанром требовало известной подготовки. На новом и непривычном пути были неизбежны промахи и ошибки.

«**Повесть о Василии Златовласом**». Гораздо выше по художественному качеству «Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли»¹, вопрос о происхождении которой до сей поры не решен. Ее принято возводить к несохранившемуся чешскому источнику. Однако на поверку доводы сторонников этой гипотезы оказываются весьма уязвимыми. То «знание сношений Чехии с Францией», о котором писали исследователи, оборачивается полным их незнанием. Автор демонстрирует невежество и в географии, и в истории. Его герой отплывает из континентальной Чехии на корабле (в данном случае возможно влияние «Брунцвика»; но там отысканию корабля предшествует длительное сухопутное путешествие). Чехия изображена не вассальным королевством империи Габсбургов, а владением французских королей. В языке повести нет никаких следов западнославянского оригинала. Это типичный литературный язык XVII в. с просторечными вкраплениями.

Скорее всего повесть написал русский книжник, хорошо знавший греческий язык. Гречизмом является постоянный эпитет *златовласый*. Греки употребляли соответствующий греческий эквивалент и применительно к могущественным варварским народам, и по отношению к самим себе. В последнем случае *златовласый* человек означал человека красивого, благородного, умного. Этот эпитет-символ в XVII в. был хорошо известен образованным

¹ Издание текста см.: Шляпкина И. А. «Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли». — ПДП, XXI, Сиб., 1882, с. 1—27. В издании И. А. Шляпкина допущено около трехсот ошибок, как установил В. П. Бударягин (О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли». — ТОДРЛ. М.—Л., 1970, т. XXV, с. 268—275). Поэтому цитаты проверены по работе В. П. Бударягина.

русским людям. В некоторых списках повести сохранились первоначальные варианты имени героя: *Валадохих, Валамих, Валадем*. Эти варианты имен восходят к греческим причастиям, означающим либо «отвергнутый», либо «первый встречный, всякий желающий». Оба значения, как увидим, вполне соответствуют функции этого персонажа. Значимым именем наделена и героиня Полиместра (по-гречески «многосватанная»).

В повести использован сюжет сказок о разборчивой невесте. Гордая французская королева отказывает сватам Василия Златовласого, не желая выйти замуж за вассала. Тогда герой отправляется во Францию «неявным лицом», инкогнито. Там, с помощью игры на гусях, он сумел заманить к себе любопытную Полиместру и овладел ею. Королеве пришлось упрашивать этого «смерда» жениться на ней. После двукратного отказа Василий наконец смягчился.

Хотя повесть основательно переработала сказочный стереотип (опущено, например, обязательное для сказки изгнание отцом обесчещенной королевы), но в общем она чрезвычайно близка к русскому фольклору. Давно замечено ее сюжетное сходство с былиной о Соловье Будимировиче и Забаве Путятишне¹. Соловей тоже отправляется за невестой на кораблях, тоже прельщает ее игрой на гусях, тоже надругивается над Забавой. Однако художественная специфика повести не исчерпывается объединением авантюрных и фольклорных элементов. Здесь очень сильна бытовая струя, которая сближает повесть с новеллой. В фольклоре и старинной письменности хрустальный пол испокон веку использовался для узнавания тайных примет героини. Автору «Василия Златовласого» этот мотив понадобился для насмешки над Полиместрой, и он перевел его в бытовой план: когда Василий собственноручно наказывал разборчивую королеву, она «зело убилась (ушиблась)... понеже зело гладко и скольско».

Бытовая стихия отразилась и в стиле повести. Отвергая сватовство Василия Златовласого, Полиместра говорит языком бойкой посадской «женки»: «Не терт — не калачь, не мят — не ремень, не тот де сапог не на ту ногу обут, садится лычко к ремешку лицом». Наказывая обесчещенную королеву, Василий припоминает ей этот иносказательный ответ, продолжив его и пояснив: «...Понимает (берет замуж) ли де смердей сын королевскую дочь? Никогда того не бывает, еже смердей сын королевскую дочь понимает».

Сам Василий Златовласый также похож на новеллистического героя. Хотя в экспозиции и финале повести звучит тема добывания невесты, но в основной части цель героя иная: он хочет наказать

¹ См.: Халанский М. Г. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885, с. 144—166; Он же. Южнославянские сказания о королевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса, ч. II. Варшава, 1894, с. 327—335; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 134—136.

оскорбившую его Полиместру, его задача — «отмщение смеха». Василий бесконечно далек от идеала куртуазного рыцарства. Его предприимчивость и неразборчивость в средствах напоминает персонажей плутовской новеллы. Он близкий «литературный родственник» Фрола Скобеева. Если «Иван Пономаревич» был робким и слабым упражнением в новом, заимствованном с Запада жанре, то «Василий Златовласый» знаменовал собою творческое вмешательство в авантюрную схему. Этот памятник доказывает, что уроки Европы усваивались поразительно быстро. Рыцарский роман принес в Россию любовную тему — не традиционно христианскую, а секуляризованную, «мирскую». Он прививал вкус к приключениям и к той галантной «чувствительности», которая столь сильна была в русской культуре эпохи петровских ассамблей.

2. «ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ»

Жанровая система русской прозы переживала в XVII в. коренную ломку и перестройку. Смысл этой перестройки состоял в освобождении от деловых функций, от связей с обрядом, от средневекового этикета. Происходила беллетризация прозы, превращение ее в свободное сюжетное повествование. В жития, постепенно терявшие прежнее значение «религиозного эпоса», проникали черты светской биографии. Переводный рыцарский роман и переводная новелла резко увеличили удельный вес занимательных сюжетов. В прозе возникали сложные новые композиции, в которых использовалось несколько традиционных жанровых схем.

Такова «Повесть о Савве Грудцыне»¹, написанная в 60-х гг. как эпизод из недавнего прошлого. Повесть начинается с 1606 г. и охватывает осаду русскими войсками Смоленска в 1632—1634 гг. Но безымянный автор повести пишет не об истории России, а о частной жизни русского человека, купеческого сына Саввы Грудцына. Повесть разрабатывает на русском материале фаустовскую тему, тему продажи души дьяволу за мирские блага и наслаждения.

Савва Грудцын, отпрыск богатой купеческой семьи, посланный отцом по торговым делам из Казани в один из городов в области Соли Камской, соблазнен замужней женщиной. Он было нашел в себе силы воспротивиться ее домогательствам в день Вознесения Христова, но похотливая возлюбленная жестоко ему отомстила: сначала «присушила» Савву любовным зельем, а потом отвергла. Страдающий Савва готов на все, чтобы ее вернуть, — готов даже

¹ Повесть цитируется по изданию М. О. Скрипиля. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1947, т. V, с. 225—308. Сводку данных по теме см.: Скрипиля М. О. «Повесть о Савве Грудцыне». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1935, т. II, с. 181—214; «ТОДРЛ». М.—Л., 1936, т. III, с. 99—152.

погубить душу. «Аз бы послужил диаволу», — думает он. Тут подле него и появляется «мнимый брат», бес, затем всюду его сопровождающий, которому Савве пришлось дать «рукописание» — договор о продаже души. Возлюбленная опять вернулась к Савве. Потом он вместе с бесом «гуляет» по Руси, записывается новобранцем в войско, из Москвы отправляется под Смоленск. Здесь (конечно, с помощью беса) он показывает чудеса храбрости, побеждает одного за другим трех исполинов и затем возвращается в столицу героем. Но приходит время расплаты. Савва смертельно болен, его охватывает ужас: ведь его душе уготована вечная мука. Он кается, дает обет стать монахом и вымаливает у богородицы прощение: в церкви, куда принесли больного Савву, роковое «богоотметное писание» падает сверху. Оно «заглажено», это чистая бумага. Значит, договор не действителен, и дьявол теряет власть над душой Саввы. Герой выздоравливает и постригается в Чудовом монастыре. Такова в кратком пересказе событийная канва этого произведения.

В «Повести о Савве Грудцыне» использована сюжетная схема «чуда», религиозной легенды. Этот жанр был одним из самых распространенных в средневековой письменности. Он широко представлен и в прозе XVII в. Всякая религиозная легенда ставит перед собой дидактическую цель: доказать какую-то христианскую аксиому, например действительность молитвы и покаяния, неотвратимость наказания грешника. В легендах, как правило, три сюжетных узла. Легенды начинаются с прегрешения, несчастья или болезни героя. Затем следует покаяние, молитва, обращение к богу, богородице, святым за помощью. Третий узел — это отпущение греха, исцеление, спасение. Эта композиция была обязательной, но в ее разработке, в конкретном исполнении допускалась известная художественная свобода. Писатель мог по своему усмотрению выбирать главного героя или героиню, время и место действия, вводить произвольное число второстепенных персонажей.

Сюжетными источниками «Повести о Савве Грудцыне» были религиозные легенды о юноше, который согрешил, продав душу дьяволу, затем покаялся и был прощен¹. В одной из таких легенд, «Слове и сказании о некоем купце»², действие протекало в Новгороде, герой был купеческим сыном, а бес изображался как слуга героя. По-видимому, именно «Слово и сказание о некоем купце» было непосредственным литературным источником «Повести о Савве Грудцыне». Крайне важно, что персонажи и «Слова», и «Повести» принадлежат к купеческой среде. Купечество было самым подвижным из древнерусских сословий. Куп-

¹ См. наблюдения Д. С. Лихачева в кн.: Истоки русской беллетристики, с. 525—536.

² Издание текста см.: Перетц В. Н. Из истории старинной русской повести. — «Киевские университетские известия», 1907, № 8, с. 33—36.

цам привычны были дальние странствия по Руси и за русские рубежи. Купцы знали языки, на своих и чужих рынках постоянно общались с иноземцами, покупали, читали и привозили домой иностранные книги. Купечество было менее косным и замкнутым, чем другие сословия древнерусского общества, более терпимым к чужой культуре, открытым разнообразным влияниям. Насколько широким был кругозор лучших людей этого сословия, показывает «Хождение за три моря» Афанасия Никитина с его поразительной терпимостью и уважением к чужим верованиям и традициям. Эта сословная «подвижность» отражается и в литературе — в произведениях, героями которых были купцы. Читатель находил здесь описания опасных путешествий с бурями и кораблекрушениями, рассказы об испытании верности жены во время отлучки мужа и другие приключенческие и романические мотивы. «Давление этикета» в произведениях о купцах гораздо слабее, нежели в произведениях об «официальных» героях, о церковных подвижниках, о князьях, царях и воеводах. Избрав героем своей повести купеческого сына, автор «Повести о Савве Грудыцине» мог опереться на эту традицию.

Еще один источник повести — волшебная сказка¹. Сказкой навеяны сцены, в которых бес выступает как волшебный помощник, «даруя» Савве «премудрость» в военном деле, снабжая его деньгами и т. п. К сказке восходят поединки Саввы с тремя вражескими богатырями под Смоленском (троичная символика здесь явно фольклорного происхождения). С волшебной сказкой связано и такое сюжетное звено повести, как «царская тема». В сценах, подводящих читателя к развязке, постоянно подчеркивается, что царь «изливает свое милосердие» на Савву, заботится о нем, сочувствует ему. Когда герой страдал от «бесовского томления» и все боялись, что он наложит на себя руки, царь приставил к нему караульщиков и посылал «повседневную пищу». Царь приказал перенести страждущего в церковь. Царь расспрашивал Савву о его жизни и приключениях. Это царское покровительство с точки зрения сюжетной логики естественно: ведь дело происходит после ратной службы Саввы под Смоленском. Покровительство оказывается храбрцу, непобедимому воину. Монаршее внимание — не случайность и не прихоть, а награда за подвиги на поле брани.

Но автор повести говорит о связи Саввы с царем гораздо раньше, еще до смоленского похода, когда читатель еще не знает, что беспутный купеческий сын станет героем войны. «По некоему же случаю явственно учинися (стало известно) о нем и самому царю», — пишет автор о Савве, когда он с «мнимым братом» попал в Москву. Здесь на Савву обратил благосклонное внимание боярин Семен Лукьянович Стрешнев, государев шурин.

¹ См.: «ТОДРЛ», Л., 1972, т. XXVII, с. 290—304.

Покровительство царского шурина почему-то приводит беса в ярость. «Бес же с яростию рече ему (Савве): «Почто убо хочещи презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо ныне и сам в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен (известен) учинился еси». Что это значит? Почему бес говорит, что Савва «ныне и сам в том же порядке устроен», т. е. стал ровней царскому свойственнику и боярину? Ответ дает волшебная сказка.

Автор как бы уклоняется от объяснений, но это вовсе не означает, что читатель XVII в. не понимал, на что он намекает. Для человека Древней Руси волшебная сказка была с детства близким, «вечным спутником». И как раз волшебная сказка поясняет этот эпизод. Она, как правило, заканчивается женитьбой героя на царской дочери и последующим его воцарением. Воцаряется обычно зять, свойственник, а не сын или иной кровный родственник государя. Бес это и подразумевает: зачем кланяться царскому шурину, если Савва станет царским зятем? И дальше как бы продолжается подготовка к сказочному триумфу. Автор для того и переносит действие под Смоленск, чтобы дать Савве отличиться. Вот он уже герой, он выполнил нечто вроде сказочного испытания — победил трех «поединщиков». Но тут автор обрывает сказочное течение событий, возвращаясь к сюжетным узлам «чуда». Описывается болезнь (следствие преступления), затем покаяние и, наконец, исцеление и прощение (искупление греха). В художественном отношении эти переключения с одного сюжетного прототипа на другой, с религиозной легенды на сказку и потом снова на религиозную легенду чрезвычайно важны.

Это — своеобразный литературный «обман», ибо автор создает эффект обманутого ожидания. Такой прием не характерен для средневековья, когда в литературе господствовал этикет, когда знакомая сюжетная ситуация влекла за собою другую, столь же знакомую. Такой прием характерен для искусства нового времени, в котором ценится неожиданное, непривычное, новое. Автор «Повести о Савве Грудцыне» уже преодолел средневековый этикет, потому что он держит читателя в постоянном напряжении, переключаясь с одной сюжетной линии на другую.

Было бы неверно видеть в этом литературную игру или художественную непоследовательность. «Повесть о Савве Грудцыне» — не мозаика из плохо пригнанных, взятых из разных композиций фрагментов. Это продуманное, идеологически и художественно цельное произведение. Савве потому не суждено достичь сказочного счастья, что судит бог, а Савва продал душу сатане. Бес, так похожий на сказочного волшебного помощника, на деле — антагонист героя. Бес не всемогущ, и тот, кто на него уповает, непременно потерпит крах. Зло рождает зло. Зло делает человека несчастным. Такова нравственная коллизия повести, и в этой коллизии первостепенную роль играет бес.

Бесовская тема в «Повести о Савве Грудцыне» — это трагическая тема двойничества. Бес — это «брат» героя, его «второе я». В православных представлениях каждому живущему на земле человеку сопутствует ангел-хранитель — также своего рода двойник, но двойник идеальный, небесный. Автор «Повести о Савве Грудцыне» дал негативное, «теневое» решение этой темы. Бес — тень героя, бес олицетворяет пороки Саввы, то темное, что в нем есть, — легкомыслие, слабую волю, тщеславие, любострастие. Силы зла бессильны в борьбе с праведником, но грешник становится их легкой добычей, потому что выбирает путь зла. Савва, конечно, жертва, однако он и сам повинен в своих несчастьях.

«Повесть о Савве Грудцыне» полна примет «бунташного века», когда ломались вековые устои древнерусской жизни. Автор стремится внушить читателю, что его произведение — не вымысел, что оно «истинно». Этой иллюзии жизнеподобия служит, в частности, реальность фамилии персонажа. В купеческом сословии XVII в. одно из видных мест занимала богатая семья Грудцыных-Усовых. Вполне возможно, что повесть отразила какие-то реальные беды, пережитые этой семьей. Вполне возможно, что какой-то беспутный недоросль из рода Грудцыных-Усовых соблазнил замужнюю купчиху (или что купчиха соблазнила недоросля). Возможно даже, что «присушить» купчиху недоросль пытался с помощью сатаны: по источникам XVIII в., как установлено Н. Н. Покровским, известны десятки попыток заключить «договор с дьяволом», причем самым частым побудительным мотивом были любовные неудачи. Такой неудачник писал на листе бумаги о своем согласии продать душу (подпись кровью не обязательна), обертывал бумагой камень (камень брался для тяжести) и бросал его в мельничный омут, где, как считалось, обитает нечистая сила (ср. поговорку «В тихом омуте черти водятся»). Если так поступали в XVIII в., то тем более так могли поступать столетием раньше. И все же введение в текст реальной семьи, реального имени, реального адреса — это прежде всего литературный прием. Не истинность описываемого происшествия, а «истинность» своего произведения, его авторитетность, весомость, значительность пытался таким способом утвердить автор.

В художественной концепции автора очень важна мысль о разнообразии, пестроте жизни. Ее изменчивость очаровывает молодого человека. Но совершенный христианин должен противиться этому наваждению, ибо для него земное существование — тлен, сон, суета сует. Эта мысль занимала автора так сильно, что он допустил непоследовательность в построении сюжета.

Савва Грудцын заключил договор с дьяволом для того, чтобы утолить греховную страсть к жене Бажена Второго. Дьявол, со своей стороны, выполнил обязательство: «Савва же паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле». Но вот из Казани получается письмо, из которого видно, что Грудцын-старший узнал о беспутстве своего сына и хочет при-

ехать за ним. И тут Савва вдруг забывает о своей демонической, всепоглощающей страсти, навсегда бросая любовницу. Герой о ней больше ни разу не вспомнит, а читатель ничего не узнает. Зачем в таком случае было продавать душу? Неужто Савва охладел потому, что испугался отца? Разве не мог всемогущий «мнимый брат» как-то уладить дело, задержать отца? Предоставим слово бесу: «Брате Савво, доколе зде во едином малом граде жити будем? Идем убо во иные грады и погуляем». «Добре, брате, глаголеши», — одобряет его Савва. Значит, Савва Грудцын продал душу не только за любовь, но и за то, чтобы «погулять» по русским городам, посмотреть мир, насладиться жизнью, познать ее изменчивость и многоликость. Таким образом, непоследовательность сюжета окупается цельностью характера главного героя.

По своим взглядам автор повести — консерватор. Его ужасает плотская страсть, как и всякая мысль о наслаждении жизнью: это грех и пагуба. Но сила любви-страсти, притягательность пестрой жизни уже захватили его современников, вошли в плоть и кровь нового поколения. Автор противится новым веяниям, осуждает их с позиций церковной морали. Но, как истинный художник, он признает, что эти веяния прочно укоренились в русском обществе.

3. «ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ»

Стихотворная «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин»¹ сохранилась в единственном списке. Ее рукописная судьба типична для многих замечательных древнерусских произведений: в одном списке дошли «Слово о полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха, «Повесть о Сухане», в двух — «Слово о погибели Русской земли». Подобно этим памятникам, «Повесть о Горе-Злочастии» стоит вне традиционных жанровых систем. Оно возникло на стыке фольклорных и книжных традиций. Его питательной средой были народные песни о Горе и книжные «покаянные» стихи². Некоторые его мотивы заимствованы из апокрифов. Как и былины, «Повесть о Горе-Злочастии» сложена тоническим стихом без рифм³. На

¹ Текст цитируется по изданию в кн.: Демократическая поэзия XVII века. Вступит. статья В. П. Адриановой-Перетц и Л. С. Лихачева. Подготовка текста и примечания В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1962.

² См.: Р ж и г а В. Ф. Повесть о Горе-Злочастии и песни о Горе. — Slavia, Roč X, seš. 1, Praha, 1931, с. 40—66; Slavia, Roč X, seš. 2, 1931, с. 288—315; Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянны о пьянстве»). — ТОДРЛ. — М.—Л., 1947, т. V, с. 146—148.

³ «Повесть» сложена трехиктным тоническим стихом с междуиктовыми интервалами, колеблющимися в диапазоне 1—2—3 слога. М. Л. Гаспаров называет такой стих «народным тактовиком» (см.: Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974, с. 352—371).

основе всех этих источников неизвестный автор создал выдающееся произведение, которое достойно завершило семивековое развитие древнерусской литературы.

В повести связаны две темы — тема судьбы человека вообще и тема судьбы русского человека «бунташного века», безымянного молодца. Автор «Повести о Горе-Злочастии», согласно средневековой манере ставить любое частное событие в перспективу мировой истории, начал повествование с рассказа о грехопадении Адама и Евы, вкусивших запретного плода от «древа познания добра и зла». Но в повести изложена не каноническая легенда, а версия апокрифов, которая несколько расходится с православной традицией:

Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
Прелстился Адам со Еввою,
Позабыли заповедь божию,
Вкусили плода винограднаго
От дивнаго древа великаго.

Из Библии не ясно, что представляло собою заповедное «древо познания добра и зла». Обычно оно отождествляется с яблоней. Но в апокрифических сказаниях встречается и виноградная лоза. «Вином бысть преступление Адаму», — утверждает богомильская традиция¹. Связывая воедино Ветхий и Новый завет, с этим толкованием сопоставляли известную евангельскую легенду о брачном пиру в Кане Галилейской. Иисус Христос, присутствовавший на этом пиру, превратил воду в вино, как бы сняв с него извечное осуждение. Однако вино, утверждают апокрифы, «еще имать (имеет) от злобы тоя, да аще кто пиеть без меры... упадетъ во многый грех»².

В «Повести о Горе-Злочастии» эти апокрифические мотивы как бы фундамент сюжета. Всякий читатель XVII в. знал легенду о грехопадении. Ему были ясны параллели между нею и повестью, в том числе те, которые только подразумевались. Бог запретил Адаму «вкушати плода винограднаго», Адам нарушил запрет и был изгнан из земного рая. История безымянного русского молодца как бы эхо этих далеких событий. Родители дают своему чаду те же наставления, которые бог, «родитель» первого человека, преподал Адаму. Родители говорят молодцу:

Милое ты наше чадо,
Послушай учения родителскаго,
Ты послушай пословицы
Добрыя, и хитрыя, и мудрыя
Не будет тебе нужды великия,
Ты не будешь в бедности великои.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
Не садися ты на место бѳльшее,
Не пей, чадо, двух чар заедину!

¹ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. X. Западные легенды о древе креста и Слово Григория о трех крестных древах. — СОРЯС, т. XXXII, № 4. Спб., 1883, с. 396.

² Там же, с. 397.

Первых людей в Эдеме обольстил змей, который был «хитрее всех зверей полевых». Свой «змей» «прибился» и к русскому молодцу — и тоже погубил его:

Еще у молотца был мил надежен друг —
Назвался молотцу названой брат,
Прелстил его речми прелесными,
Зазвал его на кабацкой двор,
Завел ево в ызбу кабацкую,
Поднес ему чару зелена вина
И крушку поднес пива пьянова.

Адам и Ева, познавшие стыдливость, были вынуждены покинуть Эдем. Добровольным изгнанником стал и молодец, который со сраму ушел «на чюжу страну, далну, незнаему». До этого момента автор создает два параллельных и подобных ряда событий — ветхозаветных, с одной стороны, и современных ему, взятых из русской действительности — с другой. Идея подобия, как увидим, и дальше отражается в сюжете «Повести о Горе-Злочастии».

Но то, что молодцу суждено пережить, уже не ставится в прямую художественную связь с библейскими событиями. Молодец сам выбирает свою судьбу.

В средние века личность поглощалась родом, корпорацией, сословием. Хотя православие учило, что жизненный путь человека определяется не только «промыслом Божиим», но и «свободной волей» самого человека, однако в литературе мысль об индивидуальной судьбе не получила развития. Поведение персонажей средневековой литературы всецело подчинено этикету, и в соответствии с этим судьба зависит либо от заветов рода, либо от корпоративного (княжеского, монашеского и т. п.) кодекса. Только в XVII в., в эпоху перестройки средневековой культуры, утверждается идея индивидуальной судьбы, идея выбора самим человеком своего жизненного пути. «Повесть о Горе-Злочастии» — решительный шаг в этом направлении¹. Молодец выбирает «злую часть», злую долю, злую судьбу.

Эта лихая, бесталанная судьба персонифицирована в повести в образе Горя.

«Серо Горе-горинское» появляется перед героем в тот момент, когда он, еще раз пережив жизненное крушение, решает наложить на себя руки:

И в тот час у быстри реки
Скоча Горе из-за каменн:
Босо-наго, нет на Горе ни ниточки,
Еще лычком Горе подпоясано,
Богатырским голосом воскликано:
«Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды!»

¹ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 149—150.

Горе-Злочастье — злой дух, искушитель и двойник молодца. Этот роковой спутник неизбывен, герою не выйги из его власти, потому что сам он выбрал «злую часть»:

Молодец полетел сизым голубем,
А Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
А Горе за ним з борзыми вежлецы.
Молодец стал в поле ковыль-трава,
А Горе пришло с косою вострою,
Да еще Злочастье над молотцем насмнялося:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
Лежать тебе, травонка, посеченой
И буйны ветры быть тебе развеяной!»

Отчего так «прилипчиво», так неотвязно Горе-Злочастье? За какие грехи молодца дана Горю власть над героем — власть поистине демоническая, если от нее может избавить только монастырь? В финале повести герой затворяется в его стенах, «а Горе у святых ворот остается, к молотцу впредь не привяжетца!»

Уйдя из дому, молодец на чужбине снова стал на ноги, разбогател и присмотрел невесту. Значит, «преступленья вином» не привело его к бесповоротному краху. Значит, какой-то другой грех окончательно решил его судьбу. Чтобы разобраться в этом, вернемся к историософскому введению «Повести о Горе-Злочасти».

Первородный грех автор изобразил в олимпийски спокойных тонах. Автора можно понять и как христианина (в конце концов, Иисус Христос, согласно учению церкви, искупил грехопадение Адама), и как мыслителя: не будь этого греха, не было бы и человеческого племени. Изгнав первых людей из рая,

Учинил бог заповедь законную:
Велел им браком и женитбам быть
Для рождения человеческого и для любимых детей.

Вина молодца в том, что он нарушил и эту заповедь! Пока он был верен невесте, пока помышлял о «рождении человеческого», о «любимых детях», Горе было бессильно. Оно «излукавилось», явилось молодцу во сне в облике архангела Гавриила и уговорило его бросить невесту. Так произошло окончательное падение героя. Он получил индивидуальную судьбу, потому что отверг судьбу родовую. Он отщепенец, изгой, «гуляющий человек». Не случайно в «Повести» отразилась разудалая, бесшабашная философия героев «смеховой литературы», для которых корчма — дом родной, а пьянство — единственная радость. Эта философия гуляк изложена в одном из монологов Гора-Злочасти:

Али тебе, молодец, неведома
Нагота и босота безмерная,
Легота-беспроторица великая?
На себя что купить — то проторится,
А ты, удал молодец, и так живешь!

Да не бьют, не мучат нагих-босых,
И из раю нагих-босых не выгонят,
А с тово свету сюды не вытепнут,
Да никто к нему не привяжется,—
А нагому-босому шумить розбой!

Но в шумной толпе «гуляющих людей» молодец выглядит белой вороной, случайным гостем. Он то «весел-некручиноват», то грустен. Молодцу не чуждо нравственное бесшабашие «кромешного мира» кабаков. Однако герой «Повести» — человек раздвоенный, часто страдающий от собственного падения.

«Повесть о Горе-Злочастии» драматична. Одна из замечательных ее черт — сочувствие падшему герою. Хотя автор осуждает грехи молодца, хотя автор всецело за верность родовому началу, за верность идеалам «Домостроя», — он все же не довольствуется ролью обличителя. Автор считает, что человек достоин сочувствия просто потому, что он человек, пусть падший и погрязший в грехе. Такова гуманистическая концепция «Повести о Горе-Злочастии». Это новаторская концепция, так как ранее в литературе сочувствие греховному человеку было невозможно.

4. ПЕРЕВОДНАЯ И ОРИГИНАЛЬНАЯ НОВЕЛЛА

Переводная новелла усваивалась русской литературой на протяжении всего XVII в. Страной-посредницей, через которую к нам в этот век проникали европейские новеллистические сюжеты, была Польша.

«История семи мудрецов». Уже в первой половине XVII столетия русские читатели могли познакомиться с «Историей семи мудрецов» в переводе с польского, возможно через промежуточную белорусскую версию¹. Имевшая в основе древний индийский источник², «История семи мудрецов» под различными названиями была весьма популярна на Востоке и в Европе. Европейские редакторы превратили восточные сказания в типичную ренессансную новеллу. «История» — это собрание новелл, объединенных «обрамляющим сюжетом», который был разработан еще в «Ипполите» Еврипида и «Федре» Сенеки, а затем у Расина. «Обрамляющий сюжет» «Истории семи мудрецов» рассказывает о том, как царский сын, воспитанный семью мудрецами и вынужденный хранить молчание в течение семи дней (расположение небесных светил сулит ему смерть, если он произнесет хоть слово), отвергает домогательства похотливой мачехи. В отместку та клеветает на него царю, который приказывает казнить сына. Мудрецы-воспитатели ведут в присутствии царя своеобразный диспут с мачехой. Мудрецы рассказывают царю истории о вреде поспешных решений, а мачеха, в свою очередь, — истории о человеческих хитростях и подлостях, намекая на испорченность царевича. Казнь откладывается, вновь назначается и вновь откладывается. Так проходит семь дней, и царский сын получает возможность оправдаться.

¹ Издание текста см.: Булгаков Ф. И. «История семи мудрецов». — ПДП, т. XXIX, XXXV. Спб., 1878—1880, вып. 1—2.

² См.: Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (обрамленная повесть). М., 1963.

«**Фацеции**». Самый большой, состоящий из нескольких десятков отдельных текстов сборник новелл был переведен с польского в 1680 г. Это — «Фацеции»¹, в которых объединены и произведения классиков европейской новеллистики, начиная с Боккаччо, и «малые жанры» комической литературы (их принято называть «простыми формами»): шутка, меткое словцо, анекдот. Именно «простые формы» были питательной средой новеллы. К XVII в. латинское слово *facetia* вошло во многие европейские языки со значением «острота, насмешка». В России это слово переводили как «утешка», «утехословие», «смехотворная издевка», подчеркивая, что «Фацеции» были не «душеполезным», а веселым, занимательным, забавным чтением. «Фацеции» познакомили русских со старинной, восходящей к античности традицией «исторического» анекдота, с такими анекдотическими персонажами, как Диоген, с такими устойчивыми анекдотическими парами, как Сократ и Ксантиппа.

Знаменитый киник Диоген, будучи спрошен о том, в какое время полезнее всего обедать, ответил: «Богатому,— когда захочет. Бедному,— когда у него есть еда». Тот же Диоген, который вел поистине собачью, «киническую» жизнь, как-то закусывал на рыночной площади среди скопища людей. Некто посмеялся над ним: «Что ты ешь не дома, как человек, а на торгу, как собака?» Диоген ответил: «Когда человек ест, собаки всегда собираются вокруг него». Однажды жена Сократа Ксантиппа по своему обыкновению долго бранила мужа и кончила тем, что облила его помоями. Сократ сказал: «После грома всегда дождь бывает...»

Объединение в одном сборнике «простых форм» и развернутых новелл — явление вполне закономерное, потому что в их поэтике много общего. Для них всех характерна прежде всего одно-темность: фабула ограничивается одним событием (пусть даже это событие слагается из нескольких эпизодов). Естественно поэтому, что в анекдоте и в новелле занято малое число персонажей. Это — лаконичный жанр. Персонажи всегда преследуют строго определенные, однозначные цели, они показаны в действии. Герои как бы марионетки. Их жизнь вне событий не изображается и всецело зависит от событий. Поэтому характеру героев не свойственны психологическая сложность и противоречивость. Характер опять-таки однозначен, он определяется одним штрихом.

В качестве примера возьмем одну из новелл «Истории семи мудрецов» (седьмой рассказ мачехи), посвященную любовной

¹ Издание текста см.: Булгаков Ф. И. Сборник повестей скорониси XVII в. — ПДП. Спб., 1878—1879, вып. I, с. 94—152; Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, с. 104—185. В книге О. А. Державиной дано исследование источников и литературной истории фацеций.

теме. Некая королева, которую ревнивый муж-король держал под замком, увидела во сне рыцаря и влюбилась в него. Рыцарю, в свою очередь, приснилась царственная затворница. Он вступил в королевскую службу и нашел способ устроить подземный ход в терем королевы. Любовники постоянно встречались. Однажды рыцарь по оплошности не снял с руки кольца, подаренного королевой. У короля возникли подозрения. Но рыцарь, успев снестись с любовницей раньше, чем в терем пришел муж, отдал ей кольцо, и та могла развеять подозрения супруга. В конце концов король был так запутан, что сам нечаянно обвенчал вассала и королеву, посадил их на корабль и, лишь воротившись домой, узнал, что обманут. Здесь число персонажей сведено к минимуму — к классическому треугольнику. Их характеры однозначны — определены одной чертой. О короле мы знаем лишь то, что он ревнив (это необходимо для построения сюжета), о королеве — лишь то, что она влюблена и неверна мужу, о рыцаре — только то, что он любовник замужней дамы. Цели героев ясны: король хочет сохранить жену, а любовники хотят соединиться. Этими целями определяются их поступки.

Новелла никого не осуждает и никого не оправдывает. Этот жанр не терпит дидактики, сентенций и назиданий. Основу его составляют занимательность, неожиданные сюжетные ходы, новизна (по-итальянски *povella* и означает «новость»). Эти качества новеллистического жанра, его сюжетный динамизм были одним из художественных открытий в русской литературе XVII в.

В «Фацециях» действуют исторические лица: Ганнибал, Сципион Африканский, Демосфен, Альфонс Испанский, Карл Великий, Микеланджело (разумеется, их слова и поступки чаще всего принадлежат к сфере чистого вымысла). Действуют там и «некие» люди, не названные по именам: «некий богатый и славный человек», монахи, купцы, цирюльники, плуты, «две некия девицы», «селянин некий», «едина стара жена», «сосед наш ближний». Но разницы между героями с историческими именами и безымянными персонажами, в сущности, нет. Императоры, философы, полководцы и поэты ведут себя как люди из третьего сословия. Причина этого проста: новелла — это городской жанр, она отбирает из жизненного материала только бытовые коллизии (то, что делает «сосед наш ближний»), которые не зависят от сословных кодексов и предрассудков. Новелла как жанр демократична. Она не испытывает пиетета перед властью предрержавшими.

Возможность художественной разработки бытового материала была тотчас оценена русскими авторами. XVII в. дал многочисленные опыты оригинальной новеллы — от «простых форм» до сложных сюжетов.

«Повесть о бражнике». Ближе всего к «простым формам» «Повесть о бражнике», старейшие списки которой датируются

примерно серединой XVII в.¹ Это — цепь анекдотов, скроенных на один образец. Бражник, который «за всяким ковшем» прославлял бога, после смерти стучится в райские врата. Праведники (Давид и Соломон), апостолы (Петр, Павел и Иоанн Богослов), святой (Никола Угодник) по очереди заявляют ему: «Бражником в рай не входимо» (один из главных тезисов церковных поучений против пьянства гласит: «Пьяницы царствия небесного не наследуют»). Обнаружив отличное знание церковной истории, бражник находит в земной жизни своих собеседников греховные моменты и «посрамляет» их. Петру он напоминает о троекратном отречении от Христа, Павлу — о том, что тот участвовал в побоевении камнями первомученика Стефана, Соломону — о поклонении идолам, Давиду — о том, что тот послал на смерть Урию, чтобы взять к себе на ложе жену Урии — Вирсавию. Даже в житии Николая Угодника, популярнейшего на Руси святого, пьяница находит материал для обличения, вспомнив о пощечине, которую Никола дал еретика Арию. «Помнишь ли... — говорит бражник, — ты тогда дерзнул рукою на Ария безумнаго. Святителем не подобает рукою дерзку быти. В Законе пишет: не убий, а ты убил (ушиб) рукою Ария треклятаго!»

В диалоге с евангелистом Иоанном Богословом, который заявил, что бражникам «уготована мука с прелюбодейцы и со идолослужители и с разбойники», герой ведет себя несколько иначе. Ему не ведомы прегрешения святого собеседника, и поэтому бражник указывает на нравственное противоречие в словах и поведении Иоанна Богослова. «Во Евангелии ты же написал: аще ли друг друга возлюбим, а бог нас обоих соблюдет. Почему ты, господине Иван Богослов, евангелист, сам себя любиш и в рай не пустиш? Любо ты, господине, слово свое из Евангелия вырежешь, или руки своя из Евангелия отпишися». После этого Иоанн Богослов отворяет бражнику райские врата: «Брат мой милый, поди к нам в рай».

Новелла только тогда становится новеллой, когда завершается неожиданным сюжетным поворотом, «ударной» сценой. Между тем в финале старших списков «Повести о бражнике» читателю преподносилась сентенция в духе распространенных в средневековой литературе обличений пьянства: «А вы, братия моя, сынове рустии... не упивайтесь без памяти, не будете без ума, и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители». Эта сентенция вступила в явное противоречие с художественным смыслом текста, поэтому она была отброшена и заменена новел-

¹ Издание текстов «Повести о бражнике», «Сказания о крестьянском сыне», «Повести о Шемякинном суде», «Повести о Карпе Сутулове» см. в кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, доп. М., 1977.

Тексты «Повести о бражнике», «Сказания о крестьянском сыне», «Повести о Шемякинном суде», «Повести о Карпе Сутулове» цитируются по данному изданию.

листически неожиданной развязкой. «Бражник же вниде в рай и сел в лутчем месте. Святи отцы почяли глаголати: «Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту ни мало приступити смели». Отвеща им бражник: «Святи отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!» И рекоша вси святии отцы: «Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков!» Аминь». Таким образом, пьяница и праведники как бы поменялись местами. Сначала плут заставил их открыть перед ним райские врата. Теперь, посрамленные, они признали его превосходство.

«Сказание о крестьянском сыне». Промежуточную между анекдотом и новеллой форму представляет собою «Сказание о крестьянском сыне», древнейший фрагмент которого датируется 1620 г. Текст «Сказания» подчиняется тем же художественным законам, что и всякая новелла. Изображается одно событие — кража в крестьянском доме. Заняты лишь три персонажа — вор и крестьянин с женой. Упомянутые в «Сказании» товарищи вора — это бессловесные статисты, скрывающиеся в тени и не присутствующие при татьбе. Характеры героев не сложны и определены заранее. Тать — ловкий пройдоха, хорошо знающий Писание и литургические тексты. Крестьянин — богобоязненный тупица. Жена крестьянина — просто хозяйка дома.

Если «Повесть о бражнике» построена на диалогах, то основной прием «Сказания» — монолог. Вор забирается в избу и очищает ее, произнося вслух цитаты из Писания и литургических текстов. Вор рассчитывает на богобоязненность хозяина, на то, что хозяин примет ночного гостя за ангела и не посмеет ему мешать. «Тать, крестьянской сын, рече: «Отверзйтеся хляби небесныя, а нам врата крестьянская...» Влес на крестьянскую келью, а сам рече: «Взыде Иисус на гору Елеонскую помолитися, а я на келью крестьянскую...» И почал тать в келью спускаться по веревке, а сам рече: «Сниде царь Соломон во ад и сниде Иона во чрево китово, а я в келью крестьянскую...» И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а сам рече: «Тело Христова примите, источника безсмертнаго вкусите...» И увидел на крестьянине новую шубу и он снял да на себя болокался, а сам рече: «Одеяся светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою». Хозяева ошеломленно слушают этот монолог. Потом крестьянин по наущению жены бьет ночного гостя березовой дубиной. Вор, не выходя из роли и ничем не обнаружив, что ему больно, восклицает: «Окропиши мя иссопом, и очистишу, и паче снега убелюся». Если прежде герой комментировал благочестивыми ремарками свои, отнюдь не благочестивые действия, то здесь он комментирует чужой поступок. В этом и состоит элемент неожиданности — и для читателя, и для крестьянина, который решил, что ударил ангела. «И крестьянин ево убоялся и к жене на постелю повалился, учал жену свою бранить: «Злодей ты и окаяница! Греха ты мне доставила: ангела убил, Христу согрубил». Именно этой сценой и завершается новеллистический сюжет, хотя в некоторых редакциях «Сказания о крестьянском сыне» к нему прибавлены новые эпизоды.

«Повесть о Шемякином суде». Одна из самых популярных новелл XVII в. — «Повесть о Шемякином суде», название которой стало народной поговоркой. Кроме прозаических текстов повести, известны ее стихотворные обработки. В XVIII—XIX вв. повесть воспроизводилась в лубочных картинках, породила драматические переложения, отразилась в устных сказках о богатом и бедном братьях.

В первой части «Повести о Шемякином суде» сообщается ряд трагикомических происшествий, приключившихся с бедным

крестьянином. Богатый брат дает герою лошадь, но не дает хомута — приходится привязать дровни к хвосту, и лошадь в воротах отрывает себе хвост. Герой ночует у попа на полатах, ужинать его не зовут. Заглядевшись с полатей на стол, уставленный едой, он падает и насмерть зашибает попова сына — грудного младенца. Придя в город на суд (его должны судить за лошадь и за младенца), бедняга решает покончить с собой. От бросается с моста, перекинутого через ров. Но под мостом «житель того града» вез на саночках в баню старика-отца; герой «удави отца у сына до смерти», а сам остался цел и невредим.

Три этих эпизода можно рассматривать как «простые формы», как незаконченные анекдоты, как завязку. Сами по себе они забавны, но сюжетно не завершены, не «развязаны». Развязка ожидает читателя во второй части повести, где появляется несправедливый судья Шемяка, хитрый крючкотвор и корыстолюбец. Эта часть по композиции более сложна. Она распадается на приговоры и на «обрамление», которое имеет самостоятельный, законченный сюжет. В «обрамлении» рассказано о том, как бедняк-ответчик на суде показывает Шемяке завернутый в платок камень, как судья принимает сверток за посуд, за мешок с деньгами и решает дело в пользу бедного брата. Узнав о своей ошибке, Шемяка не огорчается, — напротив, он благодарит бога, что «судил по нем», а то ответчик мог бы и «ушибить» судью, как «ушиб» младенца и старика, только в этот раз намеренно, а не случайно.

Приговоры по каждому из трех судебных дел — это сюжетное завершение трех эпизодов первой части. В итоге появляются законченные анекдоты. Комизм этих анекдотов усилен тем, что приговоры Шемяки — как бы зеркальное отражение приключений бедняка. Богатому брату судья приказывает ждать, когда у лошади отрастет новый хвост. Попу судья наказывает: «Атдай ему свою жену попадью до тех мест (до тех пор), покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него попадью и с ребенком». Сходное по типу решение выносится и по третьему делу. «Взыди ты на мост, — говорит истцу Шемяка, — а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на него, такожде убий его, яко же он отца твоего». Не удивительно, что истцы предпочли откупиться: они платят бедняку за то, чтобы он не заставил их исполнить решений судьи.

Читая повесть, русские люди XVII в., естественно, сравнивали суд Шемяки с реальной судебной практикой своего времени. Такое сравнение усиливало комический эффект произведения. Дело в том, что по «Уложению» (своду законов) 1649 г. возмездие также было зеркальным отражением преступления. За убийство казнили смертью, за поджог сжигали, за чеканку фальшивой монеты заливали горло расплавленным свинцом. Получалось, что суд Шемяки — прямая пародия на древнерусское судопроизводство.

Итак, помимо «обрамления», в «Повести о Шемякином суде» есть еще три самостоятельных новеллы: конфликт с братом — суд — откуп; конфликт с попом — суд — откуп; конфликт с «жителем града» — суд — откуп. Формально анекдотические коллизии вынесены за рамку, хотя в классическом типе рассказов о судах (например, о судах Соломона) они включаются в повествование о судоговорении. В этих классических рассказах, популярных на Руси, события излагаются в прошедшем времени. В «Повести о Шемякином суде» анекдоты рассечены. Так преодолевается статичность повествования и создается динамический, изобилующий неожиданными поворотами новеллистический сюжет.

Разделяя новеллу XVII в. на переводную и оригинальную, мы должны помнить, что деление это, в сущности, условно. «Повесть о бражнике» возводили к европейскому анекдоту о крестьянине и мельнике, которые препираются со святыми у ворот рая. Исследователи «Шемякина суда» отыскивали параллели к нему в тибетских, индийских и персидских памятниках. Не раз отмечалось, что в польской литературе аналогичный сюжет разработал знаменитый писатель XVI в. Миколай Рей, которого называют «отцом польской литературы». В связи с этим историки литературы обращают внимание на то, что в некоторых списках русской «Повести о Шемякином суде» указано, что повесть «выписана из польских книг».

Однако все эти поиски не привели к обнаружению прямых источников русских новелл. Во всех случаях можно говорить об общем сходстве, о сюжетных аналогиях, а не о прямой текстуальной зависимости. Дело в том, что в истории новеллистики вопросы происхождения памятников не имеют решающего значения. «Простые формы»: шутки, острословие, анекдоты, из которых вырастают новеллы, — не могут считаться собственностью одного народа. Они кочуют из страны в страну или, поскольку бытовые коллизии часто одинаковы, в одно и то же время возникают в разных местах. Законы новеллистической поэтики общи, поэтому столь трудно, а иногда и неблагоприятно разграничение заимствованных и оригинальных текстов. Очень важно помнить, что если сюжетные совпадения еще не говорят о заимствовании, то и национальные реалии не всегда делают новеллу безусловно оригинальной, что доказывает «Повесть о Карпе Сутулове»¹.

«Повесть о Карпе Сутулове». Эта повесть дошла до нас в единственном, притом утраченном ныне списке (сборник, в который вошла повесть, был разделен на отдельные тетради; некоторые из них не сохранились). Русский купец Карп Сутулов, отправляясь в торговую поездку, наказывает своей жене Татьяне

¹ Издание текста и исследование см.: Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове. (Текст и разыскания к истории сюжета). — «Труды Славянского Московского археологического общества», 1914, т. IV, вып. 2, с. 3—40.

в случае нужды попросить денег у приятеля своего, Афанасия Бердова, тоже купца. В ответ на просьбу Татьяны недостойный друг мужа домогается ее любви. Татьяна идет за советом к попу, который оказывается не лучше Афанасия Бердова, потом — к архиерею. Но и в этом архипастыре, давшем обет целомудрия, вспыхнула греховная страсть. Татьяна притворно решает уступить и всем трем назначает свидания у себя дома. Первым является Афанасий Бердов. Когда в ворота стучится поп, Татьяна говорит Афанасию, что это вернулся муж, и прячет первого гостя в сундук. Тем же способом она избавляется от попа и архиерея — в последнем случае виновницей переполюха оказывается подговоренная ею служанка. Дело оканчивается тем, что посрамленные искатели извлекаются из сундуков на воеводском дворе.

Это типичная сказочная новелла с замедленным действием, с неоднократными повторениями, с фольклорной трехчленной конструкцией — и неожиданным, занимательным финалом: вслед за посрамлением домогателей следует дележ денег между «строгим» воеводой и «благочестивой» Татьяной. Русский колорит новеллы лишь поверхностное наслоение. Сутуловы и Бердовы действительно принадлежат к именитым купеческим семьям допетровской Руси. Муж Татьяны едет «на куплю свою в Литовскую землю» — обычным для России XVII в. купеческим путем на Вильну. Действие происходит на воеводском дворе — это также русская реалья. Однако все эти реалии не затрагивают сюжетной конструкции. Имена и русские обстоятельства — это кулисы действия, они легко поддаются устранению и замене, и мы получаем «всеобщий» переходящий сюжет, не связанный непременно с русским городским бытом XVII в. По сюжету «Повесть о Карпе Сутулове» — типичная плутовская новелла в духе Боккаччо.

«Повесть о Фроле Скобееве». Однако столетний процесс усвоения западной новеллистики и самостоятельного творчества в этом жанре привел к созданию вполне оригинального и, безусловно, выдающегося по художественному качеству произведения — «Повести о Фроле Скобееве». Есть серьезные основания полагать, что она была сочинена уже в петровское время¹. Любопытный автор строит свое повествование как рассказ о минувшем² (в некоторых списках действие отнесено к 1680 г.). В бойком канцелярском стиле повести явно отразилась эпоха реформ Петра I: здесь часто и привычно употребляются такие заимствования из западноевропейских языков (варваризмы), как *квартира*, *реестр*, *персона* (в значении особа; при царе Алексее Михайловиче слово *персона-парсуна* означало живописный портрет).

¹ См.: Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве». — «ТОДРЛ». М.—Л., 1957, т. XIII, с. 511—518. Текст «Повести» цитируется по изданию в кн.: «Изборник». М., 1970.

² См.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 238.

Хотя порознь все эти варваризмы можно отыскать в русских документах XVII в., в частности в делах Посольского приказа, но, взятые в совокупности, они типичны как раз для текстов Петровской эпохи.

Сравнительно поздняя датировка «Повести о Фроле Скобееве» не выводит это произведение за пределы древнерусской новеллистики. Средневековая литературная традиция не оборвалась внезапно. Она продолжалась и при Петре I, лишь исподволь и не без сопротивления уступая место литературе нового типа. «Повесть о Фроле Скобееве» — скорее итог определенной, сформировавшейся в XVII в. тенденции, нежели начало нового этапа в развитии литературы.

«Повесть о Фроле Скобееве» — это плутовская новелла о ловком проходимце, обедневшем дворянчике, который не может прокормиться с вотчины или поместья и поэтому вынужден зарабатывать на хлеб «приказной ябедой» (сутяжничеством по судам), т. е. становится ходатаем по чужим делам. Только удачное и крупное мошенничество может опять сделать его полноправным членом дворянского сословия, и он обманом и увозом женится на Аннушке, дочери богатого и сановного стольника Нардина-Нащокина. «Буду полковник или покойник!» — восклицает герой и в конце концов добивается успеха.

Композиционно повесть распадается на две приблизительно равные по размеру части. Рубеж между ними — женитьба героя: после женитьбы Фролу предстояло еще умиловить тестя и получить приданое.

В первой части мало жанровых сценок и еще меньше описаний, здесь все подчинено стремительно развивающемуся сюжету. Это апофеоз приключения, которое представлено в виде веселой и не всегда пристойной игры. Сближение Фрола Скобеева с Аннушкой происходит как своего рода святочная забава, а сам герой изображается в первой части в качестве ряженого: в «девическом уборе» проникает он на святках в деревенские хоромы Нардина-Нащокина; в кучерском наряде, сидя на козлах чужой кареты, увозит Аннушку из московского дома стольника.

Во второй части повести сюжет развивается медленнее, он «заторможен» диалогами и статическими положениями. Любовные истории, как правило, завершаются в литературе женитьбой. Автор «Фрола Скобеева» не ограничился этим привычным финалом — он продолжил повествование, переведя его в другой план. Во второй части автор демонстрирует недюжинное искусство в разработке характеров¹.

Вот Фрол Скобеев, заручившись поддержкой стольника Ловчикова, собирается вымолить прощение у тестя. Только что отошла обедня в Успенском соборе. Стольники степенно беседуют

¹ См. наблюдения Д. С. Лихачева в «Истоках русской беллетристики», с. 558—561.

на Ивановской площади Кремля, напротив колокольни Ивана Великого. Всем знакомый, всем надоевший и всеми презираемый «ябедник» при народе падает в ноги Нардину-Нащокину: «Милостивой государь, столник первой, отпусти (прости) виновного, яко раба, который возымел пред вами дерзновение!» Престарелый и слабый глазами стольник «натуральною клюшкою» важно пытается поднять Фрола: «Кто ты таков, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» Фрол не встает и твердит одно: «Отпусти вину мою!» Тут выступает вперед добрый Ловчиков и говорит: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворянин Фрол Скобеев».

Эта превосходная сцена находится за рамками новеллистического сюжета. Для его построения она, в сущности, не нужна. Характеры героев очерчены уже в первой части: Фрол — это плут, Аннушка — покорная возлюбленная, мамка Аннушки — продажная пособница плута, Нардин-Нащокин — обманутый отец. Такая одноплановая разработка вполне соответствует новеллистическим законам. Но если в первой, динамичной части автора повести интересовал сюжет, то теперь его занимает психология персонажей. Первая часть — калейдоскоп событий, а во второй художественной доминантой становятся не поступки, но переживания героев.

Об этом свидетельствует индивидуализация прямой речи, ее сознательное отмежевание от речи рассказчика. «Повесть о Фроле Скобееве» — первое в русской литературе произведение, в котором автор отделил по форме и языку высказывания персонажей от своих собственных. Из реплик героев читатель узнавал не только об их действиях и намерениях — он узнавал также об их душевном состоянии. Родители Аннушки, посылая зятю икону в дорогом окладе, приказывают слуге: «А плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не прототал». Нардин-Нащокин говорит жене: «Как друг, быть? Конечно плут заморит Аннушку: чем ея кормит, и сам как собака голоден. Надобно послать какова запасцу на 6 лошедях». Фрол с Аннушкой наконец-то званы в родительский дом, и Нардин-Нащокин так встречает богоданного зятя: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же! Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью!» В этих репликах — обида на Аннушку и на Фрола, извечная родительская любовь и забота, старческое брюзжанье, гнев, бессильный и показной, потому что отцовская душа уже смирилась с позором и готова простить. В авторском тексте о переживаниях действующих лиц часто умалчивается: читателю достаточно их разговоров.

Контрастное построение «Повести о Фроле Скобееве» — это сознательный и умело использованный прием. В данном случае контрастность вовсе не равнозначна противоречивости, художественной неумелости. Создавая контрастную композицию, автор показал, что он способен решать различные задачи — и строить динамичный сюжет, и изображать психологию человека.

5. ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА. ПОВЕСТИ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ И О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

Право искусства на художественный вымысел было признано русской литературой только в XVII в. В связи с этим пришлось отказаться от нормативных предписаний средневекового историзма, который не признавал вымышленных героев и ограничивал круг литературных персонажей историческими лицами. Разумеется, эти персонажи могли быть и псевдоисторическими, никогда не существовавшими, но средневековый автор и читатель не сомневались в том, что они действительно жили на земле. В утверждении права искусства на вымысел большую роль сыграло «историческое баснословие» XVII в.— беллетристика на исторические темы.

В исторической беллетристике XVII в. остались лишь внешние приемы, лишь оболочка средневекового историзма. Авторы искали своих персонажей на страницах летописей и хронографов, но уже не заботились о том, чтобы их поступки хотя бы приблизительно соответствовали тому, что в этих летописях и хронографах сказано. Источник уже не сковывал фантазию писателя. Историческим оставалось только имя, носитель этого имени становился, по существу, вымышленным героем. Его действия уже не зависели ни от фактов, сообщаемых источником, ни от средневекового «этикета поведения».

К типичным произведениям исторической беллетристики XVII в. принадлежит цикл повестей о начале Москвы¹. Наиболее популярными были два произведения цикла: «Повесть о зачале Москвы», сложенная во второй четверти века, и «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» (возникло между 1652 и 1681 гг.). Сравнительный анализ этих памятников, посвященных одной теме, показывает, как утверждался художественный вымысел в литературе XVII в.

«Повесть о зачале Москвы». Первый из них начинается с упоминания об известной идее «Москва — третий Рим». Неутруждая себя размышлениями о Москве как последнем нерушимом оплоте православия, автор повести использовал только один мотив, сопутствовавший этой традиционной идее,— мотив строительной жертвы. Восходя к обрядам первобытных народов, этот мотив строился на убеждении, что всякая постройка, всякое

¹ Издание и исследование текстов этого цикла см. в кн.: Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.—Л., 1964. Тексты цитируются по этому изданию. Ср. также: Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы.— «ТОДРЛ». М.—Л., 1936, т. III, с. 59—98; Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, с. 11—14, 209—223; Он же. Сказания о начале Москвы.— «Исторические записки», 1950, т. 32, с. 233—241; Пушкирев Л. Н. Повесть о зачале Москвы.— В кн.: Материалы по истории СССР, т. 2. М., 1955, с. 211—246. Произведения цикла известны в науке под разными названиями. Мы пользуемся терминологией, предложенной М. А. Салминой.

здание лишь тогда долговечно, когда при их основании приносится человеческая жертва. Автор повести так пишет о Москве: «Поистинне же сей град именуется третий Рим, понеже и над сим бысть в зачале то же знамение, яко же над первым и вторым, аще и различно суть, но едино кровопролитие». Рим и Константинополь («второй Рим») были якобы основаны на крови. На крови же возникла и будущая столица России. Обратившись к теме строительной жертвы, автор сразу же заявил о том, что он не историк, а художник: для XVII в. этот мотив не столько историко-философский, сколько художественный.

Действие повести начинается в 6666 (1157—1158) г. С евангельских времен число 666 считается «числом зверя» — антихриста. Выбрав почти апокалипсическое число, автор хотел подчеркнуть, что в основании Москвы сказалась роковая предопределенность, что само время как бы требовало крови. В тот год князь Юрий Долгорукий, остановившись по пути из Киева во Владимир на высоком берегу Москвы-реки, казнил местного боярина Кучка, который «возгордевся зело и не почти (не почтил) великого князя подобающею честию». Тогда князь якобы и повелел выстроить здесь «мал древян град, и прозва ѿ (его) званием Москва-град по имени реки, текущая под ним». Кучкову дочь он отдал в жены своему сыну Андрею Боголюбскому. К нему же были отосланы ее красавицы братья.

Крови боярина Кучка не достало для строительной жертвы, одним убийством дело не кончилось. Понадобилась еще и кровь Андрея Боголюбского. Этот благочестивый, согласно повести, князь-храмоздатель, молитвенник и постник, думал только о небесном и скоро отказался от «плотского смешения» с Кучковной. Она подговорила братьев убить мужа. «Яко следящии пси», Кучковичи ночью ворвались к князю, предали его злой смерти, а тело бросили в воду. Убийцам и княгине отомстил брат Андрея Боголюбского. Этим, собственно, фабула «Повести о зачале Москвы» исчерпана. Однако в рукописной традиции к памятнику добавляются записи, лишь косвенно связанные с московской темой, — о сыне Андрея Боголюбского князе Всеволоде Большое Гнездо, о батыевщине (нашествии Батия на Русь), об Александре Невском, его сыне Данииле Московском и внуке Иване Калите. Число и состав прибавлений в рукописях варьируются. Это значит, что повесть как жанр еще не обособилась от исторических сочинений, с которыми генетически связана. Подобно всякой летописи, «Повесть о зачале Москвы» сюжетно не замкнута. Подобно летописи, «Повесть» можно было продолжить записями о более поздних событиях.

Однако автор «Повести о зачале Москвы» связан с летописью только формально (построение последних рассказов, разбивка событий по годам). Автора нисколько не интересует политический конфликт Андрея Боголюбского с боярским окружением, — конфликт, которым летописец объясняет убийство князя. Автор

повести вполне сознательно пренебрег историческим и политическим смыслом летописного рассказа, сосредоточившись на его романическом фоне, а именно на глухих намеках летописца на связь заговорщиков с женой Андрея Боголюбского. Этот «романический импульс» он развил с помощью византийской Хроники Константина Манассии, которая была известна ему в составе Хронографа редакции 1512 г. Один из разделов Хроники дал автору «Повести о зачале Москвы» мотив строительной жертвы, из другого раздела он заимствовал конфликт между похотливой византийской императрицей и ее благочестивым супругом, перенеся его в русскую среду.

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». Второе произведение цикла — это новый шаг в развитии исторической беллетристики, в овладении художественным вымыслом. В «Сказании» последовательно проведена беллетризация сюжета. Москва здесь не называется «третьим Римом», мотив строительной жертвы решительно отброшен. Если и можно говорить о философии истории в «Сказании», то это философия исторической случайности. Она заявлена уже в первых строках: «И почему было Москве царством быть, и кто то знал, что Москве государством слыть? Были тут по Москве-реке села красные, хороши боярина Кучка Стефана Ивановича». Атмосфера случайности ощутима и в финальных сценах, где как раз и говорится об основании Москвы: «Вложи бог в сердце князю... мысль: те села и слободы добре ему красны полюбилися, и мысли во уме своем уподобися ту граду быть... И оттоле нача именоватися и прославися град той Москва». Ссылка на бога не имеет никакого отношения к вмешательству свыше. В данном случае это просто метафорическая конструкция. Фраза «вложи бог в сердце князю мысль» означает, что герою, созерцавшему красоту московецких угодий, пришла в голову мысль выстроить здесь город, и не более того.

Отказавшись от идеи божественного предначертания, автор «Сказания» дал волю художественной фантазии. В «Сказании» господствует стихия чистого вымысла. Все достоверные исторические реалии здесь наперечет. Это — сообщения о том, что у Даниила, младшего сына Александра Невского и родоначальника князей московского удела, был брат Андрей, занимавший владимирский великокняжеский стол, и сын Иван — будущий Иван Калита. Между прочим, никакой кровавой драмы в семье Даниила Александровича не было. Дриму придумал сам автор. Рукописная традиция «Сказания» также говорит о полнейшем невнимании к истории. В разных редакциях произведения герои носят разные имена: вместо князя Даниила появляется князь Борис Александрович, злодейка княгиня именуется то Улитой, то Марьей. Если в «Повести о зачале Москвы» еще сохранялись исторические имена героев, то в «Сказании» уже осуществлен переход к именам вымышленным.

Этот факт крайне важен. Он свидетельствует о том, что в исторической прозе свободное повествование окончательно победило историю, что сюжет обособился от летописного или хронографического источника. О переносе внимания на занимательность, «беллетристичность» говорит также следующее: свободно варьируя «исторические» реалии от списка к списку, от редакции к редакции, «Сказание» с примечательным постоянством оставляло неприкосновенными все сюжетные узлы. Значит, вымыслу отдан приоритет перед историей.

Когда князь Даниил силой взял на службу двух красавцев сыновей боярина Кучка («не было столь хороших во всей Руской земле»), они тотчас приглянулись княгине. «И уязви дьявол ея блудною похотью, возлюби красоту лица их, и дьявольским возжелением зжилися любезно. И здумали извести князя Данила». На охоте братья напали на своего господина, но тот успел скрыться, бросив коня. «Князь же добежав до Оки-реки до перевоза, и нечево дати перевозчику перевозного, токмо с руки перстень злат... Первозчик же приехавше блиско ко берегу и протянув весло: подай-де перстень на весло... Князь же возложив на весло свой перстень злат, перевозщик взяв перстень к себе, и отпехнувся в перевозне за Оку-реку, и не перевез его». Князь Даниил побежал дальше. Темная осенняя ночь застала его в лесу. «И не весть, где прикритися: пусто место в дебри. И нашед струбец, погребен ту был упокойный мертвый. Князь же влезе в струбец той, закрывся, забыв страсть от мертвого. И почий ночь темну осеннюю до утрия».

А в это время обескураженные Кучковичи рассказали о своей неудаче княгине, и та дала им такой совет: «Есть де у нас пес-выжлец (ишейка, гончая собака). И как князь Данило поежжает на грозные побойща... и заказывает мне едучи: «Либо де я от тотаровей или от крымских людей убит буду... или в полон возмут жива меня тотаровя... и ты пошли искать меня своих дворян с тем со псом-выжлемом... и тот пес сыщет без оманки меня». Кучковичи пустили пса по следу, и он привел их к несчастному беглецу: «забив пес главу свою в струбец, а сам весь пес в струбец не вместися, и увиде пес государя своего... и нача ему радоватись ласково». Тут Даниилу Александровичу и пришла лихая смерть. Княгиня торжествовала.

Но за брата отомстил владимирский князь Андрей. Сначала он казнил вдову, а потом ее любовников, скрывшихся у отца. Вслед за этим Андрею Александровичу и пришла мысль построить Москву на месте «красных сел» злополучного боярина Кучка.

Как видим, сюжет «Сказания» смонтирован из «вечных» романтических мотивов: здесь и внезапное нападение на охоте, и бегство, и темная осенняя ночь в лесу, и вероломный перевозчик, и ночлег у гроба, и верный пес, которому суждено предать хозяина в руки убийц. В новой культуре эти мотивы хорошо знакомы

всякому писателю и читателю. Но русский автор XVII в. не мог опереться на традицию. Он сам создавал традицию.

Анализ отдельных элементов «Сказания» позволяет реконструировать разнообразные и искусные приемы сюжетного монтажа. Автор «Сказания» знал не только более раннюю и однотемную «Повесть о зачале Москвы» — он знал также ее источники. Обратившись заново к Хронике Константина Манассии, он нашел в одной из ее глав любовный треугольник: там императрица Феофана убивает мужа для того, чтобы соединиться с Цимисхием, претендентом на византийский престол. Если «Повесть о зачале Москвы» довольствовалась конфликтом между благочестивым мужем и похотливой женой, то «Сказание» осложнило этот конфликт мотивом преступной страсти героини к вассалам супруга.

Сцена с перевозчиком не потребовала от автора особых усилий. Это простая переделка древней легенды, героем которой был митрополит Алексей, старший современник Дмитрия Донского. Согласно преданию, митрополит Алексей ехал в Орду, и его, как и князя Даниила в «Сказании», обобрали и обманули перевозчики (вместо золотого перстня в легенде упоминается золотой митрополичий крест).

Сложнее история одного из основных сюжетных узлов «Сказания» — эпизода с псом-выжлецом. Как мы помним, «Повесть о зачале Москвы» сравнивает убийц Кучковичей со «следящими псами»: «яко следящие пси», набросились они на свою жертву. Это типичное для средневековой письменности сравнение функционального и динамического типа¹. «По функции» презренные убийцы подобны псам: в средние века пес был символом отверженности или позора, приметой юродивого, шута и палача.

Другим источником этого эпизода была сама русская действительность XVII в. В эту эпоху побег холопов и закабаленных крестьян достигли огромных размеров. Господа измышляли разные способы их поимки. За беглыми, например, посылали вдогонку дворовых охотничьих собак, которые ласкались к наступившим: «знае де их»².

Таким образом, автор «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» опирался и на книжные источники, и на жизненную практику. Он последовательно соединял разнообразные и разнородные мотивы. Однако это нанизывание эпизодов сделано рукою художника, а не компилятора: в сюжетной конструкции автономные мотивы слились в органическое целое.

«Повесть о Тверском Отроче монастыре». К исторической беллетристике принадлежит и «Повесть о Тверском Отроче монасты-

¹ О типах сравнений см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. Л., 1971, с. 193—202.

² См.: Ключевский В. О. Сочинения. т. III. М., 1957, с. 188.

ре» — одна из самых замечательных повестей XVII в.¹ Это — легендарный рассказ об основании Отроча монастыря при первом великом князе Твери Ярославе Ярославиче (ум. в 1271 г.), внуке Всеволода Большое Гнездо. Отношение к истории здесь иное, нежели в московском цикле². Автор повести не сторонник вольного обращения с фактами. Если он и ошибается, то не вследствие творческой установки на вымысел, а по неведению: по той причине, что переносит топографические и архитектурные реалии своего времени в XIII в. Отсюда анахронизмы, которыми изобилует повесть. Кстати, именно эти анахронизмы и позволяют уверенно датировать памятник серединой или второй половиной XVII в.

Однако в распоряжении автора было очень мало документальных данных. Пожалуй, только сам факт женитьбы князя Ярослава Ярославича на женщине по имени Ксения можно считать достоверным. Из летописей мы знаем, что это была вторая супруга князя и что он женился на ней в 1266 г., в Новгороде, во время пребывания на тамошнем княжеском столе. В остальном повесть исторически не поддается проверке. Все обстоятельства, сопутствовавшие женитьбе, включая «подлое» происхождение невесты, — это, по-видимому, вымысел, литературная обработка старинного тверского предания. Стихия фольклора ярко отразилась и в фабуле, и в поэтике памятника. Не удивительно, что история занимает в нем второстепенное, подчиненное положение.

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» рассказывает о любовной драме. Три ее героя образуют классический треугольник. Дочь деревенского пономаря Ксения, на которой хотел жениться любимый княжеский «отрок» (придворный) Григорий, отвергает его в день свадьбы и внезапно выходит за князя. Потрясенный Григорий скрывается с глаз людских, становится отшельником, потом строит Отроч монастырь, постригается в нем и умирает.

Замечательно, что эта драма преподносится читателю не как типичный конфликт злого и доброго начала³. В повести вообще нет «злых» персонажей. Ее действие происходит в идеальном княжестве, где подданные живут в добром согласии со своим господином. Молоды и прекрасны ее главные герои. Даже после трагической развязки счастливые супруги и отвергнутый «отрок» Григорий не перестают любить друг друга. Для повести характерна особая, прямо-таки рублевская атмосфера величавой красоты и торжественности: «на земле мир, в человецех благоволение». Отчего же в этом царстве любви, благолепия и кротости удел одних — счастье, а на долю других выпадает страдание?

¹ Издание текста см. в «Изборнике», с. 675—683. Текст цитируется по этому изданию.

² См.: Дмитриева Р. П. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и исторические реалии. — «ТОДРЛ». Л., 1969, т. XXIV, с. 210—213. Ср.: Ржига В. Ф. Из истории повести. — «Изв. Тверск. пед. ин-та», 1928, вып. IV, с. 97—117.

³ См.: Истоки русской беллетристики, с. 491—500.

Автор (впервые в древнерусской литературе) ищет ответа на этот вопрос в сфере чувства. Никто не виноват в том, что два прекрасных юноши любят одну прекрасную девушку. Не виновата и Ксения, которой пришлось предпочесть одного другому. Любовь — вот источник и счастья, и страдания. Правда, автор понимает, что в повести есть сомнительный момент: ведь победил, как и следовало ожидать, господин, а не слуга. Может быть, не одна любовь, но и иные, не столь возвышенные побуждения невесты обеспечили господину победу?

Чтобы разрешить возможные читательские сомнения, автор вводит в повесть идею судьбы. Ксения, подобно «мудрым девам» фольклора, наперед знает, что ей «сужен» не отрок, а князь. Поэтому она не совершает никаких поступков. Она ждет своего часа. Эта статуарность героини — не от пассивности, но от покорности судьбе. Князь ни о чем не подозревает до встречи с Ксенией. Князь — игрушка провидения. Но и его судьба уже решена.

Позволив Григорию жениться на дочери пономаря и пообещав быть на свадьбе, князь видит вещий сон: он выехал на соколиную охоту и пустил «любимаго своего сокола на птичье стадо; той же сокол, все стадо разогнав, поймал голубицу, красотою зело сияюще паче злата, и принесе ему в недра». Весь этот сон построен на русской свадебной символике. Вот что поют, например, на просватанье:

Налетали ясны соколы,
Садились соколы за дубовы столы,
За дубовые столы, за камчатны скатерти.
Еще все-то соколы оны пьют и едят,
Оны пьют и едят, сами веселы сидят,
А один-от сокол он не ест и не пьет,
Он не ест и не пьет, он невесел сидит...¹.

Читатель уверен, что голубица — это Ксения, а сокол — Григорий. Кстати, немногословность, почти «немота» Ксении также, видимо, отголосок обряда: на «свадебнике» невесте полагалось молчать. Но ведь любимый сокол принес голубку «в недра» (за пазуху) господину. Это первый намек на непредвиденную развязку. Дальше вещий сон повторяется, а затем как бы реализуется в сценах подлинной соколиной охоты, которой князь Ярослав Ярославич тешился по пути на свадьбу любимого слуги. «Той же сокол великаго князя, заигрався, ударися летети на село то. Великий же князь погна за ним и приехал в село то борзо, забыв вся; сокол же сяде на церкви... В то же время множества народу сошедшуся смотрети, яко уже к венчанию хотят ити. Князь же, сия слышав от поселян, повеле своим сокола своего манити. Сокол же той никако же думаше слетети к ним, но крилома своима поправляваяся и чистяшеся. Сам же великий князь поиде на двор,

¹ Лирика русской свадьбы. Издание подготовила Н. П. Колпакова. Л., 1973, с. 31.

иде (где) же бе отрок его, в дорожном своем платье, не на то бо приехал, но богу тако изволившу».

В этот момент действие приблизилось к кульминации. Как только князь ступил на порог, Ксения сказала Григорию: «Изыди ты от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой» (иначе говоря, Григорий в соответствии со свадебным обрядом «выставляется» вон, как мнимый жених). Наконец выясняется, что читатель ошибался, неправильно толковал свадебные символы. Сокол — не жених, а сват (семейно-обрядовая поэзия допускает оба толкования). Истинный жених — князь (в величаниях жениха называют князем, а невесту — княгиней). Увидев прекрасную Ксению, князь «возгорется... сердцем и смятесе мыслию» — и повел ее к венцу. Когда молодые вышли из церкви, «тогда оный сокол его любимый... сидя на церкви, начат трепетатися, яко бы веселяся и позирая на князя... Князь же, возрев на него, кликнул его своим гласом. Сокол же скоро прилете к великому князю и сяде на десней (правой) его руце и позирая (смотря) на обонх, на князя и на княгиню».

Было бы ошибкой думать, что идея «сужености» ослабляет идею любви, что если чувства предопределены, то они как бы тускнеют, обесцениваются. Нет, автор хотел сказать нечто прямо противоположное. Любовь князя так велика и прекрасна, что она становится его судьбой. Прекрасна и благословенна судьба князя и Ксении, ибо их судьба — их любовь. В повести нет двух тем, темы любви и темы судьбы. В повести есть только одна тема — это тема любви-судьбы или судьбы-любви.

Утратив любовь земную, отрок Григорий взамен обрел любовь небесную. Его отвергла «премудрая дева» Ксения, но приняла богоматерь, которая, явившись ему во сне, повелела воздвигнуть монастырь и пообещала сократить его печальные земные дни: «Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, некоторое время будеши ту жити и изыдеши от жития сего к богу».

Потеряв Ксению, Григорий «великою кручиною одержим бысть, и ни яде и ни пия». Кручина сделала его пустынным и потом монахом, отрекшимся от земных радостей. Князь и Ксения счастливы, а он несчастлив. Таким образом, обретенная «отроком» небесная любовь не компенсировала утраты земной любви. Этот вывод, по-видимому, возник независимо от намерений автора-христианина. Однако такова уж специфика «свободного повествования»: сюжет, перенесенный в сферу чувства, развивается по своим законам и приводит иногда к неожиданному художественному итогу.

6. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ САТИРА И СМЕХОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

В XVII в. появился целый слой независимых от официальной письменности произведений, за которыми в литературоведении закреплен термин «демократическая сатира» («Повесть о Ерше

Ершовиче», «Сказание о попе Саве», «Калязинская челобитная», «Азбука о голом и небогатом человеке», «Повесть о Фоме и Ереме», «Служба кабаку», «Сказание о куре и лисице», «Сказание о роскошном житии и веселии» и др.)¹. Эти произведения написаны и прозой, часто ритмизованной, и раёшным стихом. Они тесно связаны с фольклором и по своей художественной специфике, и по способу бытования. Памятники, относимые к демократической сатире, в основном анонимны. Их тексты подвижны, вариативны, т. е. имеют много вариантов. Их сюжеты известны большей частью как в письменности, так и в устной традиции.

«Повесть о Ерше Ершовиче». Демократическая сатира исполнена духа социального протеста. Многие из произведений этого круга прямо обличают феодальные порядки и церковь. «Повесть о Ерше Ершовиче», возникшая в первые десятилетия XVII в. (в первой редакции повести действие отнесено к 1596 г.), рассказывает о тяжбе Ерша с Лещом и Головлем. Лещ и Головль, «Ростовского озера жильцы», жалуются в суд на «Ерша на Ершова сына, на щетинника, на ябедника, на вора на разбойника, на ябедника на обманщика... на худово недоброво человека». Ерш попросился у них «на малое время пожить и покормиться» в Ростовском озере. Простодушные Лещ и Головль поверили Ершу, пустили его в озеро, а он там расплодился и «озером завладел насильством». Дальше в форме пародии на «судное дело» повествуется о проделках и непотребствах Ерша, «векового обманщика» и «ведомого воришки». В конце концов судьи признают, что правы Лещ «с товарищи» и выдают им Ерша головою. Но и тут Ерш сумел избежать наказания: «повернулса к Лещу хвостом, а сам почал говорить: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста». И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю».

Лещ и Головль называют себя «крестьянишками», а Ерш, как выясняется на суде, из «детишек боярских, мелких бояр по про-

¹ Честь открытия «демократической сатиры» как особого литературного слоя принадлежит В. П. Адриановой-Перетц, которая осуществила научную публикацию и исследование основных памятников этого круга. См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937; Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текста, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954; изд. 2-е, доп. М., 1977; Демократическая поэзия XVII века. Вступит. статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подготовка текста и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1962. Тексты «Повести о Ерше Ершовиче», «Сказания о попе Саве», «Калязинской челобитной»; «Сказания о роскошном житии и веселии», «Азбуки о голом и небогатом человеке», «Повести о Фоме и Ереме», «Лечебника на иноземцев», «Службы кабаку», «Сказания о куре и лисице» цитируются по 2-му изд. «Русской демократической сатиры XVII века» (1977).

званию Вандышевы» (вандыши — собирательное название мелкой рыбешки). Со второй половины XVI в., т. е. в период становления поместной системы, насилия землевладельцев над крестьянами стали нормой. Именно такая ситуация, когда «сын боярский» обманом и насилием отнимает у крестьян землю, отражена в «Повести о Ерше Ершовиче». Отражена здесь и безнаказанность насильников, которым не страшен даже обвинительный приговор.

«Сказание о попе Саве». Церковная жизнь 1640—1650-х гг. изображена в «Сказании о попе Саве», в котором использован раёшный стих. В это время на Руси еще не было особых школ для будущих священников. Крестьяне и посадские люди выбирали для «ставления» на церковные должности кандидатов из своей среды, «ставленников». Для обучения и посвящения в духовный сан их посылали в города, бывшие епархиальными центрами, и «прикрепляли» к местным священникам. Те, само собой разумеется, помыкали «ставленниками», вымогали у них деньги и иные посулы, часто давали «ставленную грамоту» не уча, за взятку. В середине XVII в. патриарх Иосиф приказал «ставиться» только в Москве. Таким образом, московские попы получили дополнительные возможности обогащения.

Заглавный герой «Сказания о попе Саве» — приходской священник церкви Козьмы и Дамиана в замоскворецкой Кадашевской слободе. «Он... по площади рыщет, Ставленников ищет И много с ними говорит, За реку к себе манит». Вряд ли реальный прототип этого персонажа действительно носил имя Савва. Это имя своего рода сатирический, смеховой псевдоним, потому что в древнерусском балагурстве, в пословицах и поговорках за многими именами была закреплена постоянная рифма, создававшая комический эффект.

Савве сопутствовала «худая слава», «у Фили пили, да Филю же били», с именем Спирия было созвучно слово «стырил», Федос «любил принос» (подарки).

Печальная жизнь «ставленников», бесправных и забытых, изображена в «Сказании» самыми черными красками: «По тех мест он ставленников держит, Как они денги все издержут, А иных домой отпускает И рукописание на них взымает, Чтоб им опять к Москве приполсти, А попу Саве винца привести. А хотя ему хто и меду привезет, То с радостию возмет, И испить любит, а как все выпьет, А сам на них рыкнет: Даром-де у меня не гуляйте. Подите капусту поливайте... Ставленников посылает обедни служить, А сам на постели лежит». Один из таких «ставленников», доведенный до крайности, и взялся за перо, чтобы отомстить ненавистному попу.

В этом произведении очень силен сатирический элемент: смех направлен прежде всего на заглавного героя.

Однако для текстов, составляющих слой демократической сатиры, характерен смех и другого типа, смех, направленный «на

себя». В соответствии со спецификой средневекового смеха¹ осмеивается не только объект, но и субъект повествования, ирония превращается в автоиронию, она распространяется и на читателей, и на самого автора, смех направлен и на самих смеющихся. Создается своеобразный эстетический противовес официальной культуре с ее благочестивой, нарочито серьезной «душеполезностью», создается литературный «мир навыворот», смеховой «антимир».

«Калязинская челобитная». Персонажи, населяющие смеховой антимир, живут по особым законам. Если это монахи, то они «выворачивают наизнанку» строгий монастырский устав, предписывавший неуклонное соблюдение постов и посещение церковных служб, труды и бдения. Такова «Калязинская челобитная», представляющая собой смеховую жалобу иноков Троицкого Калязина монастыря (на левом берегу Волги, против города Калязина), адресованную архиепископу Тверскому и Кашинскому Симеону (1676—1681). Они сетуют на своего архимандрита Гавриила (1681 г.), который им «досаждает». Архимандрит, жалуются они, «приказал... нашу братью будить, велит часто к церкви ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим». Дальше рисуется фольклорная картина «беспечального монастыря», в котором чернецы бражничают и обжираются, вместо того чтобы строго исполнять свои иноческие обязанности. Здесь осмеиваются и жалобщики-пьяницы, и ханжеский быт русских монастырей.

«Сказание о роскошном житии и веселии». Утопический идеал «мира навыворот» не имеет ничего общего с царством Христовым на земле или на небесах. Это — мечта о небывалой стране, где всего вдоволь и все каждому доступно. Такой сказочный рай обжор и пьяниц описан в «Сказании о роскошном житии и веселии» (оно сохранилось в единственном, притом довольно позднем списке): «Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двойнова. И кто хочет, — испивай, не бойся, хотя вдруг по две чашки. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк, пришед, хотя ковшем или ставцом (глубокое деревянное блюдо), припадкою или горьстью, бог в помощь, напивайся. Да близко ж того целое болото пива. И ту всяк, пришед, пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и ни кто не оговорит, ни слова молвит».

В европейской перспективе этот слой памятников представляет собой русский вариант смеховой культуры средневековья, Ренессанса и барокко, к которой принадлежат «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и «Симплициссимус» Гриммельсгаузена. Именно «Сказание о рос-

¹ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.

кошном житии и веселии» доказывает, что между европейской и русской традициями существовали соединительные звенья. «А прямая дорога до тово веселья,— говорится в «Сказании»,— от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стекольні (Стокгольм) и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкаской, в Чигирин и в Кафимской». Как видим, путь-небылица петляет по Малой и Великой Польше, по Швеции и Лифляндии, по многим украинским городам и т. д., но не заходит в Россию. Начинается этот путь в Кракове, а Краков и Малая Польша вообще в XVII в. были средоточием польской смеховой литературы: там она создавалась, там она и печаталась. Среди польских и украинских произведений этой эпохи мы находим множество подобных «Сказанию о роскошном житии и веселии» сатирических «антиутопий», изображающих страну «жареных голубей», вожделенное царство обжор и пьяниц.

Персонажи русской смеховой литературы XVII в. сродни немецкому Эйленшпигелю, польскому Совизджалу, чешскому Франте, но в то же время сильно от них отличаются. В европейской традиции действует правило: «смешно — значит не страшно». В русской культуре смех неразрывно связан со слезами, «смешно — значит страшно»¹. Это горький смех. Русские персонажи — это пессимисты, которые потеряли всякую надежду на счастье. Таков собирательный герой, безымянный молодец, точнее и полнее всего высказавший свое отношение к миру в «Азбуке о голом и небогатом человеке».

«Азбука о голом и небогатом человеке». Это произведение, возникшее не позднее середины XVII в., дошло до нас в нескольких сильно отличающихся друг от друга редакциях, но все они построены по одной схеме: в алфавитном порядке, от «аза» до «ижицы», помещены реплики безымянного героя, которые в совокупности образуют некое подобие монолога.

Такая форма избрана не случайно. Алфавит с античных времен считался моделью мира: отдельные буквы отражали отдельные элементы мироздания, а совокупность букв — весь мир в целом. «Азбука о голом и небогатом человеке» также предлагала читателю краткую, но всеобъемлющую картину мира, но картину «изнаночную», карикатурную, одновременно смешную и горькую. Взгляд героя «Азбуки» — это взгляд изгиба, обиженного жизнью. Ему нет места в древнерусском обществе с его сословной упрямостью и замкнутостью. «Аз есмь голоден и холоден, и наг и бос... Зевается у меня ротом, весь день не етчи, и губы у меня помертвели... Люди, вижу, что богато живут, а нам, голым, ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што денги берегут».

¹ См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси. — Вопросы литературы. 1977, № 3.

Герой, произносящий этот «алфавитный монолог», извержен из мира сытых и не надеется туда проникнуть: «Нагота да босота — то моя красота».

«Повесть о Фоме и Ереме». Безнадежностью пронизана смеховая «Повесть о Фоме и Ереме», небылица о двух братьях-неудачниках¹. Здесь пародийно использован самый распространенный в средневековом искусстве прием — контраст. Когда, например, подвижник противопоставлялся грешнику, они изображались лишь двумя красками, черной и белой, без переходов и полутонов. Фома и Ерема также противопоставлены один другому, но это — мнимое противопоставление, псевдоконтраст, карикатура на контраст. Автор пользуется противительным союзом «а», но связывает им не антонимы, а синонимы. Вот он дает портреты двух братьев: «Ерема был крив, а Фома с бельмом, Ерема был плешив, а Фома шелудив». Вот они идут к обедне: «Ерема запел, а Фома завопил». Вот пономарь гонит их из церкви: «Ерема ушел, а Фома убежал». Лихо братьям жить на белом свете, ни в чем им нет удачи. Прогнали их из церкви, гонят и с пира: «Ерема кричит, а Фома верешит». Нелепо они жили, нелепо и умерли: «Ерема упал в воду, Фома на дно».

Один из списков повести заканчивается притворно-обличительным возгласом: «Обоим дуракам упрямым смех и позор!» Эту сентенцию, это обвинение в «дурости» ни в коем случае нельзя принимать за чистую монету. Нужно помнить, что древнерусский смех универсален, что в смеховой культуре граница между автором и героем, между рассказчиком и персонажами, между насмешником и осмеиваемым зыбка и условна. Поэтому признание Фомы и Еремы «дураками упрямыми» есть и признание всеобщей, в том числе и собственной, «дурости». Таких признаний в смеховых текстах XVII в. более чем достаточно. «Бьет челом сын твой, богом даной, а дурак давной», — рекомендуется автор одного раёшного послания². Это притворное саморазоблачение и самоуничтожение, «маска дурости», шутовская гримаса, потому что «голый и небогатый» изгой смеховой литературы избирает роль шута.

Свою социальную «наготу» он превращает в наготу шутовскую, а рубище бедняка — в маскарадный, шутовской костюм. В «Азбуке о голом и небогатом человеке» читаем: «Феризы (или ферязи, старинная одежда без воротника, с длинными рукавами) были у меня хорошие рагоженные, а завязки были долги мачалныя, и те лихия люди за долг стащили, а меня совсем обнажили». Мочала и рогожа — извечные приметы шутовского платья. Следовательно, герой здесь становится в позу шута. И не случай-

¹ См.: Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 401—421.

² См.: Демин А. С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках виршевых посланий. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1965, т. XXI, с. 77.

но эта реплика помещена под буквой «ферт»: «ферт» считался своего рода пиктограммой, изображающей позера, франта, кичливого, вздорного человека, стоящего избочась, как бы красуясь.

В языке XVII в. слово *дурак*, в частности, означало шута. В дворцовом штате царя Алексея Михайловича были дураки-шуты, а у царицы Марии Ильиничны Милославской — дурки-шутихи, карлы и карлицы, которые забавляли царское семейство¹. Основной парадокс шутовской философии гласит, что мир сплошь населен дураками, и среди них самый большой дурак тот, кто не догадывается, что он дурак. Отсюда вытекает, что в мире дураков единственный неподдельный мудрец — это шут, который валяет дурака, притворяется дураком. Поэтому осмеяние мира — это своеобразное мировоззрение (а не только художественный прием), выросшее из противопоставления собственного горького опыта «душеполезной» официальной культуре. Власть предрержащие настойчиво повторяют, что в мире господствует порядок. Однако всякому непредубежденному наблюдателю очевидно, что между государственными законами, между христианскими заповедями и житейской практикой существует непреодолимый, вечный разлад, что в мире царствует не порядок, а абсурд. Признав реальную действительность абсурдной, смеховая литература соответственно строит действительность художественную по законам абсурда.

Это наглядно проявляется в стиле смеховой литературы. Ее излюбленный стилистический прием — оксюморон и оксюморонное сочетание фраз (соединение либо противоположных по значению слов, либо предложений с противоположным значением)². Так, в смеховых текстах глухим предлагается «потешно слушать», безруким — «вызграть в гусли», безногим — «возскочить».

«Лечебник на иноземцев». Совмещение несовместимого доводится до нарочитой нелепцы, до «ахинеяских статей», как выразился автор шутовского «Лечебника на иноземцев».

Лечебниками назывались рукописные книги медицинского содержания (сохранились с XVI в.). «Лечебник на иноземцев» пародирует эти книги. В заглавии этого произведения сказано, что оно «выдано от русских людей, как лечить иноземцев». Это — смеховой абсурд: «Егда у кого будет понос, взять девичья молока 3 капли, густо медвежья рыку 16 золотников, толстого орлового летанья 4 аршина, крупного кошечья ворчанья 6 золотников, курочья високаго гласу полфунта, водяной струи... ухватить без воды и разделить... длинником на пол десятины».

Смеховая литература не изобретает новых жанров — она пародирует готовые композиции, апробированные в фольклоре и письменности, выворачивая их наизнанку. Чтобы воспринять пародию,

¹ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русский царей в XVI и XVII ст. Изд. 3-е, ч. 1. М., 1895, с. 375.

² См.: Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 453—454.

чтобы оценить ее по достоинству, читателю и слушателю нужно хорошо знать пародируемый образец. Поэтому в качестве образца берутся самые обиходные жанры, с которыми древнерусский человек сталкивался изо дня в день — судное дело («Повесть о Ерше Ершовиче»), челобитная («Калязинская челобитная»), лечебник, послание, церковная служба.

«Служба кабаку». Схема церковной службы использована в «Службе кабаку», старейший список которой датирован 1666 г. Здесь речь идет о пропойцах, завсегдадатаях «кружала». У них свое богослужение, которое отправляется не в храме, а в кабаке, стихиры и каноны они слагают не святым, а самим себе, звонят не в колокола, а в «малые чарки» и в «полведришки пивиска». Здесь даются «дурацкие», шутовские вариации молитвословий из богослужебных книг. Одна из самых распространенных молитв «Святой боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас» заменена таким возгласием кабацких ярыжек: «Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас, голянских». В этой вариации замечательно тонко имитируется ритмика и звукопись оригинала. Молитва «Отче наш» приобрела в «Службе кабаку» такой вид: «Отче наш, иже еси седиши ныне дома, да славится имя твое нами, да прииди и ты к нам, да будет воля твоя яко на дому, тако и на кабаке, на пече хлеб наш будет. Дай же тебя, господи, и сего дни, и оставите, должники, долги наша, яко же и мы оставляем животы свои на кабаке, и не ведите нас на правэж (взыскание долга с телесным наказанием), нечего нам дати, но избавите нас от тюрьмы».

Не нужно думать, что «выворачивание» молитвенных текстов — это кощунство, осмеяние веры. На это прямо указал неизвестный автор предисловия к одному из списков «Службы кабаку»: «Увеселительное аще и возмнит кто применити кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковой да не понуждается к чтанию, но да оставит могущему читати и ползоватися». Средневековая Европа знала бесчисленное множество аналогичных пародий («*parodia sacra*») как на латыни, так и на народных языках. Вплоть до XVI в. пародии на псалмы, на евангельские чтения, на церковные гимны входили в сценарий шутовских фестивалей, «праздников дураков», которые разыгрывались при храмах, и католическая церковь это допускала. Дело в том, что средневековая пародия, в том числе и древнерусская, — это пародия особого типа, которая вовсе не ставила перед собой цель осмеять пародируемый текст. «Смех в данном случае направлен не на другое произведение, как в пародиях нового времени, а на то самое, которое читает или слушает воспринимающий его. Это типичный для средневековья «смех над самим собой», в том числе и над произведением, которое в данный момент читается. Смех имманентен самому произведению. Читатель смеется не над каким-то другим автором, не над другим произведением, а над тем, что читает... Поэтому-то «пустошная кафизма» не есть изде-

вательство над какой-то другой кафизмой, а представляет собой антикафизму, замкнутую в себе, небылицу, чепуху»¹.

Вера, как и церковь в целом, не подвергались дискредитации в смеховой литературе. Однако недостойные служители церкви осмеивались очень часто. Изображая, как пропойцы несут в корчму свои пожитки, автор «Службы кабаку» ставит бельцов и монахов во главу бражнических «чинов»: «Поп и дякон — скуфы и шапки, однорядки и служебники; чернцы — манаты, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейная; дьячки — книги, и переводы, и чернилы». Эти попы и дьяконы говорят: «Пропьем однорядку темнозеленую да повеселимся, не пошадим кафтана зеленого, сорокоустными денгами окупимся. Сие попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать». Эта поминическая «философия легкого хлеба» знакома и европейской смеховой культуре: Ласарильо с Тормеса, заглавный герой знаменитого испанского плутовского романа (1554 г.), признается читателю, что молил бога, дабы каждый день умирал хотя бы один человек, — тогда можно будет угоститься на поминках.

«Сказание о куре и лисице». Антиклерикальная заостренность присуща «Сказанию о куре и лисице». Этот памятник, упомянутый в источниках еще в 1640 г., дошел до нас в прозаической и стихотворной редакциях, а также в смешанных и сказочных вариантах. Наиболее древняя — прозаическая редакция. Она пародирует сюжетную схему религиозной легенды. Основные сюжетные узлы религиозной легенды (прегрешение, затем покаяние грешника, потом спасение) здесь искажаются и становятся смеховыми. Петух оказывается мнимым грешником (он обвиняется в многоженстве), а «премудрая жена лисица» — мнимой праведницей. Вместо спасения кающегося ожидается гибель. Духовник в «Сказании» заменяется лукавым исповедником, который в буквальном смысле «алчет, кого бы пожрать».

Пародийный сюжет подкреплен пародийным богословским диспутом: петух и лисица, поочередно цитируя Писание, состязаются в остроумии и богословской казуистике.

Смеховая ситуация, создаваемая «Сказанием о куре и лисице», характерна не только для древнерусской, но и для европейской культуры. Раннее средневековье считало лиса олицетворением дьявола. Русские «Физиологи» и европейские «Бестиарии» так объясняли этот символ: голодный лис притворяется мертвым, но стоит курицам и петуху приблизиться к нему, как он разрывает их в клочья. Фома Аквинский, толкуя библейскую фразу «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете» (Песнь Песней, II, 15), писал, что лисицы — это сатана, а виноградники — церковь Христова. С XII в., после появления французского «Романа Лиса», начинает преобладать другое толкование: лис считается живым воплощением хитрости, лицемерия и ханжества. В декоративном убранстве готических храмов появляются изображения лиса, проповедующего с кафедры курам или гусям. Иногда лис одет в монашеское платье, иногда — в епископское облачение. Эти сцены восходят к истории о сыне героя «Романа Лиса», Ренардине (Лисенке), который, убежав из монастыря, приманивал гусей чтением «душеполезных» проповедей. Когда доверчивые и любопытные слушатели подходили близко, Ренардин пожирал их.

¹ Дихачев Д. С. Древнерусский смех. — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. Сборник статей в честь 75-летия М. М. Бахтина. Саранск, 1973, с. 78. *Кафизма* — один из двенадцати разделов Псалтыри. «Пустошная кафизма» поется в «Службе кабаку».

Русское «Сказание о куре и лисице» знает оба этих символических толкования. Первое из них (лис — дьявол) имеет, впрочем, второстепенное значение и прямо отразилось лишь в одной фразе: «Лисица же скрежеташе зубы и, глядя на него немилостивым оком, аки дьявол немилостивы на христиан, поминает грехи куровы и яряся ему». Отзвук этого толкования можно видеть в том, что лисица названа «премудрой женой». Согласно средневековой христианской традиции, в облике «премудрой жены» или «премудрой девы» может скрываться дьявол. Второе толкование (лис — ханжа, лицемерный и порочный духовник, «лжепророк») стало сюжетообразующим моментом, послужило для создания смеховой ситуации.

Кто писал произведения демократической сатиры? К какому слою принадлежали анонимные авторы этих произведений? Можно предполагать, что по крайней мере часть смеховых сочинений вышла из среды низового духовенства. В «Калязинской челобитной» говорится, что «образцом» для развеселой братии этого провинциального монастыря послужил московский поп: «На Москве... по всем монастырем и кружалом (кабакам) смотр учинили, и после смотру лучших бражников сыскали — старого подьячего Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу, и в Колязин монастырь для образца их наскоро послали». Кто такой «поп без грамоты»? Известно, что в Москве у церкви Покрова богородицы в XVII в. находилась патриаршая «поповская изба». Здесь распределяли по приходам безместных попов, у которых не было грамоты о поставлении. Источники отмечают, что эти «попы без грамоты», собираясь у Спасского моста, затевали «бесчинства великие», распространяли «укоризны скарედные и смехотворные»¹. В этой беспокойной, полупьяной толпе рождались слухи и сплетни, здесь с рук, из-под полы торговали запрещенными рукописными книжками. На рубеже 70—80-х гг. у Спасского моста можно было без труда купить содержащие «великие на царский дом хулы» писания пустозерских узников — Аввакума и его сподвижников. Здесь продавались и «смехотворные укоризны».

Русская смеховая культура родилась не в XVII в. Даниил Заточник, писатель домонгольской эпохи, также ее представитель. Однако в средние века смеховая культура все же редко проникала в письменность, оставаясь в пределах устной традиции, и только с начала XVII в. приобрела некоторые права гражданства в литературе. Затем количество смеховых текстов стремительно растет. В XVIII в. они помещаются на лубочных картинах и настенных листах. В чем причина этой поздней активности смеховой культуры?

Смутное время было временем «свободы слова». Оно создало условия для письменной фиксации смеховых и сатирических произведений. Польское влияние явно ускорило этот процесс, потому что на первую половину XVII в. приходится расцвет польской смеховой литературы. Но главной причиной этой поздней активности была сама действительность Московского государства.

¹ Забелин И. Е. История города Москвы, ч. I. М., 1905, с. 630—634.

В XVII в. народные массы обнищали до такой степени, что смеховой антимир стал слишком походить на реальность и уже не мог восприниматься лишь эстетически, как художественный «мир наыворот». Власть буквально загоняли народ в кабаки, запретив крестьянам и посадским людям курить вино и варить пиво. «Питухов бы с кружечных дворов не отгонять... искать перед прежним (больше прежнего) прибыли», — наказывала царская грамота 1659 г.¹ Традиционные смеховые ситуации слились с обыденной житейской практикой. Кабак для многих становился домом, шутовская нагота — наготой реальной, шутовские рогожи — и будничным, и праздничным платьем. «Хто пьян, тот сказывается богат велми», — писал автор «Службы кабаку». Действительно, только во хмелю бедняк мог вообразить себя богачом. «Безместно житие возлюбихом... — пели в «Службе кабаку» питухи. — Наг объявляеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол. Когда сором, ты закройся перстом. Слава тебе, господи, и пуп гол. Когда сором, ты закройся перстом. Слава тебе, господи, было да сплыло, не о чем думати, лише спи, не стой, одно лише оборону от клопов держи. а то жити весело, а ести нечего». И эта смеховая ситуация в XVII в. также превратилась в реальность: «меж двор» по градам и весям Московской Руси скитались толпы гулящих людей, у которых не было ни дома, ни имущества. Смеховой, нелепый, изначальный мир вторгся в жизнь, стал обыденным, трагическим миром. Отсюда — трезвое чувство безнадежности, которое прорывается сквозь пьяный смех, отсюда же — горькая насмешка над наивными утопиями.

Вспомним «Сказание о роскошном житии и веселии». По жанру это антиутопия. Следовательно, здесь пародируется жанр утопии. В XVI—XVII вв. этот жанр культивировали такие европейские мыслители, как Кампанелла и Томас Мор (от книги Мора «Утопия» и пошло название жанра). Русская литература XVI—XVII вв. не создала и не усвоила развернутых «утопий». Вплоть до петровской поры читатель продолжал пользоваться сохранявшимися в книжном обороте средневековыми сказаниями о земном рае, о царстве пресвитера Иоанна, о рахманах-гимнософистах. Каков же в таком случае пародируемый объект «Сказания о роскошном житии и веселии» на русской почве? Ведь пародия сама по себе не имеет смысла, она всегда существует в паре с пародируемой конструкцией.

Если русская литература XVII в. не знала жанра утопии, то его знала русская устная культура, и дело здесь не в сказочном царстве с молочными реками и кисельными берегами. В XVII в. на Русь ходило много слухов о далеких привольных странах — о Мангазее, о «золотых и серебряных островах», о Даурии, о богатом острове «на Восточном океане». Там «хлеб, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут, и прядут со всего с обычая с русского», там много земли непаханой и никто не берет податей². Вера в эти легенды была столь сильна, что во второй половине XVII в. сотни и тысячи бедняков, целые села и остроги снимались с мест и бежали неведомо куда. Побегии приняли такие размеры, что правительство не на шутку встревожилось: за Уралом особые заставы перенимали беглецов, а сибирские воеводы застав-

¹ См.: Прыжов И. История кабаков в России. СПб., 1868, с. 69—71.

² См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 290—294.

ляли поверстанных в казаки гуляющих людей целовать крест на том, что им «в Даурскую землю не съезжать и без отпуску не сойти».

На фоне этих легенд «Сказание о роскошном житии и веселии» выделяется особенно резко. Страна, в нем описанная, — это карикатура на вымыслы о привольной земле. Наивный и темный народ верит в такое царство, а автор «Сказания» разрушает эту веру. Автор — это голодный человек, изгой, неудачник, обниженный жизнью, извергнутый из мира сытых. Он и не пытается проникнуть в этот мир, зная, что это невозможно, но мстит ему смехом. Начав с нарочито серьезного описания баснословного изобилия, он доводит это описание до абсурда, а потом показывает, что все это — небылица: «А там берут пошлины небольшие, за мыты (пошлины за товар), за мосты и за перевоз — з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всею обою по людям». Это то самое призрачное богатство, которое чудилось во хмелю кабацким ярыжкам. В образе смехового богатства представлена реальная бедность, неизбывная «нагота да босота».

Смеховая литература XVII в. противопоставляет себя не только официальной «неправде» о мире, но и фольклору с его утопическими мечтаниями. Она говорит «голую правду» — устами «голового и небогатого» человека.

7. ТВОРЧЕСТВО ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Если для средневековой литературы характерны относительная целостность художественной системы, относительное единство художественных вкусов, некий «стиль эпохи», то в XVII в. эта целостность разрушается. В искусстве все более весомо заявляет о себе индивидуальное начало. Литература превращается в арену борьбы идей, а писатель становится личностью — со своей, только ему присущей, неповторимой творческой манерой¹.

Ярче всего индивидуальное начало проявилось в творчестве протопопа Аввакума (1621—1682). Этот знаменитый вождь старообрядчества стал писателем уже в зрелом возрасте: по древнерусскому счету, на седьмой седмице своей жизни. До сорока пяти лет он брался за перо редко, от случая к случаю. Из разысканных до сей поры сочинений Аввакума (общим числом до девяноста)²

¹ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 138—164; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

² Наследие протопопа Аввакума постоянно пополняется за счет новых находок. В последнее время открыто несколько его произведений, в том числе новый автограф «Жития» (см.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Елифания. Издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975; Малышев В. И. Об изучении наследия протопопа Аввакума. — «Русская литература», 1968, № 4, с. 89—92; Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1965, т. XXI, с. 211—239). Самая полная подборка сочинений Аввакума выполнена Я. Л. Барсковым в кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927, кн. I, вып. 1 (Русская историческая библиотека, т. 39). См. также другие авторитетные публикации: Житие протопопа Аввакума, им. самим написанное, и другие его сочинения. Ред., вступит. статья и комментарии Н. К. Гудзия. М., 1934; Житие протопопа Аввакума, им

Пустозерский сборник. Окончание «Жития Аввакума» и начало «Жития Епифания». Автографы Аввакума и Епифания. XVII в. (ИРЛИ).

едва ли десяток приходится на эту раннюю пору. Все остальное, включая его знаменитое «Житие», эту первую в русской литературе развернутую автобиографию, написано в Пустозерске, маленьком городке в устье Печоры, в «месте тундряном, студеном и безлесном». Сюда, в заточение, Аввакума привезли 12 декабря 1667 г. Здесь он провел последние пятнадцать лет своей жизни. Здесь 14 апреля 1682 г. «за великие на царский дом хулы» его возвели на костер.

В молодые годы Аввакум не собирался посвятить себя литературному творчеству. Он избрал другое поприще — поприще борьбы со злоупотреблениями церкви и государства, поприще устной проповеди, живого и прямого общения с людьми. Сан священника (Аввакум получил его двадцати трех лет, когда жил еще на родине, «в нижегородских пределах»), а затем сан протопопа давал ему возможность такого общения. Общение с людьми наполняло его жизнь. «Имел у себя детей духовных много, — вспоминал он в Пустозерске, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на

самим написанное, и другие его сочинения. Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960; Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963. Далее сочинения Аввакума цитируются по изданию 1960 г.

распутиях, по градом и селам, еще же и во царствующем граде, и во стране Сибирской проповедуя».

Аввакум никогда не менял своих убеждений. По духу и темпераменту он был борцом, полемистом, обличителем. Эти качества он проявлял на всем своем многотрудном жизненном пути. Первое его столкновение с церковной властью произошло в 1653 г., когда Аввакум служил в Москве, в кремлевском Казанском соборе («любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило»). Накануне великого поста Никон, за год до того ставший патриархом, послал в Казанский собор, а потом и в другие московские храмы патриаршую «память», где предписывал заменить двуперстное крестное знамение троеперстным. С этой «памяти», собственно, и началась церковная реформа. Аввакум не подчинился приказу Никона — и, естественно, уже не мог свободно служить и проповедывать в Казанском соборе. Тогда он собрал прихожан в сенном сарае («сушиле»). Его приверженцы прямо говорили: «В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше»¹. Непокорного протопопа посадили на цепь в московском Андрониковом монастыре. Это было первое «темничное сидение» Аввакума: «Кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, не ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чеши, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно».

Вскоре его отправили в Сибирь вместе с женой Настасьей Марковной и с детьми — сначала в Тобольск, а потом в Даурию. Но и сибирская ссылка (она длилась одиннадцать лет) не сломила Аввакума, как не сломили его все неслыханные страдания, выпавшие впоследствии на его долю.

Между тем враг Аввакума, Никон, в 1658 г. был вынужден покинуть патриарший престол, потому что царь Алексей, уже не мог и не хотел терпеть властную опеку своего прежнего «собинного (личного) друга». Когда в 1664 г. Аввакума вернули в Москву, царь попытался с ним примириться: ему важна была поддержка человека, в котором народ уже признал своего заступника. Но из этой попытки ничего не вышло. Аввакум надеялся, что удаление Никона означает и возврат к «старой вере». Но царь и боярская верхушка вовсе не собирались отказываться от церковной реформы, поскольку она была необходимым звеном в необратимом процессе европеизации России. Царь скоро понял, что Аввакум для него опасен, и у непокорного протопопа снова была отнята свобода. Последовали новые ссылки, монастырские тюрьмы, лишение священнического сана и проклятие церковного собора 1666—1667 г. и, наконец, заточение в Пустозерске.

¹ См.: Материалы по истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. И. Субботина, т. I. М., 1875, с. 28—31.

Здесь проповедник и стал гениальным писателем. В Пустозерске у него не было слушателей, он не мог проповедывать своим «детям духовным», и ему не осталось ничего другого, как взяться за перо. Теперь идеи, к которым он пришел еще в молодости и которые внушал народу в «нижегородских пределах», в Казанском соборе, в московском сенном «сушиле» или в Даурии, Аввакум непреклонно отстаивал в своих сочинениях.

В Пустозерске Аввакум жил с тремя другими ссыльными вождями старообрядчества — соловецким иноком Епифанием, священником из г. Романова Лазарем, дьяконом Благовещенского собора Федором Ивановым. Они все вместе погибли на костре. Все они были писателями. Самые близкие отношения связывали Аввакума с Епифанием, его духовником. Первые годы пустозерские узники жили сравнительно свободно — и свободно общались друг с другом. Они тотчас наладили связи со своими приверженцами в Москве и в других городах. Сочувствовавшие страдальцам за «древнее благочестие» стрельцы охотно им помогали. «И стрельцу у бердыша в топорнице велел ящичек сделать, — писал протопоп Аввакум боярыне Ф. П. Морозовой в 1669 г., — и заклеил своим бедным руками то посланейце в бердыш... и поклонился ему низко, да отнесет, богом храним, до рук сына моего-света; а ящичек стрельцу делал старец Епифаний». Епифаний, очень способный ко всякой ручной работе, делал также во множестве деревянные кресты с тайниками, в которых прятал адресованные «в мир» «грамотки».

Крамольные писания отправлялись на Мезень, где жила семья Аввакума, а оттуда шли дальше. Даже с Соловецким монастырем, который отказался принять Никоновы «новины» и с 1668 г. был осажден царскими войсками, Аввакум ухитрился поддерживать связь. В 1669—1670 гг. он писал на Мезень, где вместе с семьей Аввакума жил его преданный ученик юродивый Федор: «В Соловки-те Феодор хотя бы подъехал, письма-те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма-те дал».

Стремясь пресечь агитационную работу «великой четверицы», власти прибегли к карательным мерам. На Мезень и в Пустозерск был послан стрелецкий полуголова Иван Елагин. На Мезени он повесил юродивого Федора, а в Пустозерске в апреле 1670 г. учинил «казнь» над Епифанием, Лазарем и дьяконом Федором: им отрезали языки и отсекли правые ладони. Аввакума пощадили. «И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши. — пишет Аввакум, — и не ел дней с восемь и больше, да братья паки есть велели».

С этого времени условия заключения резко ухудшились. Тюремщики, писал Аввакум, «обрубаша около темниц наших срубы и осыпаша (осыпали) в темницах землю... и оставиша (оставили) нам по единому окошку, куды нужная пища приимати и дровишек прияти». Аввакум с горькой усмешкой так изображал свой «большой покой»: «Покой большой и у меня, и у старца

(Елифанья)... где пьем и едим, тут... и лайно испражняем, да складше на лопату,— и в окошко!.. Мне видится, и у царя-тово, Алексея Михайловича, нет такого покоя».

Но невыносимые условия «земляной тюрьмы» не отбили у пустозерских страдальцев тяги к литературному труду, тем более что читательский спрос на их произведения был огромным. Для старообрядцев слово Аввакума и его сподвижников имело высокий нравственный авторитет. Их окружал ореол мучеников за веру. Их сочинения переписывались и тайно распространялись. И «великая четверица» работала очень напряженно, создавая новые и новые сочинения.

Аввакум в Пустозерске написал множество челобитных, писем, посланий, а также такие обширные произведения, как «Книга бесед» (1669—1675), в которую входит 10 рассуждений на различные вероучительные темы; как «Книга толкований» (1673—1676) — она включает толкования Аввакума на псалмы и другие библейские тексты; как «Книга обличений, или Евангелие вечное» (1679), содержащая богословскую полемику Аввакума с его «соузником» дьяконом Федором. В Пустозерске Аввакум создал и свою монументальную автобиографию, свое замечательное «Житие» (1672), которое перерабатывал несколько раз¹.

Как по происхождению, так и по идеологии Аввакум принадлежал к «простецам», к социальным низам. Демократизм одушевлял и его проповедь, и его литературное творчество. Долгий и горький жизненный опыт убедил Аввакума в том, что простому народу живется на Руси тяжело. «И без битья человек насилу дышит,— писал он в «Житии», вспоминая свое подневольное путешествие в Даурию.— А чуть что — палкой по лбу: не ходи, мужик, умри на работе!» Идея равенства — одна из любимых идей Аввакума: «Небо одно, земля одна, хлеб общ, вода такожде». В русских людях он видел братьев и сестер «по духу», не признавая сословных различий. «Али ты нас тем лутчи, что боярыня? — вопрошал он Ф. П. Морозову.— Да одинако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служит тебе не болши и мне не менши».

Аввакум, естественно, в данном случае ссылается на букву и дух Евангелия. Но в применении к русской действительности XVII в. мысль о равенстве приобретает «мирской» и бунтарский оттенок. Для Аввакума «христианство» — это простой народ, а церковных пастырей и светских владык он очерчивает кругом «никонианства», утверждая, что они превратились в волков, пожирающих «горемык миленьких». «Не токмо за изменение святых книг,— пишет Аввакум,— но и за мирскую правду... подобает душа своя положить».

¹ О том, как создавал свое «Житие» Аввакум, см. в кн.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974.

Демократизм пронизывает идеологию Аввакума. Но демократизм пронизывает и его эстетику — он определяет и языковые нормы, и изобразительные средства, и писательскую позицию в целом. Сочиняя, Аввакум постоянно видит перед собой читателя. Это — тот же крестьянин или посадский мужик, с которым Аввакуму приходилось иметь дело с молодых лет, это его духовный сын, нерадивый и усердный, грешный и праведный, слабый и стойкий в одно и то же время. Это — «природный русак», как и сам протопоп. Такому читателю нелегко понимать церковно-славянскую премудрость, с ним надо говорить просто, и Аввакум делает просторечие своим стилистическим принципом: «Чтушии и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык... Я не бегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго».

И надо сказать, что во всех своих произведениях, и прежде всего в «Житии», Аввакум обнаруживает поразительный талант стилиста. Он владеет «русским природным языком» с какой-то особенной свободой и гибкостью. Одна из причин этого в том, что Аввакум ощущает себя не пишущим, а говорящим («Да что много говорить?», «Да полно тово говорить!», «А еще сказать ли, старец, повесть тебе?»). Он беседует со слушателем, продолжая в далекой земляной тюрьме свое проповедническое служение. Он называет свою манеру изложения «вяканьем» и «ворчаньем».

Беседа Аввакума глубоко эмоциональна. Он то ласкает своего читателя-слушателя, называя его «батушко», «голубчик», «бедненькой», «миленькой», «Алексеюшко», «Симеонушко»; то бранит его, как бранит он дьякона Федора, своего противника по богословским вопросам: «Федор, веть ты дурак!» Скорбная патетика звучит в его обращении к боярыне Ф. П. Морозовой, которая умерла с голоду в Боровской тюрьме: «Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя? Не вем (не знаю) и не слышу; не ведаю — жива, не ведаю — скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! Провешай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?» Но ему не чужд и юмор — он смеялся и над своими врагами, называя их «горюнами», «бедными», «дурачками», он смеялся и над самим собой, причем смеялся, рассказывая о самых трагических эпизодах своей жизни.

Вспоминая в «Житии» о том, как он был лишен сана, «растрижен» в переносном и в прямом смысле, Аввакум пишет об этом с юмором: «Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу!» Вот Аввакум рассказывает о своих даурских страданиях: «Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал (воевода Афанасий Пашков) две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающиеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадейми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско

гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!» А протопица кричит: «Что ты, батько, меня задавил?» Я пришел,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петрович, ино еще побредем». Этот эпизод дает наглядное представление о характере юмора Аввакума. С одной стороны, это «ободрение смехом» в самую тяжелую минуту, это смех исцеляющий, помогающий достойно выдержать любое испытание. С другой стороны, это кроткий смех, который предохраняет от самовозвеличения и самолюбования¹.

Такое предохранение, с точки зрения и Аввакума, и его читателя, необходимо, потому что главный герой Аввакума — он сам. Впервые в древнерусской литературе автор так много пишет о своих переживаниях, о том, как он «тужит», «рыдает», «вздыхает», «горюет». Впервые русский писатель дерзает сравнивать себя с первыми христианскими писателями — апостолами. «Иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочто Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же». Ссылаясь на авторитет апостолов, Аввакум вольно или невольно и себя объявляет апостолом. Он назвал свое «Житие» «книгой живота вечного» (книгой вечной жизни), и это не случайная обмолвка. Как апостол, Аввакум может писать о себе. Он свободен в выборе тем и персонажей, свободен в «просторечии», в обсуждении своих и чужих поступков. Аввакум — новатор, нарушающий традицию тем, что возвращается к апостольским истокам этой традиции.

Создавая «Житие», Аввакум в известной мере пользовался агиографическим каноном. В экспозиции, как и предписывал канон, рассказывалось о родителях и детстве агиографического героя. Там же говорится о первом знаменнии, которое получил герой, — о «видении корабля»: «А се потом вижу... корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо (серо) — его же ум человек не вмести красоты его и доброты. Юноша светел, на корме сидя, правит... И я вскричал: «Чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «Твой корабль! Да плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? И что будет плавание?» Море — жизнь, корабль — судьба человека, все это средневековые образы, и они становятся сквозными образами «Жития». За всяким событием Аввакум видит символический, таинственный смысл, и это тоже сближает его с древнерусской агиографией. «Житие» оканчивается изображением «казней» 1670 г. в Пустозерске. Но дальше, вне связи с основной фабулой,

¹ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 75—90.

следует несколько эпизодов из жизни Аввакума. И по композиции, и по тематике они напоминают «чудеса», которые всегда присоединяются к древнерусскому житию.

И все же Аввакум решительно реформирует агиографическую схему. Он — впервые в русской литературе — объединяет автора и героя агиографического повествования в одном лице. С традиционной точки зрения это недопустимо, ибо прославление себя есть греховная гордыня. Символический слой «Жития» также индивидуален: Аввакум придает символическое значение таким «бренным», ничтожным бытовым деталям, какие средневековая агиография вообще, как правило, не отмечала. Рассказывая о своем первом «темничном сидении» в 1653 г., Аввакум пишет: «Бысть же я в третий день приалчен,— сиречь есть захотел, и после вечерни ста (стал) предо мною, не вем (не знаю) — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немношко и щец дал похлебать.— зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «Полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек, а что ж ангел? Ино нечему дивитца — везде ему не загорожено». «Чудо со щами» — бытовое чудо, как и рассказ о черненькой курочке, которая в Сибири кормила детей Аввакума: «По два яичка на день приносила робяти на пищу, божим повелением нужде нашей помогая; бог так строил».

Символическое толкование бытовых реалий крайне важно в системе идеологических и художественных принципов «Жития». Аввакум яростно боролся с реформой Никона не только потому, что Никон посягнул на освященный веками православный обряд. В реформе Аввакум видел и посягательство на весь русский уклад, на весь национальный быт. Для Аввакума православие накрепко связано с этим укладом. Коль скоро рухнет православие, значит, гибнет и Древняя Русь. Поэтому он так любовно, так ярко описывает русский быт, в особенности семейный.

«Житие» Аввакума — не только проповедь, но также исповедь¹. Искренность — одна из самых поразительных черт этого произведения. Это не только писательская позиция, это позиция страдальца, «живого мертвеца», который покончил счеты с жизнью и для которого смерть — желанное избавление. «В темнице мне, яко во гробу, сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей, тако». Аввакуму ненавистны ложь и притворство. В его «Житии» нет ни одной фальшивой ноты, как нет ее во всем творчестве Аввакума. Он пишет только правду — ту правду, которую подсказывает ему «рассвиरेпевшая совесть».

¹ См.: Робинсон А. Н. Исповедь-проповедь (о художественности «Жития» Аввакума) // В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967, с. 358—370.

Аввакум не соразмерял свою искренность в зависимости от читателя, в зависимости от адресата. В этом смысле для него были равны и жена, и боярыня Морозова, и сам царь. «А царя Алексея велю Христу на суде поставить, — писал Аввакум. — Тово мне надобне шелепами (плетьми) медянными попарить»¹. Когда умер царь Алексей и трон перешел к его сыну Федору, Аввакум отправил новому государю челобитную, в которой просил: «Помилуй мя, страннаго, устранишагося грехми бога и человек, помилуй мя, Алексеевич, дитяtko красное, церковное!» Но и в этой челобитной Аввакум не преминул побранить покойного Алексея Михайловича — побранить в письме сыну, только что потерявшему отца! «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от Спаса».

Для суждения об Аввакуме как борце, бунтаре можно напомнить о связи его с выступлением московских старообрядцев во время крещенского водосвятия 1681 г. В этот праздник, когда в Кремле собралось множество народу, старообрядцы с колокольной Ивана Великого «безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестные»², а также учинили погром в Успенском соборе, вымазав дегтем церковные ризы и царские гробницы. Среди «воровских свитков» были изделия пустозерских узников. Аввакум, который был не только писателем, но и рисовальщиком, изображал на бересте «царския персоны и высокая духовная предводители» с «хульными надписаними» и «весьма запретительными» словами. Эти карикатуры и разбрасывали старообрядцы во время царского шествия на Иордань.

Изверившись не только в царе Алексее, но и в его наследнике, поняв, что московские государи навсегда отреклись от «древлего благочестия», Аввакум перешел к прямой антиправительственной пропаганде. За это его и сожгли — не только за раскол, но и за «великие на царский дом хулы».

8. БАРОККО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII В.

В литературе XVII в., в отличие от литературы средневековой, уже нельзя выделить единые стилеобразующие принципы. XVII в. — это эпоха зарождения, сосуществования и борьбы разных литературных школ и направлений, как выраставших на почве русских традиций, так и опиравшихся на западноевропейский опыт. Из Европы — прежде всего из Польши через украинно-белорусское посредство — Россия заимствовала стиль барокко, которому суждено было стать стилем московской придворной культуры последней трети XVII в. В чем специфика этого стиля?

¹ Цитируется по изданию в ст.: Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1958, т. XIV, с. 420.

² Цитируется по ст.: Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1965, т. XXI, с. 343.

В Европе барокко пришло на смену Ренессансу. Если в системе ренессансных ценностей на первом месте стоял человек, то барокко снова вернулось к средневековой идее бога как первопричины и цели земного существования. Барокко знаменовало собою причудливый синтез средневековья и Ренессанса. Эта причудливость, неестественность зафиксирована в самом термине *барокко* — к чему бы его ни возводили, будь то к ювелирному делу, где «барокко» называли жемчужину причудливой формы (от итальянского *регисса* — бородавка), либо к логике, в которой это слово обозначало одну из неправильных фигур силлогизма.

Заново обратившись к средним векам, искусство барокко возродило мистику, «пляски смерти», темы страшного суда, загробных мучений. В то же время барокко (по крайней мере теоретически) не порывало с наследием Ренессанса и не отказывалось от его достижений. Античные боги и герои остались персонажами барочных писателей, а античная поэзия сохранила для них значение высокого и недосягаемого образца.

«Двойственность» европейского барокко имела большое значение при усвоении этого стиля Россией. С одной стороны, средневековые элементы в эстетике барокко способствовали тому, что Россия, для которой средневековая культура отнюдь не была далеким прошлым, сравнительно легко приняла первый в ее истории европейский стиль. С другой стороны, ренессансная струя, оплодотворившая барокко, обусловила особую роль этого стиля в развитии русской культуры: барокко в России выполняло функции Ренессанса¹. Стилю барокко Россия обязана возникновением регулярной силлабической поэзии и первого театра.

Симеон Полоцкий. Создателем регулярной силлабической поэзии стал в Москве белорус Самуил Емельянович Ситнианович Петровский (1629—1680), который двадцати семи лет принял монашество с именем Симеон и которого в Москве прозвали Полоцким — по его родному городу, где он был учителем в школе тамошнего православного «братства». Летом и осенью 1656 г. молодой полоцкий «дидаскал» (учитель) имел случай обратить на себя внимание царя Алексея Михайловича: царь ездил к войскам, стоявшим под Ригой, дважды останавливался в Полоцке и слушал здесь приветственные вирши Симеона. В 1660 г. Симеон побывал в Москве и снова поднес царю стихотворения. Год спустя Полоцк захватили поляки. В 1664 г. Симеон уехал в Москву — на этот раз навсегда.

¹ См. общие работы о русском варианте европейского барокко: Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1948, т. VI, с. 125—163; Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966; Морозов А. А. Проблема барокко XVII—начала XVIII в. (Состояние вопроса и задачи изучения). — «Русская литература», 1962, № 3, с. 3—38; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 165—214.

Миниатюра с изображением Геометрии из «Книги избранной вкратце о 9 музах и о 7 свободных художествах» Николая Спафария. XVII в. (ГПБ)

Итак, у истоков барокко стоял православный белорус, изучивший «семь свободных художеств» в Киево-Могилянской академии и, может быть, слушавший курс лекций в Виленской иезуитской коллегии. Происхождение и образование Симеона Полоцкого наглядно показывают, откуда и каким образом проникал в Россию стиль барокко.

В Москве Симеон Полоцкий продолжал начатую на родине деятельность «дидакакала», педагога¹. Он воспитывал государственных детей (одного из них, будущего царя Федора Алексеевича, он научил сочинять силлабические вирши), открыл латинскую школу неподалеку от Кремля, в Заиконоспасском монастыре, где обучались молодые подьячие Приказа тайных дел — собственной канцелярии царя Алексея Михайловича. Симеон Полоцкий также занял или, точнее, учредил еще одну должность — должность придворного поэта, дотоле в России неизвестную. Любое событие в царской семье — браки, именины, рождения детей — давало Симеону Полоцкому повод для сочинения стихотворений

¹ Биография Симеона Полоцкого изложена в кн.: Татарский И. А. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886; Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. Спб., 1889.

«на случай». Эти стихотворения поэт к концу жизни собрал в огромный «Рифмологион, или Стихослов» (этот сборник дошел в черновом автографе и опубликован лишь в извлечениях).

Наследие Симеона Полоцкого очень велико. Подсчитано, что он оставил по крайней мере пятьдесят тысяч стихотворных строк¹.

Кроме «Рифмологиона», это «Псалтырь рифмотворная» (стихотворное переложение «Псалтыри», напечатанное в 1680 г.) и оставшийся в рукописях колоссальный сборник «Вертоград (сад) многоцветный» (1678) — своего рода поэтическая энциклопедия, в которой стихотворения расположены в алфавитном порядке. В «Вертограде» насчитывается 1155 названий, причем под одним заглавием часто помещается целый цикл — от двух до двенадцати стихотворений.

Со слов Сильвестра Медведева (1641—1691), ученика и любимца Симеона Полоцкого, мы знаем, как последний работал. В Заиконоспасском монастыре учитель и ученик жили в соседних покоех, соединявшихся общими сенями. Сильвестр Медведев, бывший постоянным «самовидцем» творческой работы Симеона, вспоминал, что тот «на всякий же день име залог (имел обыкновение) писати в полдесть по полутетради, а писание (почерк) его зело бе мелко и уписисто», т. е. что он каждый день писал мелким почерком восемь страниц нынешнего тетрадного формата. Такая плодovitость отражала основную творческую установку Симеона Полоцкого. Как человек европейской ориентации, он невысоко ставил древнерусскую литературу. Он считал, что его задача — создать в России новую словесную культуру.

Для нее нужны были потребители, способные ее оценить и воспринять. Хорошо понимая, что таких потребителей еще предстоит воспитать, Симеон Полоцкий стремился «насытить» быт царского двора и столичной аристократии силлабическими виршами. В праздничные дни публично исполнялись его стихотворения в жанрах «декламации» и «диалога», причем чтецами выступали и сам автор, и специально обученные «отроки». Публично исполнялись также «приветства» — панегирики. Судя по составу «Рифмологиона» и по авторским пометам на его полях, Симеон Полоцкий старался использовать каждый мало-мальски подходящий случай, когда казалось уместным произнести речь в стихах. Он сочинял такие речи и для себя, и для других — по заказу или в подарок. Они звучали на царских парадных обедах, в боярских хоромах и в церквях в дни храмовых праздников.

¹ Стихотворство Симеона Полоцкого полнее всего представлено в следующих изданиях: Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков. Ред. П. Н. Берков, вступит. статья И. Н. Розанова. Л., 1935; Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарий И. П. Фремина. М.—Л., 1953; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступит. статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Л., 1970. Тексты Симеона Полоцкого, а также Сильвестра Медведева и Кариона Истомина, опубликованные в этих изданиях, цитируются без ссылок.

СВ. ВАРЛААМЪ КЪПЕЦЪ БЛГІИ. СВ. ІОАСАФЪ КЪМНЬ СВЯТЫИ :

Варлаам и Иоасаф. Гравюра Афанасия Трухменского по рисунку Симона Ушакова. 2-я пол. XVII в. (ГПБ).

«Вертоград многоцветный» носит иной характер. Это действительно поэтическая энциклопедия, в которой Симеон Полоцкий хотел дать читателю широчайший свод знаний — прежде всего по истории, античной и средневековой западноевропейской. Здесь соседствуют мифологические сюжеты и исторические анекдоты о Цезаре и Августе, Александре Македонском, Диогене, Юстиниане и Карле Великом. Во многих стихотворениях использована «Естественная история» Плиния Старшего. «Вертоград» дает сведения о вымышленных и экзотических животных — птице-фениксе, плачущем крокодиле, страусе, о драгоценных камнях и проч. Здесь мы найдем также изложение космогонических воззрений, экскурсии в область христианской символики. По словам И. П. Еремина, стихотворения «Вертограда» «производят впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке... самые разнообразнейшие вещи, часто редкие и очень древние. Тут выставлено для обозрения все основное, что успел Симеон, библиофил и начетчик, любитель разных «раритетов» и «курнезов», собрать в течение своей жизни у себя в памяти»¹.

Этот «музей раритетов» отражает несколько основополагающих мотивов барокко — прежде всего идею о «пестротности» мира, о переменчивости сущего, а также тягу к сенсационности, присущую барокко. Однако особенность «музея раритетов» в том, что это музей словесности. Развитие культуры в представлении Симеона Полоцкого — это нечто вроде словесной процессии, парада слов. На первый взгляд в этой процессии участвуют и вещи. Но сфинкс и саламандра, феникс и сирена, пеликан и кентавр, магнит и янтарь сами по себе Симеона Полоцкого не интересуют. Интересна только их умопостижимая сущность, только скрытое в них Слово, — ибо Слово, по глубокому убеждению Симеона Полоцкого, — главный элемент культуры.

С его точки зрения, поэт — это «второй бог»: подобно тому, как бог Словом строит мир, поэт словом своим извлекает из небытия людей, события, мысли. Симеон представляет себе мир в виде книги или алфавита, а элементы мира — как части книги, ее листы, строки, слова, литеры:

Мир сей преукрашенный — книга есть велика,
еже словом написа всяческих владыка.
Пять листов препространных в ней ся обретают,
яже чудна писмена в себе заключают.
Первый же лист есть небо, на нем же светила,
яко писмена. божия крепость положила.
Вторый лист огонь стихийный под небом высоко,
в нем яко писание силу да зрит око.
Третий лист преширокий аер мощно звати,
на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.

¹ Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого, с. 125.

Четвертый лист — сонмводный в ней ся обретае,
в том животных множество удобь ся читает.
Последний лист есть земля с дресвы, с травами,
с крущы и с животными, яко с писменами...

Слово воспринималось как инструмент преобразования мира, как средство создания новой европейской культуры. Поэтому просветительные планы Симеона Полоцкого были прежде всего планами гуманитария. Эти планы пытался выполнить в 80-х гг. Сильвестр Медведев.

Сильвестр Медведев. Курянин по происхождению, служивший подьячим в Приказе тайных дел, а потом по настоятельному совету Симеона постригшийся в монахи¹, Сильвестр Медведев после смерти учителя унаследовал его место — место придворного стихотворца. Он унаследовал и библиотеку Симеона, и его идеи. Главнейшей из них была мысль об учреждении в Москве университета. Был составлен его устав («привилей» от царского имени), ориентированный на Киево-Могиланскую академию и предусматривавший, что университету будет даровано право руководства московской культурой. Вручая в январе 1685 г. проект «привилея» царевне Софье Алексеевне, Сильвестр Медведев писал:

Мудрости бо ти имя подадесе,
богом Софиа мудрость наречесе,
Тебе бо слично науки начати,
яко премудрой оны совершати.

Однако упования на поддержку Софьи потерпели крах. Та западническая ориентация, которую представлял Сильвестр Медведев, вызвала резкую оппозицию церковной верхушки во главе с самим патриархом Иоакимом. Софья не захотела ссориться с патриархом, и открытая в 1686 г. Славяно-греко-латинская академия попала в его руки. Ни о какой университетской автономии уже не было и речи: все теперь зависело от патриаршей воли².

Когда в 1689 г. пало правительство царевны Софьи, Сильвестр Медведев был осужден как заговорщик. «199 (1691) года, месяца февруария в 11 день прият кончину жизни своея монах Сильвестр Медведев... — записал в своей черновой тетради его свояк Карион Истомина. — Отсечесе глава его... на Красной площади, противу Спасских врат. Тело его погребено в убогом доме со странными (с бродягами) в яме»³. На сочинения Сильвестра Медведева был наложен строгий запрет. Все их списки приказано

¹ Симеон Полоцкий считал, что писатель не должен обременять себя семьей, и в монашеском обете безбрачия видел лучший выход: «Ей, неудобно книги довольно читати И хотение жены в доме исполняти!.. На покойное место ко книгам склонися, Кроме бед супружества век свой жити тишня».

² О Сильвестре Медведеве см. в кн.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). — ЧОИДР, 1896, кн. 2—4; Козловский И. Сильвестр Медведев. Киев, 1895.

³ ЧОИДР, 1896, кн. 3, отд. IV, с. 373—374.

было сжечь под страхом тяжелого наказания. По-видимому, именно по этой причине от Сильвестра Медведева дошло очень мало стихотворений.

Карион Истомирин. Карион Истомирин (Заулонский) (середина XVII в.— после 1717 г.) родился, как и Сильвестр Медведев, в Курске¹. Не позже 1679 г., уже приняв монашество, он переселился в Москву. Здесь он служил справщиком (редактором) на Печатном дворе. Бурный 1689 год мало отразился на карьере Кариона Истомиринна, а последнее десятилетие XVII в. стало для него временем наибольших успехов. При патриархе Адриане он завоевал прочное положение и 4 марта 1698 г. получил очень важную должность начальника Печатного двора. Карион Истомирин — очень плодовитый и, в сущности, не исследованный поэт. Он известен своими педагогическими сочинениями (цельногравированный «Букварь» 1694 г. и наборный «Букварь» 1696 г.). Между тем он писал панегирики (начиная с книги «приветств», поднесенных царевне Софье в 1681 г.), стихи «на гербы», эпитафии, дружеские послания и даже пробовал себя в жанре героической поэмы, попытавшись тринадцатисложными стихами описать второй Крымский поход князя В. В. Голицына (1689). Особенно удавалась Истомирину медитативная лирика — стихотворные размышления о суете земной жизни, о душе человека, о смерти:

Воззрю на небо — ум не постигает,
 како в не пойду, а бог призывает.
На землю смотрю — мысль притупляется,
 всяк человек в ту смертью валается.
По широте ли ум где понесется —
 конца и края нигде доберется,
Тварь бо вся в бозе мудре содержится,
 да всяка душа тому удивится.
Что небо держит, кто землю строит,
 человек како благу жизнь усвоит?

Тот тип писателя-профессионала, который воплотился в Симеоне Полоцком, Сильвестре Медведеве и Карионе Истомирине, в Петровскую эпоху был оттеснен на задний план. Петр не нуждался в гуманитариях: достигнуть уровня европейской цивилизации, по мнению Петра, надлежало не производством слов, а производством вещей. Отношение к слову как способу преобразования России казалось царю-реформатору верхом нелепости. Литературе он отводил вспомогательную роль служанки практических наук; поэтому в петровское время ощущается нужда не в поэтах или в проповедниках, а в переводчиках, в литературных поденщиках, которые работают по заказу или по прямому указу императора.

¹ О Карионе Истомирине см.: Браиловский С. П. Один из пестрых XVII столетия. Спб., 1902.

Возникновение русского театра. Русский профессиональный театр возник в 1672 г., в год рождения Петра I, и возник как театр придворный¹. Еще с начала 60-х гг. царь Алексей Михайлович делал попытки нанять в «Немецких землях» и поселить в Москве труппу актеров, «мастеров комедию делать» (слово «комедия» — «комидия» означало тогда всякое вообще драматургическое произведение и театральное представление). Попытки эти не привели к успеху, и учреждение театра в конце концов было поручено Иоганну-Готфриду Грегори, пастору лютеранской кирхи в московской Немецкой слободе. По царскому указу ему предписывалось «учинити комедию, а на комедии действовати из Библии Книгу Есфирь»².

Пока пастор Грегори сочинял немецкими стихами пьесу на библейский сюжет о смиренной красавице Есфире, которая обратила на себя милостивое внимание персидского царя Артаксеркса, стала его женой и спасла свой народ; пока переводчики Посольского приказа перелагали пьесу на русский язык; пока актеры-иноземцы, ученики школы Грегори, разучивали по-русски роли, мужские и женские,— прошло несколько месяцев. За это время в селе Преображенском, подмосковной царской усадьбе, была возведена «комидийная храмина». В ней 17 октября 1672 г. и состоялся первый спектакль — «Артаксерксово действо». Его смотрели царь, вельможи в думных чинах, «ближние» люди. Царица Наталья Кирилловна вместе с царевичами и царевнами наблюдала за представлением из особого помещения, отделенного от залы решеткой.

«Артаксерксово действо» шло несколько раз. В феврале 1673 г. была показана новая пьеса «Иудифь» («Олоферново действо») — опять-таки о библейской героине, от руки которой погиб язычник Олоферн, предводитель войска, осаждавшего родной город Иудифи. Репертуар придворного театра все время пополнялся (спектакли давались то в Преображенском, то в Кремле, в помещении над дворцовой аптекой). Наряду с комедиями на библейские и житийные темы в него вошла историческая драма о Тамерлане, победившем султана Баязета («Темир-Аксаково действо»), а также не дошедшая до нас пьеса о Бахусе и Венере и балет «Орфей», о котором сохранились лишь самые общие сведения.

В спектаклях играли не только иноземцы из Немецкой слободы, но и русские «отроки» — в основном из числа молодых подь-

¹ Представление о начале русского театра и его репертуаре дают два первых тома серии «Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.)»: Первые пьесы русского театра. Издание подготовили О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская. Под ред. А. Н. Робинсона. М., 1972. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. Издание подготовили О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк. Под ред. О. А. Державиной. М., 1972. Тексты пьес цитируются по этим изданиям.

² См.: Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914, с. 8.

ячих Посольского приказа. Новая государева «потеха» обставлялась с большой пышностью. В театре звучала инструментальная музыка (официальная культура Древней Руси признавала только певческое искусство, считая музыкальные инструменты скомошьими атрибутами). На сцене пели и танцевали. К каждой пьесе писались «рамы перспективного письма» (живописные декорации с линейной перспективой, которая также была новым явлением в русском искусстве). Для реквизита и костюмов брались из казны или нарочно закупались самые дорогие материалы и ткани — шемаханский шелк, гамбургское сукно, турецкий атлас.

Придворный театр был любимым детищем царя Алексея и не пережил своего учредителя. После его внезапной смерти 30 января 1676 г. спектакли прекратились, а к концу года новый государь Федор Алексеевич приказал «всякие комидийные припасы» держать под спудом.

В основу всех пьес первого русского театра были положены исторические сюжеты. Но это были уже не рассказы о прошлом, столь привычные для читателей Писания, летописей, хронографов, житий и повестей. Это был показ прошлого, его наглядное изображение, его своеобразное воскрешение. Артаксеркс, который, как говорилось в «комедии», «въяще лет двутысящ во гробе заключен есть», в первом своем монологе трижды произносил слово «ныне». Он, как и другие «заклученные во гробе» персонажи, «ныне» жил на сцене, «ныне» говорил и двигался, казнил и миловал, тужил и радовался. Для современного зрителя в «оживлении» давно умершего «потентата» (государя) не было бы ничего удивительного: это обыкновенная сценическая условность. Но для царя Алексея Михайловича и его вельмож, не получивших западноевропейского театрального воспитания, «воскрешение прошлого» в «комидийной хранине» было подлинным переворотом в их представлениях об искусстве. Оказалось, что о прошлом можно не только рассказывать, повествовать. Прошлое можно показать, оживить, изобразить как настоящее. Театр создавал художественную иллюзию действительности, как бы «отключал» зрителя от реальности и переносил его в особый мир — мир искусства, мир ожившей истории¹.

По свидетельству современника, царь смотрел первый спектакль в продолжение целых десяти часов, не вставая с места (другие вельможные зрители, исключая членов царской семьи, те же «целых десять часов» стояли, ибо садиться в присутствии монарха не полагалось). Из этого свидетельства ясно, что «Артаксерксово действо» игралось без антрактов, хотя пьеса делилась на семь «действ» (актов) и многочисленные «сени» (картины). Антрактов не делали потому, что они могли бы разрушить иллюзию «воскрешения истории», вернуть зрителя из «настоящего

¹ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп. Л., 1971, с. 321–330.

художественного» времени в настоящее повседневное, а именно ради этой иллюзии и выстроил «комидийную храмину» в селе Преображенском первый русский театрал.

Привыкнуть к сценической условности, «овладеть» ею было нелегко. Об этом говорят хотя бы сведения о костюмах и реквизите. Не театральная мишура, а дорогие, «всамделишные» ткани и материалы брались потому, что зрителям на первых порах было трудно понять сущность актерства, сущность «настоящего художественного» времени, трудно видеть в Артаксерксе одновременно и подлинного «воскрешенного потентата», и ряженого немца с Кукуя. Автор пьесы счел необходимым сказать об этом в предисловии, прямо адресованном царю:

«Твое убо державное слово того нам жива представляет во образе отрока...»

Написанное специально для русского зрителя предисловие «произносило особое действующее лицо — Мамурза («оратор царев»). Этот Мамурза обращается к главному зрителю представления — царю Алексею Михайловичу... и разъясняет ему художественную сущность нового развлечения: проблему художественного настоящего времени — каким образом прошлое становится настоящим перед глазами царя. Мамурза прибегает при этом к понятию «слава», издавна ассоциировавшейся на Руси с представлением о бессмертии прошлого. Мамурза обстоятельно и педагогично объясняет Алексею Михайловичу, что и его слава также останется в веках, как осталась слава многих исторических героев... Чтобы облегчить Алексею Михайловичу восприятие лиц прошлого как живых, автор заставляет и этих самых лиц ощущать себя воскресшими. Не только зрители видят перед собою исторических лиц... но и эти действующие лица видят зрителей, удивлены тем, куда они попали, восхищаются Алексеем Михайловичем и его царством... Кратко объясняя содержание пьесы, Мамурза всячески стремится ввести зрителя в непривычную для него обстановку театра и подчеркнуть удивительность повторения в настоящем событий прошлого»¹.

Итак, театр создавал художественную иллюзию жизни. Но какая жизнь предстала перед глазами русского зрителя, каких людей он видел на сцене? Хотя это были «воскрешенные» люди минувшего, они удивительным образом походили на тех, кто сидел (или стоял) в «комидийной храмине». Герои пьес находились в постоянном движении, они поражали своей активностью и энергией². Они призывали «поспешать», «не мешкать», «скоро творить», «не губить время». Они не были созерцателями, они

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп. Л., 1971, с. 324—326.

² См.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.

хорошо «ведали свое дело», «подымали труды», презирали «лестных». Их жизнь была заполнена до отказа. «Воскрешенная история» изображалась как калейдоскоп событий, как бесконечная цепь поступков.

«Деятельный человек» ранней русской драматургии соответствовал тому стилю поведения, который сложился накануне и особенно в период петровских преобразований. В это время рушился старинный идеал «благообразия», «благолепия» и «благочиния». Если в средние века предписывалось поступать тихо и «косно», а не «с тяжким и зверообразным рвением», то теперь энергичность стала положительным качеством. Именно во второй половине XVII в. слово *косность* приобрело отрицательный смысловой ореол.

Царь Алексей подбирал себе деятельных сотрудников и требовал от них неусыпного усердия: «Имей крепко опасенье и Аргусовы очи на всяк час, беспрестани в осторожности пребывай и смотри на все четыре страны»¹. Повинуясь велениям государя, его «ближние» люди, такие, как А. Л. Ордин-Нащокин или А. С. Матвеев, трудились «не мешкая нигде ни за чем ни малого времени».

Сама жизнь, которую наблюдали на сцене посетители придворного театра, менее всего располагала к спокойствию. Это была пестрая, переменчивая жизнь, в которой переходы от горя к радости, от веселья к слезам, от надежды к отчаянью и наоборот совершались быстро и внезапно. Герои пьес жаловались на «пременное», «проклятое», «предателное» счастье — на Фортуну, колесо которой одних возвышает, а других ниспровергает. «Воскрешенный мир» состоял из противоречий и противоположностей.

Новая государева «потеха» была не только развлечением («комедия человека увеселити может и всю кручину человеческую в радость превратить»), но и школой, в которой «многие благие научения... выразумети мочно... чтоб всего злодейства отстать и ко всему благому приставать». Театр был «зерцалом», в котором зритель узнавал и познавал самого себя.

В этом «зерцале» отражались многие идеи европейского барокко, и прежде всего излюбленный его постулат: жизнь — сцена, люди — актеры. В «зерцале» можно было увидеть и некое подобие европеизирующейся России, которая с необычайной энергией и на равных вступала в концерт великих европейских держав. Уверенность в успехах России, в величии ее исторической миссии была в высокой степени присуща официальной культуре второй половины XVII в. Поэтому русское искусство этого времени, обращаясь к опыту европейского барокко, черпало из барочного

¹ См.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977, с. 100.

арсенала в первую очередь светлые, оптимистические ноты. Мир придворной поэзии и придворной драматургии — это переменчивый мир, исполненный конфликтов и противоречий. Но в конце концов торжествуют добро и справедливость, нарушенная гармония восстанавливается, народы и страны радуются и благоденствуют.

ЛИТЕРАТУРА

Общие работы: Истрин В. М. Введение в историю русской литературы второй половины XVII в. Одесса, 1903; Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе. — В кн.: История русского романа. В 2-х т., т. I. М.—Л., 1962; Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969.

Тексты. Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Пётр Златых Ключей. М., 1964; Державина О. А. «Фашеции». Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962; Скрипиль М. О. «Повесть о Савве Грудыне» (тексты). — «ТОДРЛ». М.—Л., 1947, т. V; Русские повести XVII в. Составитель М. О. Скрипиль. М., 1954; Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Под ред. Н. К. Гудзья. Вступит. статья В. Е. Гусева. М., 1960; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975; Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963; Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954. 2-е изд., доп. М., 1977; Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937; Демократическая поэзия XVII века. Вступ. статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подготовка текста и примечания В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. М.—Л., 1962; Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума. Русская речь. Сб. статей под ред. Л. В. Щербы, т. I. Пг., 1923; Гусев В. Е. К вопросу о жанре «Жития» протопопа Аввакума. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1958, т. XV; Гусев В. Е. Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума. — «ТОДРЛ». М.—Л., 1957, т. XIII; Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения). Л., 1974.

См. также раздел о юморе протопопа Аввакума в кн. Д. С. Лихачева и А. М. Панченко «Смеховой мир Древней Руси» (Л., 1976) и главы о сочинениях Аввакума в книгах Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» (Л., 1970) и «Великое наследие» (М., 1975).

Артарксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста и комментарий И. М. Кудрявцева. М., 1957; Ранняя русская драматургия XVII — первой половины XVIII в. Первые пьесы русского театра. М., 1972; Русская силлабическая поэзия. Вступ. статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. 2-е изд., Л., 1970; Симеон Полоцкий. Избр. соч., подготовка текста, статья и комментарии И. П. Ерёмину. М.—Л.; Ерёмин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — В кн.: Ерёмин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги литературного развития.

Как и большинство других народов Европы, Русь миновала рабовладельческую формацию. Поэтому Русь не знала античной стадии в развитии своей культуры. Непосредственно от общинно-патриархальной формации восточные славяне перешли к феодализму. Этот переход совершился необыкновенно быстро на огромной территории, населенной восточнославянскими племенами и различными угро-финскими народностями.

Отсутствие той или иной стадии в историческом развитии требует своей «компенсации», восполнения. Помощь обычно приходит от идеологии, от культуры, черпающих при этих обстоятельствах свои силы в опыте соседних народов.

Появление литературы, и притом литературы для своего времени высокосовершенной, могло осуществиться только благодаря культурной помощи соседних стран — Византии и Болгарии. При этом необходимо подчеркнуть особое значение культурного опыта Болгарии. Регулярная письменность и литература в Болгарии явились на столетие раньше в сходных условиях: Болгария также не знала в основном рабовладельческой формации и усвоила культурный опыт той же Византии. Болгария совершила усвоение византийской культуры в обстоятельствах, близких тем, которые создались через столетие на Руси при усвоении ею византийской и болгарской культуры: Русь получила византийский культурный опыт не только в его непосредственном состоянии, но и в «адаптированном» Болгарией виде, приспособленном к нуждам феодализирующегося общества.

Необходимость в ускоренном развитии культуры создала на Руси высокую усвояемость культурных явлений Византии и Болгарии. Дело не только в потребностях, но и в том еще, что древнерусская культура в X и XI вв. в силу своей гибкой молодости обладала острой одаренностью к усвоению чужого опыта. Отсутствие глубоких традиций классовой культуры при бурном развитии классовых отношений заставляло русское общество впитывать и усваивать чужие элементы классовой культуры и создавать свои собственные. Усвоение чужого шло так же интенсивно, как и построение своего. Жанровая система литературы болгар в ее переводной, с греческого, и оригинальной болгарской части была на Руси перестроена. Эта перестройка осуществлялась в двух направлениях: в направлении отбора тех жанров, которые

были необходимы, и в направлении создания новых жанров. Первое делалось уже при самом переносе литературных произведений в Древнюю Русь, второе требовало длительного времени и заняло несколько столетий.

Система византийских жанров была перенесена на Русь в своеобразно «укороченном» виде. На Руси потребовались только те жанры, которые были непосредственно связаны с церковной жизнью, и жанры общемировоззренческие, отвечавшие новому отношению людей к природе.

Но, с другой стороны, требовались жанры, которых не было ни в византийской, ни в болгарской литературах.

Жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту — светском и церковном. В этом их отличие от жанров новой литературы.

В середине века все искусства, и в их числе литература, носили «прикладной» характер. Богослужение требовало определенных жанров, предназначенных для определенных же моментов церковной службы. Некоторые жанры имели свое назначение в сложном монастырском быту. Даже келейное чтение (индивидуальное чтение монахов) имело жанровую регламентацию. Отсюда несколько типов житий, несколько типов церковных песнопений, несколько типов книг, регламентирующих богослужение, церковный и монастырский быт, и т. д. В жанровую систему входили даже такие жанрово не повторяющиеся произведения, как евангелия, псалмы, апостольские послания и пр.

Уже из этого беглого и крайне обобщенного перечисления церковных жанров ясно, что часть из них могла развивать в своих недрах новые произведения (например, жития святых, которые должны были создаваться в связи с новыми канонизациями), а часть жанров была строго ограничена существующими произведениями, и создание новых произведений в их пределах было невозможно. Однако и те и другие не могли измениться: формальные признаки жанров были строго обусловлены особенностями их употребления и традиционными признаками:

Несколько менее стеснены внешними формальными и традиционными требованиями были светские жанры, пришедшие к нам из Византии и Болгарии. Эти светские жанры не связывались с определенным употреблением в быту и поэтому были более свободными в своих внешних, формальных признаках.

Обслуживая регламентированный и очень церемониальный средневековый быт, жанровая система литературы, перенесенная на Русь из Византии и Болгарии, не удовлетворяла, однако, всех потребностей в художественном слове.

Грамотные верхи феодального общества имели в своем распоряжении и книжные, и устные жанры. Неграмотные народные массы удовлетворяли свои потребности в художественном слове с помощью устной системы жанров. Книжность была только отчасти доступна народным массам через богослужение.

Литературно-фольклорная жанровая система словесного искусства русского средневековья была в отдельных своих частях более жесткой, в других — менее жесткой, но если ее брать в целом, она была очень традиционной, сильно формализованной, мало меняющейся, тесно связанной с обрядовыми обычаями. Чем более она была жесткой, тем настоятельнее она подвергалась изменению в связи с переменами в исторической действительности, в быте, в обрядах и в требованиях применения. Она должна была реагировать на все изменения в действительности.

Раннефеодальные государства были очень непрочными. Единство государства постоянно нарушалось раздорами феодалов, отражавшими центробежные силы общества. Чтобы удержать единство, требовались высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верность, самоотверженность, развитое патриотическое самосознание и высокий уровень словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране, жанров лиро-эпических.

Единство государства, при недостаточности связей экономических и военных, не могло существовать без интенсивного развития личных патриотических качеств. Нужны были произведения, которые ясно свидетельствовали бы об историческом и политическом единстве русского народа. Нужны были произведения, которые активно выступали против раздоров князей. Поражающей особенностью древнерусской литературы этого периода являлось сознание единства всей Русской земли без каких-либо племенных различий, сознание единства русской истории и государства.

Эти особенности политического быта Руси отличны от того политического быта, который существовал в Византии и Болгарии. Идеи единства были отличны уже по одному тому, что они касались Русской земли, а не Болгарской или Византийской. Нужны были поэтому собственные произведения и собственные жанры.

Вот почему, несмотря на наличие двух взаимодополняющих систем жанров — литературных и фольклорных, русская литература XI—XIII вв. находилась в процессе жанрообразования. Разными путями, из различных корней постоянно возникают произведения, которые стоят особняком от традиционных систем жанров, разрушают их либо творчески объединяют. В результате поисков новых жанров в русской литературе и в фольклоре появляется много произведений, которые трудно отнести к какому-нибудь из прочно сложившихся традиционных жанров. Они стоят вне жанровых традиций.

Ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси. Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм.

В этой обстановке интенсивного жанрообразования некоторые произведения оказались единичны в жанровом отношении («Моление» Даниила Заточника, «Поучение», «Автобиография» и «Письмо к Олегу Святославичу» Владимира Мономаха), другие получили устойчивое продолжение (Начальная летопись — в русском летописании, «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» — в последующих повестях о княжеских преступлениях), третьи имели лишь отдельные попытки продолжить их в жанровом отношении («Слово о полку Игореве» — в «Задонщине»).

Отсутствие строгих жанровых рамок способствовало появлению многих своеобразных и высокохудожественных произведений.

Процессы жанрообразования способствовали интенсивному использованию в этот период опыта фольклора (в «Повести временных лет» и других летописях, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о гибели Русской земли», в «Молении» и «Слове» Даниила Заточника и т. д.). Процесс жанрообразования, осуществлявшийся в XI—XIII вв., возобновился в XVI в. и протекал довольно интенсивно в XVII в.

Пропуск античной стадии в развитии культуры поднял значение литературы и искусства в развитии восточного славянства. На литературу и другие искусства выпала, как мы видели, ответственнейшая роль — поддержать ускоренное развитие русского общества в XI — начале XIII в. и ослабить отрицательные стороны этого ускоренного развития: распад Русского государства и раздоры князей. Вот почему общественная роль всех видов искусства была чрезвычайно велика в XI—XIII вв. у всех восточных славян.

Чувство истории, чувство исторического единства, призывы к политическому единению, разоблачения злоупотреблений властью распространялись на огромную территорию с большим и пестрым разноплеменным населением, с многочисленными полусамостоятельными княжествами.

Уровень искусств соответствовал уровню общественной ответственности, которая выпала на их долю. Но эти искусства не знали все же собственной античной стадии — только отклики чужой через Византию. Поэтому, когда в России в XIV и начале XV в. создались социально-экономические условия для возникновения Предвозрождения и это Предвозрождение действительно возникло, оно сразу в историко-культурном отношении было поставлено в своеобразные и невыгодные условия. Роль «своей античности» выпала на Русь домонгольскую, Русь периода ее независимости.

Литература конца XIV — начала XV в. обращается к памятникам XI — начала XIII в. Отдельные произведения этого времени механически подражают «Слову о законе и благодати» митрополита Иларiona, «Повести временных лет», «Слову о разорении Рязани» и, самое главное, «Слову о полку Игореве» (в «Задонщине»). В зодчестве замечается аналогичное обращение к памят-

никам XI—XIII в. (в Новгороде, Твери, Владимире), то же происходит в живописи, то же — в политической мысли (стремление возродить политические традиции Киева и Владимира Залеского), то же — в народном творчестве (на это время приходится особенно интенсивное формирование киевского цикла былин). Но все это оказывается недостаточным для Предвозрождения, и поэтому особое значение имеет укрепление связей со странами, пережившими античную стадию культуры. Русь возрождает и укрепляет свои связи с Византией и со странами византийского культурного ареала, прежде всего с южными славянами.

Одна из характернейших и существеннейших черт Предвозрождения, а затем, в большей мере, Возрождения — это появление историчности сознания. Статичность предшествующего восприятия мира сменяется в сознании этого времени динамичностью. Этот историзм сознания связан со всеми основными чертами Предвозрождения и Возрождения.

Прежде всего историзм органически связан с открытием ценности отдельной человеческой личности и с особым интересом к историческому прошлому. Представление об исторической изменяемости мира связано с интересом к душевной жизни человека, с представлением о мире как о движении, с динамизмом стиля. Ничто не закончено, а поэтому и невыразимо словами; текущее время неуловимо. Его может лишь в известной мере воспроизвести поток речи, динамический и многоречивый стиль, нагромождение синонимов, обертоны смысла, ассоциативные ряды.

Предвозрождение в русском изобразительном искусстве сказывается прежде всего в творчестве Феофана Грека и Андрея Рублева. Это два резко различных художника, но тем характернее они для Предвозрождения, когда вступает в свои права роль личности художника и индивидуальные различия становятся типичными явлениями эпохи. Слабее сказывается Предвозрождение в литературе. Для Предвозрождения характерны «филологические» интересы книжников, «плетение словес», эмоциональность стиля и пр. Когда начиная с середины XV в. стали падать один за другим основные предпосылки образования Возрождения, русское Предвозрождение не перешло в Ренессанс, так как погибли города-коммуны (Новгород и Псков), борьба с ересями оказалась удачной для официальной церкви. Процесс образования централизованного государства отнимал многие духовные силы. Связи с Византией и западным миром ослабели из-за падения Византии и появления Флорентийской унии, обострившей недоверие к странам католичества.

Каждый великий стиль и каждое мировое движение имеет свои исторические функции, свою историческую миссию. Возрождение связано с освобождением человеческой личности от средневековой корпоративности. Без этого освобождения не может наступить новое время — в культуре и, в частности, в литературе.

То обстоятельство, что Предвозрождение в России не перешло в Возрождение, имело серьезные последствия: незрелый стиль стал рано формализоваться и застывать, а живое обращение к «своей античности», постоянное возвращение к опыту домонгольской Руси, к периоду ее независимости вскоре приобрело черты особого консерватизма, сыгравшего отрицательную роль в развитии не только русской литературы, но и русской культуры XVI—XVII вв.

Ренессансный переход к новому времени приобрел затяжной, замедленный характер. В России не было Ренессанса, но были ренессансные явления на протяжении XVI, XVII и частично XVIII в.

Главное отличие Ренессанса от Предренессанса (Предвозрождения) — его светский характер, освобождение от всепроникающей церковности средневековья.

В XVI в. постепенно и осторожно начинает отходить в прошлое теологический взгляд на человеческое общество. «Законы божественные» еще сохраняют свою авторитетность, но наряду со ссылками на священное писание появляются вполне «ренессансные» ссылки на законы природы. На естественный порядок вещей в природе как на образец для подражания людям в общественной и государственной жизни ссылаются ряд писателей XVI в. Проекты Ермолая-Еразма основаны на представлении о том, что хлеб — основа жизни хозяйственной, общественной и духовной. Иван Пересветов в своих писаниях почти не пользуется уже богословскими аргументами. Развитие публицистики в XVI в. связано с верой в силу убеждения, в силу книжного слова. Никогда так много не спорят в Древней Руси, как в конце XV и в XVI вв. Развитие публицистики идет на гребне общественного подъема веры в разум.

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы. XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров. Устойчивость жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Темы публицистики — темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в публицистику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся формами публицистики. Дипломатические послания, постановления собора, челобитные, статейные списки становятся формами литературных произведений.

Использование деловых жанров в литературных целях было одновременно развитием вымысла, до того весьма ограниченного в литературных произведениях, и придания этому вымыслу формы достоверности. Появление вымысла в летописях XVI в. было связано с внутренними потребностями развития литературы в ее самоотделении от деловых функций и вызывалось публицистиче-

скими задачами, особенно остро вставшими перед летописью в XVI в. Летопись должна была внушить читателям убеждение в безошибочности и святости государственной власти, а не только регистрировать (хотя бы и весьма пристрастно) отдельные исторические факты. Летопись становилась школой патриотизма, школой уважения к государственной власти.

В историю властно вторгается политическая легенда. Русские люди все чаще задумывались над вопросами мирового значения своей страны. Большую известность получила, в частности, теория псковского старца Филофея о сменяющих друг друга Римах, третьим и последним из которых является Москва.

Политическая легенда явилась одним из проявлений усиления в литературе художественного вымысла. Древнерусская литература предшествующего времени боялась открыто фантастического и воображаемого, как лжи, неправды. Она стремилась писать о том, что было, или о том, что, по крайней мере, принималось за бывшее. Фантастическое могло приходить извне, в переводах: «Александрия», «Повесть об Индийском царстве», «Стефанит и Ихнилат» и др. При этом фантастическое либо принималось за правду, либо считалось притчей, нравоучением, жанрами, существовавшими и в Евангелии.

Развитие древнерусской литературы на протяжении всех ее веков представляет собой постепенную борьбу за право на художественную «неправду». Художественная правда постепенно отделяется от правды бытовой. Литературное воображение как бы легализуется, становится допустимым с точки зрения нового отношения к литературе и миру. Но, вступая в свои права, фантастика долго маскируется под изображение бывшего, действительно существовавшего или существующего. Вот почему в XVI в. жанр документа как формы литературного произведения вступает в литературу одновременно с вымыслом.

Движение литературы к документу и документа к литературе представляет собой закономерный процесс постепенного «размывания» границ между литературой и деловой письменностью. Процесс этот в литературе был связан с деловой жизнью Русского государства, со встречным процессом роста и становления жанров государственного делопроизводства и появления архивов. Он был крайне необходим для разрушения старой и становления новой системы жанров, для «эмансипации» и секуляризации литературы.

С судьбами идейной и жанровой жизни литературы сопряжены и все изменения литературных стилей. Эмоциональный стиль, выработавшийся в конце XIV — начале XV в., не смог перейти в стиль Возрождения в конце XV и в XVI в. Поэтому судьба этого стиля, искусственно заторможенного в своем развитии, сложилась неблагоприятно. Стиль этот сильно формализуется, отдельные приемы окостеневают, начинают механически применяться и повторяться, литературный этикет крайне усложняется,

а в результате этого усложнения исчезает четкость его употребления. Появляется некоторый «этикетный маньеризм». Все очень пышно, и все очень сухо и мертво. Это совпадает с ростом официальности литературы. Этикетные и стилистические формулы, каноны употребляются не потому, что этого требует содержание произведения, как раньше, а в зависимости от официального — государственного и церковного — отношения к тому или иному описываемому в произведении явлению. Произведения и их отдельные части растут, становятся большими. Красота подменяется размерами. Возникает тяга к монументальности, которая, в отличие от домонгольского периода, главным своим признаком имеет большие размеры, масштабы. Авторы стремятся воздействовать на своих читателей величиной своих произведений, длинной похвал, многочисленностью повторений, сложностью стиля.

XVII век — век подготовки радикальных перемен в русской литературе. Начинается перестройка структуры литературы как целого. Чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в литературу форм деловой письменности, которым придаются чисто литературные функции, за счет фольклора, за счет опыта переводной литературы. Усиливается сюжетность, развлекательность, изобразительность, тематический охват. И все это совершается в основном в результате огромного роста социального опыта литературы, обогащения социальной тематики, разрастания социального круга читателей и писателей.

Литература разрастается по всем направлениям, ослабевает в своих центростремительных силах, лежащих в основе ее устойчивости как определенной системы. В литературе развиваются центробежные силы. Она становится рыхлой и удобной для перестройки и создания новой системы — системы литературы нового времени.

Особое значение в этой перестройке литературы принадлежит изменениям действительности. События Смуты во многом потрясли и изменили представления русских людей о ходе исторических событий как якобы управляемых волей князей и государей. В конце XVI в. прекратила свое существование династия московских государей, началась крестьянская война, а с нею вместе и польско-шведская интервенция. Вмешательство народа в исторические судьбы страны выразилось в этот период с необыкновенной силой. Народ заявлял о себе не только восстаниями, но и участием в обсуждении будущих претендентов на престол.

Исторические сочинения, посвященные Смуте, свидетельствуют о резком возрастании социального опыта во всех классах общества. Этот новый социальный опыт сказывается в секуляризации исторической литературы. Именно в это время окончательно вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека. Хотя исторические сочинения, посвященные Смуте, го-

ворят о ней как о наказании людей за их грехи, но, во-первых, сами эти грехи рассматриваются в широком общественном плане (главная вина русского народа — «бессловесное молчание» и общественное попустительство преступлениям властей), а во-вторых, возникает стремление найти реальные причины событий — по преимуществу в характерах исторических лиц. В характеристиках действующих лиц возникает необычное для предшествующего периода совмещение добрых и злых черт, возникает представление о характере, его формировании под влиянием внешних обстоятельств и его изменении. Такого рода новое отношение к человеку не только бессознательно отражается в литературе, но и начинает определенным образом формулироваться. Автор русских статей Хронографа 1617 г. прямо декларирует свое новое отношение к человеческой личности как к сложному соединению злых и добрых черт.

Еще одна черта знаменует новизну подхода к своим темам авторов начала XVII в.: это их субъективизм в интерпретации событий. Эти авторы были по большей части сами активными деятелями Смуты. Поэтому в своих сочинениях они выступают отчасти и как мемуаристы. Они пишут о том, чему были свидетелями, стремятся оправдать собственную позицию, которую они занимали в то или иное время. В их сочинениях уже заложен интерес к собственной личности, который будет интенсивно сказываться в течение всего XVII в.

Несомненно, что в этом историческом повествовании первой четверти XVII в. действовал тот «замедленный Ренессанс», который давал себя знать уже в XVI в. Впрочем, не только «замедленный Ренессанс» сказался в русской литературе XVII в. Были в нем реликты явлений еще более ранних. И в XVII в. продолжает биться слабая жилка лирического отношения к человеку. От XIV и XV в., от «застрявших» в русской культуре элементов Предвозрождения это лирическое отношение, этот стиль умиротворенного психологизма перешел и в XVII в., дав новую вспышку в «Повести о Марфе и Марии», в «Житии Ульянии Осоргиной», в «Повести о Тверском Отроче монастыре». Это вполне закономерно: будучи искусственно заторможена, линия психологического умиротворения продолжала сказываться еще три столетия, противостоя нажиму резких и «холодных» чувств «второго мундтализма».

Социальное расширение литературы сказалось и на ее читателях, и на ее авторах. С середины XVII в. появляется демократическая литература. Это литература эксплуатируемого класса. Литература, таким образом, начинает дифференцироваться.

Так называемая «литература посада» и пишется демократическим писателем, и читается демократическим читателем, и посвящена она темам, близким демократической среде. Она близка фольклору, близка разговорному и деловому языку. Она часто антиправительственна и антицерковна — принадлежит

«смеховой культуре» народа. Она во многом подобна народной книге на Западе. Это тоже «замедленный Ренессанс», но несший в себе очень сильное взрывное начало, разрушавшее средневековую систему литературы.

Демократические произведения XVII в. важны для историко-литературного процесса еще в одном отношении. Развитие литературы, даже самое медленное, никогда не совершается равномерно. Литература движется порывами, порывы же всегда связаны с некоторым расширением поля деятельности литературы.

Первое такое значительное расширение осуществилось еще в XV в., когда приход в литературу более дешевого, чем пергамен, писчего материала — бумаги повлек за собой появление массовых форм письменности: сборников, рассчитанных на широкое индивидуальное чтение. Читатель и переписчик часто сливаются в одном лице: переписчик переписывает те произведения, которые ему нравятся, составляет сборники для «неофициального», личного чтения.

В XVII в. — новый толчок в сторону массовости литературы — это произведения демократического характера. Они настолько массовые, что историки литературы XIX и начала XX в. признавали их недостойными изучения — своего рода «заборной литературой». Они пишутся неряшливой или деловой скорописью, редко тотчас же переплетаются, оставаясь в тетрадочках и распространяясь среди маломущих читателей. Это второй «прорыв к массовости». Третий будет в XVIII в., когда литература попадет на печатный станок и разовьется журналистика с ее новыми, общеевропейскими жанрами.

Черты, типичные для демократической литературы XVII в., мы можем наблюдать и за ее собственными пределами. Многие перекликается с ней в переводной литературе и, в частности, в переводном псевдорыцарском романе. Демократическая литература не стоит обособленно во всем том новом, что она внесла в историко-литературный процесс.

Смена иностранных влияний, которая произошла в русской литературе XVII в., также характерна для этого периода перехода к типу литератур нового времени. Обычно отмечалось, что первоначальная ориентированность русской литературы на литературы византийского круга сменяется в XVII в. ориентированностью западноевропейской. Но важна не столько эта ориентированность на западные страны, сколько ориентированность на определенные *типы* литератур.

Русская литература, как и всякая большая литература, всегда была тесно связана с литературами иных стран. Связь эта в Древней Руси была не менее значительной, чем в XVIII и XIX вв. Можно даже считать, что русская литература до XVII в. представляла некоторое, впрочем, ограниченное определенными, по преимуществу церковными, жанрами единство с литературами южнославянскими. С развитием национальных начал в жизни

всех славянских литератур к XVII в. южнославянские и византийско-славянские связи русской литературы несколько ослабевают и возникают более интенсивные связи с литературами западнославянскими, но тип этих связей уже другой. Эти связи идут не столько по линии церковных отношений, сколько по линии «беллетристики» и литературы, предназначавшейся для индивидуального чтения. Меняется, следовательно, тип тех иностранных памятников, к которым обращается русская литература. Раньше она обращалась по преимуществу к памятникам средневекового типа, к жанрам, уже традиционно представленным в русской литературе. Теперь же возникает заинтересованность в памятниках, характерных для нового времени,— это особенно заметно в театре, в стихотворстве. Однако на первых порах «вливают» и переводятся не первоклассные произведения, не литературные новинки, а памятники старые и в какой-то мере «провинциальные» (в драматургии, например). Но недалеко то время, когда русская литература войдет в непосредственный контакт с литературой высшего ранга, с первоклассными писателями и их произведениями. Это будет в XVIII веке.

Но дело не только в типах литератур, к которым обращается русская литература. Дело еще и в том, как она к ним обращается. Мы видели, что в XI—XV вв. произведения литературы византийского ареала «трансплантируются» на Русь, «пересаживаются» сюда и здесь продолжают развиваться. Нельзя сказать, что этот тип иноземного воздействия исчез в XVII в., но теперь появляется и новый тип воздействия, характерный для литератур нового времени. В XVII в. переносятся не столько памятники, сколько стиль, литературные приемы, направления, эстетические вкусы и представления.

Как одно из проявлений влияния нового типа может рассматриваться и русское барокко. Русское барокко — это не только отдельные произведения, переведенные с польского или пришедшие с Украины и из Белоруссии. Это прежде всего литературное направление, возникшее под влиянием польско-украинско-белорусского воздействия. Это новые идейные веяния, новые темы, новые жанры, новые умственные интересы и, конечно же, новый стиль.

Всякое более или менее значительное воздействие со стороны осуществляется лишь тогда, когда возникают собственные, внутренние потребности, которые формируют это воздействие и включают его в историко-литературный процесс. Барокко также пришло к нам вследствие своих, достаточно мощных потребностей. Барокко, которое в других странах пришло на смену Ренессансу и являлось его антитезисом, оказалось в России по своей историко-литературной роли близким Ренессансу. Оно носило просветительский характер, во многом содействовало освобождению личности и было связано с процессом секуляризации, в противоположность Западу, где в некоторых случаях в начальных ста-

дях своего развития барокко знаменовало собой как раз обратное — возвращение к церковности.

И все же русское барокко — это не Ренессанс. Оно не может равняться с западноевропейским Ренессансом ни по масштабам, ни по своему значению. Не случайна и его ограниченность во времени и в социальном отношении. Это объясняется тем, что подготовка к русскому Ренессансу, вылившемуся в формы барокко, шла слишком долго. Отдельные ренессансные черты стали проявляться в литературе еще раньше, чем они смогли слиться в определенное культурное движение. Ренессанс частично «растерял» свои особенности по пути к своему осуществлению.

Поэтому значение русского барокко как своеобразного Ренессанса — перехода к литературе нового времени — ограничивается ролью «последнего толчка», приблизившего русскую литературу к типу литературы нового времени. Личностное начало в литературе, которое до барокко проявлялось эпизодически и в разных сферах, в барокко слагается в определенную систему. Секуляризация литературы (т. е. приобретение ею чисто светского характера), происходившая в течение всего XVI и первой половины XVII в. и проявлявшаяся в разных сторонах литературного творчества, только в барокко становится полной. Накапливающиеся новые жанры и перемена значения старых жанров именно в барокко приводят к сложению новой системы жанров — системы нового времени.

Появление новой системы жанров — основной признак перехода русской литературы от средневекового типа к типу нового времени.

Не все из историков и искусствоведов признают наличие на Руси Предвозрождения и последующих отдельных ренессансных явлений. Происходит это главным образом потому, что за «идеальный образец» любого Ренессанса принимается Ренессанс итальянский. Он считается единственным и неповторимым. Но дело в том, что Ренессанс как эпоха или ренессансные явления, растянувшиеся на длительный период времени, — это естественный переход от средневековья к Новому времени, переход, традиционно считающийся завершающей фазой средневековья. Существует не только итальянский Ренессанс, но и Ренессанс североевропейский, чешский и польский и многие другие. Кроме того, Ренессанс (или Возрождение — термины эти мы употребляем в одинаковом значении) не есть оценочная категория. Русь в эпоху своего классического средневековья — в XI — начале XIII в. (до монголо-татарского завоевания) — стояла на уровне других европейских культур, тогда как в эпоху Предвозрождения и последующего «замедленного Возрождения», когда отдельные возрожденческие элементы постепенно внедрялись в русскую литературу, подготавливая ее переход к новому времени, можно говорить о ее «отставании». Понятие «отставание» мы упот-

ребляем условно, так как культуры несравнимы и каждая культура имеет свои непреходящие ценности.

В целом мы должны отметить следующее: весь историко-литературный процесс XI—начала XVIII в. есть процесс формирования литературы как литературы, но литературы, существующей не для себя, а для общества.

Литература — необходимая составная часть истории страны.

Своеобразие древней русской литературы не только в характере ее отдельных произведений, но и в особом ее пути развития — пути, теснейшим образом связанном с русской историей, отвечавшем потребностям русской действительности. Древняя русская литература всегда была занята широкими общественными проблемами своего времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР (г. Москва).
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. М. Горького Академии наук СССР (г. Москва).
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (г. Ленинград).
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древне-русской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР (г. Ленинград).
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (г. Москва).
- ГИМ — Государственный Исторический музей (г. Москва).
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград).
- ГРМ — Государственный Русский музей (г. Ленинград).
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (г. Москва).

При иллюстрировании использованы материалы Фотоархива
Института археологии АН СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Д. С. Лихачев)	3—33
<i>Литература</i> (31).	
Глава 1. Литература XI — начала XIII в. (О. В. Творогов)	34—141
1. Возникновение древнерусской литературы (34); 2. Переводная литература XI — начала XIII в. (36); 3. Древнейшее летописание (59); 4. Торжественное и учительное красноречие (90); 5. Произведения Владимира Мономаха (96); 6. Агиография (100); 7. «Киево-Печерский патерик» (108); 8. «Хождение» Игумена Даниила (111); 9. «Слово о полку Игореве» (113). <i>Литература</i> (138).	
Глава 2 Литература второй четверти XIII — конца XIII в (Л. А. Дмитриев)	142—182
1. Летописание (144); 2. «Моление» Даниила Заточника (154); 3. Повести о нашествии монголо-татар на Русь (158); 4. Произведения Серапиона Владимирского (170); 5. Агиография (172). <i>Литература</i> (181).	
Глава 3 Литература нач. XIV — третьей четверти XIV в. (Л. А. Дмитриев)	183—203
1. Летописание (185); 2. Агиография (190); 3. Переводные повести (195); 4. Послания (198); <i>Литература</i> (202).	
Глава 4 Литература конца XIV — первой половины XV в. (Л. А. Дмитриев)	204—249
1. Летописание (209); 2. Агиография (215); 3. Памятники панегирической литературы (222); 4. Легендарные сказания (225); 5. Памятники Куликовского цикла (231); 6. Повести о набегах монголо-татар на Русь после Куликовской битвы (241). <i>Литература</i> (247).	
Глава 5 Литература второй половины XV в. (Я. С. Лурье)	250—286
1. Историческое повествование (253); 2. Агиография (261); 3. Повести (265); <i>Литература</i> (286).	
Глава 6 Литература XVI в (Я. С. Лурье)	287—333
1. Основные идеологические явления XVI в. (287); 2. Агиография (294); 3. Историческое повествование (300); 4. Повести (312); 5. Публицистика (315). <i>Литература</i> (331).	
Глава 7. Литература первой половины XVII в. (А. М. Панченко)	334—371
1. Публицистика Смутного времени (339); 2. Исторические произведения о Смуте (344); 3. Житийно-биографические повести (351); 4. Книжное стихотворство (354); 5. Местные литературные очаги (Сибирь. Дон) (364). <i>Литература</i> (370).	

И90 **История русской литературы X—XVII вв.: Учеб.**
пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101
«Рус. яз. и лит.» /Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев,
Я. С. Лурье и др.; Под ред. Д. С. Лихачева.—
М.: Просвещение, 1979.— 462 с., ил.

В пособии определены хронологические границы древнерусской литературы, раскрыто ее своеобразие, прослежены связи со славянскими литературами. Анализируется художественный текст памятников русской литературы X—XVII вв.

Отражены вопросы текстологии.

60602—824

И—————24—79 4309020300

103(03)—79

ББК 83.3Р1
8Р1